



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

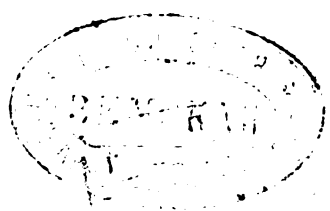


0 23/9.

1904.



БРАЗОВАНИЕ.



СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНИЕ № 9.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.

1.	Подонки. Повѣсть Гольдебаева	1— 39
2.	* * * Стихотвореніе Л. Василевскаго	40
3.	Семейство Оберлэ. Романъ Рене Базена перев. съ франц. <i>Н. В—ой</i> . (Продолженіе)	41— 80
4.	Бабья доля. Очерки Л. Тычино . (Окончаніе)	81—105
5.	* * * Стихотвореніе Ө. Сологуба	106
6.	Уроки жизни. Романъ Гюстава Жеффура , перев. съ франц. <i>Е. С.</i> (Продолженіе)	107—121
7.	* * * Стихотвореніе Н. Крандіевской	122
8.	Надъ холодной рѣкой. Разсказъ Ольги Давыдовой	123—141
9.	* * * Стихотвореніе А. Лукьянова	142

ОТДѢЛЪ II.

10.	Связь грамотности съ факторами хозяйства. К. Воробьева	1— 20
11.	По поводу одной жизни. В. П.	21— 30
12.	Современныя этическія исканія. Е. Лозинскаго . (Окончаніе).	31— 46
13.	Положеніе естественныхъ наукъ въ нашихъ гимназіяхъ. Одного изъ пионеровъ	47— 58
14.	О „нерѣшенныхъ проблемахъ“ біологіи. М. Гольдштейна	59— 93
15.	Записки городского головы. А. Новикова	94—146

ОТДѢЛЪ III.

16.	Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Л. Клейнборта	1— 20
17.	Арендныя отношенія у крестьянъ по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. А. Каминки	21— 36
18.	ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ . Неурожай на югѣ Россіи. Обеспеченіе семействъ запасныхъ нижнихъ чиновъ. Общественная благотворительность на нужды войны. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній и закона о безбрачій. Газеты въ народѣ. Пустословіе „Московскихъ Вѣдомостей“. Два указа Сената. Судебные процессы въ Мезени, Архангельскѣ, Якутскѣ и Екатеринославлѣ. Убіенство въ Карсѣ. В. Б.	37— 58
19.	ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ . (Изъ Нижегородской губ.). Исторія одной „исторіи“. Л. К. Б. (Изъ Ковровскаго уѣзда). Заботы о деревнѣ. Ю. Стразова . (Изъ г. Тотмы). О деревенскихъ праздникахъ и доходахъ духовенства. Статистика	59-- 68

ХШ.

1904.

ОБРАЗОВАНИЕ

ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ,
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ.

№ 9.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія В. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1904.

Дозволено цензурою 22 Сентября 1904 г.

LOAN STACK

СОДЕРЖАНІЕ № 9.

ОТДѢЛЪ I.

251
035
v. 13.9

СТРАН.

- | | | |
|----|---|---------|
| 1. | Подонки. Повѣсть Гольдебаева. | 1— 39 |
| 2. | * * * Стихотвореніе Л. Василевскаго | 40 |
| 3. | Семейство Оберля. Романъ Рене Базена, перев.
съ франц. <i>Н. В—ой</i> . (Продолженіе). | 41— 80 |
| 4. | Бабыя доля. Очерки Л. Тычино. (Окончаніе). | 81—105 |
| 5. | * * * Стихотвореніе <i>Ө. Сологуба</i> | 106 |
| 6. | Уроки жизни. Романъ Гюстава Жеффура, перев.
съ франц. <i>Е. С.</i> (Продолженіе). | 107—121 |
| 7. | * * * Стихотвореніе <i>Н. Крандіевской</i> | 122 |
| 8. | Надъ холодной рѣкой. Разсказъ <i>Ольги Давы-
довой</i> | 123—141 |
| 9. | * * * Стихотвореніе <i>А. Лукьянова</i> | 142 |

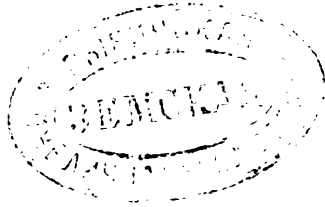
ОТДѢЛЪ II.

- | | | |
|-----|--|--------|
| 10. | Связь грамотности съ факторами хозяйства. <i>К. Воробьева</i> | 1— 20 |
| 11. | По поводу одной жизни. <i>В. П.</i> | 21— 30 |
| 12. | Современныя этическія исканія. <i>Е. Лозинскаго</i> .
(Окончаніе). | 31— 46 |
| 13. | Положеніе естественныхъ наукъ въ нашихъ гим-
назіяхъ. <i>Одного изъ пионеровъ</i> | 47— 58 |
| 14. | О „нерѣшенныхъ проблемахъ“ біологіи. <i>М. Гольдштейна</i> | 59— 98 |
| 15. | Записки городского головы. <i>А. Новикова</i> | 94—146 |

ОТДѢЛЪ III.

- | | | |
|-----|---|--------|
| 16. | Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. <i>А. Клейнборта</i> | 1— 20 |
| 17. | Арендныя отношенія у крестьянъ по работамъ
комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной про-
мышленности. <i>А. Каминки</i> | 21— 36 |
| 18. | <i>ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ</i> . Неурожай
на югѣ Россіи. Обезпеченіе семействъ запасныхъ
нижнихъ чиновъ. Общественная благотворитель-
ность на нужды войны. Отмѣна тѣлесныхъ на-
казаній и закона о безбрачии. Газеты въ народѣ.
Пустословіе „Московскихъ Вѣдомостей“. Два
указа Сената. Судебные процессы въ Мезени,
Архангельскѣ, Якутскѣ и Екатеринославѣ. Убіи-
ство въ Карсѣ. <i>В. Б.</i> | 37— 58 |
| 19. | <i>ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ</i> . (Изъ Нижего- | |

- родской губ.). Исторія одной „исторіи“. Л. К. Б. (Изъ Ковровскаго уѣзда.). Заботы о деревнѣ. Ю. Стразова. (Изъ г. Тотмы). О деревенскихъ праздникахъ и доходахъ духовенства. Статистика. 59— 68
20. **РОДНЫЯ КАРТИНЫ.** О воинственномъ профессорѣ Мигулинѣ и о его завоевательныхъ планахъ. О томъ, какъ г. Грингмутъ отдалъ подъ судъ южную прессу. Земскіе начальники въ качествѣ экзаменаторовъ въ сельскихъ школахъ. Страхование жизни съ христіанской точки зрѣнія. Мелочи. Александра Ябломовскаго. 69— 84
21. **СО СТОРОНЫ.** О любви къ дальнему и любви къ ближнему. Волжскаго. 85—105
22. **НА ЗАПАДѢ.** (Изъ Германіи). Мирбаховская эпопея. Г. Гроссмана. 106—119
23. **КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.** 1. А. Шницлеръ. Одинокій путь. В. Фриче. 2. О. Кюльпе. Современная философія въ Германіи. В. Базарова. 3. Г. Геффдингъ. Философскія проблемы. А. Луначарскаго. 4. Ж. Фино. Философія долговѣчности. А. Вирениуса. 5. Э. Дюкло. Соціальная гигиена. Л. Василевскаго. 6. В. И. Линдъ. Учитъ ли мужика или у него учиться. Л. Л—о. 7. Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Евр. и Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ. 8. Е. Вутми. Развитіе государственнаго и общественнаго строя Англіи. И. Степанова. 9. А. В. Зеленинъ.—Очерки изъ животнаго царства. Н. Малышева. 10. Ив. Феохтистовъ. Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. 11. Путешествіе вокругъ свѣта. Э. Р. Циммермана. Н. Леонтьевой. 12. Проф. Г. Турнеръ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ.—Н. Чигаевъ. Уходъ за больными.—Карманная книжка для сестеръ и братьевъ милосердія.—Проф. Э. Бергманъ. Первая хирургическая помощь. Д-ра Д. Никольскаго. 13. М. Э. Быстровъ. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. А. Липовскаго. Книги поступившія въ редакцію. 120—162
24. Книжный листокъ. 65— 80



ПОДОНКИ.

ПОВѢСТЬ.

„Я никогда не замѣчалъ, чтобы ктонибудь изъ насъ, окружающихъ ее, желалъ другому зла;—пусть читатель подумаетъ объ этомъ, отложивъ на минуту мою книгу: если онъ найдетъ въ мѣрѣ женщину, о которой слѣдуетъ сказать то же самое, пусть онъ навсегда привяжется къ ней, хотя-бы она была послѣдней изъ потаскушекъ“.

Ж. Ж. Руссо, „Confessions“.

Бывало, когда случалось мнѣ ѣздить по родной гамѣ, живописно-угрюмой и безлюдной, я любилъ сидѣть ночной порой на палубѣ, слѣдя за клубами искръ, бросаемыхъ громадными трубами парохода въ черное небо. Цѣлыми часами, бывало, слѣжу за вихревой пляской безчисленныхъ огненныхъ точекъ по черному фону,—какъ омѣ кружатся въ темной безднѣ, какъ рвутся изъ чернаго устья дружной семьей, весело, оживленно, какъ потомъ замедляютъ полетъ, останавливаются на мѣстѣ, точно въ испугѣ передъ скорой смертью, медленно отлетаютъ въ даль и, наконецъ, гаснутъ, исчезаютъ безслѣдно, безславно...

Этотъ потокъ искръ, безслѣдно исчезающихъ въ черной ночи, всегда напоминалъ мнѣ другой потокъ, — людской, такъ же непрерывно текущій, съ такими же безчисленными точками, которыя такъ же весело, оживленно начинаютъ свой путь и такъ же исчезаютъ, не оставляя слѣда,—живой потокъ большого города, гдѣ я прожилъ годъ, съ января по глубокою осень 1884 г., гдѣ съ тѣхъ поръ не живаль

дольше одного дня, гдѣ бываю неохотно, все еще тяготясь воспоминаніями.

Случалось иногда отмѣтить исключительнымъ вниманіемъ среди миллиарда огненныхъ крошекъ одну, которая вела себя не такъ, какъ остальные—рдѣлась ярче другихъ, кружилась на мѣстѣ дольше чѣмъ ея спутники, плавала по черному фону какъ-то задумчиво, грустно, тоскуя о мимолетности жизни, отлетала дальше, чѣмъ всѣ и, вспыхнувъ особенно ярко... гасла, исчезала такъ же бесслѣдно, какъ и всѣ.—Эта искорка напоминала мнѣ Зину,—огненно-яркую крошку, отмѣченную моимъ исключительнымъ вниманіемъ среди потока живыхъ искръ, кружившихся и угасавшихъ безъ слѣда въ огромной столицѣ... И я никогда не могъ удержать глубокаго вадоба, полнаго печали и запоздалыхъ угрызений совѣсти, слѣдя за искрой, напомнившей мнѣ бѣдную дѣвушку.

Пусть мнѣ простятъ этотъ лиризмъ!—Я окидываю прощальнымъ взглядомъ жизнь и хочу подвести мои итоги за благовременно, сознавая себя неплатнымъ должникомъ великодушной, самоотверженной дѣвушки, пожертвовавшей благу ближняго драгоценнѣйшимъ благомъ своего натруженнаго сердца—первой и страстной любовью. Съ той поры прошло двадцать лѣтъ. Зина для меня исчезла, какъ паролдная искорка въ черной ночи. Я даже не попытался ни разу поискать слѣды великодушной дѣвушки, слѣды тѣхъ несчастныхъ парій, отверженныхъ, подонковъ челоуѣчества, среди которыхъ она жила и страдала...

Жизнь моя устроилась благополучно, близъ любящей жены изъ хорошаго дома, среди почета и уваженія согражданъ, безъ тревоженій, безъ печали, въ уютной тишинѣ роднаго города. Судьба не послала мнѣ вѣнца знаменитаго или хотя-бы выдающагося художника, о чемъ я мечталъ въ юности, но не дала и терній: я остался диллетантомъ-живописцемъ на всю жизнь, омѣщавшимся поэтюмъ-мечтателемъ, добровольно продавшимъ первородство за сытню и вкусную похлебку. Сознаюсь, нѣтъ силъ подчасъ удержать лирическихъ вадобовъ, вспоминая о бывшихъ мечтахъ и порывахъ, среди благополучія текущей жизни... Но слѣдуетъ быть благодарнымъ судьбѣ и за то, что она, отказавъ бездарному неудачнику въ незаслуженной славѣ, не бросила его въ ряды отверженцевъ, въ подонки, окружила его тихимъ и ненарушимымъ покоемъ сѣренькой мѣщанской жизни. Надо быть благодарнымъ...

Но предчувствіе говорить мнѣ, что моя благополучная

жизнь уже не долговременна... Едва-ли какое-либо изъ ожиданіи оправдывается такъ быстро и вѣрно, какъ предчувствіе сорокалѣтняго человѣка, что смерть не за горами.. Пора, слѣдовательно, озаботиться выясненіемъ счетовъ съ жизнью, и не однихъ только матеріальныхъ. Особенно же пора воздать должное, на сколько достанетъ силъ и умѣнья свѣтлой памяти о человѣкѣ, научившемъ меня думать о женщинѣ съ высокими, благоговѣйнымъ чувствомъ.

I.

Вася Набросковъ, художникъ, живя и учась въ Петербургѣ, познакомился и сошелся съ одной дѣвушкой, былъ съ ней знакомъ нѣсколько мѣдѣль, затѣмъ разошелся и больше не видалъ ея никогда. Сошелся онъ съ ней по слабыхарактерности двадцатидвулѣтняго юноши, мальчика, не искусеннаго опытомъ, а познакомился по недораумѣнію, о которомъ будетъ сказано въ свое время; разошелся же не столько по великодушнымъ интригамъ друга-женщины, которую онъ любилъ, не столько по героическому самоотреченію самой дѣвушки, сколько по врожденному лицемѣрью „возвышенныхъ натуръ“, называемому чувствомъ самоуваженія.

Бросимъ нѣсколько штриховъ для абриса нашего героя.

Пріѣхалъ онъ изъ Уфы въ Питеръ въ мрачномъ настроеніи человѣка, у котораго въ сердцѣ зіяла рана несчастной любви, которому нравилось обладать этой раной, беречь ее, ублажая себя сознаніемъ, что его молодая жизнь разбита, что онъ долженъ быть байронически гордъ, замкнутъ, чуждъ людямъ, радостямъ жизни, презирать жизнь, ея радости и, за нѣкоторыми исключеніями, людей...

Позируя отъ всего сердца, юношески-искренно въ плащѣ страдальца, Набросковъ жилъ отшельникомъ, знакомствъ прочныхъ не заводилъ, ни съ кѣмъ не сближался, не исключая и пятка товарищей по той частной „академіи“, гдѣ онъ переводилъ краски, картонъ и угли. Также не почелъ нужнымъ побывать и въ семейныхъ домахъ тѣхъ петербургскихъ туземцевъ, къ которымъ надавали ему до полдюжины рекомендательныхъ писемъ его высокопоставленные земляки. Былъ, однимъ словомъ, какъ и слѣдуетъ быть безнадежному страдальцу, мрачнымъ Чайльдъ-Гарольдомъ.

Свободное время, котораго у него было больше, чѣмъ

требовалось, онъ посвящалъ уединенному блужданью по столицѣ, музеямъ, театру, книгамъ; вечера же большею частью проводилъ вполне художественно: въ Аркадіи, въ Ливадіи, въ Пальмѣ, въ какомъ нибудь рестораничкѣ, въ портерной наконецъ; но и тутъ, во всѣхъ этихъ веселыхъ уголкахъ столицы, не измѣнялъ своей нелюдимости: держался стороной, уединенно пилъ, молча изучалъ жанры, молча сидѣлъ или гулялъ, пока не брала скука и дремота.

Чуждаясь мужчинъ, какъ мрачный и гордый страдалецъ, Набросковъ еще больше чуждался женщинъ; но уже не столько по байроническому презрѣнію къ жизни и къ людямъ, сколько по трусости, по болѣзненной неувѣренности въ себѣ: какъ и большинство демоически - нелюдимыхъ, гордыхъ отшельниковъ à la Чайльдъ-Гарольдъ, нашъ герой былъ преувеличенно самолюбивъ и потому крайне застѣнчивъ. Подкладка великолѣпно - поэтическаго, заморскаго плаща оказывалась такимъ образомъ дешевой тканью домашняго рукодѣля. И прекрасный плащъ, удобный для позирования съ виѣшной стороны, причинялъ тѣлу непріятности поживѣе всѣхъ душевныхъ страданій, во имя которыхъ драпировался въ него застѣнчивый гордецъ.

Ему шелъ двадцать третій годъ; съ пятнадцатилѣтняго возраста онъ воспыдалъ несчастной любовью, которую свято хранилъ до послѣднихъ лѣтъ: эта чистая страсть сохранила въ свою очередь его отъ любострастія, и въ двадцать два года онъ былъ еще дѣвственникомъ. Но вѣдь онъ былъ художникъ, то есть специалистъ такого дѣла, при изученіи котораго нельзя отворачиваться отъ знойныхъ шедевровъ Тиціана или Рубенса, опускать долу глаза передъ обнаженными тѣлами Афродиты, не упиваться живой пластикой бюста, ногъ и бедеръ натурщицы, не знать анатоміи наконецъ... Съ самой азбуки своего ремесла онъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ тѣми канонами пластики, общеніе съ которыми всегда соблазняло художниковъ отказываться отъ возможности быть канонизированными за цѣломудріе. И совершенная прелесть линій, достигнутая кистью или рѣзцомъ въ шедеврахъ, говорящихъ о красотѣ формъ, вдохновенные тѣломъ дифирамбы ему въ краскахъ и въ мраморѣ, внушали Наброскову не одинъ только художественный восторгъ, но и тревожный зудъ крови, съ которымъ онъ не могъ бороться, не слабѣя.

Онъ переживалъ, страдая, тотъ отвратительный фазисъ жизни, который самъ опредѣлялъ словами: голодъ плоти.

Эти страданія причиняли стыдъ, прерѣніе къ себѣ; но

были подчасъ такъ сильны, что сводили съ ума молодого человѣка, боявшагося обезоружить ихъ покорностью, капитуляціей... Выбора у него не было: болѣзненная застѣнчивость, робость преувеличеннаго самолюбія мѣшала обзавестись приличнымъ знакомствомъ, въ интересахъ неизбѣжной капитуляціи, а переулки, внушали ему отвращеніе, стыдъ и непреоборимый страхъ. Такой же страхъ овладѣвалъ имъ и при мысли объ одинокихъ камеліяхъ, пышно разодѣтыхъ, еще пышнѣе накрашенныхъ. Дѣвственный голодъ плоти въ порѣ зрѣлаго броженія, аскетическое самоотреченіе при воспаленной фантазіи,—это была власьяница, непріятно и мучительно напоминавшая о себѣ каждую минуту, обжигавшая кожу, нервы, кровь

Эти тайныя муки молодого человѣка удваивались, утраивались, благодаря тому, что онъ былъ здоровъ, крѣпокъ и что его торсъ, лицевыя линіи, экспозиція глазъ были недурно выписаны, производили впечатлѣніе;—объ этомъ говорило ему и зеркало, и взгляды женщинъ. Онъ былъ худощавъ, но строенъ; хорошо очерченное лицо живыхъ и мягкихъ тоновъ освѣщалось парой темносинихъ глазъ, глядѣвшихъ смѣло, открыто, вдумчиво. Негармонично-крупный носъ, величина котораго обусловливалась юшескою худощавостью, былъ, пожалуй, единственнымъ изъяномъ на этомъ законченномъ лицѣ; но онъ не портилъ въ общемъ пріятнаго выраженія остальныхъ лицевыхъ чертъ, удачно скомпанованныхъ. Строго-красивая линія небольшого рта съ юшески-румяными губами была мастерски отгѣнена взмахами шелковистыхъ усовъ и темнорусой курчавой бородкой, которую молодой художникъ любовно холилъ. А красивый, пышный снопъ волнистыхъ темнокаштановыхъ волосъ, вполне стоившихъ рачительнаго ухода, придавалъ этой головѣ оригинальный „воздухъ“, благопріятно выдвигалъ молодого человѣка, одѣтаго всегда скромно, но корректно, въ толпѣ щеголей и красавцевъ.

Набросковъ, какъ это видно изъ бѣглаго описанія даровъ его природы, не былъ равнодушенъ къ своей виѣшности, даже, напротивъ, былъ непрочъ и вносить нѣкоторыя поправки. Но пользоваться этими дарами, примѣнить ихъ къ дѣлу онъ не могъ, не смѣлъ, стѣснялся; презрительно осмѣивалъ поправки, недостойныя мыслящаго человѣка, всякій разъ, когда случай посылалъ то дѣло, ради котораго ухаживалъ за собственной наружностью нашъ байронически-гордый страдалецъ. Носилъ онъ, такимъ образомъ, свои дары при-

роды, какъ бесполезное, но дорогое украшеніе, обладателю котораго приходится шагать въ толпѣ солидно, не заглядываясь по сторонамъ. Въ фойе театра, въ кофейной Исакова, въ толпѣ праздношатаевъ Невскаго, Аркадіи, во всѣхъ общественныхъ гульбищахъ, зимнихъ и лѣтнихъ, Набросковъ шествовалъ медленно, съ независимымъ и самоувѣреннымъ видомъ, глядѣлъ на толпу гордо, хмуро... Но стоило одной изъ бойкихъ и ярко разодѣтыхъ „этихъ дамъ“ остановить молодого самоувѣреннаго гордеца общающимъ взглядомъ, какъ тотчасъ же исчезала вся независимая самоувѣренность съ его лица, вспыхивавшаго отъ испуга, котораго ждалъ, отъ смущенія, съ которымъ онъ напрасно боролся!—Растерянно сутулясь, не находя словъ, Набросковъ спѣшилъ улепетнуть отъ сирены изумленной его испугомъ, а улепетывая, задыхался отъ муки, отъ стыда, отъ междуусобицы противорѣчивыхъ чувствъ, внутреннихъ сиреной

Такіе случаи, встрѣчавшіеся повседневно, бѣжавшіе какъ звѣрь на ловца, разстраивали Наброскова, лишали желанія красоваться, гнали домой, къ бромистому калию, къ мѣстнымъ ваннамъ ледяной воды, къ лихорадочнымъ попыткамъ умертвить плоть выжиманіемъ пудовыхъ гирь, чтеніемъ Критики Чистаго Разума, размышленіями о смерти и о разложеніи, неминующемъ и самые роскошные бюсты... А ночью неминующе снились сны, послѣ которыхъ наступало отупѣніе, безсиліе, отвращеніе къ себѣ и тяжелая, лихорадочная бессонница до утра, среди плановъ, сомнѣній, думъ о томъ, что необходимо же наконецъ принять какія-либо мѣры, хотя-бы и самый позорный, гнусный, угрожающій здоровью и даже жизни переулочек... Эта лихорадка возжелѣнія становилась нерѣдко до того невыносимой, что Набросковъ вскакивалъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ отправиться въ переулочекъ, превратить тамъ себя въ грязное животное, захватить неизлѣчимую отраву крови и... пустить въ лобъ пулю.

Наступало гнетущее состояніе бессильной злобы. Недовольство собственнымъ гамлетизмомъ, лишившимъ силъ, переплеталось съ чувствомъ жгучей ненависти къ обществу, къ „поганому скопищу тупоумныхъ ханжей и лицемѣровъ“, которое было, конечно, одно виновато въ страданіяхъ молодого человѣка и цѣлыхъ милліоновъ другихъ молодыхъ и пожилыхъ одинокихъ людей, мужчинъ и женщинъ, страдающихъ отъ голода плоти. Остатокъ ночи посвящался не-

годующимъ размышленіямъ о скопищѣ ханжей и лицемѣровъ, не желавшемъ даже подумать о непостыдномъ удовлетвореніи потребности Васи Наброскова, личныя муки котораго обобщались до предѣловъ массоваго бѣдствія. Бѣгая босыми ногами по темной каморкѣ, сжимая кулаки и зубы, нервно паля папироску за папироской, онъ громилъ ханжество „подлаго многоголового чудовища“.

Разгромивши къ разсвѣту „поганое скопище“ и успокоившись, Набросковъ шелъ въ постель, думалъ, пока не заснетъ, о мѣрахъ, которыя предложилъ бы онъ обществу для борьбы съ адскими страданіями. Но,—какъ и во всѣхъ утопіяхъ,—догматы давались не такъ легко, какъ критика: мѣры были палліативными, чаще всего сводились на профилактику. Чаще всего приходила догадка, что причина переживаемыхъ имъ и „милліонами“ страданій зависитъ не столько отъ голода и жажды, сколько отъ необузданности воображенія, которая, въ свою очередь зависитъ отъ мелѣпаго, фарисейски-совѣстливаго воспитанія современной молодежи. Мысль художника съ наслажденіемъ витала въ суровомъ Лакедемонѣ, любясь чистой спартанскихъ нравовъ, не знавшихъ о развратѣ: дѣвы и юноши Спарты росли, учились, играли вмѣстѣ, нераздѣленные перегородками лицемѣрнаго стыда; они съ дѣтства и до возмужалости привыкали къ соверщенію обнаженнаго тѣла, не хранившаго отъ ихъ глазъ никакихъ соблазнительныхъ тайнъ;—ихъ воображеніе не имѣло причинъ распалаться и кипѣть, какъ кипитъ воображеніе современныхъ дѣвъ и юношей, стыдливо раздѣленныхъ на двѣ замкнутыя области и мечтающихъ чортъ знаетъ что, о соблазнительныхъ особенностяхъ другого пола... Вотъ, если бы современное общество, фарисейски-совѣстливое и ханжески-добродѣтельное, вернулось къ спартанскому принципу воспитанія, устранивъ, конечно, всѣ его недостатки,— не было-бы, гляди, и половины тѣхъ золъ, страданій и пороковъ, отъ избытка которыхъ оно смердитъ и разлагается, какъ туша падали.

Такъ думалъ, такъ мучился, такъ жилъ Набросковъ въ Питерѣ почти цѣлый годъ, съ начала января по конецъ сентября, когда случай его свелъ съ Зиночкой. Его сужденіямъ, парадоксальности которыхъ, по увѣренію великаго Балъзака, присуща художнику, мы посвятили много вниманія не потому, что бы они казались намъ очень цѣнными, а потому, что считали необходимымъ привести ихъ,—и чѣмъ

раньше, тѣмъ лучше,—ради добросовѣстнѣйшаго прокрытія полотна для нашихъ эскизовъ. Заниматься собственно имъ мы не имѣемъ въ виду: еще два-три попутныхъ мазка, посвященныхъ ему, и онъ почти уступитъ мѣсто другимъ фигурамъ.

II.

Первая мимолетная встрѣча съ Зиночкой случилась, какъ и послѣдующія встрѣчи съ нею, на Невскомъ, часу въ пятомъ яснаго сентябрьскаго вечера, среди многолюдной толпы: художникъ и молодая дѣвушка, столкнувшись на тротуарѣ, взглянули другъ-другу въ глаза, и оба улыбнулись почти одновременно, сами не зная чему... Вглядѣвъ красивыхъ темныхъ глазъ, кроткій и чистый, улыбка незнакомой дѣвушки, ясная и добрая, такъ пріятно поразили Наброскова, что онъ остановился и съ минуту глядѣлъ ей вслѣдъ, борясь съ могучимъ желаніемъ догнать ее, узнать, не ошибся ли онъ въ сердечности ея взгляда, попросить еще одного такого же взгляда.

Но у него не было свободнаго времени въ этотъ вечеръ, почему онъ и не могъ исполнить своего желанія, обрадовавшаго его впервые цѣлостностью и силой, исключавшими чувство неувѣренности въ себѣ: онъ спѣшилъ домой, чтобы пріодѣться и ѣхать на великосвѣтскій балъ.

Возможность быть на этомъ балу, хотя и безучастнымъ зрителемъ, хотя бы и на хорахъ, предоставилъ Наброскову одинъ изъ его товарищей по студіи, мѣтко Обринъ, юноша сомнительнаго происхожденія. Легкомысленный, но очень добродушный шалопаи, Обринъ былъ остроуменъ, милъ и пусть, говорливъ, какъ жаворонокъ, подвиженъ какъ воробей и предавъ всѣмъ видамъ искусства одновременно и одинаково поверхностно,—музыкѣ, театру, живописи, ваянію... Онъ въ совершенствѣ зналъ верхушки всего, что только можно было себѣ вообразить, но всего болѣе — легенды, апокрифы, сплетни высшихъ круговъ, гдѣ у него, повидимому, было знакомыхъ и пріятелей безчисленное множество. Иногда онъ былъ крезомъ, сыпавшимъ кучи денегъ на пустяки, иногда становился нищимъ, нуждавшимся въ рублѣ; но говорливъ, веселъ и добродушенъ былъ всегда одинаково. Набросковъ, которому нравилось искрометное острословіе юноши, выражавшаго подчасъ удивительно вѣрныя сужденія объ искусствѣ, пытался, и не разъ, урезонить этого легкомысленнаго воробья, нелишешнаго блескомъ дарованія, выушить ему охоту къ терпѣливому труду, убѣдить

его, что онъ сталъ бы блестящимъ жанристомъ, если бы серьезно занялся собой; но легкомысліе шалопая всегда побѣждало ворчливую серьезность мрачнаго ментора, и попытки кончались фейерверкомъ потѣшныхъ словъ, каскадомъ милыхъ дурачествъ неисправимаго пустомели, на котораго приходилось только махнуть рукой. А жаль!—полу-великосвѣтскій дэнди-богема, обладавшій несомнѣннымъ талантомъ среди всѣхъ остальныхъ товарищей по студіи, тупыхъ мазилокъ, бездарныхъ копировщиковъ, не то прапорщиковъ въ отставкѣ, не то семинаровъ, Обринъ такъ колоритно и смачно умѣлъ набрасывать эффекты женскаго тѣла... Гдѣ онъ теперь, что съ нимъ?.. Сближеніе съ нимъ было невозможно, благодаря его пустотѣ; но это былъ добрый юноша...

Наканунѣ бала они были только вдвоемъ передъ мольбертами студіи;—Набросковъ былъ болѣе мраченъ, чѣмъ обыкновенно, Обринъ—болѣе шутивъ, чѣмъ всегда... Болтая о тысячѣ пустяковъ, онъ коснулся завтрашняго бала и вдругъ воскликнулъ:

— Ого!.. Идея!.. Слушайте, вы, мрачный Лохъ-на-гарь. Хотите воспользоваться случаемъ посмотрѣть вблизи то, что называется сливки?.. Обѣщаю вамъ сотню ослѣпительно прекрасныхъ вѣдмъ, декорированныхъ всѣмъ, что можетъ дать богатство и глупость мужей, отцовъ и покровителей. Самъ я не могу тамъ быть: мои четверги принадлежать навсегда Матильдѣ,—что бы вы тамъ ни выдумывали себѣ о моемъ непостоянствѣ!—но вамъ я могу оказать протекцію и отворить для васъ двери, недоступныя для обыкновеннаго смертнаго... Созмайтесь, что вамъ дается въ руки случай, который едва ли повторится въ жизни такого сибирскаго медвѣжошка, какъ вы...

Въ первую минуту Набросковъ хотѣлъ гордо отказаться отъ предложенія, мало отвѣчающаго его разладу съ жизнью и ея преарѣшной суетой; но первая минута промелькнула въ молчаніи, а слѣдующая за ней подсказала мысль, что на самомъ дѣлѣ случай дается рѣдкій и что воспользоваться имъ не худо. Обринъ же лепеталъ не переставая, капризно привязавшись къ идеѣ показать провинціалу-разночинцу уголокъ высшаго столичнаго свѣта, и легкомысліе снова одержало верхъ надъ зеленой мизантропией: Набросковъ воспыпалъ желаніемъ проникнуть въ недоступную дверь. Обринъ черкнулъ пару строкъ на клочкѣ оберточной бумаги съ фирмой Деалеръ и далъ необходимыя инструкціи, куда итти, кого кайти съ этой оригинальной карточкой. А на дру-

гой день Набросковъ съ утра находился въ обаяніи мысли, что вечеромъ ему предстоитъ видѣть рѣдкое зрѣлище, тщателью обдумывалъ костюмъ, бѣгаль по магазинамъ, выбирая галстухъ, охорашивалъ волосы, позировалъ передъ зеркаломъ... Таковы то эти доморощенные Чайльдъ-Гарольды!..

Приготовивъ все для туалета, онъ пошелъ обѣдать къ Лежену, гдѣ подкрѣпилъ свою смѣлость лишней парой рюмокъ коньяку и залилъ остатки волненія бутылкой какого-то макона. И возвращаясь съ обѣда, облегчившаго и скудный карманъ и обычную пасмурность малоопытнаго нелюдима, Набросковъ шествовалъ по солнечной сторонѣ Невскаго бодро, весело, непринужденнымъ шагомъ фланера, любясь обоими теченіями безконечной людской рѣки, встрѣчнымъ и попутнымъ, безъ тѣни обычной мизантропіи, съ вдумчивымъ вниманіемъ уравниовѣшеннаго философа. Невскій,—думалось ему,—эта главная артерія величайшаго изъ русскихъ городовъ, является въ одно и то же время и типичнѣйшимъ показателемъ, эссенціей духа огромнаго города, и — однимъ изъ мemento для вдумчиваго человѣка. — Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ столицы не вырисовывается такъ ярко черствая холодность ея населенія, какъ здѣсь, въ этой непрерывной толпѣ озабоченнаго люда, надменныхъ франтовъ, бѣгущихъ дѣльцовъ, сытыхъ гулякъ, рысистыхъ посыльныхъ, великолѣпныхъ офицеровъ, ледяныхъ красавиць, говорливыхъ газетчиковъ... всѣмъ имъ, стремящимся откуда то и куда то, нѣтъ никакого дѣла ни до кого, кромѣ себя и своего дѣла!.. На всѣхъ этихъ лицахъ, мелькающихъ по Невскому, съ ужасающей выразительностью выписана одна мысль: „Я тебя не знаю и не хочу знать, если ты мнѣ бесполезенъ и сейчасъ—не нуженъ. — Не мѣшай, дай дорогу, не задерживай!“ И, съ другой стороны, нигдѣ такъ ясно не сознаешь своего человѣческаго ничтожества, какъ на томъ же Невскомъ! — такой одинокой, безпомощно-жалкой, незамѣтной мошкой чувствуешь себя, среди этого кипучаго, себялюбиво-озабоченнаго многолюдства!..

— Всѣ устремились, всѣ бѣгутъ, никому до тебя нѣтъ дѣла!—резюмировалъ Набросковъ свои размышленія, подходя къ Литейному,—умри ты на ихъ глазахъ, — остановится развѣ лишь тотъ, кому ты загородишь дорогу, да и то лишь затѣмъ, чтобы поискать глазами городского... Холодный городъ! Желѣзныя сердца!

Въ этотъ самый моментъ, на углу Литейнаго, случай послалъ ему мимолетную встрѣчу,—незнакомку въ скромномъ, длинномъ дипломатикѣ, въ черномъ платочкѣ, очень мило-

видную молодую женщину съ матово-блѣднымъ лицомъ и прекрасными черными глазами, которые улыбнулись ему такъ сочувственно и тепло, какъ-будто хотѣли сказать: „Милый, ты ошибаешься!—найдется и здѣсь, среди себялюбиво-озабоченнаго многолюдства, кроткое существо, какъ и ты, незамѣтная мошка, которой ты можешь оказаться не чуждымъ“... набросковъ не могъ сдержать отвѣтной улыбки, искренняя теплота которой отрадно всколыхнула у него самого сердце.

Едва удержавшись отъ желанія догнать незнакомку, онъ повернулъ по Литейному и пошелъ къ себѣ, на Кирочную, но не спѣша, медленнымъ, затрудненнымъ шагомъ, свидѣтельствовавшимъ о глубокомъ раздумьи. Мимолетная встрѣча, которая, конечно, не повторится, оставила живое впечатлѣніе, поселила въ душѣ чувство тихой отрады и свѣтлой грусти. Быть можетъ, въ этой милой женщинѣ, которая уже затерялась въ непрерывной толпѣ, встрѣтилось ему и прошло безвозвратно воплощеніе счастья... Она очень недурна и способна такъ хорошо, сердечно улыбаться: онъ нашелъ бы, быть можетъ, въ ней тѣ отзвуки родственной симпатіи, которые ободрили бы его. При томъ она такъ кротка, скромна;— смущаться съ ней не нашелъ бы основаній даже онъ, при всей его самолюбивой застѣнчивости. По костюму и виѣшности она — мастерица какая-нибудь или же приказчица скромнаго магазинчика, хозяйка послала отнести свертокъ покупательницѣ; она отнесла покупку и пользуется случаемъ взглянуть на Невскій, возвращаясь къ своему прилавку, куда-нибудь на Садовую, на Караванную. Вѣрнѣе всего она—портниха или приказчица, судя по скромной виѣшности, по неприглядному дипломатику и по чисто-сердечности ея милой улыбки: будь она служанка, она держалась бы кокетливѣе, смотрѣла бы плутоватѣе. То-есть вотъ какъ было-бы хорошо для него сблизиться именно съ такой скромной и милой женщиной!.. Но,—ея ужъ нѣтъ. Осталось только пріятное воспоминаіе ея милой улыбки... Жаль, право!.. А дѣлать нечего.

Сборы на балъ, поиски того генераль-лакея, къ которому Обринъ написалъ пару магическихъ строкъ на этикеткѣ фабриканта красокъ, наконецъ блестящая роскошь бальнаго зала, ошеломившая въ первый моментъ молодого дикаря,— новизна впечатлѣній заставила наброскова забыть въ началѣ бала скромную милую дѣвушку съ прекрасными глазами, какъ ни глубоко запалъ въ душу ея чистый, незамѣнный взглядъ. Но онъ вспомнилъ о ней сугубо и глубоко.



живо, даже нетерпѣливо, когда посмотрѣлся на полуобнаженныхъ красавицъ великосвѣтскаго бала до пресыщенія, до отвращенія.

Вырядившись съ такимъ тщаніемъ, какъ будто ждалъ, что его замѣтятъ на хорахъ и попросятъ вести полонезъ, Набросковъ взялъ извозчика и приказалъ доставить себя къ подножію каріатидъ, напругшихъ каменные мускулы у фронтона одного изъ домовъ, на одной изъ набережныхъ. Было уже около девяти, но домъ еще спалъ всѣми своими темными окнами; у подъѣзда не было ни души, и каріатиды чуть ли не покачали опущенными головами, увидя у своихъ ногъ смѣшного торопыгу, примчавшагося столь заблаговременно. Побродивъ въ нерѣшительности взадъ-впередъ около величественной двери, Набросковъ подошелъ къ ней и тихонько тронулъ ее; она подалась, отворилась, онъ вошелъ съ трепещущимъ сердцемъ въ сѣни великолѣпнаго дворца. Въ моментъ, пока къ нему приближался изъ глубины сѣней великанъ въ золотѣ, онъ успѣлъ охватить взглядомъ колоссальную лѣстницу, потонувшую въ зелени тропическихъ растений: размѣры и роскошное богатство этой лѣстницы были сказочные. Великанъ остановился передъ нимъ съ миной крайняго изумленія. Набросковъ пролепеталъ фамилію того, къ кому направилъ его Обринъ. Великанъ молча отступилъ и нажалъ одну изъ кнопокъ на доскѣ у лѣстницы, на верху которой появился мольеровскій маркизъ въ чудкахъ, мягко сбѣжалъ по бархату ступеней и, выслушавъ сообщеніе швейцара, вспорхнулъ и утонулъ въ тропической зелени. Минуту спустя, появился другой маркизъ, старый, сѣденькій, беззубый, ростомъ съ карлика; онъ взялъ изъ рукъ Наброскова промасленный лоскутокъ, далеко отвелъ съ нимъ руку отъ глазъ, прочиталъ магическія строки и добродушно разсмѣялся, качая головой. Окинувъ инспекторскимъ взглядомъ художника, онъ еще разъ покачалъ головой и прошамкалъ:

— Ну, такъ и быть,—посмотрите, сударь мой. На хорахъ, около музѣнки внизу,—ничего, можно... Тешерь еще рано,—часъ-другой погуляйте и приходите. Только, извините, сударь,—не здѣсь, а ужъ въ ворота пройдите тогда, и попадите во вторую дверь, потомъ прямо по лѣсенкѣ... Я тамъ скажу,—будьте покойны, сударь.

Сопроводивъ этотъ мелестный для самолюбія художника ультиматумъ извиняющимся хихиканьемъ, старичекъ ободрительно коснулся локтя молодого человѣка и кивнулъ швейцару на дверь,—„выпроводи, дескать, дорогого гостя“.

да запирай хорошенько дверь, разиня!“ Аудіенція съ генераль-лакеемъ кончилась. Поспѣшивъ къ выходу, Набросковъ, подъ жгучимъ впечатлѣніемъ обиды, далъ было себѣ клятву плюнуть на высшій свѣтъ, отрасти подъ каріатидами прахъ этихъ сѣней, похожихъ на величественный соборный храмъ, и отправиться куда-нибудь къ Тумпакову; но, выйдя на свѣжій воздухъ, одумался и рѣшился перенести всѣ униженія, ждущія его подъ воротами, на черной лѣстницѣ, около музыкантовъ: передъ нимъ вѣдь открывался новый своеобразный міръ, не имѣвшій ничего общаго съ обычнымъ человѣческимъ міромъ,—міръ условностей и дикихъ предразсудковъ, смѣшныхъ претензій и мелѣпныхъ церемоній, составляющихъ единственный смыслъ жизни безсмысленныхъ людей. Стоило пожертвовать частицей самоуваженія ради знакомства съ этимъ міромъ!

Гуляя по набережной, сидя за стаканомъ вина въ погребкѣ какого-то армянина, нашъ демократъ думалъ о необъятной лѣстницѣ съ лѣсомъ тропическихъ растений и вычислялъ, сколько помѣстилось бы на площади, занятой лѣстницей, бѣдныхъ семей, которымъ не хватаетъ свѣта и воздуха въ ихъ петербургскихъ подвальныхъ углахъ, и сколько недѣль питалась бы какая-нибудь голодная семья за тѣ деньги, что ежедневно уходятъ на содержаніе и холю тропическаго лѣса. Но если такъ роскошна эта лѣстница, то каковою же должна быть роскошь апартаментовъ, куда она ведетъ, и гдѣ сегодня будетъ изумлять богатствомъ нарядовъ сотня ослѣпительно-прекрасныхъ вѣдмъ.

Эта роскошь оказалась неизмовѣрною на взглядъ художника, когда онъ, два часа спустя, претерпѣлъ униженія задняго хода и очутился на хорахъ стараго зала, сказочно-великолепнаго. Онъ былъ такъ ошеломленъ, что пересталъ соотносить условія мѣста и переступилъ границы позволеннаго: ходилъ тамъ и сямъ, покинувъ хоры, забредалъ въ салоны, въ галлерей, даже перекидывался замѣчаніями съ тѣмъ, съ другимъ изъ мужчинъ, остававшихся внѣ блестящаго хоровода и вытягивавшихъ шеи у мраморныхъ стѣнъ. Наличность десятка гостей, одѣтыхъ вполнѣ корректно, но съ видимымъ нарушеніемъ бальнаго этикета, давала ему возможность теряться въ толпѣ отъ угрожающаго вниманія чьихъ-нибудь глазъ; да и вниманія къ отдѣльному человѣку трудно было ждать въ этой массѣ людей. Нагулявшись до усталости, наглядѣвшись до ломоты въ глазахъ на атласъ голыхъ рукъ и грудей великосвѣтскихъ красавицъ, онъ вернулся на хоры, чтобы отдохнуть тамъ и покинуть балъ,

знойная температура котораго еще росла, но уже не сулила ничего новаго.

Роскошь была неимовѣрна; толпа была блестяща: эти кавалеры и дамы, кавалергарды и самовники были дѣйствительно сливки, и самыя густыя,—верхній устой аристократическаго балакиря. Но, оглядѣвшись среди великолѣпія и блеска бальнаго зала, Набросковъ уже попривыкъ, не поражался болѣе ими и посвятилъ все вниманіе, все негодование демократа-пуританина молодымъ красавицамъ, обнаженность которыхъ бѣсила его двойко: тѣлесно, волнуя кровь, и духовно, оскорбляя стыдливость.

Было бы преувеличеніемъ сказать, что эти великосвѣтскія красавицы превосходно одѣты, такъ какъ онѣ были превосходно раздѣты: съ невысокихъ хоръ ихъ бѣлая кипащая толпа казалась порнографическимъ калейдоскопомъ.

И всѣ онѣ, эти прекрасныя и гордыя женщины высшаго свѣта казались сверху совершенно нагими, одѣтыми, лишь начиная съ крутыхъ бедеръ, и всѣ безстыдно сіяли наготой ослѣпительно-бѣлыхъ скульптурныхъ плечъ, рукъ, грудныхъ полушарій, спинныхъ впадинъ.

Оживленіе росло, температура бала повышалась. Изъ закупу эротической зелени, гдѣ былъ скрытъ великолѣпнѣйшій оркестръ, неслись, гремѣли дивныя звуки, знойно-шаловливыя, сладострастно-томныя. Отъ роскошной, залитой свѣтомъ мраморной долины зала, полнаго молодыхъ оживленныхъ тѣлъ, поднимались къ темнымъ хорамъ волны теплаго благоуханія. Красавцы офицеры, князья лвы во фракахъ стремительно влекли въ туръ вальса полураздѣтыхъ дамъ и юницъ, обвивъ ихъ станъ, прижавъ ихъ грудь къ своей, владѣя ими, какъ побѣдители. Старый княжескій домъ, громадный и прочный, казалось, трепеталъ отъ шарканья сотенъ ногъ, движущихся въ мѣрномъ темпѣ, отъ грома оркестра, отъ пресыщенной температуры, горячечной, нервной, возбуждающей, освѣжить которую не въ силахъ душистый фюнтанъ, порывистый вѣеръ, холодный напитокъ; только одно могло бы, повидимому, облегчить эту горячечную истому полураздѣтыхъ рабынь и ихъ побѣдителей,—сладострастіе, съ которымъ они такъ притворно заигрываютъ...

И лныя княжны, несущіяся въ растлѣвающихъ объятіяхъ красавцевъ, покорно клонятъ головы къ плечу мужчины,

закрывая глаза, и, наоборотъ, графини, уже созрѣвшія, какъ пышная роза, впиваются полупотухшимъ, темнымъ отъ жара крови, сладострастнымъ взглядомъ прямо въ глаза кавалера, въ которыхъ, вѣроятно, написано одно только благоприличіе въ этотъ моментъ... Добродѣтельностидли-вое общество орудуешь надъ моралью двумя руками, изъ которыхъ одна не знаетъ, что дѣлаетъ другая, то есть старается не глядѣть на ея дѣйствія прямо, честно, разумно; и въ то время, какъ правая подписываетъ приговоръ разврату, паденію, соблазну, лѣвая рука строитъ ковы невинности, благословляетъ растлѣніе молодежи всевозможными соблазнами. Вотъ здѣсь она обнажила дѣвочекъ и кинула ихъ въ объятія мужчинъ, для узаконеннаго заигрыва-нія съ сладострастіемъ...

— А тамъ,—шепчетъ Набросковъ, продолжая вслухъ свои думы,—тамъ она, эта лѣвая рука Тартюфа-общества, заботливо терпитъ переулки, гдѣ, говорятъ, тоже танцуютъ подъ музыку кавалеры съ декольтированными дамами, прежде чѣмъ облегчить горячечную истому крови; но тамъ, ей-богу, менѣе фарисейства, чѣмъ здѣсь,—тамъ порокъ откровенный, тамъ развратъ не прикрашенный... Здѣсь же, здѣсь...

Вскочивъ съ пуфа и ударивъ кулакомъ по плюшу барьера, Набросковъ заговорилъ громко съ танцующей толпой, которая не могла, конечно, его слышать за шумомъ музыки, за воплями танцоровъ, дирижировавшихъ шеномъ: лилейныя гирлянды красавицъ граціозно вились, сплетались и плавали повсюду, куда хваталъ глазъ, напоминая оживленную, вишьеточно-красивую фантазію Нефа, столько же условную, сколько и нарядную. Художникъ выкрикнулъ послѣднее, бѣшеное проклятіе полунагимъ аристократкамъ. . . .

.....

Выбѣжавши на воздухъ тѣмъ же унизительнымъ путемъ, черезъ заднюю лѣстницу, Набросковъ неистово плюнулъ въ сторону каріатидъ и пошелъ на Кирочную, къ себѣ: ему хотѣлось думать о черноглазой незнакомкѣ, застегнутой по горло въ ея бѣдномъ дипломатикѣ, скорбѣть о томъ, что онъ предпочелъ ей зрѣлище полуобнаженныхъ аристократокъ, лишивши тѣмъ себя, быть можетъ, лучшаго счастья;—одному хотѣлось остаться, наединѣ съ думами. Въ ласковыхъ черныхъ глазахъ незнакомки онъ сердцемъ уловилъ что-то отрадное... Случай упущенъ, она исчезла. Но если бы повторился такой случай, онъ ужъ не задумался бы пред-принять всѣ мѣры къ тому, чтобы познакомиться съ дѣ-

вухой, узнать ее, понять то чувство, которое сказалось ему въ ея взглядѣ.

— Почему она взглянула на меня такъ, какъ не глядѣла, кажется, еще ни одна женщнна на меня?—думалъ онъ, споконно, безъ волненій и мукъ засыпая крѣпкимъ сномъ, какимъ давно уже не спалъ, какимъ не надѣялся и заснуть въ это утро, послѣ распалѣющаго зрѣлища полуголыхъ красавиць.

III.

Благодѣтель-случай, имѣвшій на этотъ разъ больше, чѣмъ всегда, свою логику, снова свелъ Наброскова съ черноглазой незнакомкой, не выходившей изъ памяти, и не долѣе какъ черезъ два-три дня, въ теченіе которыхъ молодому человѣку, вопреки усилямъ воли, все вспоминались плечи, груди и спины, волнуя и сердя его своей безотвязчивостью. Встрѣча повторилась по странной игрѣ случая, почти въ томъ же мѣстѣ,—на Невскомъ, около Садовой, почти въ то же время,—часу въ пятомъ вечера. Только погода была не такова, какъ въ первый разъ: моросилъ дождичекъ, было пасмурно, холодно. Стояла настоящая петербургская погода, гнилая и зябкая.

Столкнувшись съ своей незнакомкой неожиданно, Набросковъ ахнулъ, остановился передъ нею и вспыхнулъ отъ радостнаго смущенія; остановилась и она. Ея черные глаза поднялись къ нему съ той-же сердечной теплотой, какъ и въ первый разъ; она улыбалась тою же кроткой, ласковой, чистой улыбкой, въ которой Набросковъ читалъ снова какую-то пріятную загадку. Ихъ, стоявшихъ другъ передъ другомъ въ смущеніи, столкнули съ мѣста, повлекли съ собой торопящіеся прохожіе, и они пошли рядомъ, еще не смѣя заговорить. Дѣвушка шла, опустивши красивую головку въ черномъ кашмировомъ платкѣ; Набросковъ, смѣлый на парадоксы, остававшіеся при немъ, пылкій ораторъ наединѣ съ собой, задыхался отъ напряженныхъ усилій выжать хоть единое слово изъ горла, шагая рядомъ съ женщиной, въ которой все казалось ему милымъ и кротко-граціознымъ: лицо, глаза, поступь, улыбка. Наконецъ, уже около Екатерининскаго костела, пройдя уже полтысячи шаговъ рядомъ съ дѣвушкой, онъ сумѣлъ таки надумать подходящій сюжетъ для разговора.

— Позвольте пойти съ вами?—робко шепнулъ онъ ей

черезъ плечо, краснѣя отъ стыда за приступъ, достойный лакея.

— Идите,—сказала она тихо, но тепло, пріятнымъ горловымъ комтрафто, потупясь еще ниже. Судя по тому, какъ она потупляла голову, какъ боязливо держалась, Набросковъ съ благодарной радостью умозаклучилъ, что она и робѣеть въ его близости, и что ей въ то же время пріятна эта близость. Словъ же, однако, не находилось. Шаговъ съ полсотни шли они молча;—она не поднимала головы, а онъ терзалъ себя соображеніями, съ чего-бы начать. И, закося ногу для пятьдесятъ перваго шага, онъ принудилъ себя задать ей вопросъ, ставшій для него роковымъ, при всей своей незначительности.

— Гуляете?

— Гуляю,—едва слышно отвѣтила она, протянувъ это мягкое словечко съ такимъ усиліемъ, покорнымъ и пугливымъ, какъ будто прогулка представлялась для нея не удовольствіемъ, а непріятной обязанностью.

— Вотъ и отлично!—обрадовался Набросковъ, соизвавшій, что голубиная кротость его спутницы уже вполне поощрила въ немъ храбреца. Будемъ, значить, гулять вмѣстѣ, если позволите.

Прогулявшись до Полицейскаго моста, они вернулись и продолжали прогулку неторопливымъ шагомъ, поминутно сближаясь отъ напора толпы, бѣгущей какъ на пожаръ, перекидываясь замѣчаніями, принужденно-робкими, но милыми, о погодѣ, о встрѣчныхъ, о выставкахъ товаровъ въ магазинахъ, къ свѣтлымъ окнамъ которыхъ Набросковъ охотно подводилъ свою спутницу, чтобы лишній разъ полюбоваться ея милымъ, матовоблѣднымъ личикомъ, пушистостью черныхъ бровей и рѣсницъ, агатовыми глазами, бархатный взглядъ которыхъ нѣжилъ ему душу и... уже говорилъ воображенію. Глядя на ея узкія плечи, на незначительную грудь, Набросковъ вспоминалъ неотвязныхъ полуобнаженныхъ красавицъ бала, и задавалъ себѣ щекочащій нервный вопросъ, каковы-то эти плечи, эта грудь, скромно заключенная въ длинный дипломатикъ. Ему чувствовалось хорошо, покойно съ этой кроткой дѣвушкой; мысль о томъ, кто она, не смущала: кто-бы ни была она, ея миловидное личико такъ свѣжо и открыто, что разстаться съ ней жаль. Впрочемъ, онъ уже порѣшилъ, что она не можетъ быть кѣмъ-либо инымъ, кромѣ швейки, портнихи, ремесленницы какой-нибудь;—у нихъ, тамъ, у швеекъ, бываютъ какія-то вакаціи въ сумерки, перерывы въ работѣ, когда онѣ могутъ погу-

лять часъ-другой, до начала вечерней работы: милая блѣд-нолицая и пользуется этой вакаціей, гуляя по проспекту, по близости отъ котораго находится, конечно, и мастерская. Хорошо было-бы, конечно, если-бы она оказалась болѣе свободной: ея общество чрезвычайно нравится ему, а ея трогательная несмѣлость внушаетъ даже ему, зайцу, чувство властелина. И вдругъ, охваченный горячей волной желанія, отрадно помутившей разсудокъ, онъ спросилъ ее быстро, нетерпѣливо:

— Вы... располагаете временемъ?

— И?—подняла она къ нему лицо съ наивнымъ изумленіемъ.—Да, располагаю,—закончила она, подумавъ, съ нерѣшительной усмѣшкой. И посмотрѣла ему въ самые глаза улыбающимся взглядомъ, въ которомъ Набросковъ подмѣтилъ теплоту любовнаго ободренія, въ которомъ было такъ много задушевной выразительности, что показались излишними, ненужными всѣ самыя нѣжныя, матерински-ласковыя слова.

„Я очень нравлюсь ей!“—подумалъ Набросковъ, чаруясь сердечной красотой ея взгляда. „Ея глаза, замѣчательно милые сами по себѣ, обладаютъ рѣдкой способностью вести разговоръ о такихъ вещахъ, которыя никакимъ языкомъ не выразишь. Не зря поразился я такъ глубоко, такъ непонятно и такъ отрадно, когда встрѣтился съ ихъ взглядомъ въ тотъ вечеръ!“

Они продолжали прогулку. Теперь, когда онъ заручился возможностью длить эту прогулку неопредѣленно долго, являлись новыя, тягчайшія затрудненія при вопросѣ, чѣмъ эту прогулку наполнить: онъ сознавался себѣ, что совершенно не обладаетъ способностью вести разговоръ. Его положеніе было критическимъ и приводило на память анекдотъ о томъ чернокнижникѣ, который сумѣлъ вызвать чертей, но не припасъ для нихъ работы, и былъ зачекоченъ ими до смерти, въ отместку за напрасное безпокойство. Горячая волна, вызвавшая у него нетерпѣливый вопросъ о ея времени, уже отхлынула; желаніе, нагнавшее эту волну, подчинялось, очевидно, закону прилива и отлива,—то оно охватывало и грѣло кровь, то исчезало, оставляя равнодушіе и насмѣшливый скептицизмъ на своемъ мѣстѣ. Но ходить по улицѣ и заблудить, подогрѣвая новое знакомство, было-бы глупѣйшимъ изъ способовъ пользоваться свободнымъ временемъ, особенно если не о чемъ разговаривать. Да и по отношенію къ спутницѣ являлась-бы совершенной неделикатностью затягивавшаяся прогулка: ея дипломатикъ

былъ весьма тощъ, а холодъ становился рѣзкимъ. Взявъ съ собою всѣ эти соображенія, Набросковъ нашелъ такой планъ, рѣшительность котораго пугала его самого. Онъ рискнулъ предложить спутницѣ отправиться къ нему:

— Знаете что... Почему бы намъ... Если бы мы,—началь онъ заикаться,—пошли бы мы, напримѣръ, чай пить... Ко мнѣ, напримѣръ.

— Къ вамъ?—воскликнула она, остановившись отъ изумленія передъ наглостью молодого человѣка, уже сожалѣвшаго о содѣянной имъ неэтичности, уже готоваго просить прощенія. Къ вамъ?—снова спросила она въ раздумьи, подавшемъ ему нѣкоторую надежду.—А вы далеко живете?—спросила она довѣрчивымъ, товарищескимъ тономъ, снова нагнавшимъ горячую волну.

— А что? У васъ мало времени?—спросилъ онъ, подавшись къ ней съ беспокойствомъ.

— Нѣтъ... Я боюсь ходить въ дальнія улицы,—отвѣтила она съ чарующей простотой.

— Ну, это пустяки!—воскликнулъ онъ обрадованно.—Я живу на Кировной, въ двухъ шагахъ. Это очень тихая, вполне приличная улица...

— Да, это хорошая улица. Тамъ-то не страшно.

— А вы напугались?—засмѣялся Набросковъ, склонившись надъ ея головкой съ покровительственной ласковостью.

— Конечно. Могутъ обидѣть!—дѣловито сказала дѣвушка.

— Со мной никто не посмѣетъ васъ обидѣть!—горячо поручился Набросковъ, создавая себя рыцаремъ этой овечки, почтившей его довѣрiемъ.

Она снова подняла на него взглядъ, полный сердечнаго выраженія, тронувшаго снова его, какъ признанiе.

— Такъ вы не прочь пойти ко мнѣ?—спросилъ онъ, нащупавъ опущенной рукой ея руку и слегка пожимая ее у самаго ея бедра, уакаго какъ у дѣвочки-подростка.

— Если это васъ не стѣснить,—робко шепнула дѣвушка.

„Да,—подумалъ Набросковъ, вспоминая о квартирной хозяйкѣ: лично мнѣ очень интересно посмотрѣть, чѣмъ-то можетъ завершиться этотъ визитъ, и во всякомъ случаѣ, очень приятно даже чаю попить съ хорошею женщиной; но сомнѣваюсь, чтбы моя почтенная хозяйка раздѣлила мой интересъ. Ее не можетъ не поразить то обстоятельство, что тишайшiй, скромнѣйшiй изъ ея жильцовъ привелъ вдругъ такую особочку въ длинномъ дипломатикѣ и въ

простомъ платочкѣ. Да,—эту сторону дѣла я совершенно упустилъ изъ виду!“

Онъ представилъ себѣ приземистую юркую фигуру бодрой старушки съ оловянными петербургскими глазами, со множествомъ родинокъ, шишечекъ, бородавочекъ и увелковъ, безъ которыхъ, по его наблюденіямъ, немислимо лицо ни одной петербургской пожилой женщины: какъ-то она, содержательница комнатъ „съ небелю“, въ которыхъ стоятъ у ней пять студентовъ-технологовъ, армянъ, грузинъ и другихъ кавказскихъ человѣковъ,—какъ-то округлить она свои бѣлесые глаза на его гостя?!

„Впрочемъ,—что-жь?—рѣшилъ онъ.—Не отказываться же, ради ея пребѣлыхъ глазъ, отъ полноты жизни, отъ необходимыхъ функцій! Не понравится ей новый фазисъ моего поведенія, заворчитъ старушечія, — уйду, и вся не долга!“

— Стѣснить!—воскликнулъ онъ съ ласковымъ упрекомъ. Напротивъ, вы себѣ и представить не можете, какъ мнѣ приятно, что вы не отказываетесь сдѣлать мнѣ эту честь... И, знаете, ваше согласіе тѣмъ болѣе трогательно для меня, что мнѣ еще и трехъ какихъ-нибудь часовъ, какъ мы знакомы... Это, право, что-то необыкновенное... Въ вашей довѣрчивости ко мнѣ я готовъ искать такихъ побужденій, которыя могутъ исходить только отъ сердца, по ихъ безпримѣрности.

„Она не поняла меня, конечно,—подумалъ онъ,—такъ какъ я такъ безтолково и безсвязно говорю, что ѿ самъ ничего не понимаю... кромѣ того, что мнѣ все больше и больше нравится она, черноглазая.“

— Значить, идемте?—нѣжно спросилъ онъ, когда они дошли до Литейнаго.

— Идемъ,—покорно шепнула дѣвушка, поворачивая назадъ и на поворотѣ придерживаясь за его локоть. Онъ почувствовалъ, что она дрожить.

— Вы озябли?—спросилъ онъ тревожно.

— Нѣтъ... Это,—что я вздрогнула? Это такъ.

И она вдругъ рассмѣялась, повернувъ къ нему лицо, нѣжа и чаруя его бархатнымъ взглядомъ,—рассмѣялась и лукаво, и откровенно въ то же время. Такъ граціозно засмѣяться способна женщина только тогда, когда хочетъ скрыть отъ любимаго человѣка порывъ желанья, внутренній любовью къ нему. Наброскову почудилось, что въ ея глазахъ, ставшихъ еще чернѣе и еще больше въ темнотѣ, блеснули искры. Онъ взялъ ея руку и положилъ себѣ на

локоть;—ея рука дрожала, но она старалась скрыть эту дрожь въ движеніи пальцевъ.

Проходя мимо Черепешникова, Набросковъ вспомнилъ, что у него дома найдется только обычное угощенье для гостѣи, самое аскетическое: чай съ сахаромъ и кусокъ лимона; что даже хлѣба нѣтъ въ запасѣ. Высвободивъ руку спутницы, онъ извинился, попросилъ ее обождать съ минутой у окна, а самъ вошелъ въ магазинъ, чтобы купить фруктовъ, печеній, конфетъ, и—что приглянется. Приглянулось ему многое, полбутылка рому съ негритянкой на этикетѣ, въ томъ числѣ, —на всякій случай... „Кто знаетъ?—быть можетъ, что понадобится... И даже обоймъ“... Негритянка обошла въ два рубля съ копейками. Когда же галаantinый приказчикъ заваяалъ тюкъ товаровъ и, подавая его съ расшаркиваніями, сообщилъ, что съ покупателя причтается четыре рубля шестьдесятъ семь копеекъ, Набросковъ похолодѣлъ: пятишница, которую онъ протянулъ къ кассиру, была послѣднимъ его капиталомъ. Правда, что тутъ, въ тючкѣ, была колбаса, ветчина, анчоусы въ томатѣ, сыръ... Но до присыла денегъ изъ дому могло пройти нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ придется, вѣроятно, переиспытывать муки желудочнаго голода, уже знакомыя по опыту. Правда и то, что ассортиментъ голодныхъ мукъ, какъ это хотѣлось бы думать, долженъ теперь значительно сократиться, благодаря тому обстоятельству, которое стоитъ за окномъ; но, тѣмъ не менѣе... принимая во вниманіе... Гм! гм! Да-а! Правъ поэтъ!—даромъ ничто не дается: судьба жертвъ искупительныхъ просить... А на послѣдїя тридцать три копейки надо еще купить булокъ!

Вышелъ онъ однако съ своимъ тючкомъ непринужденной походкой миллионера и даже щегольнулъ снобизмомъ, предложивъ дамѣ извозчика. Къ великому удовольствію сноба, дѣвушка предпочла итти пѣшкомъ, искренно сознавшись, что ей прїятно быть съ нимъ подъ ручку. Онъ готовъ былъ расцѣловать это милое созданье.

Дошли они до мѣста почти молча: дѣвушка была очень не болтлива, казалась подавленной; молодой человекъ не могъ отдѣлаться отъ досадной тревоги при мысли о хозяйкѣ. „Вѣдь въ сущности не о чемъ и тревожиться-то!“—пытался онъ урезонить себя: „что въ томъ особеннаго, что молодой мужчина, свободный отъ всякихъ узъ, холостякъ, принимаетъ у себя дѣвушку, которая ему нравится? Правда, при извѣстной придиричivosti, ее можно причислить къ разряду такъ называемыхъ первыхъ встрѣчныхъ; но что та-

кое первый встрѣчный? Не что иное, какъ человѣкъ, который встрѣтился въ первый разъ. Но вѣдь всѣ самыя прочныя, самыя почтенныя связи не могли бы осуществиться, если-бы не начинались роковой первой встрѣчей... Да и какое мнѣ дѣло, что подумаетъ обо мнѣ моя хозяйка!—я ей не сынъ, не мужъ, я ей даже не долженъ за комнату, такъ-какъ заплатилъ по первое. Плевать въ сущности я хочу на нее“!

Однако сердце у него билось сильнѣе обыкновеннаго, когда онъ поднимался на лѣстницу и шелъ корридоромъ, озираясь какъ воръ и стараясь сохранить независимый видъ, непринужденную поступь, чтобы не смутить, не напугать кроткую овечку, довѣрчиво слѣдовавшую за нимъ. „Собственно говоря, вѣдь это изъ-за нея приходится мнѣ испытывать тревогу“,—догадался онъ, миновавъ самое опасное мѣсто—комнату хозяйки. „Вѣдь беспокоить меня не то, что хозяйка обо мнѣ подумаетъ, а то, что она можетъ подумать о моей гостьѣ“.

Къ счастью, корридоръ былъ пустъ, дверь къ хозяйкѣ затворена. Ихъ никто не видалъ, и Набросковъ вздохнулъ свободно, очутившись въ своей каморкѣ, гдѣ уже горѣла лампа, и на столѣ чернѣлся подносъ съ чайникомъ и стаканомъ, ожидавшіе жильца и самовара; Набросковъ пожалѣлъ, что самоваръ еще не поданъ: внеся его, хозяйка заканчивала свои дневныя услуги жильцу и уже не появлялась до утра.

Пригласивъ гостью раздѣться и сѣсть, Набросковъ занялся распаковкой свертка, размѣщеніемъ сластей, фруктовъ и яствъ; негритянка же пока что юркнула подъ столъ. Вскрывая консервы, онъ искоса оглядывалъ вѣщность гостьи и находилъ, что она одѣта прилично и мило. Черное кашмировое платье, шитое безъ вычуры, но съ большимъ вкусомъ, чрезвычайно шло къ матовоблѣдному личику, чистому, свѣжему, какъ у ребенка. И держалась она прекрасно, сидя у стола съ полуопущенной головой,—скромно, но не смущенно; съ этой задумчивой миной на блѣдномъ лицѣ труженицы молодая красивая дѣвушка напоминала интеллигентную женщину, студентку, а не ремесленницу. Также можно было принять ее и за родственницу жильца.

Всѣ тревоги Наброскова окончились, когда хозяйка подала самоваръ и обвела своими оловянно-петербургскими глазами юную гостью: она несомнѣнно вынесла благоприятное впечатлѣніе, потому что тотчасъ же принесла приборъ для гостьи, не дожидаясь просьбы. Жилецъ былъ искренно

ей благодаренъ. Она ушла, плотно затворивъ дверь за собой, и молодые люди остались одни.

Теперь, когда не было уже причинъ волноваться какими-либо опасеніями; когда общественное мнѣніе въ лицѣ юркой толстухи санкціонировало своимъ молчаніемъ присутствіе молодой дѣвушки въ комнаткѣ молодого человѣка,—теперь этотъ молодой человѣкъ, каратель общества, почувствовалъ себя счастливо настроеннымъ, спокойнымъ и свободнымъ дѣлать что ему угодно,—желать и требовать отъ жизни наслажденій, пить, ѣсть и любить... Въ этомъ спокойно-тепломъ настроеніи, онъ поднялъ глаза на пріумолкшую гостью, предлагая ей кушать чай, и замѣтилъ, что на ея красивомъ, матовоблѣдномъ лицѣ залегли тѣни не одной только задумчивости, но и глубокой печали: ея улыбка казалась болѣзненной... Это меланхолическое выраженіе на личикѣ молодой и миловидной гостыи не поощряло хозяина къ настойчивому желанію иныхъ наслажденій жизни, кромѣ ѣды и питья, хотя онъ и старался подкрѣпить свою волю крѣпкимъ ямайскимъ ромомъ. Но, вмѣстѣ съ приливами и отливами желанія, ему неоднократно въ теченіе вечера пришлось вздрогнуть и испытать пріятное смущеніе: это случалось въ тѣ моменты, когда онъ поднималъ глаза на дѣвушку и встрѣчалъ ея упорный взглядъ, прикованный къ нему. Она всякій разъ потупляла глаза, а на ея блѣдныхъ щекахъ проступалъ едва уловимый румянецъ.

IV.

Они пиршествовали долго, почти до двѣнадцати. По выраженію лица гостыи, хотя меланхоличному, но спокойному, по ея мирной, отдыхающей позѣ Набросковъ безъ справокъ угадывалъ, что ей пріятно сидѣть у него, не хочется уходить; съ нарастаніемъ времени, его тревожила мысль о томъ, что могутъ подумать о позднемъ отсутствіи дѣвушки ея родные, хозяйева; но и ему самому чрезвычайно нравилось ея сосѣдство, и онъ охотно подавлялъ эту легкую тревогу;—тѣмъ болѣе, что, какъ это выяснилось изъ разговора, она была сирота, одинока, свободна. Чувствовалъ онъ себя въ самомъ счастливомъ настроеніи,—мирномъ, благодушномъ, расплывчато-лѣнливомъ, и щурился глаза, какъ дремлющій котъ, изучая лицо, фигуру, манеры дѣвушки. Ея скромная, некричащая красота давала ей мѣсто въ ряду тѣхъ женщинъ, одаренныхъ духовно, о которыхъ говорятъ, что онѣ пріглядчивы: являлась возможность изучать эту скромную красоту

безъ конца, находя въ каждый новый моментъ новыя счастливыя штрихи. Не говоря уже о дивномъ взглядѣ кроткихъ черныхъ глазъ, которые были безусловно прекрасны, хороши были на мраморно-бѣломъ фонѣ низкаго и гладкаго лба тонкія черныя брови; а обильный шелкъ рѣсницъ клавшихъ выгодныя тѣни на матовую бѣлизну щекъ, внушаль художнику мысль использовать этотъ эффектъ кистью, при передачѣ тихой печали, страдальческаго утомленія; красива была богатая черная коса, сложенная на овальной головѣ скромно, но съ удачнымъ вкусомъ, а-ля-каска... Особенно цѣннымъ казалось въ этомъ миломъ личикѣ то, что его дѣйствиительно-чистая кожа не носила и слѣда косметиковъ,— цѣннымъ даже и при томъ условіи, что пылика невиннаго кармина могла-бы придать жизненный тонъ этимъ щекамъ, блѣдность которыхъ прямо-таки пугала, намекая на возможность глубоко-затаенной скорби, съѣвшей всѣ живыя краски. Но всего богаче была эта милая гостья той духовной красой, передъ которой безсильны кисти, рѣзцы, даже слова, которую передать душѣ умѣетъ только глазъ,— очарованіемъ страстнаго порыва, сознательно заглушеннаго и метавшаго свои искры лишь въ упорномъ взглядѣ, избѣгавшемъ встрѣчи; красотой глубокаго отчаянія, боявшагося быть замѣченнымъ и все-же примѣтнаго въ меланхолическомъ пониканіи головы, въ улыбкаѣ, ясная веселость которой легко переходила въ болѣзненную гримаску... Для разомлѣвшаго хозяина, съ которымъ уже окончательно раскланялась негритянка, было ясно, что его юная гостья удручена какимъ-то страшнымъ несчастьемъ, давившимъ сильнѣе, чѣмъ круглое сиротство и бѣдность, одиночество и лишенія, о которыхъ она говорила безъ жалобъ, съ примиренной покорностью; и это впечатлѣніе старательно скрываемого горя, глубоко трогавшее Наброскова, совершенно его отрезвляло, прогоняло послѣдніе остатки тѣхъ намѣреній, которыя еще слабо шевелились въ умѣ. Впрочемъ, онъ и чувствовалъ себя такимъ покойнымъ, такимъ утихомираннымъ въ эту ночь, какимъ рѣдко бывалъ: не ныли нервы, голова не горѣла, кровь тихо совершала свой круговоротъ... Какъ-будто одно уже присутствіе довѣрчиво покорной и милой дѣвушки дало ему все то, чего недоставало для полноты его физической жизни.

Во всемъ же остальномъ, минуя тѣ паузы, которыя вели къ размысленіямъ и оставляли впечатлѣніе, ихъ первый вечеръ, ихъ бесѣда были идиллически-ясными, любовными до глупости. Они весело глотали чай, дружно ѣли колбасу, рыбу и фрукты, показывая другъ другу свои молодые зубы,

которые были бѣлы и красивы у обоихъ; даже побратались до такой степени, что мѣнялись уже закушеннымъ яблокомъ, предлагая попробовать, чье слаще. Отъ вина гостья отказалась наотрѣвъ, но призналась, мило потупясь, что набаловалась курить, работая по мочамъ и дымилла охотно, пользуясь портсигаромъ хозяина. Онъ сообщилъ, что угадалъ въ ней швею.

— А, такъ!—подтвердила гостья, слегка вспыхнувъ и подняла руку.—Вы это по рукамъ узнали?—спросила она, разглядывая исколотые пальцы на своей хорошенькой, узкой и бѣлой ручкѣ. Художникъ не подтвердилъ ея предположенія, занявшись изученіемъ ручки: хорошенькая ручка имѣла некрасивые ногти, напоминавшіе скорлупку подсолнуха.

— Вы испортили ваши красивыя руки!—воскликнулъ онъ съ упрекомъ артиста,—у васъ дурная привычка обгрызать ногти...

Дѣвушка тотчасъ-же спрятала подъ столъ обѣ руки, кивнувъ на молодого человѣка смущенный, почти испуганный взглядъ.—„Какъ она естественна!—подумалъ онъ съ теплымъ, почти отеческимъ восторгомъ.—Она даже кокетничать не умѣетъ совѣмъ!“

Минуя паузы, полныя смысла и значенія, содержащія больше выразительности, чѣмъ иная принужденная болтливость, молодые люди вели оживленный товарищескій разговоръ, не выбирая темъ,—о бѣдности, которой трудно живется въ Петербургѣ, о баснословно низкихъ цѣнахъ на мясо и птицу въ Уфѣ, о Саррѣ Беккеръ, о самихъ себѣ, о текущихъ событіяхъ, наконецъ.

Уже наговорившись обо всемъ, Набросковъ вспомнилъ съ большимъ изумленіемъ и веселымъ смѣхомъ, раздѣленнымъ и его гостьей, что они оба, разболтавшіеся какъ старые друзья, совершенно не знаютъ другъ друга по имени. Нахихикавшись, они примолкнули и стали знакомиться. Первымъ назвалъ себя Набросковъ, сообщивъ необходимыя данныя о своемъ званіи и ремеслѣ. Затѣмъ, видя, что его гостья медлитъ съ предъявленіемъ вида, какъ-будто борется съ нерѣшительностью, онъ спросилъ.

— Ну, а васъ какъ зовутъ?

— Вроничъ-Михайловская, Зинаида Михайловна,—назвала себя дѣвушка отчетливо и твердо, при чемъ ея голосъ странно трепеталъ, а глаза не менѣе странно горѣли, глядя на молодого человѣка упорно-прямо,—какъ будто она вручала ему одну изъ собственныхъ драгоценностей, называя свою фа-

милію, составлявшую, повидимому, для нея предметъ гордости.

— Какъ?! — воскликнулъ Набросковъ, выпрямляясь съ широко открытыми глазами, вспыхнувъ отъ крайняго изумленія, — Зинаида Михайловна?! Васъ зовутъ Зинаида Михайловна? — повторилъ онъ ея имя, растягивая слоги.

— Такъ! — подтвердила она, не сводя съ него упорнаго взгляда. — Я вамъ правду сказала, — добавила дѣвушка, видѣливъ *вамъ* съ первой высотой голоса, чего Набросковъ впрочемъ не замѣтилъ. — Онъ откинулся къ спинкѣ стула, усиленно теръ лобъ и поглядывалъ на гостью не своими, почти испуганными глазами.

— Зинаида Михайловна, — медленно шепнулъ онъ какъ-бы самому себѣ. — Да неужели это правда?.. Неужели васъ такъ и зовутъ — Зинаида Михайловна?..

— Клянусь богомъ! — страстно побожилась дѣвушка, въ глазахъ которой сверкнули слезинки. — Вамъ-то я не могла-бы солгать!..

Набросковъ опомнился наконецъ, понявъ, что его странное недоумѣніе причиняетъ обиду бѣдной дѣвущкѣ. Онъ положилъ локти на столъ, задумчиво разсмѣялся и сказалъ:

— Вотъ странное совпаденіе!.. Простите, Зинаида Михайловна, что я такъ глупо, не деликатно, нетактично впалъ въ изумленіе и причинилъ вамъ непріятность разспросами. Это оттого, что я не могъ не пораазиться почти до испуга, услышавши ваше имя-отчество... Право, въ этомъ есть что-то просто невѣроятное!.. У меня есть знакомая... Моя землячка... Женщина, которая... которую... которую я очень любилъ, — закончилъ онъ торопливымъ шепотомъ.

— Вы увидите мой паспортъ, — тихо сказала дѣвушка съ болѣзненной улыбкой, кривящей губы. — Я вамъ только правду сказала! — добавила она едва слышно и печально.

Но Набросковъ не замѣтилъ и на этотъ разъ задушевныхъ отгѣвковъ, трепетавшихъ въ голосѣ Зиночки, увѣрявшей его, не щадя себя, что она ему не солгала, не могла солгать: высказавши признаніе, стоившее усилія и сердечнаго замиранія, онъ молча уставился на гостью съ задумчивой разсѣянностью человѣка, которому есть чѣмъ пощекотать до боли свою душу. Въ ненарушимомъ молчаніи смотрѣлъ онъ не межѣе получаса на блѣдное личико гостью разсѣяннo-упорнымъ взглядомъ, не видя ея, не замѣчая того, что причиняетъ ей муку, отъ которой она то низко понижаетъ, то подниметъ на него печально-улыбающіеся, молящіе глаза; — ничего онъ не замѣчалъ, шевеля свою зіяющую.

рану... И, когда онъ нашевеливъ ее вдосталь, очнулся отъ скорбно-эгоистической задумчивости, то не нашель ничего въ утѣшеніе опечаленной Зиночкѣ, кромѣ похвалы собственной проницательностью.

— Я по вашему акценту угадалъ, что вы полька, еще не зная вашей фамиліи. Такъ вѣдь это?

— Такъ... Все-жъ-таки по польски я не умѣю, забыла... Я не совѣмъ полька: полякъ былъ мой отецъ, мать же—русская. И я—русская.

— Они живы, ваши родители?

— Нѣтъ,—тихо отвѣтила Зиночка, опустивши голову.— Отецъ померъ четыре года тому. Мать же померла давно, когда мнѣ было лѣтъ шесть...

Это сообщеніе о сиротствѣ, высказанное примиренно, кротко, безъ жалобы, возвратило Зиночкѣ все вниманіе Наброскова, забывшаго гостю ради собственной сердечной раны. Онъ живо представилъ себѣ трогательную беззащитность молодой дѣвушки, круглой сиротки, одинокой среди миллионнаго населенія, предоставленной самой себѣ во всемъ, жалкой какъ незримая мошка, до которой нѣтъ дѣла никому въ этомъ холодномъ, эгоистически-черствомъ городѣ... Разспрашивать о тяжелыхъ подробностяхъ существованія одинокой труженицы, казалось ему, было-бы жестоко. И потому, вмѣсто разспросовъ, какъ она живетъ, сколько зарабатываетъ, „хочется-ли ей, небогѣ, хлѣба, а можетъ и мяса“—вспомнилъ Наброскову добрый Перерепенко, — вмѣсто всякихъ разспросовъ, онъ сообщилъ Зиночкѣ подробности о себѣ. Сказаль, что и онъ такъ же одинокъ, да почти такъ же и сирь, какъ она;—живы его родители, но ему чужды; родственниковъ у него чуть ли не цѣлый Мензелинскъ, но съ ними—ничего общаго у художника, восполняющаго здѣсь, въ Питерѣ, пробѣлы своей техники, передъ тѣмъ, какъ отправиться для усовершенствованія въ Мюнхенъ.

Интереснѣйшій изъ сюжетовъ,—личное я, собственные планы,—заявлъ на долго молодого человѣка, отъ головы котораго не отрывался упорный взглядъ Зиночки, смущенно потуплявшей всякій разъ, какъ глаза Наброскова захватывали ее врасплохъ. Кинувъ случайно взглядъ на часы, Набросковъ увидѣлъ, что уже идетъ двѣнадцатый и встревожился.

— Разболтались мы съ вами, Зинаида Михайловна, и не замѣчаемъ, какъ время летитъ!—воскликнулъ онъ, засмѣявшись.—Знаете,—уже двадцать пять двѣнадцатаго... За Вол-

гой спать и намъ велятъ, — какъ наши земляки выражаются, — пошутить онъ.

Зиночка какъ-то подтянулась при этой шуткѣ, ея блѣдное лицо стало какъ-будто еще блѣднѣе, какъ-то одеревенѣло, а глаза потухли. И если бы художникъ былъ лучшимъ психологомъ, онъ уловилъ бы въ неподвижности безкровнаго лица, въ безжизненномъ взглядѣ черныхъ глазъ дѣвушки то выраженіе покорной тоски, съ которымъ побѣжденный гладиаторъ ждетъ вопля „добей его“, жертва суда подъ ножомъ палача — замаха ножа. Но Набросковъ, замѣтивъ перемѣну съ Зиночкой, объяснилъ себѣ ея причину гораздо проще: онъ подумалъ, что его молодая гостья, забывшая съ нимъ о времени, испугалась, что такъ поздно явится домой, что ей, быть можетъ, предстоитъ дальняя дорога, въ отдаленный конецъ, куда она доберется не скоро. Онъ спросилъ:

— Вы далеко живете, Зинаида Михайловна?

— Нѣтъ, — отвѣтила она едва слышно, одиѣми губами, безъ голоса, съ тѣмъ же потухшимъ взглядомъ. — На Пушкинской...

— Такъ я провожу васъ, — сказалъ Набросковъ, поднимаясь со стула.

Голова Зиночки замѣтно вздрогнула, черные глаза вспыхнули живымъ огнемъ изумленія и поднялись къ глазамъ молодого человѣка съ дивнымъ выраженіемъ теплой нѣги, благодарнаго восторга. Онъ залюбовался этимъ взглядомъ, въ которомъ читалъ только простое удовольствіе отъ проявленной имъ предупредительности.

— Какіе у васъ красивые, чудные глаза, Зинаида Михайловна! — сказалъ Набросковъ тихо, прочувствованно, отъ глубины художественнаго восторга.

— Мы пойдемъ? — спросила дѣвушка, все еще какъ-будто не рѣшаясь повѣрить серьезности намѣренія молодого человѣка, уже искавшаго свою шляпу.

— Конечно, конечно! — поспѣшилъ увѣрить ее Набросковъ. — Собственно, мнѣ слѣдовало бы, какъ хорошему хозяину, отвезти свою дорогую гостью на извозчикѣ, въ виду поздняго часа; но... Говоря откровенно, по-товарищески, — расхохотался онъ, — въ карманѣ — ни обола въ настоящую минуту... Ужъ, простите, Зинаида Михайловна, — придется намъ пѣшечкомъ, — ха-ха!..

Зиночка медленно подыалась, съ подавленнымъ вздохомъ удовольствия. Ея движенія стали плавны и томны; она вся какъ-то размякла. По ея лицу, къ которому вернулась его

милая матовость, блуждала улыбка, какъ-будто довольная, какъ-будто и грустная въ то же время... Голова ея томно покачивалась, точно тяготясь богатствомъ косы, узкія плечи лѣниво двигались, обнаруживая подавленное желаніе сладко потянуться. Она не спѣшила одѣться. Теперь, когда она убѣдилась въ возможности такого оборота дѣла, на который не смѣла рассчитывать, ей хотѣлось помедлить, сказать что-то, что-то сдѣлать... быть можетъ обнять молодого человѣка, вскинувъ руки для томной потяготы: объ этомъ желаніи, кажется, говорилъ ласкающій и горящій взглядъ черныхъ глазъ, подернувшихся блестящей влагой. Во всей ея фигурѣ, въ лицѣ, въ улыбкѣ, во взглядѣ краснорѣчивыхъ глазъ, умѣвшихъ говорить лучше, чѣмъ умѣла сама молчаливая дѣвушка, — во всемъ у ней произошла счастливая перемѣна: не было уже тѣни скорбной, болѣзненной надломленности; вся она тихо сіяла.

Но было необходимо одѣться: хозяинъ уже держалъ распахнутымъ ветхіи дипломатикъ. Вяло и нехотя двинулась она съ опущенной головой къ Наброскову, покорно натянула, при его помощи, рукава и стала на мѣстѣ. Онъ догадался, судя по ея опущенной головѣ и блуждающей, неувѣренной улыбкѣ, что ей хочется что-то высказать.

— Вы что, Зинаида Михайловна? — спросилъ онъ. — Забыли что-нибудь?

— Нѣтъ, — шепнула она, не поднимая головы.

— Что же, — хотите что-нибудь сказать? — склонился онъ къ ея лицу.

— Вотъ что, — вымолвила дѣвушка съ большимъ усиленіемъ, нѣжа его бархатнымъ взглядомъ, искрящимся и упорнымъ. — Зовите меня... Зиной...

— Только-то? — разсмѣялся Набросковъ. — Отлично, милая дѣвушка, — я буду называть васъ Зиночкой. Я вижу, мы съ вами отлично подружимся, и я, ей богу, очень радъ этому!.. И вы, Зиночка?..

Она отвѣтила по-своему, — взглядомъ. Будь ея сосѣдъ крошечку поопытнѣе, менѣе юнъ душой, менѣе наивенъ, этотъ пылающій взглядъ оказался-бы факеломъ, производящимъ взрывъ... Но Наброскову необходимо было поразсуждать, да подумать извѣстное время, покопаться у себя въ душѣ, прежде чѣмъ совершить какой-нибудь непривычный шагъ: чувство въ его сердце проникало не иначе, какъ черезъ голову. И этотъ огневой взглядъ онъ только лишь одобрилъ, съ точки арвінія художественной критики.

— Ну, что за глаза, Зиночка!.. Я, право, влюбился въ

нихъ... Мнѣ, вѣрите ли, впервые приходится видѣть такую художественную рѣдкость, какъ эти глаза, способные говорить, говорить и говорить!.. Постичь ихъ безконечныя варьяціи экспрессіи—цѣлая область искусства... У вашей тетки которую... которая... У ней тоже дивно красивые глаза, — лучистые, мягкіе... Но и въ нихъ я никогда не подмѣчалъ такой выразительности. Не зависитъ-ли тутъ, однако, многое отъ фона, отъ окраски райка?—У той Зинаиды Михайловны глаза сѣміе; у васъ же—сильно темнокаріе... Впрочемъ, — поздно, — прервалъ онъ себя, смѣясь.—Пора бѣжать... Идемте, Зиночка.

— Идемте, — шепнула дѣвушка покорно и чутьчку грустно.

Дорогой Набросковъ вернулся къ вопросу о фонѣ глазъ, наиболѣе выгодномъ въ смыслѣ выразительности, и долго, на всемъ прѣтяженіи Литейнаго, по которому они шли не торопясь, терзалъ бѣдную Зиночку дифирамбами лучистымъ синимъ глазамъ, съ единственной цѣлью,—похвалить глаза темнокаріе. Выйдя же на Невскій, онъ вдругъ поразился тѣмъ обстоятельствомъ, что вотъ они съ Зиночкой чувствуютъ себя старыми друзьями, какъ-будто вѣкъ были знакомы, тогда какъ всего нѣсколько часовъ, какъ познакомились.

— Какъ это странно, не правда ли?—воскликнулъ онъ.

— Не странно,—отозвалась Зиночка.

— То-есть какъ это не странно?—удивился Набросковъ.

— Вамъ странно, а мнѣ—нѣтъ. Это вы видите меня только второй разъ, а же васъ...

Она замолкла, не докончивъ фразы.

— Ну? А вы меня?—спросилъ онъ, уже польщенный.

— Много разъ.

— Гдѣ же это?

— Вездѣ, —призналась Зиночка съ чарующей простотой.— Разъ въ музей Патека, разъ въ опереткѣ, въ Аркадіи, нѣсколько разъ на Невскомъ, вотъ здѣсь... А въ первый разъ, — въ Таврическомъ саду, еще въ маѣ мѣсяцѣ...

И она описала ему во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ его поведеніе въ тотъ вечеръ, когда онъ былъ въ Таврическомъ саду, о чемъ онъ самъ и не помнилъ.—Онъ, по словамъ Зиночки, ходилъ около пруда, стоялъ у тира, сидѣлъ противъ вокзала, потомъ на терраскѣ, за столомъ, гдѣ выпито было имъ полбутылки вина, потомъ снова ходилъ тамъ-то, сидѣлъ тутъ-то... Однимъ словомъ, каждый его шагъ въ этотъ вечеръ былъ замѣченъ и отмѣченъ въ памяти Зиночки.

Набросковъ не чувствовалъ земли подъ ногами, ликуя отъ удовольствія, что онъ такой интересный...

— Вотъ мы и пришли,—прервала Зиночка свой отчетъ около воротъ одного изъ домовъ на Пушкинской. Набросковъ оглядѣлся, замѣтилъ номеръ дома на фонарѣ: ворота выходили какъ разъ противъ памятника, номеръ дома онъ, шая, принялся затверживать, въ то же время пожимая руку Зиночки.

— Вы... не зайдете?—робко спросила она, едва слышимымъ, торопливымъ голосомъ, въ которомъ ему послышалось опасеніе, какъ-бы онъ не вадумалъ съ большого ума тотчасъ-же отплатить визитъ.

— Что вы, что вы, Зиночка!—воскликнулъ онъ.—За кого вы меня принимаете?.. Учинить такой дебошъ въ неурочный часъ!.. Что могутъ подумать ваши сосѣди, наконецъ—хозяйева.

Дѣвушка помолчала, низко уронивъ голову и потомъ попросила такъ же робко:

— Ну, проводите меня до нашей двери... Чтобы вы знали, гдѣ я живу,—добавила она, грустно улыбнувшись.

Онъ подалъ ей руку и довелъ ее до ея двери, у которой и распрощался съ ней, заручившись разрѣшеніемъ быть у ней, если имъ не случится увидѣться въ скоромъ времени. Къ себѣ онъ ее не приглашалъ, побаиваясь квартирной хозяйки: повтореніе визита, думалъ Набросковъ, могло-бы конечно вызвать кое-какія подозрѣнія, уронить Зиночку во мнѣніи юркой старушки, а онъ считалъ себя обязаннымъ охранять доброе имя одинокой, беззащитной дѣвушки, сиротки, покровителемъ которой становился, по волѣ случая, по выбору кроткой, доврчивой Зиночки, напившейся у него чаю, въ его комнаткѣ, наединѣ съ нимъ.

Она жила въ глубинѣ громаднаго дома, въ одномъ изъ его заднихъ корпусовъ, куда надо было пройти черезъ два двора и трое воротъ. Торопливо распростившись съ Зиночкой и возвращаясь на Пушкинскую этими дворами, безлюдными въ такой поздній часъ, свѣтлыми отъ фонарей на стѣнахъ, чистыми и строгими, Набросковъ испытывалъ смутное чувство отвѣтственности за чистоту своихъ намѣреній, которыя, слава Богу, не осуществились, и легкаго недовольства собой, неяснаго для него самого. Было какъ-то немного совѣстно этихъ строгихъ корпусовъ, темныя окна которыхъ провожали вопросительно-холодными взглядами человѣка, завязавшаго скороспѣлую дружбу съ дѣвушкой, ему почти незнакомой... Являлось даже желаніе оправдать эту скоро-

спѣлость перечисленіемъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ, подмѣченныхъ въ Зиночкѣ,—ея незаурядной миловидностью и ея подкупающей довѣрчивостью.

На Невскомъ, который переходилъ Набросковъ, выйдя изъ Пушкинской улицы, мелькали рѣдкіе пѣшеходы, тянулись клячки мочныхъ извозчиковъ, утомленно бродили городовые и скользили по широкимъ тротуарамъ жалкія существа, „допускаемая фарисейской толерантностью общества“. Эти несчастныя женщины торопливо рѣяли тамъ и сямъ, какъ непримиримыя тѣни, догояя мужчинъ, что-бы шепнуть имъ: „Ципынька... Пойдемте ко мнѣ!“ И въ этомъ полумочномъ шепотѣ тѣней, рѣявшихъ по спящему въ электрическомъ сіяніи проспекту, чувствовалась надорванная мука покинутыхъ, изголодавшихся животныхъ... Въ ночной тишинѣ ихъ шепотъ слышался даже черезъ улицу и сжималъ сердце отвратительной помѣсью чувствъ,—скорбью и презрѣніемъ. Онѣ умоляли сытыхъ людей купить ихъ тѣло на часъ, на нѣсколько часовъ, умоляли съ торопливой и дѣланной ласковостью въ голосъ, въ усмѣшкѣ, говорившей случайному покупателю, что онѣ, эти тѣни, готовы на все, ради скудной платы; не умоливъ одного, услышавъ отказъ, часто грубой, циничный, онѣ спѣшили къ другому, къ третьему... къ десятому, не имѣя времени негодовать на грубіяна, торопясь снова шепнуть съ той же безпокойной ласковостью свое приглашеніе: „Ципынька!“..

А бдительный глазъ городского, посланнаго сюда чело-вѣческимъ закономъ охранять поруганіе законовъ божескихъ, вносилъ порядокъ въ богопротивную безпорядочность стношеній чело-вѣка къ чело-вѣку, спокойно и зорко слѣдя за этой куплей-продажей тѣла, за рѣющими тѣнями.

Одна изъ нихъ остановилась передъ Набросковъ, внушивъ ему ужасъ своимъ безобразнымъ видомъ. Онѣ походила, увидѣвъ при свѣтѣ могучаго фонаря старуху-карлицу, въ лѣтней накидочкѣ линюче-желтаго цвѣта, въ убогой приплюснутой шляпенкѣ съ ярко-красными цвѣтами!—она была стара, дряхла, отвратительна, эта презрѣнная тѣнь... Крошечное морщинистое личико чудовища напоминало лицо трупика, размалеванное кощунственной рукой: на толстомъ словѣ бѣлили пылали кирпично-красныя пятна дешевыхъ румянъ; черная ямка беззубаго рта кривилась, дрожа, въ привѣтливую гримасу, слезящіяся глазки кокетливо подмигивали, кокетливо покачивалась трясущаяся головка... Скорчивъ автоматическую улыбку, старушонка автоматически зашептала:

— Шипишка...

— Прочь, прочь! — испуганно вскрикнулъ Набросковъ, отскочивъ и замахнувшись въ самое лицо дряхлой гадины. Только избытокъ отвращенія помѣшалъ ему опрокинуть эту воплощенную мерзость ударомъ... Она хихикнула дробнымъ безсильнымъ смѣхомъ, похожимъ на стоиъ и поползла дальше сѣменящей побѣжкой, влача по асфальту грязный подолъ, шлепая размошенной обувью.

Молодой человекъ былъ такъ пораженъ этою ужасной встрѣчей, какъ-будто бы перенесъ неожиданное и кровное оскорбленіе. Онъ проводилъ старушонку долгимъ взглядомъ, полнымъ страха, стращанія и скорби, — пока она не утратила вдали очертанія яркихъ пятенъ своей накидки и шляпки. Въ полумракѣ, гдѣ она таяла для взгляда Наброскова, ея крошечная фигурка очутилась рядомъ съ другой, болѣе высокой фигурой, и обѣ фигуры остановились на углу Николаевской. Эта другая фигура такъ напоминала Зиночку, что Набросковъ могъ бы похолодѣть отъ новаго испуга, если бы не зналъ, что его сегодняшняя знакомка дома, куда онъ ее проводилъ, и гдѣ она вѣроятно уже спитъ, если не клонить голову надъ спѣшной работой, коля пальцы иглой. Обѣ фигуры скрылись за угломъ Николаевской, и Набросковъ поплелся по Надеждинской къ себѣ, крайне подавленный, разстроенный и встревоженный. Но уснуть онъ однако безмятежнымъ сномъ, хотя и долго ворочался, скорбя о несчастныхъ тѣняхъ Невского.

Гольдебаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* *
* *

Какъ музыку сказки наивной,
Какъ милые дѣтскіе сны,
Я слушаю шопотъ призывный,
Плѣнительный говоръ волны.
Усталъ я отъ шума людского,
Усталъ отъ гигантовъ—домовъ,
Бѣгу возбужденья большаго,
Ищу примиряющихъ сновъ.
Недолгая будетъ отрада:
Я скоро почую опять,
Что тянетъ, что хочется, надо
Въ тревогу людскую бѣжать.
Но здѣсь мнѣ легко и привольно
И хочется жить не спѣша,
Какъ нѣкогда, сладко и больно
Сжимается чѣмъ-то душа.
Но вѣрится рѣчи призывной,
Шумящимъ, манящимъ волнамъ,
Какъ музыкѣ сказки наивной,
Какъ милымъ ребяческимъ снамъ.

Л. М. Василевскій.

Семейство Оберлэ.

РОМАНЪ РЕНЕ ВАЗЕНА.

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

III. Первый завтракъ въ семьѣ.

Жанъ Оберлэ медленно шелъ по направленію къ звонку. Все радовало его въ эту минуту. Послѣ многихъ лѣтъ отсутствія онъ опять входилъ въ этотъ міръ, гдѣ долженъ былъ жить, работать, найти свое счастье. Эти три слова: жизнь, трудъ, счастье мелькали въ его умѣ почти безсознательно; они всплывали, смѣняя одно другое, словно стая дельфиновъ на поверхности моря, и другія слова слѣдовали за ними: полная комфорта жизнь въ семьѣ, значеніе въ обществѣ, усовершенствованія и расширеніе завода. Этотъ домъ, къ которому онъ шелъ, былъ его роднымъ домомъ. Идя вдоль ручья по аллеѣ, онъ смотрѣлъ на него съ нѣжностью; съ уваженіемъ поднялся по ступенямъ его крыльца, вспомнивъ, что этотъ домъ выстроенъ дѣдомъ, которому онъ и принадлежалъ до сихъ поръ, какъ и все имѣніе, впрочемъ, за исключеніемъ лѣсопильни и лѣсного двора.

Пройдя широкія сѣни, тянувшіяся вдоль всего дома отъ одного его фасада до другого, Жанъ отворилъ крайнюю дверь налѣво. Столовая была единственная комната, «обновленная» по вкусу и указаніямъ Жозефа Оберлэ. Въ другихъ комнатахъ, залѣ, биллиардной и спальняхъ все еще стояла купленная дѣдомъ мебель краснаго дерева, обитая зеленымъ или желтымъ утрехтскимъ бархатомъ. Въ столовой-же, «въ моемъ про-

изведеніи», какъ говорилъ Жозефъ Оберлэ, бросалось въ глаза полное отсутствіе прямыхъ линій. Оттѣнки цвѣтовъ замѣняли въ ней сталь. Стѣны до половины были покрыты рѣзьбой изъ голубовато и лиловато-сѣраго, пепельнаго и розоваго клена съ жилками. Надъ рѣзьбой до самаго потолка, состоящаго изъ росписныхъ бревенъ, тянулось четыре панно, на которыхъ были изображены въ мягкихъ полутонахъ ирисы, штокъ-розы, вербены и глокциніи. Всюду, гдѣ только было возможно, кривыя линіи замѣняли прямыя. Рѣзьба на дверяхъ причудливо извивалась, словно стебли лианъ. Рама большого окна была изогнутой овальной формы. Буковые складные стулья были выписаны Жозефомъ Оберлэ изъ Вѣны. Въ общемъ стиль не былъ выдержанъ, но комната казалась прелестной, благодаря мягкому полусвѣту, царившему въ ней, и отдаленному сходству съ растительнымъ міромъ. Можно было принять ее за столовую молодыхъ счастливыхъ супруговъ.

Но тѣ четыре лица, которыя постоянно обѣдали здѣсь, и съ которыми Жанъ Оберлэ долженъ былъ сейчасъ встрѣтиться, далеко не отвѣчали этой картинѣ счастья и странно противорѣчили нарядной отдѣлкѣ комнаты. Они садились всегда неизмѣнно на тѣ-же мѣста, установленныя глубокими и давнишними симпатіями и антипатіями.

На лѣво, первая отъ окна, ближе всего къ свѣту, бросавшему на нее свой отблескъ сквозь граненныя стекла, сидѣла г-жа Моника Оберлэ. Высокая, стройная, съ лицомъ, когда-то полнымъ и свѣжимъ, а теперь блѣднымъ, сморщеннымъ и поблеклымъ, она производила впечатлѣніе существа, привыкшаго слышать со всѣхъ сторонъ только одну фразу: «Вы не правы!» Когда ей представляли гостя, то ея близорукіе, очень кроткіе глаза привѣтствовали его грустной улыбкой, готовой сейчасъ-же скрыться и ступеваться. Они сперва блуждали немного и останавливались на немъ, только когда убѣждались, что ихъ не оттолкнуть и не встрѣтить враждебно. Въ нихъ виднѣлся тогда свѣтлый умъ и очень доброе, но теперь немного замкнутое и грустное сердце, хотя еще и способное на иллюзіи и увлеченія молодости.

Рѣдко у кого была такая беззаботная юность, такъ мало подходящая къ той грустной роли, которую г-жа Оберлэ должна была потомъ играть. Ее звали въ то счастливое время Моникой Билеръ, изъ старинной фамиліи Билеръ изъ Обернэ. Изъ своего родного дома, возвышающагося остроконечнымъ шпилемъ надъ городскимъ валомъ, она видѣла передъ собою всю безконечную равнину Эльзаса. Садъ, въ которомъ она играла ребенкомъ, полный подстриженныхъ буксовъ,

грушъ и боярышника, отдѣлялся только рѣшеткой отъ городской стѣны, служившей мѣстомъ обычной прогулки для жителей Обернэ, и образъ родного Эльзаса запечатлѣвался каждый день въ душѣ ребенка; она научилась любить свою родину въ то время такую счастливую, любить красоту, миръ свободу, ея деревни, которыя она всѣ знала по именамъ. Моника Билеръ не знала ничего другого. Она оставляла Обернэ только на два лѣтніе мѣсяца, чтобы провести ихъ со всей семьей въ Хейденбрухъ на горѣ св. Одилии. Только разъ, за годъ до замужества, ей удалось перейти по ту сторону Вогезъ, отправляясь на богомолье въ Домреми въ Лотариніи. Это было три дня, полныхъ энтузіазма и горячей молитвы. Г-жа Оберлэ вспоминала объ этихъ дняхъ, какъ о самой чистой радости всей своей жизни. Она говорила: «Мое путешествіе во Францію.» Она осталась наивной; несмотря на свою замкнутую жизнь въ Альсхеймѣ, она сохранила способность легко увлекаться; сохранила искреннюю нѣжность и смѣлую, дѣвическую любовь къ своей родинѣ и къ своимъ землякамъ. Такъ что, когда ея мужъ сталъ сближаться съ нѣмецкой партіей и, наконецъ, вошелъ въ нее, она страдала сильнѣе, чѣмъ другая бы на ея мѣстѣ. Она страдала въ своей гордости эльзаски и еще больше въ своей материнской любви. По той-же-причинѣ, по которой она нравственно разлучилась съ мужемъ, отъ нея отняли и дѣтей. По морщинамъ ея преждевременно увядшаго лица можно было прочесть всѣ страданія, которыя прорвали ихъ: никому ненужную доброту и нѣжность къ другимъ, оскорбленіе за свою эльзасскую родину, разлуку съ Жаномъ и Люсьенной, бесполезность всего того сокровища любви, которое она накопила за свою дѣвическую и брачную жизнь.

Горечь этихъ страданій была тѣмъ сильнѣе, что г-жа Оберлэ нисколько не сомнѣвалась на счетъ истинныхъ мотивовъ, руководившихъ ея мужемъ. И мужъ понималъ это. Онъ былъ униженъ этимъ молчаливымъ свидѣтелемъ его поступковъ, свидѣтелемъ, которому онъ не могъ внушить страха, и котораго не могъ не уважать. Она воплощала въ себѣ все то, чему онъ измѣнилъ. Онъ всегда обращался именно къ ней, когда чувствовалъ потребность оправдаться—а онъ ее чувствовалъ на каждомъ шагу,—и когда раздражался, то именно противъ нея, противъ ея молчаливаго укора. Въ продолженіе двадцати лѣтъ ни разу онъ не могъ вырвать отъ нея ни одного слова согласія на то, чтобы Эльзасъ сталъ нѣмецкимъ. Эта скромная женщина уступала силѣ, но не соглашалась съ ней. Она сопровождала мужа въ нѣмецкія гостинныя, но держала себя тамъ

съ такимъ достоинствомъ, что никто не могъ ошибаться на счетъ ея убѣжденій, но въ то же время никто не могъ имѣть что-нибудь противъ нея за это. Своимъ тактомъ она умѣла сохранить не только одни внѣшнія приличія. Разлученная противъ воли съ дѣтьми, она не разлучилась съ мужемъ. Они до сихъ поръ жили въ одной комнатѣ, гдѣ стояли рядомъ ихъ брачныя постели. У нихъ бывали постоянныя сцены, иногда молчаливыя съ одной стороны, иногда рѣзкія и шумныя съ обѣихъ. Однако, г-жа Оберлэ понимала, что мужъ ненавидитъ въ ней только ея пронипательность и ея осужденія. Она надѣялась, что не всегда будетъ неправой. Теперь, когда дѣти выросли, и надо было принять важныя рѣшенія на ихъ счетъ, она ожидала, что въ благодарность за ея долгое терпѣніе и многочисленныя уступки, ей дадутъ наконецъ право голоса, и она заставитъ себя выслушать.

Направо, рядомъ съ ней всегда сидѣлъ дѣдъ Филиппъ Оберлэ. Въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, за пять минутъ до начала обѣда отворялась дверь и, опираясь на руку лакея, стараясь прямо держаться, входилъ старикъ въ домашнемъ костюмѣ изъ темной шерстяной матеріи съ красной лентой въ петличкѣ, и съ усталой, опущенной головой, почти закрытыми вѣками и безкровнымъ опухшимъ лицомъ. Его усаживали въ большое сѣрое кресло съ боковыми подушками для головы, обвязывали вокругъ его шеи салфетку, и онъ ждалъ начала обѣда, опираясь о спинку кресла и положивъ на столъ свои прозрачныя, какъ воскъ, съ узловатыми синими жилами руки. Когда всѣ собирались вокругъ стола, Жозефъ Оберлэ жаль ему руку; Люсьенна посылала ему поцѣлуй и много звонкихъ словъ своимъ свѣжимъ молодымъ голосомъ; г-жа Оберлэ наклонялась къ нему и прикасалась вѣрными губами ко лбу старика. Онъ смотрѣлъ на нее съ благодарностью. Онъ не смотрѣлъ на другихъ. Потомъ они оба дѣлали крестное знаменіе, потому что принадлежали къ старому богомольному Эльзасу. И г-жа Оберлэ молчаливо и сострадательно служила ему, зная его вкусы, понимая, что онъ стыдится своей неловкости, предупреждая его желанія; онъ ѣлъ медленно, съ трудомъ двигая ослабѣвшими челюстями; голова его все опиралась на кресло. Казалось, только она одна жила въ этомъ безжизненномъ тѣлѣ. Передъ его глазами, какъ на сценѣ, мелькали предки тѣхъ, о комъ говорили передъ нимъ. Онъ самъ не говорилъ, но вспоминалъ. Другой разъ онъ доставалъ изъ кармана ученическую аспидную доску и грифель, писалъ на ней два-три слова неувѣреннымъ почеркомъ, и протягивалъ ихъ своей сосѣдкѣ, поправку, забытое число, одобреніе, или очень часто протестъ противъ того,

что говорили на томъ концѣ стола. Обыкновенно, только по дрожанію его тяжелыхъ вѣкъ можно было догадаться, что онъ заинтересованъ или взволнованъ. И то это длилось лишь мгновенье. Жизнь опять исчезала въ глубинѣ темницы, стѣны которой онъ не могъ разбить. Его мысль, безсильная вырваться на свѣтъ, опять погружалась въ черную ночь. И несмотря на то, что всѣ члены этой семьи привыкли къ нему, видъ этого страданія и разрушенія всегда подавлялъ ихъ. Имъ было легче, когда за столомъ были гости, потому что дѣдъ и не старался тогда вырваться изъ давившаго на него круга темноты и смерти. Жозефъ Оберлэ до послѣднихъ лѣтъ стоялъ за то, чтобы представлять отцу своихъ гостей, пока отецъ не написалъ ему разъ на доскѣ: «Не представляй мнѣ никогда никого больше, особенно нѣмцевъ; они поклоняться мнѣ—этого достаточно». Жозефъ Оберлэ сохранилъ только привычку—и это была трогательная черта въ этомъ эгоистѣ—каждый вечеръ отдавать отчетъ о дѣлахъ завода его старому начальнику. Послѣ обѣда, когда обѣ женщины уходили въ гостиную, они оставались въ столовой за папирсой и онъ докладывалъ отцу объ утренней почтѣ, объ отправкѣ заказовъ и покупкѣ лѣса. И хотя Филиппъ Оберлэ только по имени оставался начальникомъ основаннаго имъ завода, ему казалось, что онъ еще можетъ подавать совѣты и управлять дѣломъ. Ему говорили опять о кленахъ, соснахъ, еляхъ, дубахъ, букахъ, среди которыхъ онъ прожилъ пятьдесятъ лѣтъ. Онъ дорожилъ этимъ «совѣщаніемъ», какъ онъ его называлъ, какъ единственной минутой, когда ему казалось, что онъ что-нибудь да значить въ жизни другихъ. Въ другое-же время онъ былъ только тѣнью, только присутствующей въ молчаніи душой, судившей обо всемъ, но рѣдко высказывающей свой приговоръ.

Сынъ расходился съ нимъ въ самомъ важномъ вопросѣ. Сидя за столомъ какъ разъ напротивъ отца, Жозефъ Оберлэ, конечно, могъ дѣлать видъ, что обращается за обѣдомъ только къ женѣ и къ дочери. Онъ могъ не смотрѣть на движущіеся отъ нетерпѣнія пальцы, что-то пишущіе для г-жи Оберлэ. Но онъ не принадлежалъ къ людямъ, замалчивающимъ тяжелые вопросы. Какъ всякій чловѣкъ, принявшій въ своей жизни важное рѣшеніе, и принявшій его послѣ долгихъ внутреннихъ колебаній, онъ постоянно возвращался къ нѣмецкому вопросу. Все служило ему для этого предлогомъ: похвалы, порицанія, случай изъ частной жизни, политическая новость, прочитанная въ утренней газетѣ, визитная карточка, принесенная почтальономъ, полученный изъ Ганновера или Дрездена заказъ досокъ, желаніе Люсьевны принять приглашеніе на нѣмецкій

баль. Въ немъ была потребность постоянно оправдывать себя въ томъ, что онъ сдѣлалъ, какъ у побѣжденныхъ генераловъ бываетъ потребность каждому объяснять проигранное сраженіе и необходимость поступить такъ, а не иначе. Онъ напрягалъ весь свой обширный умъ для доказательствъ своей правоты въ этомъ дѣлѣ совѣсти, уже давно поконченномъ, какъ онъ говорилъ, и не вызывавшемъ болѣе возраженій ни у больного дѣда, ни у униженной, обреченной на молчаніе жены.

Одна Люсьенна сочувствовала отцу и поддерживала его.

Она дѣлала это съ рѣшимостью молодости, не умѣющей падать ни страданія стариковъ, ни ихъ воспоминаній, всю эту прелесть ихъ прошлаго, и не понимая ихъ, какъ будто это были мертвыя слова, доступныя только холодному разсудку. Ей было двадцать лѣтъ; въ ней было много гордости и довѣрчивости, въ то же время много наивной вѣры въ себя; это была властная натура. Она пользовалась не вполне оправданной репутаціей красавицы. Стройная, высокая и хорошо сложенная, какъ и мать, она унаслѣдовала отъ отца болѣе широкия, ближе подходящія къ обычному эльзасскому типу черты лица и склонность къ полнотѣ. Формы ея молодого тѣла уже совершенно развились, и на тѣхъ, кто видѣлъ ее въ первый разъ, она производила скорѣе впечатлѣніе молодой женщины, нежели молодой дѣвушки. Лицо ея было чрезвычайно открытое и подвижное. Когда она слушала кого-нибудь, то глаза ея, не такіе большіе, какъ у брата, и болѣе свѣтлаго зеленого цвѣта, такъ и слѣдили за словами и выдавали каждое движеніе ея души.

Она мало мечтала; ея успѣхъ въ обществѣ объяснялся не живостью ея ума, а другой ея чарующей силой: необыкновенно яркимъ и нѣжнымъ цвѣтомъ лица, румяными губами и громадными свѣтлыми золотистыми волосами, такими тяжелыми, что они ломали черепаховыя гребенки, вырывались изъ прически и свѣшивались навадъ всей своей массой, окружая ея лобъ золотымъ ореоломъ и дѣлая ее похожей на молодую гордую богиню... Дядя Ульрихъ говорилъ ей, смѣясь: «Когда я цѣлую тебя, мнѣ кажется, что я цѣлую персикъ». У нея была красивая походка; она отлично играла въ теннисъ, плавала въ совершенствѣ, и не разъ инициалы ея имени были напечатаны въ газетахъ Баденъ-Бадена, въ статьяхъ, восхваляющихъ «нашихъ лучшихъ конькобѣжцевъ». Это физическое воспитаніе уже отдалило ее отчасти отъ матери, которая въ молодости умѣла только смѣло лазить по горамъ, а теперь и ходила мало. Но и другія причины повліяли на дочь и разлучили ее съ матерью глубоко и безповоротно. Это было, во-пер-

выхъ, чисто нѣмецкое образованіе пансіона Мюнднеръ, болѣе научное, торжественное, педантичное, разбросанное и далеко не такое религиозное, какъ образованіе матери, воспитанной сперва дома въ Обернэ, а потомъ въ Страсбургскомъ монастырѣ на улицѣ Минёръ у монахинь собора Богоматери. Но особенно повліяли на Люсьенну знакомства и среда. Честолюбивая, какъ отецъ, какъ и онъ, стремящаяся къ успѣху, она совсѣмъ вышла изъ-подъ вліянія матери и въ продолженіи семи лѣтъ была поручена нѣмецкимъ учительницамъ, принята въ нѣмецкомъ обществѣ, жила почти исключительно съ подругами — нѣмками и немного привыкла къ лести со всѣхъ сторонъ: здѣсь ее хвалили за ея прелестную натуру, — тамъ, по политическимъ причинамъ и бессознательному прозелитизму. У нея создался образъ мыслей, совершенно противоположный взглядамъ стараго Эльзаса. Вернувшись домой, она уже почти не понимала прошлаго своей родины и своей семьи. Тотъ кто защищалъ старину или жалѣлъ о ней, мать, дѣдъ, дядя Ульрихъ, были въ ея глазахъ представителями вымершей эпохи съ безразсудными ребяческими убѣжденіями. Она сейчасъ-же стала на сторону отца, противъ нихъ. И она страдала отъ этого. Ей было грустно видѣть себя окруженной людьми, которыхъ весь пансіонъ Мюнднеръ, всѣ ея знакомые изъ Баденъ-Бадена и Страсбурга считали отсталыми. Уже два года, что она жила въ этой враждебной обстановкѣ. Къ семьѣ у нея были противорѣчащія чувства; напримѣръ, къ матери искренняя нѣжность и въ то же время большая жалость къ ней за ея старомодные взгляды, точно прошлаго столѣтія. Ей доставало друга. И будетъ ли ей теперь другомъ ея братъ, Жанъ? Она съ безпокойствомъ ждала его, чувствуя, что она для него совсѣмъ незнакома, и, утомленная этой вѣчной семейной враждой, она жаждала его дружбы и надѣялась, что онъ возьметъ ея сторону и будетъ ея поддержкой. Она ждала и боялась встрѣчи съ нимъ. Отецъ только что передалъ ей свой разговоръ съ Жаномъ. Она сказала ему, скорѣе вскрикнула въ отвѣтъ: «Благодарю васъ за то, что вы вернули мнѣ брата».

Они всѣ уже сидѣли за столомъ, когда вошелъ молодой человекъ.

Обѣ женщины, сидѣвшія напротивъ въ свѣтѣ окна, повернули къ нему головы; одна—тихо съ улыбкой, которой хотѣла сказать: «Какъ я горжусь своимъ сыномъ!» другая, опрокинувшись на спинку стула, полуоткрывъ свои губы, смотрѣла на него такъ нѣжно, словно это входилъ ея женихъ, и желая ему понравиться, и увѣренная, что понравится, говорила «Садись рядомъ со мной на концѣ стола. Я сегодня на-

рядилась для тебя, посмотри!» и, цѣлуя его, совсѣмъ тихо прошептала: «Боже мой! какъ хорошо, что есть кто-нибудь молодой, съ кѣмъ поздороваться!» Она знала, что къ ней идетъ ся шелковый корсажъ цвѣта тауве, отдѣланный кружевными прошивками. Она была искренно рада видѣть брата, съ которымъ наканунѣ успѣла только мелькомъ перекинуться словомъ передъ отъѣздомъ въ Страсбургъ. Жанъ поблагодарилъ ее дружелюбнымъ и счастливымъ взглядомъ и сѣлъ на концѣ стола между нею и матерью. Онъ развернулъ салфетку, и камердинеръ Викторъ, сынъ эльзасскихъ фермеровъ, съ круглымъ, какъ луна, лицомъ и наивными глазами маленькой дѣвочки, всегда дрожащій за себя, подаль ему небольшой подносъ съ закусками; въ это время что-то записывающій въ свою записную книжку Жозефъ Оберлэ расправилъ бакенбарды и сказалъ:

— Вы всѣ видите здѣсь Жана Оберлэ, и вы отецъ, и вы, Моника, и ты Люсьенна. Ну, такъ у меня есть новость для васъ. Я позволилъ ему навсегда поселиться въ Альсхеймъ и стать лѣсопромышленникомъ.

Всѣ три лица вспыхнули сразу. Даже Викторъ, дрожа, какъ листъ, отдернулъ свой подносъ.

— Неужели? — сказала Люсьенна, не желая показать матери, что отецъ предупредилъ ее обо всемъ. — Онъ не будетъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго?

— Нѣтъ.

— Послѣ отбыванія воинской повинности онъ вернется къ намъ навсегда?

— Да, къ намъ навсегда.

Вторая минута волненія бываетъ другой разъ сильнѣе первой. Вѣки Люсьенны задрожали и стали влажными. Она смѣялась въ то же время, и нѣжныя слова такъ и дрожали на ея розовыхъ губахъ.

— Право, — сказала она, — тѣмъ лучше! Я не знаю, въ твоихъ-ли это интересахъ, Жанъ. Но для насъ всѣхъ тѣмъ лучше!

Она была положительно хорошенькая въ эту минуту, вся дрожащая отъ искренней радости и наклонившаяся къ брату.

— Благодарю васъ, — сказала г-жа Оберлэ, серьезно смотря на мужа и стараясь отгадать, что могло толкнуть его на этотъ поступокъ; — благодарю васъ Жозефъ; я не смѣла-бы просить васъ объ этомъ.

— Но вы видите, моя милая, — отвѣтилъ лѣсопромышленникъ съ легкимъ поклономъ, — когда ваши желанія благоразумны, то я ихъ исполняю. Я, впрочемъ, такъ не привыкъ, чтобы меня благодарили, что ваше слово меня радуетъ... Да,

у насъ былъ рѣшительный разговоръ. Приказчикъ завтра-же поведетъ Жана на эксплуатированные нами участки лѣса. Вы знаете, я никогда не теряю времени.

Г-жа Оберлэ увидѣла, что къ ней протягивается неловкая рука старика; она взяла его доску и прочла:

— Это послѣдняя радость въ моей жизни.

Но ничто на его неподвижномъ, какъ маска, лицѣ не выдавало его радости, развѣ только пристальный взглядъ, которымъ онъ смотрѣлъ на Жозефа Оберлэ, вернувшаго сына Эльзасу и наследника ихъ родовому дѣлу. Онъ удивлялся и радовался. Всѣ, какъ и онъ, забыли объ ѣдѣ. Лакей забывалъ подавать, думая о значеніи, которое онъ пріобрѣтетъ, возвѣстивъ первый въ кухнѣ и по деревнѣ: «Молодой баринъ остается на заводѣ! Онъ не уѣдетъ отсюда!» Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ всѣ четыре члена семьи, собиравшіеся ежедневно въ столовую сѣраго клена, мечтали и думали по своему; передъ каждымъ изъ нихъ пронесли картины будущаго, о которыхъ они не стали бы говорить другимъ; каждый думалъ о возможныхъ или вѣроятныхъ послѣдствіяхъ для себя лично и былъ смущенъ при мысли, что завтрашній день будетъ не такой, какимъ они себѣ представляли. Что-то разрушалось, привычки, планы будущаго, весь образъ жизни, который они вели или терпѣли въ продолженіи уже многихъ лѣтъ. Это былъ какъ-будто беспорядокъ и переполохъ среди всеобщей радости.

Самая молодая изъ нихъ первая поборола свое волненіе; Люсьенна сказала:

— Развѣ мы не будемъ завтракать, оттого, что Жанъ завтракаетъ съ нами? Мой дорогой, мы похожи теперь на то, чѣмъ были до твоего пріѣзда, не каждый день, конечно, но часто: на нѣмыя существа, думающія каждый свою думу... Это совсѣмъ противорѣчитъ всей прелести семейныхъ собраний... Скажи, вѣдь этого больше не будетъ?

Она засмѣялась, какъ будто съ этой минуты должны были исчезнуть всякія недоразумѣнія, и стала остроумно подсмѣиваться надъ ихъ молчаливыми обѣдами, надъ вечерами въ Альсхеймѣ, кончающимися въ девять часовъ, надъ рѣдкими гостями и надъ тѣмъ, что каждое приглашеніе въ Страсбургъ было для нихъ событіемъ. И всѣ молча поддакивали ей, когда она бранила это прошлое, теперь навсегда разрушенное рѣшеніемъ молодого человѣка; онъ самъ былъ безконечно счастливъ, хотя и не терялъ самообладанія, наблюдалъ за сестрой и любовался и удивлялся ей.

— Теперь,—рѣшила она,—все переменится. До октября насъ

будетъ пятеро въ Альсхеймѣ, вмѣсто четырехъ. Потомъ ты будешь отбывать воинскую повинность, но вѣдь это только одинъ годъ, и тебѣ, навѣрное, будутъ давать отпуска.

— Каждое воскресенье.

— Ты будешь оставаться ночевать, дорогой?—спросила г-жа Оберлэ.

— Думаю, что да, по субботамъ.

— И красивая форма, знаешь-ли?—подхватила Люсьенна,— этотъ голубой мундиръ «Аттила» васильковаго цвѣта, вышитый желтыми шнурами, черные сапоги, это коше... но я особенно люблю ихъ парадную шапку изъ тюленьей кожи съ султаномъ изъ бѣлаго и чернаго волоса, и бѣлые бранденбургки... Это одинъ изъ самыхъ красивыхъ мундировъ нашей арміи.

— Да, одинъ изъ самыхъ красивыхъ мундировъ нѣмецкой арміи,—поспѣшила прибавить г-жа Оберлэ, желая поправить неосторожное слово дочери, потому что дѣдъ сдѣлалъ жестъ, какъ будто хотѣлъ что-то вычеркнуть на скатерти.

Жозефъ Оберлэ прибавилъ, смѣясь:

— И одинъ изъ самыхъ дорогихъ тоже. Я тебѣ дѣлаю дорогой подарокъ, Жанъ, позволяя поступить въ 9-ый полкъ рейнскихъ гусаръ. Это мнѣ обойдется, по крайней мѣрѣ, въ 8000 ливровъ!

— Неужели? такъ дорого?

— Да, я увѣренъ. Еще вчера у совѣтника фонъ-Ботера я дѣлалъ свои вычисления передъ двумя офицерами, и они мнѣ не возражали. Официально, вольноопредѣляющійся въ пѣхоту долженъ истратить 2200 марокъ,—въ дѣйствительности же онъ тратитъ 4000; въ артиллеріи вмѣсто 2700 марокъ, онъ тратитъ 5000; въ кавалеріи разница еще больше, и когда вамъ говорятъ, что вамъ достаточно 3600, то надъ вами смѣются; надо имѣть отъ 7 до 8000. Вотъ что я говорилъ, и подтверждаю теперь...

— Это оттого, что въ полку прекрасный составъ офицеровъ, отецъ,—перебила Люсьенна.

— Много богатыхъ, дѣйствительно.

— Много дворянъ также, и богатыхъ сыновей прирейнскихъ кушцовъ.

При этомъ отецъ и Люсьенна многозначительно переглянулись съ улыбкой, но такъ быстро, что одинъ Жанъ ее замѣтилъ. Тонкія губы молодой дѣвушки едва дрогнули. Она продолжала:

— Столько желающихъ поступить вольноопредѣляющимися въ этотъ полкъ, что надо заранѣе хлопотать объ этомъ.

— Вотъ ужъ три мѣсяца, какъ я говорилъ о тебѣ твоему полковому командиру. Ты будешь представленъ нѣкоторымъ изъ своихъ будущихъ начальниковъ.

Люсьенна легкомысленно прибавила:

— Ты можешь привезти кого-нибудь изъ нихъ къ намъ! Это будетъ такъ весело!

Жанъ не отвѣтилъ ей. Г-жа Оберлэ покраснѣла, какъ и всегда, когда при ней говорили что-нибудь неосторожное.

Люсьенна еще улыбалась, когда дѣдъ пересталъ ѣсть и съ трудомъ, не сразу, причемъ каждое движеніе доставляло ему страданіе, повернулъ къ внучкѣ свою бѣлую, грустную голову. Должно быть, легко было понять то, что говорили его глаза, потому что молодая дѣвушка перестала смѣяться и сдѣлала легкое движеніе нетерпѣнія, какъ будто хотѣла сказать: «Право, я и забыла, что вы тутъ!» и, наклонилась къ отцу, чтобы налить ему вольцхеймскаго вина, на самомъ-же дѣлѣ, чтобы не видѣть упрека въ глазахъ старика. Остальные же трое собесѣдниковъ, Жозефъ Оберлэ, Жанъ и мать, какъ-бы сговорившись, стали опять быстро, съ лишними словами, ненужными жестами и дѣланымъ интересомъ разсуждать о воинской повинности и казармѣ св. Николая въ Страсбургѣ, чтобы скорѣй замять этотъ непріятный инцидентъ. Никто не смѣлъ оглянуться на дѣда. Филиппъ Оберлэ все смотрѣлъ своимъ пристальнымъ, неумолимымъ, какъ укоръ совѣсти, взглядомъ на виноватую внучку, сказавшую это неосторожное, оскорбительное слово. Конецъ завтрака прошелъ во всеобщемъ смущеніи, еще усилившемся, когда Филиппъ Оберлэ, на просьбу невѣстки простить Люсьенну, сказалъ: «нѣтъ» и отказался ѣсть.

Черезъ десять минутъ Люсьенна догоняла опередившаго ее брата по аллеѣ парка. Онъ закуривалъ сигару и, услыжавъ ея шаги, обернулся къ ней. Она уже не смѣялась. Она не надѣла шляпы, накинула только на плечи бѣлый шерстяной платокъ, и, не думая о томъ, что вѣтеръ треплетъ ея волосы, и что это можетъ не идти ей, бѣжала къ нему, вся охваченная страстнымъ волненіемъ.

— Ты видѣлъ?—сказала она.—Это невыносимо.

Жанъ пыхнулъ пять или шесть разъ, защищая руками отъ вѣтра зажженную спичку, потомъ, бросивъ ее на землю отвѣтилъ:

— Да, конечно, моя милая дѣвочка, но надо умѣть переносить...

— Здѣсь нѣтъ дѣвочки,—живо перебила она его,—здѣсь напротивъ, взрослая дѣвушка, которая хочетъ откровенно объясниться съ тобой. Мы такъ давно не видѣлись, мой милый,

что намъ надо познакомиться другъ съ другомъ, потому что я тебя едва знаю, а ты меня совсѣмъ не знаешь. Я помогу тебѣ, будь покоенъ, я для этого и пришла сюда.

Онъ бросилъ на нее взглядъ, полный нѣжности и восхищенія, и залюбовался этимъ красивымъ созданіемъ, такъ глубоко охваченнымъ волненіемъ и смѣло шедшимъ къ нему на встрѣчу; потомъ, не теряя своего спокойствія, чувствуя, что, какъ старшій и какъ мужчина, долженъ владѣть собой, онъ пошелъ рядомъ съ Люсьенной; они шли по аллеѣ, огибавшей съ одной стороны группу высокихъ деревьевъ, а съ другой лужайку.

— Ты можешь говорить, Люсьенна, ты можешь быть увѣрена...

— Въ твоей скромности? Благодарю тебя, мнѣ не надо ея на этотъ разъ. Я хочу высказать тебѣ свой образъ мыслей на счетъ одного пункта; и я не скрываю его. Я повторяю, что это невыносимо. О нѣмцахъ и Германіи здѣсь ничего нельзя говорить, кромѣ дурного. Какъ только ихъ похвалишь или просто отнесешься къ нимъ безпристрастно, мама сейчасъ начинаетъ кусать губы, а дѣдушка устраиваетъ скандалъ при всѣхъ, при прислугѣ, какъ сегодня. Развѣ это преступленіе сказать вольноопредѣляющемуся: «Ты привезешь офицеровъ въ Альсхеймъ?» Развѣ мы можемъ помѣшать тебѣ служить въ нѣмецкомъ полку, въ нѣмецкомъ городѣ, подъ начальствомъ офицеровъ, которые, хоть и нѣмцы, но прекрасно воспитанные люди?

Она нервно шла и теребила правой рукой золотую цѣпочку, надѣтую на ея шелковый лифъ.

— Если бы ты зналъ, мой бѣдный Жанъ, какъ я страдала отъ этого отсутствія свободы въ нашемъ домѣ, отъ того, что наши родители сами такъ далеко отъ воспитанія, которое они намъ дали! Потому что, зачѣмъ же они его намъ тогда дали?

Молодой человекъ вынулъ изо рта сигару:

— Одинъ отецъ далъ намъ это воспитаніе, Люсьенна.

— Онъ одинъ только и уменъ!

— Ахъ! какъ можешь ты такъ говорить о матери?

— Я прекрасно понимаю, — сказала она, — не смущаясь, я не принадлежу къ людямъ, которые только на половину высказываютъ свою мысль, и даже эту-то половину дѣлаютъ неузнаваемой, желая ее смягчить. Я очень люблю маму, больше нежели ты думаешь, но я имѣю о ней свое мнѣніе. Въ ней много здраваго смысла, она наблюдательна, у нея есть литературный вкусъ, но она неспособна понимать общіе вопросы. Она ничего не видитъ дальше Альсхейма. Отецъ несравненно

вѣрнѣе понялъ наше положеніе въ Эльзасѣ; онъ понялъ его, благодаря своимъ обширнымъ и крайне разнообразнымъ зна-комствамъ, благодаря своимъ торговымъ интересамъ, своему честолюбію...

И такъ какъ Жанъ посмогрѣлъ на нее вопросительно: «О какомъ честолюбіи ты говоришь?» она продолжала:

— Я удивляю тебя; да, для маленькой дѣвочки, какъ ты меня сейчасъ назвалъ, я кажусь тебѣ слишкомъ смѣлой и непочтительной. Неправда-ли?

— Немножко.

— Другъ мой, я только предупреждаю твое мнѣніе обо мнѣ, чтобы ты не терялъ времени на лишніа психологическіа сравненія. Ты только что пріѣхалъ; я уже два съ половиной года, какъ вышла изъ пансіона. Воспользуйся-же моею опытностью. Итакъ, сомнѣнія нѣтъ: нашъ отецъ честолюбивъ. У него были всѣ данныа для полной удачи: желѣзная воля по отношенію къ низшимъ, большая податливость къ другимъ, состояніе, живой умъ, который ставитъ его несравненно выше всѣхъ здѣшнихъ коммерсантовъ и чиновниковъ. Я предсказываю тебѣ, что теперь, когда онъ въ милости у намѣстника, ты вскорѣ увидишь его въ числѣ кандидатовъ въ депутаты...

— Это невозможно, Люсьенна!

— Можетъ быть невозможно, но это будетъ навѣрное. Я не говорю, что онъ выставитъ свою кандидатуру въ Обернэ, но гдѣ-нибудь въ другомъ округѣ Эльзаса. И онъ будетъ избранъ, благодаря сильной поддержкѣ правительства, и потому что самъ приложить къ тому всѣ старанія... Это, можетъ быть, не входило въ твои планы, когда ты рѣшился остаться въ Альсхеймѣ. Я вижу, что ты смущенъ. Ты увидишь еще много другого. Надо, чтобы ты одно твердо зналъ, мой дорогой Жанъ,—она сдѣлала удареніе на словѣ «дорогой»,—что у насъ въ семьѣ не шутятъ. Мы разошлись безповоротно.

Жанъ и Люсьенна молчали минуту, потому что проходили мимо домика привратника; потомъ они повернули черезъ лужайку и пошли по второй аллеѣ по направленію къ дому.

— Безповоротно? Ты думаешь?

— Надо быть ребенкомъ, чтобы сомнѣваться въ этомъ. Отецъ не измѣнится, не станетъ опять французомъ, потому что это значило-бы отказаться отъ всего своего будущаго и отъ многихъ коммерческихъ выгодъ; мама не измѣнится, потому что она женщина и, по ея мнѣнію, сдѣлаться нѣмкой—значитъ измѣнить очень благородному чувству. Вѣдь нѣтъ-же у тебя намѣренія совратить дѣдушку? Итакъ...

Она остановилась и встала передъ Жаномъ.

Итакъ, мой дорогой, если ты не можешь кротостью вернуть намъ миръ въ домъ, то верни намъ его силой. Я не думаю, чтобъ ты могъ остаться нейтральнымъ. И если бы ты этого и хотѣлъ, то обстоятельства тебѣ этого не позволятъ, повѣрь мнѣ. Присоединись ко мнѣ и къ отцу, даже если ты не во всемъ согласенъ съ нами. Я и хотѣла переговорить съ тобою, чтобы умолять тебя быть съ нами за одно. Когда мама увидитъ, что оба ея ребенка противъ нея, она будетъ съ меньшей энергіей защищать свои дѣвическія воспоминанія; она убѣдитъ дѣда воздерживаться отъ сценъ въ родѣ сегодняшней, и обѣды будутъ менѣе походить на рукопашный бой. Насъ будетъ больше. Это все, на что мы можемъ надѣяться. Хочешь? Папа сказалъ мнѣ между прочимъ сегодня утромъ, что у тебя нѣтъ большой нѣжности въ нѣмцамъ. Но ты ихъ не ненавидишь?

— Нѣтъ.

— Я требую только терпимости и уваженія къ нимъ, т. е. къ намъ, которые бываемъ у нихъ. Ты десять лѣтъ прожилъ въ Германіи; здѣсь ты будешь дѣлать то же, что дѣлалъ тамъ: ты не выйдешь изъ гостиной, когда кто-нибудь изъ нихъ зайдетъ къ намъ?

— Разумѣется. Но видишь-ли Люсьенна, если я и не буду поступать такъ, какъ мама, потому что мое воспитаніе сдѣлало для меня терпимымъ то, что для нея ненавистно, то я не могу осуждать ея поведеніе. Я нахожу, что у нея есть трогательныя причины на это.

— Трогательныя?

— Да.

— А я нахожу ихъ безсмысленными.

Зеленые глаза Жана и свѣтлые глаза Люсьенны вопросительно вглядывались другъ въ друга. Молодые люди, оба серьезные, мѣряли другъ друга глазами съ выраженіемъ удивленія и неодобренія на лицѣ и думали: «Неужели это она, только что такая смѣющаяся и нѣжная? — Неужели это онъ, мой братъ, сопротивляется мнѣ, — онъ, воспитанный какъ и я и который долженъ бы былъ мнѣ уступить ужъ по тому одному, что я — младшая и онъ радъ свидѣться со мной?» Она была недовольна. Эта первая встрѣча служила испытаніемъ отцовской вспыльчивости, унаслѣдованной Люсьенной, и непреклонной, спокойной волѣ, перешедшей къ Жану отъ матери. Люсьенна заговорила первая. Она повернулась, чтобы итти дальше и покачала головой:

— Я вижу, — сказала она, — ты думаешь, что мама будетъ повѣренной твоихъ тайнъ, другомъ, которому открываютъ все

свое сердце? Она достойна всевозможнаго уваженія, другъ мой. На и въ этомъ ты ошибаешься. Я сама на себѣ испытала. Она слишкомъ несчастна, или считаетъ себя такою. Все, что ты ей скажешь, сейчасъ же послужитъ ей предлогомъ для личной ссоры. Если бъ ты хотѣлъ, напримѣръ, жениться на нѣмкѣ...

— Нѣтъ! о! нѣтъ!

— Я только предполагаю... мама сейчасъ-же пошла-бы къ отцу и сказала: «Вы видите этотъ ужасъ! Это вы виноваты! вы!» А еслибъ ты хотѣлъ жениться на эльзаскѣ, наша мать ставила-бы это себѣ въ заслугу и говорила-бы: «онъ со мной противъ васъ! противъ васъ! противъ васъ!» Нѣтъ, мой милый, твой истинный другъ въ Альсхеймѣ—это Люсьенна.

Она взяла Жана за руку и, не останавливаясь на ходу подняла къ нему свое лицо, опять сіяющее жизнью и молодостью:

— Повѣрь мнѣ, будемъ откровенны другъ съ другомъ. Ты не знаешь меня, съ тѣхъ поръ какъ уѣхалъ изъ дому. Я удивляю тебя. Ты увидишь во мнѣ большіе недостатки, я гордая, эгоистка, очень мало способная на жертвы, порой и кокетка, но во мнѣ нѣтъ никакой фальши. Всѣ эти дни, когда я ждала твоего пріѣзда, я мечтала о счастіи не разлучаться съ тобой и понять тебя. Я буду рассказывать тебѣ про все важное, что случится въ моей жизни, про всѣ свои рѣшенія... У меня нивого здѣсь нѣтъ, кому-бы я могла всецѣло довериться. Ты не можешь себѣ представить, какъ я страдала отъ этого... Хочешь?

— О, да.

— Ты мнѣ будешь говорить свое мнѣніе, но, главное, я выскажусь. Я не буду задыхаться, какъ раньше, въ этомъ домѣ... У меня есть многое, что сказать тебѣ... Это поможетъ нашему сближенію, котораго мнѣ такъ не хватаетъ и нашей немного запоздавшей братской дружбѣ... О чемъ ты думаешь?

— Объ этомъ бѣдномъ домѣ.

Люсьенна подняла глаза надъ черепичной крышей, возвышающейся передъ ними. Она хотѣла сказать: «Если бъ ты только зналъ, какой это дѣйствительно печальный домъ!» Она подѣловала брата и сказала вслухъ:

— Право, я не такая дурная, братъ, какъ ты могъ-бы думать, и не такая неблагодарная къ мамѣ. Я бѣгу къ ней поговорить о твоёмъ возвращеніи. У нея, навѣрное, потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ счастьемъ...

Люсьенна простилась съ нимъ, еще разъ повернулась, улыбнулась ему, и своей свободной походкой молодой богини, попра-

вляя на ходу растрепавшіяся отъ прогулки и вѣтра волосы, прошла тѣ пятьдесятъ шаговъ, что отдѣляли ее отъ дома, и скрылась.

IV. Охранительницы домашняго очага.

Разставшись съ Люсьенной, Жанъ обогнулъ домъ, прошелъ полукруглый дворъ, застроенный конюшнями и каретными сараями, потомъ большой, обнесенный стѣной огородъ и, отворивъ небольшую калитку въ самомъ концѣ забора, очутился въ полѣ за деревней Альсхеймъ. Первая радость возвращенія домой уже ослабѣла и поколебалась въ немъ. Въ ушахъ его опять раздавались услышанныя за это утро и проникшія до глубины его души слова; они звучали съ тою интонаціей, съ какой были сказаны, и вызывали въ его умѣ образъ и жестъ тѣхъ, кто ихъ произнесъ. Онъ думалъ о «печальномъ домѣ», стоявшемъ тутъ около ограды ихъ имѣнія, и страдалъ, вспоминая, какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ представлялъ себѣ свой пріѣздъ въ Альсхеймъ, и какъ его охватывало почти благоговѣніе, когда онъ, гдѣ-нибудь на пути по Европѣ или Востоку, думалъ: «Мать! отецъ! сестра! первый день, который я проведу среди васъ послѣ того, какъ отецъ согласится!» И вотъ этотъ первый день начался. Онъ до сихъ поръ такъ мало походилъ на былую мечту.

Погода и та была скверная. Передъ Жаномъ Оберлэ разстилалась почти обнаженная равнина Эльваса, съ едва замѣтными полосами деревьевъ у подножія Вогевовъ, покрытыхъ лѣсами и казавшихся какъ-будто меньше. Холодный сѣверный вѣтеръ, дувшій съ моря, наполнялъ всю долину, пригибалъ къ землѣ овесъ и рожь, и стебли ихъ сгибались, выпрямлялись и свистѣли въ воздухѣ, какъ удары кнута; а въ вышинѣ неслись разорванныя, мелкія тучи, собравшіяся широкими бороздами по небу; онѣ мчались къ югу, полныя дождя и града, и тамъ должны были излиться тяжелой массой на склонахъ Альпъ. Было холодно.

Однако, Жанъ Оберлэ, взглянувъ налѣво, въ ту сторону, гдѣ замѣчалось нѣкоторое пониженіе почвы, увидѣлъ ту-же аллею, кончающуюся группою деревьевъ, на которую смотрѣлъ и утромъ, и почувствовалъ, что въ немъ опять заговорила его молодость. Убдившись, что никто изъ оконъ ихъ дома не слѣдитъ за нимъ, онъ пустился по тропинкѣ, огибавшей деревню.

Это была скорѣе не тропинка, а просто слѣдъ, проложенный людьми, шедшими на работу или возвращающимися домой. Она изгибалась вдоль амбаровъ, свиныхъ хлѣвцовъ, стойлъ, сѣноваловъ, низкихъ заборовъ съ кучами навоза, курятниковъ—

однимъ словомъ вдоль заднихъ дворовъ Альсхеймскихъ домовъ, которые съ другой стороны на улицу выходили или своимъ главнымъ фасадомъ, или бѣлой стѣной съ воротами и большой шелковицей, выступающей изъ-за забора. Молодой человѣкъ быстро шелъ по плотно убитой землѣ. Онъ прошелъ мимо церкви, возвышающейся своей четырехугольной башней, черепичной крышей въ видѣ колокола и желѣзнымъ шпиромъ, почти по серединѣ Альсхейма, и вошелъ въ группу четырехъ громадныхъ орѣшниковъ, служившихъ и границей, и украшеніемъ, и мѣстомъ отдыха для жителей крайней фермы деревни. За ними начинались владѣнія Ксаверія Бастіана, мэра Альсхейма, бывшего друга Жозефа Оберлэ, человѣка вліятельнаго, богатаго и истиннаго патриота. Жанъ и направлялся къ нему теперь. Съ сосѣдняго двора слышался стукъ цѣповъ. Это, должно быть, работали двое высокихъ красивыхъ сыновей Рамспатера, фермеры, служившіе у г. Бастіана, изъ которыхъ одинъ уже отбылъ свою воинскую повинность въ нѣмецкой арміи, а другой долженъ былъ поступить туда въ ноябрѣ. Они молотили на гумнѣ, по старинному обычаю. Всю осень и зиму, когда у мельника уменьшался запасъ муки, а на дворѣ стояла дурная погода, они доставали запасные снопы ржи и молотили ихъ сами своими тяжелыми цѣпами, такъ и скакавшими въ ихъ рукахъ, словно жеребята въ высокой травѣ. Старыя традиции оставались неприкосновенными.

«Какъ онъ старъ, мой Альсхеймъ!» прошепталъ Жанъ Оберлэ.

Несмотря на то, что ему очень хотѣлось не быть узнаваемымъ, онъ подошелъ къ рѣшетчатой двери, выходившей съ этой стороны въ поле; онъ не увидѣлъ работниковъ, закрытыхъ отъ него распряженной телѣгой, но зато могъ бросить дружескій взглядъ на дворъ старой фермы, застроенный въ видѣ улицы съ обѣихъ сторонъ; въ немъ стояли плотничьи станки такъ близко другъ отъ друга, что земля была едва видна—здѣсь была цѣлая демонстрація прочности каштановаго дерева: столбы для дверей, лежни, деревянные балконы, оконныя рамы. Никто не услышалъ Жана, никто не замѣтилъ, что онъ тутъ. Онъ пошелъ дальше, и сердце его сильно забилось. Сейчасъ же за фермой Рамспатеровъ, тропинка соединялась съ верхней аллеей, ведшей изъ Альсхейма къ дому Бастіана. Было невѣроятно, чтобы въ такую хмурую погоду мэра не было-бы дома. Черезъ нѣсколько минутъ Жанъ будетъ говорить съ нимъ; увидитъ Одилію; найдетъ какой-нибудь предлогъ спросить, не выходитъ-ли она замужъ.

Одилія: все дѣтство Жана было полно этимъ именемъ.

Дочь Бастіана постоянно играла съ Люсьенной и Жаномъ, пока не была еще извѣстна въ деревнѣ перемѣна во вагльдахъ г. Оберлэ. Одилія была прелестнымъ видѣніемъ, котормъ грезилъ Жанъ въ мюнхенской гимназіи, думая объ Альсхеймѣ, — дѣвочкой, становившейся мало-по-малу дѣвушкой, которую онъ видѣлъ на каникулахъ, по воскресеньямъ въ церкви и кланялся ей, но не подходилъ къ ней, когда тутъ были г. или г-жа Оберлэ; онъ встрѣчалъ ее также въ виноградникахъ при сборѣ винограда, въ лѣсу, на дорогѣ, — и у нея всегда находилось ласковое слово и улыбка для Люсьены или Жана. Что за тайная прелесть была въ этой дочери Альсхейма, воспитанной почти исключительно въ деревнѣ, если не считать двухъ или трехъ лѣтъ, проведенныхъ у монахинь Страсбургскаго собора Богоматери, — въ ней, совсѣмъ не свѣтской, не такой блестящей, какъ Люсьенна, болѣе молчаливой и серьезной? Та-же прелесть, конечно, что и въ той странѣ, гдѣ она родилась. Жанъ разстался съ ней, какъ разстался и съ Эльзасомъ и не могъ забыть ее. Онъ не старался увидѣться съ ней во время своего послѣдняго мимолетнаго визита въ Альсхеймъ, чтобы испытать себя и убѣдиться, сохранится-ли въ немъ воспоминаніе объ Одиліи, несмотря на долгую разлуку, годы ученія и путешествія. Онъ думалъ: «Если она выйдетъ замужъ за это время, то это будетъ доказательствомъ, что она никогда обо мнѣ не думала, — и я не стану ее оплакивать». Она не вышла замужъ. Ничто не указывало на то, чтобы она была чьей-нибудь невѣстой. И, навѣрное, Жанъ теперь увидитъ ее.

Онъ не пошелъ по аллеѣ черешень, окружавшей владѣнія Бастіановъ и извѣстной своей красотой. Жители мѣстечка или работники изъ сосѣдняго поля, какъ они ни были здѣсь рѣдки, могли-бы все-таки увидѣть, что сынъ заводчика идетъ къ мэру Альсхейма. Онъ пошелъ вдоль подстриженного чернаго плетня, ступая по глинѣ или по узкой полоскѣ земли, оставленной около канавы на запаханномъ полѣ. Сзади слышался шумъ на гумнѣ, уменьшенный разстояніемъ, да и вѣтеръ относилъ его въ другую сторону. Жанъ спрашивалъ себя:

«Какъ встрѣтитъ меня г. Бастіанъ? Какъ я подойду къ нему? Ба, я только что приѣхалъ, и могу дѣлать видъ, что многого не знаю!»

Въ двухъ стахъ метрахъ къ югу отъ фермы кончалась черешневая аллея, и роща, которую онъ видѣлъ еще издали, вдавалась здѣсь полууругомъ въ засѣянные поля. Это были прекрасныя деревья — дубы, платаны, ивы, теперь обнаженные и прозрачныя, а подъ ними росли молодые зеленые деревья,

ели, бружмели и лавры. Жанъ все шелъ вдоль плетня, спускавшагося по склону засѣянаго люцерной поля, и подошелъ къ полусгнившимъ, полинявшимъ деревенскимъ воротамъ, стоявшимъ между двухъ столбовъ. Переброшенный черезъ ровъ песчаный камень служилъ мостомъ. Лавры выступали съ обѣихъ сторонъ изъ-за забора и закрывали видъ на домъ. Когда Жанъ подошелъ къ воротамъ, молодой дроздъ вылетѣлъ изъ деревьевъ и закричалъ. Жанъ вспомнилъ, что для того, чтобы пройти къ Бастианамъ, достаточно протянуть руку черезъ заборъ и поднять желѣзный крючокъ. Онъ открылъ дверь, немного волнуясь за свою смѣлость; вѣтки слишкомъ узкой, заброшенной аллеи били его по курткѣ и по ногамъ; онъ вышелъ на площадку, убитую пескомъ, повернулъ въкругъ деревьевъ и кустовъ бунса и подошелъ къ дому со стороны, противоположной Альскейму. Здѣсь росли посаженные полукругомъ столѣтніе платаны; они бросали свою тѣнь на газонъ и протягивали вѣтки надъ черепичной крышей стараго, низкаго, приземистаго дома съ двумя крѣпкими балконами и нависающей крышей. За господскимъ домомъ сейчасъ же шли сарайчики, давилня для винограда, амбары, ульи, и во всемъ виднѣлась зажиточность, добродушіе и простота жизни старыхъ эльзасцевъ.

Жанъ Оберлэ на минуту невольно остановился передъ этими когда-то родными ему мѣстами, посмотрѣлъ на платаны, крышу, окно на балконѣ, гдѣ росли гяцинты, и хотѣлъ уже пройти тѣ нѣсколько шаговъ, что отдѣляли его отъ полуоткрытой двери, когда на порогѣ ея показался человекъ высокаго роста и, узнавъ посѣтителя, сдѣлалъ невольный жестъ удивленія. Это былъ Ксаверій Бастианъ. Ни одинъ шестидесятилѣтній старикъ въ округѣ Эрнштейнъ не былъ еще такимъ крѣпкимъ и такимъ молодымъ душой, какъ онъ. У него были широкія плечи, массивная, одинаково широкая, какъ къ низу, такъ и къ верху, голова, совсѣмъ бѣлые волосы, падающіе въ безпорядкѣ короткими прядями одна на другую, выбритыя верхняя губа и щеки, толстый носъ, острые сѣрые глаза, плотно закрытый ротъ и въ лицѣ то выраженіе снисходительной къ другимъ гордости, которое бываетъ у людей, никогда ничего не боявшихся. Онъ носилъ традиціонный длинный скюртукъ, который носятъ нѣкоторые почтенные эльзасцы даже въ деревняхъ, какъ Альскеймъ, такъ какъ у эльзасцевъ не только нѣтъ никакого національнаго костюма, но и воспоминавія о томъ, чтобы они когда-нибудь его имѣли.

Итакъ, увидѣвъ Жана Оберлэ, когда-то прыгавшаго у него на козлянахъ, онъ сдѣлалъ жестъ удивленія.

— Это ты, дитя мое?—сказалъ онъ на эльзасскомъ нарѣчїи, на которомъ говоритъ чаще и охотнѣе, чѣмъ на французскомъ языкѣ;—что же случилось, что ты пришелъ?

— Ничего, господинъ Бастіанъ, только то, что я прїѣхалъ.

Онъ протянулъ руку старому эльзасцу. Тотъ взялъ ее, пожалъ, и вдругъ вся его привѣтливость исчезла въ немъ; онъ думалъ: «Вотъ уже десять лѣтъ что твой отецъ не приходитъ сюда; десять лѣтъ, какъ моя и твоя семья—враги». Онъ сказалъ вслухъ, какъ-бы возражая самъ себѣ:

— Войди все-таки, Жанъ, это ничего, на одинъ разъ.

Но радость первой встрѣчи упала въ немъ и больше уже не показывалась.

— Какъ вы замѣтили, что я вхожу къ вамъ?—спросилъ Жанъ, не понимая его.—Вы слышали меня?

— Нѣтъ, я услышалъ крикъ дрозда. Я думалъ, что это пришелъ мой слуга, котораго я посылалъ въ Обернэ починить фонари на каретѣ. Войди въ залу, мой милый...

Онъ прибавилъ мысленно со смѣшаннымъ чувствомъ сожалѣнія и упрека: „Какъ входилъ туда твой отецъ, когда былъ того достоинъ.“

Онъ открылъ дверь налѣво изъ корридора, и они оба вошли въ «залу», которая служила и столовой, и гостиной у этого богатаго землевладѣльца, унаслѣдовавшаго вмѣстѣ съ землями цѣлый рядъ традицій отъ своихъ предковъ,—тѣхъ предковъ, которые покидали родной домъ въ Альсхеймъ только для кладбища Альсхейма. Но почти вся та живописная обстановка, которую можно еще встрѣтить въ старинныхъ деревенскихъ эльзасскихъ домахъ, исчезла изъ жилища Бастіана. Въ немъ не было ни рѣзныхъ шкаповъ, ни стульевъ цѣльнаго дерева со спинкой, вырѣзанной въ видѣ сердца, ни стѣнныхъ часовъ въ разрисованномъ футлярѣ, ни мѣшечковъ съ дробинками на шторахъ. Въ большой, четырехугольной свѣтлой залѣ стояло немного стульевъ, столъ, шкафъ и бауль, на которомъ виднѣлась гипсовая фигура Піэты—произведеніе неизвѣстнаго художника; все было изъ лакированного орѣха. Изъ старинныхъ вещей стояла въ углу фаянсовая историческая печь работы художника Гугелена изъ Страсбурга, которой Бастіанъ гордился, какъ сокровищемъ. Между печью и окномъ сидѣла довольно полная пятидесятилѣтняя женщина, вся въ черномъ, съ правильными крупными чертами лица и сѣдыми волосами; лобъ ея былъ прекрасной формы, брови—красивыя и длинныя, и глаза спокойныя, полныя достоинства и темныя, какъ у южанки; она подняла ихъ сперва на Жана и сейчасъ-же перенесла на

мужа, какъ будто хотѣла спросить: «Съ какой стати онъ пришелъ къ намъ?»

Она подрубляла простыню суроваго полотна, и матерія падала вокругъ нея изломанными складками. Когда она увидѣла Жана Оберлэ, простыня выскользнула изъ ея рукъ. Она не могла произнести ни слова отъ удивленія, не понимая, какъ могъ ея мужъ привести къ себѣ въ домъ воспитаннаго въ Германіи сына измѣнника Эльзаса. Во время послѣдней войны три брата ея были убиты въ сраженіи съ нѣмцами...

— Я встрѣтилъ его по дорогѣ къ намъ и попросилъ зайти, Мари,—сказалъ, извиняясь, г. Бастіанъ.

— Здравствуйте, госпожа Бастіанъ,—сказалъ молодой человекъ, котораго покорило отъ ея удивленнаго, холоднаго взгляда; онъ остановился посреди комнаты...—Старыя воспоминанія привели меня сюда...

— Здравствуйте, Жанъ.

Слова замерли на ея губахъ, не долетѣвъ даже до противоположной стѣны. Ихъ едва было слышно. И молчаніе, послѣдовавшее за ними, было такъ жестоко, что Жанъ поблѣднѣлъ, а Бастіанъ, закрывъ дверь и стоя сзади Жана, старался хоть взглядомъ смягчить эти строгіе, прекрасные, неопускающіеся глаза эльзаски; онъ сказалъ, чтобъ прійти на помощь:

— Я тебѣ не успѣлъ рассказать, Мари, что встрѣтилъ сегодня утромъ нашего друга Ульриха въ виноградникахъ св. Одиліи. Онъ рассказалъ мнѣ о возвращеніи Жана въ Альсхеймъ... и увѣрялъ меня, что мы должны радоваться тому, что его племянникъ навсегда остается на родинѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что это—одинъ изъ нашихъ... Увѣрю тебя, онъ мнѣ очень хвалилъ его...

На молчаливыхъ губахъ эльзаски показалась недовѣрчивая улыбка и замерла на нихъ, какъ и слова. И г-жа Бастіанъ опять принялась за работу.

Жанъ Оберлэ, весь блѣдный, скорѣе несчастный, чѣмъ оскорбленный, повернулся и сказалъ вполголоса Бастіану:

— Я зналъ, что наши семейства разошлись, но не думалъ, что до такой степени, какъ вижу... Я такъ давно не былъ въ Альсхеймѣ... Извините, что я пришелъ...

— Останься, останься, дитя мое... Я объясню тебѣ... Ты можешь быть увѣренъ, что противъ тебя лично мы оба ничего не имѣемъ.

Старикъ дружелюбно опустил свою руку на плечо Жана.

— Я не хочу, чтобъ ты ушелъ такъ. Нѣтъ, разъ что ты зашелъ къ намъ, я не хочу, чтобъ ты могъ сказать, что я

встрѣтилъ тебя негостепріимно... Воспоминаніе объ этомъ мучило-бы меня... Я не хочу...

— Нѣтъ, господинъ Бастіанъ, я здѣсь лишній, я не могу остаться ни одной минуты.

Онъ двинулся къ двери. Тяжелая рука мэра Альсхейма грубо сжала его руку. Голосъ возвысился и сталъ жесткимъ.

— Хорошо. Но не откажи принять отъ меня тотъ знакъ гостепріимства, который я оказываю всякому. Это обычай нашей родины и нашей семьи. Не откажи выпить со мной, Жанъ Оберлэ, или я разойдусь навсегда и съ тобою, и мы перестанемъ даже кланяться другъ другу.

Жанъ вспомнилъ, что ни одинъ изъ домовъ Барра или Оберна, даже среди самыхъ старинныхъ и богатыхъ, не славился такъ своими водками, настоянными на боярышникѣ, на вишняхъ, на бузинѣ, своимъ домашнимъ виномъ и майскимъ напиткомъ, какъ домъ Бастіана. Онъ понялъ, что оскорбилъ бы мэра Альсхейма своимъ отказомъ, и что тотъ предлагаетъ выпить съ нимъ, чтобы выказать ему свою дружбу, не опровергая въ то-же время ни словомъ ни даже мыслію мать, царицу и хозяйку этого дома, которая продолжала не обращать вниманія на Жана, потому что онъ былъ сыномъ Жозефа Оберлэ.

— Такъ и быть,—сказалъ Жанъ. Бастіанъ позвалъ сейчасъ-же:

— Одилія!

Руки старухи, державшія полотно, опустились на складки ея чернаго платья, и въ продолженіе полуминуты всѣ трое замерли въ ожиданіи Одиліи, каждый съ разнымъ чувствомъ. Она должна была сейчасъ показаться въ залъ около орѣховаго баула; и дѣйствительно, въ ту минуту, какъ Жанъ боролся со своимъ волненіемъ и думалъ: «Какъ хорошо я сдѣлалъ, что вспомнилъ о ней!» она вышла изъ тѣни сосѣдней комнаты и вошла въ полосу свѣта.

— Дай мнѣ самой старой водки, какая только у насъ есть,—сказалъ ей отецъ.

Одилія Бастіанъ, увидѣвъ отца около двери, прежде всего улыбнулась ему; потомъ, при видѣ Жана Оберлэ, стоявшаго около него, ея темныя брови вздрогнули отъ удивленія, но безъ всякой непріязни; но улыбка исчезла съ ея лица, когда она взглянула на мать, наклонившуюся надъ работой, безмолвную и безучастную ко всему, что дѣлалось или говорилось вокругъ нея. Грудь ея поднялась; слова, готовые вырваться, замерли на губахъ, и Одилія Бастіанъ, слѣпкомъ наблюдательная, чтобы не замѣтить оскорбленія, нанесеннаго Жану, и

смихкомъ женственная, чтобы еще подчеркнуть его словомъ участія, пошла молча исполнить приказаніе отца. Она достала ключъ изъ ящика комода и, подойдя къ баулу, поднялась на цыпочки и стала искать бутылку внутри его, опершись одной рукой о его дверцу и откинувъ назадъ голову.

Она была все та-же, только, казалось, еще расцвѣла. Нельзя было сказать, чтобы красота ея была безупречна. Она напоминала женскія статуи Эльзаса, которыя можно еще встрѣтить на старинныхъ памятникахъ и на французскихъ гравюрахъ. Она походила на это аллегорическое изображеніе Эльзаса, на этихъ смѣлыхъ, презирающихъ опасность дѣвушекъ, въ жилахъ которыхъ течетъ кровь ихъ богатыхъ воинственныхъ отцовъ,—въ то время какъ рядомъ съ ними слабая нѣжная Лотарингія только плачетъ и стонетъ. У нея былъ ихъ высокій ростъ, широкія скулы, соединяющіяся прямой линіей съ круглымъ розовымъ подбородкомъ. Для полного сходства ей недоставало только на головѣ двухъ черныхъ бархатныхъ бантовъ въ видѣ крыльевъ, но ея волосы казались отъ этого тѣмъ прекраснѣе и оригинальнѣе. Они были цвѣта спѣлаго колоса, совершенно ровнаго матоваго оттѣнка; она напускала ихъ немного на виски, и потомъ закручивала къверху широкимъ узломъ. Брови ея, длинныя и тонкія, были того же матоваго оттѣнка, также и рѣсницы, и даже глаза, немного широко разставленные, въ которыхъ свѣтилась пока спокойная, но страстная и глубокая душа.

Въ одну минуту она поставила на столѣкъ передъ Бастіаномъ два граненые хрустальные стаканчика и пузатую, совсѣмъ черную бутылку. Бастіанъ взялъ бутылку одной рукой, а другой сталъ доставать пробку, свободно выходящую изъ горлышка, и всю пропитанную сокомъ, словно сочная калина. Ароматъ спѣлыхъ фруктовъ распространился подъ сводами залы.

— Ей пятьдесятъ лѣтъ,—сказалъ онъ, наливая въ стаканы немного жидкости.

Онъ прибавилъ серьезно:

— Я пью за твое здоровье, Жанъ Оберле, за твое возвращеніе въ Альсхеймъ!

Но Жанъ не отвѣтилъ ему; онъ смотрѣлъ, среди общаго молчанія, на отодвинувшуюся къ шкапу Одилію,—и она тоже пристально смотрѣла на товарища дѣтства, теперь вернушагося на родину; онъ сказалъ громко, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ:

— А, я, я пью за землю Эльзаса!

По тону его голоса, по жесту, съ которымъ онъ поднялъ

маленькій блестящій стаканъ, по его пристальному взгляду, обращенному въ глубину залы, высокая и прекрасная дочь Бастіановъ поняла, что земля Эльзаса воплощалась здѣсь для него въ ея образѣ. Она все стояла неподвижно, въ золотистой тѣни шкапа, опираясь о его дверцы. Но въ глазахъ ея блеснуло что-то, словно лучъ солнца сверкнулъ по волнующимся колосьямъ. И, не поворачивая головы, все смотря впередъ, она медленно опустила свои глаза и закрыла ихъ съ благодарностью. И это было все.

Г-жа Бастіанъ даже не подняла головы. Одилия не произнесла ни слова. Жанъ поклонился и вышелъ.

Старый мэръ Альсхейма нагналъ его въ саду.

— Я провожу тебя до конца сада,—сказалъ онъ,—потому что лучше будетъ и для насъ, и для тебя, и для твоего отца, если тебя не увидятъ на нашей аллеѣ. Лучше будетъ, если ты выйдешь какъ будто изъ поля.

— Что-же это за странные у васъ стали нравы!—воскликнулъ съ гнѣвомъ молодой человѣкъ.—Оттого что у Васъ съ отцомъ разныя убѣжденія, вы не можете принимать меня, а когда я выхожу отъ Васъ, то долженъ прятаться... и еще послѣ такого страшнаго оскорбительнаго молчанія; мнѣ тяжело это!

Онъ говорилъ достаточно громко, чтобъ быть услышаннымъ въ домѣ, отъ котораго стоялъ лишь въ нѣсколькихъ шагахъ. Его и всегда блѣдное лицо стало еще блѣднѣе, волненіе сдавило ему мускулы шеи и челюсти и придало ему трагическое выраженіе.

Бастіанъ увлекъ его.

— У меня есть и вторая причина на то, чтобы вести тебя по этой дорогѣ; она—длиннѣе, а мнѣ нужно объяснить тебѣ...

Они пошли по аллеѣ за платанами вдоль огорода и потомъ вошли въ маленькій лѣсъ.

— Ты не понимаешь, дитя мое,—сказалъ Бастіанъ своимъ твердымъ, но не суровымъ голосомъ,—потому что ты въ дѣйствительности никогда не жилъ среди насъ. Ничто не измѣнилось; то что ты видишь, продолжается уже тридцать лѣтъ...

Сквозь деревья показалась часть равнины съ колокольней Барра вдали и синѣющими Вогезами вверху.

— Раньше,—сказалъ Бастіанъ, указывая неопредѣленно на пейзажъ, весь Эльзасъ былъ одной семьей. Всѣ знали другъ друга, всѣ были въ родствѣ и бывали другъ у друга между собою запросто. Я принадлежалъ, я принадлежу къ этому времени. Нигдѣ на свѣтѣ не было такъ мало слѣси и такъ много дружелюбія; и ты знаешь, что и теперь я не дѣлаю ни-

какого различія между бѣднымъ и богатымъ, между жителемъ Страсбурга и простымъ горцемъ... Но прошлаго не вернешь: насъ оторвали отъ Франціи противъ воли, и обошлись съ нами грубо, потому что мы не хотѣли этого... Мы не можемъ сопротивляться... Мы не можемъ прогнать нашихъ господъ, которые ничего не понимаютъ ни въ нашей жизни, ни въ нашихъ чувствахъ... Но зато мы и не принимаемъ ихъ у себя запросто, ни ихъ, ни тѣхъ изъ насъ, кто перешелъ на ихъ сторону...

Онъ остановился на минуту, не желая высказать всю свою мысль по этому поводу, потомъ продолжалъ, схвативъ Жана за руку:

— Дитя мое, ты сердился на мою жену за тотъ пріемъ, который она тебѣ оказала... Но ни ты, ни она не виноваты... Пока ты не разсѣешь сомнѣнія на свой счетъ, ты будешь для нея человѣкомъ, воспитаннымъ нѣмцами,—а женщина, которую ты только что видѣлъ, — она—эльзаска... Подумай... Не надо сердиться на нее... Не всѣ среди насъ, мужчинъ, остались вѣрны Эльзасу, и даже лучшіе пошли на компромиссы и призвали болѣе или менѣе власть новаго господина. Но не наши жены... Ах! Жанъ Оберлэ, у меня не хватаетъ смѣлости упрекать ихъ, даже когда дѣло касается тебя, котораго я очень люблю; онѣ не хотятъ оскорбить васъ, наши эльзаски, когда не принимаютъ васъ: онѣ защищаютъ свою родину; онѣ продолжаютъ борьбу...

На окруженныхъ морщинами, покраснѣвшихъ глазахъ старика показались слезы...

— Вы узнаете меня позже,—сказалъ Жанъ Оберлэ.

Они дошли до границы маленькаго парка, до деревянной двери, такой же ветхой, какъ и первая. Бастианъ открылъ ее, пожалъ руку молодого человѣка и долго стоялъ на опушкѣ лѣса и смотрѣлъ, какъ удаляется Жанъ Оберлэ, наклонивъ голову впередъ отъ сильнаго вѣтра. Жанъ былъ взволнованъ до глубины души. Онъ чувствовалъ, что отецъ будетъ стоять между нимъ и каждой семьей его старой родины. Онъ страдалъ отъ сознанія, что родился въ томъ домѣ, къ которому шелъ теперь. И какъ единственный свѣтлый лучъ за весь этотъ день, передъ нимъ вставалъ образъ Оділіи, и глаза ея медленно, медленно закрывались.

V. Въ пути.

Зима была довольно суровая и не позволила выполнить въ точности тотъ планъ, который начерталъ г. Оберлэ для практическаго обученія Жана. Снѣгъ еще лежалъ на верши-

нахъ Вогезовъ и, хотя и не былъ глубока, но затруднялъ переходъ по горамъ. Такъ что Жанъ посѣтилъ съ мастеромъ Вильгельмомъ только два или три участка лѣса, предназначенные для рубки и расположенные вблизи Альсхейма на послѣднихъ холмахъ Вегезовъ. Посѣщеніе болѣе отдаленныхъ участковъ отложили до теплой погоды. Но зато онъ научился безошибочно опредѣлять кубическій вѣсъ сосны или бука, оцѣнивать дерево смотря по мѣсту, гдѣ оно растетъ въ лѣсу, по высотѣ его ствола до вѣтокъ, по виду коры, показывающей здорово оно или нѣтъ, и еще многому другому, что угадывается больше чутьемъ, чему внигдѣ нельзя научиться и что дѣлаетъ лѣсопромышленника мастеромъ своего дѣла. Отецъ показалъ ему процессъ фабрикаціи, ходъ различныхъ машинъ и посвятилъ его въ чтеніе торговыхъ актовъ и въ традиціи, которыхъ держалась фирма Оберлэ уже въ продолженіе 50 лѣтъ, при заключеніи контрактовъ, при продажѣ или перевозкѣ лѣса. Онъ познакомилъ его кромѣ того съ двумя чиновниками лѣсного департамента въ Страсбургѣ. Они оказались чрезвычайно любезными и предложили Жану лично объяснить ему новое законодательство относительно лѣсовъ, съ которыми онъ былъ еще мало знакомъ. «Приходите, сказалъ младшій изъ нихъ, приходите ко мнѣ въ контору; мы поговоримъ, и я расскажу вамъ многое, что вамъ скорѣе пригодится, чѣмъ то, что вы прочтете въ книгахъ. Потому что законъ есть законъ, а администрація — нѣчто другое».

Жанъ общалъ воспользоваться его предложеніемъ. Но прошло нѣсколько недѣль, а онъ все никакъ не попадалъ въ городъ. Потомъ мартъ, холодный и дождливый, вдругъ сталъ мягче, и снѣгъ растаялъ на горахъ. Черезъ недѣлю ручьи переполнились водой, и вершины Вогезовъ, которыя были видны изъ Альсхейма за горой св. Одили и на которыхъ еще бѣлѣли мѣстами поляны и дороги, — теперь одѣлись въ свой лѣтній темнозеленый и свѣтлозеленый нарядъ. Прогулки вокругъ Альсхейма общали быть прелестными, именно такими, какими ихъ себѣ представлялъ молодой человѣкъ по своимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ. Въ семьѣ Оберлэ хотъ и не было теперь образцовой дружбы, зато и тяжелыя сцены, въ родѣ той, что была на другой день послѣ возвращенія Жана, — уже не повторялись. Каждый зорко слѣдилъ за другимъ, отмѣчая во враждебномъ лагерѣ слова и поступки, которые впоследствии могли бы ему послужить предлогомъ къ упрекамъ или спору, но пока всѣ заключили между собой родъ перемирія, каждый по своимъ соображеніямъ: г. Оберлэ не хотѣлъ показаться въ непривлекательномъ свѣтѣ въ глазахъ сына, ко-

торый могъ ему быть полезнымъ, и не хотѣлъ, чтобы на него смотрѣли, какъ на зачинщика ссоръ; Люсьенна была благодарна брату за то, что онъ развлекалъ ее своими разсказами о путешествіяхъ и о студенческихъ годахъ, къ которымъ въ ней не пропала еще интересъ; г-жа Оберлэ старалась избавить сына отъ мучительныхъ для него семейныхъ распрей. Но въ сущности ничто не измѣнилось. Эта была только кажущаяся веселость, что-то въ родѣ перемирія во время войны. Но хотя Жанъ и сознавалъ, какъ непроченъ этотъ временный миръ, онъ наслаждался имъ, потому что усталъ жить въ полномъ нравственномъ одиночествѣ.

Непріятности приходили со стороны, и ихъ было немало.

Почти каждый день на прогулкѣ Жану приходилось идти черезъ Альскеймъ, застроенный тремя улицами въ видѣ зубцовъ виль, обращенныхъ остриемъ въ равнину. На перекресткѣ стояла гостиница «Аистъ» и вдавалась угломъ въ церковную площадь. Немного дальше налѣво, по дорогѣ въ Бернхардсвейлеръ, въ маленькихъ, совершенно одинаковыхъ домикахъ, съ садикомъ передъ входной дверью, жили нѣмецкіе рабочіе лѣсопильнаго завода Оберлэ. И въ какую бы часть Альскейма ни вошелъ молодой человекъ, онъ читалъ на лицѣ каждого различныя, но одинаково непріятныя для себя чувства. Нѣмцы и ихъ жены были болѣе дисциплинированныя и покладистыя рабочіе, нежели эльзасцы, и боялись всякой власти, не уважая ея.

Ненависть всего мѣстнаго населенія загнала ихъ въ уголь Альскейма, и они надѣялись отомстить ему за это когда-нибудь, когда ихъ будетъ больше; они не имѣли съ эльзасцами никакихъ связей, ни по происхожденію, ни по родству, ни по привычкамъ, ни по религіи, и потому чувствовали и не могли не чувствовать ничего другого къ своему хозяину, кромѣ равнодушія или враждебности;—и поклонъ мужчинъ, и бѣглая улыбка женщинъ плохо скрывали эти чувства. Но многіе эльзасцы стѣснялись еще меньше. Для нихъ было достаточно того, что Жана часто видѣли на заводѣ вмѣстѣ съ отцомъ, чтобы чувствовать къ нему ту-же непріязнь, что и къ Жозефу Оберлэ. Жанъ видѣлъ кругомъ то осторожное презрѣніе, которое позволяетъ себѣ мелкій людь по отношенію къ могущественному сосѣду. Рабочіе въ лѣсу, землепашцы, женщины, даже дѣти дѣлали видъ, что не замѣчаютъ его, когда онъ проходитъ мимо; другіе входили въ дома, при видѣ его; нѣкоторые-же, особенно старики, смотрѣли на него, какъ на совершенно чуждаго Эльзасу челоуѣка. Тѣ, что выказывали ему большіе уваженія, были или поставщики отца, или служащіе на заво-

дѣ, или ихъ родственники. И Жанъ съ трудомъ переносилъ это оскорбленіе, и ему приходилось переносить его каждый разъ, какъ онъ выходилъ за ограду парка.

По воскресеньямъ, стоя въ выбѣленной известью церкви, онъ ждалъ прихода Одиліи Бастіанъ. Она должна была проходить совсѣмъ около Жана, чтобы дойти до предоставленной ихъ семьѣ уже въ продолженіе многихъ лѣтъ скамьи, стоявшей первой отъ каеэдры. Одилія проходила въ сопровожденіи отца и матери, и всѣ трое, казалось, не замѣчали присутствія г-жи Оберлэ, Люсьенны и Жана. Она улыбалась только послѣ выхода изъ церкви, спускаясь внизъ по аллеѣ, но улыбалась не ему, а цѣлому ряду своихъ друзей, женщинамъ, старикамъ, высокимъ молодцамъ, готовымъ для нея на все, и дѣтямъ изъ церковнаго хора «Конкордія», которые спѣшили изъ ризницы, чтобы поклониться и привѣтствовать въ дверяхъ дочь г. Бастіана, эльзаску, друга и любимицу всей этой деревни бѣдняковъ; правда, она не раздавала бѣднымъ больше милостыни, чѣмъ г-жа Оберлэ,—но зато всѣ знали, что въ семьѣ ея нѣтъ ни вражды, ни измѣнниковъ, и что она отличается только своимъ богатствомъ отъ другихъ семействъ въ равнинѣ и въ горахъ Эльзаса.

Что думала Одилія о Жанѣ? Ея глаза никогда не говорили даромъ, а потому теперь и не смотрѣли на него; прежде она заговаривала съ нимъ на дорогѣ,—теперь не говорила ни слова.

Такъ прошелъ первый мѣсяцъ новой жизни Жана въ Альс-хеймѣ. Наступила весна. Жозефъ Оберлэ подождалъ было два дня, и на третій, увидя, что почки на березахъ уже лопаются на солнцѣ, сказалъ Жану:

— Ты теперь уже настолько понимаешь дѣло, что можешь отправиться одинъ въ наши лѣса въ Вогезахъ. Собирайся въ дорогу. Я сдѣлалъ въ этомъ году исключительныя закупки; участки лѣса для рубки доходятъ до Шлукты. Обойти ихъ—значитъ обойти почти всѣ Вогезы. Я даю тебѣ только одно наставленіе: наблюдай хорошенько за всѣмъ, и представь мнѣ потомъ рапортъ, въ которомъ ты отмѣтишь свои наблюденія относительно каждаго изъ участковъ.

— Когда-же мнѣ отправляться?

— Завтра, если хочешь: зима уже кончилась.

Г. Оберлэ сказалъ это съ увѣренностью человѣка, которому, какъ и простому крестьянину, необходимо знать погоду, и который, дѣйствительно, знаетъ ее. Прежде чѣмъ переговорить съ Жаномъ, онъ велѣлъ составить списокъ лѣсныхъ участковъ, купленныхъ его фирмой частью у нѣмецкаго правитель-

ства, частью у эльзасских общинъ, или у частныхъ лицъ, съ подробными указаніями о положеніи этихъ участковъ въ горахъ. Онъ отдалъ этотъ списокъ Жану. Участковъ было около двѣнадцати на протяженіи почти всѣхъ Вогезовъ, начиная съ долины Брука на сѣверѣ до Шлухты.

На другой день Жанъ положилъ въ дорожный мѣшокъ немного бѣлья и пару башмаковъ, и, никого не предупреждая о своемъ намѣреніи, побѣжалъ въ горы и поднялся до Хейденбруха.

Квадратный домъ съ зелеными ставнями, и поле, и лѣсъ вокругъ лужайки,—все дымилось, какъ будто пожаръ только что уничтожилъ всѣ кусты и траву, оставивъ нетронутыми одни буки и сосны. Длинные полосы тумана, казалось, поднимались изъ самой земли, вытягивались, сливались одна съ другой, и терялись въ низкомъ облакѣ, которое поднималось съ долинъ и медленно ползло по склонамъ горы къ невидимому монастырю св. Одилии. Сырость проникала въ самую чашу. Она была повсюду. Капли воды дрожали на сосновыхъ вглахъ, катились спиралью по обнаженнымъ стволамъ буковъ, покрывали камни, пропитывались сквозь разбухшій мохъ и сухіе листья—и наполняли собою ручьи, шумъ которыхъ раздавался со всѣхъ сторонъ, словно стукъ безчисленныхъ молотковъ или неумолкаемое стрекотанье сверчка зимою.

Жанъ дошелъ до середины выкрашеннаго въ зеленый цвѣтъ забора, отворилъ калитку и крикнулъ въ закрытыя вслѣдствіе тумана окна:

— Дядя Ульрихъ!

За стекломъ мелькнулъ чепчикъ, который эльзаски носятъ обыкновенно въ будни, одѣвая свои черные бархатные банты лишь по праздникамъ; подъ чепчикомъ ему улыбнулось старое ласковое лицо.

— Лиза, позови дядю!

На этотъ разъ открылось крайнее окно налѣво, и между двумя ставнями показалось тонкое лицо, пронизательные глаза и остроконечная борода дяди Ульриха.

— Дядя, я долженъ обойти двѣнадцать лѣсныхъ участковъ для рубки, всѣ вновь купленные лѣса для нашего завода. Я начинаю съ сегодняшняго утра и пришелъ за вами, чтобы идти вмѣстѣ съ вами и сегодня, и завтра, и все время...

— Двѣнадцать прогулокъ по лѣсу,—отвѣтилъ дядя, облакачиваясь о подоконникъ—это пріятное занятіе въ концѣ поста! Благословляю тебя на твои странствованія!

Онъ смотрѣлъ на стройную фигуру племянника въ охотничьемъ костюмѣ, на его мужественное лицо, поднятое къ нему

среди тумана, — и готовъ былъ поклѣсться, что передъ нимъ стоитъ французскій офицеръ. И, унесенный вдалѣ воображеніемъ, онъ забывалъ отвѣтить ему, пойдеть онъ съ нимъ или нѣтъ.

— Ну, дядя, — продолжалъ Жанъ, — пойдите! Не отказывайте мнѣ! Мы будемъ ночевать въ гостиницахъ; вы мнѣ покажете Эльзась!

— Я прошелъ вчера семь льё, другъ мой!

— Мы сдѣлаемъ зато сегодня только шесть!

— Тебѣ непременно хочется, чтобъ я шелъ съ тобой?

— Дядя Ульрихъ, подумайте только, три года отсутствія! И передо мной совсѣмъ мнѣ незнакомая, родная страна!

— Ну, такъ я не отказываю тебѣ, мой Жанъ. Я и то ужъ такъ радъ, что ты вспомнилъ обо мнѣ... У меня есть и вторая причина, чтобы согласиться, и даже быть тебѣ благодарнымъ за твое предложеніе. Я тебѣ ее потомъ скажу.

Онъ закрылъ окно. Среди глубокаго молчанія лѣса Жанъ услышалъ его голосъ, звавшій камердинера, второго хозяина Хейденбруха:

— Пьеръ? Пьеръ? А вотъ и ты! Мы отправляемся въ горы дней на двѣнадцать. Ты пойдешь съ нами. Уложи мой чемоданъ; ты возьмешь его вмѣстѣ съ мѣшкомъ племянника; захвати также свои кованые сапоги и палку. Ты пойдешь впередъ прямо къ мѣсту нашей первой ночевки, пока мы съ Жаномъ будемъ обходить лѣса... Не забудь мой резиновый плащъ... карманную аптечку...

Жанъ вошелъ въ домъ и наткнулся на захопотавшагося, сияющаго дядю, который снялъ со стѣны въ гостиной какой-то длинный мѣдный предметъ, висѣвшій на двухъ гвоздяхъ, и быстро поднялся по лѣстницѣ.

— Что это вы несете, дядя?

— Зрительную трубку.

— Такую старую?

— Я дорожу ею, мой другъ; она видѣла, какъ отступали пруссаки при Іенѣ!

Черезъ полчаса на лужайкѣ передъ домомъ показался дядя Ульрихъ въ гетрахъ, какъ и Жанъ, въ мягкой фетровой шляпѣ и съ зрительной трубой черезъ плечо; собака прыгала около него. За нимъ шелъ старый важный Пьеръ, неся на своихъ крѣпкихъ плечахъ большой узелъ, завернутый въ парусину и обвязанный ремнями; Жанъ Оберлэ замыкалъ шествіе, держа въ рукѣ географическую карту мѣстности, которую тѣ оба знали наизусть. Они разсуждали о двухъ маршрутахъ, которыхъ должны были держаться: объ одномъ для багажа, и дру-

гомъ для нихъ самихъ. Вопросъ былъ скоро рѣшенъ. Пьеръ вскорѣ сталъ спускаться влѣво, по направленію къ деревнѣ, гдѣ они хотѣли ночевать, а дядя и племянникъ пошли по тропинкѣ вдоль горы къ сѣверо-западу.

— Тѣмъ лучше, если дорога будетъ длинной,—сказалъ г. Ульрихъ, войдя въ тѣнь чащи,—тѣмъ лучше... Я хотѣлъ-бы, чтобъ она длилась всю жизнь... Двѣ чуткія души, которыя понимаютъ другъ друга, и идутъ вмѣстѣ по лѣсу,—какое наслаждение!..

Онъ полузакрывъ глаза, какъ художникъ, и жадно вдохнулъ въ себя влажный воздухъ.

— Знаешь ли ты,—сказалъ онъ такимъ тономъ, словно хотѣлъ сообщить важную и радостную новость,—знаешь-ли, мой Жанъ, что вотъ уже два дня, какъ наступила весна? Вотъ она, моя вторая причина!

Дядя говорилъ съ энтузіазмомъ о томъ, что отецъ еще наканунѣ сообщилъ сыну безъ всякаго волненія. По тѣмъ-же признакамъ, что и Жозефъ Оберлэ, онъ увидѣлъ, что наступило новое время года. Онъ показывалъ Жану концомъ своей палки на красныя, какъ спѣлое дикое яблочко, сосновыя почки, на лопнувшую на букахъ кору и на стебельки земляники, показавшіяся вдоль камней. Въ открытыхъ тропинкахъ еще дулъ холодный сѣверный вѣтеръ, но въ оврагахъ, въ долинахъ, въ закрытыхъ мѣстахъ уже чувствовались первые теплые лучи солнца, тѣ лучи, что проникаютъ до самаго сердца, заставляютъ человѣка содрогнуться,—и оживляютъ зародышъ растений.

Весь этотъ день и всѣ слѣдующіе дядя и племянникъ прожили въ лѣсу. Они во всемъ понимали другъ друга и когда молчали, и когда говорили о всякой всячинѣ. Г. Ульрихъ прекрасно зналъ лѣса и горы. Онъ былъ радъ случаю говорить о своихъ Вогезахъ и ближе познакомиться съ племянникомъ. Горячая молодость Жана часто забавляла его и напоминала ему давно минувшее время. Въ сердцѣ молодого человѣка проснулись дремавшіе въ немъ инстинкты лѣсника и охотника. Но въ немъ проснулись также и протестъ, и гнѣвъ, и юношескія угрозы, и дядя слабо возражалъ ему на это, потому что въ душѣ былъ съ нимъ согласенъ.

До ушей Жана первый разъ долеталъ вопль побѣжденнаго Эльзаса, вопль, котораго иностранецъ не услышитъ, а побѣдитель хоть и слышитъ, но не можетъ понять.

Потому что Жанъ видѣлъ передъ собой не только лѣсъ, но и жителей этого лѣса, начиная съ купцовъ и чиновниковъ,—почти феодалныхъ властелиновъ, отъ которыхъ зависѣла без-

численная толпа подрядчиковъ, дровосѣковъ, рабочихъ, перевозчиковъ, угольщиковъ,—и кончая лѣсными бродягами, пастухами, собирателями сухихъ вѣтокъ, контрабандистами, браконьерами и женщинами, живущими на тѣ гроши, что онѣ выручаютъ отъ продажи черники, грибовъ, лѣсной земляники и малины.

Онъ ни въ комъ не возбуждалъ недовѣрія, такъ какъ былъ вмѣстѣ съ г. Ульрихомъ, — и могъ свободно говорить съ мелкимъ людомъ: и въ ихъ словахъ, и въ ихъ молчаніи, и въ томъ воздухѣ, которымъ онъ дышалъ здѣсь днемъ и ночью — онъ чувствовалъ живую душу родного народа. Многие среди молодежи не знали Францію и не могли-бы сказать, любятъ ли они ее. Но даже и въ нихъ текла французская кровь: они не могли ужиться съ нѣмцами. Простой жестъ, намекъ, взглядъ выдавали тайное презрѣніе эльзасскаго крестьянина къ своему побѣдителю. Всюду чувствовалось тяжелое иго; всюду была глухая антипатія къ грубому и суровому властелину. Нѣкоторые же изъ молодыхъ людей, воспитанные въ семьяхъ съ сохранившимися традиціями, и которымъ родители рассказывали о прошломъ, были вѣрны этому прошлому хоть и безъ опредѣленной надежды и жаловались на несправедливость и притѣсненія нѣмцевъ противъ бѣдныхъ горцевъ и жителей равнины, которыхъ тѣ подозрѣвали въ «преступленіи» сочувствія къ Франціи. Они рассказывали о своихъ продѣлкахъ противъ таможенныхъ чиновниковъ, жандармовъ, противъ лѣсничихъ, гордыхъ своимъ зеленымъ мундиромъ и тирольской шляпой, они рассказывали также случаи съ контрабандистами и дезертирами, о томъ, какъ они пѣли Марсельезу въ кабакахъ, закрывъ всѣ двери, — о праздникахъ на французской территоріи, о преслѣдованіяхъ, погоняхъ, — наконецъ, о дуэляхъ, иногда трагическихъ, иногда комичныхъ, но всегда безполезныхъ, — о насиліи громадной страны надъ духомъ маленькой провинціи. И когда они страдали, то мысль ихъ невольно переносилась по ту сторону горъ, по привычкѣ и любви, унаслѣдованной отъ дѣдовъ. Встрѣчались также и старики, и для г. Ульриха не было большаго удовольствія, какъ заставить ихъ разговариваться. Когда онъ встрѣчался на дорогѣ или въ деревнѣ со старикомъ лѣтъ пятидесяти или больше, — и видѣлъ, что это эльзасецъ, то почти всегда и тотъ узнавалъ его; и на лицѣ эльзасца появлялась таинственная улыбка, вызывающая у владѣльца Хейденбруха вопросъ: «Такъ и ты намъ другъ, ты тоже изъ нашихъ»? И если г. Ульрихъ видѣлъ по выраженію лица, по дрожанію вѣкъ или по нѣкоторому испугу, что угадалъ, то онъ прибавлялъ вполголоса: «У тебя лицо французскаго

солдата!» И эти слова ударили как будто прямо въ сердце эльзасцу; на лицѣ его показывалась улыбка или слезы; выраженіе лица мѣнялось, и онъ, блѣднѣя или краснѣя, вынималъ изо рта свою трубку, и часто, очень часто бралъ подъ козырекъ и стоялъ на вытяжку, пока г. Ульрихъ и Жанъ не исчезли изъ виду.

— Видишь-ли ты этого? — говорилъ тихо дядя; — если-бы у него былъ кларнетъ, то онъ сыгралъ-бы «Фуражку».

Франція, это имя не сходило съ устъ Жана Оберлэ. Когда онъ всходилъ на вершину горы, то спрашивалъ: «Далеко-ли мы отъ границы»? Онъ просилъ, чтобы ему рассказывали объ Эльзасѣ «во времена мягкаго правленія», какъ онъ выражался. Велика-ли была личная свобода? Какъ управлялись города? Какая разниа была между французскими жандармами, которыхъ г. Ульрихъ называлъ съ дружелюбной улыбкой славными ребятами, снисходительными къ бѣднякамъ, и этими нѣмецкими жандармами, грубыми и доносчиками, которыхъ ненавидѣлъ весь Эльзасъ? «Какъ его звали, этого префекта во времена Первой Имперіи, который поставилъ при дорогахъ Нижняго Эльзаса двухъэтажныя каменные скамейки, чтобы женщины, отправляющіяся на рынокъ могли отдыхать на нихъ и ставить въ то же время свою ношу надъ головой»? — «Маркизъ де Лезе-Марнезіа, дитя мое». — «Расскажите мнѣ исторію нашихъ художниковъ? нашихъ прежнихъ депутатовъ? нашихъ епископовъ? Скажите мнѣ каковъ былъ Сграсбургъ во время вашей молодости? Какъ играла военная музыка въ Контадахъ?»

Г. Ульрихъ съ радостью переживалъ свои старыя воспоминанія и говорилъ о нихъ. Спускаясь или поднимаясь по горной тропинкѣ, онъ рассказывалъ Жану всю исторію французскаго Эльзаса. Для этого рассказа ему достаточно было дать волю своему горячему сердцу. Случалось, что онъ плакалъ при этомъ. Случалось, что онъ, какъ ребенокъ, пѣлъ веселымъ голосомъ пѣсни Надо, Берайже, Марсельезу, или старинныя рождественскія пѣсни, слова которыхъ такъ и разносились лодъ сводами лѣсной чащи.

Жанъ такъ горячо принималъ къ сердцу все прошлое Эльзаса, такъ естественно раздѣлялъ антипатіи и негодованіе настоящаго, что дядя, сперва обрадовавшійся этому, какъ хорошему признаку, сталъ потомъ беспокоиться. Однажды вечеромъ, когда они подали милостыню старой учительницѣ, лишенной права преподавать французскій языкъ и доведенной до нищеты, потому что она была слишкомъ стара, чтобы держать экзаменъ на нѣмецкій дипломъ, и Жанъ возмущался этимъ:

— Мой дорогой Жанъ,—сказаль дядя,—не заходи слишкомъ далеко. Ты долженъ жить съ нѣмцами.

Съ тѣхъ поръ дядя Ульрихъ избѣгалъ возвращаться такъ часто къ вопросу о завоеваніи Эльзаса. Но увы! Весь Эльзасъ, каждый пейзажъ, каждая могила у дороги, вывѣска магазина, костюмъ женщинъ, типъ мужчинъ, видъ солдатъ, крѣпость на верху холма, столбъ съ нѣмецкою надписью, случай изъ частной жизни, прочитанный въ газетѣ за обѣдомъ въ гостиницѣ,— все напоминало каждую минуту или тому или другому вопросу о завоеванномъ, но не примиренномъ Эльзасѣ. Напрасно старался г. Ульрихъ отвѣчать Жану небрежно и уклончиво, онъ не могъ помѣшать его мыслямъ возвращаться къ этому вопросу. И когда они проходили по склонамъ Вогезъ, старикъ не могъ подавить въ себѣ смѣшаннаго чувства радости и страха, когда видѣлъ, что глаза Жана чего-то ищутъ на горизонтѣ по направленію къ западу и останавливаются на чемъ-то съ такой нѣжностью, какъ на любимомъ лицѣ. Жанъ никогда не смотрѣлъ такъ пристально на востокъ или на югъ.

Они употребили такъ двѣ недѣли на то, чтобы обойти всѣ Вогезскіе лѣса, и за все это время г. Ульрихъ заходилъ въ Хейденбрухъ только два раза, и то на нѣсколько часовъ. Они расстались въ Вербное Воскресенье въ одной изъ деревень долины Мюнстеръ.

Это было вечеромъ, въ часъ, когда нѣмецкія долины кажутся совсѣмъ голубыми, и полоса свѣта остается только на крайнихъ соснахъ лѣса, а все остальное уже погружается въ тѣнь. Г. Ульрихъ Билеръ простился съ племянникомъ, ставшимъ за эти двѣ недѣли его лучшимъ другомъ. Камердинеръ Пьеръ уже уѣхаль утромъ по желѣзной дорогѣ въ Обернэ. Г. Ульрихъ поднялъ воротникъ пальто, потому что на дворѣ было холодно, свиснулъ Риделя и вышелъ изъ гостиницы въ ту минуту, когда Жанъ въ своемъ синемъ охотничьемъ костюмѣ безъ шляпы быстро сбѣжалъ по четыремъ ступенькамъ крыльца.

— Еще разъ прощайте,—сказаль онъ.

Дядя былъ очень взволнованъ и, не желая показать этого, только махнулъ рукой, боясь, что его выдастъ дрожь въ голосѣ.

— Я васъ провожу до послѣдняго дома деревни,—продолжалъ Жанъ.

— Затѣмъ, другъ мой. Безполезно растягивать время прощанія.

Жанъ поднялъ лицо къ дядѣ, смотрѣвшему прямо передъ собою на дорогу, и пошелъ рядомъ съ нимъ. Онъ опять началъ своимъ ласковымъ, молодымъ голосомъ:

— Мнѣ ужасно жаль разставаться съ вами, дядя Ульрихъ, и я скажу вамъ почему. Вы понимаете каждаго съ двухъ словъ. По вашему лицу сейчасъ видно, когда вы недовольны чѣмъ-нибудь; если вы не согласны со мной, вы шевельнете губами, отъ чего поднимется кончикъ вашей бѣлой бороды,— и только. Вы — списходительны; вы не теряете самообладанія, и я знаю, что вы очень тверды; мысли другихъ кажутся вамъ совсѣмъ понятными, такъ свободно вы находите въ себѣ отвѣтъ на нихъ; вы уважаете слабыхъ... Я не привыкъ къ этому, по ту сторону Рейна.

— Полно! Полно!

— Я цѣню даже ваши опасенія на мой счетъ.

— Мои опасенія?

— Да. Вы думаете, я не замѣтилъ, что вотъ уже шесть дней, что вы избѣгаете говорить о вопросѣ, который такъ страстно волнуетъ меня?

На этотъ разъ къ Жану повернулось немного озабоченное лицо дяди.

— Дитя мое, я дѣлалъ это нарочно,—сказалъ г. Ульрихъ.— Когда ты спрашивалъ меня, я отвѣчалъ тебѣ, что—мы теперь, и чѣмъ мы были. А потомъ я увидѣлъ, что не слѣдуетъ говорить объ этомъ, потому что это причиняетъ тебѣ страданіе. Видишь-ли, страданіе—это хорошо для меня. Но ты, молодость, ты долженъ нестись впередъ, какъ конь, котораго первый разъ выпустили на свободу, и который несетъ на себѣ самую легкую ношу.

Они прошли послѣдній домъ и очутились въ полѣ между скалистымъ берегомъ ручья и обвалившимся склономъ горы, доходившимъ до самаго лѣса.

— Теперь уже поздно!—сказалъ Жанъ Оберлэ, протягивая дядѣ руку и останавливаясь,—слишкомъ поздно. Вы такъ много мнѣ говорили, дядя Ульрихъ. Какъ и вы, я чувствую, что принадлежу къ старому времени. И тѣмъ хуже для меня, потому что завтра я поднимусь до Шлукты, и увижу ее... я поздороваюсь съ ней, съ нашей Франціей!

Онъ смѣялся, говоря это. Г. Ульрихъ покачалъ нѣсколько разъ укоризненно головой, но ничего не отвѣтилъ и исчезъ въ туманѣ.

VI. Граница.

На другой день Жанъ отправился пѣшкомъ на рубку лѣсного участка, купленнаго фирмой Оберлэ и расположеннаго въ лѣсу Штоссвиръ,halbwegs отъ Шлукты, на вершинахъ горъ, замыкающихъ долину. Путь былъ дальній; дорога—скользкая отъ

выпавшаго за ночь ливня; кромѣ того, Жанъ потерялъ нѣсколько часовъ на то, чтобы обойти кругомъ скалистый склонъ горы, тогда какъ ему слѣдовало пройти къ нему напрямикъ. Было уже довольно поздно, когда онъ дошелъ до досчатой хижины, построенной близъ лѣса, тамъ гдѣ кончалась дорога. Онъ въ нѣсколько минутъ переговорилъ съ нѣмцемъ подрядчикомъ, управляющимъ работами по рубкѣ и перевозкѣ лѣса подъ наблюденіемъ лѣсничихъ, и сталъ дальше подниматься по горѣ; тутъ онъ встрѣтился съ рабочими, возвращающимися въ долину до вечера. Солнце было еще въ полномъ блескѣ, но должно было вскорѣйти по ту сторону Вогезъ. Жанъ съ бьющимся сердцемъ думалъ о близкой границѣ. Но онъ не рѣшился спросить дорогу у проходившихъ мимо него съ поклономъ рабочихъ, потому что извѣстная гордость заставляла его не показывать своего волненія, а голосъ могъ-бы его выдать передъ этой группой дровосѣковъ, возвращающихся домой и смотрѣвшихъ на него съ любопытствомъ.

Онъ вошелъ въ лѣсъ, изъ котораго они только что вышли. Вокругъ него валялись сосны со срубленными вѣтками и содранной корой; стволы ихъ рѣзко бѣлѣлись на темной землѣ. Они скатились сюда сверху и остановились здѣсь; мѣстами сосны въ безпорядкѣ нагромодились одна на другую, словно куча бирюлекъ. Въ лѣсу оставался только одинъ рабочій, старикъ, весь въ темномъ; онъ стоялъ на колѣняхъ и связывалъ грибы въ красный платокъ. Когда онъ кончилъ эту работу своими неловкими пальцами, то всталъ, нахлобучилъ на лобъ шерстяную фуражку и широкими шагами сталъ спускаться по мху, раскачиваясь на ходу и глубоко вдыхая въ себя лѣсной аромать.

— Послушайте, — сказалъ Жанъ, — вы уходите?

Старикъ, стоя между двумя громадными стволами сосенъ, повернулъ къ нему голову; онъ самъ казался среди нихъ тѣнью того-же темнаго цвѣта лѣсной коры.

— Какъ мнѣ ближе всего пройти къ ущелью Шлухты?

— Спуститесь со мной до водопада, потомъ опять поднимитесь на двѣсти метровъ; здѣсь вы опять спуститесь по французскому склону и найдете тропинку, которая и доведетъ васъ до ущелья. Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ!

Слова слабо прозвучали и растаяли среди безконечнаго молчанія. Но одно слово все звучало въ сердцѣ Жана Оберлэ: «Вы спуститесь по французскому склону». Онъ торопился увидѣть ее, эту таинственную Францію, которая занимала такое важное мѣсто въ его мечтахъ и его жизни, — которая по-

селила раздоръ въ ихъ семьѣ, потому что нѣкоторые ея члены остались ей вѣрны, за которую умерло столько эльзасцевъ, и о которой другіе мечтали и любили ее молчаливой любовью, наполнявшей грустью ихъ вѣрныя сердца! Она была теперъ такъ близка отъ него, эта Франція, отъ которой его такъ ревнив оберегали эта Франція, которую дядя Ульрихъ и Бастіанъ, и мать, и дѣдушка Филиппъ, и тысячи, тысячи другихъ поминали каждый день въ своей вечерней молитвѣ!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ достигъ вершины ажда; онъ сталъ спускаться по противоположному склону. Ногоры и широкимъ занавѣсомъ закрывали передъ нимъ видъ. деревья стилися бѣжать, чтобы скорѣй выйти на дорогу и найти онъ откуда была бы видна Франція. Ему доставляло наслажденіе нестись такъ съ разбѣгу, грудью впередъ. Солнце кесадені уже земля съ этой стороны горъ; воздухъ былъ еще тпллымъ но деревья все сгояли передъ нимъ стѣной.

— Стой! — закричалъ вдругъ кто-то, выскакивая изъ заи дерева.

Жанъ Оберлэ пробѣжалъ еще нѣсколько шаговъ, не будучо въ силахъ сразу остановиться. Потомъ повернулся къ оклиаившему его солдату пограничной стражи. Это былъ бригк, диръ, еще молодой, коренастый, съ прищуренными немногдикими глазами, и двумя желтыми прядями волосъ на сморщенномъ лицѣ: настоящій типъ Вогевскаго горца; онъ посмотрѣлъ на молодого человекъ и сказалъ:

— Зачѣмъ вы, чортъ, возьми, такъ бѣжите? Я васъ призналъ за контрабандиста.

— Я искалъ мѣста, откуда была-бы видна Франція...

— Это интересуетъ васъ? Вы съ той стороны горъ?

— Да.

— Но не пруссакъ, все-таки?

— Нѣтъ, эльзасецъ.

На губахъ солдата мелькнула бѣглая улыбка; онъ сказалъ:

— Тѣмъ лучше.

Но Жанъ Оберлэ какъ будто забылъ о своемъ вопросѣ, и все смотрѣлъ на этого бѣднаго французскаго солдата, на его лицо, мундиръ, словно хотѣлъ запечатлѣть ихъ въ своемъ сердцѣ. Солдата, казалось, забавляло его любопытство, и онъ сказалъ, смѣясь:

— Если вамъ нуженъ видъ на Францію, то пойдите. У меня есть одинъ, который правительство отдало въ мое распоряженіе, чтобъ вознаграить меня за мое маленькое жалованіе.

Они оба засмѣялись, смотря другъ другу прямо въ лицо.

и не столько отъ словъ солдата, сколько отъ симпатіи, которую вдругъ почувствовали другъ къ другу.

— Намъ нельзя терять времени,—сказалъ бригадиръ:солнце сейчасъ зайдетъ.

Они стали спускаться подъ темнымъ сводомъ сосенъ, обогнули почти обнаженную скалу, на которой стояло два столба, обозначающіе границу Франціи и Германіи, и подошли къ сторожкѣ изъ тяжелыхъ сосновыхъ досокъ, набитыхъ на бревна, стоявшей на концѣ узкой площадки, почти у самаго лѣса. Отсюда открывался необыкновенно широкой видъ, онъ шелъ внизъ, все спусками, до тѣхъ поръ пока его могъ охватить человѣческій глазъ. Солнце заходило въ эту минуту, и золотистый свѣтъ его покрывалъ склоны горъ, лѣса, деревни, рѣки и два озера Ретурнемеръ и Лонжемеръ; этоъ свѣтъ смягчалъ контуры, и необработанныя поля, поросшія верескомъ, казались въ его освѣщеніи золотою нивой. Жанъ стоялъ, смотрѣлъ и молчалъ. Онъ не могъ оторвать глазъ. Волненіе все росло въ немъ. Онъ чувствовалъ, что счастье чаюпняетъ всю его душу.

— Какъ она прекрасна!—сказалъ онъ.

Бригадиръ, наблюдавшій за нимъ исподлобья, былъ польщенъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что произвелъ его видъ и отвѣтилъ:

— Знаете, это утомительно порой, но зато лѣтомъ, когда есть свободное время, то пріятно прогуляться. Сюда приходятъ и изъ Жерармера, и изъ Сень-Діэ и изъ Ремирмона, и еще дальше. Приходитъ много народу и отсюда...

Онъ указалъ большимъ пальцемъ черезъ плечо на ту сторону горъ.

Жанъ просилъ его указать ему направленіе, въ которомъ находятся тѣ три города, что онъ назвалъ. Но онъ слушалъ его безъ вниманія, и слѣдилъ за собственной мыслью. Его восхищала эта прозрачность воздуха, это безграничное пространство; видъ французской земли вызывалъ у него въ умѣ представленіе о счастіи и плодородіи; положимъ, это было все, что онъ зналъ о Франціи, все что онъ читалъ про нее, что ему рассказывала о ней мать, дѣдъ, дядя Ульрихъ; въ немъ въ одну минуту вспыхнули всѣ воспоминанія о ней, словно тысяча искръ, блеснувшихъ на спѣлыхъ колосьяхъ, при свѣтѣ солнца.

Солдатъ сѣлъ на скамью у хижины и, доставъ изъ кармана короткую трубку, сталъ ее раскуривать.

Когда онъ увидѣлъ, что посѣтитель поворачивается къ нему съ глазами, полными слезъ, и садится рядомъ съ нимъ а скамью, онъ угадалъ его волненіе; если онъ и не могъ понять

восхищенія передъ природой, то эти слезы заставили его задуматься. Это были искреннія слезы горя,—чувства доступнаго имъ обоимъ. Но онъ не смѣлъ разспрашивать Жана, и вытянувъ шю, отчего на ней рѣзко обозначились мускулы, сталъ молча изучать передъ собою горизонтъ.

— Изъ какой вы части Франціи?—спросилъ Жанъ.

— За пять лье отсюда, изъ горъ.

— Вы отбыли срокъ вашей военной службы?

Бригадиръ вынулъ трубку изъ рта и быстро поднесъ руку къ висѣвшей у него на груди медали.

— Шесть лѣтъ службы,—сказалъ онъ;—два отпуска; я вышелъ сержантомъ вотъ съ этой медалью; я получилъ ее въ Тонкинѣ. Славное время, когда оно уже прошло.

Онъ говорилъ это тономъ путешественника, который хотъ и любить свои путешествія, но предпочитаетъ воспоминанія о нихъ. И онъ продолжалъ:

— У васъ строже, говорить.

— Да.

— Я всегда это слышалъ: Германія великая держава, но между ея офицерами и солдатами нѣтъ тѣхъ простыхъ дружественныхъ отношеній, какъ во Франціи.

Солнце заходило; золотистый цвѣтъ пейзажа становился мѣстами красновато-рыжимъ и совсѣмъ лиловымъ въ тѣни. Красный цвѣтъ дѣлался все ярче. О, равнина, теперь покрытая тѣнью и туманомъ! какъ бы хотѣлъ Жанъ Оберлэ, чтобы ты опять явилась передъ нимъ въ полномъ блескѣ! Онъ спросилъ:

— Вамъ попадаются когда-нибудь дезертиры?

— Тѣхъ, что бѣгутъ до поступленія въ полкъ, и не узнаешь, конечно. Но я видѣлъ тѣхъ, что служатъ въ полкахъ Эльзась-Лотарингіи, и бѣгутъ въ мундирѣ. . . . да, я видѣлъ нѣсколькихъ: бѣдняги, они были слишкомъ жестоко наказаны, они дрожали отъ страха... Бѣгутъ и изъ нашихъ войскъ, скажете вы, и это правда: но ихъ не такъ много...

И, покачавъ головой и бросивъ полный нѣжности взглядъ на засыпающій лѣсъ, продолжалъ:

Когда находишься по эту сторону горъ, то случается бранить ее, нашу Францію, но нигдѣ не живетъ такъ легко, какъ тамъ. Вы не знаете ее, сударь, а между тѣмъ можно поклясться, что вы—французъ.

Жанъ почувствовалъ, что краснѣеть. Сердце его сжалось. Онъ былъ не въ силахъ отвѣтить.

Солдатъ испугался, что сказалъ лишнее.

— Извините меня, сударь,—сказалъ онъ;—вѣдь не знаешь,

съ кѣмъ говоришь, и лучше всего молчать объ этихъ вопросахъ. Я долженъ теперь продолжать свой обходъ и спуститься...

Онъ хотѣлъ поклониться по военному. Жанъ взялъ его руку и пожалъ ее.

— Вы не ошибаетесь, другъ мой, — сказалъ онъ.

Потомъ, опустивъ руку въ карманъ, онъ сталъ искать чего-нибудь, чтобъ дать этому человѣку на память, и протянулъ ему свой портсигаръ.

— Вотъ, возьмите сигару.

И сейчасъ-же съ дѣтской радостью высыпалъ весь портсигаръ въ руку бригадира.

— Возьмите всё! Вы мнѣ доставите такое удовольствіе! Не откажите мнѣ!

Ему казалось, что онъ даетъ что-то самой Франціи.

Бригадиръ колебался минуту, потомъ сжалъ ихъ въ рукѣ.

— Я выкурю ихъ въ воскресенье. Спасибо, сударь. До свиданія!

Онъ быстро поклонился и почти сейчасъ-же исчезъ среди сосенъ. Жанъ слушалъ, какъ затихаютъ его шаги. Въ душѣ его раздавались слова этого незнакомаго ему человѣка и наполняли се невыразимымъ волненіемъ: «Вы—французъ»...— «Да, я—французъ, я чувствую это, и теперь мнѣ все ясно въ моей жизни!»...

Тѣнь спускалась на землю.

Жанъ смотрѣлъ, какъ темнѣетъ земля. Онъ думалъ о тѣхъ эльзасцахъ, которые бились здѣсь среди ночного мрака вокругъ своихъ деревень, для того, чтобы Эльзасъ оставался неразлучнымъ съ этой громадной страной, разстилающейся передъ нимъ. «О, родина, ты кажешься мнѣ прекрасной! Моя родина! Всѣ говорить о тебѣ съ нѣжностью. И самъ я, для чего я пришелъ сюда? Почему я такъ взволнованъ, точно ты живая стоишь передо мной?»

Еще минутъ, и на полосѣ неба, тамъ, гдѣ начиналась си-нева, загорѣлась первая звѣзда. Она сіяла одинокая, свѣтлая и недосыгаемая, какъ идея.

Жанъ поднялся со скамьи, потому что уже совсѣмъ стемнѣло, и пошелъ по тропинкѣ вдоль хребта. Но онъ не могъ оторвать глазъ отъ звѣзды. Онъ говорилъ на ходу, среди глубокаго молчанія лѣса, на вершинѣ раздѣленныхъ Вогезовъ, — онъ говорилъ этой звѣздѣ и тѣни, разстилающейся подъ ней:

— Я твой. Я счастливъ, что видѣлъ тебя. Мнѣ страшно, что я люблю тебя такъ страстно.

Онъ дошелъ вскорѣ до границы и по великолѣпной дорогѣ черезъ ущелье Шлухты спустился на нѣмецкую землю.

Переводъ съ французскаго А. В.—ой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бабыя доля.

(Очерки).

(*Окончаніе*).

На первой кровати отъ двери по лѣвой стѣнѣ лежитъ маленькая, словно вдавленная въ соломенный тюфякъ, томенькая фигурка.

Почти дѣтскія очертанія лица, лица блѣднаго, изможденнаго; рѣзко очерченный маленькій ротъ, томенькой иголочкой протянулись надъ глазами черныя брови, темные глаза широко открыты, не мигая смотрятъ они въ пространство, словно видя въ ночномъ сумракѣ скрытыя отъ другихъ картины.

На черной доскѣ написано:

Роженица: Марія Раевская.

Лѣта: 18 (дѣвица).

Рождаетъ: 1 разъ.

Младенецъ: мальчикъ.

Вотъ больная зашевелилась, приподнялась на локтѣ, заглядываетъ въ дѣтскую кровать, вытянула шею, но достянуться до ребенка не можетъ.

Чуткая „барышня Пущина“ быстро подходитъ къ ней.

— Что вамъ голубчикъ?—тихо звучитъ ея голосъ.

— Ребенка... Покажите мнѣ маленькаго, пожалуйста! — Пущина осторожно вынула сѣренькій свертокъ изъ кровати и поднесла больной. Последняя, не опускаясь на подушку, склонила свою почти дѣтскую головку, съ вьющимися, спутанными волосами и пристально разсматривала сынишку. Вдругъ свѣтлая ребяческая улыбка освѣтила блѣдное личико, она засмѣялась почти громко:

— Какой смѣшной! Крошечный, совсѣмъ куколка!.. Вѣдненькій!..— грустныя нотки зазвучали въ голосѣ.— Положите, положите его, скорѣе, а то разобьете...—Словно моментально слабѣя, она тяжело опустилась на подушку, и крупныя слезы градомъ брызнули изъ неподвижно остановившихся глазъ.

Дежурная положила ребенка въ кроватку и наклонилась къ больной. Отзывчивое сердце Пущиной больно сжалось; „что съ этой женщиной-ребенкомъ? Какое горе, какая быть можетъ раздражающая душу драма? Разспрашивать нельзя, неумѣстно, пожалуй растравишь свѣжую зяяющую рану... Утѣшать? Но возможно-ли и это?“

Пущина присѣла на край кровати, взяла больную за руку и ласково заговорила:

— Не надо плакать, дѣточка, это очень вредно... Постарайтесь заснуть... Утромъ будете добрая, свѣженькая и на душѣ будетъ легче...

Больная ни звукомъ не отвѣтила на эти слова, но какъ бы повинаясь совѣту заснуть, закрыла глаза. Просидѣвъ воалѣ больной еще нѣсколько минутъ, дежурная тихонько ушла на свой диванъ.

Опять все тихо. Убийственно тихо...

Раевская открыла глаза, смотреть и видеть... Видить она...

...Мама умираетъ. Въ маленькой, бѣдной квартиркѣ стоитъ какой то тяжелый унылый полумракъ.

Давно лежитъ мама; еще не начинались Марусины выпускныя экзамены, когда мама слегла.

Недугъ былъ ужасенъ своей мучительностью и полной невозможностью облегчить, излѣчить его.

У кровати мамы сошлись всѣ провинціальныя медицинскія знаменитости, всѣ спѣшили помочь чѣмъ нибудь вдовѣ коллеги, при жизни всѣми любимаго...

Маруся ухаживала за мамой какъ могла, какъ могла выполняла предписанія докторовъ, но ей подѣ часть было очень трудно,—дѣвушка готовилась къ экзаменамъ, она кончала гимназію.

Чуткая материнская душа зорко слѣдила за успѣхами дочери—Маруся это знала, знала и надрывалась. Экзамены сошли блестяще. Большое сердце мамы переполнялось счастьемъ, но дни ея были сочтены...

Мама умираетъ!.. Маруся почувствовала это внезапно; вѣдь бывало и прежде за послѣдніе мѣсяцы, что пульсъ мамы падалъ, сердце почти переставало работать, Маруся

посылала за докторомъ, поддерживала силы большой, тревожно ждала улучшения, но не было у ней сознанія, что мама умираетъ... А тутъ она почувствовала это сразу, мысленно произнесла два роковые слова: мама умираетъ! И растерялась. Но умирающая заставила Марусю овладѣть собой:

— Маруся, поди сюда!—слабѣющимъ, падающимъ голосомъ повзала она.—Пошли за докторомъ, скорѣе...—Маруся очнулась и исполнила желаніе матери.

Потомъ, сдерживая слезы, подошла къ ея кровати и встала воелѣ на колѣни, какъ часто дѣлала за послѣднее время, чтобы лучше слышать слабый голосъ мамы.

— Крошечка моя... будь умницей... не плачь, не плачь очень... если я умру... Ты у меня дѣвочка... хорошая... Только я боюсь... разобьютъ тебя, моя куколка!

Это были послѣднія слова мамы.

Сейчасъ, въ этой неуютной сумрачной палатѣ, Раевская видитъ передъ собой обострившіяся черты когда то красиваго лица, видитъ безкомечную муку уходящей и покидающей свое дѣтище матери. Слышитъ вымученный возгласъ: „Разобьютъ тебя, моя куколка!“ И въ ея дѣтскомъ сердцѣ зарождается мучительный страхъ за судьбу крошечнаго созданія, которое нѣсколько минутъ тому назадъ она называла куколкой...

— Разобьютъ... тихо шепчетъ она,—разобьютъ... Призракъ матери мучитъ ее, она закрываетъ глаза, старается забыть о ней, думать о другомъ...

Воображеніе рисуетъ другую картину:

... Большая комната. Олеографія въ золоченыхъ широкихъ рамахъ по стѣнамъ. Овальное зеркало надъ диваномъ, яркій коверъ, мягкая будуарная мебель, плетенныя ширмы заслоняютъ кровать. Стоитъ бросить бѣглый взглядъ, чтобы убѣдиться, что это одинъ изъ номеровъ „Chambres garnies“ на Невскомъ.

Вечеръ. Отъ лампы изъ-подъ краснаго абажура ползутъ вокругъ багровыя тѣни.

Маруся видитъ прижавшуюся въ уголкѣ дивана фигурку, въ темномъ совершенно гладкомъ платьѣ.

Маруся узнаетъ въ этой фигуркѣ себя и начинаетъ мучиться мукой пережитаго въ тѣ минуты, которыя сейчасъ вспомнились.

По комнатѣ, взадъ и впередъ, крупными твердыми шагами ходитъ красивый, элегантный студентъ, въ тужуркѣ одного изъ специальныхъ заведеній.

Онъ только что произнесъ слѣдующую тираду:

... Конечно, какъ порядочный человѣкъ, я долженъ на тебѣ жениться...—Онъ на минутку смолкъ и быстро прибавилъ:—и я не отказываюсь сдѣлать это... Но мнѣ очень хотѣлось бы, Маруся, чтобы ты сама посерьезнѣе обсудила этотъ вопросъ... Ну, какъ бы это объяснить тебѣ?... Ну, представь себѣ: я женюсь, женюсь, допустимъ, на тебѣ... Ну извѣщу я объ этомъ фактѣ родителей... у нихъ конечно уже давно сложились извѣстные планы, по которымъ они мечтаютъ устроить мое будущее, мою карьеру... Конечно эти планы очень широко задуманы, это вполне понятно,—я у нихъ единственное чадо!... Женитьба, такая ранняя женитьба и женитьба... (онъ на мгновение замаялся) женитьба на тебѣ, понятно не входитъ въ ихъ расчеты...—Скороговоркой договорилъ молодой человѣкъ и смолкъ, продолжая ходить по комнатѣ, не глядя на собесѣдницу. Маруся молчала, совсѣмъ забившись въ уголокъ дивана, въ головѣ у ней было совсѣмъ—совсѣмъ пусто и чтото шумѣло, шумѣло... И сквозь этотъ шумъ, такъ безконечно далекій, такой чуждый, слышится голосъ:

... Узнавъ о нашей свадьбѣ они конечно возмутятся.. И безъ сомнѣнія рѣшатъ наказать меня... Но чѣмъ? чѣмъ ты думаешь? Я то прекрасно знаю: они перестанутъ присылать мнѣ деньги! Въ результатѣ—голодь! Но ты пойми, пойми Маруся! мнѣ нужно учиться—вносить плату за лекціи, нужно прилично одѣться, жить порядочно, наконецъ не монахъ же я—театры, концерты, балы—все, все это требуетъ денегъ... Безъ денегъ шагу не ступишь, безъ денегъ все погибло, вся карьера къ черту!—Почти стономъ закончилъ онъ и молча быстрѣе заходилъ по комнатѣ...

Видъ у него былъ приниженный, жалкій, виноватый, онъ смущенно потиралъ руки и старался не смотрѣть на Марусю. Что-то трусливое, низменное, пресмыкающееся во всей фигурѣ—гадъ ползающій по землѣ и высоко поднимающій голову съ длиннымъ, острымъ, ядовитымъ жаломъ...

И Маруся, словно ужаленная, въ смертельномъ ужасѣ притаилась въ уголокъ дивана.

„Боже мой! Что же это такое? Кто же это? Вѣдь это не онъ, не онъ! Давно-ли, десять минутъ тому назадъ, не больше, онъ былъ другой, совсѣмъ другой! Да, онъ былъ такимъ, какимъ она увидѣла его впервые на одной изъ студенческихъ вечеринокъ, въ ту минуту, какъ онъ горячо и страстно проповѣдывалъ такія чудныя, могучія идеи, идеи любви и добра...

Съ той минуты Маруся и полюбила его... Полюбила всѣмъ своимъ дѣтски чистымъ не тронутымъ заравой жизни сердцемъ...

Но вѣдь онъ *тоже* любалъ ее! Онъ говорилъ ей, что любить, любить больше всего въ жизни, да и самой жизни для нея не пожалѣть...

Маруся ему вѣрила... не могла не вѣрить... Но зачѣмъ, зачѣмъ онъ сейчасъ такой гадкій, зачѣмъ онъ говоритъ такими холодными сухими словами? Развѣ она просила его жениться на ней, развѣ когда нибудь заикалась объ этомъ? Вѣдь она сама сознавала, что можетъ одѣлаться обузой... Но услышать это отъ него! Отъ него! Ужасно! Она не можетъ больше жить... не можетъ...

А онъ уже овладѣлъ собой, подошелъ къ дѣвушкѣ, взялъ своими большими руками ея голову, наклонился, цѣлуетъ лобъ и говоритъ:

— Ты подумай хорошенько, вѣдь ты у меня свѣтлая, умная головка...—Маруся не отвѣтила, только сильнымъ не торопливымъ движеніемъ высвободила свои виски изъ подъ его рукъ—эти руки жгли ее! Потомъ проронила:

— Хорошо... подумаю... Встала съ дивана и начала собираться домой.

— Куда-же ты? еще рано...

— Нѣтъ пора!

Она поспѣшно одѣвалась, онъ галантно помогаль, и опять его прикосновенія жгли ее...

— Что ты такая грустная? Вѣдь мы еще не скоро всѣмъ-то расстанемся... Ну, улыбнись, моя куколка!—И она улыбнулась—горько, мучительно.

— Когда ребенокъ разобьетъ свою куколку, онъ ужъ больше не любитъ ее, онъ бросаетъ обломки и забываетъ о ней...—тихо, но отчетливо выговорила Маруся. Слезы душили ее, но показать ихъ она не хотѣла и не прощаясь съ нимъ, не взглянувъ на него, быстро вышла изъ комнаты. Первою мыслью Маруси было покончить всѣ счеты съ прошлымъ. Она перемѣнила квартиру, сказавъ хозяйкѣ, что уѣзжаетъ домой въ провинцію.

Очутившись въ новой обстановкѣ, встрѣчая новыя лица она немного успокоилась.

Бросить фельдшерскіе курсы, ради которыхъ она и пріѣхала въ столицу, ей было тяжело, она рѣшила пока продолжать учиться, а когда это станетъ невозможно, оставить на время, подъ видомъ болѣзни.

Что дѣлать съ ребенкомъ, она тогда еще не знала, она еще не знала, насколько онъ будетъ дорогъ ей!

Послѣдніе два мѣсяца она жила въ какой-то сплошной апатіи. Деньги, данныя ей опекуномъ на текущій учебный годъ, подходили къ концу, надо было писать въ родной городъ, просить о высылкѣ новой суммы, но силъ не было взяться за перо, она боялась, что опекунъ по тому письма пойметъ, что съ ней случилось что-то ужасное. Разказать всю правду пока она не могла.

Тѣмъ временемъ кошелекъ пустѣлъ, послѣдніе рубли вылетали, надо было рѣшиться на что-нибудь: она написала опекуну нѣсколько словъ, обѣщая большое письмо.

Вскорѣ послѣ отправки этого письма ей стало худо. Квартирная хозяйка свезла ее въ родильный.

Какъ „незаконная“, она попала въ бесплатную палату. Дѣвушка-бѣльщица дивилась, принимая въ обмѣнъ на казенное, тонкое бѣлье и изящное платье Раевской.

Тихо въ палатѣ... Мучительно тихо... Маруся лежитъ стараясь не думать ни о чемъ, а мысли ползутъ, ползутъ.. Она думаетъ о своемъ мальчикѣ, о его будущемъ, о разлукѣ съ нимъ... Ужасъ охватываетъ ея душу. Нѣтъ! Нѣтъ! Не отдастъ она его никому! Онъ будетъ ея жизнью, ея цѣлью... Она всю, всю себя отдастъ своему сыночку... Въ головѣ Маруси начинаютъ рисоваться счастливыя картинки будущаго этого крошечнаго ребеночка, будущаго, окруженнаго ея заботами, любовью, ласками...

Она сладко улыбается и начинаетъ дремать.

Рядомъ съ Маріей Раевской лежитъ уже не молодая женщина; голова съ сильной просѣдью покоится на подушкѣ. Лицо все изрѣзано мелкими морщинами, но черты его удивительно красивы.

Больная не спитъ, хотя и лежитъ неподвижно. Иногда она ненадолго закрываетъ глаза, но больше смотритъ не отрываясь на маленькую дѣтскую кроватку, какъ будто сторожа покой и безопасность спящаго въ ней ребеночка.

На доскѣ значится:

Рожевица: Ольга Сергѣева.

Лѣта: 37 (дѣвица).

Рожаетъ: 3-й разъ.

Младенецъ: дѣвочка.

Физически родильница чувствуетъ себя прекрасно: всѣ боли затихли, успокоились, только усталость во всѣхъ

членахъ да шумъ въ головѣ отъ слабости... Одна бѣда,— уснуть она не можетъ. Эта бессонница началась уже давно, задолго до рожденія ребенка, съ того самаго рокового дня, который разбилъ вдребезги ея жизнь...

Въ безмолвной тишинѣ палаты никто не мѣшаетъ думать, вспоминать; и вспоминается ей...

Тогда она была совсѣмъ молодежькой дѣвушкой, лѣтъ 19-ти—20-ти не больше, работала въ бѣлошвейной. Хозяйка у нихъ была серьезная, строгая, но не обижала, не тѣснила мастерицъ; тѣ, хотъ и побаивались старушки, но любили ее искренно.

Да и нельзя было не любить ее: человекъ она была добрый, справедливый, работа такъ и кипѣла въ ея маленькихъ ручкахъ, минуты бывало не посидить безъ дѣла. И отъ другихъ того же требовала. Сидить, бывало, шить и рассказываетъ:

... тяжелое, тяжелое было крѣпостное время... Изверги были люди, мучили себѣ подобныхъ, по двѣ шкуры съ крестьянина драли... Какъ освободилъ Царь-Батюшка отъ ига крѣпостного, легче вздохнулось русской землѣ... А миѣ вотъ крестьяне да дворовые, что дѣти родные были,—ушли и осиротѣла я... Не чаяла я, что оставятъ, покинутъ меня мои дѣтушки... Одна старуха нянька осталась, да и та померла скоро... Тяжко миѣ стало... Что продала, что и такъ роздала да вотъ и пріѣхала сюда... Надо трудиться, мыля, мадо... Сколько грѣховъ, грѣховъ родительскихъ душу тяготить... И вздохнетъ бывало барыня и низко голову помурить...

На той же лѣстницѣ, гдѣ была ихъ мастерская, жили студенты,—веселые молодые люди, ласковые и пріятливые. Познакомились студенты съ нѣсколькими мастерицами, приглашали ихъ по праздникамъ къ себѣ, чаемъ съ вареньемъ угощали, и все у нихъ шло чинно, благородно, никакихъ глупостей не было. Только стала Оля замѣчать, что студентъ Ѳедоръ Васильевичъ очень ужъ на нее любовно поглядываетъ... Правда, и самъ-то онъ былъ Олѣ далеко не противенъ.

Время шло, шло быстро; въ долгіе зимніе вечера сходились бывало мастерицы и студенты. Самоваръ кипитъ, они болтаютъ, смѣются, поютъ хоромъ, а то такъ всѣ замолкнуть, притихнуть, слушая хорошую, умную книжку. Наступила весна. Пошли разъ Ѳедоръ Васильевичъ съ Олей гулять на Неву. Ночь была теплая, душистая... Сирень цвѣла въ садахъ. Свѣтло, какъ въ сумерки. Небо голубое, на западѣ янтарно-желтое, на горизонтѣ алѣло. Хорошо было. Шумъ

смолкаль. И они долго шли молча,—не хотѣлось говорить.

— Давно я хочу спросить васъ, Ольга Сергѣевна, какъ вы ко мнѣ относитесь?—Первый заговорилъ Ѳедоръ Васильевичъ.

Оля отвѣтила просто:

— Какъ къ очень хорошему барину, Ѳедоръ Васильевичъ!—А онъ возьми да разсердись.

— Какъ къ барину? Я вѣдь васъ по человѣчески спрашиваю, а вы „какъ къ барину!“ Даже обидно!

— Что-же я худого сказала? За что вы разсердились?—удивилась Оля. Онъ передернулъ плечами и нѣсколько мгновеній помолчалъ.

— Дѣло-то вотъ въ чемъ, Оля,—мягко заговорилъ онъ,—смотрѣлъ я все на васъ, да смотрѣлъ, такая-то вы милая, и глазки у васъ добрые, умненькіе глазки... Вотъ и захотѣлось мнѣ, чтобъ эти глаза всегда на меня смотрѣли... Эхъ, Оля! Полюбилъ я эти глаза!

Оля сконфузилась и вымолвила:

— Какая же я ровня вамъ, Ѳедоръ Васильевичъ?

— Теперь-то можетъ и не ровня, а будетъ время и совѣмъ ровней будешь... Учиться вмѣстѣ станемъ, Оля! Вотъ кончишь работу и пойдемъ вечеркомъ гулять, много, много чего я тебѣ поразкажу! Иное тебѣ и во снѣ не снилось...

Время сближало молодыхъ людей все тѣснѣе и тѣснѣе. Къ концу года отношенія ихъ измѣнились; стала Оля побиваться своей барыни, та что то ужъ очень зорко всматривалась въ нее.

Остались какъ-то онъ съ глазу на глазъ, и начала старушка исповѣдывать Олю.

Дѣвушка смутилась и созналась во всемъ. Вскипѣла тутъ барыня.

— Гдѣ онъ живетъ? Пойду къ нему, къ прохвосту!

— Барыня, милая, не ходите, не надо, онъ хорошій...

— Хорошій, хорошій! Знаю я ихъ хорошихъ... вѣдь не женится, подлець?

— Женится, барыня, только теперь ему нелзя, студентъ онъ еще!

— Ахъ онъ молокососъ этакій...

Покипѣла барыня и успокоилась. Олю она не обижала, жалѣла, берегла, защищала отъ насмѣшекъ подругъ и держала до послѣдней минуты. Когда понадобилось, къ акушеркѣ свезла и тамъ навѣщала, а потомъ сынишку у ней

крестила и много помогала тѣмъ, что работу Олѣ на домъ давала и платила хорошо.

Кончивъ университетъ, Ѳедоръ Васильевичъ поступилъ на службу и хотѣлъ жениться на Олѣ, но она и слышать не хотѣла; поселились они вмѣстѣ и первый годъ жили радостно, счастливо.

Ѳедоръ Васильевичъ увлекался задачей поднять до себя умственный уровень Оли и сердился на нее, когда она напоминала о томъ, что они—не ровня. Онъ училъ ее, читалъ цѣлыми часами вслухъ, а Оля не спускала съ него своихъ большихъ любящихъ глазъ и внимательно слушала...

Но со временемъ эти чтенія стали повторяться все рѣже и рѣже... Оля съ болью въ сердцѣ замѣчала, что Ѳедоръ Васильевичъ уходитъ отъ нея, запирается у себя въ кабинетъ... Или бродитъ хмурый, молчаливый...

Часто и Олѣ становилось скучно,—отъ хозяйства и возни съ маленькимъ Петей у нея оставалось много времени, и въ эти свободные часы она была одна, совсѣмъ одна, всѣ ея прежнія знакомства сами собой расклеились... Временами Оля искала утѣшенія въ книгѣ, но книга вѣдь не живой человекъ, она рѣшаетъ многіе вопросы, можетъ быть серьезные и важные, но не тѣ, которые мучаютъ въ данный моментъ, мучаютъ, терзаютъ нервы, не даютъ спать... И Оля въ тоскѣ, въ отчаяніи бросала книгу...

Живо вспоминается Ольгѣ Сергѣевой одинъ изъ ея разговоровъ съ Ѳедоромъ Васильевичемъ. Въ тотъ день онъ былъ угрюмъ, мраченъ, его настроеніе передалось Олѣ, но она бодрилась, старалась смѣяться, шутить... Когда же замѣтила, что это не помогаетъ, приласкалась къ нему и тихо спросила:

— Что съ тобой?

— Ничего!—безъ всякой интонаціи отвѣтилъ Ѳедоръ Васильевичъ.

— Ты нездоровъ?

— Бѣтъ, здоровъ...

— Тебѣ скучно... ты бы пошелъ куда-нибудь въ гости...

Онъ вдругъ отвѣтилъ раздражительно:

— Если ходить въ гости, нужно и къ себѣ звать...

— Такъ позови!.. — сказала Оля и вдругъ осѣклась, поблѣднѣла, ей сразу стало понятно, что онъ изъ-за нея не можетъ позвать кого хочетъ, что онъ ея стыдится!

Послѣ мучительно-длинной паузы она заговорила горячо:

— Ѳедя, голубчикъ, милый, желанный, брось ты меня!

Не ровня я тебѣ, не ровня! Уйдемъ мы отъ тебя съ Петушей... Силь у меня хватить, и ремесла своего я не забыла еще... Послушайся меня Оеда!..

Федоръ Васильевичъ, оживился и внимательно слушалъ горячую рѣчь Оли.

— А ты живи въ свое удовольствіе... Женись на умной, на ученой, да на хорошей... Знаю вѣдь я, что тебѣ скучно со мной... И не всякій къ намъ пойдетъ...

Федору Васильевичу казалось, что онъ слышитъ что-то новое, — желанную разгадку мучившей его задачи. Но это было мгновеніе. Онъ передернулъ плечами, тряхнулъ головой, какъ бы отбиваясь отъ навожденія и оборвалъ Олю на полусловѣ. Сердитыми нотами зазвучалъ его голосъ:

— Да ты что? Съ ума сошла, что-ли? Что, по твоему я подлець? Подлець я по твоему?

Оля смотрѣла на него растерянно, глазами полными слезъ. А онъ все не отступалъ отъ нея и уже истерически выкрикивалъ:

— Подлець? Подлець? Подлець я по твоему?

— Нѣтъ... нѣтъ...—лепетала она,— но уйти мнѣ лучше... знаю я... знаю... Касатикъ мой, кабы не любила, не жалѣла бы я тебя такъ... Надоѣла я тебѣ... чуетъ мое сердце!..

Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, и въ сердцѣ у него что-то мыло... Онъ чувствовалъ въ ея словахъ правду, но противъ этой правды возставало все его существо... Вотъ онъ поднималъ голову, взглянулъ въ ея милые плачущіе глаза и сердце его переполнилось жалостью и глубокой нѣжностью... Онъ схватилъ ея заломленные въ тоскѣ руки и прижался къ нимъ губами...

— Бѣдная ты, бѣдная моя, не надоѣла ты мнѣ... прости меня, прости...—шепталъ онъ.

Оля замолкла подъ его лаской, ей показалось что прежнее счастье вернулось...

Но не надолго...

Стала Оля замѣчать, что Федоръ Васильевичъ и въ карты началъ поигрывать, и выпивалъ часто, прежде съ нимъ это случалось очень рѣдко—развѣ въ компаніи... А потомъ сталъ онъ пропадать изъ дому иногда надолго, возвращался поздно ночью... Оля не спрашивала, гдѣ онъ былъ, но страстно ждала и наединѣ съ собой горько плакала. Федоръ Васильевичъ видѣлъ ея заплаканные, но улыбающіеся ему глаза, чувствовалъ, какъ глубока, какъ утонченна эта деликатность простого сердца,—мучился всѣмъ этимъ и молчалъ...

Что въ немъ происходило? Каюлся ли онъ въ своемъ

любомъ порывѣ, заставившемъ его связать жизнь съ „веровней“, какъ говорила Оля, или мучило его то, что не хватило въ немъ характера довести дѣло до конца, что удерживая Олю для себя физически, онъ нравственно отвернулся отъ нея, бросилъ, лишивъ ее прежняго простаго міровоззрѣнія, натолкнулъ на новое, сложное, запутанное, въ которомъ одной ей разобратъся было трудно...

Такъ прошло много лѣтъ... Петѣ пошелъ уже 16-й годъ. Онъ росъ, словно запыленное деревцо петербургскаго сквера, блѣднымъ, хрупкимъ мальчикомъ, съ серьезными, умными глазами и наивными рѣчами. Доктора не позволили отдать его въ гимназію—нашли слабыя легкія, и онъ учился дома.

Оля за эти долгіе годы возилась съ нимъ, какъ съ груднымъ ребенкомъ, оберегая его сонъ, защищая отъ сквозняка и отъ слишкомъ яркаго солнца. Не отходила отъ него ни днемъ, ни ночью, когда онъ заболѣвалъ серьезно.

Кромѣ муки, да вѣчной тревоги, Петя ничего не далъ матери.

— Не жилецъ, не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ!—грустно но убѣжденно говорила Оля Федору Васильевичу. Онъ молча соглашался съ ней. Въ немъ жило обидное сознание, что это жалкое, чахлое существо обмануло его надежды и разрушило какія то несознанныя мечты... Съ Петей онъ былъ ласковъ, ровенъ, за то тотъ относился къ отцу съ какой то болѣзненной страстностью—видно вліяніе матери сказалось...

Года черезъ три послѣ рожденія Пети, у Оли родилась дочка, но прожила только два мѣсяца. Приблизительно около того же времени умерла и прежняя хозяйка Оли... Тяжелое было время... Но вотъ теперь, почти черезъ 13 лѣтъ, Оля была опять беременна въ третій разъ и отъ души радовалась, ожидая появленія ребенка. Радовался и Федоръ Васильевичъ. Оба они стали старше, спокойнѣе, время и привычки сблизили ихъ, сравняли окончательно... Опять возникъ вопросъ о женитьбѣ, на этотъ разъ Оля уже не противилась; почему-то она ждала крѣпкаго, здороваго мальчика, хотѣла чтобы онъ носилъ фамилію своего отца, хотѣла учить его, хотѣла одѣлать изъ него человѣка, какимъ былъ ея Федоръ Васильевичъ...

Но тутъ вмѣшалась смерть, безжалостная, не входящая въ расчеты и въ интересы людей, въ домъ которыхъ она заглядываетъ.

Поджидала разъ Оля Федора Васильевича къ обѣду, а

вмѣсто него прибѣжалъ изъ канцеляріи курьеръ и доложилъ, что „баринъ де душу Богу отдалъ на службѣ...“

Свѣта не завидѣла Оля. Что было дальше—она не помнитъ... Кто хлопоталъ съ похоронами, кто платилъ за все—она не знала, не интересовалась... Не слышала она и соболѣзнованій начальства и сѣтованій на покойника за то, что тотъ не обезпечилъ семьи и пустилъ всѣхъ по міру, не давъ имъ права на выслуженныя поль-пенсіи...

Оля окаменѣла вся... Цѣлыя сутки пролеживала она съ широко открытыми глазами. Она забыла обо всѣхъ, забыла даже о своемъ Петѣ...

А Петя въ холодную, сырую осеннюю пору по цѣлымъ часамъ и даже днямъ просиживалъ на могилѣ отца. Его почти дѣтскій умъ жаждалъ разгадки неразрѣшимаго вопроса смерти... Онъ ждалъ ея отъ этой могилы, отъ плачущихъ вокругъ людей, отъ плачущаго осенняго неба...

Оля вспомнила о своемъ первенцѣ только тогда, когда увидѣла его въ жару и бреду...

У Пети началась скоротечная чахотка.

Мать не отходила отъ больного ни на шагъ...

Но ни слезы, ни молитвы матери, ни знанія врачей не могли сломить ужаснаго недуга...

Несчастная женщина схоронила Петю на послѣдніе гроши и осталась одна... одна, накануне родовъ, безъ искреннихъ друзей, безъ поддержки, съ испортившимся зрѣніемъ, съ тяжелымъ сознаніемъ, что машина отняла у ней прежній заработокъ...

Тихо... Мучительно тихо въ палатѣ...

Ольга Сергѣева смотритъ на свою новорожденную дочку, но воспоминанія, какъ черныя тучи заслоняютъ отъ нея маленькую кроватку...

День выписки.

За окнами со спущенными парусинными шторами совершенно темно. Въ палатѣ сумрачно и холодно. Близокъ разсвѣтъ.

Больныя спятъ тревожно, какъ будто боятся проспять этотъ знаменательный день, ожидаемый цѣлыхъ девять долгихъ скучныхъ сутокъ, желанный „день выписки.“

У всѣхъ больныхъ отъ времени до времени возникаетъ въ головѣ вопросъ: „а что какъ же выпишутъ.“

Да и дѣти далеко не такъ спокойны, какъ въ первую ночь—они ужъ познакомились съ чувствомъ голода, съ болѣзненными коликами въ животахъ...

Ночная дежурная сегодня „барышня Платовская.“

Съ вечера къ ней приходили подруги изъ другихъ палатъ, онѣ долго болтали и хохотали, — большыя не могли уснуть... Но мало-по-малу въ палатѣ все стихло, „барышня“ Платовская, оставшись одна, прикурнула на диванчикѣ и моментально заснула—заснула мертвымъ сномъ. Дѣти—кричали, какъ изступленные, больныя звали—звали усиленно, она не просыпалась. Наконецъ Маша—больная Михайловой, ближайшая къ диванчику, спустилась съ кровати, босикомъ подошла къ дежурной и кое-какъ растолкала ее. Та проснулась сердитая, накричала на дерзкую, осмѣлившуюся встать и бѣгать босикомъ, нехотя перепеленала плачущихъ дѣтей и отдала ихъ матерямъ для кормленія.

Остатокъ ночи она спала уже не такъ крѣпко, но вставала неохотно и несла свое дежурство съ очень недовольнымъ даже оскорбленнымъ видомъ.

Когда она засыпала, больныя тихо переговаривались: „ну и барышня! Такой у насъ еще не было!“

— Да ужъ наградила меня Господь барышней!—тяжело вздохнула Ольга Алексѣева.

Передъ утромъ и дѣти, и больныя заснули было довольно крѣпко, но проснулся ребенокъ Маши, самый голосистый въ палатѣ, выславшаяся уже „барышня Платовская“ проснулась отъ его крика почти моментально, сердито вскочила, выхватила ребенка изъ кровати и сунула его къ матери, та проснулась испуганная, не соображая дѣйствительности.

Гдѣ то въ корридорѣ пробило семь. Платовская свѣрилась со своими золотыми часиками и рѣшила, что пора уже ставить больнымъ градусникъ. Она его вынула изъ столика и подошла къ спящей Марусѣ Раевской. Быстро сдвинувъ съ груди больной сѣрое одѣяло, она порывисто развязала воротъ ночной рубашки и сунула подъ мышку холодное стекло термометра. Маруся вскрикнула.

— Чего вы кривляетесь? — разсердилась Платовская.— Вотъ еще! Нервную барыню изъ себя корчить вадумала!—ворчала она уходя на диванъ.—Держите крѣпче градусникъ!—крикнула она уже съ другого конца палаты. Вынувъ изъ кармана небольшое складное зеркальце, дежурная поставила его на столъ и стала причесываться.

— Барышня!—позвала проснувшаяся новенькая больная, которую перевезли вчера изъ сосѣдней опустѣвшей палаты, на мѣсто отправленной въ лазаретъ „Евдокии Стукиной“, признанной почти безнадежной.

— Вотъ подождите, причешусь, тогда сдѣлаю что нужно...—

И Платовская не торопясь продолжала вкалывать въ волосы шпильки.

Черезъ часъ температура у всѣхъ больныхъ была измѣрена и записана.

По корридору послышался грохотъ катящейся телѣжки; дверь палаты съ шумомъ и трескомъ растворилась и бѣльщица, толстая сварливая женщина, бросила на диванъ четыре простыни и столько же рубашекъ.

— Больше ничего не дамъ! Ни штучки! такъ и знайте!— крикнула она ожесточенно и круто повернувшись, скрылась, а по корридору опять громко затарахтѣла ея телѣжка.

Торопливые, тяжелые шаги... На порогѣ появляется „булочница“ т. е. дѣвушка, одѣляющая булками. Она поспѣшно разсовываетъ большимъ на столики маленькія твердыя булки и, не сказавъ ни слова, исчезаетъ. Видъ у ней заспанный и недовольный.

Слѣдомъ за ней вбѣгаетъ другая дѣвица; эта раскраснѣлась отъ тяжелой ноши и отъ быстрой ходьбы.

— Катя! Вотъ и Катя! Здравствуй Катюша!— всѣ радостно встрѣчаютъ ее.

— Здравствуйте! здравствуйте! Что? каземному чайку обрадовались?—весело смѣется вошедшая.—Ну, давайте кружки! Настоящій китайскій-барскій-царскій, съ сахаромъ, съ медкомъ, со сладкой булочкой!—шутливо приговариваетъ Катя и, поставивъ на полъ тяжелый мѣдный чайникъ, собираетъ кружки больныхъ.

Катя—общая любимица, быть можетъ потому, что она единственная здѣсь представительница счастливаго радостнаго настроенія и готова всегда всѣмъ чѣмъ можетъ услужить больнымъ, даже и тѣмъ, которыя не даютъ ей на чай.

Поднимается бѣготня. Двери во всѣхъ палатахъ раскрываются настежь. Въ двухъ мѣстахъ по длинѣ корридора, на табуреткахъ ставятся ведра съ кипяченой, теплой водой. Дежурныя барышни спѣшатъ сдѣлать „уборки“ своимъ собственнымъ больнымъ т. е. обмыть ихъ и, переодѣвъ въ чистое бѣлье, смѣнить постельное.

Время подходитъ къ девяти. Платовская нетерпѣливо поглядываетъ на часы.

— Что это Михайлова не идетъ? — досадливо спрашиваетъ она всю палату.

— Моя барышня далеко живетъ... — несмѣло вступается Маша.

— Далекое! Далекое!—кипятится Платовская, — я то тутъ

при чемъ? Мое дѣло просидѣть до девяти, а дальше я не желаю! Уйду, все брошу—вотъ и все!

— Куда же вы уйдете? Вѣдь все равно визитацію вамъ придется ждать...—замѣчаетъ Раевская.

— Ужъ это не ваше дѣло!—фыркаетъ Платовская—и выбѣгаетъ въ корридоръ. На порогѣ она сталкивается съ Михайловой,

— Михайлова!—Что вы такъ поздно?—Михайлова переводитъ дыханіе, такъ какъ только что выбѣжала на лѣстницу, взглядываетъ на свои стальные часики и отвѣчаетъ спокойно:

— Безъ пяти девять! Мои идутъ по пушкѣ. Еще пять минутъ въ моемъ распоряженіи... Приготовьте все къ сдачѣ... И пошла къ своей больной. Почти слѣдомъ за ней пришли Пущина и Смирнова—барышня новемькой. Всѣ спѣшать сдѣлать „уборки“ своимъ больнымъ и ребятамъ.

Къ десяти часамъ родильницы въ чистомъ бѣльѣ, умытыя и причесанныя, чинно лежатъ на своихъ кроватяхъ; казенныя одѣяла аккуратно подвернуты со всѣхъ сторонъ.

У одного изъ оконъ собрались всѣ четыре барышни и горячо спорятъ. Начала Платовская. Она своимъ обычнымъ капризнымъ тономъ стала выговаривать Смирновой за то, что та выставила на своемъ вчерашнемъ дежурствѣ ея больной, Ольгѣ Алексѣевой, повышенную температуру 38,1.

— Да вѣдь у ней была-же вчера такая температура!—удивленно восклицаетъ Смирнова.

— А своей больной вы вѣдь не выставили бы такой температуры?—съ предательской улыбкой спрашиваетъ Платовская. Смирнова колеблется мгновеніе, но отвѣчаетъ твердо:

— Выставила-бы!

— Ну ужъ не повѣрю! Наканунѣ-то выписки?

— Такъ у вашей больной 38,0?—съ участіемъ спрашиваетъ подошедшая съ ребенкомъ на рукахъ Пущина,—значитъ ее не выпишутъ?

— Нѣтъ! Конечно выпишутъ! Я пришла вечеромъ на дежурство, перемѣрила температуру, оказалось 37,9; въ какихъ-нибудь три часа температура опустилась на двѣ десятыхъ, значитъ пустяки, нервное повышеніе, ну, я конечно переправила...

— Сколько же вы ей поставили?

— 37,2.

— По моему это безобразіе!—рѣзко сказала Михайлова. Она стояла у столика своей больной и выписывала что-то

въ маленькую синюю „книжку приемо́къ“. Платовская пере-дернула плечами.

— И по моему это не хорошо, — съ обычной мягкостью встала Пущина, — не хорошо по отноше́нью къ большой; вѣдь если у ней вчера повысилась температура, она пожа-луй будетъ лихорадить и сегодня, а вы ее выпишете боль-ную, слабую, можетъ быть ей и голову то приклонить не-гдѣ...

— Не понимаю, зачѣмъ вы такіе разговоры заводите при больныхъ? — пожимаетъ сердито плечами Платовская.

Михайлова вписала въ книжку все, что нужно и подошла къ окну.

— Безобразіе ужъ то, — сказала она, — что „незаконныхъ“ большихъ выписываютъ на 6-й день, тогда какъ платины — законныя лежатъ девять дней. Но этому есть оправданіе; говорятъ, что это необходимо въ силу громаднаго наплыва незаконныхъ; если бъ этого не дѣлали, слишкомъ многимъ пришлось бы рожать Богъ знаетъ гдѣ, хоть на улицѣ — у насъ мало родильныхъ домовъ... Но въ принципѣ — это ужасно!

— И ничего нѣтъ ужаснаго! — встала вопедшая въ палату Нерикова, — вѣдь въ деревняхъ бабы и совсѣмъ не ле-жать... Одолжите-ка мнѣ ваты и присыпки, Михайлова, мнѣ некогда идти къ аптекаршѣ, вѣдь вы дежурная?

— Да, я, только я ничего вамъ не дамъ... — сердито от-махнулась Михайлова, — въ деревняхъ вы говорите? да сколько ихъ мреть-то въ деревняхъ? — горячо возразила она на ми-моходомъ брошенную реплику.

— А здѣсь не мрутъ? — спросила Нерикова — слушайте, Михайлова, одолж-и-те присыпочки!..

— Говорю, не дамъ, ступайте къ аптекаршѣ... Конечно мрутъ и здѣсь, да не столько, какъ тамъ... А женскихъ бо-лѣзней тамъ сколько!..

— А здѣсь?.. — заикнулась было Платовская.

— Ну да, да, и здѣсь скверно, я объ этомъ и говорю, не можетъ не заболѣть женщина, которой на шестой день послѣ родовъ приходится пройти 3—5 верстъ пѣшкомъ, съ ребенкомъ на рукахъ, до своего угла, если онъ имѣется, или, поступивъ въ Воспитательный, кормить своего ребенка, съ перваго же дня начавъ мыть полы и нести всю черную ра-боту! Не можетъ! И виноваты мы, виноваты тѣмъ, что всѣми силами стараемся вытолкнуть больную на улицу... Мы учимся на ней, мы ее мучимъ, пока намъ это нужно, а лишь только она перестаетъ интересоваться насъ, мы записываемъ ей

меньшую, чѣмъ есть въ дѣйствительности, температуру, мы увѣраемъ визитирующаго врача, что она чувствуетъ себя сильной и бодрой...

— Михайлова, да уймитесь-же вы!—закричала въ отчаяніи Платовская,—вѣдь нельзя же при больныхъ!—Она ужъ нѣсколько разъ пыталась прервать горячую рѣчь товарки, но та не слушала, не смотрѣла на нее.

— Михайлова! Слышите! Нельзя, нельзя же при больныхъ...

— Нѣтъ! Нужно, нужно! Пусть онѣ сами знаютъ, какъ къ нимъ здѣсь относятся, и хоть сами вступятся за свои права!..

— Да онѣ сами всегда жаждутъ выписки...—вставила несмѣло Смирнова.

— А почему?—горячилась Михайлова,—потому, что онѣ чувствуютъ, какъ мы плохо къ нимъ относимся...

— Конечно,—вставила Пущина,—больныя торопятся выпиской еще и потому, что лежать имъ скучно, а онѣ не понимаютъ, какъ имъ вредно раннее вставанье, а мы это знаемъ прекрасно и должны имъ объяснить...

— Господи! Да онѣ всѣ съ ума сошли!—патетически всплеснула руками Платовская,—мало мы еще здѣсь мучимся? Эти безсонныя ночи дежурствъ... Эго...

— Ну ужъ, барышня, вы-то на безсонныя ночи могли бы не жаловаться!..—приподнимаясь на локтѣ, съ достоинствомъ вставила Ольга Алексѣва.

Платовская вся покраснѣла:

— А я съ вами говорю? Съ вами? Молчите лучше!..

— Тихе, тихе, mesdames! Тихе, докторъ Старцевъ идетъ на визитацію...—вбѣжала въ палату сосѣдняя дежурная.

Все стихло. Дежурная Михайлова, все еще заволнованная споромъ, быстро поставила чернильницу на первый столикъ, къ которому направился докторъ. Въ дверяхъ онъ приостановился и сдѣлалъ общій поклонъ.

— Что у васъ сегодня, кажется, дешъ выписки?—спросилъ онъ, взглянувъ на окружавшихъ его барышеньъ.

— Да, да!—поспѣшила Платовская.

Старцевъ долго и внимательно осматривалъ больную Михайловой, спрашивалъ о самочувствіи. Просмотрѣлъ температуру всѣхъ пяти дней.

— Вы что же, хотите сегодня выписаться?—спросилъ онъ Машу.

— Да, господинъ докторъ,—поспѣшно отвѣтила та.

— А у васъ есть гдѣ полежать? — спросилъ Старцевъ, пытливо смотря на больную.

— Да, я живу въ комнатѣ отъ хозяйки, — господинъ докторъ...

— А чѣмъ вы занимаетесь?

— Теперь ничѣмъ.

— Вижу! — улыбулся докторъ, — нѣтъ, а прежде? до родовъ?

— Служила въ горничныхъ... — вспыхнувъ отвѣтила Маша.

— Знаете, — взявъ больную за руку, сказалъ докторъ Старцевъ, — у васъ все идетъ очень хорошо, очень, только полежать, голубушка, надо, дня четыре, пять... А то все прахомъ пойдеть! Слышите?

— Я полежу, господинъ докторъ!

— Ну, смотрите же! А ребенокъ? Здоровъ? Съ вами?

— Да, господинъ докторъ! — волнуясь отвѣтила Маша.

И докторъ подписалъ журналъ большой и книжку приѣмщицы.

У Михайловой скользнула радостная мысль:

— Ну, слава Богу, выписалъ! — и сейчасъ же ей стало стыдно этой мысли: давно ли она говорила, что выписывать на шестой день безобразіе, а сейчасъ эта непростительная радость! Да, непростительная! Но утомительныя дежурства, конечно, если къ нимъ относиться добросовѣстно, путешествія два раза въ день съ противоположнаго конца города на „уборку!“... Все это отнимаетъ такъ много здоровья, силъ, времени, что учиться теоретически даже и при существующемъ порядкѣ почти не приходится. А если еще... Нѣтъ! всё-таки стыдно!..

Докторъ Старцевъ, захвативъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и чернильницу, перебрался на другой столикъ къ больной Смирновой.

Та же процедура... Почти тѣ же вопросы... Докторъ выписалъ и эту больную. Затѣмъ подошелъ къ кровати Маруси Раевской.

— Ну, какъ дѣла?

— Спасибо, докторъ, хорошо; только голова кружится.

Докторъ Старцевъ принялся за изслѣдованіе.

— Да, да, — задумчиво сказалъ онъ, — хорошо... только пульсъ слабъ... полежать надо подольше. Вы что же, тоже хотите выписываться?

Раевская мгновеніе колебалась, но утомленное худенькое лицо Пуцниной было такъ близко, и она сказала быстро:

— Да, докторъ, пожалуйста...

— Но вы полежите, это необходимо!

— Если будет возможность:—я боюсь, что моя хозяйка не возьмет меня съ ребенкомъ... а если возьметъ—полежу...

Докторъ Старцевъ растерялся.

— А если не возьметъ?—спросилъ онъ.

Маруся пожала плечами.

— Такъ, какъ же?—перевелъ Старцевъ глаза на Пущину. Та вся зардѣлась и тихо вымолвила:

— Тогда, докторъ, я возьму ее къ себѣ... на нѣсколько дней; у меня, правда, тѣсно, но хозяйка добрая—позволить...

— Ну вотъ и прекрасно! Лучше и не надо!—обрадовался докторъ.

Маруся смотрѣла на свою „барышню“ большими, изумленными глазами. Въ горлѣ у ней что-то щекотало, а по блѣднымъ щекамъ скатились двѣ крупныя слезы. Ей хотѣлось схватить руки кроткой „барышни Пущиной“ и прильнуть къ нимъ губами, какъ бывало къ рукъ мамы...

Докторъ подошелъ къ Ольгѣ Алексѣевой.

Тотъ же внимательный осмотръ, та же провѣрка температуры.

— Какъ же вы себя чувствуете?—спросилъ докторъ.

— Ничего, хорошо...—тихо проронила больная.

— А есть гдѣ полежать?—уже машинально поставилъ докторъ привычный вопросъ.

— Негдѣ, докторъ!

Платовская вспыхнула.

— А я, докторъ, взять ее къ себѣ не могу!—рѣзко сказала она.

— Если бы и взяли, барышня, я бы къ вамъ не пошла...—чуть слышно вымолвила больная.

— Такъ какъ же быть?—задумчиво спросилъ докторъ.—А ребенка вы куда? въ воспитательный?

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ! Ни за что!

— Знаете, что я бы вамъ посоветовалъ, поступите-ка вы все-же въ Воспитательный, на испытаніе, медѣльки на двѣ; увидятъ, что у васъ молоко хорошее и дадутъ вамъ вашего ребенка на домъ вамъ же на кормленіе, платитъ вамъ будутъ девять рублей въ мѣсяць... Попробуйте... А?

— Спасибо, господинъ докторъ, за совѣтъ... Я, можетъ быть, такъ и сдѣлаю... Вотъ и она мнѣ говорила...

— Ну и прекрасно... Такъ васъ сегодня не выписывать, полежите денекъ-другой!

— Нѣтъ, нѣтъ! Ради Христа выпишите! Все равно вѣдь въ день-то не поправишься!—горячо попросила больная.

Докторъ исполнилъ ея просьбу, но глаза у него были грустные, безсильная тоска сосала сердце.

Онъ ушелъ, на прощанье пожавъ руки пріемщицъ.

Какъ только замолкли его шаги, Платовская воскликнула:

— Господи Боже мой! Вѣдь вотъ у человѣка способность всю душу вымотать!

— Нѣтъ, онъ хорошій!—убѣжденно сказала Смирнова,— такихъ у насъ не много!

Пущина склонилась надъ Раевской, что-то тихо, но вполновашно шептавшей.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ барышни, кромѣ дежурной Михайловой, ушли на лекціи. Въ палатѣ воцарилась тишина, изрѣдка прерываемая плачемъ дѣтей, да разговорами больныхъ между собой. Перекинутся двумя-тремя фразами и замолкнутъ.

Каждая занята своей думушкой... Каждая ждетъ не дождется двухъ часовъ, когда въ палаты впустятъ посѣтителей, которые принесутъ большинству изъ больныхъ отвѣты на мучительные вопросы: куда идти? Какъ устроиться? Куда ребенка?

Въ двѣнадцать принесли обѣдъ, но изъ всей палаты одна Дарья, больная Смирновой, съѣла всю порцію. Она была весела, возилась все время со своимъ ребенкомъ, прищелкивала языкомъ и смѣялась.

Вопросъ относительно ребенка у ней уже рѣшенъ. Отсюда она пойдетъ въ „углы“, гдѣ жила послѣднее время передъ родами. Отдохнетъ, отлежится, а потомъ пойдетъ въ Воспитательный. Покормитъ тамъ недѣлку-другую и возьметъ своего мальчугашку на девять рублей. Къ тому времени ея сожитель подыщетъ ей комнатку. Выйдя изъ Воспитательнаго, Дарья возьмется за свое прежнее ремесло—папирасы на магазинъ набивать. Ужъ лѣтъ пять, какъ она этимъ мастерствомъ промышляетъ, платятъ ей съ тысячи, и своимъ житьемъ она довольна. Правда, въ началѣ съ непривычки голова у ней болѣла отъ табачной пыли, потомъ прошло... Вотъ отъ кашля и посейчасъ отдѣлаться не можетъ, все въ горлѣ першитъ. А что прежде-то было! Тоже горя Дарья видѣла не мало... Сколько ребятъ у ней перемерло въ Воспитательномъ... Сколько слезъ материнскихъ пролили ея глаза... Теперь вотъ и на сожителя она напала на хорошаго, на добраго, какъ жему ее жалѣть... Правда, не безъ того, чтобъ и деньжонкъ ему отъ Дарьи не перепало, а все же человѣкъ обходительный—приказчикомъ въ мелочной ла-

вочкѣ служить... Самъ и зайдетъ за ней сегодня, еще вчера прислалъ открытку, барышня читала, что отпросится у хозяина. И радуется Дарья, всей душой радуется, что съ ребеночкомъ своимъ не разстанется...

Маша сильно волнуется, даже пятна на лицѣ выступили, и глаза горять, дѣлая ея личико оживленнымъ и привлекательнымъ. За эти нѣсколько дней она узнала, что значить материнская любовь, и ей страшно даже подумать, что придется разстаться со своимъ крикуномъ. А вопросъ относительно ребенка не выясненъ... Правда, въ глубинѣ души живеть у ней какая-то надежда, что сынишка останется съ ней, но вѣдь это надежда, только надежда! Она видѣла отца своего ребенка третьяго дня. Онъ пришелъ такой сконфуженный, видно было, что ему всѣхъ стыдно: и коридорной дѣвушки, что привела его въ палату и указала номеръ кровати; и барышни дежурной, которая сидѣла въ сторонкѣ и часто выходила въ коридоръ, чтобы дать возможность больнымъ по душѣ поговорить съ посѣтителями; стыдно и большихъ, нѣтъ-нѣтъ, какъ-будто невзначай поглядывавшихъ въ ихъ сторону...

Да и ей, Машѣ, самой было почему-то ужасно стыдно—какъ никогда... И разговориться они никакъ не могли—словъ не было.

На ребенка отецъ посмотрѣлъ искоса, неохотно и спросилъ тихонько, но убѣжденно:

— Вѣдь ты его не любишь?

И былъ, очевидно, пораженъ, когда она тоже шепотомъ, но твердо отвѣтила:

— Нѣтъ! Очень, очень даже люблю...—И опустила глаза и зардѣлась вся...

— Ужъ полюбила?..—какъ то растерянно спросилъ онъ, но не дождался отвѣта.

Уходя онъ сказалъ, что пришлетъ за Машей квартирную хозяйку, потому что его второй разъ на недѣлѣ не отпустить днемъ..

— Не забудь узелокъ съ бѣльемъ дѣтскимъ послать,—просила Маша,—онъ въ верхнемъ комодѣ..

— Ладно, не забуду...—Когда онъ ужъ совсѣмъ собрался уходить, Маша, показывая глазами на кровать, тихонько спросила:

— А его куда?

— Его-то?—отецъ пожалъ плечами,—не знаю!—но замѣтивъ, какъ затуманилась Маша, торопливо прибавилъ:

— Ну, тамъ посмотримъ, время будетъ!..

— И какъ это я думала, что не буду любить его?.. — тоскливо, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя Маша...

Маруся Раевская съ нетерпѣніемъ ждетъ двухъ часовъ, ждетъ прихода хозяйки; та вчера прислала ей письмо съ увѣдомленіемъ, что сама придетъ за ней...—Что то она скажетъ?—Это вѣдь важно особенно теперь, на первое время, когда слабость еще такъ велика... Если откажетъ—есть выходъ—воспользоваться добротой Пущиной, но это было бы такъ тяжело, навязаться на шею, стѣснить ее, лишить многихъ минутъ отдыха... А что потомъ дѣлать?..—непосредственно возникаетъ вопросъ,—что? Придется рассказать все опекуну, все, все... Какъ это тяжело! Но онъ вѣдь хорошій, онъ пойметъ, не осудитъ, поможетъ совѣтомъ...—Но что бы онъ ни посовѣтовалъ, Маруся знаетъ, что не оставитъ она своего сынишку.

— Учиться будетъ трудно... Теперь онъ спокойный, здоровешкій, а что будетъ дальше?— Все вопросы... вопросы...

— Господи! Скоро-ли, скоро-ли „два“ пробьютъ?

Приходила дежурная дѣвушка и записала на бумажкѣ номера больныхъ, чтобы по нимъ отыскать узлы съ бѣльемъ и платьемъ больныхъ... Это немного оживило палату.

Но вотъ уже два. Всѣ барышни пришли съ лекцій, обыкновенно онѣ уходятъ домой, но въ день выписки должны присутствовать при этомъ торжествѣ.

Въ корридорѣ начинаютъ показываться фигуры съ растерянными, вопрошающими лицами, съ узелками и свертками въ рукахъ; онѣ безмысленно суются въ разныя двери, не умѣя оріентироваться, не находя хорошихъ знакомыхъ, измѣненныхъ страданіемъ лицъ.

Первая въ незаконную палату пришла хозяйка Маши, веселая, разбитная женщина, сытая и довольная, съ большой клѣтчатою шалью на головѣ.

— Здравствуй, здравствуй, роднешьякая! — затараторила она,—гдѣ же твой красавчикъ-то? Покажи! — Маша съ гордостью потянулась къ кроваткѣ, и онѣ вдвоемъ извлекли изъ нея младенца.

— А и впрямь красавчикъ! Не даромъ папашенька-то, какъ пришелъ, такъ и говорить: ничего, парень славный, у себя оставлю и на Машѣ жениюсь, вотъ если бѣ дѣвку родила—ни въ жисть бы не женился!

— Да-ну? — вскрикнула Маша радостно, — такъ и скажешь?

— Такъ и сказалъ! Этими самыми словами... Ну одѣвайся скорѣе, касатка, да и маршъ!

— Какое тамъ одѣвайся, мамъ и вещей то еще не принесли съ низу...—грустно сказала Маша: ей ужъ не терпѣлось оставаться здѣсь...

— За вами кто придетъ?—спрашиваетъ Платовская свою больную.

— За мной? Никто!

— А какъ же вещи для ребенка?

— Я когда шла сюда—съ собой захватила, съ своимъ платьемъ принесутъ.

— Ахъ, Господи! Что это узлы не везутъ? Вѣчно здѣсь все не во время!—кипятится Платовская.

По корридорѣ затарахтѣла телѣжка—это узлы везутъ. Остановилась у дверей.

Барышни подошли и стали отыскивать ЛѢЛѢ своихъ больныхъ.

Въ палату ввалился среднихъ лѣтъ мужикъ, въ смазанныхъ сапогахъ, съ гладко прпмасленными волосами, съ улыбающимся безбородымъ лицомъ.

Начавшія было одѣваться больныя закричали и потянули на себя одѣяла.

— Чего ты прешь, Иродъ!—окрикнула его „палатная дѣвушка“,—не видишь что-ли—женщины раздѣтыя?

— Да я вотъ за Дарьюшкой!—широко осклабился парень.

— Заприте же дверь въ корридоръ!—распорядилась Михайлова.

Народу въ палатѣ все прибывало. Пришла бѣльевщица, принимать отъ дежурной бѣлье и дежурная бабушка-акушерка—остальной инвентарь.

Дѣти, разбуженныя для перемѣны казеннаго бѣлья на собственное, громко плакали; дѣвушки бранились съ бѣльевщицей; барышни суетились, сновали по всей палатѣ; больныя вдыхали и охали, быстро утомляясь.

Маруся, уже одѣтая въ платье, сидѣла на кровати съ ребенкомъ на рукахъ. Она чувствовала, что всѣ присутствующіе смотрятъ на нее съ любопытствомъ, съ недоумѣніемъ и ощущала какую-то неловкость, точно дебютантка, впервые очутившаяся на подмосткахъ. Это сравненіе случайно пришло ей въ голову и отвлекло ее отъ обращенныхъ на нее внимательныхъ глазъ.

— Да,—думалось ей.—Да... новая роль въ жизни, роль

матери, какъ-то я справлюсь съ нею?.. Ахъ, не разбить бы мнѣ своей куколки!

— Ну что? Ко мнѣ? Рѣшили?—наклонившись къ Марусѣ спросила Пущина.

Маруся вздрогнула, растерялась...

— Не знаю... Пожалуй... впрочемъ нѣтъ! Вѣдь ему еще и бѣлья не принесли. Надо ждать!

— Вы бы прилегли, вѣдь устанете!—ласково посовѣтовала Пущина.

— Нѣтъ... Я бодр...

Маша крѣпко цѣловала и горячо благодарила Михайлову. Вначалѣ она все хотѣла поймать и поцѣловать руку своей барышни, да не удалось...

Михайлова сдала дежурство, получила пропускной билетъ для матери и ребенка и, взявъ послѣдняго на руки, пошла проводить большую до подъѣзда.

Ольга Алексѣева со слезами на глазахъ благодарила всѣхъ дежурившихъ барышень и, не говоря ни слова, сунула Платовской рублевую бумажку. Та жеманно прошептала:

— Затѣмъ... Затѣмъ...—И, крѣпко зажавъ рублевку въ рукѣ, пошла получать пропускъ...

Смирнова уже проводила свою Дарью и зашла въ палату за оставленной книгой.

Только Марусина хозяйка не шла и не шла...

Бѣльевича ворчала, что ее задерживаютъ, а Раевская начинала ощущать тошноту и головокруженіе отъ усталости.

— Извините, голубушка, что запоздала! Никакъ не могла вырваться... — слышится молодой женскій голосъ. Маруся поднимаетъ глаза.

— Наконецъ-то вы!—облегченно вздыхаетъ оца.—Бѣлье для ребенка захватили?

— Да, да, конечно.

Пущина взяла свертокъ и начала переодѣвать мальчика.

— Скажите,—волнуясь, чуть слышно спросила Маруся хозяйку,—скажите, вы *его-то* возьмете со мной къ себѣ?..— Она смотритъ на симпатичное лицо хозяйки—глаза усталые, очевидно встрѣчавшіе не мало горя,—и думаетъ:

— Нѣтъ! ты не прогонишь меня, не прогонишь!

Хозяйка улыбается мягкой доброй улыбкой:

— Возьму, возьму... Я поговорила съ жильцами, они согласны... пока... если онъ не будетъ очень-то ужъ бунтовать...

— Ахъ спасибо, спасибо! Вѣдь мнѣ и нужно-то только пока! Потомъ я и сама не знаю, что будетъ! Ну, все готово... Готова моя куколка? Какая нарядная, въ голубомъ одѣяльцѣ!—смѣется Маруся нервнымъ смѣхомъ.—Дайте же мнѣ его поцѣловать! Дайте! Милый! Мы съ тобой въ жизнь, въ новую жизнь вступаемъ... Понимаешь?—Она порывисто прильнула къ личику ребенка... Потомъ оторвалась, быстро передала сынишку хозяйкѣ, схватила руки Пущиной.—А теперь... теперь позвольте...—и она горячо, жадно прижалась губами къ рукамъ Пущиной.—Позвольте поцѣловать эти милыя... милыя руки! Милыя, хорошія...—поднявъ мокрое отъ слезъ лицо и устремивъ на Пущину свои горячіе страдаіемъ глаза, нервнымъ, рыдающимъ голосомъ говорила Маруся.—Спасибо! Сердечное спасибо!

Пущина притянула къ себѣ плачущую, та прижалась къ ея груди, какъ трепещущая птичка.

— Спасибо вамъ всѣмъ... Спасибо... всѣ вы хорошія, добрыя!.. Ну, ну пора, пора! Насъ ждуть вѣдь... Пойдемте!—отрываясь отъ Пущиной сказала Маруся, и пошла къ двери, закрывъ лицо руками.

Пущина и хозяйка съ ребенкомъ двинулись за ней взовлнованныя, со слезами на глазахъ.

— Барышня! Вы пропускной билетикъ забыли!

— Ахъ да!..

Палата опустѣла. Съ кровати сброшены тюфяки, сняты доски... Столъ, диванъ, стулья сдвинуты съ мѣста... Разгромъ полный...

Пока еще движутся усталыя, угрюмыя фигуры бѣльщицы и палатныхъ дѣвушекъ, а черезъ четверть часа не останется и слѣда отъ жизни, мыслей и страдаіей иѣсколькихъ человѣческихъ душъ...

Въ открытую форточку до слѣдующаго утра будетъ дуть холодный вѣтеръ—выдуть зародившихся было бактерій... А тамъ все обмоютъ растворомъ сулемы, на кровати положить чистые тюфяки, бѣлье, подушки въ свѣжихъ наволочкахъ, и приведенная въ порядокъ палата будетъ ждать новыхъ людей, съ ихъ горемъ, страданіями физическими и моральными, съ ихъ неосушимыми слезами...

Л. Тычино.

* * *

Не говори, что мы устали,
И не тужи, что дологъ путь.
Нести священныя скрижали
Въ пустынь долженъ кто-нибудь.
Покрыты мы дорожной пылью,
Избиты ноги наши въ кровь,—
Отдаться-ль робкому безсилью
И славить нѣжную любовь?
Иль сдѣлать выбора доннѣ
Мы не хотѣли, не могли,
И съ тяжелой ношею въ пустынь
Бредемъ безмысленно въ пыли?
О нѣтъ, священныя скрижали
Мы донесемъ хоть какънибудь...
Не повторяй, что мы устали,
Не порицай тяжелый путь.

Федоръ Сологубъ.

Уроки жизни.

РОМАНЪ ГЮСТАВА ЖЕФФРУА.

(Продолженіе).

IV.

Мастерская и улица.

Селина и Сесиль были ученицами у модистки, жившей на улицѣ Julien Lascroix. Мать, приведя сюда обѣихъ дочерей, просила, чтобы портниха была ласкова съ ними, но серьезно обучала ихъ своему ремеслу. Г-жа Боссъ занимала скромную квартиру. Мастерская и кухня выходили окнами на большой дворъ, куда выходили и другія квартиры дома. Одна только спальня г-жи Боссъ и ея матери была на улицу. Она служила салономъ для примѣрки. Тамъ красовался традиціонный зеркальный шкафъ, величественный и блестящій, и рядомъ съ нимъ кровать изъ краснаго дерева.

Селина скоро сблизилась съ двумя работницами, г-жей Пулень и Меланіей, но не съ главной мастерицей Розой, которая, поступивъ въ мастерскую простой ученицей, черезъ восемь лѣтъ усердной работы сдѣлалась „правой“ рукой хозяйки. Хотя Розъ было всего двадцать два года, она никогда не позволяла себѣ смѣяться съ ученицами. Ея плоское, невзрачное лицо и безцвѣтные тусклые глаза не располагали къ фамильярности. Селина предпочитала ей г-жу Пулень.

Г-жа Пулень приходила работать въ мастерскую только въ самый разгаръ сезона, остальное же время она пробивалась кое-какъ на маленькую пожизненную ренту, которую, какъ она говорила, завѣщалъ ей передъ смертью одинъ ея старый другъ. Эта женщина, которой было уже шестьдесятъ

пять лѣтъ, но которая скромно желала казаться лѣтъ сорока пяти, прилагала всѣ усилія, чтобы сохранить моложавый видъ. Ея рѣдкіе желтые волосы, морщины, точно сѣтки покрывавшія худое, блѣдное, желтое, какъ лимонъ лицо, длинные зубы, свѣтло-голубые, безцвѣтные усталые глаза приводили въ недоумѣніе и изумленіе молодыхъ дѣвушекъ, которыя слушали чувствительныя повѣствованія объ ея жизни. Она была такой очаровательной, такой восхитительной, что всѣ мужчины съ ума сходили по ней. Ей шагу нельзя было ступить по улицѣ, чтобы они не слѣдовали неотступно за нею. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ даже покончить съ собою съ отчаянія, что она обнаруживала къ нему полное равнодушіе. Другіе жертвовали всѣмъ своимъ будущимъ, своимъ общественнымъ положеніемъ въ единственной надеждѣ добиться отъ нея одного только слова. Она полюбила одного, очень богатаго, но, къ несчастію, чахоточнаго. Потомъ она любила еще одного, но онъ былъ женатъ. Онъ все покинулъ для нея, но его семья не хотѣла мириться съ такимъ скандаломъ,—и онъ исчезъ навсегда,—быть можетъ его держали гдѣ-нибудь взаперти, или отравили, или зарѣзали...

Работницы считали, что она судьбой предназначена была для приключеній и сожалѣли объ ея печальномъ и банальномъ концѣ:—такая прекрасная женщина старѣется и дряхлѣетъ, не имѣя ничего, кромѣ воспоминаній и сожалѣній о минувшей любви! Порою же, недовѣрчивыя и насмѣшливыя, онѣ иронизировали надъ этимъ ветераномъ, всегда бредившимъ о своихъ былыхъ побѣдахъ.

Меланія была дочь настройщика роялей, имѣвшаго порядочный заработокъ. Онъ поручилъ ее г-жѣ Боссъ со всевозможными наставленіями.

Они жили по близости, всего черезъ три дома. Но въ шесть часовъ, даже въ дни самой снѣшной работы, Меланія убирала свой наперстокъ, ножницы, надѣвала шляпу и уходила домой. Ея мать предпочитала, чтобы дочь меньше зарабатывала, но зато раньше возвращалась. И вотъ, когда часы били шесть, Меланія поднималась, прощалась съ г-жей Боссъ, и, когда она спускалась съ лѣстницы, хозяйка не спускала глазъ, стоя у окна своей комнаты, съ молодой дѣвушки, пока она не исчезала въ дверяхъ своего дома.

Меланія уже въ шестнадцать лѣтъ была сдержанной и скрытной, какъ и подобало дочери пунктуальнаго и ревюстнаго въ дѣлѣ воспитанія отца и мѣщанки матери, узкой и мелочной, которая, благодаря заработку мужа, могла оставаться дома и заниматься хозяйствомъ. Было ли то слѣд-

ствіемъ испорченности или врожденнаго инстинкта, но желаніе стать женщиной читалось въ слишкомъ смѣлыхъ глазахъ дѣвушки, во всемъ выраженіи ея банально-правильнаго личика. Мать не отличалась благоразуміемъ и проницательностью и не умѣла во-время замѣтить и исправить наклонности дочери; это была обыкновенная тщеславная мать, больше всего хлопотавшая о внѣшнемъ приличіи и заботившаяся только о томъ, чтобы ея „барышня“ поменьше походила на „работницу“.

Лѣтомъ и даже въ хорошіе зимніе дни, окно мастерской, выходившее во дворъ, оставалось открытымъ. Между жильцами дома было, такимъ образомъ, постоянное общеніе, и во дворѣ всегда стоялъ гулъ отъ перекрещивающихся бесѣдъ чрезъ окна. Иногда это даже мѣшало работѣ. Но г-жа Боссъ не могла ссориться съ сосѣдами, и время отъ времени завязывались разговоры и съ мастерской. Но шумъ болтовни не такъ еще надоѣдалъ, какъ оглушительная какофонія гаммъ, этюдовъ и упражненій, которые цѣлыми часами разыгрывались у сосѣдей на третьемъ этажѣ, гдѣ жила семья цыганъ, состоявшая изъ отца, матери и восьмерыхъ дѣтей.

Отецъ игралъ на балахъ со старшими сыновьями. Каждый день около шести часовъ они всѣ втроемъ уходили въ городъ. Изъ ихъ квартиры доносились въ окна шумъ разговоровъ, крики, смѣхъ, перемѣшанные съ грохотомъ барабана и рѣзкими звуками скрипки, между тѣмъ какъ у подоконниковъ толпились дѣтскія головки цвѣта медоваго пряника съ черными, какъ прессованныя сливы, глазами. Мать не переставала муштровать этихъ оборвышей, то брая одного, шлепая другого, то отсчитывая подзатыльники третьему. Отецъ ходилъ за провизіей, которая всегда была очень простой: они питались только холодной ветчиной и колбасой, и вся сервировка снималась со стола въ мгновеніе ока—жирная бумага съ остатками выбрасывалась прямо за окно. На замѣчанія привратника, который нѣсколько разъ поднимался къ нимъ и вѣжливо просилъ быть опрятнѣе, цыганка неизменно отвѣчала ужасной брабью и потокомъ словъ, еще болѣе грязныхъ, чѣмъ бумага отъ ихъ колбасы. Тогда имъ отказали отъ квартиры; они воспользовались этимъ и, доживая свой срокъ, уже совсѣмъ перестали стѣсняться.

Какъ разъ противъ мастерской жила спокойная и степенная семья, которая не завязывала никакихъ сношеній съ сосѣдами; мужъ служилъ въ меріи, жена была помощницей учительницы городской школы. Хотя оба они были уже въ

лѣтахъ и безобразной наружности, но недавно только пожежились и проводили со всѣмъ увлеченіемъ свой медовый мѣсяць. Часто они обѣдали и отдыхали потомъ вмѣстѣ, послѣ чего садились у окна подышать воздухомъ со двора. Лица ихъ, дѣйствительно, пылали, и влюбленная тѣсно прижималась къ своему товарищу по столу и постели.

Селина имъ завидовала и охотно приняла бы все, вплоть до ихъ безобразія, чтобы быть на ихъ мѣстѣ.

Сама г-жа Боссъ тоже завидовала этому жалкому, мало завидному счастью. Она осталась двадцатилѣтней вдовой, потерявъ мужа въ пору своего полного расцвѣта. Когда горестъ потери улеглась, и истекъ обязательный срокъ траура, г-жа Боссъ почувствовала, какъ тяжело остаться вдовой, будучи такой молодой! Потребность въ привязанности заставила ее ваять къ себѣ мать, и она стала ждать случая снова испытать счастье супружеской жизни. Но дни ея проходили въ ожиданіи. Очень высокая и раньше, она стала казаться еще выше отъ худобы. Какъ говорила ея мать, „она таяла, словно свѣча“. Платье висѣло на ней, какъ на вѣшалкѣ. Ея каріе глаза, съ прорѣзавшимися кругами подъ ними, стали мягкими и добрыми, какъ у газели; она ворковала томнымъ голоскомъ, когда говорила о самыхъ простыхъ вещахъ; жажда нѣжности и покорства проявлялась въ самомъ незначительномъ словѣ, въ малѣйшемъ жестѣ. Она чахла, и силы ея не подкрѣплялись отъ частыхъ пріемовъ настояки изъ травъ, которую постоянно предлагала ей мать. Поэтому и съ ученицами она была терпѣлива и добра. Лишь иногда, въ моменты сильнаго переутомленія, она забывалась до того что сухо отдавала приказанія, но затѣмъ вспоминала „горе своей жизни“, и выраженіе природной доброты и кроткаго нрава снова появлялось на ея лицѣ.

Однажды ея темные глаза сдѣлались еще темнѣе. Утромъ, когда ученицы сѣли за работу, она возвѣстила имъ новость—вечеромъ она будетъ ужинать не дома и поѣдетъ въ театр! Ее пригласилъ одинъ изъ жильцовъ дома, вдовецъ, „очень приличный господинъ“ и бездѣтный. Изъ сундука было вынуто платье изъ чернаго гренадина, сдѣланное для свадебныхъ визитовъ и пропитавшееся аптечнымъ запахомъ камфоры. Она сдѣлала къ нему отдѣлку изъ зеленаго бархата и, разряженная въ прекрасное платье, въ шляпѣ съ перьями, съ ридикюлемъ изъ золоченаго филиграна въ рукахъ, выпорхнула съ сіяющимъ лицомъ. Всѣ ученицы провожали хозяйку взглядами, посылая ей привѣтствія рукой. Мать г-жи Боссъ имѣла при этомъ лукавый видъ, словно бы

всѣмъ и каждому говорившій: „Понимаете, къ чему это ведетъ?“ Когда онѣ всѣ увидѣли, что сосѣдъ посылаетъ карету и помогъ г-жѣ Боссъ сѣсть въ нее, онѣ отошли отъ окна.

— Вотъ повеселится-то хозяйка!.. Это очень хорошо... она никогда нигдѣ не бываетъ!—сказала Роза.

— И насколько я могла рассмотреть, онѣ выглядятъ очень хорошо! Онѣ будутъ превосходный мужъ для нашей хозяйки,—съ убѣжденіемъ прибавила г-жа Пулень.

— Онѣ не дурень,—замѣтила Меланія,—только руки у него очень красныя.

Селина объяснила ей, что это перчатки—и притомъ модныя перчатки!

Ученицы стали расходиться по домамъ. Но что это? Г-жа Боссъ, задыхаясь, съ шляпой задомъ напередъ, вбѣгаетъ, растерянная, по лѣстницѣ.

— Смотрите, вѣдь это хозяйка!—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Ахъ, грубиянъ, невѣжа!.. Поднимитесь, пожалуйста, со мной наверхъ...

Въ мастерской г-жа Боссъ упала на стулъ и залилась горькими слезами.

— Что съ вами?.. Что случилось?—спрашивала одна за другой.

Наконецъ, все еще продолжая рыдать, г-жа Боссъ собралась съ духомъ и объяснила:

— Ахъ, онѣ меня принялъ за потаскушку какую-то!.. Вы меня вѣдь знаете, барышня, я честная жемщина. И что же, едва сѣли мы въ карету, онѣ мнѣ и говоритъ: „А что, если бы вмѣсто театра, мы сейчасъ же поѣхали въ гостиницу?...“ Вы понимаете, конечно, что я заставила извозчика остановиться и вотъ... Негодяй! нахаль!—говорила, всхлипывая, несчастная.

Но г-жѣ Пулень пришла счастливая мысль въ голову.

— А мы все-же пойдемъ въ театръ! Въ Бельвиль даюте сегодня *Top of Nesle*. Локлэдьеръ играетъ Буридана. Онѣ въ немъ чудесемъ. Барышни пойдутъ предупредить своихъ родителей, потомъ мы вмѣстѣ закусимъ и возьмемъ ложу.

Всѣ, даже старуха-мать, спустились группою внизъ и вкусили въ этотъ вечеръ безъ помѣхъ сладость любовныхъ ощущеній, кровавыхъ и преступныхъ.

Однажды вечеромъ по окончаніи работы у модистки Сесиль въ первый разъ замѣтила что-то странное и неладное у Селины. Старшей сестрѣ, по пути домой, случилось встрѣ-

чать молодыхъ людей, обмѣниваться съ ними взглядами, иногда даже остававливаться, чтобы переброситься нѣсколькими словами. Сесиль боязливо дѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и ожидала сестру, которая ее догоняла.

— Кто это? О чемъ онъ съ тобою говоритъ?

— Онъ поздоровался со мною,—это братъ одной моей подруги.

— Какой?

— Ты ее не знаешь. Подруга по школѣ, еще до войны.

Дѣвочка чувствовала, что сестра не хочетъ ей больше ничего сказать, и она молча шла домой, молчала и дома.

Даже и дома Селина какъ бы не могла усидѣть на мѣстѣ; она придумывала всякіе предлоги, чтобы выйти изъ дому, напрашивалась на всякія порученія, постоянно забывая купить то нитокъ, то иглокъ, и долго не возвращалась. Порученіе, для котораго достаточно было пяти или десяти минутъ, отнимало у нея часъ и даже больше; дома мать встрѣчала ее съ мягкой бранью, а отецъ бывалъ внѣ себя.

Очень добрый, несмотря на свои вспышки, впрочемъ, не особенно частыя, старикъ Помье умѣлъ баловать своихъ дочерей прогулками, подарками и вниманіемъ, обнаруживавшими всю доброту сердца этого старика. Разъ онъ имъ доставилъ большое удовольствіе, особенно Сесиль, которая гораздо больше своей сестры любила домашнюю жизнь, подаривъ имъ маленькую бѣленькую кошку, которую онъ подобралъ на углу пустынной улицы, гдѣ она жалобно мяукала. Ее назвали Бѣлочкой, и вся семья ее баловала. Тощая и несчастная, она скоро сдѣлалась гибкой и граціозной, и отецъ съ дочерьми подолгу забавлялся съ нею. Бѣлочка, какъ сумасшедшая, играла съ катушками и пробками, перескакивала въ два, три прыжка съ одного конца комнаты въ другой, ловила мухъ и даже нѣсколько разъ поймала неосторожныхъ птичекъ, которыя сажались на окнѣ слишкомъ близко отъ ея острыхъ когтей. Она играла въ прятки и то сидѣла неподвижно и тихо подъ кроватью, въ шкафу или въ ящикѣ, то вдругъ изумляла всѣхъ необыкновеннымъ прыжкомъ. Изъ шаловливой и хитрой она дѣлалась ласковой въ часы обѣда и ужина и, поднявъ розовый носикъ и выпрашивая подачку, вдругъ усаживалась на рукѣ или на плечѣ у дяди Помье, который приходилъ въ восторгъ отъ вольности милого животного. Бѣлочка увеселяла, такимъ образомъ, домъ Помье своей граціозной и изящной живостью, своими движеніями, гримасами и „манерами“, въ которыхъ отгадывали мысли, планы, хитрость и

шалость. Она вправилась бѣлосвѣтливой чистотой своей шерсти, голубыми глазами, напоминавшими чистые глазки ребенка, который начинает радоваться свѣту.

Такъ проходили дни. Въ семьѣ Помье наступилъ мирный періодъ, иногда лишь нарушаемый вспышками, и тревожными вспышками, Селины.

Она добивалась отъ отца, чтобы онъ ходилъ съ нею и Сесиль въ кафе-концертъ, находившійся вблизи улицы Бельвиль. Не то, чтобы ее такъ сильно привлекалъ самый концертъ. Это ее совсѣмъ не интересовало. Она одинаково равнодушно слушала пѣвицу, сильнымъ голосомъ декламировавшую патріотическія пѣсни, созданныя подъ влияніемъ военнаго пораженія, и тенора, который вздыхалъ о юной любви.

Пѣвица пѣла лотарингскій романсъ „Свадьба Мадлены“:

Огонь выстрѣла вспыхнулъ на равнинѣ...
Марсель упалъ безъ страха,
И алая кровь его сердца
Окрасила бѣлый цвѣтокъ
Изъ блага букета Мадлены...

Потомъ она пѣла „Школьный учитель въ Эльзасѣ“.

Вотъ нѣмецкій патруль!
Тише, дорогія дѣтки,
Настанетъ день, и на родномъ языкѣ
Мы будемъ говорить въ Эльзасѣ...

И много другихъ въ томъ же родѣ: „Прусская харчевня“, „Сынъ нѣмца“, „Призывъ послѣ битвы“, „Одинокій часовой“, „Могила въ полѣ“, „Долой шапки передъ Марсельезой“.

Старикъ Помье, который принималъ участіе въ войнѣ и сохранилъ различныя воспоминанія о рядѣ неудачъ и поражений, въ глубинѣ души не особенно любилъ эти декламации, и ему не безъ основанія казалось, что онъ присутствуетъ при плохо исполняемомъ патріотическомъ молебствіи. Онъ ужь предпочиталъ любовныя пѣсенки, несмотря на ихъ слишкомъ большую приторность. Онъ смаковалъ нѣжныя строфы романса „Любовь не знаетъ времянь года“.

Пусть вѣтки бѣдѣютъ отъ снѣга,
Или весной зеленѣетъ трава.
Роза, я люблю тебя всегда одинаково,
Ибо любовь не знаетъ времянь года!

Онъ апплодировалъ, вызывая пѣвицъ, распѣвающихъ „Ночной вѣтерокъ“, „Подъ розами“, „Сумасшедшая отъ“

любви"—весь репертуаръ любовнаго оупьяненія, который омѣнялся репертуаромъ бурнаго патриотизма.

Селина разсѣянно слушала, присоединяясь къ публикѣ, дружно подхватывавшей припѣвы, но мысли ея, казалось, витали далеко отъ концерта. Ей, какъ и большей части зрителей, нравился кафе-концертъ самъ по себѣ, нравилась его душная атмосфера, запахъ табака и алкоголя, какъ нравились ей ужасные фельетоны бульварныхъ газетъ, въ которыхъ ежедневно за одно су преподносились повѣствованія объ изнасилованіяхъ, убійствахъ, таинственныхъ приключеніяхъ и насиліяхъ.

Сесиль по самой натурѣ своей приходила въ ужасъ отъ этой литературы. Она разъ попробовала читать романъ, которымъ каждый день зачитывалась сестра, но не была въ состояніи, и не въ виду какихъ-либо особыхъ достоинствъ ея, а просто потому, что эти глупости были противны ея здоровому уму, бессознательно жаждавшему правды. Въ это-то время она, собственно говоря, и начала серьезно читать. Она разыскала книги своихъ покойныхъ братьевъ, заботливо собрала и отложила въ сторону политическія брошюры и разрозненныя произведенія Прудона, съ уваженіемъ относясь къ тому, что составляло смыслъ жизни и послужило причиной смерти обоихъ молодыхъ людей. Сильное впечатлѣніе произвели на нее „Несчастные“ и „Евгенія Гранде“, меньше заинтересовали ее фантастическіе вымыслы „Вѣчнаго Жида“ и „Тайнъ Парижа“. И съ тѣхъ поръ стало для нея потребностью проводить каждый вечеръ нѣсколько часовъ за чтеніемъ, пока не смыкались ея усталые глаза.

Иногда по воскресеньямъ старикъ Помье отправлялся съ дочерьми на народный балъ. Тогда они поднимались до самаго озера Сенъ-Фаржо, гдѣ высокіе тополи бросаютъ свою тѣнь на стоячую воду болота.

Бывали они и на балахъ въ своемъ прежнемъ кварталѣ. Это была довольно своеобразная мѣстность: садъ ихъ вѣтвистыхъ каштановыхъ деревьевъ представлялъ совсѣмъ семейный уголокъ. И балы носили здѣсь семейный характеръ; публика и нравы были иные, чѣмъ на виѣшнихъ бульварахъ. Дѣвушки предмѣстья, перебравшись въ Парижъ, тосковали по этой зелени, музыкѣ, по обстановкѣ, въ которой онѣ дѣлали свои первые шаги въ жизни и слышали первые признанія, и въ извѣстные дни онѣ снова возвращались туда уже разводѣтыми барышнями изъ магазиновъ улицы Мира или квартала Св. Магдалины.

Селина не очень забавлялась въ этомъ саду, несмотря

на всё его приманки: отецъ Помье, помня наставленія жены предъ уходомъ изъ дому, ни на минуту не отходилъ отъ дочерей. Но если онъ случайно засиживался за столомъ вина съ какимъ-нибудь пріятелемъ, Селина тотчасъ же убѣгала на другой конецъ залы и плясала, какъ безумная, и, обливаясь потомъ, тяжело дыша, возвращалась на мѣсто.

— Посмѣй-ка еще разъ это сдѣлать, шельма!—говорилъ отецъ. — Не вадумай еще пойти танцовать въ другихъ мѣстахъ!..—Если ты посмѣешь когда-нибудь пойти въ залъ Фавье, гдѣ бываютъ только всякіе негодяи, я съ тобой раздѣлаюсь...

Селина не отвѣчала и лишь улыбалась или надувала губы.

Эта страшная дѣвушка, повидимому, не мечтала и о роскоши. У нея было своеобразное кокетство, и она нацѣпляла на себя кольца, ленты, стальные брошки, ожерелья изъ дерева подъ цвѣтъ кораловъ, но она безъ всякой зависти смотрѣла на расфуфыренныхъ модистокъ, случайно забредшихъ въ эти мѣста. У нея былъ вкусъ, и она предпочла бы веселиться безъ удержу въ залѣ какого-нибудь вертепа со стѣнами цвѣта крови и вина.

Когда прошелъ срокъ ея ученія у портнихи, она заявила, что ей рекомендовали другую хозяйку въ нижней части предмѣстья Тампъ. Мать навела справки, которыя ее удовлетворили, и теперь Селина, освободившись отъ Сесиль, могла вволю шататься по улицамъ, возвращаться домой поздно, ссылаясь на сверкурочную работу въ мастерской. Теперь, по ея словамъ, у нея завелись и подруги—она прогуливалась съ такими же молодыми какъ она, работницами и добилась позволенія выходить по вечерамъ или въ свободные дни изъ дому. Часто она бывала молчаливой, грубой, хмурой и не обращала вниманія на всё замѣчанія родителей.

Лицо ея измѣнилось. Это была еще молоденькая, свѣжая дѣвушка съ розовыми губками, но что-то усталое замѣчалось въ ней, щеки впали, голубые глаза потемнѣли, жесты стали лихорадочно порывистыми. Дома она бывала только своимъ тѣломъ, мысли же ея витали гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ. Она постоянно шевелила губами, точно она что-то говорила или напѣвала. Она не интересовалась никѣмъ изъ своихъ родныхъ, ничѣмъ, что говорили или дѣлали дома. Порою ею овладѣвало такое бурное веселье, что она заражала имъ всѣхъ окружающихъ и все приводила въ безпорядокъ, порою она впадала въ такую грусть, что ее ничѣмъ нельзя

было развлечь. Сестра ея чувствовала, что между ними происходит какое-то непонятное и необъяснимое отчужденіе.

Изъ-за Селины прежнія посѣщенія театра всей семьей становились все рѣже: по субботамъ она теперь часто запаздывала. И отецъ послѣдовалъ ея примѣру и тоже сталъ поздно приходитъ домой. Отцынѣ сестры не имѣли уже общихъ развлеченій.

Старшая, свободная теперь, пожираемая жаждой жизни, убѣгала по вечерамъ и воскресеньямъ; изъ подростка она становилась женщиной; то она выглядѣла изнуренной и разочарованной, то томилась, равнодушная ко всему, и тосковала или приходила въ отчаяніе на цѣлые часы, которые она проводила дома, когда некуда было идти, и тогда отвѣчала на всѣ выговоры капризнымъ молчаніемъ и выслушивала упреки со злыми глазами и нахмуренными бровями.

Младшая, аккуратная и избѣгавшая приключеній, бѣлая съ чуть розовыми щеками, словно горностаи предмѣстья, всегда отстранявшаяся отъ уличной грязи, видѣла, какъ уходила ея сестра изъ дому порывисто, весело и избѣгая разпросовъ и потомъ возвращалась домой запыхавшись поблекшая, съ пылающими глазами. Молча выслушивала она спутанные рассказы и объясненія сестры, и тяжелое чувство стѣсненія овладѣвало ею отъ неловкихъ увертокъ лжи.

Сесиль снова узнавала въ ней свою сестру только иногда, въ долгія лѣтнія сумерки или послѣ обѣда по воскресеньямъ, когда онѣ занимались починкой платьевъ или отдѣлкой шляпъ. Онѣ слушали вмѣстѣ доносившіеся съ улицы тягучіе, надоедливые звуки постоянно наигрывавшей оди и тѣ-же мотивы шарманки. Когда же шарманка вдругъ начинала играть во дворѣ у самаго окна, какое-то особенное веселье врывалось въ окно, и Селина и Сесиль сразу становились веселыми и счастливыми, какъ въ то время, когда онѣ были еще дѣтьми.

Селину подъ вліяніемъ этой музыки охватываетъ возбужденіе, которое влечетъ, толкаетъ молодежь на публичные балы, къ веселью, не размышляющему о завтрашнемъ днѣ. Она напоминаетъ ей также о томъ, что было шесть мѣсяцевъ тому назадъ, или позавчера, или вчера, а, можетъ быть, уже и горечь этого недавняго прошлаго. Дѣвушка, уже выросшая, но легкомысленная и пустая, слушая эти мелодіи, вызывающія въ ней въ одно и то же время и неопредѣленную улыбку и что-то похожее на гнѣвъ, была бы въ большомъ затрудненіи объяснить то смутное, таинственное ощущеніе, которое она испытываетъ. Селина покачиваетъ своей

изящной, блѣдной головкой, своимъ стройнымъ бюстомъ, и точно бы она отдавалась въ руки танцору, который на балу въ кабачкѣ, въ опьяняющей атмосферѣ, уносилъ ее въ вихрѣ танца, точно она замираетъ на плечѣ того, кто уводилъ ее на прогулку къ заставѣ въ воскресенье вечеромъ.

Чаще всего она встаетъ съ мѣста, оставляетъ матерію и иголку, цвѣты и ленты и скачетъ съ одного конца комнаты въ другой, танцуя и вальсируя, скрестивъ руки, съ развѣвающимися юбками, напѣвая аккомпаниментъ мелодіи своимъ надорваннымъ голосомъ, въ которомъ не хватаетъ нотъ, какъ въ шарманкѣ.

Сесиль же остается на мѣстѣ, стацоясь все болѣе неподвижной по мѣрѣ того, какъ растетъ мелодія, героическое оперное пѣніе, торжественная итальянская шутка, жалобная любовная пѣсенка. Въ то время, какъ Селина приходитъ все въ большее возбужденіе, наконецъ жестикулируетъ и краснѣетъ отъ удовольствія, Сесиль задерживаетъ дыханіе, закрываетъ глаза, и когда старшая разражается хохотомъ, младшая сидитъ неподвижно въ тихомъ умилени.

Какъ-то разъ она была болѣе нервная и возбужденная, чѣмъ обыкновенно, и согласилась выйти изъ дому тайкомъ съ сестрой. Сесиль, боязливая, съ бьющимся сердцемъ, слѣдовала за Селиной, безразсудной, взрослой, чувственной дѣвушкой, очутившейся на свободѣ. На первомъ же поворотѣ улицы стояли молодые люди, очевидно пришедшіе на назначенное свиданіе. Но Сесиль тотчасъ же почувствовала ужасъ передъ ихъ развалистой походкой, медленными движеніями, ужасными руками, хищными челюстями, звѣрскими лицами, ихъ глазами съ выраженіемъ порока и разсчета.

Но такой путь былъ не по ея натурѣ, потому что она остановилась, вся дрожа, и быстро побѣжала назадъ, предпочитая красивую ложь этой ужасной правдѣ.

На этотъ разъ Селина вернулась домой вмѣстѣ съ Сесиль; она, должно быть, сама ваволновалась при видѣ сестры, приведенной ею въ ту самую ловушку на улицѣ, въ которую она сама уже попала.

— Не бойся, глупая,—говорить она, видя, что Сесиль вся дрожитъ.

— Это ужасно, Селина!—со стономъ отвѣчаетъ ей сестра.

Объ онѣ въ этотъ вечеръ остаются съ матерью, и младшая счастлива отъ мысли, что сестра ее успокоилась и какъ будто мягче стала.

Эта маленькая Сесиль, четырнадцатилѣтняя ученица, приходившая въ волненіе при звукахъ шарманки, знала еще

другой родъ музыки, которою ея дѣтская и женская душа долго упивалась. Это тоже была уличная музыка, какую Сесиль только и могла знать, какую находила на своемъ пути,—пѣсня и скрипка подъ открытымъ небомъ. Въ иные вечера, когда особенно тихо, парижская улица шепчетъ и поетъ. Вдохъ и жалоба, мечта и стоишь какъ бы вырываются изъ-подъ мостовой, косятся по улицѣ и поднимаются въ дома. Тому, кто слушаетъ въ сумерки на перекресткѣ, кажется, что твердая мостовая и печальныя каменные постройки испускаютъ неясныя, таинственныя признанія и любовный шопотъ.

Продавецъ романсовъ устроился посреди бульвара на краю предмѣстья, у входа въ переулокъ или просто гдѣ-нибудь на загороженной улицѣ. Онъ поставилъ подмостки, разложилъ свои тетради, листы, ноты съ вишѣтками и легко перебираетъ пальцами струны скрипки.

Отовсюду стекаются сюда, то останавливаясь лишь на минуту, то надолго застаивающіяся веселыя и грустныя дѣвушки, которыя по окончаніи трудового дня возвращаются въ свои рабочія квартиры. Постепенно проходятъ здѣсь всѣ, кто живетъ иглой, ножницами, крючкомъ, кто рѣжетъ матерію, вяжетъ перчатки, украшаетъ лентами шляпы, складываетъ листы бумаги, ногою вращаетъ швейную машину.

Модистки и портнихи, цвѣточницы и полировщицы выходятъ изъ магазиновъ въ то время, когда солнце опускается за горизонтъ, звѣзды зажигаются одна за другой въ лиловой атмосферѣ, въ розовомъ пурпурѣ вечера. Послѣ монотоннаго дня, на той самой дорогѣ, по которой онѣ ежедневно проходятъ, онѣ вдругъ услышали дрожаніе смычка и пѣвучую мелодію. Ихъ неопредѣленное желаніе мечты, веселья, красоты, чего-то неизвѣстнаго вызвало дрожь въ груди и на спинѣ, заставило кровь сильнѣе побѣжать по венамъ и врываться въ ихъ наивныя головы.

Пришли и одинокія, и тѣ, что идутъ парами,—всѣ приблизились къ случайному празднику звуковъ и словъ, который предлагаютъ имъ на улицѣ, еще теплою отъ дневнаго солнца и уже покрытой ночной тѣнью. Продавецъ нотъ поетъ, пикируетъ на скрипкѣ, повторяетъ припѣвъ, останавливается, проходитъ между слушательницами, продаетъ имъ за два су стихи и музыку. И онѣ, въ свою очередь, начинаютъ пѣть.

Селина и Сесиль поютъ съ этими незнакомыми товарищами.

Какое красивое и меланхоличное зрѣлище представляетъ

собой этотъ случайный, неискусный хоръ работницъ! Ночь совсѣмъ уже окутала ложбину, надъ которой возвышаются шеститажные дома, массивные и ясные, какъ крутые холмы и утесы на далекомъ берегу океана. И лишь далеко на небѣ видѣются послѣдніе тусклые лучи свѣта, исчезающаго на западѣ солнца. Колеблющееся пламя газоваго рожка, дрожащій огонекъ свѣчи, завернутой въ бумагу, — вотъ иллюминація этого праздника на углу улицы. Но этого свѣта достаточно, чтобы тѣни двигались, удлиняясь и уменьшаясь, и оживляли минутами внимательный полукругъ серьезныхъ лицъ.

Хрупкія фігурки, въ шляпахъ или съ непокрытыми головами, подобравъ платье, держатся ровню, выпрямивъ грудь и устремивъ глаза на случайнаго дирижера, точно пѣвицы, собирающіяся пѣть подъ аккомпаниментъ рояля, точно послушницы монашескаго хора въ церкви.

Селина и Сесиль такъ же, какъ другія, не знаютъ нотъ, которыя онѣ держатъ передъ глазами. Эти черныя точки, черточки, змачки были таинственнымъ языкомъ для нихъ, непонятная азбука, въ родѣ тѣхъ іероглифовъ на камнѣ, которые онѣ однажды видѣли и трогали въ нижней залѣ Лувра. Но онѣ читаютъ слова, слушаютъ тягучій голосъ учителя, и эти слоги становятся для нихъ нотами.

Сперва всѣ поютъ тихо, едва шевеля губами, онѣ сбиваются, снова начинаютъ, инстинктивно слѣдя за урокомъ. Учитель неумоимо и терпѣливо употребляетъ тотъ методъ, которымъ учатъ свистѣть какареекъ. Онѣ поетъ одинъ куплетъ за другимъ, ни разу не забывая припѣва, и снова начиная съ начала, какъ только кончается пѣсня. Ученицы постепенно заучиваютъ мотивъ, и когда онѣ уже хорошо запомнили его, голоса ихъ становятся громче, и онѣ рѣшаются уже ускорять темпъ, замедлять финалъ, и придавать особую выразительность отдѣльнымъ фразамъ.

Маленькія, выразительныя фігурки оживляются въ пепельно-золотистой пыли и въ блестящей мглѣ. Пламя свѣчи освѣщаетъ брови надъ блестящими глазами, нижнія вѣки, тонкія ноздри, острые зубы, нижнюю часть подбородка. На приподнятомъ лбу проходятъ тѣни, точно взмахи крыльевъ ночныхъ птицъ. Худыя руки и листы нотъ кажутся блѣдными дрожащими пятнами. Въ темнотѣ группа черныхъ платьевъ имѣетъ что-то таинственное и притягательное.

Въ то же время, какъ вырисовываются детали, выясняются характеры, манеры, натуры поющихъ. Скромныя и застѣчивыя, какъ Сесиль, поютъ тихимъ голосомъ. Влюблен-

ныя, какъ Селина, громко смѣются и млѣютъ. Гордые наблюдаютъ товарокъ съ крѣпко стиснутыми устами и снисходительностью свѣтскихъ дамъ. Стрѣстные поютъ вызывающе во весь голосъ. Томныя вздыхаютъ, замирая. Грустныя и неискusstныя, которымъ трудно дается запоминаніе, напрягаются, волнуются, пропускаютъ фразы, неправильно мѣняютъ томъ съ внезапнымъ легкимъ горловымъ крикомъ, напоминающимъ крики раненныхъ птицъ. Открытые рты, вытянутыя губы, движущіеся при чтеніи стиховъ зрачки, поднимающіяся груди, блѣдныя лица, темныя затылки, руки, опирающіяся на плечи сосѣдки и выбивающія тактъ, темныя головы, то склоняющіяся, то опрокидывающіяся назадъ,—всѣ эти молодыя фигуры, дрожащія и порывистыя кажутся, живымъ символомъ безыскусственной поэзіи и музыки улицы.

Слова пѣсенъ не интересуютъ импровизированныхъ кафе-концертовъ? Они прославляютъ лѣсныя тропинки, первую сирень, увядшія розы, бѣлыя платья, пѣніе птицъ, поцѣлуи и опьяненіе въ бесѣдкахъ, вальсъ на публичныхъ балахъ, горе разлуки, счастье примиренія. Это трогательныя жалобы неизвѣстнаго любовника, расчувствовававшегося или пьянаго, завитого, словомъ—такого, какимъ онъ изображенъ на картинкѣ, нарисованной на тетради съ нотами,—въ соломенной шляпѣ, держа въ своихъ рукахъ женскія руки, или проливая горькія слезы надъ стаканомъ вина. Грубая дѣйствительность скоро преобразуетъ этого друга сердца, идеальнаго товарища прогулокъ, любовныхъ изліаній и сна, но на литографіяхъ его никогда не изображаютъ покидающимъ свою подругу, или набрасывающимся на нее съ кулаками.

И сама музыка ихъ тоже не больше интересуется. Избитыя фразы, механическія ноты, безвкусный ритмъ, усыпляющія рулады — все это вмѣстѣ заставляеть, однако, биться эти безпокойныя сердца, вливаетъ въ эти жадныя мозги вино упоенія, успокаиваетъ или экзальтируетъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, уже утомленныхъ жизнью, даетъ имъ покой, забвеніе, нервное возбужденіе, желанія, даетъ всѣ сладкія и тяжелыя чувства, которыхъ онѣ еще не знаютъ, но чувствуютъ, какъ они съ невѣдомой силой овладѣваютъ ими.

И всегда можно будетъ встрѣчать эти группы несчастныхъ, къ которымъ каждый день присоединяются все новыя дѣвочки, уже измученныхъ хранимымъ въ таймѣ безпокойствомъ и какъ бы торопящихся излить посреди улицы, на глазахъ у всѣхъ, свою печаль и свою безпричинную радость.

И маленькая Сесиль имѣла возможность выразить такимъ образомъ первые смутные порывы души. Она остановилась, услышавъ грустные звуки скрипки, заняла мѣсто среди случайныхъ товарокъ, взяла дрожащими руками ноты романса и голосомъ, который также дрожалъ, высказала, вмѣстѣ съ другими, свои робкія желанія и довѣрила вечернему воздуху и привѣтливой улицѣ смутные порывы своего сердца.

Что касается Селины, то она не могла уже удержаться на наклонной плоскости, по которой она катилась. Ни отецъ, ни даже мать не подозрѣвали, какъ проводила она свободное время. Она всегда умѣла представить благовидный предлогъ. Весь ея умъ былъ направленъ на лживыя измышленія, вся энергія употреблялась на то, чтобы вырваться и бѣжать туда, куда звала ее судьба.

Она сходилась то съ однимъ, то съ другимъ, увеличивая тѣ пары, которыя беззаботно показываютъ на улицахъ Парижа зрѣлище своей любви.

Они идутъ обнявшись, вдоль бульваровъ, останавливаются въ тѣни подъ вѣтвистыми деревьями, снова медленно двигаются, тѣсно прижавшись другъ къ другу, равнодушные ко всему, что происходитъ вокругъ нихъ, серьезные и сладострастные, какъ Фаустъ и Маргарита въ саду.

Они садятся на скамьѣ въ скверѣ или на бульварѣ, держась за руки, неподвижные, забывшись точно во снѣ.

Они танцуютъ вмѣстѣ на публичныхъ балахъ, держась ровно, обнявшись, уносясь въ вихрѣ вальса, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Иногда такая пара ничѣмъ особеннымъ не привлекаетъ къ себѣ вниманія. Но иногда въ глаза бросается звѣрская фигура—и тогда этотъ союзъ поражаетъ своею чудовищностью.

И чудовищность его особенно поразительна, когда влюбленная Селина выпрямляетъ свою стройную фигуру, поднимаетъ къ любовнику лицо, дышащее сладострастіемъ, затуманенный взоръ, губы, сложенные въ счастливую улыбку, когда вся фигура прелестной дѣвушки дышитъ свѣтомъ и счастьемъ, а рядомъ съ этимъ расцвѣтающимъ созданіемъ—бандитъ съ налитыми кровью глазами, съ кулаками убійцы, какое-то животное со звѣрскими скулами, которое захватило ребенка въ добычу.

И въ голову приходитъ мысль о противоестественной связи; древній мнѣ о красавицѣ и звѣрѣ снова воплощается, и кажется, что животное съ тяжелыми лапами и ужасной пастью уносить въ свою берлогу маленькую безсознательную нимфу бульваровъ и скверовъ.

Переводъ съ французскаго Е. С.
(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Дождь стучить въ мое окно...
Капли медленно сползають,
Расплываются и таютъ,
Въ паркѣ скучно, холодно...

И надъ сѣрою землей
Тучи сѣрья столпились
И, какъ будто, сговорились
Раздавить ее собой.

А она, въ вуали черной,
Скорой смерти молча ждетъ
И на встрѣчу ей идетъ
Съ грустью жалкой и покорной.

Душно, тягостно, темно!..
Въ старомъ паркѣ пусто, скучно,
Монотонно, однозвучно
Дождь стучить въ мое окно...

Н. Крандіевская.

Надъ холодной рѣкой.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Низко надъ рѣкой стояла большая, красная луна. Сквозь бѣлую пелену тумана и дымку отъ горящей тайги она смотрѣла, слѣпая и тусклая, какъ большой красный фонарь съ матовымъ стекломъ. А рѣка, черная и гладкая, какъ будто застыла, и мутно-красный столбъ, пополамъ прорѣзавшій ее, лежалъ неподвижно.

Застыла рѣка, застыли цѣпи холмовъ, окутанныя бѣлой дымкой, застыла земля и небо, тусклое, красновато-сѣрое.

Гдѣ-то далеко, за цѣпью горъ и холмовъ и черной стѣной тайги та же луна всходила въ ясномъ, прозрачномъ воздухѣ, блистающая и яркая, и рѣка, отражающая ее, смѣялась, сверкая своей серебряной чешуей. И земля была тамъ живая и говорила съ небомъ тысячью голосовъ, таинственныхъ и мелодичныхъ...

А въ прозрачномъ зеленомъ свѣтѣ двигались, думали и говорили люди, и свѣтились мириады огней, зажженныхъ ихъ руками.

А здѣсь все тонуло въ бѣлой дымкѣ, и было жутко—тихо, какъ въ старой сказкѣ о заколдованномъ царствѣ...

Тамъ, гдѣ рѣка, раздѣляясь на двѣ черныя лѣнты, огибала островъ, на песчаной его отмели, совсѣмъ близко отъ воды, сидѣло двое людей. И оба они, мужчина и женщина, въ неподвижной застывшей позѣ, казались призраками въ мутно-красномъ свѣтѣ луны на этомъ пустынномъ и голомъ островѣ.

Женщина сидѣла, крѣпко обхвативъ руками колѣни и не

отрывая глазъ отъ темной поверхности воды, а мужчина, опершись на выпрямленную руку, смотрѣлъ на женщину.

И молчаніе висѣло надъ ними.

— Зачѣмъ вы обрѣзали свои волосы?—вдругъ спросилъ онъ, и голосъ его ровнымъ шопотомъ пронесся надъ темной рѣчкой, не нарушая тишины.

Женщина обернула къ нему свое лицо, и губы ея дрогнули отъ смѣха.

— Это вы объ этомъ сейчасъ такъ глубокомысленно раздумывали?—спросила она. Голосъ у нея былъ звонкій, вибрирующий и насмѣшливый, и тонкими стрѣлами онъ врѣзался въ бѣлую пелену тумана.

— Они были такіе славные: тонкіе, какъ паутина, и пепельные. Вамъ не жалко?

— Мнѣ никогда ничего не жалко,—серьезно сказала женщина, и улыбка слетѣла съ ея губъ.

Она отвернулась и снова стала смотрѣть въ темную глубину воды.

— А обрѣзала я ихъ въ прошломъ году, когда былъ тифъ,—не поворачивая головы, докончила она.

— Вы мнѣ не говорили, что у васъ тамъ былъ тифъ.

— Я многого вамъ не говорила,—усмѣхнувшись отвѣтила она,—не пришлось.

И молчаніе снова повисло надъ ними.

— Вы сказали, вамъ ничего не жалко,—тихо и вдумчиво заговорилъ мужчина,—а мнѣ жалко... Сейчасъ я вотъ долго смотрѣлъ на это странное мутное небо и думалъ о томъ, что было когда-то давно... Когда я былъ ребенкомъ, я былъ увѣренъ, что сдѣлаюсь астрономомъ, и потомъ поздѣе, когда я дни и ночи просиживалъ надъ книгами и астрономическими картами — я еще больше увлекался небомъ, и всѣ прочили меня тогда въ ученые. Не знаю, что вышло бы, но я чувствовалъ только, что тамъ, въ этой полной тайнѣ безднѣ—все было мнѣ близкое и родное. И особенно любить я млечный путь, эту громаду мировъ. А сейчасъ все это чужое мнѣ, непонятное и страшное... Взгляните, вотъ тамъ совсѣмъ какъ кровь, хотя я очень хорошо знаю, что это отблескъ луны и что сравненіе мое глупо. Но у меня и мысли теперь земныя, и сама она, эта земля — просто маленькая темная точка, въ сравненіи съ этимъ огромнымъ небомъ, а она взяла меня всего, мой мозгъ, мое сердце, мои силы...

Голосъ его сорвался, и онъ замолкъ...

— И вы жалѣете объ этомъ?—тихо спросила женщина, не глядя на него.

— Когда-то я смѣло порвалъ съ небомъ и былъ тогда счастливъ, безмѣрно счастливъ,—не отвѣчая ей, продолжалъ мужчина, а теперь мнѣ кажется иногда, что вся эта земля, къ которой я прилѣпился, вся она полна нелѣпостей и ужаса, и я боюсь ея... И я знаю, что въ одну изъ такихъ минутъ я сойду съ ума...—Онъ наклонился къ ней близко и смотрѣлъ на нее расширенными глазами, и въ нихъ горѣло безуміе.

Женщина отодвинулась отъ него и тихо сказала:

— Не надо говорить. Вы сами не знаете, что сейчасъ говорите.

— Нѣтъ, я знаю!—отвѣтилъ мужчина и улыбнулся, и улыбка эта была и загадочная и жалкая.

— Рано или поздно я бы сказалъ вамъ все то, что говорю сейчасъ, я, вѣдь, жду этого момента уже 2 мѣсяца, съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь, и сейчасъ я не могу больше молчать.

Женщина отвернулась и приняла прежнюю позу, а онъ придвинулся къ ней ближе и снова заговорилъ:

— Вы сейчасъ посмѣялись надо мной, когда я вамъ сказалъ, что мнѣ жалко вашихъ волосъ, а мнѣ сейчасъ всю васъ жалко... И вашихъ прежнихъ глазъ, въ которыхъ такъ и сверкала радость жизни... А больше всего вашего смѣха мнѣ жалко... Какой онъ былъ чудный! Такой дѣтски-искренній и звонкій, какъ жаворонокъ. Гдѣ же онъ? Отчего я здѣсь его ни разу не слышалъ? И мнѣ жалко его, и жалко васъ, такую слабую и одинокую... И я думаю: зачѣмъ, зачѣмъ все это? Вы—развѣ вы сильная?

Онъ смотрѣлъ на нее нѣжнымъ и грустнымъ взглядомъ, и въ голосъ его слышалась ласка.

Женщина сидѣла не двигаясь, крѣпко сжавъ тонкія руки и наклонившись впередъ, и вся фигурка ея, маленькая и хрупкая, была какъ у обиженнаго ребенка.

— Смотрите,—говорилъ мужчина, показывая рукой на берегъ и рядъ черныхъ избенокъ съ закрытыми ставнями,—видите—полная тьма! вонъ только тамъ, на краю, маленькій веселый огонекъ, единственный, знаете у кого?

— У Елены Ивановны,—отозвалась женщина.

— Да. Она не поѣхала съ нами, но ей лучше насъ. Она сидитъ сейчасъ передъ этимъ огонькомъ, и такъ тихо-тихо у ней... Но тамъ жизнь притаилась, а здѣсь смерть... Рядомъ въ комнатѣ спитъ ея Шурка, и она слышитъ его дыханіе и знаетъ, что у нея есть свое, живое, настоящее, невыдуманное и неотъемлемое... У насъ только надрывъ, а тамъ сила... Да! сила, не смѣйтесь! Почему же завтра мы всѣ, злые.

и больные, придемъ къ ней, и намъ будетъ съ ней хорошо?

Женщина выпрямилась и повернулась къ нему.

— Погодите! дайте мнѣ кончить... И сейчасъ, смотря на этотъ зеленый огонекъ, я думалъ еще вотъ о чемъ. Помните тотъ вечеръ, нашъ послѣдній вечеръ? Мнѣ кажется, что это было безконечно давно, а вѣдь всего четыре года... Помните этотъ вечеръ, въ моей комнатѣ, которую вы, смѣясь, называли гробомъ?

Она молча кивнула головой.

— Вѣдь, какъ намъ было хорошо тамъ!.. Мы тогда страшно торопились, потому что намъ надо было кончить къ утру ту работу... Мы только объ этомъ и думали и ничего не говорили. На дворѣ былъ вѣтеръ, и я помню, когда онъ стучалъ ставней— я вадрагивалъ, а вы всякій разъ смѣялись надо мной, и смѣхъ вашъ, такой звонкій и радостный, такъ задорно звучалъ въ тишинѣ... И всякій разъ, когда я его слышалъ, мнѣ становилось и стыдно за свой страхъ и радостно... И знаете, мнѣ тогда безумно хотѣлось обнять васъ!.. Но я не смѣлъ, потому что передъ нами была эта работа, которая была для насъ святыней, и передъ ней мои помыслы казались мнѣ преступными, и я гналъ ихъ прочь... Голосъ его спустился до шопота, и онъ замолкъ.

Женщина тоже молчала и неподвижными остановившимися глазами смотрѣла вдаль.

— Слушайте! Зачѣмъ я этого не сдѣлалъ тогда?—придвинувшись къ ней близко, сдавленнымъ шопотомъ проговорилъ онъ.

Она вадрогнула и разомъ обернулась къ нему.

— Зачѣмъ мы, молодые, неполоманные, радостные,—страстнымъ шопотомъ говорилъ онъ,—зачѣмъ мы въ тотъ вечеръ попрали себя?.. Знаете-ли вы, что тогда мы совершили величайшее на свѣтѣ преступленіе?..

Женщина смотрѣла въ упоръ на это блѣдное лицо, которое такъ близко придвинулось къ ней, и не могла оторвать своего взгляда отъ темныхъ глазъ, казавшихся безумными. Потомъ она вдругъ отодвинулась и однимъ гибкимъ движеньемъ вскочила на ноги.

— О, вы думаете, я не помню этого вечера!—звенящимъ голосомъ заговорила она.—О, какъ я его помню... Потому что съ него началась моя другая жизнь... И тамъ, въ этихъ нѣмныхъ каменныхъ стѣнахъ, какъ я рвалась тогда къ вамъ... Я думала тогда, что никто никогда мнѣ не будетъ такъ дорогъ, какъ были дороги вы. И когда я рвалась и металась,

какъ птица съ перебитыми крыльями, я была такая слабая и жалкая...—Она остановилась и усмѣхнулась.

Мужчина смотрѣлъ на нее горящими глазами и слушалъ, заставивъ дыханье.

— Потомъ, гораздо позднѣе—я поняла, продолжала женщина.—И во мнѣ явилась злоба къ этой жизни, которая уходитъ отъ меня... И она, эта злоба, дала мнѣ силу... И я рѣшила, что я возьму отъ этой проклятой жизни все, что мнѣ надо. И я брала!.. И въ то время, какъ вы хныкали и жалѣли о прошломъ, я набросилась на эту жизнь и рвала ее зубами, со злобой, съ ожесточеніемъ...

Голосъ ея звенѣлъ, какъ туго натянутая тонкая струна, а глаза горѣли, какъ двѣ звѣзды, яркія и холодныя.

— Вы хныкали о томъ, что было и ушло, и любовались на раны своего сердца, а я сказала себѣ: наплевать! на все, на все... Нужно жить!. Этому научили меня мрачныя стѣны и за то я полюбила ихъ... И тогда, когда намъ пришлось разлѣхаться въ разныя стороны, я заставила себя не помнить васъ, забыть, потому что поняла, что нужно смѣяться, а не хныкать. И забыла... И мнѣ это было удивительно легко, потому что вокругъ меня вставала жизнь, грозная и захватывающая... Знаете ли, что та идиллія, которой наслаждается теперь Елена Ивановна, не разъ была у моихъ ногъ, но я отбрасывала ее всегда съ ужасомъ, потому что поняла, что въ ней моя гибель. И первый, котораго я полюбила послѣ васъ, возненавидѣлъ меня за то, что я не хочу этой идилліи. А я сказала себѣ: я буду свободна! я сломаю ее, эту жизнь, съ ея перегородками... И онъ испугался и ушелъ, потому что я оскорбила его милый буржуазный идеалъ. А я стала презирать васъ всѣхъ за вашу робкую подлую трусость предъ жизнью, потому что то, отъ чего вы отрекались на словахъ, то всосалось въ вашу плоть и кровь, и было дорого и мило вамъ, и съ нимъ вы не могли порвать со-всѣмъ...—Она остановилась и помолчала.—Я знаю, что всѣ тѣ, которые встрѣчались со мной, не понимали меня, потому что они все-таки были рабы. И только одинъ меня понялъ, но тотъ былъ такой же злобный, упорный и некавидящій галочьи гнѣзда, какъ и я. Съ нимъ я могла бы жить долго, но насъ раздѣлили тогда такъ же, какъ съ вами, и гдѣ онъ теперь—я не знаю, можетъ быть, уже умеръ...

Женщина задумалась, а мужчина смотрѣлъ въ эти прозрачныя зеленоватые глаза—и ему было жутко. Но вотъ она тряхнула головой, и короткіе волнистые волосы мягкими прядями рассыпались по плечамъ. Она посмотрѣла на него

долгимъ взглядомъ и вдругъ засмѣялась тихимъ и мелкимъ смѣхомъ, и отъ этого смѣха мурашки поползли по его тѣлу.

— Знаете, что вы сейчасъ думаете? Такъ вотъ она какая—эта весталка, пришедшая на алтарь отечества всю себя, свое тѣло и душу... и пепельные волосы! Оказывается, она не весталка, а блудница... Ха! Ха! Ха! Здорово вы разочаровались!..

Онъ протянулъ къ ней руки.

— Не лгите!—крикнула женщина, и глаза, ея гнѣвно сверкнули.—Вы, такой какъ сейчасъ, вы не можете думать иначе... И если вы говорите, что то, что было и есть у насъ, выдуманное, то, значитъ, въ васъ никогда ничего не было, и сейчасъ вы—нищій! Объ астрономіи мечтаетъ, о семейномъ очагѣ! Эхъ вы, мужчина, кисляй!..

Она опять остановилась и смотрѣла на него, сидящаго у ея ногъ, съ преврѣнемъ, а онъ опустилъ глаза передъ этимъ взглядомъ, тяжелымъ и холоднымъ, и весь сжался въ комокъ.

— Что вы мнѣ указываете на этотъ огонекъ, когда я сама своими руками потушила его и ушла отъ него?.. Я не вижу его больше, а все-таки тамъ далеко-далеко онъ свѣтится.. Тамъ, въ деревнѣ, у моей сестры живетъ моя дѣвочка... Я знаю, что ей лучше, чѣмъ со мной, но если бы ей было и хуже тамъ, я бы все-таки ушла... Помню ли я? Она закрыла лицо руками. О да! помню... Золотые волосы и ясные каріе глазки и крохотныя мягкія ручки..—едва слышно прошептала она, и въ этомъ шопотѣ задрожала живая боль.

— Я два года не видѣла ихъ, эти ручки, но и теперь, когда во онѣ онѣ обвиваются вокругъ моей шеи, такія цѣпкія и теплыя, я просыпаюсь въ холодномъ поту.—Она замолчала.

— И все-таки я ушла!—оторвавъ руки отъ лица, прежнимъ голосомъ сказала она.—Ушла потому что выше себя—не прыгнешь. И отсюда уйду, потому что здѣсь смерть... А вы? Скажите, зачѣмъ вы всѣ здѣсь? Силенки ослабѣли? Отдохнуть захотѣлось? Здѣсь на этой мертвой рѣкѣ, въ то время какъ... О какъ я васъ всѣхъ ненавижу!.. Съ вашей тоской и уныніемъ и гнуснымъ безсиліемъ. Все ненавижу—и эту проклятую холодную рѣку, и эти мертвыя избежки, и васъ всѣхъ, изнывающихъ.

Она стояла надъ нимъ, гордая и властная, и гнѣвныя слова ея падали на него, какъ горячія капли металла.

И вдругъ онъ всталъ медленно и тихо, какъ лунатикъ,

и подошелъ къ ней близко, смотря ей въ лицо широко-раскрытыми и какъ будто невидящими глазами.

— Значить я нищій, банкротъ,—сказалъ онъ, и голосъ его былъ странно-спокойный, и звукъ его неживой.—Ну а вы? Вѣдь, какъ вы это сказали о крохотныхъ ручонкахъ!.. Вы, развѣ вы не калѣка? Вѣдь, вы сгибнете и очень скоро. Вы не останетесь здѣсь, и снова жизнь подхватитъ васъ и будетъ вертѣть, какъ огромное колесо, и рвать своими зубьями ваше тѣло и душу и бросить его, обезсиленное, и въ тѣхъ же нѣмныхъ стѣнахъ вы сгибнете, одинокая.. И это будетъ! и очень скоро...

— И пусть! пусть, пусть!—крикнула женщина, и была въ этомъ крикѣ и дикая, свободная радость и заглушенное отчаянье...

Они замолчали и стояли другъ противъ друга, дыша тяжело и часто, и оба были какъ безумные.

Вдругъ справа отъ нихъ изъ чащи кустовъ взвился отъ темной земли цѣлый столбъ золотыхъ искръ. Онѣ поднимались вверхъ и разсыпались въ темномъ небѣ и тамъ гасли умирая.

Женщина первая замѣтила ихъ, и лицо ея оживилось.

— Костеръ! Они костеръ разложили!—радостно сказала она, потомъ мелькомъ взглянула въ широко-раскрытые глаза, смотрѣвшіе на нее, и вдругъ, разомъ повернувшись, быстро и легко раздвигая вѣтви кустовъ, исчезла.

Мужчина долго смотрѣлъ ей вслѣдъ остановившимся взглядомъ, потомъ медленно и устало опустил на холодный песокъ.

А зади него отъ темной земли все подымались и плыли по небу золотыя искры и тамъ гасли, умирая.

Надъ нимъ же снова висѣло молчаніе.

II.

У костра, на небольшой полянѣ сидѣло нѣсколько чело-вѣкъ. Когда женщина, раздвинувъ вѣтви кустарника, кольцомъ сгнѣвшаго поляну, вступила въ свѣтлый кругъ и остановилась, запыхавшаяся отъ быстрой ходьбы, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, на которомъ ярко выступали большіе сіяющіе глаза, отражая пламя огня,— всѣ обернулись къ ней.

— А! гдѣ же это интеллигенція пропадала?

Тотъ, кто это спрашивалъ, сидѣлъ ближе всѣхъ къ

огню и поправляя горьвше сучья. Вся фигура его, большая и мускулистая, одетая въ охотничью куртку изъ арестантскаго сукна и высокіе простые сапоги, выражала силу и увѣренность, а сѣрые спокойные глаза на загорѣломъ лицѣ смотрѣли на женщину дружелюбно и съ улыбкой.

Та засмѣялась.

— Та-акъ! — насмѣшливо протянула она. — Значить опять говорили о томъ, сколь гнусна наша интеллигенція и сколь великодушныя нашъ рабочіе! А Гольбергъ говорилъ, что онъ счастливъ, что онъ рабочій, вываренный въ фабричномъ котлѣ и что интеллигентскій трудъ — ничтожество въ сравненіи съ трудомъ физическимъ и т. д., и т. д., и т. д. — со вздохомъ покончила она.

— Ошибаетесь Вѣра Алексѣевна, я ничего не говорилъ, — стѣбнулъ Гольбергъ, но думаю, конечно, такъ же какъ раньше думалъ: нужно побывать въ шкурѣ рабочаго, чтобы судить о томъ, что такое физическій трудъ. — Онъ лежалъ съ другой стороны костра, опершись на локоть; его лицо, худощавое и болванконое, съ мелкими чертами, съ падающими на добъ черными кудрями, казалось юнымъ и мечтательнымъ; когда же онъ начиналъ говорить, оно дѣлалось старообразнымъ и зауряднымъ.

— Ну какой вы, къ торту, теперь рабочій! — отозвался его сосѣдъ, бросивъ презрительный взглядъ на тѣлодушную фигуру Гольберга. Онъ былъ длинный и худой и говорилъ съ рѣзкимъ польскимъ акцентомъ; волосы его совершенно вывалили, и его голый черепъ былъ всегда покрытъ маленькой круглой шапочкой; Гольбергъ поморщился и ничего не отвѣтилъ.

— Право, Господа, — серьезно сказала Вѣра Алексѣевна, — я только здѣсь почувствовала, что я интеллигентка и что принадлежать къ несчастной социальной группѣ поборно, такъ какъ, оказывается, интеллигентъ — есть синонимъ тушеядца.

— Когда вы оставите, Вѣра, свою манеру все вышучивать и высмѣивать? — съ раздраженіемъ въ голосъ сказала жена Гольберга, маленькая блѣдная женщина, стоявшая поодаль. Вѣра Алексѣевна обернулась къ ней.

— Горбатого мбгила исправитъ Лиза! — съ улыбкой сказала она. — Впрочемъ вы такъ привыкли къ моему дурашливому тону, что не замѣчаете когда я говорю серьезно. — А вѣдь это — вѣрно! — промолчала продолжала она. — Здѣсь я впервые почувствовала какую-то стѣну... Иногда я

вижу недовѣріе и даже злобу... Да! злобу, чего ужъ тутъ скрывать,—съ горечью докончила она.

— Не злоба это, а—зависть,—сказала Гольбергъ.

— Вы мнѣ завидуете, Лиза?—съ искреннимъ изумленіемъ спросила Вѣра Алексѣевна, живо обернувшись къ той.

— Пожалуй, Яковъ правъ,—нерѣшительно отвѣтила Лиза и помолчала.—Да, завидую,—увѣреннѣе продолжала она.—Завидую вашему прошлому, когда вы могли заниматься, читать, узнавать, стремиться, а я сидѣла и шила, шила до отупѣнія, точно въ какомъ кошмарѣ и только чувствовала, что рядомъ со мной,—мимо меня идетъ какая-то другая жизнь, осмысленная и свѣтлая. Завидую и вашему настоящему...

— Но вѣдь здѣсь, сейчасъ-то, кажется, мы совсѣмъ ужъ въ равномъ положеніи?

— Нѣтъ, не совсѣмъ... Я не умѣю объяснить всего. Вотъ я даже тому завидую, что вы можете рассказать, что думаете и чувствуете, а я вѣдь не умѣю говорить...—Она замолчала и потупилась.

Вѣра Алексѣевна тоже молчала и смотрѣла на нее смущенно и робко.

— Вы даже говорите со мной, Вѣра, какъ-то особенно, точно съ ребенкомъ или съ больнымъ человекомъ, къ которому боитесь притронуться, чтобы какъ-нибудь не обдѣлать больно,—усмѣхнувшись, добавила Лиза. Она говорила всегда, смотря прямо въ глаза другому, и ее лицо тогда терило выраженіе замкнутости и угнетенности.

Вѣра Алексѣевна ничего не отвѣтила, и глаза ея, устремленные вдаль, свѣтились грустью.

— Почему же тамъ ничего этого не было?—наконецъ, тихо спросила она, не обращая ни къ кому.

— А потому, что тамъ было дѣло, а здѣсь бездѣлье, а бездѣлье располагаетъ къ празднымъ размышленіямъ, а праздныя размышленія ведутъ къ празднымъ чувствамъ,—шутливо отозвался Алексѣй Павловичъ. — Я, господа, счастливѣе васъ всѣхъ, — съ своей бодрой здоровой улыбкой продолжалъ онъ, — потому что, во-первыхъ — онъ загнулъ указательный палецъ—я не интеллигентъ, ибо изъ всѣхъ образовательныхъ учрежденій, должностующихъ обдѣлать изъ меня такового, я былъ благополучно извергнутъ; во-вторыхъ, я не рабочій, ибо больше всего все-таки занимался такъ называемымъ интеллигентнымъ трудомъ, таскаясь по разнымъ газетипечкамъ и коря надъ бумагами въ разныхъ конторахъ; въ-третьихъ, я въ то же время и рабочій, ибо водни безработицы—а таковыхъ было не мало—я съ успѣ-

хомъ сходилъ за крычника и таскалъ кули на матушкѣ-Волгѣ. А потому, какъ ни повернетъ меня судьба,—я вездѣ благоденствую.

Онъ всталъ и выпрямился. Всѣ съ улыбкой взглянули на его большую мужественную фигуру и почувствовали, что своей шуткой онъ хотѣлъ разогнать хмурое молчанье, повисшее надъ ними.

— Ну-съ, представители физическаго труда!.. айда за хворостомъ, ибо костеръ нашъ склоненъ къ замерзанію,— обратился къ нимъ Алексѣй Павловичъ.

Никто не двинулся.

— Эхъ, вы, народъ, и излѣнились же вы здѣсь, на казенныхъ хлѣбахъ!—засмѣялся онъ и крупными шагами направился къ темному кругу кустарника.

— Господа! „генералъ“ спитъ,—отойдя нѣсколько шаговъ, крикнулъ онъ.

— Спитъ и видитъ во снѣ, какъ вы костеръ разжигаете,— отозвался соннымъ голосомъ тотъ, кого онъ назвалъ „генераломъ“; гортанные звуки въ его рѣчи говорили о его грузинскомъ происхожденіи. Онъ лежалъ на спинѣ, завернувшись въ бурку и нахлобучивъ на лобъ кавказскую папаху.

— Ну! живо, идите!—тормошилъ его Алексѣй Павловичъ.

— Не! мнѣ и такъ хорошо,—лѣниво отвѣтилъ тотъ. Алексѣй Павловичъ махнулъ рукой и скрылся за кустами.

— Отчего это вы его „генераломъ“ прозвали?—спросила Гольберга Вѣра Алексѣевна, слѣдившая за этой сценой.

— А оттого, что они имѣютъ великую склонность не подчиняться, а подчинять и повелѣвать и не только на полѣ битвы, но и здѣсь, въ качествѣ ветерана.

— Э! что тамъ! никого не трогаю, вы меня только не трогайте,—сказалъ грузинъ.

Онъ сѣлъ и смотрѣлъ на Гольберга съ лѣнивой усмѣшкой. Въ сочетаніи этой дѣтской безпечной улыбки и упрямой линіи черныхъ сходящихся бровей было что-то трагическое.

— А я вотъ что скажу!—внезапно оживляясь заговорилъ онъ.—Больше полстолѣтія русская интеллигенція ползала въ ногахъ у своего народа, еще какихъ-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ она при словѣ рабочій и мужикъ почтительно склоняла голову и развела ротъ отъ восторга, а когда она, наконецъ, подошла къ нему, какъ къ товарищу, и сказала: соединимъ знаніе и силу,—вы кричите: караулъ! грабать!—Когда онъ воливался, гортанныхъ звуковъ

въ его рѣчи становилось больше, и ему было труднѣй говорить по русски.

Онъ всталъ, завернулся крѣпче въ бурку и снова легъ.

— Ползала въ ногахъ у своего народа!—вспыхнулъ Гольбергъ.—Это сидя на его шеѣ, пользуясь его крѣпостнымъ трудомъ, что-ли?

Грузинъ усмѣхнулся и ничего не отвѣтилъ.

— Ну какъ это вамъ понравится?—обратился Гольбергъ къ Вѣрѣ Алексѣевнѣ,—скажи, завернулся въ свою тогу и конецъ! Совсѣмъ по генеральски!

— Безполезно говорить!—прежнимъ соннымъ голосомъ отозвался грузинъ.

— И какъ все это трогательно,—съ ироніей продолжалъ Гольбергъ,—интеллигенція братски протягиваетъ намъ руку и, любуясь на себя, говоритъ: ахъ! какъ я хороша!

Вѣра Алексѣевна сдвинула брови и хотѣла что-то сказать, но въ этотъ моментъ подошелъ къ костру Алексѣй Павловичъ съ ворохомъ сухихъ сучьевъ за спиной. Онъ ловкимъ движеніемъ сбросилъ сучья на потухающее пламя и, присѣвъ на корточки, сталъ раздувать его.

На минуту оно совсѣмъ исчезло, и вокругъ стало темно и неуютно.

— Потухнетъ!—сказала Вѣра Алексѣевна, съ тревогой глядя на замирающее пламя.

— Разгорится!—увѣренно отвѣтилъ Алексѣй Павловичъ, поднимаясь съ земли. И черезъ минуту пламя, тонкими языками пробившись изъ-подъ кучи черныхъ сучьевъ, сначала осторожно лизнуло ихъ, а потомъ вдругъ, соединившись въ одну широкую волну свѣта, взвилось къ небу.

— Теперь, господа, окружающая атмосфера повысилась, настроеніе въ силу этого поднялось—предлагаю спѣть,—сказалъ Алексѣй Павловичъ.

— Ладно!—отозвалась Вѣра Алексѣевна, вскакивая на ноги.—Только чтобы всѣ!

— Пусть Вѣра одна споетъ,—сказалъ грузинъ. Для облегченія онъ называлъ всѣхъ по именамъ.

— Генералъ отдалъ приказъ, Вѣра Алексѣевна, извольте повиноваться—съ комическимъ поклономъ обратился къ ней Гольбергъ.

— А мы подчиняемся его рѣшенію,—сказалъ Алексѣй Павловичъ, потому что, дѣйствительно, когда вмѣстѣ, такъ кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Полякъ всталъ, застегивая свою куртку.

— Козарновскій протестуетъ, господа!—указывая на него, сказала Вѣра Алексѣевна.

— Гулять пойду, надоѣло!—не обращаясь ни къ кому, отвѣтилъ тотъ.

— Надоѣли вамъ наши пѣсни „про глупыхъ русскихъ мужиковъ“?—съ ироніей спросилъ Гольбергъ.

— Будетъ! слышалъ ужъ!—угрюмо отвѣтилъ Козарновскій.

— А не вы ли сами,—не унимался Гольбергъ.

— Оставьте вы его — обернулась къ нему Вѣра Алексѣевна.—Ужасно люблю, какъ онъ сердится — совсѣмъ на чорта похожъ.

Козарновскій разсмѣялся. Онъ рѣдко говорилъ, смѣялся еще рѣже, потому что изъ всѣхъ этихъ людей, онъ былъ самый одинокій. Но въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ смѣялся, это мрачнѣе лицо мгновенно измѣнялось и становилось милымъ и открытымъ.

Вѣра Алексѣевна стояла противъ него и любовалась этой мгновенной перемѣной. Но вдругъ смѣхъ его оборвался, и онъ нахмурился,

— Это очень хорошо!—съ обидой сказалъ онъ.—Любите, когда я смѣюсь, потому что отъ этого вамъ удовольствіе.

На лицѣ Вѣры Алексѣевны появилось выраженіе растерянности.

— Ну панъ!—хлопнувъ его по плечу, сказалъ Алексѣй Павловичъ.—Вы и шутокъ не понимаете, у васъ просто пещенка не въ порядкѣ.

Козарновскій ничего не отвѣтилъ и пошелъ къ рѣкѣ.

— Разсердился?—спросила Вѣра Алексѣевна.

— Нѣтъ, пустяки!—успокоилъ ее Алексѣй Павловичъ.—Право, господа, не находите-ли вы, что посторонній чловѣкъ, который бы посмотрѣлъ на насъ, сказалъ бы, что это сборище сумасшедшихъ: изъ-за каждаго пустяка у насъ вскипаютъ страсти и готово...

— И это потому, что мыслить мы не умѣемъ,—отозвался Грузинъ.—Нѣтъ холодной железной логики. Надо, чтобы мысль рѣзала все какъ ножомъ, а чувства—къ чорту ихъ!

— Нѣтъ! это опять-таки потому, что здѣсь мы живемъ, такъ сказать, атрофированной жизнью, безъ дѣла,—сказалъ Алексѣй Павловичъ,—а насчетъ чувствъ, вспомните-ка, генераль, какъ вы рассказывали о вашемъ послѣднемъ свиданіи съ матерью, когда она, сѣдая и старая, слабыми дрожащими руками ущѣпилась за вашу шею и повисла...

— Оставьте! не надо! — глухо сказалъ грузинъ. — Пойте, Вѣра, — веселое пойте!

Вѣра Алексѣевна отступила нѣсколько шаговъ, закинула за голову руки и вдругъ ухарски затянула:

Многихъ дожда-и-да, многихъ предабы-и-ла,
Одного я забы-ы-ть не могу-у!

Она оборвала пѣсню, окинула воѣхъ возбужденнымъ взоромъ, и ноздри ея дрожали отъ сдерживаемого смѣха.

— Тратить такой хорошей голосъ на такія пошлыя слова, — съ упрекомъ сказала Лиза.

— Стрелая вы, Лиза! вѣдь веселаго просить, — улыбаясь отвѣтила Вѣра Алексѣевна. — Нѣтъ, послушайте, господа! — я пѣть не буду, я лучше расскажу вамъ о снѣ, который мнѣ часто снится. Ладно? Ужъ каждаго изъ насъ бывають такіе сны, въ родѣ, какъ у „барана напоминаго“. Приснится: — одинъ туманъ остался, но просвѣтляющій мысли.

Она придвинулась къ стѣнѣ и сѣла.

— Такъ вотъ. Снится мнѣ городъ, огромный, каменный городъ, но его не видно; онъ весь потонулъ въ зелени сада, только слышенъ гулъ гоня, такой ровный, несмѣлкаемый, властный. А во садахъ растутъ деревья, большія и сильныя и среди нихъ цвѣты... Масса цвѣтовъ! Свѣжіе, душистые, свѣтлые. Они тянутъ свои толкіе зеленые стебли къ солнцу, и оно цѣлуетъ ихъ сверкая изумрудами въ ихъ влажныхъ чашечкахъ. И вездѣ масса свѣту, воздуха и солнца.

Она остановилась, и глава ея устремленная на огонь, сдѣлались совсѣмъ прозрачными и улыбаются.

— И откуда-то звенитъ музыка, радостная, ласковая, торжественная... Дивная музыка! но мелодія ея проста и ясна; она говоритъ о торжествѣ человѣческой мысли.

— И приводится въ движеніе какими-нибудь премудрыми аппаратами, какъ у Беллами, — добродушно усмѣхаясь, вставила Алексѣя Павловичъ.

— Не перебивайте! — съ досадою сказалъ грузинъ. — Онъ пересѣлъ ближе къ костру и олушалъ внимательно.

— Но лучше всего люди. Тѣла ихъ красивыя и гибки, какъ у античныхъ статуи, поэтому что онъ не изумлены лѣтью иди чреамѣрнымъ трудомъ. Они въ свѣтлыхъ одеждахъ, — мужчины и женщины. Впрочемъ, нѣтъ ни мужчинъ, ни женщинъ, а есть просто люди. И это — главное. Въ лицахъ мужчинъ нѣтъ того эфирнаго, что ненавистно чистой человѣческой мысли, и что бываетъ иногда даже у

лучшихъ изъ нихъ... теперь. А женщины не смотрѣли на нихъ тѣмъ ищущимъ, собачьимъ взглядомъ, которымъ онѣ смотрять на мужчинъ... Потому что женщина—всегда раба,— тихо добавила она, — торжествуетъ-ли она какъ женщина, когда съ удовлетворенной улыбкой смотритъ на звѣря, ползающаго у ея ногъ—она раба... Изнемогаетъ-ли она отъ бессмысленнаго труда, отъ котораго сохнетъ мозгъ, тупѣетъ и мельчаетъ мысль,—она тоже раба...

— Это вѣрно!—задумчиво сказала Лиза.

— И въ первомъ случаѣ даже больше раба, чѣмъ въ послѣднемъ, — быстро взглянувъ на нее продолжала Вѣра Алексѣевна. — И только на моментъ женщина бываетъ теперь человѣкомъ... И тогда она мучается и страдаетъ больше всего, потому что видитъ тогда раскрытыми очами сѣрую каменную стѣну жизни, которая закрываетъ отъ нея лазурное царство свободы. И тѣ, гордые и смѣлые, которыя цѣпляются за этотъ моментъ и хотятъ удержать его около себя, тѣ гибнутъ, и руки ихъ разбиваются въ кровь о камень сѣрой громады...—Здѣсь этого нѣтъ!—оживляясь заговорила она. Здѣсь люди,—равные, свободные, сильные... Глаза ихъ блещутъ мыслью, и по временамъ улыбка озаряетъ ихъ лица,—свѣтлая, спокойная, и звенитъ смѣхъ, радостный и здоровый, какъ смѣхъ боговъ.

— Они ходятъ подъ великанами деревьями и говорятъ. И рѣчи ихъ свободны и смѣлы, а голоса, увѣренные и твердые, сливаются съ радостной мелодіей музыки.

— А огромный каменный городъ глухо гудитъ. И этотъ властный гулъ говорить о свободномъ облагораживающемъ трудѣ и радости жизни... И вездѣ такіе же люди, смѣлые, сильные и счастливые своей силой, работаютъ или отдыхаютъ... И надъ гигантомъ городомъ носится сверкающій призракъ: съ царственной печатью на свѣтломъ челѣ, съ гордымъ блескомъ сіяющаго взора, — это призракъ свободной человѣческой мысли...

Она замолчала, опустивъ руки на колѣни и блестящими глазами глядя на красное пламя костра.

Нѣкоторое время всѣ сидѣли не двигаясь и молча.

— Все это еще разъ показываетъ, какъ мы различны, — наконецъ тихо сказалъ Гольбергъ. — Вѣдь намъ тоже снятся сны, можетъ быть они не такъ красивы, но въ нихъ больше реализма, грубаго, насущнаго хлѣба, потому что онъ намъ нуженъ, чѣмъ вамъ... А это—интеллигентская фантазія; все есть: цвѣты, солнце, музыка...

— Дѣтей только нѣтъ,—сказала Лиза.

— Да! дѣтей нѣтъ,—разсѣянно взглянувъ на нее, отвѣтила Вѣра Алексѣевна.— Она сидѣла теперь сгорбившись, съ усталымъ видомъ и глаза ея потухли.

— А вы сами только сейчасъ это замѣтили!—разсмѣялся Алексѣй Павловичъ.— А это напрасно, что ихъ нѣтъ. Ребятишки—славная штука! И они, вѣдь, тоже вносятъ въ жизнь эту радость, о которой вы говорили. Право, я бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобы вотъ сейчасъ около меня возилось нѣсколько штукъ карапузовъ,—этакихъ здоровыхъ крѣпышей... И знаете, господа, больно ужъ мы любимъ все валить на эти социальныя условія... По-моему главное, чтобы человѣкъ былъ силенъ и жизнеспособенъ, а все остальное приложится ему.

— Амизь!—оживляясь сказала Вѣра Алексѣевна.— Люблю въ васъ эту увѣренность въ себѣ. А все-таки, другъ мой, противъ рожна—не прати,—устало добавила она.

Всѣ помолчали.

— Кто знаетъ дѣтей, тотъ любить ихъ,—задумчиво сказала Лиза,—но пришлось бы вамъ Алексѣй Павлычъ, поговорить съ ними такъ же, какъ мы возимся,—вы бы, можетъ быть, другое сказали.

— Если-бы у меня былъ ребенокъ—я бы бросилъ его въ море!—вдругъ сказалъ грузинъ.

— Bravo, „генераль“!—разсмѣялся Алексѣй Павловичъ,—Кратко, ясно и выразительно!

— А если бы, Ваше Превосходительство, у васъ подъ руками не было этой стихіи?—усмѣхнувшись спросилъ Гольбергъ.

— Зарезалъ-бы его кинжаломъ!—не задумываясь отвѣтилъ грузинъ.

— Южная натура!—кинжалъ или море!—снова разсмѣялся Алексѣй Павловичъ.

— А пожалуй, онъ и сдѣлалъ бы это, — вдругъ сказала Лиза, — не закололъ и не потопилъ, а просто ушелъ бы и забылъ.

Вѣра Алексѣевна вадрогнула и внимательно посмотрѣла на грузина.

Тотъ сидѣлъ съ своей безпечной усмѣшкой, и глаза его, которые никогда не улыбались, ушли глубже и потемнѣли.

— Довожу до вашего свѣдѣнія, что если черезъ двадцать минутъ мы не будемъ на берегу,—намъ придется здѣсь ночевать,—сказалъ, вдругъ появляясь изъ чащи кустовъ, Коварювскій.

— Почему?—спросила Вѣра Алексѣевна.

Онъ молча указаль ей на противоположный край неба. Тамъ, поднимаясь отъ горизонта, медленно ползла большая, черная туча.

— Ну и замочуемъ, это хорошо!—весело сказала она.

— Не всё могутъ, у насъ вѣдь дѣти одни,—сказала Лиза.— Вѣра Алексѣевна взглянула на ея озабоченное лицо и ничего не отвѣтила.

— Ну, господа, живо!—заторопилъ Алексѣй Павловичъ.— Уже если Козарновскій говорить, такъ надо вѣрить: недаромъ онъ за два года, кажется, разъ пять тонулъ въ Ангартъ.

— За то мы теперь съ ней друзья!—отвѣтилъ тотъ, любяшно глядя на гладкую ленту рѣки.

— Сейчасъ подуетъ живовикъ и славно буря будетъ! Да бросьте вы!—обратился онъ къ Алексѣю Павловичу, который поспѣшно забрасывалъ землей костеръ.— Что вамъ челдонской травы жаль? Пускай горитъ!

— О, панъ, панъ!—затапывая послѣднiе уголья, вдохнулъ Алексѣй Павловичъ.— Вѣдь люди они тоже, челдоны-то, али нѣтъ?

— Э, чортъ съ ними!—махнувъ рукой, презрительно отвѣтилъ Козарновскій.

Черезъ нѣсколько минутъ всё собрались у большой четырехвесельной лодки.

— Руденко, вы—на руль,—сказаль обращаясь къ Алексѣю Павловичу, Козарновскій,—мы съ Гольбергомъ на весла.

— Постойте, господа, вѣдь Сергѣя Васильевича нѣтъ,—спохватился Алексѣй Павловичъ.

— Сергѣй Васильевичъ-и-чъ!—наставивъ руки рупоромъ, крикнулъ онъ. Эхо гулко разнеслось и замерло вдаль.

— Я—здѣсь!—незамѣтно подоидя, тихо отозвался Сергѣй Васильевичъ.

— Гдѣ это вы пропадали? Мечтали?—спросилъ Алексѣй Павловичъ, внимательно взглянувъ на его хмурое лицо. Тотъ ничего не отвѣтилъ.

Вѣра Алексѣевна мелькомъ взглянула на него, и тѣмъ пробѣжала по ея лицу.

Она, ловко балансируя руками, прошла по колеблющимся доскамъ скамеекъ и сѣла на самый носъ лодки, гдѣ была тонкая перекладина.

— Садитесь на руль, Гольбергъ,—предложилъ Руденко,— а я буду грести.

— Яковъ! не садись на весла!—съ тревогой глядя на него, сказала Лиза,—тебѣ же нельзя...

— Э! ничего вы всё не понимаете! — разсердился Козарновскій, — сила нужна на руль! Смотрите, какъ сейчасъ Ангара запышетъ!

И, словно въ отвѣтъ ему, закрутилъ вихрь, со свистомъ поднимая тучи песку и сухихъ листьевъ. Ангара дрогнула и съ глухимъ рокотомъ зашевелилась.

Козарновскій послѣднимъ выключилъ въ лодку, сбихнувъ ее съ песчаной отмели. Лодка тихо закаталась, потомъ медленно поплыла къ берегу подъ мѣрными ударами весель.

А туча все надвигалась и росла, растопыривъ по небу свои большія черныя лапы, освѣщенные красноватымъ отблескомъ луны.

И казалось, что это движется огромное живое чудовище, съ окровавленными лапами и съ большимъ чернымъ брюхомъ. И въ томъ, что оно двигалось такъ медленно и ровно было что-то жуткое, роковое и зловѣщее.

Порывы вѣтра становились чаще и сильнѣе. Ангара трепетала въ мѣтѣломъ, и наъ черной глубины ей вставали бѣлые гребни я, точно стѣдныя руки, молящія о помощи, подымались въ небо и снова падали.

— Вотъ она матушка Сибирь! минута — и буря готова! — сказала Алексѣй Павловичъ, налегая на руль.

— Хорошо! — отозвалась Вѣра Алексѣевна, подставляя лицо струѣ свѣжаго воздуха.

Лиза взглянула на нихъ и ничего не сказала: она сидѣла съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, стараясь скрыть отъ всѣхъ свою тревогу. Рядомъ съ ней виднѣлась неподвижная сгорбленная фигура Сергѣя Васильевича.

Грузи въ сидѣлъ на днѣ лодки и пѣлъ. И мягкіе гортанные звуки, то обрывались и исчезали вдругъ, сливаясь съ рокотомъ шумящей воды, то прорывались сквозь порывы вѣтра и неслись вверхъ, тоскующіе и властные.

Волны подымались все выше и выше и захлестывали лодку съ боковъ. И всякій разъ, когда волна обдавала холодными брызгами лица сидящихъ, — Лиза вдрагивала и закрывалась, а Вѣра Алексѣевна радостно смѣялась.

— Держите выше, Руденко! — крикнулъ Козарновскій. — Несетъ на отмель!

— Сильнѣй! сильнѣй! — командовалъ онъ, изо-всѣхъ силъ налегая на весла. Гольбергъ не отставалъ отъ него, но удары его весель становились порывистыми и неровными, — онъ усталъ.

А тяжелая, глубоко-сидящая въ водѣ лодка съ трудомъ

поддавалась вёсламъ, и сила теченья медленно и незамѣтно толкала ее внизъ, къ длинной отмели подводнаго островка.

До берега оставалось нѣсколько десятковъ саженой. Вдругъ весла гребцовъ уперлись въ мягкое дно, еще нѣсколько взмаховъ—лодка дрогнула и стала.

— Сѣли! сказалъ Козарновскій, бросая весла.

Руденко всталъ и, опираясь въ богоръ, силился спихнуть лодку. Она макренилась на бокъ, но не двигалась съ мѣста.

— Прочно сѣли!—послѣ тщетныхъ попытокъ сказалъ онъ и засмѣялся.

— И будемъ стоять хоть до утра,—съ досадой отозвался Козарновскій... Вотъ не продали бы вы своей лодки, Гольбергъ, не пришлось бы намъ возиться съ этой баркой.

Гольбергъ сидѣлъ, отирая потъ со лба и тяжело дыша; при этихъ словахъ лицо его потемнѣло.

— Вы хотите сказать, что послѣ этого я не имѣю права пользоваться „общественной“ лодкой?—спросилъ онъ.

— Я хочу сказать только то, что сказалъ!—отвѣтилъ Козарновскій, стаскивая сапоги и собираясь лѣзть въ воду.

— Говорилъ же я вамъ тысячу разъ,—раздражаясь сказалъ Гольбергъ,—что продалъ лодку, потому что намъ съ Лизой и дѣтямъ жрать было тогда нечего...

— Опять, опять!—съ тоской глядя на нихъ, проговорила Вѣра Алексѣевна.—Ну, развѣ не вѣрно, что люди портятъ природу?

— Оставьте, Вѣра Алексѣевна, свои поученья!—вспыхнулъ Гольбергъ.

— Оставляю, съ удовольствіемъ оставляю, Гольбергъ!—отвѣтила она, и внезапная рѣшимость освѣтила ея лицо.

— Покойной ночи, господа!—вдругъ размѣялась она и прыгнула съ борта въ воду.

Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ по отмели, она, вытянувъ руки, бросилась въ глубину и поплыла, разсѣкая волны.

На мгновенье всѣ замерли.

— Утонете! вдругъ крикнулъ Козарновскій, — тамъ глубоко!

Грузинъ оборвалъ пѣсню, съ минуту посмотрѣлъ ей вслѣдъ и вдругъ, обросивъ бурку и папаху, рѣшительно шагнулъ въ воду.

Лодка качнулась и поднялась.

— Гребите живо! крикнулъ Гольбергу Козарновскій, хватаясь за весла.

— Держите къ нимъ, Руденко!—говорилъ онъ, пристально слѣдя за двумя фигурами, плывшими впереди.

Онѣ казались маленькими среди бушующей стихіи и то пропадали совсѣмъ, опускаясь въ темную бездну, то, чернѣя, показывались на бѣлыхъ гребняхъ.

— Сумасшедшая! Вѣдь могли-жъ утомуть!—тихо и нѣжно говорилъ грузинъ, сжимая руку женщины, когда они, достигнувъ берега, запыхавшіеся и измученные, встали на ноги.

Она стояла передъ нимъ, вся блестящая отъ стекающей воды, съ затуманенными усталостью глазами, дрожа мелкой нервной дрожью, и тихо смѣялась.

И не разжимая рукъ, они обернулись къ рѣкѣ.

Лодка медленно подплывала къ берегу, ее снесло ниже ихъ.

Одна черная лапа на небѣ протянулась совсѣмъ близко къ лунѣ и казалась ярко-кровою...

А изъ черной глубины все вставали бѣлые гребни и, какъ блѣдныя руки, молящія о помощи, подымались къ небу и падали.

Ольга Давыдова.

Тоска, тоска, не становись
Преградой мрачной и холодной,—
Хочу я видѣть жизнь свободной
И слышу крикъ души: „борись“!

Когда, какъ волны въ тишинѣ,
Въ груди моей проснулись силы,
Не вѣй дыханіемъ могилы,
Не говори печально мнѣ:

„Огонь твой скоро догорить,
Ты только капля въ темномъ морѣ,
Тебя поглотитъ жизни горе
И подъ угрозой примирить“...

Тоска, тоска, не становись
Стѣной холоднаго сомнѣнья,
Когда съ надеждой искупленья
Я слышу крикъ души: „борись“!

А. Лукьяновъ.

Связь грамотности съ факторами хозяйства.

Грамотность, или скромное умѣнье читать и писать, является чрезвычайно выразительнымъ показателемъ культурнаго развитія населенія. Она—тотъ фундаментъ, на которомъ строится дальнѣйшее развитіе человѣка, приобретающаго вмѣстѣ съ грамотностью доступъ къ сокровищницѣ мысли и знанія, созданной человѣчествомъ; она—могучее орудіе въ общеніи людей между собою.

Изученіе грамотности населенія всегда представляло и представляетъ глубокой общественный интересъ: по степени распространенія грамотности можно судить о развитіи въ населеніи изучаемой мѣстности культурныхъ запросовъ, составляющихъ конечный результатъ и смыслъ его дѣятельности.

Идеальное состояніе грамотности въ странѣ мы видимъ во всеобщности ея распространенія. Россія, не только въ цѣломъ, но и въ наиболѣе счастливыхъ своихъ уголкахъ еще далека отъ осуществленія этого идеала.

Чрезвычайно важно выяснить, какія-же условія въ общемъ строѣ народнохозяйственной жизни благоприятствуютъ распространенію грамотности и какія являются тормозомъ.

Въ статистикѣ установлено положеніе, что наиболѣе надежнымъ способомъ полученія свѣдѣній о степени распространенія грамотности въ населеніи служитъ личная перепись этого населенія. При соединеніи-же личной переписи населенія съ изученіемъ основныхъ моментовъ его хозяйственной дѣятельности, обыкновенно получаютъ такой матеріалъ, который допускаетъ возможность выясненія зависимости грамотности отъ главнѣйшихъ условій экономической жизни населенія.

Такой именно материалъ и даютъ въ результатъ земскія подворныя описи, во время которыхъ, на ряду съ регистраціей элементовъ хозяйства, производится и личная перепись населенія.

Въ настоящемъ очеркѣ мы задались цѣлью разсмотрѣть вопросъ о грамотности сельскаго населенія въ связи съ главнѣйшими факторами крестьянскаго хозяйства, на основаніи подворныхъ данныхъ, собранныхъ въ 1897 году по Мышкинскому уѣзду, Ярославск. губерніи, мѣстнымъ земскимъ статистическимъ бюро ¹⁾.

Напередъ оговариваемся передъ читателемъ, что въ дальнѣйшемъ изложеніи его ждетъ довольно продолжительная прогулка по длинному лабиринту цифровыхъ построеній. Но терпѣливый читатель пусть не смущается этимъ обстоятельствомъ: языкъ цифръ хотя и сухъ, но не всегда скученъ и утомителенъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію данныхъ о грамотности населенія, приведемъ хотя самую краткую общую характеристику Мышкинскаго уѣзда.

I.

Мышкинскій уѣздъ въ ряду другихъ уѣздовъ Ярославской губерніи не занимаетъ особенно выдающагося положенія въ какомъ-либо отношеніи; онъ представляетъ скорѣе типъ средняго уѣзда въ губерніи.

Правда, благодаря хорошимъ почвеннымъ условіямъ, производительность его земель выше, чѣмъ въ остальныхъ уѣздахъ губерніи. Земледѣліе здѣсь составляетъ не только исконное главное занятіе крестьянъ, но и отличается значительной устойчивостью и опредѣленно выраженной тенденціей къ прогрессивному развитію. Плугъ и косуля давно уже вытѣснили здѣсь патриархальную соху. Клеверосѣяніе за послѣдніе годы пустило довольно глубокіе корни въ значительной части уѣзда. Воздѣлываніе льна составляетъ выдающуюся отрасль земледѣльческаго хозяйства почти на всемъ пространствѣ уѣзда. Довольно характернымъ выраженіемъ устойчивости земледѣлія въ уѣздѣ служитъ сравнительная обезпеченность населенія своимъ хлѣбомъ: около $\frac{3}{4}$ населенія совершенно не нуждается въ покупкѣ ржаного хлѣба.

Но сравнительно хорошо вознаграждаемый трудъ земледѣльца и его устойчивость въ описываемомъ уѣздѣ не удержали его населенія отъ отхода на сторонніе заработки: болѣе четверти всего мужскаго населенія живетъ круглый годъ въ отхожихъ промыслахъ; вообще же внѣземледѣльческими заработками занято болѣе $\frac{2}{5}$ (42,1%) всего мужскаго населенія уѣзда.

Среднее мѣсто въ ряду другихъ уѣздовъ губерніи занимаетъ

¹⁾ «Статистическое описаніе Ярославск. губ., т. I. Мышкинскій у.» Вып. 1-й (таблицы) и 2-й (текстъ). Яросл. 1900 и 1902 г.

Мышкинскій уѣздъ и по степени развитія грамотности среди его населенія, какъ о томъ свидѣлствуютъ однородныя для всей губерніи свѣдѣнія о грамотности новобранцевъ.

Вообще, являясь типичнымъ во многихъ отношеніяхъ уѣздомъ Ярославской губерніи, Мышкинскій уѣздъ представляетъ несомнѣнный интересъ для изученія, такъ какъ сдѣланные по отношенію къ нему выводы и заключенія могутъ считаться характерными для всей Ярославской губерніи, одной изъ выдающихся губерній сѣверно-промышленной полосы Россіи.

Изученіе грамотности сельскаго населенія этого уѣзда мы начнемъ съ обзора общихъ цифръ, характеризующихъ состояніе грамотности въ уѣздѣ въ годъ земской подворной переписи (1897).

Среди мужскаго населенія уѣзда грамотные, вмѣстѣ съ учащимися, составляютъ больше половины или 59%, среди женщинъ—менѣе одной пятой, только 18,5%; изъ нихъ на долю учащихся мальчиковъ приходится 5,5% всего мужскаго населенія, учащіяся дѣвочки составляютъ 2,1% женскаго населенія.

Приведенныя цифры вполне подтверждаютъ сложившееся мнѣніе о сравнительно высокой степени грамотности ярославлца. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Ярославская губернія вообще и Мышкинскій уѣздъ въ частности стоятъ впереди всѣхъ русскихъ губерній и уступаютъ только губерніямъ Прибалтійскаго края.

Разсмотрѣніе грамотности по возрастнымъ группамъ еще болѣе укрѣпляетъ насъ въ этомъ убѣжденіи.

Среди мальчиковъ школьнаго возраста, отъ 8 до 13 лѣтъ включительно, учащіяся и грамотные составляютъ 66,1%. Въ слѣдующей возрастной группѣ—среди подростковъ 14—17 лѣтъ, уже прошедшихъ школу и вступившихъ въ трудовую жизнь, процентъ грамотныхъ достигаетъ максимума—90,3.

Если и среди дѣтей школьнаго возраста произвести тщательную группировку учащихся по возрастамъ и исключить изъ расчетовъ 8—9-ти-лѣтнихъ мальчиковъ, еще не попавшихъ въ школу, то по отношенію къ остальной части дѣтей школьнаго возраста должны будемъ сдѣлать выводъ, что среди нихъ безъ обученія остаются около 10 чел. изъ 100.

Подтверженіе сдѣланнаго вывода находимъ и въ данныхъ о грамотности новобранцевъ за послѣдніе годы: процентъ грамотныхъ новобранцевъ въ уѣздѣ съ 88,9 въ 1895 г. повысился къ 1899 г. до 92,1, а въ среднемъ за это пятилѣтіе былъ равенъ 89,1.

Всѣми этими данными безспорно устанавливается положеніе, что мужское молодое поколѣніе мышкинскихъ крестьянъ обладаетъ довольно завидной для Россіи грамотностью—около 90%.

Мужское населеніе юношескаго возраста, отъ 18 до 25 лѣтъ, насчитываетъ въ своей средѣ грамотныхъ немного меньше—87,3%, болѣе зрѣлагаго возраста, отъ 25 до 35 лѣтъ,—79,9% грамотныхъ; среди населенія въ возрастѣ отъ 35 до 45 лѣтъ грамотные муж-

чины составляютъ 72,8%, въ возрастѣ отъ 45 до 60 лѣтъ—61,4% и, наконецъ, среди стариковъ 60-ти и старше лѣтъ грамотныхъ насчитывается только 36,5%.

Грамотность среди женщинъ развита, конечно, значительно слабѣе.

Въ школьномъ возрастѣ (8—12 лѣтъ) учащіяся и грамотныя дѣвочки составляютъ только 29,2%; но среди дѣвочекъ—подростковъ (13—15 лѣтъ) процентъ грамотныхъ возрастаетъ уже до 49,7. Это опять самая грамотная возрастная группа населенія. Затѣмъ процентъ грамотныхъ женщинъ съ увеличеніемъ ихъ возраста замѣтно падаетъ: сперва до 38 для 16—24 лѣтняго возраста, потомъ до 24,4 для 26—34 л., до 11,1 для 35—44 л. и до 7,3 для 46—54 лѣтняго возраста; среди же старухъ 55-ти и старше лѣтъ грамотныя составляютъ только 2,3%.

Чтобы закончить общую характеристику грамотности мышкинскихъ крестьянъ, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ объ источникахъ приобрѣтенія этой грамотности.

Оказывается, что половина грамотныхъ мужчинъ уѣзда прошли черезъ правильно организованную школу: земскую, церковно-приходскую и министерскую. Въ земскихъ школахъ обучались 37,4% грамотныхъ мужчинъ, въ церковно-приходскихъ—10,4%, въ министерскихъ и городскихъ—2,5%. Остальная половина грамотныхъ училась главнымъ образомъ у своихъ деревенскихъ грамотеевъ и грамотеекъ (38,7%), затѣмъ, либо дома и самоучкой (5,2%), либо въ школахъ грамоты (2,1%), у духовныхъ лицъ (1,5%) и на военной службѣ (0,7%).

Среди женщинъ процентъ прошедшихъ правильно организованную школу оказался значительно выше: учившіяся въ земскихъ школахъ составляютъ 39,5%, въ церковно-приходскихъ—17,5% общего количества грамотныхъ женщинъ. Соответственно этому понизился процентъ обучавшихся у грамотеевъ до 24 и учившихся дома и самоучкой—до 8.

Приведенныя данныя, въ связи съ данными о возрастномъ составѣ грамотнаго населенія, приводятъ насъ къ заключенію, что стремленіе къ обученію женщинъ въ Мышкинскомъ уѣздѣ получило особенно сильный толчекъ въ пореформенную эпоху, когда земствомъ впервые была создана правильно организованная начальная школа, въ широко открытыя двери которой и хлынули толпы дѣтей освобожденнаго народа. Эта школа въ развитіи грамотности среди женскаго населенія Мышкинскаго уѣзда сыграла особенно важную роль: черезъ нее прошли $\frac{2}{3}$ всѣхъ грамотныхъ женщинъ.

Въ средѣ мужского населенія стремленіе къ грамотности обнаружилось и получило довольно широкое развитіе еще до крестьянской и земской реформъ. Очевидно, и тогда уже жизненные требованія были таковы, что заставляли мужское населеніе вооружаться грамотой, хотя бы и очень скромной. Эта жизненная потребность находила свое удовлетвореніе въ обуче-

ни грамотѣ у разнаго рода грамотеевъ и, въ особенности, грамотеевъ, среди которыхъ очень видную роль играли такъ называемыя здѣсь „дѣвцы“, продолжающія свою скромную просвѣтительную работу еще и въ наши дни.

Итакъ, грамотность среди сельскаго населенія Мышкинскаго уѣзда развита очень высоко; но до всеобщаго ея распространенія и здѣсь, въ этомъ счастливомъ уголкѣ Россіи, еще довольно далеко. Въ самой грамотной части мужскаго населенія, въ молодомъ его поколѣннн, все-таки еще 10 человекъ изъ 100 остаются вовсе безъ всякаго обученія. Таковъ средній выводъ для всего уѣзда вообще. Очевидно, и въ немъ есть мѣстности, а главное — существуютъ группы населенія, въ средѣ которыхъ процентъ безграмотныхъ еще выше.

Какія-же это группы? Какъ велико различіе въ степени ихъ грамотности и чѣмъ оно обусловливается?—Вотъ вопросы, освѣщеніе которыхъ цифрами массоваго наблюденія представляется чрезвычайно интереснымъ.

Посмотримъ, что дадутъ намъ въ этомъ отношеніи матеріалы подворной переписи по Мышкинскому уѣзду, сведенные въ указанныхъ выше изданіяхъ Ярославскаго статистическаго бюро въ подробныя комбинаціонно-групповыя таблицы.

II.

Оговоримся прежде всего, что въ рассматриваемыя нами комбинаціонно-групповыя таблицы по Мышкинскому уѣзду вошли только наличныя надѣльныя хозяйства, а безнадѣльное наличное населеніе и все отсутствующее, въ табличную сводку не вошло. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ главной массой кореннаго населенія деревни, не порвавшаго связи съ землею.

Для выясненія степени грамотности населенія, въ различныхъ его группахъ, мы возьмемъ слѣдующіе, наиболѣе характерные 4 показателя: 1) процентъ семей съ грамотными и учащимися; 2 и 3) процентъ грамотныхъ, вмѣстѣ съ учащимися, мужчинъ и женщинъ, каждаго въ своему полу, и 4) процентъ окончившихъ курсъ мужчинъ ко всему мужскому населенію.

Этими показателями, намъ думается, вполне характеризуется какъ степень распространенія грамотности, такъ и ея относительной прочности (процентъ окончившихъ).

Изъ комбинаціонныхъ группировокъ крестьянскихъ дворовъ, остановимся прежде всего на двухъ основныхъ, построенныхъ на сочетаніи коренныхъ экономическихъ факторовъ крестьянскаго хозяйства: на группировкѣ по размѣрамъ надѣльнаго землевладѣнія и по количеству домашняго скота. Надѣльная земля составляетъ, дѣйствительно, основу земледѣльческаго хозяйства крестьянина, а домашній скотъ—самый значительный капиталъ, вкладываемый въ хозяйство.

Группировка крестьянскихъ хозяйствъ по основнымъ двумъ признакамъ въ ихъ взаимной связи рисуетъ слѣдующую картину

грамотности надѣльнаго наличнаго крестьянскаго населенія Мышкенскаго уѣзда:

1. Процентъ семей съ грамотными и учащимися.

Въ хозяйствахъ, имѣющихъ надѣльной земли:

	Менѣе 3 дес.	Отъ 3, ₀ до 4, ₉ дес.	Отъ 5, ₀ до 6, ₉ дес.	Отъ 7, ₀ до 9, ₉ дес.	Отъ 10, ₀ до 14, ₉ дес.	15, ₀ и бо- льше дес.
Въ хозяйствахъ, имѣю- щихъ домашняго скота (въ переводѣ на крупный):	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
I. Менѣе 1, ₀ головы . . .	65, ₈	70, ₄	79, ₀	80, ₄	85, ₉	—
II. Отъ 1, ₀ до 1, ₉ головы . . .	75, ₉	73, ₆	82, ₀	83, ₆	87, ₂	—
III. Отъ 2, ₀ до 3, ₉ „ . . .	80, ₈	84, ₇	87, ₅	87, ₉	94, ₇	94, ₅
VI. 4, ₀ головы и болѣе . . .	91, ₈	91, ₈	94, ₆	94, ₅	97, ₂	98, ₉

2. Процентъ грамотныхъ и учащихся мужчинъ.

I. Менѣе 1, ₀ головы . . .	41, ₇	48, ₇	50, ₄	48, ₄	55, ₅	—
II. Отъ 1, ₀ до 1, ₉ головы . . .	50, ₁	53, ₅	54, ₈	53, ₆	57, ₀	—
III. Отъ 2, ₀ до 3, ₉ „ . . .	54, ₆	53, ₈	56, ₀	56, ₆	61, ₄	68, ₈
IV. 4 головы и болѣе . . .	52, ₀	59, ₅	58, ₈	59, ₂	62, ₈	63, ₇

3. Процентъ грамотныхъ и учащихся женщинъ.

I. Менѣе 1, ₀ головы . . .	7, ₂	11, ₈	13, ₅	12, ₁	8, ₀	—
II. Отъ 1, ₀ до 1, ₉ головы . . .	13, ₆	15, ₀	15, ₉	14, ₈	16, ₈	—
III. Отъ 2, ₀ до 3, ₉ „ . . .	18, ₂	16, ₆	17, ₂	17, ₂	16, ₀	24, ₀
IV. 4, 0 гол. и болѣе . . .	—	19, ₉	22, ₅	21, ₀	22, ₂	24, ₆

4. Процентъ мужчинъ, окончившихъ курсъ начальной школы.

I. Менѣе 1, ₀ головы . . .	2, ₈	5, ₉	6, ₆	7, ₈	6, ₀	—
II. Отъ 1, ₀ до 1, ₉ головы . . .	3, ₆	8, ₉	8, ₆	8, ₈	10, ₈	—
III. Отъ 2, ₀ до 3, ₉ „ . . .	4, ₄	9, ₈	10, ₄	11, ₈	13, ₅	20, ₅
IV. 4 гол. и болѣе . . .	12, ₀	14, ₀	13, ₈	15, ₀	17, ₀	19, ₂

Въ приведенной таблицѣ группы хозяйствъ расположены въ восходящемъ порядкѣ по направленію отъ наименѣе обеспеченныхъ землемъ и скотомъ къ самымъ зажиточнымъ. Надѣльно-наличныя хозяйства уѣзда (15,471) разбиты здѣсь на 24 группы, и каждая изъ нихъ, за исключеніемъ самыхъ крайнихъ, имѣетъ болѣе или менѣе значительный процентъ представителей. Два крайніе полюса мышкенской деревни—хозяйства самыя бѣдныя и самыя богатяя—лежатъ въ разсматриваемыхъ цифровыхъ рядахъ на концахъ діагонали, проведенной съ лѣваго верхняго къ правому нижнему углу cadaго ряда.

Каково же состояніе грамотности въ этихъ крайнихъ группахъ крестьянскаго населенія современной деревни?

У бѣдняковъ больше $\frac{1}{3}$ хозяйствъ (84,2%) не имѣютъ ни одного грамотнаго и ни одного учащагося члена семьи, тогда

какъ у богатѣевъ такихъ „темныхъ“ семей встрѣчается только 11 на 1000 (1,1%). Грамотные мужчины вмѣстѣ съ учащимися мальчиками у первыхъ составляютъ 41,7%, т. е. немного больше $\frac{2}{5}$ всего мужского населенія, а у вторыхъ уже $\frac{2}{3}$ (63,7—68,8%).

Еще болѣе глубокою оказывается пропасть между крайними группами крестьянскихъ хозяйствъ по степени распространенія грамотности среди женщинъ. Въ семьяхъ бѣдныхъ грамотныя и учащіяся женщины не составляютъ и десятой доли всего женскаго населенія (7,2%); въ зажиточныхъ же ихъ насчитываемъ уже почти цѣлую четверть (24,6%).

Послѣдніе (4) ряды цифровыхъ данныхъ, еще разъ краснорѣчиво подчеркивая только-что сдѣланный выводъ объ огромной разницѣ въ степени грамотности различныхъ группъ хозяйствъ, свидѣтельствуютъ, кромѣ того, и о значительной качественной разницѣ самой грамотности: у хозяйствъ бѣдныхъ она, очевидно, не особенно прочна и надежна, такъ какъ кончившіе курсъ правильно организованной школы составляютъ здѣсь ничтожный процентъ по отношенію ко всему мужскому населенію (2,8%); у семей же зажиточныхъ кончившіе достигаютъ уже не менѣе $\frac{1}{6}$ общаго числа мужчинъ (19,2—20,5%).

Таковъ главный выводъ, основанный на разсмотрѣніи крайнихъ цифръ приведенной таблицы. Вникая же во внутреннее содержаніе cadaго цифрового ряда, найдемъ не только подтвержденіе этого вывода, но и дальнѣйшее его развитіе и подкрѣпленіе.

Разсматривая, напр., каждую земельную группу хозяйствъ въ отдѣльности, съ поразительной отчетливостью видимъ, что при одинаковомъ обеспеченіи надѣльною землею, но съ измѣненіемъ количества домашняго скота, принятые нами показатели грамотности измѣняются въ населеніи съ замѣчательной правильностью и въ полномъ соотвѣтствіи съ имѣющимся у населенія количествомъ домашняго скота: въ группахъ, слабо обеспеченныхъ скотомъ, показатели грамотности достигаютъ минимума, а затѣмъ правильно повышаются по направленію къ группамъ, наиболѣе обеспеченнымъ скотомъ. Отступленія отъ этого правила ничтожны и касаются только немногочисленныхъ, по составу хозяйствъ, крайнихъ группъ.

Отмѣченная закономерность настолько правильна и послѣдовательна, что допускаетъ извѣстное цифровое выраженіе. Такъ, по отношенію къ проценту семей съ грамотными, на примѣрѣ II, III, IV и V-й земельныхъ группъ, охватывающихъ 91,4% всѣхъ хозяйствъ уѣзда, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: каждая лишняя голова скота въ хозяйствѣ, при одинаковыхъ условіяхъ надѣльнаго землевладѣнія, увеличиваетъ число семей съ грамотными и учащимися на 2 въ каждыхъ 100 хозяйствахъ. То же самое можно сказать и по отношенію къ грамотности мужского населенія: каждая лишняя голова скота въ хозяйствѣ сопровождается, при равныхъ условіяхъ надѣльнаго землевладѣнія, уве-

личением грамотных на 1,8—2, а окончивших курс на 1,5—2 человека на каждые 100 лиц мужского населения.

Итак, мы пришли к следующему бесспорному положению: распространение грамотности в сельском населении находится, при прочих равных условиях, в прямой связи с обеспечением населения домашним скотом.

К аналогичному заключению приводит и изучение зависимости между грамотностью населения и обеспечением его надельною землею.

Детальное рассмотрение вышеприведенных цифровых рядов показывает, что, при равных условиях обеспечения населения домашним скотом, на распространение грамотности в населении оказывает влияние размер надельного землевладения: чем он выше, тем распространение и прочее в населении грамотность, и обратно—слабому обеспечению населения землею соответствует и слабо развитая в нем грамотность. И вообще взятые нами показатели грамотности изменяются в населении в прямой зависимости от изменения земельного обеспечения различных групп хозяйств. Если эта зависимость в нашей таблице сказывается менее правильно и последовательно, чем рассмотренная выше зависимость между грамотностью и размерами скотовладения, так это объясняется, во-первых, большей дробностью земельных групп, а во вторых—косвенным влиянием купчей земли, которой не все группы хозяйств обеспечены в одинаковой степени, что и не могло не внести некоторых, очень незначительных, впрочем, диссонансов в построенные нами ряды цифр.

Во всяком же случае из предыдущего изложения можно сделать следующий общий вывод: развитие грамотности в сельском населении находится в прямой зависимости от степени обеспечения населения, с одной стороны, домашним скотом, а с другой—надельною землею.

III.

До сих пор мы рассматривали влияние на развитие грамотности в сельском населении основных экономических факторов хозяйства в их взаимном сочетании.

Введем теперь в наши статистические выкладки новый элемент народно-хозяйственной жизни, фактор социально-экономического порядка — *характер промысловых* вземледельческих занятий населения.

В комбинационных таблицах по Мышкинскому уезду крестьянские хозяйства разбиты на четыре группы в зависимости от отношения населения к вземледельческой промысловой деятельности: 1) первую группу составляют семьи без всяких вземледельческих промыслов; 2) вторую—семьи с домашними промышленниками: кустиками, ремесленниками, мѣст-

ными торговцами и пр.; 3) въ третью вошли семьи съ промышленниками „мѣстными“, работающими по своей округѣ (пастухи, батраки, бродячіе плотники, пильщики и портные и т. п.); четвертую группу, наконецъ, составили семьи съ промышленниками отхожими, преимущественно „питеряками“.

Получились довольно крупныя, хотя и неравномѣрныя группы хозяйствъ: къ первой отошла почти ровно четверть всѣхъ хозяйствъ уѣзда—23,8%; хозяйства, занятыя, кромѣ земледѣлія, исключительно домашними промыслами, составили только 10,1%; немного больше оказалось и хозяйствъ съ промышленниками мѣстными, именно — 11,1%; самую же многочисленную группу составили хозяйства, отпускающія своихъ членовъ въ отхожіе заработки, преимущественно столичныя,—къ ней отошли 55% общего числа надѣльныхъ наличныхъ хозяйствъ уѣзда.

Пользуясь комбинаціонными таблицами Мышкинскаго „Описанія“, мы каждую изъ промысловыхъ группъ разбивали затѣмъ на самостоятельныя группы по двумъ, уже рассмотрѣннымъ нами, признакамъ: по количеству домашняго скота и по размѣру надѣльнаго землевладѣнія.

Останавливаясь на комбинаціонной группировкѣ дворовъ по промысламъ и по скоту, получаемъ слѣдующіе ряды цифръ, характеризующіе развитіе грамотности въ населеніи въ зависимости отъ названныхъ условій.

1. Процентъ семей съ грамотными и учащимися.

Въ хозяйствахъ, имѣющихъ домашняго скота (въ переводѣ на крупный):

Группировка хозяйствъ по промысламъ.	Въ хозяйствахъ, имѣющихъ домашняго скота (въ переводѣ на крупный):			
	Менѣе 1,0 головы.	Отъ 1,0 до 1,9 головы.	Отъ 2,0 до 3,9 головы.	4,0 головы и болѣе.
	I.	II.	III.	IV.
I. Хозяйства безъ промышленниковъ	47,8	53,4	78,1	90,6
II. „ съ домашними промышленниками	56,1	72,7	83,2	93,6
III. „ съ мѣстными пром.	66,8	74,2	84,3	92,6
IV. „ съ отхожими „	85,8	91,1	95,3	98,6

2. Процентъ грамотныхъ и учащихся мужчинъ.

I. Хозяйства безъ промышленниковъ	40,8	45,9	49,4	50,.
II. „ съ домашними промышленниками	46,6	47,8	47,1	55,6
III. „ съ мѣстными пром.	36,8	39,4	45,6	48,0
IV. „ съ отхожими „	55,2	60,5	62,9	65,3

3. Процентъ грамотныхъ и учащихся женщинъ.

I.	Хозяйства безъ промышленниковъ	10,8	13,7	16,2	18,4
II.	„ съ домашними промышленниками . .	6,8	13,4	15,1	22,0
III.	„ съ мѣстными пром.	8,0	9,4	13,0	18,9
IV.	„ съ отхожими „	13,8	17,5	19,7	23,8

4. Процентъ мужчинъ, окончившихъ курсъ начальной школы.

I.	Хозяйства безъ промышленниковъ	3,8	5,4	6,9	7,7
II.	„ съ домашними промышленниками . .	2,4	3,6	5,4	13,1
III.	„ съ мѣстными пром.	2,3	4,4	6,4	12,1
IV.	„ съ отхожими „	8,4	11,0	14,5	19,4

Необходимо прежде всего отмѣтить полное подтвержденіе приведенными цифрами сдѣланнаго въ предыдущей главѣ вывода о томъ вліяніи, какое оказываетъ на развитіе грамотности въ населеніи, обезпеченіе его домашнимъ скотомъ. Всѣ, безъ исключенія, показатели грамотности и во всѣхъ промысловыхъ группахъ говорятъ одно: ростъ грамотности въ сельскомъ населеніи прямо пропорціоналенъ размѣрамъ скотовладѣнія.

Каково же вліяніе, оказываемое на развитіе грамотности промысловой дѣятельностью населенія?

Внимательно разсматривая приведенную таблицу, не можемъ не замѣтить прежде всего рѣзкой разницы въ степени грамотности, отличающей группу хозяйствъ съ отхожими промышленниками отъ прочихъ группъ населенія: всѣ показатели грамотности у отхожихъ промышленниковъ значительно выше, чѣмъ у остальныхъ группъ.

Второе мѣсто по развитію грамотности занимаетъ группа хозяйствъ съ домашними промышленниками; а на послѣднемъ стоятъ хозяйства вовсе безъ промышленниковъ и съ промышленниками мѣстными. По проценту грамотныхъ семей группа хозяйствъ съ мѣстными промышленниками, какъ будто, значительно превосходитъ группу непромысловую, но за то, по проценту грамотныхъ мужчинъ и женщинъ и окончившихъ мужчинъ, первая группа стоитъ выше второй.

Среди отхожепромышленниковъ вообще грамотность получила такое широкое распространеніе, какого она въ другихъ промысловыхъ группахъ достигаетъ только при высшей степени экономического обезпеченія, выражающагося въ размѣрѣ скотовладѣнія. Такъ, процентъ грамотныхъ семей у отхожепромышленниковъ, даже въ группѣ, слабо обезпеченной скотомъ, достигаетъ уже той высоты, какой онъ въ хозяйствахъ съ домашними и мѣстными промышленниками не достигаетъ и въ III-й сравнительно хорошо обезпеченной скотомъ группѣ, а въ хозяйствахъ

непромысловыхъ—достигаетъ только въ послѣдней, самой богатой скотомъ группѣ населенія.

Процентъ грамотныхъ мужчинъ у отхожепромышленниковъ даже въ самой бѣдной по скоту группѣ оказывается значительно выше, чѣмъ въ наиболѣе обезпеченныхъ скотомъ группахъ у непромысловыхъ семей и у занятыхъ только мѣстными промыслами, и почти равенъ проценту наиболѣе богатой по скоту группы среди домашнихъ промышленниковъ. Почти то же самое можно сказать и по отношенію къ окончившимъ курсъ начальной школы грамотнымъ мужчинамъ, а въ нѣсколько смягченномъ видѣ—и по отношенію къ грамотности женщинъ.

Такимъ образомъ не трудно заключить, что въ развитіи грамотности самымъ могучимъ факторомъ является отхожій промыселъ, вліяніе котораго въ этомъ отношеніи настолько велико, что наблюдаемая при другихъ условіяхъ различія въ степени грамотности, зависящая отъ неодинаковой экономической обезпеченности населенія, въ группѣ хозяйствъ съ отхожими промышленниками оказываются въ значительной степени сглаженными.

Къ такимъ же самымъ результатамъ приводитъ насъ и изученіе зависимости грамотности отъ промышленной дѣятельности населенія, въ связи съ вліяніемъ на нее различнаго размѣра дѣльнаго землевладѣнія.

Изъ детальнаго рассмотрѣнія соответствующей комбинаціонной таблицы прежде всего оказывается, что при одинаковыхъ условіяхъ промышленной дѣятельности населенія наиболѣе грамотными являются группы хозяйствъ, лучше обезпеченныя землею, и наоборотъ.

Точно также этими данными краснорѣчиво подтверждается сдѣланное раньше заключеніе о томъ громадномъ вліяніи, какое оказываетъ развитіе въ сельскомъ населеніи отхожихъ промысловъ на ростъ его грамотности. Всѣ разсматриваемые нами показатели грамотности, безъ всякихъ исключеній, опять свидѣтельствуютъ, что отхожепромысловое населеніе во всѣхъ земельныхъ группахъ оказывается значительно грамотнѣе населенія, занятаго другими видами внѣземледѣльческихъ промысловъ и вовсе ими незанятаго. Насколько сильно вліяніе въ этомъ направленіи отхожихъ промысловъ, видно изъ слѣдующихъ сопоставленій.

Въ хозяйствахъ, не имѣющихъ промышленниковъ, % семей съ грамотными и учащимися въ первой земельной группѣ опускается до 59,6 и въ послѣдней доходитъ до 94,6; слѣдовательно, амплитуда колебаній этого процента равняется 35,0. Въ семьяхъ домашнихъ промышленниковъ та-же амплитуда равняется 30,2 (95,7—65,5), у мѣстныхъ—24,6 (94,1—69,5), а у отхожепромышленниковъ—уже только 8,2 (99,2—91,0). Такимъ образомъ, отходъ огладилъ разницу въ земельномъ обезпеченіи населенія, поскольку это обезпеченіе отражается на развитіи семейной грамотности, въ три или четыре раза.

У отхожепромышленниковъ въ самой бѣдной по количеству надѣльной земли группѣ хозяйствъ процентъ грамотныхъ и учащихъ мужчинъ достигаетъ 56,9, т. е. такой цифры, какой не достигаетъ ни въ одной земельной группѣ у хозяйствъ непромысловыхъ или у занятыхъ мѣстными промыслами, а у занятыхъ домашними промыслами достигаетъ только въ двухъ наиболѣе обеспеченныхъ землею группахъ. Другими словами, самыя богатая въ земельномъ отношеніи группы хозяйствъ, вовсе незанятыхъ промыслами, или занятыхъ домашними и мѣстными промыслами, по развитію грамотности едва могутъ сравняться съ наименѣе обеспеченными надѣльною землею группами хозяйствъ среди отхожепромышленниковъ.

Въ нѣсколько ослабленномъ видѣ вышеприведенныя разсужденія приложимы и къ грамотности женщинъ, и къ окончившимъ начальную школу мужчинамъ.

Однимъ словомъ, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ огромномъ вліяніи, какое оказываетъ на фивіономію грамотности сельскаго населенія отхожій промыселъ.

IV.

Изученіе вліянія промысловъ на развитіе грамотности въ населеніи было бы неполно, если бы мы не познакомились со степенью грамотности различныхъ категорій промышленниковъ, начиная отъ домашнихъ, кустарныхъ и ремесленныхъ промысловъ и кончая различными видами отхода.

Для этой цѣли обратимся къ матеріаламъ той-же подворной переписи и воспользуемся данными о грамотности промышленниковъ. Возьмемъ наиболѣе распространенныя въ уѣздѣ категоріи промышленниковъ-мужчинъ и посмотримъ, какъ великъ среди нихъ процентъ грамотныхъ. Чтобы рельефнѣе отгвѣнить вліяніе на развитіе грамотности столичнаго отхода, сопоставимъ по каждой профессиональной группѣ процентъ грамотныхъ съ процентомъ промышленниковъ, живущихъ въ столицахъ; а для общей характеристики промысловъ приведемъ еще средній возрастъ промышленника каждой категоріи.

Получается слѣдующая табличка:

Промышленники.	Средн. возрастъ промышлен.	% грамотныхъ.	% живущ. въ СПб. и Москвѣ.
Батраки.	35,2	59,0	—
Пахари-сдѣльщики.	43,5	58,7	—
Пастухи.	27,1	46,2	—
Горшели-кустари.	44,8	36,5	—
Портные-бродячіе.	39,2	57,4	—
Пильщики-бродячіе.	37,5	53,8	—

Плотники-бродячіе	41,0	57,0	—
Извозъ мѣстный	42,7	60,4	—
Ломовые извозчики	33,5	84,3	88,8
Крючники	36,3	54,3	14,1
Хлѣбопеки и булочники	28,6	85,7	89,7
Кондитеры	24,4	96,6	88,3
Колбасники	27,5	84,7	85,1
Рабочіе на водочныхъ заводахъ	28,5	88,9	94,2
Обойщики	23,7	90,8	97,3
Торговцы мясомъ, дичью и пр.	25,9	96,1	98,1
Торговцы молочными продуктами	22,9	98,1	99,1
Торговцы фруктами	24,9	99,4	97,6
Торговцы мануфакт. товарами	20,7	100,0	96,9
Мелочные торговцы	22,9	98,3	93,2
Трактирная прислуга	26,4	90,7	90,1
Повора	26,8	93,9	90,9
Дворники	42,8	81,4	93,6

Слабѣе всѣхъ въ отношеніи грамотности оказались кустари-горшелои и, затѣмъ, пастухи: среди названныхъ промышленниковъ грамотные составляютъ менѣе половины.

Слѣдующую группу по степени распространенія грамотности (отъ 50 до 60%) составляютъ промышленники, занятые промысломъ или дома, при своемъ хозяйствѣ, каковы: пахари-сдѣльщики, возчики дровъ, лѣса, мѣстныхъ товаровъ,—или въ округѣ, напр.: батраки, бродячіе портные, пильщики и плотники. Къ этой-же группѣ примыкаютъ и крючники, работающіе главнымъ образомъ въ Рыбинскѣ или вообще въ предѣлахъ Ярославской губерніи и отпускающіе изъ своей среды въ столицы только 14,5%, не болѣе $\frac{1}{7}$ части.

Затѣмъ слѣдуютъ категоріи промышленниковъ, занятыхъ въ обрабатывающей промышленности и живущихъ, по преимуществу, въ столицахъ. Среди нихъ грамотность развита очень высоко: грамотные составляютъ отъ 84,7 до 96,6%.

Но самыми грамотными промышленниками оказались торговцы по найму, живущіе въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ по столичнымъ городамъ. Среди торговцевъ безграмотныхъ насчитывается не болѣе 5-ти человекъ на 100; въ нѣкоторыхъ-же видахъ торговли, какъ напр.: въ мануфактурной, молочной, фруктовой и мелочной, наблюдается почти поголовная грамотность промышленниковъ; но зато почти всѣ они поголовно и живутъ либо въ Петербургѣ, либо въ Москвѣ.

Даже трактирная прислуга, или знаменитые ярославскіе „шестерка“¹⁾ выдѣляютъ изъ своей среды выше 90% грамотныхъ и, надо прибавить, ровно такой-же процентъ ихъ живетъ въ столичныхъ городахъ.

Вообще послѣдняя таблица даетъ новое и весьма краснорѣ-

1) Шестерка—одна изъ самыхъ послѣднихъ по своему значенію картъ въ игрѣ; такъ и трактирный половой, въ особенности мальчишъ, играетъ послѣднюю роль въ средѣ ярославцевъ-отхожепромышленниковъ.

чивое доказательство того громаднаго вліянія, какое оказываетъ на развитіе грамотности въ населеніи промысловый отходъ.

И это вполне понятно.

Отправляясь на заработки въ такіе культурные и экономическіе центры, какъ обѣ наши столицы, промышленникъ прежде всего долженъ наилучшимъ образомъ вооружить себя, чтобы вѣрнѣе обезпечить за собою успѣхъ на многочисленномъ и требовательномъ рынкѣ труда. Однимъ изъ могучихъ средствъ этого вооруженія является грамотность, которою и старается заручиться отхожепромышленникъ.

Съ другой стороны самая жизнь на сторонѣ, въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, разнообразныя тамъ встрѣчи и столкновения не могли не отразиться на умственномъ кругозорѣ отходчика, на его собственныхъ культурныхъ запросахъ, повышеніе которыхъ и находитъ свое выраженіе прежде всего въ болѣе развитой грамотности.

И само населеніе смотритъ на отходъ, какъ на школу, пройти которую считаетъ обязательнымъ для всякаго, кто не хочетъ на всю жизнь остаться „сѣрымъ“, „необразованнымъ“ деревенскимъ жителемъ ¹⁾.

V.

Въ предыдущей главѣ мы констатировали, что подъ вліяніемъ неумолимыхъ требованій практической жизни, нѣкоторыя категоріи крестьянскаго населенія (отходчики) Мышкинскаго уѣзда достигли почти поголовной грамотности. И это въ то время, когда въ уѣздѣ, въ мѣстномъ земствѣ, вопросъ о всеобщемъ обученіи еще какъ слѣдуетъ не поднимался и не обсуждался. А по скромнымъ расчетамъ губернской школьной комиссіи для этого уѣзда потребуется еще построить не меньше 25 школъ, чтобы покрыть уѣздъ „нормальной“ школьной сѣтью.

Но есть ли основанія твердо рассчитывать, что при современныхъ социальныхъ и экономическихъ условіяхъ, съ устройствомъ нормальной школьной сѣти, возможно осуществленіе задачи всеобщаго распространенія грамотности въ сельскомъ населеніи?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ необходимо сдѣлать нѣкоторое отступленіе въ сторону и вернуться нѣсколько назадъ.

Раньше нами было установлено положеніе, что развитіе грамотности въ населеніи находится въ прямой зависимости отъ степени обезпеченія населенія надѣльной землею, и что самой слабой грамотностью отличаются группы населенія, обладающія минимальнымъ земельнымъ надѣломъ.

¹⁾ См. у *Ильина* отзывы г.г. Жбанкова и Кириллова о значеніи отхода. „Развитіе капитализма въ Россіи,“ стр. 457—458.

Логически развивая это положеніе и распространяя его на группу крестьянъ безнадѣльныхъ, à priori заключаемъ, что въ этой группѣ населенія грамотность должна быть ниже, чѣмъ въ населеніи, обладающемъ хотя бы самымъ незначительнымъ земельнымъ надѣломъ.

Посмотримъ, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ.

По подворной переписи Мышкинскаго уѣзда грамотность личнаго безнадѣльнаго населенія характеризуется слѣдующими цифрами:

1) Семьи съ грамотными и учащимися составляютъ	46,8%
2) Грамотные и учащіеся мужчины	50,0%
3) " " " " женщины	12,9%
4) Окончившіе начальную школу мужчины	8,1%

Только процентъ грамотныхъ семей до извѣстной степени подтверждаетъ наше априорное заключеніе. Но *семья* безнадѣльнаго крестьянства не можетъ идти въ сравненіе съ семьей крестьянъ надѣльныхъ: у надѣльнаго населенія, въ наименѣе обеспеченной землей I-й группѣ хозяйствъ, средняя семья состоитъ изъ 3,9 человекъ (отъ 3,7 до 5,1), а средняя семья у безнадѣльныхъ—только 2,4 человека. Въ виду такой существенной разницы въ величинѣ средней семьи двухъ названныхъ категорій населенія, едва-ли есть смыслъ сравнивать показатели грамотности семей по этимъ категоріямъ. Правда, и возрастной составъ надѣльнаго и безнадѣльнаго населенія весьма различенъ. Процентъ дѣтей дошкольнаго возраста, понижающій, при нашемъ способѣ опредѣленія грамотности, ея процентъ, значительно выше у надѣльнаго населенія; но зато въ большей мѣрѣ у безнадѣльныхъ повышенъ процентъ лицъ старческаго возраста, почти также безграмотныхъ, какъ и дѣти дошкольнаго возраста. Такимъ образомъ, при всемъ различіи своего возрастнаго состава, эти двѣ категоріи населенія, при нашемъ сравненіи въ отношеніи обеспеченія ихъ грамотностью, представляютъ собою почти однородныя и вполне сравнимыя между собою группы.

Грамотность среди мужчинъ и женщинъ у безнадѣльныхъ крестьянъ оказывается значительно выше, чѣмъ во многихъ группахъ крестьянъ надѣльныхъ. Такъ, по проценту грамотныхъ и учащихся мужчинъ, безнадѣльные превосходятъ всѣ группы надѣльнаго населенія, занятаго мѣстными промыслами, почти всѣ группы непromысловыхъ хозяйствъ, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ, наиболѣе обеспеченныхъ надѣльною землею, и большую часть населенія, занятаго домашними промыслами. Грамотность безнадѣльныхъ мужчинъ оказывается въ среднемъ выше, чѣмъ вообще у надѣльнаго населенія I-й земельной группы. По проценту грамотныхъ женщинъ безнадѣльное населеніе также соперничаетъ со многими надѣльными группами, хотя и не такъ рѣшительно, какъ по проценту грамотныхъ мужчинъ.

Замѣчательно, что и въ отношеніи прочности, грамотность безнадѣльныхъ мужчинъ превосходитъ грамотность многихъ группъ надѣльнаго населенія.

Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что потеря населеніемъ надѣльной земли далеко еще не знаменуетъ собою культурнаго упадка этой части населенія.

Конечно, рассматриваемое нами безнадѣльное населеніе, живущее въ деревнѣ, имѣетъ нѣкоторое обезпеченіе въ купчей землѣ и домашнемъ скотѣ. Но, въ сравненіи съ надѣльнымъ населеніемъ, это обезпеченіе ничтожно: въ самой бѣдной надѣльной группѣ процентъ хозяйствъ не сѣющихъ доходитъ только до 6,4, а среди безнадѣльныхъ—до 60,7; процентъ хозяйствъ безъ всякаго скота у первыхъ равняется 17,4, а у вторыхъ доходитъ до 77.

Несмотря, однако, на кажущуюся экономическую бѣдность, безнадѣльное населеніе въ отношеніи грамотности является лучше обезпеченнымъ, чѣмъ населеніе надѣльное, въ его наименѣ устойчивыхъ группахъ хозяйствъ. Очевидно, владѣніе небольшимъ количествомъ надѣльной земли, при современныхъ условіяхъ надѣльнаго землевладѣнія и землепользованія, не только не можетъ дать населенію прочнаго имущественнаго обезпеченія, но и является тяжелымъ для него бременемъ, связывающимъ ему руки, подавляющимъ личную его энергію и тормозящимъ его духовное развитіе.

Эта мысль находитъ косвенное подкрѣпленіе и на примѣрѣ населенія отсутствующаго, окончательно порвавшаго связь съ землею и покинувшаго деревню.

Возьмемъ, для удобства сравненія, однородную группу безнадѣльнаго отсутствующаго населенія. Показатели его грамотности выражаются слѣдующими цифрами:

- | | | | |
|------------------------------------|-------------|---|---------|
| 1) Семьи съ грамотными и учащимися | составляютъ | — | 55,8% |
| 2) Грамотные и учащіеся мужчины | ” | ” | — 51,7% |
| 3) ” ” ” женщины | ” | ” | — 18,6% |

Въ виду неполноты регистраціи лицъ дѣтскаго возраста среди отсутствующаго населенія, приведенные показатели грамотности могли оказаться нѣсколько повышенными, но не настолько рѣзко, чтобы исключалась возможность сравненія отсутствующаго безнадѣльнаго съ наличнымъ безнадѣльнымъ населеніемъ. Сравненіе же это приводитъ къ заключенію, что основные показатели грамотности у отсутствующаго безнадѣльнаго населенія оказались выше, чѣмъ у наличнаго; другими словами: въ отношеніи грамотности отсутствующее безнадѣльное населеніе ушло впередъ, по сравненію съ наличнымъ. Наличное же безнадѣльное населеніе, какъ мы видѣли раньше, оказалось грамотнѣе многихъ надѣльныхъ группъ. Превосходство въ этомъ отношеніи, отсутствующаго безнадѣльнаго населенія, конечно, сказывается еще рельефнѣе. Такъ, по проценту грамотныхъ мужчинъ, отсутствующія

безнадѣльных хозяйства приближаются ко II-й надѣльной группѣ, а по проценту грамотныхъ женщинъ даже превосходятъ III-ю группу надѣльных хозяйствъ.

Такимъ образомъ, въ этихъ цифрахъ мы получаемъ новое доказательство той мысли, что владѣніе надѣльною землею не всегда можетъ служить признакомъ экономической устойчивости крестьянскаго хозяйства, что для этой устойчивости необходимо очевидно, извѣстный земельный минимумъ, за чертою котораго уже начинается культурный и экономической упадокъ населенія, вызываемый невыгодностью и обременительностью владѣнія незначительной долей надѣльной земли.

На сколько экономически невыгодна бываетъ различная степень обеспечения населенія надѣльною землею, прекрасно подтверждаютъ данныя тѣхъ-же комбинаціонныхъ таблицъ по Мышкинскому уѣзду. Таблицы эти, между прочимъ, даютъ возможность рѣшить въ высшей степени важный вопросъ о производительности или, точнѣе, объ интенсивности земледѣльческаго труда въ различныхъ хозяйственныхъ группахъ населенія, поскольку эта интенсивность выражается въ размѣрѣ посѣвной площади на рабочую душу обоего пола и на рабочую лошадь.

Оказывается, что чѣмъ меньше размѣры хозяйства, тѣмъ менѣе благоприятно въ немъ соотношеніе между его рабочими силами и той земельной площадью, къ которой оно можетъ ихъ приложить. Иными словами, въ наиболѣе мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ рабочія ихъ силы, при существующихъ условіяхъ землевладѣнія и приложенія труда въ земледѣліи, не могутъ быть утилизированы вполне, что часть этихъ силъ,—и тѣмъ значительнѣе, чѣмъ менѣе размѣры самаго хозяйства,—пропадаетъ совершенно безцѣльно, къ невыгодѣ и бѣзъ того уже обездоленныхъ хозяйственныхъ группъ сельскаго населенія.

По подворнымъ даннымъ Мышкинскаго уѣзда, выясняется, что въ двухъ первыхъ земельныхъ группахъ хозяйствъ (малоземельныхъ), по сравненію съ многоземельной VI-й остаются неиспользованными $\frac{1}{4}$ мужскихъ, $\frac{2}{5}$ женскихъ рабочихъ силъ и $\frac{2}{5}$ рабочихъ лошадей.

Такая рѣзкая разница въ степени производительности и, слѣдовательно, доходности земледѣльческаго труда между группами хозяйствъ различной экономической силы, еще болѣе увеличиваетъ между ними экономическое неравенство, чрезвычайно невыгодно отражаясь, конечно, на всѣхъ сторонахъ жизни наиболѣе бѣдной части населенія, у котораго основные элементы хозяйственной дѣятельности: земля, капиталъ и трудъ оказываются въ самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ.

Отсюда еще понятнѣе и яснѣе становится отсталость бѣднѣйшихъ хозяйственныхъ группъ сельскаго населенія въ отношеніи грамотности.

Только что констатированная разница въ интенсивности земледѣльческаго труда между различными хозяйственными группами

невольно заставляет спросить: въ чемъ же кроется роковая причина такой житейской аномалии? Возможно-ли, чтобы при свободныхъ экономическихъ отношеніяхъ, земледѣльческое хозяйство складывалось такъ невыгодно въ однихъ группахъ населенія, по сравненію съ другими?

Отвѣтъ на эти вопросы найдемъ, безъ сомнѣнія, въ условіяхъ *надѣльнаго землевладѣнія* и сопровождающихъ его общественно-правовыхъ отношеніяхъ, которыми регулируется жизнь крестьянскаго населенія.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изложеніе этихъ условій и отношеній. Отмѣтимъ только наиболѣе характерныя ихъ черты.

Надѣльною землею крестьяне владѣютъ на общинномъ правѣ; другими словами, собственникомъ надѣльной земли признается юридическое лицо—община, а не отдѣльные ея члены, не крестьянскіе дворы—хозяйства. Благодаря историческимъ условіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ создавалась и укрѣплялась на Руси поземельная община, благодаря доселѣ сохранившемуся пережитку крѣпостныхъ отношеній—круговой поруки членовъ общины по отбыванію повинностей, владѣніе надѣльною землею носитъ принудительный характеръ: оно какъ-бы прикрѣпляетъ личность крестьянина къ землѣ („къ мѣсту приписки“), ограничивая не только ея свободу въ распоряженіи землею, но даже и свободу передвиженія (паспортная система).

Принудительность владѣнія надѣльною землею всюду сопровождается *черезполоснымъ* ея пользованіемъ и, слѣдовательно, извѣстною принудительностью ея обработки, принудительностью сѣвооборота: личность опять оказывается связанной, ея инициативѣ нѣтъ простора, прогрессивныя попытки отдѣльныхъ домохозяевъ встрѣчаютъ непреодолимые препятствія въ условіяхъ общиннаго землепользованія. Черезполосица ведетъ къ чрезвычайной раздробленности земельныхъ полосъ, обработка которыхъ требуетъ значительно большей затраты времени, но въ то же время не можетъ отличаться надлежащей тщательностью.

Не удивительно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ, только зажиточныя и болѣе сильныя по численному семейному составу надѣльныя хозяйства еще могутъ съ извѣстной выгодой хозяйничать на надѣльной землѣ, такъ какъ имѣютъ болѣе возможности полнѣе утилизировать рабочія силы своихъ семей. Бѣдныя же и небольшія семьи, вынужденныя вести хозяйство на ничтожныхъ земельныхъ надѣлахъ, разбитыхъ притомъ, благодаря патріархальной черезполосицѣ, на микроскопическія доли, ведутъ его прямо въ убытокъ, не имѣя возможности утилизировать ни въ своемъ, ни внѣ своего хозяйства всего запаса своихъ рабочихъ силъ и волей-неволей примиряясь съ ничтожной оплатой своего труда.

Отсюда становятся вполне понятными и такія явленія въ современной деревнѣ, какъ бѣгство изъ нея надѣльнаго населенія,

покупающаго свою свободу у общины за особую дань, въ формѣ регулярной уплаты податей за свой надѣлъ „спуста“.

И вотъ, какъ мы видѣли раньше, стоитъ только населенію, можетъ быть съ невѣроятными даже усиліями, перешагнуть роковую грань нашихъ главныхъ статистическихъ группировокъ и изъ низшей земельной группы перейти въ разрядъ безземельныхъ, другими словами сбросить съ себя бремя владѣнія надѣльной землею,—какъ въ населеніи этомъ начинается замѣчаться нѣкоторый подъемъ культурнаго уровня.

VI.

Подведемъ итоги сказанному въ предыдущихъ главахъ.

I. На *развитіе грамотности* въ сельскомъ населеніи громадное *вліяніе оказываютъ* основные экономическіе факторы крестьянскаго хозяйства—*размѣръ надѣльнаго землевладѣнія и количество домашняго скота*: ростъ грамотности совершается параллельно съ увеличеніемъ размѣра землевладѣнія и скотовладѣнія. Но еще рѣшительнѣе въ этомъ направленіи *вліяніе фактора социальнаго экономическаго—въземледѣльческой промысловой дѣятельности* населенія, главнымъ же образомъ—*отхода его на столичные заработки*: отхоже-промышленники составляютъ самую грамотную и культурную часть населенія, къ какой-бы экономической группѣ послѣднее ни принадлежало; вліяніе же размѣровъ надѣльнаго землевладѣнія и количества домашняго скота на развитіе грамотности среди отхоже-промысловаго населенія *оказывается въ значительной степени ослабленнымъ*.

II. Современная деревня представляетъ изъ себя далеко не однородное цѣлое, а состоитъ изъ многочисленныхъ группъ крестьянскихъ хозяйствъ различной силы и зажиточности. Общественно-экономическія условія, въ которыя поставлена деревня, въ особенности же организація земледѣльческаго промысла—таковы, что не только не противодѣйствуютъ дальнѣйшему разложенію крестьянства, но и ведутъ къ тому, что наименѣе устойчивыя группы сельскаго населенія, благодаря прикрѣпленію къ землѣ, обречены на продолжительную экономическую бѣдность и умственное недомоганіе.

Приведенными основными выводами настоящаго очерка, намъ думается, до извѣстной степени намѣчается и программа практической дѣятельности, въ интересахъ массы населенія, какъ для государства, такъ и въ особенности для общественныхъ учреждений, на обязанности которыхъ лежитъ забота о мѣстныхъ „пользахъ и нуждахъ“.

Конечно, едва-ли нужно доказывать необходимость заботы о развитіи народнаго образованія, объ устройствѣ сѣти школъ для осуществленія всеобщаго обученія и достиженія въ будущемъ всенародной грамотности. Не подлежитъ также сомнѣнію и на-

зрѣвшая потребность въ расширеніи курса нынѣшней начальной школы.

Но пока существуютъ тѣ общественно-экономическія условія, въ которыхъ живетъ современная деревня, нельзя рассчитывать, что одна просвѣтительная работа государства, земства и др. мѣстныхъ общественныхъ организацій приведетъ къ желанной цѣли: какою-бы густою школьною сѣтью ни покрылись наши села и деревни, все-таки сквозь нее неизбежно проскользнутъ извѣстныя группы сельскаго населенія и потонутъ въ темномъ морѣ невѣжества и безграмотности.

Очевидно, на ряду съ просвѣтительной работой въ узкомъ смыслѣ этого слова, должна существовать совершенно опредѣленная программа планомерной социальнo-экономической дѣятельности, направленной на устраненіе неблагоприятныхъ условій, которыя тормозятъ культурный и экономическій прогрессъ деревни.

Необходимо прежде всего раскрыть личность крестьянина, предоставивъ ему полную свободу въ выборѣ рода своей дѣятельности и свободу передвиженія, а земледѣльческій его трудъ поставить въ условія свободной, ничѣмъ, кромѣ равнаго для всѣхъ закона, нестѣсняемой дѣятельности;—однимъ словомъ, необходимо уравнивать крестьянина въ имущественныхъ и общественныхъ правахъ съ лицами прочихъ сословій и признать въ немъ полноправнаго гражданина земли русской.

Кл. Воробьевъ.

По поводу одной жизни.

„Стыдно и невозможно культивировать чистую науку в странѣ, гдѣ столько людей такъ страстно и такъ тщетно жаждутъ знанія. Нельзя не притти на встрѣчу этой жаждѣ, и только въ той мѣрѣ, въ какой сдѣланъ шагъ въ этомъ направленіи, — только въ этой мѣрѣ и возможна жизнеспособность... Можно отъ всего отказаться, со всѣмъ проститься, заглушить всякіе порывы—но *это* останется, это сознаніе, что *нельзя не учить*... Это сила социальной необходимости говорить свои три слова,—*сила*, противъ которой бесполезна борьба, которая все побѣждаетъ. Она гонитъ въ школу людей, измученныхъ непосильнымъ трудомъ; она же гонитъ туда и тѣхъ, кто можетъ дать свѣтъ другимъ“...

Эту тираду, торопливо набросанную на обрывкѣ, я нашелъ среди бумагъ одного молодого, безвременно погибшаго преподавателя. Она попала на глаза мнѣ нечаянно,—но не задуматься надъ ней было невозможно. Чувствовалось, что это признаніе—не случайно; въ приподнятости его угадывалась искренность—глубокая и восторженная,—и чѣмъ дальше вникалъ я въ эти взволнованныя слова, тѣмъ больше ихъ смыслъ казался мнѣ серьезнымъ, знаменательнымъ—почти религиознымъ. „Вѣрую“ социальной жизни покойнаго наглядно раскрывалась предо мною; дѣятельность его среди нашего общества пріобрѣтала значеніе самоотверженнаго подвига,—и образъ, непосредственно привлекательный и ранѣе, возвышался теперь въ моемъ сознаніи до рѣдкаго гражданскаго благородства... Я вспоминалъ наши встрѣчи съ покойнымъ, его бесѣды, неутомимую работу; я перечитывалъ его бумаги, письма, замѣтки,—и убѣждался, что во всемъ этомъ очень много данныхъ, заслуживающихъ самаго серьезнаго общественнаго вниманія... Такъ возникла у меня мысль—воспользоваться для печати хотя частью столь поучительнаго матеріала. Въ предлагаемой статьѣ осуществляя эту мысль, я убѣжденъ, что всякая подобная попытка есть выполненіе долга не столько

передъ покойнымъ, сколько передъ обществомъ, которому онъ служилъ при жизни.

Я не пишу ни некролога, ни біографіи, ни панегирика; поэтому намеренно не назову негромкаго имени покойнаго. Пусть то, что было въ живомъ человѣкѣ дѣннаго и прекраснаго, само говоритъ за себя непредубѣжденному читателю. Лишь такимъ образомъ создается *объективное* сужденіе,—т. е. то, гдѣ случайныя пристрастія отступаютъ передъ требованіями истины и справедливости.

Самая гнѣшность покойнаго преподавателя многозначительно о немъ предупреждала. На стройномъ, юношескомъ тѣлѣ поставлена была оригинальная голова, скульптурная красота которой сразу приковывала къ себѣ вниманіе. Исключительная умственная сила угадывалась по громадному его лбу; въ изящныхъ же линіяхъ профиля и слегка лишь опущенныхъ губъ чувствовалась нѣжная ткань артистически утонченной организаціи. Ясно, пристально и серьезно глядѣли сѣрые его глаза; мягко, чисто и музыкально звучалъ негромкій его голосъ,—и, всматриваясь въ блѣдное его лицо, вслушиваясь въ застѣнчивую его рѣчь—особенное, сложное и интересное чувствовалъ передъ собой каждый его собесѣдникъ.

Ближайшее знакомство съ покойнымъ оправдывало подобныя догадки. Понистивъ, поражаться приходилось богатствомъ его внутренняго содержанія; съ широкими же и разносторонними своими свѣдѣніями онъ былъ рѣдкимъ, вымирающимъ теперь типомъ энциклопедиста. Общественныя науки и математика, метафизическая философія и педагогика, точное знаніе и искусство занимали его одновременно,—и въ скромномъ студенческомъ его кабинетѣ уживались любопытныя противоположности. Отчеты столичной биржи рождались здѣсь съ микроскопическими препаратами, глубокомысленная логика Риля съ „Путешествіемъ на луну Сврано де-Бержерака“, произведенія Ницше и Достоевскаго—съ монументальными изслѣдованіями Мейтцена. Однако, поверхностности, дилетантизма въ покойномъ не было и слѣда. Вдумчивая, совѣстливая его мысль во всемъ искала внутренняго, существеннаго; строгая его требовательность къ себѣ мѣшала ему довольствоваться полужнаніемъ,—и мѣткость афористическихъ его сужденій могъ оцѣнить часто только специалистъ. Несомнѣнно, что у покойнаго Z. (такъ условимся мы называть его для удобства) были всѣ данныя, чтобы „культивировать чистую науку“. Но почетный трудъ въ ученыхъ учрежденіяхъ онъ предпочиталъ на неблагодарный—въ учебныхъ. Въ головѣ его зарождалась научныя планы, выполненіе которыхъ могло бы выдвинуть его среди изслѣдователей-специалистовъ; но онъ удалился отъ соблазна, чтобы стать въ ряды черной массы—тружениковъ школы. Все прекрасное плѣняло его и увлекало; какъ артистъ въ душѣ, онъ умѣлъ цѣнить тонкое и изящное,—но отъ Джіоконды Леонардо да-Винчи уходилъ къ простодушнымъ сельскимъ

учительницамъ, отъ Джона Рескина—въ фабричную школу, въ царство „железныхъ людей“, пара и электричества. Тяжкимъ трудомъ учителя онъ сознательно убивалъ въ себѣ стремленія ученаго; въ спертomъ воздухѣ переполненнаго класса душилъ свои влеченія эстетикъ... И можно ли спрашивать—„зачѣмъ?“—послѣ того, какъ я привелъ его собственное объясненіе? Мы слышали—ему „нельзя было не учить“—въ странѣ, гдѣ такъ страстно и такъ тщетно жаждутъ свѣта. Эти слова звучатъ необыкновенно убѣдительно. Ибо мы знаемъ, что во имя ихъ была принесена въ жертву цѣлая жизнь.

Главная цѣнность этой жертвы въ томъ, что она отнюдь не была слѣдствіемъ порыва. Напротивъ, она была зрѣло обдуманной и явилась выводомъ изъ цѣлаго мировоззрѣнія. Да, можно съ увѣренностью говорить, что у покойнаго Z. было мировоззрѣніе. И къ школѣ онъ подходилъ, какъ философъ—скажемъ точнѣе, пожалуй,—какъ социологъ. Онъ рассматривалъ ее, какъ отвѣтъ на „извѣстную общественную потребность“ и потому-то настоятельно требовалъ отъ педагога, чтобы онъ прежде всего изучалъ социальныя условія. „Есть двѣ крайнихъ формы общественной эволюціи“—разсуждалъ самъ Z.—„семья, патриархальное, зачаточное соединеніе, и государство—союзъ гражданъ на основахъ правопорядка. Школа занимаетъ промежуточное положеніе и соответственно этому должна быть организована.“ Въ школѣ, по мнѣнію Z., не можетъ быть мѣста патриархальности: послѣдняя есть основа семьи, а ученики школы воспитываются для государственности. Поэтому въ нихъ нужно внѣдрять все то, что требуется для самосознающаго гражданина. Надобно, чтобы граждане цѣнили дружный, разумно раздѣленный трудъ; для этого необходимо ввести въ школу совмѣстную, товарищескую работу. Нужно, чтобы, сохраняя свою самостоятельность, гражданинъ умѣлъ также дѣйствовать въ соединеніи съ другими; для этого, развивая индивидуальность ученика, школа пусть строится на основахъ самоуправленія. Классъ—первичная общественная клѣтка—войдетъ, какъ часть, въ собирательное цѣлое, самоуправляющуюся школу; притомъ, передъ лицомъ общеобязательнаго закона каждый ученикъ пусть сознаетъ свой долгъ и свою отвѣтственность. За дѣйствія, нарушающія этотъ законъ, онъ судимъ будетъ судомъ товарищей съ участіемъ „присяжныхъ“; для рѣшенія-же общешкольныхъ вопросовъ пусть созывается собраніе всей школы. Не игрою, а настоящимъ дѣломъ должны быть эти совѣщанія товарищей: лишь тогда, въ здоровой ихъ атмосферѣ, воспитаетъ школа истинныхъ гражданъ. Не бѣда, если въ школѣ, при такихъ условіяхъ, будетъ царствовать серьезность и сосредоточенность. Жизнь сама по себѣ очень серьезна, и слишкомъ много въ ней такого, надъ чѣмъ можно сосредоточиться.

Слушая разсужденія Z. о школѣ, вѣне, быть можетъ, улыбнутся. „Какая наивная утопія!“ скажутъ они, пожимая плечами. Не станемъ съ ними спорить. Мы спросимъ лишь—развѣ всѣ

утопія въ моральномъ и общественномъ отношеніи одинаковы? Бываютъ, вѣдь, всякіе идеалы... Всѣмъ извѣстенъ знаменитый проектъ оставнаго подполковника Дементія Сдаточнаго. Этотъ доблестный мужъ мечталъ „о средствахъ къ совершенному наукоупраздненію—съ тѣмъ, однако, расчетомъ, чтобы отъ сего государствену ущерба не произошло, и чтобы оное, и по упраздненіи науки, сосѣдей своихъ въ страхъ содержало и отъ оныхъ почитаемо было, яко всѣхъ просвѣщеніемъ превзошло“... Не правда ли, это—тоже, повидимому, утопія? Но развѣ она не характерна и для своего времени, и для своего создателя?...

Вполнѣ естественно, что къ достопамятной реформѣ 70-хъ годовъ Z. относился крайне отрицательно. Онъ считалъ ее чисто-политическимъ мѣропріятіемъ, враждебнымъ дѣйствительному просвѣщенію. „Нашему обществу“,—писалъ онъ,—„въ 70-хъ годахъ проявлена была трепанация черепа; но пилу оставили въ ранѣ: эта пила—катковская школа.“ Сухимъ, высокоумнымъ жестомъ вошла она въ укладъ русской жизни; создатели ея говорили объ обществѣ, какъ о Простаковыхъ, о дѣтяхъ,—какъ о Митрофанахъ,—и, вотъ, никого не удовлетворивъ, ихъ школа почти всѣхъ обидѣла и раздражила. Чуждая, постылая обществу—она замкнулась отъ него и обособилась: отсюда ея внутренняя духота, бюрократизмъ и пугливая подозрительность. Для семьи—это былъ вражескій лагерь, по отношенію къ которому не существуетъ нравственныхъ обязательствъ: отсюда развилась тактика данайскихъ дворовъ, покрываемыхъ обманомъ, родительскихъ ухищреній... Отъ старшихъ все это передавалось младшимъ. Недоброжелательное отношеніе къ школѣ стало обычнымъ явленіемъ среди учащихся,—и часто даже лучшія намѣренія педагоговъ разбивались объ эту глухую стѣну. Слишкомъ часто въ глазахъ ученика приходилось учителю читать недоувѣріе и вражду. То—общество въ лицѣ ребенка мстило школѣ Каткова за „Митрофана“.

Тридцать лѣтъ терпѣли эту школу, но теперь уже сказано: „довольно!“ Опытъ прошлаго достаточно поучителенъ: нѣтъ нужды продолжать его дальше.

Извѣстно, какимъ интересомъ къ средней школѣ ознаменованы были послѣдніе годы. Вопросы общаго образованія подвергались коренному пересмотру,—и въ сужденіяхъ о нихъ было выказано нерѣдко очень много вдумчивости и пониманія. Z. отдалъ самую щедрую дань этому небывалому общественному возбужденію. Въ коммиссіяхъ и педагогическихъ совѣтахъ, въ докладахъ и частныхъ бесѣдахъ съ затрогивалъ вопросы реформы—спорилъ, убѣждалъ и волновался. То что должно было совершиться, казалось ему необыкновенно важнымъ,—и теперь, когда онъ успокоился навѣки, мы видимъ, что онъ думалъ такъ не безъ основанія.

„Задача средней школы“—писалъ Z.—„создать общую почву для насажденія специальныхъ знаній и навыковъ. Она должна дать гармоническое развитіе умственнымъ и нравственнымъ способностямъ ученика—т. е. во-первыхъ, установить въ немъ со-

знательное отношеніе къ природѣ и къ общественной жизни и, во-вторыхъ, развить въ немъ самодѣятельность“... Въ отношеніи къ спеціализаціи, это есть, конечно, не болѣе, какъ только подготовка, но въ то же время и залогъ или сила, которая можетъ примѣниться ко всему. Я чуть было не сказалъ—„сила, могущая быть примѣненной“... Это было бы искаженіемъ подлинной мысли Z., ибо онъ больше всего заботился о самодѣятельности.

Такая концепція средняго образованія напоминаетъ основныя положенія объяснительной записки къ уставу общеобразовательной школы 1864 года. Во всякомъ случаѣ, однако, формулировка Z. остается вполне оригинальной. Понятно, почему въ его образовательной системѣ первенствующее мѣсто принадлежало естествознанію и исторіи. Мы видѣли—школа его должна была установить сознательное отношеніе учащагося къ природѣ и къ общественной жизни. И вотъ, не будучи натуралистомъ по спеціальности, Z. посвятилъ себя преподаванію исторіи.

Уже съ самаго начала этой дѣятельности, Z. пришлось убѣдиться въ томъ, что обычная постановка исторіи менѣе всего удовлетворяетъ его требованіямъ. Ему случалось присутствовать на экзаменахъ, присматриваться къ преподаванію другихъ...

Впечатлѣнія, вынесенныя имъ отсюда, были отнюдь не утѣшительными. Чаще всего даже лучшіе ученики оказывались только отчужденно выдрессированными, и внѣшняя бойкость ихъ отвѣтовъ меньше всего была проявленіемъ умственной ихъ самодѣятельности.

„Въ чемъ Константинъ Великій принималъ живое участіе?...“— „Въ религіозныхъ спорахъ“, не задумываясь, даетъ реплику экзаменуемому ученикъ,—и, отмѣчая нелѣпость вопроса, Z. восклицаетъ иронически—„способный мальчикъ...“—„Расскажите о Тиверіи“,—предлагаетъ экзаменующій другому.—„Тиверій былъ сначала государь умный и добродѣтельный... Потомъ...“—„Нѣтъ, это вы—о Неронѣ... А какая отличительная черта была у Тиверія?“—„Подозрительность...“—„Да,—ну, такъ расскажите о Неронѣ...“—„Неронъ былъ сначала государь умный и добродѣтельный...“ Читатель готовъ улыбнуться,—но Z., при его отношеніи къ школѣ, все это казалось вовсе не смѣшнымъ. Чего, бывало, не рассказывали при немъ абитуриенты?..

„Августъ раздѣлилъ свою имперію на области, называемыя графствами... Услышавъ о Тевтобургскомъ пораженіи, онъ воскликнулъ горестно—„увидимъ!“—и въ отчаяніи ударился головою о стѣну..... Людовикъ XVI созвалъ національное собраніе,—потому что былъ слабого характера,—а они вняли да и разрушили знаменитый дворецъ—Бастилію“..... Но не довольно-ли подобныхъ примѣровъ? Очевидно, что при такой постановкѣ исторіи, образовательное и воспитательное значеніе этого предмета въ школѣ менѣе всего удовлетворяло Z.

Цѣль исторіи,—по мнѣнію Z.,—внушить учащимся, что общественное развитіе закономѣрно. Пусть будетъ изгнанъ изъ ея

объясненій Его Величество случай: капризное причудливое его господство несомнѣннѣе со строгой наукой. Пусть всякій сверхъестественный элементъ устраненъ будетъ изъ области исторіи: ибо знаніе есть иное, чѣмъ вѣра, и первородный грѣхъ *научной* мысли есть допущеніе чудеснаго начала. Конечно, научное представленіе доступно лишь зрѣлому уму,—но даже и дѣтскому разуму можно сообщить понятіе законмѣрности. Развѣ не возможно показать одиннадцатилѣтнему мальчику, какъ возникли общество, вѣра, языкъ и матеріальная культура? Пусть онъ пойметъ это лишь элементарно; не будетъ ли это уже крупное, дѣльное приобрѣтеніе?

Впрочемъ, здѣсь необходима оговорка. Z. стремился научить не формуламъ, а лишь умѣнью добывать ихъ самостоятельно; все, пассивно воспринимаемое на вѣру, онъ считалъ притупляющимъ, даже убивающимъ умственную самодѣятельность. Отсюда естественно вытекало недоувѣрчивое его отношеніе къ *учебнику*. Учебникъ, по свойству своей задачи, предполагаетъ, преимущественно, общія объясненія; матеріаль конкретнаго характера въ немъ обезцвѣченъ, сведенъ до необходимаго минимума,—а между тѣмъ, чѣмъ, какъ не фактами, дается мысли упругость творческой силы? Кто знаетъ только по учебнику, тотъ казался Z. заранѣе обреченнымъ на умственную безпомощность,—и даже прямое незнаніе онъ считалъ менѣе вреднымъ, чѣмъ самоуувѣренное поугайство.

Мнѣ хотѣлось бы подольше остановиться на этомъ взглядѣ Z.,—ибо, характерный для самого покойнаго, онъ имѣетъ и общее принципиальное значеніе. Мы согласны, что задача науки—установить законы, иначе обобщенія,—но общее и великое, по нашему мнѣнію, постигается лишь въ частномъ и маломъ. Это частное—скажемъ больше—индивидуальное—есть единственное, что можно любить, къ чему можно привязаться—ибо въ цѣлостности его—трепещетъ сама жизнь, а въ общей формулѣ—лишь мыслится отвлеченіе. Въ Z. мы цѣнили не общечеловѣческое, а особенное—своеобразную личность покойнаго; въ Юліи Цезарѣ или Аннѣ Карениной—ихъ единственность, несравнимость, неповторяемость.

Личное—творческое отношеніе къ дѣйствительности дается лишь непосредственнымъ къ ней прониканіемъ: удались прочь,—и ты—Антей, оторванный отъ источника силъ—матери земли. Яркое чувство дѣйствительности есть условіе радостнаго существованія; въ смутности, туманности воспріятія—источникъ нашей слабости и страданія. Прекрасно сказалъ гдѣ-то Вирховъ, что „дѣти должны прежде всего учиться наблюденію. Пусть не столько воспринимаютъ они общія формулы, сколько *видятъ* вещи, какъ есть“.

Прекрасное, какъ общее правило, это особенно важно по отношенію къ исторіи. Безспорно—торжество ея знанія—понять

Цезаря, какъ продуктъ общихъ историческихъ причинъ; но прочесть о Цезарѣ лишь 5 страницъ учебника—это все равно, что ничего не узнать о немъ. Пожалуй, не знать ничего даже лучше, чѣмъ знать такъ пошло и самодовольно. Если истинное пониманіе въ школѣ невозможно, — разъясни ученику высоту самой задачи, — и пусть онъ скажетъ про себя съ благоговѣніемъ— „естъ великое, чего я еще не знаю“...

Вотъ, вниманіе его приковано къ явленію: онъ останавливается, онъ задумался, сосредоточился. Пусть никто не мѣшаетъ ему углубиться: въ немъ свершается таинственное пресуществленіе. Придетъ время, — онъ вамъ скажетъ, что усвоилъ: вы увидите—передавал, онъ будетъ волноваться. Это—знакъ желанный и отраднѣйшій: въ немъ—смятеніе творящаго *свое*.

Къ сожалѣнію, наша школа далеко не всегда такъ понимаетъ задачу образованія. Она хочетъ, при возможно меньшей тратѣ времени, дать учащемуся возможно больше свѣдѣній. Въ соотвѣтствіи съ этимъ *количественнымъ* пониманіемъ цѣлей школы составляется и большая часть нашихъ учебниковъ и программъ по исторіи. Сложнѣйшій, необозримый матеріалъ они стремятся упростить, свести къ немногому „существенному“, и, — отъ Солона спѣша къ Александру Великому, отъ Юстиніана къ эпохѣ Возрожденія, — принуждаютъ преподавателя, съ циферблатомъ въ рукахъ, погонять учениковъ мимо великаго и прекраснаго. Остановится одинъ изъ нихъ, чтобы всмотрѣться, — школа немедленно признаетъ его „неуспѣвающимъ“. Пусть въ совершенствѣ постигъ онъ причины упадка Римской Имперіи: онъ не знаетъ еще крестовыхъ походовъ — слѣдовательно, „неудовлетворителенъ“. Школа наша поэтому есть фабрика посредственности—стереотипа; въ ней стираются неровности индивидуальнаго, — и, вотъ, согласно началу такой нивелировки, и пишутся наши школьныя руководства. Надобно, чтобы ничто въ нихъ не задерживало вниманія учащагося; надобно, чтобы легче съ гладкихъ ихъ страницъ соскальзывали въ память готовые формулы и упрощенныя объясненія. Ихъ девизъ—скорѣе, мимо—къ новому—и, поистинѣ, есть нѣчто глубоко развращающее, нѣчто мертвящее въ этой системѣ—смѣны легкихъ и мимолетныхъ впечатлѣній.

Помнится мнѣ, кажется, Бестужевъ-Рюминъ говорилъ съ Погодинымъ о томъ, какъ смущаться долженъ всякій неопытъ передъ подавляющей необозримостью науки. — „Не старайтесь захватывать слишкомъ много“, — замѣтилъ ему московскій историкъ— „возьмите себѣ какой-нибудь частный вопросъ, изучайте его, углубляйтесь, привлекайте къ нему вспомогательныя знанія: увидите—въ одинъ прекрасный день вы окажетесь широко образованнымъ“. Такой взглядъ былъ весьма близокъ покойному Z... „Нѣтъ нужды“—говоритъ онъ— „знать всѣ пути и законы общественнаго развитія; достаточно изучить хотя бы одну область и въ ней сознать возможность законовъ и общечертъ“. Онъ могъ допустить даже, чтобы вниманіе изслѣдователя сосредоточено

было не на процессахъ, а на явленіяхъ: лишь бы только эти явленія характеризовали, какъ симптомъ, общія условія. Другими словами, въ индивидуальномъ онъ стремился раскрыть родовую основу. Съ педагогической точки зрѣнія — это прекрасно. Кто скажетъ, что оно не научно?

О томъ, чѣмъ могъ быть подобный преподаватель для своей аудиторіи, пусть намъ скажутъ сами его ученики. Они говорятъ, что „въ умственномъ своемъ развитіи всё они обязаны ему“ безконечно. Въ ихъ глазахъ онъ былъ „лучшимъ, благородѣйшимъ человѣкомъ и учителемъ“, — и всё ихъ воспоминанія о немъ согрѣты любовью и признательностью. Одинъ изъ нихъ пишетъ, что въ глазахъ учениковъ Z. поднялъ значенія науки; своими объясненіями онъ раскрывалъ имъ смыслъ окружающей ихъ общественной жизни; затрогивая вопросы современности, онъ будилъ въ нихъ самостоятельную мысль и внушалъ имъ вполне опредѣленные отношенія къ дѣйствительности. Въ Z. его ученикамъ нравилось все: его мягкость, его задумчивая рѣчь, всѣмъ очевидная пламенная вѣра въ конечное торжество исповѣдуемыхъ имъ началъ и особенное отношеніе къ ученикамъ. Объ этомъ особенномъ отношеніи всё знали и говорили въ школахъ. Оно характеризовалось свободой, серьезностью и вмѣстѣ теплотой. На урокахъ Z. царилъ всегда непринужденность — однако порядокъ при томъ былъ прекрасный. Случалось, что онъ и нарушался, но тогда покойный не кричалъ и не сердился даже: онъ просто обижался на виновнаго, — и немедленно, вмѣстѣ съ классомъ, тотъ сѣвшилъ загладить происшедшее. Близость Z. съ учениками была полной — и онъ умѣлъ ею пользоваться. Онъ слѣдилъ за развитіемъ cadaго, зналъ, какъ онъ живетъ, что читаетъ, чѣмъ интересуется. Какъ онъ радовался, когда ученикъ ему сообщалъ, что уже перечиталъ всѣхъ русскихъ классиковъ; какъ печалился, убѣждаясь, что въ школы мальчикъ остается заброшеннымъ, безъ призора и ласки. „Праздники я провелъ не очень весело, — писалъ ему одинъ изъ такихъ, — разъ только былъ въ манежѣ и видѣлъ, какъ плясали коровы“. — А „я много веселился на Святкахъ, былъ въ собраніи, на балу Иванова, у Корша видѣлъ Зазу, и два раза игралъ въ карты на деньги“... — „Я — писалъ третій — каждый день ходилъ на катокъ: разъ сшибъ съ ногъ какого-то маленькаго — и видѣлъ, какъ одинъ господинъ сильно отморозилъ себѣ носъ“. Къ авторамъ подобныхъ сообщеній Z. относился съ особенной заботливостью — и, надобно думать, это не проходило для нихъ безслѣдно.

Старшіе по возрасту ученики могли сознательно уже оцѣнивать такого преподавателя. Имъ было ясно, почему свое изложеніе исторіи покойный Z. строилъ на экономической основѣ, почему учебникъ Иловайскаго онъ брезгливо называлъ „нечистоплотнымъ“. Бывало ктонибудь изъ учениковъ съ увлеченіемъ рассказываетъ Z. о гуманистахъ, Вольтерѣ или системѣ Кабинета; — Z. внимательно слушаетъ, молчитъ и тихо улыбается... При такомъ идейномъ

согласиі заниматься съ нимъ было честию и радостью,—и не даромъ одна изъ записокъ о немъ учениковъ напомнила мнѣ отчетъ магистранта о заграничной командировкѣ.

Таково было отношеніе покойнаго Z. къ работѣ своей въ средней, общеобразовательной школѣ. Однако, трудясь въ этой школѣ, доступной лишь имущественно состоятельнымъ классамъ, Z. никогда не забывалъ и о неоплатномъ долгѣ интеллигенціи передъ народомъ. Нужно оговориться, впрочемъ, что во взглядѣ его на народъ не было ни тѣни слащавой сентиментальности или снисхожденія. „Народъ—не ребенокъ“ — писалъ онъ. „Формула — вы наши отцы, мы ваши дѣти, — есть дикій, вопіющій анахронизмъ, принципъ, необходимый лишь для реакціи и оправданія рабовладѣльческихъ вождельній. Народъ давно созрѣлъ для знанія,—но во тѣмъ, въ которой онъ находится, онъ ищетъ свѣта ошупью и наугадъ... Пусть дадутъ, наконецъ, народу истинное, неподдѣльное знаніе: онъ оцѣнитъ его и усвоитъ, безъ сомнѣнія, нисколько не хуже насъ“...

Года четыре тому назадъ однимъ почтеннымъ ученымъ было печатно заявлено, что въ книгахъ, издаваемыхъ для народа, не слѣдуетъ касаться явленій, противорѣчащихъ народному укладу и мировоззрѣнію. Этотъ взглядъ, высказанный рѣшительно и авторитетно, глубоко возмутилъ покойнаго Z. „Какъ жалъ“,—воскликнулъ онъ, — „что эта истина открыта намъ такъ поздно: лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ по ея репенту можно было-бы написать прекрасную книгу о благѣ крѣпостного состоянія“... — „Въ народѣ“—писалъ онъ—„живетъ великая и завидная жажда знанія... Не стыдно-ли давать ему въ руки старый и дырявый ковшъ“...

И, вотъ, чтобы утолить эту жажду — молодой преподаватель дѣлалъ все, что могъ. Онъ усердно слѣдилъ за народной литературой, училъ фабричныхъ рабочихъ, читалъ лекціи на педагогическихъ курсахъ, писалъ доклады о внѣшкольномъ среднемъ образованіи среди крестьянъ. Онъ утверждалъ даже, что и Московская Комиссія по организаціи домашняго чтенія должна кореннымъ образомъ измѣнить свою задачу: пусть оставитъ она служеніе интеллигенціи и посвятитъ себя дѣлу обученія народной массы. Это будетъ дѣйствительнымъ осуществленіемъ принципа демократизаціи научнаго знанія: дѣлу этому можно отдать всѣ свои силы, всѣ свои помыслы и упованія...

Z. умеръ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, надорванный непосѣрнымъ трудомъ. Пусть не думаетъ, что то былъ трудъ ради насущнаго хлѣба: менѣе всего покойный думалъ о матеріальной обеспеченности. Онъ работалъ только ради просвѣщенія—потому, что „нельзя было“, по его убѣжденію „не учить“... При этомъ онъ не рассчитывалъ своихъ силъ, отдавая любимому дѣлу все сердце, всю мысль, всю свою волю. Оттого онъ и погибъ столь безвременно; оттого и учитывать значеніе его дѣятельности пришлось не ему самому, а намъ, его пережившимъ.

Значеніе этой дѣятельности не столько въ ея результатахъ,

сколько въ стремленіяхъ, которыми была она одушевлена. Мы видѣли, каковы были эти стремленія. Сдѣлать школу дѣйствительнымъ отвѣтомъ на общественную потребность въ истинномъ просвѣщеніи; воспитать въ учащихся самостоятельную мысль, энергическую волю, самосознаніе и чувства гражданина; сообщить молодому поколѣнію опредѣленное отношеніе къ природѣ и къ соціальной средѣ; развить въ немъ творческія силы и способность радостно любоваться жизнью, которая такъ прекрасна... И, во имя такой задачи, самому отъ всего отказаться, со всѣмъ протиться, заглушить всякіе призывы, забыть мечты объ академической славѣ; подавить въ себѣ влеченія эстетика; отдать великой соціальной задачѣ—просвѣщенію—все свое время, всѣ силы, самую свою жизнь... Это-ли не поучительный примѣръ? Это-ли не образъ, достойный общественнаго вниманія и сочувствія?

В. П.

Современныя этическія исканія.

(Окончаніе).

II.

Моральныя исканія.

Итакъ, протянувъ руки впередъ,
будемъ ощупью искать выхода"...
(Г. Сенкевичъ: „Пойдемъ за ними“).

Стремленіе высвободиться во что бы ни стало изъ путъ и сѣтей буржуазной идеологии, въ связи съ общей разочарованностью въ „книжныхъ“ и отвлеченныхъ системахъ морали, побудило многихъ искать выхода въ непосредственныхъ народныхъ вѣрованіяхъ и воззрѣніяхъ. У насъ, въ Россіи, стали идеализировать крестьянство, въ результатъ чего явилась „толстовщина“. На Западѣ предметомъ идеализаціи сдѣлался фабрично-заводскій пролетаріатъ, въ результатъ чего и рѣшенія моральныхъ проблемъ стали искать въ „идеѣ рабочаго класса“ и въ такъ наз. „пролетарской морали“.

Въ Германіи, на примѣръ, въ послѣднюю четверть истекшаго столѣтія, т. е. въ то самое время, какъ культурные классы метались въ тоскѣ и тревогѣ за неизмѣнимъ положительныхъ идеаловъ или стали возвращаться „назадъ къ Канту“, такъ наз. пролетарская мораль стала группировать вокругъ себя самыя живыя силы страны и, казалось, разрѣшила, какъ нельзя лучше, тотъ тяжкій нравственный кризисъ, который повисъ свинцовой тучей надъ всей европейской мыслью. О „толстовщинѣ“ намъ говорить тутъ не приходится, какъ потому, что престижъ ея былъ поверхностенъ и кратковремененъ, такъ еще и по той причинѣ, что нравственные идеалы, провозглашенные ею, сводились не къ чему иному, какъ къ абсолютному альтруизму, сданному прошлымъ вѣкомъ навсегда въ архивъ этическихъ заблужденій.

иллюсь крайне наивная проповѣдь „непротивленія“, теряющаяся въ непримиримыхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ. Къ тому же крайнія народническія иллюзіи на счетъ „великихъ моральныхъ устоевъ“ крестьянства были безпощадно разбиты самой суровой дѣйствительностью, открывшей въ деревнѣ, подѣ соломенной крышей, тотъ же „кризисъ совѣсти“, тѣ же „исканія“, что и въ городѣ. Старые устои въ деревнѣ колеблются и разрушаются, а вмѣстѣ съ ними и старые вѣрованья и идеалы. Не то мы наблюдаемъ на Западѣ, гдѣ такъ наз. пролетарская идеологія стала какъ бы новымъ евангеліемъ цѣлыхъ милліоновъ и опирается на общественные элементы, полные вѣры въ себя и въ будущее. Для всѣхъ, поэтому, интересующихся современными моральными исканіями и работающихъ надъ уясненіемъ себѣ столь запутанныхъ теперь и столь сложныхъ основныхъ вопросовъ міросозерцанія, крайне важно возможно ближе познакомиться съ этой оригинальной попыткой рѣшенія нравственной проблемы, съ ея достоинствами и возможными недостатками, съ ея отправными идеями и конечными выводами. Тѣмъ болѣе, что мы будемъ здѣсь имѣть дѣло съ идеологіей совершенно новаго класса, не игравшаго раньше никакой видной исторической роли и не заявлявшаго себя самостоятельно въ мірѣ теорій и абстрактно-философской мысли. Начиная съ сороковыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, т. е. какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Шопенгауеръ, съ одной стороны, и Максъ Штирнеръ съ другой явились могильщиками буржуазной морали, рядомъ съ ними выступилъ цѣлый рядъ мыслителей и теоретиковъ, заявившихъ себя выразителями идей и стремленій новой общественно-исторической силы и объявившихъ войну всей старой идеологіи. Во главѣ этихъ лицъ стали Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ, явившіеся тоже „могильщиками“ буржуазной морали и всего, вообще, индивидуалистическаго міросозерцанія, но ужъ съ иной, совершенно новой и оригинальной точки зрѣнія. Правда, эта новая точка зрѣнія опредѣлилась не сразу; въ своемъ постепенномъ развитіи она прошла цѣлыхъ три стадіи, которыя мы и рассмотримъ здѣсь, въ ихъ послѣдовательности. Первая стадія ознаменовалась презрительно-скептическимъ отношеніемъ ко всякой идеологіи вообще, этическимъ системамъ—въ частности. Это была пора глубокой реакціи противъ нравственнаго догматизма Канта и всякаго вообще спекулятивнаго идеализма прежнихъ философскихъ системъ. Если Максъ Штирнеръ, въ своемъ индивидуалистическомъ опьяненіи, скептически-задорно вопрошалъ: Was gut, was böse? подобно Пилату, вопрошавшему *что есть истина?*—то тѣ же вопросы можно было вначалѣ услышать и отъ двухъ главныхъ представителей и выразителей „идеи четвертаго сословія“, съ тою лишь разницей, что Штирнеръ реагировалъ противъ современныхъ ему моральныхъ системъ во имя все той же самоцѣльной и самодовлѣющей личности, тогда какъ Марксъ и Энгельсъ съ первыхъ же шаговъ ихъ дѣятельности обнаружили свое враждебное отношеніе къ

индивидуализму. Если и эти два идеалиста—по сокровенному духу своихъ воззрѣній—объявили всякому идеализму самую непримиримую войну, то объясняется это, съ одной стороны, всеобщимъ въ то время разочарованіемъ въ традиціяхъ философской спекуляціи, съ другой—основной отправной идеей всего, вообще, марксизма, а именно матеріалистической *діалектикой*. Съ точки зрѣнія логики и здраваго смысла такіа двѣ противоположныя категоріи, какъ добро и зло, свѣтъ и тьма, порокъ и добродѣтель непримиримы между собою и постоянны по своему существенному содержанію. Съ точки зрѣнія діалектики, эти понятія относительны. „Метафизикъ—говоритъ Энгельсъ—мыслить законченными, непосредственными противоположеніями; рѣчь его состоитъ изъ: да—да, нѣтъ—нѣтъ; что сверхъ того, то отъ лукаваго. Для него предметъ не можетъ быть самимъ собою и въ то же время чѣмъ-нибудь другимъ; положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ одно другое; причина и слѣдствіе также совершенно противоположны другъ другу. При болѣе точномъ изслѣдованіи, мы находимъ, что оба полюса какой-нибудь противоположности столь же неотдѣлимы одинъ отъ другого, какъ и противоположны, и что они, несмотря на свою противоположность, взаимно проникаютъ другъ друга.“¹⁾ Эти слова Энгельса являются лишь комментариемъ и пересказомъ соответственныхъ мѣстъ „Энциклопедіи“ Гегеля (Vd. IV, парагр. 80-ый), гдѣ мы находимъ, между прочимъ, такое трезвенно-мудрое изреченіе: „Юности свойственно бросаться въ абстракціи, между тѣмъ какъ человѣкъ, имѣющій жизненный опытъ, не увлекается отвлеченнымъ *или-или*, а держится конкретной почвы“. Въ примѣненіи къ морали, такая „діалектика“ фатально приводитъ къ крайнему нравственному релятивизму, теряющему всякій опредѣленный критерій добра и зла. Къ этимъ влияніямъ, послужившимъ причиною скептическаго и даже враждебнаго отношенія основоположниковъ марксизма ко всякой идеологіи, присоединилось еще и отрицательное отношеніе историческаго матеріализма къ телеологіи, какъ фактору соціальной жизни, а также и уразумѣніе того важнаго обстоятельства, что личный и классовый эгоизмъ сплошь и рядомъ способенъ играть положительную, регенерирующую роль въ исторіи, а безпочвенный идеализмъ, наоборотъ, — отрицательную, скрывая отъ большинства людей ихъ собственные насущные интересы. Въ преоригинальнѣйшемъ трудѣ Энгельса, посвященномъ Фейербаху,²⁾ мы находимъ, въ числѣ прочихъ рѣзкихъ мѣстъ противъ этого философа, неодобреніе его взгляда на роль „зла“ и эгоизма въ человѣческой исторіи. „Столь же поверхностнымъ—читаемъ мы тамъ—является (съ т.-е. Фейербахъ) сравнительно съ Гегелемъ

¹⁾ „Die Entwicklung von der Utopie zur Wissenschaft“, стр. 17—19.

²⁾ „Ludwig Feuerbach u. der Ausgang der klassischen Philosophie“, стр. 36 и сл.

въ своемъ отношеніи къ противорѣчію добра и зла. „Инымъ кажется,—говоритъ Гегель,—что въ выраженіи: *человѣкъ отъ природы добръ*, заключается что-то высокое; но при этомъ забывается, что въ словахъ: *человѣкъ отъ природы золъ*, скрывается гораздо большій смыслъ“. Такимъ образомъ, у Гегеля зло является той формой, въ которой раскрывается передъ нами двигающая сила историческаго развитія. Причемъ здѣсь скрывается двойной смыслъ: съ одной стороны, всякій новый шагъ впередъ необходимо является какъ покушеніе на что-то священное, какъ мятежъ противъ старыхъ, отживающихъ, но освященныхъ обычаемъ порядковъ; съ другой, съ самаго перваго возникновенія классовыхъ противорѣчій, рычагами историческаго развитія сдѣлались какъ разъ именно дурныя человѣческія страсти, корыстолюбіе и властолюбіе, доказательствомъ чему можетъ служить напр. исторія феодализма и буржуазіи. Но Фейербаху и въ голову не приходитъ разслѣдовать историческую роль нравственно-злого...“ Отъ такихъ взглядовъ недалеко и до своеобразнаго „оправданія зла“ если не во всей міровой жизни, то, по крайней мѣрѣ, въ исторіи. Если противорѣчіе есть необходимый элементъ развитія, то человѣческая исторія немислима безъ зла. Понятія добра и зла относительны и субъективны, тѣмъ болѣе что *зло есть движущій принципъ прогресса*. „Людямъ, держащимся этой точки зрѣнія,—говоритъ Энгельсъ,—исторія человечества перестала казаться нелѣпой путаницей бессмысленныхъ насилій. Исторія людей явилась процессомъ развитія самого человечества, и задача научной мысли свелась къ тому, чтобы прослѣдить послѣдовательныя ступени этого процесса, среди всѣхъ его будто бы ложныхъ путей, и доказать внутреннюю его законосообразность среди всѣхъ кажущихся случайностей“. Итакъ, историческія насилія и „несправедливости“ имѣли каждое и каждая свой высшій смыслъ, не только не задерживая соціальнаго развитія, но, наоборотъ, ему содѣйствуя. „Нѣтъ ничего легче,—читаемъ мы въ критикѣ Энгельса „Противъ Дюринга“,—какъ произносить громкія фразы по поводу рабства и т. п. и изливать цѣлые потоки высоко-нравственнаго гнѣва на такія постыдныя вещи. Только, къ сожалѣнію, этимъ не выражается ничего, кромѣ всѣмъ извѣстнаго факта, что эти древнія учрежденія не соотвѣтствуютъ болѣе ни современнымъ обстоятельствамъ, ни нашимъ, выработаннымъ этими обстоятельствами, чувствамъ“. Въ свое время рабство „было прогрессомъ: военнопленныя, изъ которыхъ рабы по преимуществу набирались, сохраняли теперь, по крайней мѣрѣ, жизнь, тогда какъ прежде они убивались, а еще раньше даже поѣдались“. Или возьмемъ такое, напризмѣръ, понятіе, какъ насиліе. „Для г. Дюринга сила есть начало безусловно зла и ея первое дѣйствіе было настоящимъ грѣхопадениемъ. О т ѣ ж е, что сила играетъ въ исторіи еще другую роль, что она является, говоря словами Маркса, „повивальной бабкой“ каждый разъ, когда старое общество носитъ

въ своихъ нѣдрахъ новый порядокъ,—обо всемъ этомъ мы не находимъ у г. Дюринга ни слова..“ Итакъ, какое можетъ существовать коренное, непримиримое различіе между добромъ и зломъ, если конечные результаты и того и другого одинаковы? Нравственный абсолютизмъ присущъ лишь „метафизическому“ мышленію или—что по Энгельсу одно и то же—„здравому человѣческому смыслу“. Обыденное мышленіе не можетъ представить себѣ положительную величину безъ отрицательной, да безъ *нѣтъ*, прекрасное безъ безобразнаго, добро безъ зла. Но истинный или правильный взглядъ на міръ, впервые ясно выраженный Гераклитомъ, примиряетъ эти якобы непримиримыя противорѣчія въ одномъ высшемъ синтезѣ.

Въ основѣ такого взгляда, развитаго въ цѣломъ рядѣ сочиненій Энгельса, подъ внѣшней маской нравственнаго релятивизма и скептицизма можно легко замѣтить бьющую ключемъ жизнерадостность и *глубокое довѣріе къ дѣйствительности и имманентнымъ ея законамъ* со стороны новой общественной силы, выступившей впервые активно и сознательно на историческое поприще. Что есть зло и что добро, если все въ сущности есть добро, все имѣетъ свое мѣсто и смыслъ въ общей совокупности вещей, и каждая частность необходима на своемъ мѣстѣ для развитія или совершенства цѣлаго. И въ то самое время, какъ буржуазная идеологія, въ лицѣ Шопенгауера, произнесла свое первое проклятіе надъ дѣйствительностью, въ нововозрождавшейся, „пролетарской“ идеологіи зазвучали ноты чисто гёттевскаго оптимизма, смотрѣвшаго на вещи *sub specie boni* и нашедшаго свое „оправданье зла“. Съ точки зрѣнія Шопенгауера,

„Затѣмъ, чтобъ съ громомъ провалиться.

Годна вся эта дрянь, что на землѣ живетъ.

Не лучше ль было бъ имъ ужъ вовсе не родиться..“

Съ точки зрѣнія новой идеологіи, даже всякая „дрянь“ получила на землѣ свой высшій смыслъ, ибо

„Образованія, преобразованія,
Вѣчная забава *вѣчнаго смысла*..“

Правда, точка зрѣнія Маркса и Энгельса не распространяла этого оптимистическаго положенія на всѣ міровыя явленія, на космическую эволюцію, а ограничивала его одной лишь человѣческой жизнью и исторіей. Но въ этой послѣдней сферѣ довѣріе этихъ мыслителей къ имманентнымъ законамъ исторической эволюціи, къ господству высшаго разума даже въ самыхъ ужасныхъ бѣдствіяхъ и беззаконіяхъ общественной жизни было выше всякой мѣры и граничло почти съ религіознымъ. Бѣзвѣріе въ дѣйствительность и даже „гносеологическое“ сомнѣніе въ ней со стороны буржуазныхъ мыслителей, замѣнилось здѣсь глубокой вѣрой въ нее, въ благотворность ея естественно-необходимыхъ“ процессовъ. Огряца существованіе вѣчныхъ абсолю-

ныхъ истинъ, новое философское теченіе дѣлало однако исключеніе по отношенію къ своей верховной, излюбленной идеѣ — диалектикѣ, гласящей, что „всякое явленіе въ процессѣ своего развитія *само изъ себя* создаетъ тѣ силы, которыя ведутъ къ его отрицанію и исчезновенію“, а слѣдовательно и всякое „зло“ само изъ себя создаетъ „добро“. Отсюда былъ всего одинъ шагъ къ оптимистическому консерватизму и квіетизму, котораго не набѣжали въ концѣ концовъ ни Гегель ни пантеистъ Гёте. „Чего же, наконецъ, желать?—гласить одинъ изъ афоризмовъ Гёте:— миръ познать и не презирать“... Вся мораль новаго общественнаго класса, казалось, должна была привести его къ нравственному безразличію и индифферентизму, ибо эта мораль была въ своей сущности не чѣмъ инымъ, какъ старой-престарой „этикой“ Баруха Спинозы, требовавшей не только *познанія*, но и *признанія* дѣйствительности. „Bonum et malum, добро и зло,— читаемъ мы въ четвертой книгѣ этой этики,—это только *modi imaginandi*, т. е. понятія, относящіяся къ неточному (инадекватному) представленію, а не къ точному мышленію. Понятіе о дурномъ происходитъ отъ того, что мы разсматриваемъ вещи въ сравненіи съ другими. Для Бога же, который видитъ вещи такими, какими онѣ суть сами по себѣ, все совершенно; и если бы человѣческой умъ обладалъ только адекватными представленіями, то и онъ не создавалъ бы понятія дурного“...

Повторяемъ,—такова была по существу мораль новаго общественнаго класса, на сколько она нашла свое выраженіе въ первыхъ произведеніяхъ Маркса-Энгельса. Но выводы и правила для поведенія получились у нихъ совершенно противоположные. *Истинное* пониманіе диалектическаго закона развитія,—говорили они, — не имѣетъ ничего общаго съ примиреніемъ съ дѣйствительностью. „Диалектика Гегеля—говоритъ Энгельсъ въ своемъ трудѣ о Фейербахѣ—превращаетъ разсматриваемый тезисъ (о разумности дѣйствительности) въ его прямую противоположность: все дѣйствительное въ области человѣческой исторіи оказывается со временемъ неразумнымъ, т. е., другими словами, всему дѣйствительному суждено стать неразумнымъ, все дѣйствительное враніе обречено на неразумность, и всему, что есть разумнаго въ человѣческихъ головахъ, суждено стать дѣйствительнымъ. По всѣмъ правиламъ гегелевскаго метода мышленія, тезисъ, провозглашающій разумность всего дѣйствительнаго, превращается въ другой тезисъ: *достойно гибели все то, что существуетъ* 1). Если Гегель и Гёте пришли къ инымъ выводамъ, то лишь потому, что оба они не могли „вполнѣ отдѣлаться отъ духа нѣмецкаго филистерства“. Въ дѣйствительности же, „для диалектической философіи нѣтъ ничего развѣ навсегда установленнаго, безусловнаго, святаго. На всемъ и во всемъ видитъ она печать неизбѣжнаго паденія, и ничто не можетъ устоять передъ нею“.

1) Курсивъ вездѣ нашъ. Е. Л.

кромя непрерывнаго процесса возникновенія и уничтоженія, безконечнаго восхожденія отъ низшаго къ высшему (!) У нея безъ сомнѣнія есть и своя консервативная сторона: каждая данная ступень развитія науки или общественныхъ отношеній оправдывается ею въ виду обстоятельствъ даннаго времени, но не больше. Ея консерватизмъ относителенъ; ея революціонный характеръ безусловенъ. Но если это вѣрно, спрашивается: какіе же *этические выводы* вытекаютъ изъ такой діалектической философіи? не вправдѣ-ли личность, умудренная ею, сказать вмѣстѣ съ Мефистофелемъ:

„Ich bin der Geist, der stets verneint!
Und das mit Recht; denn alles, was entsteht,
Ist werth, das es zu Grunde geht...“

т. е. „я духъ, который вѣчно отрицаетъ! Да такъ и слѣдуетъ, ибо все то, что возникаетъ, достойно гибели“. Это, несомнѣнно, крайне революціонно, но отнюдь не рѣшаетъ еще нравственной проблемы, или,—чтобы не употреблять этихъ словъ,—вовсе не даетъ еще личности опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: что я такое и зачѣмъ я здѣсь? И въ самомъ дѣлѣ,—*что долженъ дѣлать я* въ этомъ „непрерывномъ процесѣ возникновенія и уничтоженія“, въ безконечномъ калейдоскопѣ стадій мірового и социальнаго развитія, возникающихъ лишь на то, чтобы погибнуть безслѣдно и бесплодно? Если „*отрицать*“, то во имя чего? во имя слѣдующей, наступающей стадіи развитія? Повидимому,—да, ибо по Гегелю и Энгельсу мое отрицаніе „разумно“ лишь тогда, „когда оно совпадаетъ съ тѣмъ объективнымъ процессомъ отрицанія, который совершается въ самой дѣйствительности“. Но въ такомъ случаѣ, чтобы оставаться строго объективнымъ, я долженъ отрицать настоящее во имя будущаго *лишь потому, что оно „будущее“*, и даже тогда, если это будущее обратится въ ту „поворотную точку“, за которой, по словамъ самого же Энгельса, „начнется движеніе общественной исторіи *сверху внизъ*“. Что такое понятное движеніе когда-либо фатально наступить, въ этомъ Энгельсъ не сомнѣвается ни на минуту. Но тогда не придется ли человѣческой личности „отрицать“ какъ-разъ наоборотъ: будущее—во имя настоящаго и прошедшаго, грядущій, надвигающійся хаосъ и пустоту, во имя кончающейся культуры и цивилизации? Ибо, очевидно, *зло* не всегда способно нарождать изъ себя *добро*, если въ концѣ концовъ „у человѣческой исторіи будетъ не только восходящая, но и нисходящая ступень“. Но въ такомъ случаѣ, зло, производящее въ конечномъ счетѣ одно лишь зло, приобретаетъ абсолютное значеніе и становится началомъ, по существу противоположнымъ и враждебнымъ добру. Правда,—Спиноза, Гёте, Гегель думали объ этомъ иначе, но потому лишь, что, будучи пантеистами, они вѣрили въ конечное торжество міровой правды. У матеріалистовъ Маркса и Энгельса не могло быть такого утѣшенія, и отсюда крайне пессимистическій финалъ всей ихъ діалектики и ея непримиримое внутрен-

нее противорѣчіе. Оптимистическая вѣра въ имманентные законы исторической дѣйствительности оказалась *черезчуръ преувеличенной* и близорукой; она была болѣе къ лицу идеализму, чѣмъ материализму, не усматривающему въ мировомъ процессѣ ничего, кромѣ бессмысленной игры слѣпыхъ и бессмысленныхъ силъ. Оказалось, что и съ точки зрѣнія материалистической діалектики добро и зло *отнюдь не одно и то же*, что это—два непримиримыхъ и вѣчно враждующихъ начала, не знающихъ никакого одного, общаго имъ, синтеза. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ опять все тотъ же вѣчный вопросъ: въ чемъ заключается *критерій* добра и зла, и каковъ верховный законъ нравственной жизни человѣка? На этотъ вопросъ Энгельсу тѣмъ необходимо было отвѣтить, что самъ онъ, — какъ мы выше видѣли, — усматриваетъ въ человѣческой исторіи „бесконечное восхождение отъ низшаго къ высшему“ — другими словами, постепенное осуществленіе *какой-то одной определенной идеальной цѣли*. Ибо говорить о низшихъ и высшихъ ступеняхъ развитія можно лишь при наличности одного опредѣленнаго и *постояннаго* критерія. Волей-неволей приходилось отказываться, въ концѣ концовъ, отъ нравственнаго релятивизма и безразличія и пускаться въ поиски за какой-либо новой, своей собственной и—главное—истинной моралью. Тѣмъ болѣе, что даже „по Гегелю“ („Энциклопедія“, § 80), хотя діалектическое мышленіе и выше разсудочнаго, знающаго лишь да—да, нѣтъ—нѣтъ, т. е. твердо опредѣленія, исключающія другъ друга, то все же „безъ разсудочнаго мышленія нельзя прійти ни къ чему прочному и опредѣленному ни въ области теоріи, ни на практикѣ“. И вотъ, тутъ мы подходимъ ко *второй стадіи* этической эволюціи марксизма, а именно къ попыткамъ этического опредѣленія и формулированія „идеи четвертаго сословія“, къ возникновенію такъ называемой пролетарской морали. Вирочемъ, мы должны тутъ же отмѣтить то важное обстоятельство, что никакой официальной системы нравственности марксизмъ никогда не выставлялъ, что однако не мѣшало ему говорить о „пролетарской морали“, какъ о чемъ-то вполне опредѣленномъ и совершенно отличномъ отъ буржуазной и всѣхъ другихъ, существовавшихъ до сихъ поръ, этикъ. Уже въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ появились въ газетѣ „*Volksstaat*“ такъ наз. *Kapitelreden* извѣстнаго рабочаго-философа Іосифа Дитцгена на тему о „религіи“ и „морали“. ¹⁾ Но ярче и чище всего „пролетарская точка зрѣнія“ наша свое выраженіе опять-таки въ сочиненіяхъ того же Фр. Энгельса, да еще въ статьяхъ Каутскаго, Меринга и друг. И замѣчательно, что какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда Фр. Ницше въ совершенно другой сферѣ объявилъ войну всей традиціонной этикѣ, всецѣло посвятивши себя „переоцѣнкѣ

¹⁾ См. Joseph Dietzgens philosophische Schriften. (Stuttgart 1903, Dietz).

всѣхъ цѣнностей“, рядомъ съ нимъ происходили не менѣе тяжкіе роды новыхъ нравственныхъ идеаловъ въ средѣ германской рабочей интеллигенціи. Но еще замѣчательнѣе то обстоятельство, что, несмотря на совершенно противоположныя исходныя точки зрѣнія этихъ двухъ параллельныхъ нравственныхъ теченій, между ними можно, тѣмъ не менѣе, найти не мало общаго и родственнаго по духу. Въ литературѣ германскаго марксизма, какъ и въ сочиненіяхъ Ницше, бросается прежде всего въ глаза самое радикальное отрицаніе всѣхъ предшествовавшихъ системъ морали, доходящее сплошь и рядомъ до полного аморализма. Если Зомбартъ упрекнулъ марксизмъ въ его „антиэтической тенденціи“, то то же самое слышалось въ послѣднія времена и по адресу Ницше. Въ дѣйствительности, однако, мы имѣемъ здѣсь дѣло не столько съ отрицаніемъ морали, сколько съ самымъ необузданнымъ стремленіемъ къ ея коренной реформѣ. Исторически такое стремленіе принимаетъ иногда форму нравственнаго скептицизма и нигилизма; въ своей основѣ оно есть не что иное, какъ исканіе новыхъ идеаловъ. Сочиненія Маркса являются лучшимъ тому доказательствомъ. „Рабочій классъ—писалъ напр. онъ—не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ, а лишь освободить развившіеся въ нѣдрахъ буржуазнаго общества элементы новаго общества“. Тутъ мы имѣемъ аморализмъ безспорный. Но тотъ же Марксъ говорилъ, что „задача философіи и исторіи теперь, когда исчезла правда внѣ-мировая, *установить правду въ мирѣ*“. Подобныхъ же противорѣчій можно найти не мало и у Ницше. Что же касается отрицанія традиціонной нравственности, то тутъ единодушіе между ними было почти полное. Карлъ Марксъ упоминалъ о Бентамѣ лишь съ ироніей; онъ же, вмѣстѣ съ Энгельсомъ, всецѣло подписывались подъ язвительной гегелевской критикой Кантовой морали. Такъ же точно вышучивали они и Фейербаховскій альтруизмъ, вообще всякую мораль любви и состраданія. Относящіяся сюда мѣста изъ сочиненій Энгельса прямо-таки напоминаютъ, по своему сарказму, соответственные реплики и афоризмы Ницше. Такъ, въ его книгѣ о Фейербахѣ мы читаемъ:

„...Но любовь!—Да, любовь всегда и вездѣ является у Фейербаха чудотворцемъ, долженствующимъ преодолѣть всѣ трудности практической жизни, и это въ обществѣ, раздѣленномъ на классы съ прямо противоположными интересами. Такимъ путемъ изъ его философіи улетучиваются всѣ слѣды ея жизненнаго характера, и въ ней остается лишь старая пѣсенка: любите другъ друга, любайтеся любовно всѣ, безъ различія пола и званія — всеобщее примирительное умоизступленіе!“

Подобныя же ядовитыя стрѣлы пускаетъ Энгельсъ и противъ чисто-утилитарныхъ элементовъ Фейербаховской морали. Пролетарская идеологія, по его мнѣнію, не должна имѣть ничего общаго съ этими „тощими“ нравственными системами. Стремленіе къ счастью—говоритъ утилитарная мораль—прирождено человѣку, и

поэтому оно должно служить основаніемъ морали. „Но стремленіе къ счастью—комментируетъ Энгельсъ—подвергается двойкой поправкѣ. Во-первыхъ, со стороны естественныхъ слѣдствій нашихъ поступковъ: за хмелемъ слѣдуетъ похмелье, за излишествомъ—болѣзнь. Во-вторыхъ, со стороны ихъ общественныхъ послѣдствій: если мы не уважаемъ въ своихъ ближнихъ свойственнаго имъ стремленія къ счастью, они вступаютъ съ нами въ борьбу, и не даютъ хода *нашему* стремленію. Отсюда слѣдуетъ, что если мы хотимъ удовлетворить свое стремленіе къ счастью, мы должны научиться правильно взвѣшивать послѣдствія нашихъ поступковъ и уважать то же стремленіе и въ другихъ. Разумное сдерживаніе самихъ себя и любовь—вѣчно любовь!—въ сношеніяхъ съ другими,—таковы, стало быть, основныя правила фейербаховской морали, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ остальные. И ни талантливѣйшее изложеніе Фейербаха, ни усиленные похвалы Штарке не въ состояніи скрыть *бѣдность и плоскость этихъ двухъ-трехъ положеній*“ (курсивъ нашъ. Е. Л.).

Такимъ образомъ, марксизмъ, въ лицѣ своихъ важнѣйшихъ представителей, подобно и „ницшеанству“, повернулся спиною не только къ абсолютному категорическому императиву Канта, но и къ альтруистической и даже утилитарной системамъ нравственности, и потому совершенно не правы тѣ, которые смѣшиваютъ такъ называемую „пролетарскую мораль“ съ утилитаризмомъ или альтруизмомъ. Фридрихъ Энгельсъ какъ нельзя лучше раскрылъ всѣ плоскіе софизмы и внутреннія противорѣчія утилитарной системы нравственности и осмыслъ ихъ стрѣлами своей отвѣтливой ироніи.

„Занимаясь самимъ собой,—писалъ онъ, напримѣръ, на страницахъ 31.—32 того же своего труда,—человѣкъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ и далеко не съ пользой для себя и для другихъ удовлетворяетъ свое стремленіе къ счастью. Онъ долженъ имѣть сношенія съ внѣшнимъ міромъ, средства для удовлетворенія названнаго стремленія: пищу, любимаго человѣка другого пола, книги, бесѣды, споры, дѣятельность, предметы потребленія и обработки. Одно изъ двухъ: или фейербаховская мораль заранее предполагаетъ, что всѣ эти средства и предметы уже даны человѣку, или она даетъ добрыя, но неприложимыя совѣты, и тогда она не стоитъ выдѣннаго яйца для людей, лишенныхъ вышеуказанныхъ средствъ. Это подтверждается словами самого Фейербаха: „Если у тебя отъ голода и по бѣдности нѣтъ питательныхъ веществъ въ тѣлѣ, то и въ головѣ твоей, въ твоихъ чувствахъ и въ твоёмъ сердцѣ нѣтъ матерьяла для нравственности“... Но если бы въ дѣйствительности и былъ у cadaго такой „матерьялъ“ для нравственности, утилитарная теорія, по мнѣнію Энгельса, все же не выдержала бы высшей критики. И въ самомъ дѣлѣ. „По фейербаховской теоріи морали—говоритъ онъ—выходитъ, что биржа есть храмъ возвышеннѣйшей нравственности, если только въ биржевыхъ спекуляціяхъ нѣтъ ошибокъ. Если мое стремленіе

къ счастью заводитъ меня на биржу, и если я умѣю нравильно взвѣсить послѣдствія моихъ тамошнихъ поступковъ, такъ что эти поступки приносятъ мнѣ одиѣ только пріятности и никакого ущерба, т. е. если я постоянно выигрываю, то предписаніе Фейербаха исполнено. И замѣтите, что при этомъ я вовсе не стѣсняю моего ближняго въ его стремленіи къ счастью. Мой ближній такъ же добровольно пришелъ на биржу, какъ и я. Вступая со мной въ дѣловое соглашеніе, онъ совершенно такъ же слѣдуетъ своему стремленію къ счастью, какъ я слѣдую моему. А если онъ теряетъ, то этимъ доказывается безнравственность его поступка, послѣдствія котораго были имъ плохо взвѣшены. Заставляя его нести заслуженное наказаніе, я могу быть доволенъ собою, какъ новѣйшій Радамантъ (сынъ Завеса, назначенный имъ судьей въ аду за свою справедливость. Е. Л.). На биржѣ царствуетъ также и любовь, поскольку она не пустая фраза: каждый видитъ свое счастье въ своемъ ближнемъ, а именно это и нужно для любви, въ этомъ и заключается ея практическое осуществленіе. Слѣдовательно,—заключаетъ Энгельсъ—если я, ведя биржевую игру, хорошо разсчитываю послѣдствія моихъ операцій, т. е. если я играю съ успѣхомъ, то я строжайшимъ образомъ исполняю всѣ требованія фейербаховской морали, а въдобавокъ еще и богатью. Иначе сказать, каковы бы ни были намѣренія и ожиданія Фейербаха, его мораль оказывается скроенной по мѣркѣ нынѣшняго капиталистическаго общества“...

Какъ Марксъ, такъ и Энгельсъ стремились изгнать изъ нравственныхъ представленій современности „непомѣрное обоготвореніе любви“. Въ глазахъ Маркса альтруистическая мораль есть не что иное, какъ „Liebessabberei“, т. е. „слоняное любвеобиліе“, а также „Liebesduselei“, т. е. „любственное помраченіе“, способное оказывать на людей лишь „денервирующее вліяніе“, да среди „старыхъ дѣвъ—распространять блѣдную немочь и истерію“¹⁾

Фейербаховскій альтруизмъ онъ, вмѣстѣ съ Энгельсомъ, извинялъ, хотя и не оправдывалъ, „какъ реакцію противъ самодержавія „чистаго мышленія“, ставшаго совершенно несноснымъ. Не надо, впрочемъ, забывать,—говорить по этому поводу Энгельсъ,—что именно за обѣ эти слабыя стороны Фейербаха ухватился „истинный социализмъ“, который какъ зараза распространился съ 1844 г. между „образованными“ людьми Германіи и который научное изслѣдованіе замѣнялъ беллетристической фразой, проповѣдывалъ освобожденіе человечества посредствомъ „любви“, словомъ ударился въ самую непривлекательную беллетристику и любвеобильную болтовню“... Такимъ образомъ, оба эти родоначальника марксизма, подобно Ницше, „не совѣтовали“ намъ „любовь къ ближнему“, какъ и вообще всю „добродѣтель старыхъ дѣвъ и маленькихъ людей“, которая, по мнѣнію этого

1) „Zwei bisher unbekante Aufsätze von K. Marx aus den vierzigen Jahren“ (Die Neue Zeit, 1895—1896, II Band).

последняго, должна быть, наконецъ, „преодольна“¹⁾ Въ художественной литературѣ германскаго марксизма можно найти не мало произведеній, направленныхъ противъ морали альтруистической любви и состраданія. Слѣдуя извѣстному положенію Гераклита, гласящему, что „споръ есть отецъ вещей“, эта литература противопоставила обоготворенію любви извѣстную „пѣсню“ Георга Гервега „о ненависти“:

Ihr habet lang genug geliebt,
O lernet endlich hassen²⁾!

Равнымъ образомъ, апотеозъ милосердія и состраданія была противопоставлена пѣсня Ignotus'a „о правѣ“:

Barmherzigkeit! Jahr ein, Jahr aus
Die alten armseligen Sprüche...

Все это тѣ же самые мотивы, изъ которыхъ складывалось и другое великое „интермеццо“ въ „переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей“, — т. е. въ эволюціи современной нравственности, — а именно „сверхчеловѣческая“ мораль Ницше. Писалъ же, вѣдь, онъ почти въ тѣ же годы: „По-истинѣ, я не могу терпѣть ихъ, этихъ „милосердныхъ“, которые блаженны въ своемъ милосердіи: черезчуръ ужъ недостаетъ имъ стыда“³⁾. Но само собою разумѣется, что для Ницше, какъ и для „пролетарской этики“ ненависть не есть самоцѣль и верховный принципъ морали, а одно лишь изъ ея необходимыхъ требованій. Любовь безъ ненависти это, въ сущности, тотъ всеобщій индифферентизмъ, который проповѣдывался буддѣйской этикой Шопенгауера. Въ дѣйствительности же, „то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть“: „такъ говоритъ всякая великая любовь, — она преодолеваетъ также еще *proccenie* и *sostpadanie*, ибо она хочетъ создать еще предметъ своей любви“. Эти слова Ницше осуждаютъ, во имя великой любви къ „дальнимъ“, постоянное терпѣливое прощенье „ближнихъ“, вмѣстѣ съ безразличнымъ состраданіемъ всѣмъ и каждому. Нравственная равноцѣнность и самоцѣльность каждой личности — эта основная догма буржуазной, индивидуалистической морали — уступаетъ здѣсь свое мѣсто совершенно противоположному принципу. Съ точки зрѣнія альтруистической морали каждый Иванъ и Петръ

1) Сравни эту анти-альтруистическую тенденцію со слѣдующимъ, родственнымъ по духу, мѣстомъ изъ „Этики“ В. Вундта: „Любовь къ ближнему хороша только при существованіи общественнаго смысла, иначе она будетъ лишь *расширеннымъ эгоизмомъ*. Слабыя, черезчуръ мягкія натуры склонны къ этой любви, тогда какъ сильныя мужественныя характеры являются носителями общественныхъ идей и чувствъ“.

2) Т. е. „Довольно мы своихъ враговъ любили, мы ненавидѣть ихъ хотимъ“. См. также „*Die prol. Bergpredigt*“, ein Intermezzo aus der Umwertung aller Werte (Zürich, 1904, Buchh. Grütli).

3) Въ другомъ мѣстѣ [II томъ соч. стр. 366] Ницше говоритъ, что мораль состраданія, „die keinen Kopf hat, sondern nur aus Herz und hilfreichen Händen zu bestehenscheint, schwächt nicht nur ihre eigenen Anhänger, sondern macht auch die Welt ringsherum nachlässig und sentimental“.

является одинаково нашимъ „ближнимъ“, но Ницше предостерегаетъ насъ отъ такой любви, сурово напоминая намъ, что отъ нея страдаютъ „дальніе“, т. е. грядущія поколѣнія, будущее. Будущее есть наша цѣль, по отношенію къ которой мы являемся лишь „мостомъ“. Аналогичное отношеніе къ принципу самоцѣльности и равноцѣнности мы замѣчаемъ и въ идеологіи марксизма. Восторги буржуазныхъ идеологовъ по поводу такъ наз. „божественности“ человѣческой природы глубоко ему антипатичны. Противъ атомизма индивидуалистической философіи въ марксизмъ замѣчается поворотъ къ универсализму. „Эгоистическій индивидуумъ буржуазнаго общества—писалъ въ свое время Маркс—можетъ въ своей безжизненной абстракціи и вообразить себя атомомъ (sich zum Atom aufblähen), т. е. безотносительнымъ, самодовлѣющимъ, абсолютнымъ, блаженнымъ существомъ. Но неблаженной, чувственной дѣйствительности нѣтъ никакого дѣла до его фантазій; каждое изъ его чувствъ принуждаетъ его вѣрять въ существованіе міра и индивидовъ внѣ его, и даже его собственный вульгарный желудокъ ежедневно напоминаетъ ему о томъ, что міръ тамъ, внѣ его, отнюдь не пустъ, а, наоборотъ, является именно тѣмъ, что наполняетъ“¹⁾. Другими словами, личность есть зависимая, служебная часть цѣлага, и, слѣдовательно, на абсолютное, самодовлѣющее значеніе претендовать не смѣетъ. Съ другой стороны, вся психологія личности определяется ея классовымъ положеніемъ. Думаетъ, чувствуетъ, собственно, не личность, а каждая данная общественная группа. Каждый классъ имѣетъ свою особую мораль, свой собственный „категорическій императивъ“. Классовая мораль требуетъ отъ *каждаго*—*служенія интересамъ своего класса*. При сравненіи различныхъ классовыхъ интересовъ данной эпохи, преимущество должно быть дано „восходящему классу“, идущему на смѣну прежнимъ. „Въ настоящее время—говоритъ Энгельсъ—проповѣдуется одновременно нѣсколько моралей. Которая же изъ нихъ истинная? Ни одна, въ смыслѣ абсолютной окончательности, но, разумѣется, вѣрнѣе всѣхъ та, которая соединяетъ въ себѣ наибольшее количество болѣе постоянныхъ элементовъ, представляющихъ въ настоящемъ будущее,—*стало быть нравственность пролетарская*“ (курсивъ нашъ. Е. Л.).

Такимъ образомъ, въ результатъ получается нравственная максима приблизительно²⁾ такого свойства: служи классовымъ интересамъ социальной группы, которая въ данное время является носителемъ прогресса, „повивальной бабкой“ или „акушеромъ“ будущего. Не „ближнимъ“ должна принадлежать твоя жизнь и

¹⁾ Karl Marx, Der französische Materialismus des 18 Jahrhunderts (Die Neue Zeit, 1885, S. 386).

²⁾ Мы говоримъ „приблизительно“, ибо во всей марксистской литературѣ мы, къ сожалѣнію, не находимъ ни одной строки, посвященной положительному опредѣленію хотя бы основныхъ принциповъ и нормъ пролетарской нравственности.

дѣятельность и даже не возможно большому счастью возможно большаго числа лицъ,—какъ того требуютъ утилитарная и альтруистическая нравственность,—а одному лишь опредѣленному общественному классу. Впервые буржуазный атомизмъ и индивидуализмъ были преодолѣны не иллюзорно лишь, какъ у Ницше, а дѣйствительно,—вполнѣ опредѣленными общественными принципомъ, а именно: классовой точкой зрѣнія. Уже не *ты* и не *сверхчеловѣкъ* были провозглашены конечной цѣлью нравственной дѣятельности индивида, а нѣчто *сверхъ-индивидуальное*, отъ личности не зависящее. „Категорическимъ императивомъ“ является здѣсь классовое сознание, преломляющееся въ индивидуальномъ сознаниі въ формѣ нравственнаго велѣнія: *ты долженъ!* Классовое самосознание спасаетъ личность отъ бесплоднаго и губительнаго самоутвержденія и тѣмъ самымъ впервые даетъ ей нѣкоторую истинную опору въ жизни, открываетъ безконечный путь къ слиянію съ всеобщимъ. Не давая—какъ мы сейчасъ увидимъ—конечнаго рѣшенія нравственной проблемы, марксизмъ въ значительной степени его подготовилъ уже одной своей глубоко-жизненной реакціей противъ буржуазнаго индивидуализма. Атомизированному индивидуализмомъ западно-европейскому обществу онъ давалъ до сихъ поръ новый цементирующий лозунгъ, воспитывающій его лучшіе и наиболѣе жизнеспособные элементы въ духѣ самоотверженія и солидарности:

Wer zieht als Apostel durch's ganze Land
Und predigt den darbenden Brüdern,
Das Klassenbewusstsein, das ehrene Band,
Und singt es in flammenden Liedern?..

Повторяемъ, ни съ утилитаризмомъ, ни съ альтруизмомъ эта мораль не имѣетъ ничего общаго. Какъ утилитарная, такъ и альтруистическая система нравственности покоятся на иллюзорномъ представленіи о солидарности и равноцѣнности всѣхъ членовъ и классовъ общества; существованіе классовыхъ антагонизмовъ и классовыхъ историческихъ задачъ ими совершенно игнорируется. Для альтруиста *ты* выше члена своего класса (Klassen-genosse); для утилитариста возможно большее счастье, возможно большаго числа лицъ въ каждый данный моментъ выше интересовъ одного, хотя бы даже самаго передоваго класса, исполняющаго свою историческую миссію, нерѣдко въ ущербъ интересамъ всѣхъ остальныхъ классовъ и группъ общества. Кромѣ того, классовая мораль, о которой теперь идетъ рѣчь, имѣетъ своей задачей обостреніе существующихъ антагонизмовъ въ обществѣ, а не „любовь къ ближнему“. Какъ различные классы и слои общества, такъ, въ зависимости отъ этого, и различныя личности имѣютъ, съ точки зрѣнія этой морали, далеко не одинаковую этическую цѣнность. Жертвуй собою,—говоритъ эта мораль,—но не ближнему, не „счастью“ большинства, даже не твоему товарищу по классу, а единственно и исключительно—

интересамъ твоего класса, преслѣдующаго свои особыя, сверхъ-индивидуальныя задачи. Даже гедонистическій элементъ преодолѣнъ до извѣстной степени этой моралью, ибо не „счастье“— съ его крайне субъективнымъ и потому неопредѣленнымъ характеромъ—является тутъ верховнымъ критеріемъ морали, а объективные интересы цѣлаго класса, его *благо*, поддающееся вполне опредѣленному учету. Въ виду всего этого, мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ представителей современнаго „критицизма“, которые заявляютъ, что „западно-европейскій пролетаріатъ, осуществляя свою небуржуазную историческую задачу, въ то же время *глубоко проникнуть моральной буржуазностью, или буржуазной моралью*“¹⁾.

Но съ другой стороны этическая растерянность, замѣчающаяся въ послѣднее время у нѣкоторыхъ другихъ представителей современной общественно-философской мысли, показываетъ намъ, какъ нельзя лучше, что даже само вѣйшая и наиболѣе оригинальная „пролетарская мораль“ не въ состояніи удовлетворить всѣ существующіе запросы нашего нравственнаго сознанія. Имѣя нѣкоторое историческое и социальное-педагогическое значеніе, эта мораль въ исторіи современныхъ нравственныхъ исканій является все же не болѣе, какъ *intermezzo*, не дающее еще окончательнаго ихъ разрѣшенія. Его могучіе и живнерадостные звуки вдыхаютъ въ насъ уже твердую надежду на близкое выздоровленіе, но ключа къ окончательному разрѣшенію нравственной загадки, *mysterium magnum* этики, они еще не даютъ. Классовая мораль, хотя бы и самая высокая, уже по тому одному не можетъ быть рѣшеніемъ нравственной проблемы, что ей недостаетъ самаго существеннаго, а именно опредѣленнаго высшаго *критерія* для сравнительной оцѣнки нравственныхъ идеаловъ различныхъ классовъ. Кромѣ того, если нравственность можетъ быть только классовой, а не общечеловѣческой, то съ исчезновеніемъ классовъ должна, по-видимому, исчезнуть и всякая мораль. Такая несообразность, и, вообще, все такъ наз. *petitio principii* классовой морали были, впрочемъ, отмѣчены въ свое время самимъ Энгельсомъ, а въ послѣдствіи и Каутскимъ. Отрицая нравственную догматику, какъ вѣчный, окончательный и неизмѣнный нравственный законъ, Фр. Энгельсъ все же признавалъ, что „въ нравственности такъ же, какъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческаго познанія, осуществляется прогрессъ.“ До сихъ поръ мы, правда, не вышли еще изъ эпохи классовой морали, но будущее принесетъ намъ новую нравственность, которую Энгельсъ называетъ „истинно-человѣческой“. Она будетъ во столько же разъ выше всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ этическихъ концепцій, во сколько будущее безклассовое общество превосходитъ современное, основанное на сословныхъ и классовыхъ различіяхъ. Но это, по его

1) См. напр., Н. Бердяевъ: „Субъективизмъ и индивидуализмъ“, предисловіе П. Струве LXXI.

миѣнію, и все, что можно сказать теперь объ этой далекой еще морали. Ни объ ея основномъ характерѣ, ни объ ея принципахъ мы не въ состояніи теперь имѣть вполне ясное представленіе. „Выше классовыхъ противорѣчій и даже воспоминаній о нихъ стоящая, *истинно-человѣческая нравственность* возможна только на такой ступени общественнаго развитія, которая не только преодолѣетъ классовыя противорѣчія, но и забудетъ о нихъ въ практической жизни“. Во всякомъ случаѣ, реставраціей или повтореніемъ какой-либо прежней, классовой, а тѣмъ болѣе буржуазной и индивидуалистической морали, эта новая, истинно-человѣческая нравственность не можетъ быть и не будетъ. Она, несомнѣнно, произнесетъ какое-то *новое*, искупающее слово, способное дать намъ ясное и твердое правило личнаго поведения и отвѣтить на мучительный вопросъ: что мы такое и зачѣмъ мы здѣсь? Новая нравственность должна будетъ внести кое-какія существенныя принципиальныя поправки въ классовую пролетарскую мораль и освободить насъ, какъ отъ холоднаго ригоризма и формализма Кантовой морали, такъ и отъ всѣхъ внутреннихъ противорѣчій утилитаризма и альтруизма. Уже не далеко тотъ день, когда это новая мораль прекратитъ, наконецъ, грустную эпоху нашихъ нравственныхъ шатаній и освѣтитъ всю нашу жизнь животворящимъ свѣтомъ *истинной* истины и справедливости.

Правда, полное практическое торжество такой морали, ея воплощеніе въ межчеловѣческія отношенія, въ социальную дѣятельность возможны—какъ совершенно справедливо думалъ Фр. Энгельсъ—лишь въ далекомъ будущемъ. Но теоретическое и принципиальное рѣшеніе нравственной проблемы возможно уже и теперь. Быть можетъ, такое рѣшеніе несетъ намъ съ собою уже завтрашній день, даже сегодняшній. Кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ, болѣе внимательное изученіе современныхъ моральныхъ исканій убѣждаетъ насъ, что порѣ безсильнаго нравственнаго скептицизма, съ одной стороны, и узко-доктринерскаго анти-этизма или аморализма, съ другой, наступаетъ фатальный конецъ, и сквозь дикій хаосъ современной „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“, сквозь густой туманъ всевозможныхъ нео-идеалистическихъ экспериментовъ, внимательному взору можно уже разглядѣть постепенно разъясняющіеся горизонты и первые, колеблющіеся силуэты морали будущаго...

Евг. Лозинскій.

Положеніе естественныхъ наукъ въ нашихъ гимназіяхъ.

Вотъ уже 3 года, какъ естествознаніе введено, послѣ долгаго перерыва, снова въ курсъ мужскихъ гимназій, такъ что теперь уже есть данныя, чтобы освѣтить положеніе этого предмета въ школахъ. Я считаю это важнымъ въ виду того, что естественныя науки еще не получили права гражданства въ гимназій, и отъ того или иного результата первыхъ лѣтъ опыта можетъ зависѣть ихъ дальнѣйшее положеніе ¹⁾, тѣмъ болѣе, что къ этому предмету относятся вообще подозрительно. Съ другой стороны такая статья можетъ служить и для общей характеристики „реформы“. Всякій согласится, что любой предметъ только тогда можетъ оказать свое развивающее дѣйствіе на учениковъ, если имѣется на лицо во-первыхъ, соотвѣтствующій преподавательскій персоналъ, во-вторыхъ, подходящая обстановка, способствующая цѣлесообразному примѣненію знаній, способностей и энергии учителя и учениковъ. Разсмотримъ всѣ необходимыя для этого условія.

Программа и число уроковъ.

По плану реформы, выработанному при министрѣ народнаго просвѣщенія г. Ванновскомъ, естествознаніе должно было быть введено во всѣхъ семи классахъ, при пятнадцати недѣльныхъ урокахъ на всю гимназію (по два урока въ шести классахъ и три урока въ одномъ классѣ). Въ первыхъ трехъ классахъ вводился курсъ подготовительный, въ видѣ природовѣдѣнія, а въ четырехъ старшихъ предполагалось систематическое изученіе отдѣльныхъ отраслей: ботаники, зоологіи, химіи и т. п.

¹⁾ Министерство уже въ 1902 году, т.-е. черезъ годъ послѣ начала реформирования школы запрашивало о *результатахъ* введенія „реформы“ (?)

Интересно составленный подготовительный курс¹⁾ рассчитывалъ не столько на изученіе природы, сколько на приученіе ученика къ наблюденіямъ, къ умѣнью ориентироваться въ ней, а главное, имѣлъ цѣлью возбужденіе любви и интереса къ предмету, давая въ то-же время нѣкоторые опорные пункты для занятій въ старшихъ классахъ. Поэтому программа младшихъ классовъ была-бы прекрасной подготовкой для дальнѣйшаго, и въ этомъ предполагалось ея главное назначеніе.

При подобной постановкѣ дѣла можно было надѣяться, что главные основы науки, въ теченіе семи лѣтъ, будутъ усвоены учениками, и методы естествознанія окажутъ свое благотѣльное вліяніе на формирующееся мышленіе. Но съ уходомъ ген. Ванновскаго, реформа остановилась на точкѣ замерзанія, и наша школа напоминаетъ человѣка, занесшаго ногу, чтобы перешагнуть черезъ ручей, да такъ и застывшаго. Вслѣдствіе этой остановки, естествознаніе введено только въ трехъ младшихъ классахъ, по два часа въ недѣлю (по проекту Ванновскаго оно было бы теперь уже въ пяти классахъ) и, повидимому, дальше этого подготовительнаго курса не пойдетъ. Такимъ образомъ, получается такая несообразность, что мы, вотъ уже 3 года, подготавливаемъ учениковъ къ несуществующему курсу.

Самостоятельнаго же значенія эта программа природовѣдѣнія (для 3-хъ младшихъ классовъ) имѣетъ мало, такъ какъ разсмотрѣніе рядомъ самыхъ разнородныхъ тѣлъ изъ всѣхъ 3-хъ царствъ природы и при томъ безъ систематической послѣдовательности, заставляетъ по необходимости касаться всего поверхностно, результатомъ чего является лишь беспорядочное, болѣею частью внѣшнее ознакомленіе съ природой (особенно, если принять во вниманіе возрастъ учениковъ I—III классовъ).

Значеніе и вліяніе нашего предмета еще болѣе умаляется, вслѣдствіе ничтожнаго числа уроковъ (по два часа въ недѣлю на классъ), совершенно тонущихъ въ общей массѣ (всего въ первомъ классѣ въ недѣлю 28 уроковъ, приходящихся на долю 9 предметовъ)²⁾. Благодаря этому, впечатлѣнія у дѣтей мало связываются, особенно при нашей многопредметности, когда ученикъ въ теченіе дня долженъ перенестись мыслью въ 7—8 совершенно различныхъ областей: утромъ 5 да вечеромъ, при приготовленіи уроковъ, еще 2—3 новыхъ предмета.

Вполнѣ понятно, что у учениковъ въ головѣ получается что-то въ родѣ мозаики или венегрета.

¹⁾ По этой программѣ природа должна была изучаться (по возможности на прогулкахъ) такъ, какъ она есть, т.-е. безъ раздѣленія на отдѣлы. Напр., ученики изучаютъ лѣсъ, слѣдовательно съ ними надо разсмотрѣть главные растенія, животныхъ, находящихся тамъ, почву и т. д.

²⁾ Собственно учебныхъ предметовъ 7, а два остальные—чисто-писаніе и рисованіе.

Пособія и экскурсіи.

Всякое обученіе, а тѣмъ болѣе естественнымъ наукамъ, должно быть нагляднымъ. Какъ можно понять устройство, значеніе какого-нибудь предмета, не видя его хоть на рисункѣ, или дать ясное представленіе о какомъ-нибудь явленіи безъ соотвѣтствующаго опыта! Безъ наглядныхъ пособій естествовѣдѣніе превращается для учениковъ въ безсмысленный и скучный предметъ.

Всѣ-же приборы, препараты и т. п. стоятъ обыкновенно очень дорого. Если къ этому прибавить еще, что въ большинствѣ гимназій не было никакихъ пособій, то отсюда ясно вытекаетъ необходимость довольно значительной затраты денегъ (не менѣе 1000 р.) на предварительное обзаведеніе и ежегодный отпускъ на кабинетъ.

Между тѣмъ министерство, вводя новый предметъ, ограничилось только соотвѣтствующимъ циркуляромъ, да запросомъ сколько понадобится денегъ на образованіе кабинета наглядныхъ пособій. Этимъ дѣло и кончилось. Остается, слѣдовательно, надежда только на спеціальныя средства гимназій, но для нихъ такой расходъ непосиленъ, такъ какъ министерство, при своей бѣдности, сваливаетъ на нихъ всевозможные расходы¹⁾. Даже въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ таковыя средства найдутся, трудно ожидать щедрога отпуска денегъ для этой цѣли, т. е. директора, вышедшіе изъ поколѣнія учителей, когда естествознаніе считалось вреднымъ предметомъ, сочтутъ эту затрату съ трудомъ сбереженныхъ денегъ, излишней затѣй и увлеченіемъ молодого преподавателя.

Въ подтвержденіе этого предположенія можно указать на то, что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ были богатые естественно-историческіе кабинеты, оставшіеся отъ прежняго до-классическаго періода; за время расцвѣта классицизма отъ нихъ осталось очень мало: нѣкоторые предметы просто исчезли, другіе были брошены на чердакъ и сгнили, третьи „разбились или поломались“ и т. п.

Напр., въ одной гимназіи были открыты на чердакѣ залежи сгнившихъ чучелъ, въ другой гимназіи среди гречневой шелухи, тоже на чердакѣ, была найдена модель рыбы цѣнностью не менѣе 800 р.; тамъ же, по преданію, была богатая минералогическая коллекція, исчезнувшая теперь безъ остатка, такъ какъ была выброшена во дворъ.

Но предположимъ, что подобныя препятствія преодолѣны настойчивостію преподавателя и экономическимъ талантомъ директора. Является новое препятствіе: нѣкуда дѣвать приобрѣтен-

¹⁾ Спеціальныя средства образуются изъ взносовъ за право ученія. Около $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{4}$ изъ нихъ отчисляется въ финансовое вѣдомство. Остальное распределяется между 30 слишкомъ статьями расхода, часто совершенно не имѣющими отношенія къ нуждамъ гимназіи. Напр., отчисляется 2% въ суммы Ученаго Комитета, 2% на содержаніе параллельныхъ отдѣленій (другихъ гимназій), на квартиры служащихъ въ управленіи Округа и т. п.

ныя вещи. Въ гимназіяхъ такая тѣснота, что большею частью нѣтъ возможности удѣлить для естественнаго кабинета отдѣльной комнаты и приходится ютиться гдѣ попало: въ физическомъ кабинетѣ, въ которомъ и своихъ приборовъ по большей части дѣвать некуда, въ директорскомъ, въ чуланѣ для складыванія фехтовальныхъ и рисовальныхъ принадлежностей, а то и просто въ корридорѣ и т. п. Гдѣ же тутъ готовить опыты, разбирать матеріалъ, устранивать акваріумы, привлекать учениковъ къ практическимъ работамъ и т. д?

Насъ утѣшаютъ тѣмъ, что дѣти все могутъ видѣть на экскурсіи, а кабинетъ можно составить, пользуясь матеріаломъ, собраннымъ тогда же учениками, но это только мечта, а пока ни время, ни число учениковъ, ни интересы другихъ предметовъ не позволяютъ устраивать, хотя бы minimum, необходимыхъ для этого экскурсій. Рекомендуемый способъ отчасти былъ бы возможенъ при 10 ученикахъ въ классѣ и преподавателѣ, могущемъ все время посвящать только тремъ классамъ, на что въ дѣйствительности нѣтъ и намека. Кромѣ того, на экскурсіи многого показывать и нельзя (напр., многихъ животныхъ, которыя, конечно, сбѣгутъ за нѣсколько верстъ отъ шумной дѣтвора); далѣе наглядныя пособія даютъ возможность разсмотрѣть предметъ близко и подробно, даютъ понятіе о внутреннемъ устройствѣ, различныхъ стадіяхъ развитія и т. п.

Еще болѣе проблематичны надежды, что ученики могутъ набирать и рассортировывать матеріалъ и готовить коллекціи. Вѣдь, кромѣ умѣнія собрать матеріалъ, что во многихъ случаяхъ не такъ легко, надо умѣть его разобрать, *опредѣлить* и сохранить. Странно ожидать, что у дѣтей 11—13 лѣтъ хватитъ на это времени, терпѣнія, опыта и знанія, если даже для *преподавателя* эта задача часто оказывается непосильной (напр., опредѣленіе споровыхъ растений, минераловъ); а на сколько требуется навыка, чтобы составлять коллекціи, показываетъ тотъ фактъ, что даже университеты, имѣя *спеціалистовъ*, *выписываютъ* препараты и др. пособія изъ-за границы. Преподаватель же долженъ быть, оказывается, на всѣ руки мастеръ и спеціалистъ по всѣмъ отраслямъ: и чучело набивать, и насѣкомыхъ сушить, и гусеницъ надувать, и въ паяльную трубку дуть и проч. и проч. и проч. Несчастный человѣкъ!

Такимъ образомъ выходить, что какъ ни вертись, а безъ наглядныхъ пособій не обойдешься.

Не малое препятствіе встрѣчаетъ преподаваніе нашего предмета въ отсутствіи одобреннаго министерствомъ подходящаго учебника. Предполагалось, что его и не нужно, такъ какъ въ классѣ будутъ вестись мирныя бесѣды, и этого будетъ достаточно, но опытъ показалъ, что ученики всего запомнить не могутъ и имъ необходимо имѣть дома хотя бы конспектъ сказаннаго въ классѣ, особенно пока обязательна система отмѣтокъ. Изъ вышедшихъ за послѣднее время книгъ можно было бы найти что—

шибудь подходящее, да горе въ томъ, что онѣ для гимназіи недоступны, такъ какъ еще не одобрены въ качествѣ учебника Ученымъ Комитетомъ (да можетъ быть и совсѣмъ не удосоятся этого).

Число учениковъ.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что наши гимназіи страшно переполнены, вслѣдствіе крайняго недостатка у насъ средне-учебныхъ заведеній. Министерство Народнаго Просвѣщенія не можетъ со своимъ скуднымъ бюджетомъ удовлетворить запросамъ времени, и результатомъ этого является такое ненормальное, вѣрнѣе, ужасное положеніе, что въ классѣ бываетъ до 75 человѣкъ, а 60 человѣкъ считается какъ бы нормой (объ утвержденной нормѣ въ 40 чел. уже забыли и думать). Но, повидимому, большинство не даетъ себѣ отчета въ томъ, какое это страшное зло и тормазъ всякаго успѣха; иначе не стали-бы обвинять во всемъ преподавателя ¹⁾. Подтвердимъ сказанное примѣрами. Современная наука требуетъ отъ преподавателя индивидуализированія воздѣйствій на учениковъ. Но вѣдь для этого надо изучить *характеръ* cadaго ученика, а при настоящемъ количествѣ учениковъ едва успѣваешь запомнить ихъ *фамилии*. Для заработка около 100 р. въ мѣсяцъ преподаватель долженъ имѣть 20 недѣльныхъ уроковъ, т.-е. считая по 2 урока (естествовѣдѣнія) на классъ, онъ имѣетъ дѣло ежегодно съ десятью классами, слѣдовательно, долженъ изучить характеръ $\text{minimum } 60 \times 10 = 600$ учениковъ, встрѣчаясь съ каждымъ изъ нихъ только 2 раза въ недѣлю, а бесѣдуя разъ въ мѣсяцъ.

Sapienti sat! При такой массѣ возможенъ только одинъ способъ воздѣйствія—это устрашеніе.

Методика требуетъ, чтобы ученику не подносились готовая истина, и онъ не игралъ бы роль только пассивнаго слушателя; надо, чтобы, путемъ вопросовъ и отвѣтовъ, дѣти сами доискивались до истины, и такимъ образомъ *весь* классъ дружно работалъ. Увы, для насъ это только *ria desideria*, такъ какъ при такой аудиторіи приходится примѣнять лекціонный способъ (это для дѣтей-то!). О самостоятельной работѣ класса, конечно, не можетъ быть и рѣчи, разъ ученикъ за 2—3 урока успѣетъ отвѣтить на 1—2 бѣглыхъ вопроса; вслѣдствіе этого трудно ожидать, чтобы ребенокъ могъ сосредоточиться на томъ, что дѣлаютъ его товарищи. Все это имѣетъ особенное значеніе для преподаванія естественныхъ наукъ, такъ какъ именно эти науки наиболѣе пользуются методомъ индукціи и обладаютъ значительнымъ количествомъ положеній, открытіе которыхъ доступно ученикамъ. Кромѣ такихъ внутреннихъ препятствій, отъ пере-

¹⁾ Общество и пресса уже доросли до пониманія, что въ желѣзнодорожныхъ несчастіяхъ не всегда виноваты стрѣлочники; къ сожалѣнію такая высота пониманія мало проглядываетъ въ статьяхъ и разговорахъ о школѣ.

полненія классовъ возникаютъ и чисто механическія: ученикамъ надо все показывать, надо чтобы они сами изслѣдовали нѣкоторые предметы, надо ихъ водить на экскурсіи и т. п., и все это почти неосуществимо. Напр., чтобы показать всѣмъ, какъ слѣдуетъ, рисунокъ въ книгѣ, потребуется минутъ 10, и, кромѣ потери времени, это сопряжено съ большими неудобствами: большая часть дѣтей, оставшись безъ дѣла, конечно, начнетъ шалить, а такъ какъ ихъ въ такой массѣ трудно сдерживать, то это еще болѣе затрудняетъ занятія. Если, кромѣ того, принять во вниманіе переутомленіе преподавателя, происходящее отъ необходимости руководить 60—70 учениками, и связанную съ этимъ неизбежно-повышенную раздражительность, то легко себѣ представить, что этимъ попыткамъ—быть на высотѣ педагогическихъ требованій, будетъ скоро положенъ конецъ.

Чтобы дать всѣмъ разсмотрѣть цѣтокъ, надо принести ихъ нѣкую охапку, да и то толку не будетъ, такъ какъ не будешь успѣвать разъяснять всѣ недоразумѣнія, исправлять ошибки, сбодрять и побуждать пассивныхъ и т. п. Интересно также прослѣдить, на сколько возможно, изученіе живой природы, т.-е. съ помощью экскурсій, какъ это рекомендуется министерской программой. Образовательныя экскурсіи возможно устраивать максимумъ съ 15—20 учениками, иначе получается просто приятная прогулка, безъ достиженія учебныхъ цѣлей. Слѣдовательно, каждый классъ придется разбить на 3—4 группы; изъ трехъ классовъ составитъ около 10 группъ, каждую изъ нихъ надо сводить за годъ минимумъ 4 раза на экскурсію, если только хотимъ *хоть пройденное въ классѣ* показать среди естественной обстановки. Итого получимъ около 40 экскурсій. Но вѣдь это только на три класса, дающихъ ежемѣсячный заработокъ преподавателю въ 30 р. (Виновать, теперь, съ прибавкой, цѣлыхъ 35 р.).

Чтобы довести мысль до логическаго конца вообразимъ, что преподаватель существуетъ только уроками естествознанія, т. е. имѣетъ ихъ 20 (100 р. въ мѣсяцъ), слѣдовательно въ 10 классахъ; тогда необходимымъ минимумъ числа экскурсій выразится въ цифрѣ $4 \times 4 \times 10 = 160$ экс.

Такимъ образомъ, изъ 240 учебныхъ дней 160 дней преподаватель будетъ гулять съ 15—20 дѣтьми, уроки его будутъ пустовать, а остальные ученики сидѣть безъ дѣла.

Да такого усерднаго преподавателя черезъ мѣсяцъ попросятъ уйти, если только онъ раньше не сляжетъ въ больницу.

Кромѣ сказаннаго, многочисленность, мѣшая тѣсному сближенію преподавателя съ учениками, установленію нравственнаго вліянія и внутренней дисциплины, обращаетъ устройство и веденіе экскурсій вообще въ очень затруднительное и мало продуктивное дѣло.

Формализмъ и подробная регламентація.

Не меньшее затрудненіе для преподаванія представляетъ формализмъ и регламентація всего распорядка и жизни школы до мельчайшихъ подробностей, не могущихъ быть измѣненными не только преподавателями или директоромъ, но даже и *попечителемъ* округа. Относительно всякаго пустяка надо обращаться въ министерство за разрѣшеніемъ или разъясненіемъ¹⁾, что, конечно, убиваетъ всякую инициативу и попытки испробовать тѣ или другіе пути къ улучшенію настоящаго положенія. Тѣмъ болѣе, что само министерство, будучи стѣснено узкими рамками законовъ и правилъ, не можетъ допустить рѣзкихъ отступленій отъ общаго ранжира.

Вся жизнь гимназій течетъ по звонку. Директора и учителя настолько уже пропитываются этимъ духомъ и разучиваются самостоятельно дѣйствовать, что даже и тамъ, гдѣ могли бы, не рѣшаются предпринять что-нибудь на свой страхъ.

Какъ извѣстно, все время, которое ученики проводятъ въ гимназій, распределяется заранѣе по минутамъ на все полугодіе, такъ что впередъ извѣстно, съ какой минуты и до какой, какой преподаватель и какіе ученики чѣмъ будутъ заняты. Отступленія допускаются только въ особо-исключительныхъ случаяхъ. Между тѣмъ для преподавателя естественнѣе было бы чрезвычайно важно (иногда довольно часто) брать какой-нибудь классъ на цѣлый день и при томъ ех tempore, но это произведетъ массу нарушеній всевозможныхъ расписаній и правилъ:

I) ученики пропускаютъ 4 часа другихъ предметовъ, II) преподаватель пропускаетъ 3—4 урока въ другихъ классахъ, III) ученики возвращаются усталыми и не могутъ приготовить уроковъ, IV) отъ этого утвержденные программы могутъ быть не пройдены, или не выполнено опредѣленное число письменныхъ работъ и V) нарушается форма одежды²⁾, мало приспособленная для прогулки. Какъ видите, съ точки зрѣнія формализма, происходитъ большой „безпорядокъ“, а вѣдь порядокъ превратился въ нашей школѣ изъ средства въ цѣль, an und für sich. Это кумиръ, ради котораго приносятся безчисленныя жертвы, и въ рѣдкой гимназій отважатся часто посягать на него.

Не будь этой регламентація, всегда можно было бы избѣгать или ослабить многія другія неблагоприятныя обстоятельства, напр., то, что большая часть учебнаго года приходится на зим-

¹⁾ Напр., въ одномъ учебномъ округѣ совѣщаніе попечителя съ директорами пришло къ заключенію о необходимости сократить послѣдній урокъ, хотя бы на 5 минутъ. Но рѣшеніе даже этого вопроса потребовало высшей санкціи министерства, отвѣты отъ котораго получаютъ приблизительно черезъ годъ.

²⁾ Читатель, вѣрно, усумнится въ этомъ; но смѣемъ увѣрить его, что еще во многихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ форма одежды считается чѣмъ-то неприкосновеннымъ и не могущимъ быть измѣненнымъ ни при какихъ обстоятельствахъ.

нее время, когда нельзя видѣть и изучать живую природу, и приходится поэтому довольствоваться засушенными или заспиртованными препаратами. Можно было бы, напр., испытать такой способъ: въ зимнее время уроковъ естествовѣдѣнія не давать, а положенные на него часы занять другимъ предметомъ; зато весною всѣ часы и этого предмета посвящаются естествовѣдѣнію (это было бы особенно удобно, если бы преподаватель естествовѣдѣнія имѣлъ уроки и другого предмета въ тѣхъ же классахъ, напр., географіи).

Та-же регламентация требуетъ выставленія отмѣтокъ. Кромѣ общей непедагогичности такого способа оцѣнки успѣховъ, онъ представляетъ непреодолимое затрудненіе для преподавателя и приноситъ большой вредъ.

Въ классѣ 60—70 учениковъ. Для того, чтобы справедливо выставить отмѣтку, надо посвятить на каждого ученика минутъ 5—10, времени же крайне мало, такъ какъ на естествовѣдѣніе, какъ и на многіе другіе предметы, полагается 2 часа въ недѣлю, слѣдовательно въ четверть всего около 16 часовъ. Если спросить всѣхъ учениковъ по одному разу за четверть, т. е. за $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, то каждый урокъ, придется спрашивать $70:16=4\frac{1}{2}$ учениковъ. Когда же тогда объяснять ученикамъ новое, показывать имъ препараты, опыты, разучивать съ ними, повторять пройденное со всѣмъ классомъ, путемъ бѣглыхъ вопросовъ и отвѣтовъ, однимъ словомъ—когда же ихъ *учить*?

И если преподаватели другихъ предметовъ едва успѣваютъ спросить учениковъ по одному разу за четверть, то для насъ, вслѣдствіе упомянутыхъ особенностей, и это является недостижимымъ. Такимъ образомъ приходится выставять отмѣтки поспѣшно и спрашивать ученика *одинъ* разъ за 2—3 мѣсяца. Вполнѣ понятно, что дѣйствительной оцѣнки и контроля при такихъ условіяхъ не можетъ быть, и что ученикъ, выучивъ нѣсколько страницъ и получивъ удовлетворительную отмѣтку, „почіетъ на лаврахъ“. Невольно задаешь себѣ вопросъ, какой смыслъ имѣютъ отмѣтки, если единственная цѣль этой системы — контроль и принужденіе—совершенно не достигается. Вся эта процедура въ концѣ концовъ, при настоящихъ условіяхъ, сводится только къ выполненію формальности: заполнить въ указанное время указанную графу соотвѣствующимъ знакомъ; тогда какъ и самъ преподаватель не увѣренъ въ правильности оцѣнки и, все-равно, не можетъ съ помощью отмѣтокъ заставить учениковъ заниматься.

Между тѣмъ этому Молоху приносятся большія жертвы: 1) вмѣсто живой бесѣды и общей работы, классу преподносятся монотонные и тягучіе отвѣты ученика, дѣятельность класса падаетъ и наступаетъ сонное настроеніе; 2) теряется *безкорыстный* интересъ къ предмету и вообще къ наукѣ, уваженіе къ знанію замѣняется уваженіемъ къ отмѣткѣ, 3) нарушаются хорошія отношенія между учениками и учителемъ, возникаютъ постоянныя пререканія, жалобы на несправедливость и т. п.

Преподаватель-же естествовѣдѣнія стоять прямо, какъ въ сказкѣ, на распутьѣ: пойти въ сторону формализма—многому не научишь, ничего не покажешь, испортишь отношенія съ классомъ; пойти въ сторону педагогики—не выведешь и половины отмѣтокъ, произведешь безпорядокъ въ благоустроенномъ заведеніи, да этого и не позволять сдѣлать.

И вотъ приходится все время лавировать: одинъ шагъ вправо, одинъ влево, а въ концѣ концовъ не удовлетворишь ни ту ни другую сторону. Имѣй право преподаватель или совѣтъ, сообразно съ количествомъ учениковъ, времени и другими условіями, измѣнять способъ оцѣнки (напр., ограничиваясь только обозначеніями „удовлетворительно“ и „неудовлетворительно“),—навѣрно были бы придуманы способы смягчить это ненормальное положеніе.

Также, вѣроятно, удалось бы ослабить и вредное вліяніе переполненія классовъ, на которое я уже указывалъ раньше. Для этого можно было бы, на примѣръ, раздѣлить каждый классъ на 2 группы и заниматься съ каждой по очереди отдѣльно. Хотя при такой системѣ каждый ученикъ будетъ заниматься вдвое меньше, но зато онъ дѣйствительно будетъ работать энергично. Во всякомъ случаѣ это будетъ болѣе приучать дѣтей къ работѣ, чѣмъ продолжительное, вялое и бездѣятельное сидѣніе въ классѣ.

Вообще я увѣренъ, что, будь дана педагогической коллегіи большая самостоятельность и не будь такой централизаціи въ учебномъ дѣлѣ, навѣрно были бы изысканы способы болѣе рациональной постановки дѣла. Конечно, многіе опыты были бы неудачны, но сама практика указала бы на ихъ непригодность, и они не могли бы долго примѣняться. Во всякомъ случаѣ риска здѣсь большого не было бы, такъ какъ современное положеніе школы настолько незавидно, что испортить его было бы трудно.

Все это особенно благоприятно повліяло-бы на успѣхи преподаванія естествознанія, какъ новаго предмета и притомъ требующаго особыхъ, разнообразныхъ и болѣе гибкихъ условій, чтобы примѣняться ко всякимъ измѣненіямъ (на примѣръ, числа учениковъ, наглядныхъ пособій, временъ года).

Только въ одномъ отношеніи нашъ предметъ поставленъ въ лучшія условія сравнительно съ остальными, именно: по естествовѣдѣнію нѣтъ *обязательной* программы. Присланная программа является только примѣрной, и ее можно считать скорѣе за указаніе, въ какомъ *духѣ* должно вестись преподаваніе, на *какую сторону* должно быть обращено больше вниманія. Это предоставленіе широкой свободы въ выборѣ матеріала спасло насъ отъ многихъ бѣдъ; благодаря этому можно было примѣняться: 1) къ имѣющимся на лицо нагляднымъ пособіямъ, 2) къ запасу наблюденій у дѣтей, 3) къ интересу, проявляемому ими, 4) къ мѣстной природѣ, 5) къ количеству учениковъ, 6) къ собственному интересу и знаніямъ.

Положеніе преподавателя.

Теперь перейдемъ къ обсужденію положенія самого педагога, такъ какъ отъ этого зависитъ также очень много. Однимъ изъ важныхъ средствъ для привлеченія и образованія состава хорошихъ преподавателей служатъ матеріальное обезпеченіе. Между тѣмъ, общее бѣдственное положеніе ¹⁾ учителей удваивается для преподавателей естествовѣдѣнія, вслѣдствіе недостаточнаго количества уроковъ. Въ гимназій всего 6 уроковъ природовѣдѣнія; уроки другихъ предметовъ, которые могъ бы взять тотъ-же преподаватель, уже по обычаю и по правиламъ предоставлены учителямъ математики (физика) и исторіи (географія). Такимъ образомъ приходится брать себѣ неподходящіе уроки (что дадутъ) или работать въ трехъ, даже въ четырехъ учрежденіяхъ. Конечно, это страшно затрудняетъ работу, дѣлаетъ преподавателя вездѣ какъ бы случайнымъ посѣтителемъ, лишаетъ его интереса къ самому учебному заведенію. Все время приходится метаться по городу, не имѣя возможности не только подготовитъ опытъ, но часто даже некогда достать что-нибудь изъ кабинета.

Въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ (гдѣ 1—2 средне-учебныхъ заведеній) существованіе отдѣльнаго преподавателя для естествовѣдѣнія — невысказано, что и подтверждается составомъ преподавателей Харьковскаго учебнаго округа, гдѣ приходилось поручать этотъ предметъ учителямъ городскихъ училищъ. (Въ 18 гимназійхъ и прогимназійхъ X. уч. окр. только 7 преподавателей съ естественно-историч. образованіемъ, 6 окончившихъ учительскіе институты и 5 математиковъ. Самый Харьковъ въ этотъ разсчетъ не входитъ).

Такъ какъ при правильной постановкѣ дѣла, у учителя не мало должно уходить времени на экскурсіи, кабинеты, опыты, то онъ долженъ имѣть меньше уроковъ, что, конечно, возможно только при вознагражденіи за эти занятія ²⁾. Разъ этого нѣтъ, то необходимость заставить набрать много уроковъ, конечно, отказавшись отъ этихъ важныхъ функцій преподаванія.

Мало также привлекательнаго въ томъ, что являешься сверхштатнымъ преподавателемъ, т. е., какъ бы гостемъ въ школѣ. Но все это еще было-бы во многихъ случаяхъ не такимъ непреодолимымъ препятствіемъ для подбора хорошихъ педагоговъ, если бы общая постановка дѣла давала возможность намъ работать продуктивно, если бы у насъ было сознаніе, что силы за-

¹⁾ Хотя жалованіе теперь и увеличено, но я не думаю, чтобы 100—200 лишнихъ рублей въ годъ могли существенно измѣнить дѣло, слѣдовательно преподавателямъ по прежнему остается заваливать себя работой въ ущербъ дѣлу.

²⁾ Вознагражденіе за это *можетъ* выдаваться изъ спеціальныхъ средствъ, но послѣднія настолько скудны, что возлагать на нихъ надежды трудно, особенно если преподаватель не въ ладу съ директоромъ).

трачены производительно, и что мы можемъ внести свое въ дѣло воспитанія и обученія, и что сами можемъ въ то же время совершенствоваться; кромѣ того, нужна увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, нужно дать преподавателю не только обязанности, но и права, чтобы онъ не могъ, вслѣдствіе какой-нибудь сплетни, немедленно лишиться своего заработка.

Какъ видно изъ предыдущаго, ничего этого нѣтъ. Преподаватель скоро сознаетъ незначительность результатовъ своего труда, видитъ причины этого, видитъ недостатки учениковъ и свои и, увы, ничего сдѣлать не можетъ! Отсюда является апатія, и педагогъ превращается въ ремесленника.

Изъ всей статьи ясно видно, что при введеніи естествовѣдѣнія не позаботились поставить предметъ въ соотвѣтствующія условія для достиженія успѣха. И это обстоятельство, особенно, если сравнить нѣжную заботливость и рѣшительность при введеніи древнихъ языковъ, можетъ, отчасти, характеризовать современную „реформу“.

Хотя вообще, постановка средней школы теперь такова, что ни одинъ предметъ не можетъ преподаваться съ большимъ успѣхомъ, но природовѣдѣніе встрѣчаетъ еще свои спеціальныя препятствія. Поэтому и поставленная намъ цѣль ¹⁾ въ примѣрной министерской программѣ не можетъ быть достигнута. Между тѣмъ враги реального образованія легко могутъ воспользоваться этимъ для своихъ цѣлей. Самое большее, чего можно теперь достигнуть, это нѣкотораго пониманія большей частью уже извѣстныхъ явленій; думать же о серьезномъ достиженіи остального—значитъ самообольщаться. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, вмѣсто любви къ природѣ, можно развить даже противоположное чувство, такъ какъ утомленный мальчикъ, принужденный сидѣть еще лишній часъ въ душной атмосферѣ, выслушивая половину урока скучные отвѣты товарищей, не имѣющій передъ глазами интересныхъ пособій, да, можетъ быть, получившій еще двойку,—поневоля будетъ считать ни въ чемъ неповинную природу своей мучительницей.

При такихъ условіяхъ только сочувственное отношеніе общества, да большой интересъ учениковъ къ нашему предмету и сохраняютъ еще нѣкоторую бодрость у преподавателя и заставляютъ его думать, что трудъ его не пропадаетъ совершенно даромъ.

На основаніи всего сказаннаго, позволю себѣ высказать слѣдующія пожеланія:

1) чтобы была, наконецъ, произведена дѣйствительная реформа средней школы, и такимъ образомъ былъ положенъ конецъ томительному и неопредѣленному положенію, тянущемуся уже 3 года;

¹⁾ Научить дѣтей видѣть, слышать и понимать природу, развить въ нихъ любовь и тяготѣніе къ ней.

2) чтобы въ программѣ реформированной школы естественныя науки заняли мѣсто предмета, равноправнаго съ другими главными предметами;

3) чтобы на первоначальное устройство была отпущена значительная сумма изъ министерства;

4) чтобы положеніе преподавателя естествовѣдѣнія было поставлено въ лучшія условія.

Только при исполненіи этихъ пожеланій и нашъ предметъ внесетъ свой лучъ свѣта въ русскую школу и оправдаетъ возлагающіяся обществомъ на него надежды.

Одинъ изъ піонеровъ.

О „нерѣшенныхъ проблемахъ“ біологіи.

Если я позволяю себѣ остановить вниманіе читателей на вопросѣ, которому г. Лункевичъ посвятилъ три большихъ статьи въ „Русскомъ Богатствѣ“ за прошлый годъ, а теперь изданныя отдѣльной книгой, то къ этому меня побуждаетъ то обстоятельство, что, по моему крайнему разуумѣнію, г. Лункевичъ изложилъ вопросъ во-первыхъ пристрастно, а во-вторыхъ представилъ многія мнѣнія въ такомъ неправильномъ освѣщеніи, и съ такими значительными искаженіями, при которыхъ, какъ эти мнѣнія, такъ и самый вопросъ, которыхъ они касаются, совершенно теряютъ свою настоящую фізіономію.

Цѣль, которую преслѣдовалъ г. Лункевичъ, заключалось, очевидно, въ томъ, чтобы представить читателю современное состояніе вопроса о томъ, что такое жизнь, изложивъ мнѣнія, господствующія по этому предмету среди ученыхъ разныхъ школъ.

И такъ какъ *явно* ¹⁾ г. Лункевичъ не склоняется на сторону какой-либо одной изъ спорящихъ партій, то сохранить полное безпристрастіе въ изложеніи и выборѣ мнѣній разныхъ школъ, для него было не трудно; если же онъ этого не сдѣлалъ, то, конечно, потому, что, быть можетъ, для него самого было не легко разобраться въ тѣхъ мнѣніяхъ и аргументахъ, за изложеніе которыхъ онъ взялся. На это г. Лункевичъ могъ бы отвѣтить:

„Feci, quod potui, faciant meliora potentes“.

Но авторъ „нерѣшенныхъ проблемъ“ едва ли могъ бы оправдать себя этимъ латинскимъ изреченіемъ въ томъ, что, цитируя авторовъ, сообщая факты и установленныя наукою положенія, онъ ихъ искажилъ и притомъ настолько, что они стали неузнаваемы.

¹⁾ Я не хочу строить предположеній, какъ это относительно меня дѣлаетъ г. Лункевичъ, о лелѣемыхъ втайнѣ мечтахъ, такъ какъ считаю такое занятіе не соприкасающимся съ моей спеціальностью

Причины такого страннаго отношенія г. Лункевича для меня непонятны; строить же какія-либо догадки считаю дѣломъ мало интереснымъ и для даннаго вопроса бесполезнымъ.

Но такъ какъ я здѣсь затрону вопросы, затронутые авторомъ „нерѣшенныхъ проблемъ“, то естественно буду поставленъ въ необходимость возстановлять истинное содержаніе и настоящій смыслъ всѣхъ тѣхъ фактовъ, положеній и цитатъ, которые, какъ я надѣюсь доказать, представлены г. Лункевичемъ въ совершенно ложномъ видѣ.

...„Жизнь—дѣйствительно, нерѣшенная еще проблема“...

Такъ заканчиваетъ свою вторую статью о нерѣшенныхъ проблемахъ біологій г. Лункевичъ („Р. Б.“ № 5, стр. 122).

Каждый разъ, когда мнѣ приходится наталкиваться на этотъ ходячій афоризмъ, я невольно спрашиваю себя: почему никто изъ авторовъ, пишущихъ о жизни и приходящихъ къ такому афоризму, не спросилъ себя: да имѣется ли здѣсь какая-либо проблема?

И мнѣ кажется, что стоитъ только поставить этотъ вопросъ, вдуматься въ него, какъ сейчасъ же мы увидимъ, что проблемы на самомъ дѣлѣ здѣсь никакой нѣтъ, что современное состояніе философіи и естествознанія прямо приводитъ насъ къ тому, чтобы исключить жизнь, какъ *отдѣльную проблему* изъ области научныхъ разслѣдованій.

Но объ этомъ послѣ. Теперь пока допустимъ, что дѣйствительно жизнь есть отдѣльная проблема, къ разрѣшенію которой стремится біологія, и что эта проблема взываетъ къ естествознанію съ мольбою о своемъ рѣшеніи.

Очевидно, что прежде, чѣмъ приступать къ разрѣшенію какой либо проблемы, требуется ее формулировать въ точныхъ, не допускающихъ никакой двусмысленности, выраженіяхъ.

Между тѣмъ, въ наукѣ дебатруется вопросъ, что такое жизнь, въ то время какъ самый этотъ терминъ представляетъ нѣчто, вполне неуловимое и расплывчатое. Очевидно, что до тѣхъ поръ, пока вы мнѣ не опредѣлили, какой комплексъ явленій вы называете жизнью, до тѣхъ поръ говорить о связи этого комплекса съ другими я и не могу.

Вотъ почему вопросъ о томъ, что такое жизнь, приводится къ другому вопросу, а именно къ тому, какія явленія характеризуютъ жизнь, иначе говоря, какія явленія должны быть на лицо, для того чтобы данное тѣло назвать живымъ? Только въ томъ случаѣ, когда на этотъ вопросъ данъ отвѣтъ и отвѣтъ совершенно опредѣленный, только тогда можно приступить къ разбору этихъ явленій и либо отвести имъ мѣсто совершенно отдѣльное, сказавъ, что между ними и всѣми остальными явленіями существуетъ непреходимая граница, либо же помѣстить ихъ рядомъ съ другими явленіями, заявивъ, что явленія, характери-

зующія то, что мы называемъ жизнью, не представляютъ ничего такого, что заставляло бы выдѣлять ихъ съ *принципальной точки зрѣнія* въ отдѣльную группу.

Есть группа ученыхъ, утверждающихъ, что непреходимая граница существуетъ, и что для объясненія явленій жизни нужно допустить существованіе какихъ-либо особыхъ началъ—это будутъ *виталисты* всевозможныхъ оттѣнковъ; есть другая группа, утверждающая, что принципъ механики, физики и химіи вполне достаточно для „объясненія“ всѣхъ „жизненныхъ“ явленій; эту группу обыкновенно называютъ *механистами*. Наконецъ, есть еще одна группа изслѣдователей, которые, будучи противниками витализма, не причисляютъ себя въ то же время и къ механистамъ, потому что считаютъ невозможнымъ держаться какихъ бы то ни было догматическихъ ученій. Эти изслѣдователи требуютъ, чтобы въ области научныхъ вопросовъ догматы были исключены, и чтобы не было ни клятвъ, ни увѣреній, а были только точные опыты и наблюденія и строгіе изъ нихъ выводы.

Если, напримѣръ, Ферворнъ увѣряетъ, что, благодаря болѣе точнымъ свѣдѣніямъ о химизмѣ и механизмѣ клѣточной жизни, витализмъ *будетъ* устраненъ, то это его вѣра и ничего больше! Если Бунге клянется, что „механизмъ настоящаго мчитъ насъ къ витализму будущаго“, то это клятва, внушительная только для тѣхъ, кто желаетъ ей вѣрить. И Ферворну, и Бунге мы можемъ отвѣтить: „что насъ ожидаетъ въ будущемъ, мы не знаемъ, и всѣ ваши увѣренія останутся для науки совершенно ненужными. Никто не спрашиваетъ васъ, какъ разрѣшатся вопросы жизни въ *будущемъ*, потому что здѣсь вы не выходите изъ области гаданій!“

И вотъ мнѣ кажется, что въ числѣ изслѣдователей, относящихся къ обоимъ спорящимъ лагерямъ, огромное большинство занималось (въ области этого спора, конечно) только тѣмъ, что преподносило своимъ противникамъ разные сюрпризы. Если бы пришлось дать этимъ сюрпризамъ общую характеристику въ нѣсколькихъ словахъ, то я позволилъ бы себѣ выразить ее въ *формѣ* такого діалога:

Нео-Виталистъ (къ механисту). Вы, стало быть, утверждаете что всѣ жизненные процессы могутъ быть объяснены при помощи принципъ механики, физики и химіи?

Механистъ. Утверждаю.

Нео-Виталистъ. Такъ объясните мнѣ помощью механики, физики и химіи, какимъ образомъ инфузорио-охотники стрѣляютъ въ свою добычу особыми палочками (трихоцистами) и затѣмъ, когда добыча убита, то пожираютъ ее...

Механистъ. Объяснить этого не могу; но это несомнѣнно *будетъ* объяснено физико-химически! А вы умѣете это объяснить?

Нео-Виталистъ. Въ томъ то и дѣло, что и я не умѣю, но я утверждаю, что здѣсь есть нѣчто непонятное, непостижимое, таинственное... А вотъ, если допустить существованіе... не жи-

ненной силы: Боже упаси! а... напимъръ... биогеннаго эфира, то тогда все будетъ понятно...

Механистъ. А что же это за биогенный эфиръ?

Нео-Виталистъ. Биогенный эфиръ?.. А это, видите ли, нѣчто въ родѣ обыкновеннаго свѣтового эфира, т. е. необычайно тонкое, почти невѣсомое вещество,... порождающее жизнь, откуда и название „биогенный эфиръ“.

Механистъ. Такъ вы, значить, для того, чтобы объяснить жизнь, создаете еще болѣе таинственное нѣчто—эфиръ, рождающей жизнь?..

Нео-Виталистъ. Это вполне научно! Всѣ явленія „не живой“ природы объясняются обыкновеннымъ космическимъ эфиромъ, а въ живой природѣ дѣйствуетъ тоже эфиръ, только биогенный.

Мефистофель (внезапно появляясь):

Schon gut! Nur muss man sich nicht alzu ängstlich quälen
Dann eben wo Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein. ¹⁾

Пусть не думаетъ читатель, что приведенный діалогъ является специально придуманною каррикатурою; если онъ и выходитъ каррикатурнымъ, то виновать въ этомъ не я—написавшій это, а сами спорящія стороны.

И если бы споръ вышелъ изъ рамокъ такой каррикатурности, если бы спорящія стороны занялись лучше совмѣстной выработкой методовъ для рѣшенія интересующаго ихъ вопроса, то, быть можетъ, мы теперь относились бы къ самому спору, какъ къ комическому недоразумѣнью. Какъ идетъ этотъ споръ, что выставляется спорящими сторонами въ свою защиту—объ этомъ г. Лункевичъ весьма подробно говоритъ въ своихъ статьяхъ; но, какъ я уже выше сказалъ, авторъ нерѣшенныхъ проблемъ, обѣщавшій возможно серьезнѣе и безпристрастнѣе отнестись къ этимъ „новымъ теченіямъ“, (Р. Б. № 3, стр. 82), отнесся къ нимъ и не достаточно серьезно, и не безпристрастно. Такое несогласіе между обѣщаннымъ и выполненнымъ, объясняется, конечно, тѣмъ, что для обѣщанія нужно только доброе желаніе; ну, а для исполненія обѣщаннаго... нужно, кромѣ добраго желанія, еще кое-что...

Существуетъ ли принципиальная разница между „живымъ“ и „мертвымъ“? Такъ иногда ставится вопросъ; при этомъ подъ словомъ „принципиальная“ понимается нѣчто такое, что безъ точнаго опредѣленія можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Поэтому я постараюсь поставить вопросъ въ иной, для всѣхъ одинаково доступной формѣ:

Всѣ мы *привыкли* подраздѣлять природу на 3 царства: минеральное, растительное и животное; примѣромъ перваго можетъ служить гранитъ, мѣлъ, вода, воздухъ и др.; примѣромъ второго—

¹⁾ И прекрасно! Теперь ужъ можно не особенно тревожиться. Гдѣ не хватаетъ понятій—кстати появляется слово.

дубъ, кленъ, роза, грибъ и пр., примѣромъ третьяго—человѣкъ, ворона, окунь, пчела и проч.

Между указанными образцами трехъ царствъ—разница громадная. Научныя розысканія, сдѣланныя, преимущественно, благодаря микроскопу, привели къ заключенію, что переходъ отъ растительнаго царства къ животному существуетъ, и что границы между первымъ и вторымъ провести нельзя: въ мірѣ простѣйшихъ организмовъ нѣтъ возможности сказать, гдѣ растеніе, а гдѣ животное. Этотъ результатъ установленъ, конечно, послѣ долгихъ споровъ и упорнаго труда цѣлаго сонма ученыхъ.

Теперь вопросъ такой: нельзя ли найти такого же незамѣтнаго перехода отъ минераловъ къ растеніямъ или,—что тоже самое—къ животнымъ.

На этотъ вопросъ существуютъ разные отвѣты:

Одни отвѣчаютъ, что минеральное царство есть начальная фаза общаго эволюціоннаго процесса, ведущаго отъ простѣйшихъ минеральныхъ веществъ къ царству растений и животныхъ.

Другіе говорятъ, что такой переходъ былъ *когда-то*, что минеральное царство дало *когда то* начало растительному или животному, при помощи процесса „самозарожденія“, но что теперь условій для такого перехода мы не знаемъ (или они не существуютъ).

Третьи утверждаютъ, что, хотя существованіе различія между минеральнымъ царствомъ и царствомъ растений и животныхъ не можетъ быть отвергаемо, однако оно исключительно обуславливается *сложностью* организмовъ (сравнительно съ минеральнымъ царствомъ), т. е. какъ сложностью строенія (морфологическаго), такъ и сложностью химическаго состава.

Наконецъ, четвертые говорятъ, что явленія животнаго и растительнаго царства, *помимо* сложности строенія и сложности химическаго состава, имѣютъ еще *нѣчто такое*, что дѣлаетъ ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ *несоизмѣримыми* съ явленіями царства минеральнаго; незамѣтнаго перехода отъ неживого (или мертваго) къ живому не существуетъ, и если изобразить весь вещественный міръ, начиная отъ простѣйшаго газа и до человѣка, въ видѣ нѣкоторой линіи, то эта линія будетъ непрерывною въ области царства минеральнаго, она будетъ такою же непрерывною въ области царства растительнаго и животнаго; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ линія, изображающая минеральное царство, подходитъ къ линіи, изображающей царство растительное и животное, она обрывается, и между нею и послѣдней остается перерывъ, промежутокъ, котораго заполнить линіей нѣтъ никакой возможности.

Эволюціонизмъ, утверждающій, что минеральное царство есть лишь одна изъ фазъ общаго эволюціоннаго процесса, ведущаго послѣдовательно и незамѣтно отъ низшихъ минеральныхъ „мертвыхъ“ формъ къ высшимъ организованнымъ и „живымъ“, имѣетъ своего крупнѣйшаго представителя въ лицѣ Спенсера. Живое путемъ послѣдовательной эволюціи возникло изъ мертваго, организованное и органическое—изъ неорганизованнаго и неоргани-

ческого, ощущающее изъ неощущающаго и т. д. Такова формула эволюціоннаго ученія.

Удовлетворяетъ ли такое ученіе пытливости нашей мысли?

Все зависитъ отъ того, какова эта пытливость. По мнѣнію, напр., г. Лункевича, „эволюціонизмъ указываетъ лишь на *внѣшнюю, формальную* сторону того процесса, въ итогѣ котораго получилась и жизнь, и сознание“ (Рус. Б. № 3, стр. 98). „Какъ же это,—всклицаетъ онъ дальше—изъ „мертваго“ получилось живое?“ Любопытство г. Лункевича, значитъ, неудовлетворено, и удовлетворить его наукѣ никогда не удастся—всегда будетъ ссылка на внѣшнюю и формальную стороны.

Вообразите себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что рѣчь шла бы не о „живомъ и мертвомъ,“ а хотя бы о такомъ процесѣ, какъ искусственное полученіе сѣрной кислоты. Химикъ сказалъ бы, что сѣра, кислородъ и водородъ суть простѣйшія фазы эволюціи даннаго процесса; слѣдующія фазы ея—это образованіе сѣрнистаго газа и воды; дальнѣйшая фаза—образованіе сѣрнаго ангидрида (при содѣйствіи окисловъ азота, играющихъ роль фермента) и, наконецъ, послѣдняя фаза—соединеніе сѣрнаго ангидрида съ водою и образованіе сѣрной кислоты.

Люди съ такимъ трудно удовлетворимымъ любопытствомъ могли бы и здѣсь заявить, что указываетъ лишь *внѣшняя формальная* сторона процесса, въ итогѣ котораго получилась сѣрная кислота. „Какъ же—спрашивали бы они,—изъ сѣры, водорода и кислорода, не имѣющихъ въ себѣ никакихъ признаковъ ни *жидкаго*, ни *кислаго*, получилось *кислое* и *жидкое*?“

Если вы на это отвѣтите, что сама комбинація указанныхъ элементовъ и сказывается такими свойствами, то вамъ на это отвѣтить: комбинація этихъ элементовъ это одно, это—матеріальный субстратъ; она нисколько не объясняетъ того, какъ изъ не кислаго получилось кислое!

Насколько этотъ способъ разсужденія упорно удерживается въ человѣчествѣ, можно видѣть изъ того, что даже такой чловѣкъ, какъ Вундтъ (W. Wundt. Logik, Томъ II, стр. 471) открыто заявляетъ:

„Допустимъ даже, что удалось бы получить въ лабораторіи живую протоплазму; все-таки въ этомъ даже случаѣ проблема жизни была бы рѣшена только съ *физической* стороны... Поэтому, разъ дѣло касается *ощущеній*, то для фізіологическаго ихъ объясненія, необходимо допустить, что простѣйшія формы психическихъ явленій появляются не только съ появленіемъ живого вещества, но что, по меньшей мѣрѣ, *склонность* (Anlage) къ этимъ формамъ ощущеній нужно приписать самимъ первоначальнымъ элементамъ матеріи“. Этой сторонѣ идеи панпсихистовъ Вундтъ вполне сочувствуетъ.

Но посмотрите, что выходитъ? Вы искусственно получите живую протоплазму, а вамъ скажутъ, что вы все-таки рѣшили проблему жизни только съ *физической* стороны; значитъ, главная

часть по прежнему останется нерѣшенной! Не то-ли это самое, что приведенный мною примѣръ полученія сѣрной кислоты?

Если любопытство идетъ такъ далеко, что даже искусственное получение живой протоплазмы оставить его неудовлетвореннымъ, то что же остается наукѣ сдѣлать? Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, наука стремиться къ тому, чтобы добыть въ лабораторіи „одно ощущение“ само по себѣ!

Отвѣтъ, данный Э. Махомъ на вопросъ о томъ, можетъ ли самая элементарная матерія ощущать — единственный правильный отвѣтъ—какъ то пропускается такими любопытными мимо ушей или, быть можетъ, просто остается непонятнымъ. А между тѣмъ отвѣтъ этотъ крайне простъ:

„Вѣдь матерія, говоритъ Махъ, это — совокупность *вашихъ ощущений*! Что же вы спрашиваете? Вы спрашиваете о томъ, можетъ-ли совокупность *вашихъ ощущений* ощущать? (E. Mach. Populär-wissenschaftliche Vorlesungen, 1896, стр. 230).

Недовольство эволюціонной теоріей приводитъ къ матеріализму, панпсихизму и энергетизму.

Такъ думаетъ и Лункевичъ. Правильна ли такая точка зрѣнія или нѣтъ, я обсуждать не стану, но кто внимательно вдумается во всѣ эти ученія, тотъ, вѣроятно, согласится, что сваливать въ одну кучу эволюціонную теорію, матеріализмъ, панпсихизмъ и энергетизмъ можно только или при недостаточномъ знакомствѣ съ этими доктринами, или же при очень торопливой работѣ.

Что касается матеріализма, то о немъ я говорить не стану, слишкомъ уже много эта несчастная доктрина трепалась на всѣ стороны, и ея недостатки извѣстны всѣмъ. Панпсихизмъ—доктрина, придуманная исключительно для того, чтобы „объяснить“ происхождение психики, и потому для натуралиста она имѣетъ скорѣе специально биологическое, нежели общее теоретико-познавательное значеніе. Другое дѣло—энергетизмъ. Это ученіе новое; оно выступило въ качествѣ доктрины, построенной исключительно на „чистомъ опытѣ“; оно отнюдь не борется съ панпсихизмомъ, ибо ему до панпсихизма никакого дѣла нѣтъ; главная его цѣль показать, что чистый опытъ заставляетъ насъ признать *субстанціей не матерію, а энергію*, и что если мы это сдѣлаемъ то у насъ исчезнетъ масса неразрѣшимыхъ вопросовъ, а вмѣстѣ съ ними и та двойственность, которая вѣчно мучила людей и которая все сводила то на матерію, то на силу.

Я позволю себѣ остановить вниманіе читателя на болѣе подробно рассмотрѣннн энергетическаго ученія, потому что, какъ мнѣ кажется, это ученіе, при современномъ состояніи нашихъ знаній, заслуживаетъ болѣе вдумчиваго отношенія, нежели какое обнаружилъ къ нему г. Лункевичъ ¹⁾, заявляющій, однако, что энергетическая картина міра построена не на какихъ-либо муд-

¹⁾ Съ цитатами г. Лункевича приходится иногда очень долго возиться, ибо онъ никогда не указываетъ страницы цитируемаго имъ сочиненія. Тамъ, гдѣ дѣло касается небольшой брошюрки, это, конечно

ренных началахъ, а на весьма простыхъ „школьно-элементарныхъ понятіяхъ физики“. (Ibid, стр. 101).

И вотъ какъ критикуеть сущность энергетическаго ученія авторъ „нерѣшенныхъ проблемъ“:

„Итакъ міръ, какъ безконечный потокъ различныхъ формъ энергіи—вотъ картина, рисующаяся въ воображеніи энергетиста. Какое собственно преимущество имѣеть эта философія передъ матеріализмомъ и панпсихизмомъ? Она устраняеть понятіе „матерія“ и замѣняетъ его, яко бы, болѣе реальнымъ понятіемъ „энергіи“; она отказывается дѣлать психику необходимымъ атрибутомъ матерія и вводитъ въ кругъ извѣстныхъ намъ видовъ энергіи новую форму ея—*безсознательную и сознательную, нервную энергію*. Говоря иначе, вмѣсто такихъ субстанцій, какъ „подвижная матерія“ и „одушевленная матерія“, энергетизмъ ставитъ свою собственную субстанцію—*энергію*.

Вѣдь то, что встрѣчается во всѣхъ, безъ исключенія, явленіяхъ природы и въ то же время опредѣляетъ всѣ явленія, есть именно субстанція. Матеріалистъ чистой воды тоже думаетъ, что матерія встрѣчается во всѣхъ явленіяхъ природы и опредѣляетъ все совершающееся во вселенной и съ своей стороны возводитъ ее на положеніе абсолюта. Если энергетистъ утверждаетъ, что энергія неуничтожаема, что она едина по сущности и многообразна лишь въ проявленіяхъ своихъ, то вѣдь и матеріалисту не возбраняется надѣлать свою избранницу такими же свойствами; матерію также нельзя ни создать, ни уничтожить, она также едина для всего мірозданія и лишь формально многообразна.

Весь вопросъ, стало бытъ, вертится на слѣдующемъ: выводить ли энергію изъ матерія или, наоборотъ, — матерію изъ энергіи? „Энергія,—цитируетъ г. Лункевичъ Оствальда—есть работа или все, что изъ работы возникаетъ или въ работу превращается“. Не говоря уже о томъ—продолжаетъ г. Лункевичъ отъ себя,—что понятіе „работа“ включаетъ въ себя обязательно понятіе „сила“, столь же по существу неостижимое, какъ понятіе „матерія“, — не говоря уже объ этомъ, вышеприведенное опредѣленіе энергіи страдаетъ удивительной неясностью. Энергія есть работа, сама она отъ работы происходитъ, сама же работу и производитъ. Выходитъ нѣчто весьма похожее на то, что кто то *на жомъ* то сидитъ и кѣмъ то погоняетъ. Всякая работа есть дѣйствіе, процессъ, а всякое дѣйствіе приводить къ мысли о чемъ то дѣйствующемъ, и эта мысль нашла себя вполне опредѣленное выраженіе даже въ механикѣ, гдѣ работа разсматривается, какъ *произведеніе силы на путь* и вы-

не представляетъ серьезныхъ неудобствъ; но каково разыскивать цитату когда цитирующій авторъ указываетъ нѣтр. „См. Ферворнъ. Общая физиологія“ или „Оствальдъ—Натурф философія“. Извольте разсмотрѣть 2 т. Ферворна или весь томъ Оствальда! А между тѣмъ, провѣрка цитатъ г. Лункевича, какъ читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго, весьма необходима.

ражается въ килограммометрахъ. Энергетизмъ очень предусмотрительно устраиваетъ изъ своихъ толкованій понятіе силы, потому что это понятіе въ свою очередь вызываетъ представленіе о *носителѣ* силы, а съ представленіемъ о такомъ *носителѣ* вновь выплываетъ наружу понятіе матеріи и т. д. Но въ то же время, повторяю, онъ не въ силахъ устранить рокового вопроса о „дѣйствующемъ“, разъ только энергія разсматривается имъ какъ работа, какъ дѣйствіе. Остается, конечно, одно: сказать, что энергія совмѣщаетъ въ себѣ и дѣйствіе, и то что дѣйствуетъ. Такъ и поступаетъ горячій защитникъ энергетизма, Оствальдъ, говоря, что энергія есть одновременно и субстанція, и акциденція, т. е. признаетъ нѣчто опять таки непостижимое.

„Всѣ эти противорѣчія принимаются въ соображеніе, какъ матеріализмомъ, такъ и паяпсихизмомъ и окрыляютъ ихъ надеждой на побѣду въ борьбѣ съ энергетизмомъ“. (Ib. стр. 101 и 102).

Я нѣсколько знакомъ съ ученіями энергетиковъ вообще (Джиббса и Гельма) и Оствальда въ частности и не могу себѣ представить, какимъ образомъ г. Лункевичъ, полагающій, что это ученіе построено на „школьно-элементарныхъ понятіяхъ физики“ до такой стѣпени явно не понялъ самихъ основаній его. Я ужъ не говорю объ остроумномъ сопоставленіи оствальдовскаго опредѣленія энергіи, съ „кѣмъ-то, на комъ-то ѣдущемъ и кѣмъ-то погоняющимъ“—это, очевидно, сдѣлано ради бойкости стиля—но я спрашиваю, гдѣ же у г. Лункевича самая суть энергетическаго ученія? Ея нѣтъ! И читатель, вообразившій себѣ, что, по изложенію г. Лункевича, можно составить хоть самое смутное представленіе объ энергетизмѣ, находится въ весьма глубокомъ заблужденіи.

Да будетъ мнѣ поэтому позволено познакомить читателя съ дѣйствительной сущностью энергетическаго ученія въ томъ видѣ, какъ она выразилась у Оствальда. Разумѣется, я далеко отъ мысли охватить это ученіе во всей его цѣлости—для этого понадобилось бы написать многотомное сочиненіе (такъ какъ „натурфилософія“ Оствальда представляетъ лишь конспектъ энергетическаго ученія); но главнѣйшая черта энергетизма, то что устраняетъ всѣ, смущающія душу г. Лункевича, обстоятельства, это—я думаю—можно изложить и въ небольшомъ объемѣ.

Сужденіе о ви́шнемъ мірѣ мы получаемъ при помощи нашихъ органовъ чувствъ—это положеніе, лежащее внѣ всякихъ сомнѣній. Значитъ, если органовъ чувствъ нѣтъ, то *для насъ* не существуетъ и впечатлѣній и, стало быть, не существуетъ и вселенной, со всѣмъ разнообразіемъ ея явленій. Доносимыя до насъ впечатлѣнія создаютъ въ насъ понятіе о *тѣлесномъ мірѣ*, т. е. о *тѣлахъ*. Понятіе „матерія“—есть уже отвлеченіе. Матерія намъ не дана въ опытѣ, т. е. никакіе органы чувствъ намъ не приносятъ впечатлѣній отъ *матеріи*, а приносятъ только впечатлѣнія отъ *тѣль*.

Что же собственно въ тѣлахъ приносить намъ впечатлѣніе тѣлесности?

Одни говорятъ: субстратъ, доставляющій намъ это впечатлѣніе, и есть *матерія*, являющаяся „носителемъ“ извѣстныхъ *силъ* или *качествъ*.

Это—обыденное представленіе, такъ сказать, школьное, которое до такой степени всосалось въ нашу плоть и кровь, что требуется особенное напряженіе, чтобы отъ него отдѣлаться.

Если теперь поставить вопросъ о томъ, какимъ образомъ мы получаемъ впечатлѣніе тѣлесности и, слѣдовательно, понятіе о матеріи, то окажется, что сужденіе о ней или, точнѣе, впечатлѣніе тѣлесности получается какъ результатъ—скажемъ пока—нѣкотораго съ нашей стороны механическаго *усилія*.

Въ самомъ дѣлѣ, первое сужденіе о тѣлесности приносится намъ нашимъ чувствомъ осязанія. Вы ошупываете „нѣчто“ и, встрѣчая препятствіе въ немъ, говорите: „въ этомъ мѣстѣ есть тѣло“. Изслѣдуя ту часть пространства, въ области которой вы наталкиваетесь на это препятствіе, вы дѣлаете заключеніе о формѣ тѣла, о его размѣрахъ, о податливости его частей и т. д.

Для того, чтобы еще яснѣе представить себѣ эту мысль, вообразимъ такой примѣръ: человѣку съ завязанными глазами предлагаютъ изслѣдовать путемъ осязанія извѣстную довольно большую часть пространства и вообразимъ, что, куда бы онъ не направлялъ свою руку, мы ставимъ навстрѣчу ей небольшой кусочекъ дерева, нисколько не уступающій давящей на него рукѣ. Какое заключеніе сдѣлаетъ изслѣдователь? Онъ скажетъ—и въ этомъ каждый можетъ убѣдиться на опытѣ—что изслѣдованное имъ пространство заключаетъ твердое тѣло такой то, приблизительно, величины. Ни малѣйшаго представленія о томъ, что онъ прикасался лишь къ небольшому куску дерева, онъ имѣть не будетъ. Теперь вообразимъ себѣ другой случай: представимъ, что въ тотъ самый моментъ, когда человѣкъ подноситъ свою руку къ кусочку дерева и даетъ этой рукѣ извѣстную скорость, чтобы прикоснуться къ нему, мы этотъ кусочекъ дерева удаляемъ отъ его руки съ такою же скоростью, съ какою она движется къ нему; тогда изслѣдователь не получитъ никакого осязательнаго впечатлѣнія, и кусочекъ дерева для него не будетъ существовать. Лучшимъ доказательствомъ справедливости только что сказаннаго служить наша неспособность путемъ осязанія получить впечатлѣніе тѣлесности воздуха: благодаря тому, что малѣйшее движеніе устремляющейся къ извѣстной части воздуха руки передаетъ этому воздуху такую же скорость, какую имѣла сама рука, ощущенія сопротивленія не получается, и сужденіе о тѣлесности воздуха отсутствуетъ; но стоитъ создать условія, при которыхъ скорость воздуха будетъ иною, нежели скорость направляющейся къ нему руки (напр. при вѣтрѣ), и мы получаемъ ощущеніе сопротивленія, изъ котораго и заключаемъ о тѣлесности воздуха. Возьмемъ другой примѣръ, часто

наблюдаемый въ играхъ школьниковъ: одинъ изъ нихъ ставитъ руку ладонью вверху, а другой своей ладонью наноситъ ему удары по ладони; первый, желая ослабить наносимый ему ударъ, двигаетъ свою руку въ ту же сторону, въ какую движется ударяющая рука; каждый знаетъ, что въ этомъ случаѣ ударъ по рукѣ будетъ ослабленъ. Почему же, если ударяемая рука будетъ двигаться въ ту же сторону, въ которую движется и ударяющая, то ударъ будетъ слабѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда ударяемая рука будетъ установлена неподвижно или будетъ двигаться навстрѣчу. Сила ударяющей руки не зависитъ отъ того, какъ себя ведетъ ударяемая!? Значитъ, не въ „силѣ“ дѣло. Если бы, наконецъ, ударяемая и ударяющая руки имѣли одинаковую скорость и двигались въ одномъ и томъ же направленіи, то ни ударяющая, ни ударяемая руки не получили бы другъ отъ друга никакого ощущенія.

Прикосновеніе, столь необходимое для того, чтобы мы могли себѣ составить понятіе о тѣлесности или матеріальности, возможно лишь въ томъ случаѣ, когда наша рука и то тѣло, къ которому она прикасается имѣютъ хотя бы въ теченіе одного момента разныя скорости. Могутъ на это сказать, что мы можемъ получить ощущеніе тѣлесности, прикасаясь къ предмету, находящемуся въ покоѣ, причѣмъ рука наша тоже будетъ въ покоѣ. Это только недоразумѣніе: предметъ можетъ находиться въ покоѣ; но для того, чтобы его почувствовать осязаніемъ, рука должна быть приведена въ движеніе, и въ тотъ моментъ, когда мы получаемъ осязательное раздраженіе, наша рука имѣетъ несомнѣнно нѣкоторую скорость по направленію къ предмету. Когда мы уже прикоснулись къ нему, то дальше, для испытанія, напри- мѣръ, его твердости, мы на него надавливаемъ. Что это за актъ? Это ничто иное, какъ приданіе нашимъ пальцамъ нѣкоторой скорости, большей, нежели скорость самого предмета: если предметъ будетъ при этомъ уходить отъ нашей руки, то никакого представленія о его твердости мы не получимъ.

Таково, слѣдовательно, происхожденіе нашего сужденія о тѣлесности предметовъ путемъ осязанія.

Но вѣдь мы узнаемъ о тѣлесности и помощью зрѣнія? Конечно! Но для этого необходимо, чтобы существовала *разность* между степенью освѣщенія различныхъ частей дна нашего глаза. Если же дно глаза во всѣхъ точкахъ своихъ освѣщено вполне *одинаково* (напримѣръ при полной темнотѣ или при особыхъ условіяхъ освѣщенія, достижимыхъ искусственнымъ путемъ), то никакого зрительнаго впечатлѣнія мы отъ предмета не получимъ. Такъ пламя спиртовой лампочки не будетъ намъ видно, если мы помѣстимъ его на пути прямыхъ солнечныхъ лучей.

Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ, что для составленія представленія о тѣлесности путемъ зрительныхъ ощущеній необходимо, чтобы на различныхъ мѣстахъ воспринимающей части

нашего органа зрѣнія существовала *свѣтовая разность*; нѣтъ этой разности,—не будетъ и никакого ощущенія.

Разбирая подобнымъ же способомъ происхожденіе впечатлѣній о внѣшнемъ мірѣ вообще, т. е. впечатлѣній, получаемыхъ всѣми нашими органами чувствъ, мы прійдемъ къ слѣдующему результату:

Сужденіе о внѣшнемъ мірѣ вообще и, стало быть, и отблѣхъ получается только въ томъ случаѣ, если до насъ доносятся впечатлѣнія изъ этого міра; а эти впечатлѣнія доносятся лишь въ томъ случаѣ, когда между нашими органами чувствъ и внѣшнимъ міромъ существуютъ какія-то *разности*. Такъ, если бы, напримѣръ температура всего окружающаго насъ пространства была неизмѣнна и равна температурѣ нашего тѣла, то мы не знали бы тепловыхъ ощущеній и точно также не чувствовали бы теплоты, какъ не чувствуемъ въ обыкновенныхъ условіяхъ атмосфернаго давленія; точно также, если бы напряженность и качества освѣщенія всего внѣшняго міра были во всякій моментъ одинаковы, то зрительныя ощущенія для насъ не существовали бы.

Отсюда ясно, что наше сужденіе о внѣшнемъ мірѣ основано только на существованіи *разности между напряженностью „чего-то“ во внѣшнемъ мірѣ и напряженностью „чего-то“ въ нашихъ органахъ чувствъ.*

Это „что-то“ энергетическая школа называетъ *энергіей*. И какъ какъ наши органы чувствъ доносятъ намъ только объ энергетическихъ разностяхъ между ними и окружающей ихъ средою, то *этимъ исчерпывается все*, что намъ дано въ опытѣ; допущеніе существованія чего-либо другого, кромѣ этихъ энергетическихъ разностей и, стало быть, энергій, является вполнѣ произвольнымъ и гипотетическимъ. Потому, если мы задаемся цѣлью построить міросозерцаніе, *свободное отъ гипотезъ*, т. е. міросозерцаніе, *построенное только на томъ, что намъ дано въ опытѣ*, то должны принять энергетизмъ во всемъ его объемѣ.

До сихъ поръ я не касался того, что слѣдуетъ разумѣть подъ терминомъ „энергія“. А между тѣмъ читатель вправѣ поставить мнѣ въ укоръ такую неосторожность въ пользованіи терминомъ, значеніе котораго не выяснено.

Я это сдѣлалъ съ умысломъ. Дѣло въ томъ, что энергетика, какъ мнѣ кажется, впадаютъ въ ошибку, пытаясь опредѣлять энергію не тѣми элементами, которые служатъ для ея познанія. Такія попытки имѣютъ тотъ недостатокъ, что часто не достигаютъ цѣли.

Самъ Оствальдъ это, очевидно, чувствовалъ, ибо, давая то опредѣленіе, которое подало г. Лункевичу поводъ къ „остроумному“ замѣчанію о комъ-то, на комъ-то ядущемъ и кѣмъ-то погоняющемъ, самъ Оствальдъ, говорю я, передъ тѣмъ, какъ дать это опредѣленіе, подготавливаетъ къ нему своихъ слушателей: цѣлымъ рядомъ примѣровъ; и затѣмъ, давши это опредѣленіе,

разъясняетъ смыслъ его во всей остальной половинѣ своей книги.

Но разъ само *опредѣленіе* требуетъ очень длинныхъ поясненій, то его положительная сторона исчезаетъ, ибо въ немъ отсутствуетъ главное достоинство опредѣленія—ясность, соединенная съ краткостью. Энергетикъ, вмѣсто всякаго опредѣленія, могъ бы поставить слѣдующее положеніе, въ дѣйствительности и устанавливаемое Оствальдомъ въ его книгѣ. „Дѣятельность нашихъ органовъ чувствъ, отъ которыхъ единственно и зависитъ понятіе о внѣшнемъ мірѣ, имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда въ органахъ чувствъ совершается *работа*“... То что мы *слышимъ* зависитъ отъ работы, которую колебанія воздуха производятъ въ нашей барабанной перепонкѣ и во внутреннихъ частяхъ уха. То, что мы *видимъ* есть ничто иное, какъ рядъ химическихъ работъ, производимыхъ на сѣтчатой оболочкѣ лучистой энергіей, и ощущаемыхъ нами въ видѣ свѣта. Когда мы осязаемъ тѣло, то ощущаемъ механическую работу, затрачиваемую при сжиманіи концовъ нашихъ пальцевъ и въ извѣстномъ случаѣ сжиманіи самого тѣла. Обонаніе и вкусъ основаны на работахъ, производимыхъ въ органахъ нашей носовой и ротовой полости. Вездѣ мы имѣемъ энергію или работы, участіе которыхъ даетъ намъ свѣдѣнія о томъ, какъ устроенъ внѣшній міръ и каковы его свойства, и вся совокупность природы, при такой точкѣ зрѣнія, представляется для насъ ничѣмъ инымъ, какъ распредѣленіемъ во времени и пространствѣ временно и пространственно измѣняющихся энергій (*räumlich und zeitlich veränderliche Energien*), распредѣленіемъ, о которомъ мы лишь постолько знаемъ, поскольку эти энергіи переходятъ на наше тѣло и въ особенности на органы чувствъ, приспособленные къ воспріятію этихъ энергій (W. Ostwald. Vorlesungen über Naturphilosophie, стр. 159 и 160).

Итакъ, если, съ точки зрѣнія энергетическаго ученія, наше понятіе о мірѣ слагается только что описаннымъ образомъ, то на вопросъ, что такое энергія, мы можемъ дать одинъ отвѣтъ.

Энергія есть та первичная *субстанція* ¹⁾ или, если угодно, тѣ первичныя субстанціи, изъ которыхъ слагается для *нашего ума* вся природа, т. е. какъ наше я, такъ и все, внѣ нашего я существующее. Обнаруживается для насъ энергія въ различныхъ формахъ работы; вслѣдствіе окружающій насъ міръ съ такой точки зрѣнія, мы принуждены допустить существованіе нѣсколькихъ видовъ энергіи; между нѣкоторыми изъ этихъ видовъ мы можемъ установить зависимости и соотношенія; между другими—нѣтъ. Но всѣ наши познанія объ этихъ видахъ энергіи приводятъ насъ къ одному важному выводу: если субстанціи, которыя мы назы-

¹⁾ Такъ какъ у многихъ людей съ словомъ субстанція связано необходимо понятіе о веществѣ, то я обращаю вниманіе на то, что здѣсь подъ субстанціей разумѣется не вещество, а *существо, вещь*, (нѣмецкое Ding), а подъ первичной субстанціей—то, что нѣмцы называютъ „*Urding*.“

ваемъ энергіями, какимъ-либо образомъ измѣрять во время ихъ всѣхъ превращеній, то окажется, что сумма ихъ остается неизмѣнною. Это и есть такъ называемый *законъ сохраненія энергіи*, который при энергетической точкѣ зрѣнія включаетъ въ себя и законъ сохраненія массы (или, какъ выражаются, — *матеріи*), ибо массы суть также формы энергіи.

Если объ энергіяхъ мы судимъ по работѣ, то можетъ явиться вопросъ, что же такое *работа*?

Понятіе это первоначально возникло чисто *анимистически*. Мы знаемъ, что для совершенія нѣкоторыхъ дѣйствій, человекъ долженъ употреблять *усиліе*; знаемъ дальше, что послѣ продолжительнаго употребленія такихъ усилій, организмъ долженъ отдохнуть, т. е. наступаетъ его истощеніе. Тѣ наши дѣйствія, которыя требуютъ усилій, и были первоначально названы работою. Затѣмъ путемъ сопоставленія явленій, для произведенія которыхъ съ нашей стороны требуется усиліе или напряженіе, съ другими явленіями подобнаго же рода, мы переносимъ и на эти другія явленія наше понятіе о работѣ. Такъ для того, чтобы опрокинуть дерево, требуется съ нашей стороны усиліе или напряженіе; если мы видимъ, что вѣтеръ опрокидываетъ дерево, то переносимъ понятіе о напряженіи или объ усиліи на вѣтеръ и говоримъ: вѣтеръ производитъ работу. Если у насъ имѣется какое-либо вещество, и мы замѣчаемъ, что подъ влияніемъ теплоты оно начинаетъ распадаться на свои составныя части, то, предполагая, что для этого нужно усиліе, считаемъ, что въ этомъ случаѣ теплота производитъ работу; такъ какъ такія же распаденія могутъ быть вызваны свѣтомъ (лучистой энергіей), электричествомъ и проч., то и объ нихъ мы говоримъ, что они производятъ работу. При всѣхъ подобныхъ условіяхъ мы замѣчаемъ, однако, что если измѣрить теплоту, свѣтъ, электричество и пр. до того, какъ они произвели работу и послѣ этого, то окажется, что послѣ произведенія ея, ихъ количество въ первоначальномъ своемъ видѣ уменьшилось; если путемъ цѣлаго ряда наблюденій опредѣлить какому количеству, напримѣръ, теплоты соотвѣтствуетъ какое количество работы, то обнаружится *эквивалентность*, т. е. обнаружится, что извѣстному количеству истраченныхъ теплоты, свѣта (лучистой энергіи), электричества соотвѣтствуетъ извѣстное количество произведенной работы.

Читатель видитъ, такимъ образомъ, что все, что лежитъ въ основѣ энергетическаго ученія есть *чистый опытъ*; гипотезъ здѣсь нѣтъ. И поэтому энергетическая школа составляетъ прямое продолженіе или — лучше сказать — дальнѣйшее развитіе эмпирио-критицизма. Не даромъ же Оствальдъ посвятилъ свое сочиненіе Эрнсту Маху — старѣйшему изъ основателей эмпирио критическаго направленія въ естествознаніи.

Теперь, познакомившись хоть въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ съ сущностью энергетическаго ученія, узнавъ, что оно устраняетъ всякія допущенія, которыя не даны намъ въ опытѣ, чита-

тель увидеть, насколько далека отъ пониманія этого ученія г. Лункевичъ, разъ онъ спрашиваетъ (Ib. стр. 102):

„Весь вопросъ, стало быть, вертится на слѣдующемъ: вывести ли энергію изъ матеріи или, наоборотъ—матерію изъ энергіи.“

Цѣлыя десятки страницъ Оствальдъ исписалъ именно для того, чтобы показать и *доказать*, что матерія не дана намъ въ опытѣ, что понятіе о матеріи сложилось изъ группы дѣйствующихъ на наши органы энергій (энергія формы и объема, энергія разстояній, химическая энергія и проч.), что внѣ этихъ энергій ничего нѣтъ, и что, поэтому, выводить существующее изъ фиктивного нельзя, а г. Лункевичъ точно всего этого не замѣтилъ, и для него все-таки является вопросъ, что же выводить изъ чего—матерію изъ энергіи или энергію изъ матеріи!..

„Энергетизмъ,—иронизируетъ дальше г. Лункевичъ,—предусмотрительно устраняетъ изъ своихъ толкованій понятіе силы, потому что это понятіе въ свою очередь вызываетъ представленіе о *носителѣ* силы, и съ представленіемъ о такомъ носителѣ вновь выплываетъ наружу понятіе матеріи и т. д.“

И въ этой фразѣ сказывается, какъ и во всемъ томъ что говоритъ г. Лункевичъ объ энергетизмѣ, полное непониманіе; энергетическая школа потому устраняетъ понятіе силы, что *сила намъ не дана въ опытѣ*, что въ опытѣ намъ дана *только работа*; сила же есть чисто математическая фикція: это только одинъ изъ сомножителей, на которые условно разбита работа, для болѣе удобнаго ея разсмотрѣнія, или для болѣе удобнаго сравненія различныхъ работъ. Если такое элементарное положеніе нуждается еще въ разъясненіяхъ, то вотъ примѣръ:

Въ опытѣ намъ дано, положимъ, что въ такой-то губерніи столько-то сотъ тысячъ человѣкъ, а въ другой—столько-то. Если мы желаемъ опредѣлить (*ради цѣлей сравненія*) густоту населенія, то, раздѣливъ число человѣкъ на число квадратныхъ верстъ, получаемъ напр., что въ первой губерніи на 1 кв. версту приходится $37\frac{1}{4}$ человѣкъ,—а во второй— $42\frac{1}{17}$. Статистикъ, имѣющій дѣло только съ числами, скажетъ: для того, чтобы получить населеніе данной губерніи, нужно перемножить число людей, приходящихся на квадратную версту, на число квадратныхъ верстъ. Такимъ образомъ, здѣсь населеніе *условно* выражено въ видѣ произведенія двухъ факторовъ. Вообразите же себѣ, что я желаю говорить вообще о населеніи, не имѣя въ виду никакихъ измѣреній или сравненій; очевидно, я не стану говорить о квадратныхъ верстахъ и о фиктивномъ числѣ ($37\frac{1}{4}$ и $42\frac{1}{17}$) **человѣкъ**, приходящихся на каждую квадратную версту. А г. Лункевичъ возражаетъ мнѣ: вы предусмотрительно устранили понятіе, о $42\frac{1}{17}$ **человѣка**, потому что это вызвало бы сейчасъ же представленіе о „носителѣ“ этихъ **человѣкъ**, а съ представленіемъ **объ** этомъ носителѣ, вновь выплываетъ наружу понятіе о **квадратной верстѣ** и т. д.“!

Да въ томъ-то и дѣло, что какъ произведеніе $42\frac{1}{17}$ или $37\frac{1}{4}$

человѣка на число квадратныхъ верствъ представляютъ лишь фикцію, удобную для нѣкоторыхъ вычисленій (ибо уже съ точки зрѣнія „школьно-элементарной“ ариметики нельзя умножать людей на квадратныя версты), такъ и произведеніе силы на путь есть лишь фикція, удобная для нѣкоторыхъ, относящихся къ работѣ вычисленій. Полная аналогія этихъ двухъ примѣровъ сказывается еще и въ томъ, что какъ въ первомъ случаѣ намъ въ опытѣ дано лишь все число людей, такъ и здѣсь—въ опытѣ дана лишь работа. Мало того: какъ въ первомъ случаѣ одинъ изъ сомножителей—пространство—реаленъ, а другой ($42\frac{1}{17}$ и $37\frac{1}{4}$ человекъ) чисто фиктивенъ, такъ и во второмъ—одинъ изъ сомножителей—пространство, путь — реаленъ, а другой—сила—чисто фиктивенъ. Ясно, что философъ, строящій свою систему на чистомъ опытѣ, долженъ устранять всякія фикціи. И „предусмотрительное“ устраненіе понятія о силѣ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что энергетисты были гораздо болѣе сильны въ созиданіи своей системы, нежели г. Лункевичъ—въ пониманіи ея.

Раньше я говорилъ, что энергетизмъ, въ томъ видѣ, какъ его представилъ Оствальдъ въ своемъ сочиненіи, стремится къ построенію міросозерцанія, свободнаго отъ гипотезъ. Чувствую, что читатель, знакомый съ энергетизмомъ лишь по статьѣ автора „нерѣшенныхъ проблемъ“, воскликнетъ:

— Да позвольте! какъ же—свободное отъ гипотезъ міросозерцаніе, коли Оствальдъ вводитъ „безсознательную“ и „сознательную“ нервную энергію! Да развѣ это не туманная гипотеза?!

Дѣйствительно, если считать цитаты г. Лункевича точными, то такой вопросъ имѣетъ *raison d'être*. Г. Лункевичъ говоритъ (стр. 106): „В. Оствальдъ серьезно убѣжденъ въ томъ, что всю психическую жизнь можно выразить въ терминахъ энергетической философіи: стоитъ только признать, что въ духовныхъ процессахъ возникаетъ и подвергается различнымъ превращеніямъ особый родъ энергіи, которую можно назвать духовной энергіей. Врядъ ли, продолжаетъ г. Лункевичъ, процитировавъ эту фразу Оствальда—возможно говорить о принципиальной разницѣ между „жизненной силой съ одной стороны, и „биогеннымъ эфиромъ“ или „духовной энергіей“—съ другой“.

На самомъ же дѣлѣ, Оствальдовская „безсознательная“ и „сознательная“ нервная энергія не имѣютъ и тѣни того, что хочешь въ нихъ вложить г. Лункевичъ и не содержатъ въ себѣ ничего гипотетичнаго или таинственнаго.

Наша духовная дѣятельность представляетъ актъ, при неумѣренности котораго наступаетъ *духовное истощеніе*; истощеніе это послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго духовнаго отдыха (напр., сна) исчезаетъ. Слѣдовательно духовная дѣятельность есть *работа*. Цѣлый рядъ физиологическихъ опытовъ, въ особенности же опыты Моссо, показали, что при духовной дѣятельности происходитъ усиленный притокъ крови къ мозгу; это значитъ

что къ мозгу приносится запасъ химической энергіи (ибо кровь есть разноситель химической энергіи). Такимъ образомъ, для той работы, которая называется духовною дѣятельностью, нужна химическая энергія. Такъ какъ всякая работа является результатомъ траты энергіи, то мы могли бы предположить, что химическая энергія превращается въ духовную дѣятельность. Но такъ какъ этого доказать мы не можемъ, то такое допущеніе было бы чисто гипотетическимъ. Оствальдъ же разсуждаетъ иначе; „такъ какъ,—говоритъ онъ,—мы не знаемъ, какого рода энергія превращается въ духовную работу, но въ то же время не сомнѣваемся, что эта работа есть слѣдствіе какой-то энергіи, то чтобы нисколько не предрѣшать вопроса о характерѣ этой энергіи, мы ее временно называемъ духовною. Стало быть, вопросъ о характерѣ этой энергіи остается вполнѣ открытымъ. Что касается до того, что Оствальдъ, будто бы, допускаетъ какую-то „сознательную“ и „бессознательную“ энергію, то г. Лункевичъ, взявшій эти выраженія изъ русскаго перевода, очевидно, вовлеченъ былъ въ заблужденіе. У Оствальда употребляется терминъ „*bewusste und unbewusste*“ *Nervenenergie*. Конечно, иногда эти термины передаются на русскій языкъ словами „сознательный“ и „бессознательный“; но въ философскомъ языкѣ требуется особенная осторожность, ибо, говоря, напр. „сознательная нервная энергія“, можно навязать слушателю мысль о томъ будто Оствальдъ считаетъ самую энергію чѣмъ-то сознательнымъ, сознающимъ. Ничего подобнаго у Оствальда нѣтъ; это выраженіе у него просто обозначаетъ два вида энергіи: энергію, сказывающуюся въ нервныхъ процессахъ, *несопровождаемыхъ сознаніемъ* (*unbewusste Nervenenergie*) и энергію нервныхъ процессовъ, сопровождаемыхъ имъ (*bewusste Nervenenergie*). Читатель, такимъ образомъ, видеть, что въ Оствальдовской „*bewusste*“ и „*unbewusste*“ *Nervenenergie* не содержится ни тѣни чего либо, походяго на „биогенный эфиръ“ А. Данилевскаго, весь цѣликомъ лежащій внѣ того, что намъ дано опытомъ.

Самъ Оствальдъ (приведя цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ энергетическій характеръ нервныхъ процессовъ) говоритъ въ заключеніе слѣдующее:

„Всѣ эти факты въ совокупности дѣлаютъ возможнымъ предположеніе, что при духовныхъ явленіяхъ происходитъ возникновеніе и преобразование особаго вида энергіи, которую мы, для того, чтобы имѣть возможность говорить о ней, назовемъ пока духовной энергіей (курс. мой) (*Ostwald. V. u. Naturphilosophie, стр. 377*).

Какъ видите, Оствальдъ прямо указываетъ на то, что, каковъ тотъ видъ энергіи, которая сказывается въ психической дѣятельности, мы не знаемъ, и потому пока и только для того, чтобы имѣть возможность о ней говорить (*um von ihr reden zu können*), онъ обозначаетъ ее терминомъ *духовной энергіи*. Мало того, на слѣдующей же страницѣ (378) онъ указываетъ на опытъ,

при помощи котораго вопросъ о существованіи энергіи можетъ быть рѣшенъ въ будущемъ; и въ заключеніе прибавляетъ: тогда только можно будетъ отвѣтить „да“ или „нѣтъ“, по вопросу о допущеніи духовной энергіи; а до тѣхъ поръ мы пробуемъ вывести заключенія, вытекающія изъ подобнаго допущенія“.

Что же общаго между тѣмъ, что приписалъ Оствальду г. Лункевичъ, и тѣмъ, что Оствальдъ въ дѣйствительности говоритъ?! И для чего понадобилось автору „нерѣшенныхъ проблемъ“ выбросить изъ словъ Оствальда то, что мною отмѣчено курсивомъ, и что совершенно опредѣляетъ смыслъ отношенія Оствальдъ къ вопросу о психикѣ?

Но, быть можетъ, скажутъ, что даже одно *допущеніе* духовной энергіи уже есть нѣчто гипотетическое, столь же гипотетическое, сколь гипотетично допущеніе „жизненной силы“ или „биогеннаго эфира“?

Оствальдъ и на этотъ вопросъ даетъ вполне опредѣленный отвѣтъ. Г. Лункевичъ объ этомъ обстоятельстве, къ сожалѣнію, умолчалъ.

Отвѣтъ Оствальда заключается въ анализѣ того, что такое гипотеза и какими признаками она характеризуется. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу:

„Я желалъ бы кстати высказаться по поводу того несправедливаго упрека, который мнѣ могли бы сдѣлать, принявъ во вниманіе заключительную фразу, помѣщенную въ предисловіи къ настоящему сочиненію. Въ этомъ предисловіи я говорю объ устраниеніи всякихъ гипотезъ, а между тѣмъ въ допущеніи энергетической природы актовъ сознанія можно было бы именно усмотрѣть гипотезу. Такое усмотрѣніе было бы во всякомъ случаѣ слѣдствіемъ неопредѣленности пользованія языкомъ; поэтому я считаю нужнымъ совершенно отчетливо ограничить разбираемая здѣсь понятія.“

Гипотезами я назвалъ раньше такія допущенія, которыя выходятъ за предѣлы доказуемаго фактическаго содержанія явленій, подлежащихъ изложенію, и справедливость которыхъ не можетъ быть испытана экспериментальнымъ путемъ. Гипотеза характеризуется въ особенности тѣмъ, что она къ множественности даннаго фактическаго содержанія присоединяетъ еще такія мыслимыя множественности, дѣйствительная наличность которыхъ не доказуема. Типическимъ образцомъ такого рода гипотезъ можетъ служить атомная гипотеза.

Но рядомъ съ этимъ существуетъ совершенно законный въ научномъ смыслѣ приемъ, который можно назвать предварительнымъ *допущеніемъ* или *прототезой*. Къ прототезѣ прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на основаніи имѣющихся, но еще не достаточно обширныхъ наблюдений, допускаютъ извѣстную математическую зависимость между измѣряемыми величинами или извѣстную причинную зависимость между наблюденными измѣне-

ніями—и затѣмъ направляютъ свои опыты къ тому, чтобы провѣрить, можетъ ли принятое допущеніе изобразить и дальнѣйшія наблюденія или нѣтъ. Здѣсь, стало быть, къ самому наблюденію не прибавляется ничего такого, что не могло бы быть провѣрено; напротивъ того: здѣсь изъ наблюденій выводится заключеніе только съ той цѣлью, чтобы затѣмъ опредѣлить объемъ его приложимости. Точно также и въ настоящемъ случаѣ: мы имѣемъ данную въ опытѣ зависимость между расходованиемъ энергіи и духовной дѣятельностью и дѣлаемъ попытку установить между ними функциональную зависимость, зависимость, не заключающую въ себѣ никакихъ постороннихъ допущеній, являющуюся наиболѣе простою изъ всѣхъ возможныхъ зависимостей и поддающуюся экспериментальной провѣркѣ въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ. Такимъ образомъ, принятая нами зависимость (между расходованиемъ энергіи и духовной дѣятельностью) является типическимъ примѣромъ прототезы“. (loc. cit. стр. 400).

Я надѣюсь, что читатель не посѣтуетъ на меня за то, что нѣсколько подробно затановился на энергетическомъ ученіи, чѣмъ, быть можетъ, того требовала программа настоящей статьи; основанія для этого мною уже отчасти указаны; но, кромѣ того, я считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что, насколько мнѣ извѣстно, сочиненіе Оствальда представляетъ первую попытку построить міросозерцаніе, дѣйствительно свободное отъ всякихъ гипотезъ. Разумѣется, основу для такого міросозерцанія можно найти у всѣхъ современныхъ эмпирио-критиковъ и, въ особенности, у Авенаріуса въ его „Критикѣ чистаго опыта“ и у Маха—во всѣхъ его сочиненіяхъ и статьяхъ. Но сочиненіе Авенаріуса представляетъ огромныя трудности для изученія, благодаря спеціально придуманной и введенной терминологіи, освоиться съ которою можно только путемъ усиленной работы; сочиненія же Маха, поражающія глубиною анализа и ясностью изложенія, не содержатъ, однако, въ себѣ систематическаго изложенія какой-либо отдѣльной доктрины. — Освоиться съ энергетическимъ ученіемъ тоже не легко, ибо прежде всего оно покушается на сверженіе тѣхъ идеаловъ, къ почитанію которыхъ мы привыкаемъ съ самаго ранняго возраста (матерія, сила и пр.); кромѣ того, для усвоенія энергетизма требуется ясное и отчетливое пониманіе нѣкоторыхъ вопросовъ общей физики¹⁾. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что каждый образованный человѣкъ, посвятивши нѣкоторое время на изученіе сочиненія Оствальда, будетъ сторицей вознагражденъ за тотъ трудъ, который будетъ на это изученіе затраченъ.

¹⁾ Отсутствіемъ такого отчетливаго пониманія и объясняется существованіе такихъ доказательствъ, какія приводитъ г. Лункевичъ противъ возможности происхожденія „нервной (или духовной) энергіи насчетъ „обыкновенныхъ“ энергіи организма. Вотъ оно: „Количество различныхъ видовъ кинетической энергіи, развиваемой всякимъ организмомъ, равно количеству той потенціальной энергіи,

Обращаюсь теперь къ борьбѣ виталистовъ съ механистами. Изъ этой борьбы приходится выгородить—и я надѣюсь со мною въ этомъ согласятся—такихъ изслѣдователей, какъ Оствальдъ, котораго г. Лункевичъ отнесъ почему-то (вѣроятно, только по-

которая такъ или иначе проникаетъ въ организмъ. Первая часть этого уравненія, какъ и требуетъ законъ сохраненія энергіи, количественно тождественна со второю частью и втиснуть въ нее „духовную энергію“, не нарушая самого равенства, нѣтъ никакой возможности.

Вся суть-то въ томъ, что въ этой первой части уравненія уже имѣется „духовная“ энергія, ибо она тоже относится къ энергіямъ, развиваемымъ организмомъ, и потому ее и „всовывать“ не нужно. Нужно только формулировать этотъ принципъ не такъ, какъ его формулировали лѣтъ 30 тому назадъ, а такъ, какъ требуетъ этого современная наука. А современная наука требуетъ такой формулировки: количество энергіи, запасенныхъ и развиваемыхъ организмомъ + количество работъ, развиваемыхъ организмомъ, равно количеству энергіи, поступившихъ въ организмъ извнѣ. При этомъ въ числѣ энергіи, развиваемыхъ организмомъ находится и нервная энергія, а въ число работъ, развиваемыхъ организмомъ, входитъ и нервная или духовная работа. Что же касается терминовъ „кинетическая“ и „потенціальная“ энергія, то современный энергетистъ употребляетъ *первый* изъ этихъ терминовъ только для случаевъ движенія

измѣримыхъ массъ, имѣющихъ *измѣримую* скорость $\left(\frac{mv^2}{2}\right)$ а *второй*— въ силу его метафизичности выбрасываетъ совершенно изъ своего обихода. Законъ сохраненія энергіи даетъ намъ только равенство суммъ; слагаемая же, изъ которыхъ эти суммы составлены, извѣстны намъ только отчасти. Вотъ если бы г. Лункевичъ узналъ *всѣ* слагаемая первой суммы и *всѣ* слагаемая второй и затѣмъ подсчитавъ ихъ, показалъ, что суммы этихъ слагаемыхъ и безъ введенія „нервной“ энергіи равны, тогда онъ имѣлъ бы право сказать, что „всунуть“ „нервную“ или „духовную“ энергію некуда. Если такой подсчетъ г. Лункевичемъ сдѣланъ, то мнѣ остается только пожалѣть о томъ, что авторъ „Нервныхъ проблемъ“ нигдѣ его не опубликовалъ. Законъ сохраненія энергіи даетъ намъ *только баллансъ приходовъ и расходовъ* организма; отдѣльныя же статьи—какъ прихода, такъ, въ особенности расхода, довольно значительной своей частью намъ вполне неизвѣстны. Смѣшенъ былъ бы тотъ контролеръ, который при подобныхъ условіяхъ, услышавъ о какой либо, неизвѣстной ему, статьѣ расхода, воскликнулъ бы: „Помилуйте, да ее некуда всунуть!“ Ему бы, конечно, отвѣтили: „Ее и совывать не нужно, ибо она была „всунута“ до сведенія балланса. Другой аргументъ, приводимый г. Лункевичемъ выраженъ такъ: „Можно сдѣлать предположеніе, что различныя формы энергіи, развиваемыя организмомъ, превращаются, въ моментъ своего возникновенія, *in statu nascendi*, въ духовную энергію; но тогда духовная энергія должна возникать на счетъ физико-химическихъ энергіи, и, стало быть, общее количество послѣднихъ должно убывать вмѣстѣ съ повышеніемъ психической дѣятельности. На самомъ же дѣлѣ наблюдается совершенно обратное: чѣмъ интенсивнѣе духовная работа того или иного организма, тѣмъ большее количество фанко-химическихъ энергіи онъ развиваетъ. Стало быть, предположеніе, будто духовная энергія развивается внутри организма на счетъ обыкновенныхъ энергіи, не выдерживаетъ критики“ (Р. Б. № 3, стр. 106).

Не знаю, кому принадлежитъ эта аргументація; но кому бы она ни принадлежала, она свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ ея

тому, что Оствальдъ—противникъ витализма) къ механистамъ. Сбью думать, что въ такой же степени, въ какой Оствальдъ не механистъ а только антивиталистъ, въ такой же степени къ механистамъ, нельзя причислить и меня. Г. Лункевичъ сбдѣлалъ

незнакомъ съ довольно элементарными фактами... изъ физиологii, а ученiя объ энергii совершенно не понимаетъ. Чтобы показать это съ очевидностью, я приведу слѣдующiй фактъ: физическая или механическая работа, совершаемая человѣкомъ, производится насчетъ химической энергii, поглощаемой имъ въ видѣ пищи, кислорода воздуха и пр. Этотъ фактъ доказанъ даже количественно, и г. Лункевичъ, я полагаю, не станетъ возражать противъ этого. Держась аргументацiи г. Лункевича, мы скажемъ такъ: если механическая работа организма возникаетъ насчетъ физико-химическихъ энергii, то, стало быть, общее ихъ количество должно убывать вмѣстѣ съ повышенiемъ механической „дѣятельности“. На самомъ же дѣлѣ наблюдается совершенно обратное: чѣмъ интенсивнѣе механическая работа того или другого организма, тѣмъ большее количество физико-химическихъ энергii онъ развиваетъ. Стало быть предположенiе, будто механическая энергiя развивается внутри организма насчетъ обыкновенныхъ энергii, не выдерживаетъ критики.—Какъ видите, я буквально повторяю слова г. Лункевича и прихожу къ заключенiю, что ученiе объ энергii не примѣнимо ни къ какой функцii организма! Въ чемъ же здѣсь ошибка? А въ томъ, что во время механической работы организмъ поглощаетъ извнѣ гораздо больше химической энергii (въ формѣ кислорода), нежели при отсутствii работы; такъ что организмъ не только не охлаждается, но даже согрѣвается, т. е. избытка поглощаемой организмомъ энергii хватаетъ не только на превращенiе въ работу, но и на усиленное нагрѣванiе самого организма. Все это доказано точнѣйшими опытами еще лѣтъ 30 тому назадъ. Въ чемъ ошибка аргументацiи г. Лункевича? А въ томъ, что во время интенсивной духовной дѣятельности къ мозгу притекаетъ значительно большее количество химической энергii (въ видѣ крови), нежели при слабой духовной дѣятельности. При этомъ количество притекающей энергii на столько велико, что ее хватаетъ не только на самую духовную дѣятельность, но часть ея превращается при этомъ въ теплоту (температура въ полости черепа повышается, что констатировано прямыми опытами). Что при усиленной духовной дѣятельности къ мозгу притекаетъ больше крови,—это доказано опытами Моссо, свидѣтельствующими о томъ, что чѣмъ сильнѣе умственное напряженiе, тѣмъ больше крови уходитъ изъ различныхъ органовъ и направляется къ мозгу. Такимъ образомъ аргументацiя г. Лункевича очень похожа на слѣдующiй примѣръ: я желаю доказать, что въ хлѣбопекарной печи хлѣбы пекутся насчетъ теплоты. Кажется, доказать это не трудно; и никто въ этомъ не сомнѣвается. Но вотъ приходитъ г. Лункевичъ и говорить, что мое доказательство не выдерживаетъ критики. Почему? А вотъ почему: „если бы, скажетъ онъ, это было справедливо, то тогда печь въ которой пекутся хлѣбы должна была бы охлаждаться; а на самомъ дѣлѣ мы наблюдаемъ обратное: въ то время, когда въ печи не пекутся хлѣбы, она холодная; но какъ только печь начинаетъ изготовлять хлѣбы, такъ она становится горячею; т. е. чѣмъ интенсивнѣе пекарная работа той или другой печи, тѣмъ болѣе физико-химическихъ энергii эта печь развиваетъ!.. Стало быть предположенiе будто хлѣбопекарная энергiя развивается внутри печи насчетъ обыкновенныхъ энергii не выдерживаетъ критики“. Конечно, въ данномъ случаѣ, стоящiй около печи наблюдатель скажетъ г. Лункевичу: „Да въдѣ въ печь все время усиленно подкладываются дрова!“ И тогда г. Лункевичъ оцѣнитъ свое заблужденiе.

эту большую ошибку и, прибѣгнувъ къ весьма неудобнымъ для научно-безпристрастнаго человѣка приемамъ, всунулъ меня въ рамку не только механистовъ вообще, но даже механистовъ „наивныхъ“ и „примитивныхъ“ „какъ будто втайнѣ лелеющихъ мечту о возрожденіи матеріалистическаго пониманія природы“ (Р. В. № 5, стр. 94).

Если бы дѣло касалось только того, какую кланчку придумалъ г. Лункевичъ мнѣ лично, то объ этомъ не стоило бы и говорить—были бы только правильно изложены тѣ мысли, аргументы и выводы, которые были мною выражены въ статьяхъ „Живое и Мертвое“, напечатанныхъ въ журналѣ „Миръ Божій“ въ 1896 и вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1899 г.

Удѣливъ обсужденію только что названной моей работы не мало мѣста, г. Лункевичъ не позаботился о главномъ—о правильной и точной передачѣ ея содержанія, а между тѣмъ въ разбираемомъ вопросѣ, вопросѣ, въ области котораго мысли мною высказанныя болѣе 10 лѣтъ тому назадъ (на публичной лекціи въ Солянномъ городкѣ) приобрѣли новыхъ сторонниковъ, весьма важно было, какъ мнѣ кажется, соблюсти полную точность передачи. Этого г. Лункевичъ не сдѣлалъ ни по отношенію меня, ни по отношенію другихъ авторовъ, которыхъ цитируетъ. Поэтому читатели, принявшіе на вѣру все то, что написано г. Лункевичемъ по вопросу о борьбѣ витализма съ механизмомъ, довѣрившіе цитатамъ и фактамъ, на которые г. Лункевичъ ссылается, находятся въ сильномъ заблужденіи. Если же многія изъ наиболѣе существенныхъ цитатъ г. Лункевича не вѣрны, если многіе изъ приводимыхъ имъ фактовъ не вѣрны, или невѣрно освѣщены; если аргументы, служащіе для опроверженія тѣхъ или другихъ положеній, свидѣлствуютъ о недостаточномъ знакомствѣ г. Лункевича съ предметомъ, за обсужденіе котораго онъ взялся, то какую цѣну могутъ имѣть выводы, построенные на столь рыхломъ фундаментѣ? Какое значеніе могутъ имѣть картины борьбы, рисуемыя весьма бойко авторомъ „нерѣшенныхъ проблемъ“, когда онъ ихъ освѣщаетъ бенгальскими огнями своей фантазіи и своихъ личныхъ симпатій и антипатій?

Итакъ начну съ себя, какъ одного изъ участниковъ борьбы, описываемой г. Лункевичемъ.

Въ своей работѣ „Живое и Мертвое“, я приступалъ къ своей задачѣ слѣдующими словами:

„Когда вступаешь въ область вопросовъ о „живомъ“ и „мер-

По отношенію же къ духовной работѣ, такой же наблюдатель скажетъ г. Лункевичу: „Да вѣдь къ работающему мозгу все время усиленно подвозится кровь, приносящая ему химическую энергію, лишая, быть можетъ, другіе органы части ея. Оцѣнить ли г. Лункевичъ и въ данномъ примѣрѣ свое заблужденіе—не знаю; ибо у него въ распоряженіи есть очень ходкій на такіе случаи аргументъ: Да вѣдь то печь, а то организмъ!“

твомъ“, то сейчасъ же наталкиваешься на препятствіе въ самомъ опредѣленіи термина „живой“, „мертвый“. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ попытки ученыхъ опредѣлить, что такое „жизнь“, что такое „живой“ не привели ни къ какому результату. Уже это одно обстоятельство ясно показываетъ, что признаки „жизни“ не такъ характерны, не такъ рельефны. Но тѣмъ не менѣе мы привыкли считать, что матерія, несущая съ собою нѣкоторую, довольно неопредѣленную совокупность признаковъ должна называться живою. Постараемся опредѣлить, каковы эти признаки. Для правильного обсуждения вопроса, нужно будетъ сначала посмотреть, нѣтъ ли какого-либо отдѣльнаго, одного признака, присутствіе котораго въ матеріи даю бы намъ право считать ее живою. Если окажется, что такой признакъ есть, и, стало быть, вся мертвая матерія такого признака не имѣетъ, то въ анализѣ этого признака и можетъ заключаться центръ тяжести виталистическихъ и антивиталистическихъ воззрѣній. Предположимъ, однако, что такого *одного* признака мы не найдемъ, предположимъ, что только *совокупность* извѣстнаго числа признаковъ дастъ намъ критерій для характеристики „жизни“, тогда придется обсудить, нѣтъ ли этихъ признаковъ въ *отдѣльности* въ мертвой природѣ; быть можетъ, въ „мертвой“ природѣ они не сочетаны, но каждый изъ нихъ существуетъ въ *отдѣльности*; предположимъ, однако, что окажется, что и каждаго изъ этихъ признаковъ мы въ мертвой природы не встрѣчаемъ. И тогда все же намъ не придется сложить оружіе, ибо тогда еще останется одинъ вопросъ: если этихъ признаковъ въ мертвой матеріи нѣтъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ въ матеріи живой, то, быть можетъ, они въ ней встрѣчаются въ болѣе элементарной формѣ, не *качественно*, а *количественно*, отличной отъ той формы, въ которой они встрѣчаются въ матеріи „живой“. Если теперь окажется, что эти признаки въ мертвой природѣ не встрѣчаются даже и въ упрощенномъ видѣ, то тогда придется ихъ выдвинуть впередъ, и витализмъ окажется побѣдителемъ; если же при изученіи признаковъ, характеризующихъ матерію „живую“, обнаружится, что всѣ, даже наиболѣе сложныя, проявленія жизни замѣчаются (но, конечно, въ болѣе упрощенной формѣ) и въ мертвой природѣ, тогда, очевидно, витализмъ стоитъ на шаткой почвѣ и никомъ образомъ не долженъ ложиться въ основу научнаго міросозерпанія“ (Живое и Мертвое. 1899. стр. 5).

Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что все, только что цитированное, ясно опредѣляетъ задачу, задачу чисто научнаго характера, рѣшеніе которой должно привести только къ одному: или къ *торжеству витализма* или къ *сверженію* его. О механистическихъ теоріяхъ здѣсь даже и не упоминается (какъ и нигдѣ во всей моей работѣ); и только тѣ авторы, которые полагаютъ, что всякій *антивиталистъ* eo ipso долженъ быть причисленъ къ „механистамъ“,—только тѣ (а къ нимъ, очевидно, принадлежитъ и г. Дункевичъ)—рѣшились бы, подобно

автору „нерѣшенныхъ проблемъ“ включить меня въ число „механистовъ“. Но мало того: я прямо указываю (ib. стр. 6), что *наше неумѣние* объяснить жизненные явленія физико-химическими силами не можетъ служить основаніемъ для признанія отдѣльной жизненной силы. Слѣдовательно, опять-таки я борюсь только *противъ витализма* и признаю фактъ нашего неумѣнія объяснить жизненные явленія физико-химическими „силами“. Далѣе (на стр. 9) я говорю:

„Въ самомъ дѣлѣ, если мы говоримъ, что жизнь подчинена общимъ механическимъ и физико-химическимъ началамъ, то передъ нами всегда стоитъ вопросъ о жизни, въ качествѣ вопроса не разрешеннаго“.

Все это, мнѣ кажется, довольно плохо вяжется съ представленіемъ о „наивномъ“ и „примитивномъ“ механистическомъ возвращеніи.

Опредѣливъ свою задачу, какъ видитъ читатель,—чисто аналитическую, я на дальнѣйшихъ страницахъ своей работы приступаю къ ея посильному разрѣшенію, т. е. стараюсь найти, не имѣется ли въ такъ называемомъ „мертвомъ“ царствѣ всѣхъ тѣхъ наиболѣе характерныхъ признаковъ, которыми виталисты надѣляютъ „Живое царство“. Я разбираю вопросъ о происхожденіи живыхъ (простѣйшихъ) организмовъ, о ихъ питаніи, размноженіи, объ элементахъ ихъ психики и прихожу на основаніи анализа точно установленныхъ фактовъ, къ такому выводу: „Во всякомъ случаѣ, и введенныхъ примѣровъ, я думаю, достаточно, чтобы показать, въ какой степени тѣ элементы, которые обыкновенно принято считать характеризующими явленія жизни, присутствуютъ и въ томъ царствѣ, которое считается мертвымъ“. (ib. стр. 26)

Ясно, что на вопросъ, поставленный въ началѣ статьи, данъ отвѣтъ ровно въ той мѣрѣ, въ какой его требовалъ вопросъ. Никакого признака механистическихъ задачъ у меня не было, и въ результатѣ дано только сопоставленіе фактовъ, соотвѣтственно поставленному вопросу.

И въ этомъ-то г. Лункевичъ усмотрѣлъ признаки „наивнаго“ и „примитивнаго“ механистическаго направленія! Не знаю, почему въ такомъ случаѣ г. Лункевичъ не причисляетъ къ „механистамъ“ и всѣхъ химиковъ, доказывающихъ, что живые организмы состоятъ изъ тѣхъ же химическихъ элементовъ, изъ какихъ состоятъ мертвые. Вѣдь такіе химики ставятъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: „посмотримъ, не имѣется ли въ живыхъ тѣлахъ какой-либо составной части, которой въ мертвыхъ нѣтъ?“ И отвѣчаютъ: „Тѣ элементы (углеродъ, водородъ, азотъ, кислородъ и пр.), которые обыкновенно принято считать характеризующими составъ живыхъ организмовъ, присутствуютъ и въ томъ царствѣ, которое считается мертвымъ“.

Однако у читателя можетъ явиться не безосновательный вопросъ: какимъ же образомъ, зная все это, г. Лункевичъ вклю-

чить меня въ число механистовъ вмѣстѣ съ проф. Сабатье, Де-Дантекомъ и друг.?

На это я постараюсь отвѣтить, освѣтивъ какъ безпристрастіе и точность цитаты автора „нерѣшенныхъ проблемъ“, такъ и его компетентность по данному вопросу.

Г. Лункевичъ начинаетъ свою характеристику „механистовъ“ слѣдующими словами: „Основною мыслью ихъ (механистовъ) является утвержденіе, что *жизнь есть физико-химическая проблема*, и что разница между живымъ и мертвымъ—не качественная, а количественная. Но особенно примитивно, какъ мнѣ кажется, интерпретируютъ и доказываютъ ее Сабатье и М. Голдштейнъ. Послѣдній, на примѣръ, заявляетъ, что кристаллы—это простѣйшіе минеральные организмы, живыя существа мертвой природы, что всѣ тѣ чудеса, которыя виталисты приписываютъ жизненной силѣ, имѣются, но, конечно, въ зачаточномъ состояніи и въ такъ называемомъ мертвомъ царствѣ и что, наконецъ, *у насъ есть достаточное основаніе говорить о жизненныхъ явленияхъ въ мертвомъ царствѣ*“ (Р. Б. № 5, стр. 86) (курс. мой).

Въ первой части этой цитаты г. Лункевичъ приписываетъ мнѣ то, чего я не говорилъ и не могъ говорить. *Я нигдѣ не утверждалъ, что жизнь есть физико-химическая проблема*. Во второй части мѣсто, отмѣченное курсивомъ и изображающее мою мысль, представляетъ плодъ фантазіи г. Лункевича. Я говорилъ:

„Едва ли наука о жизни можетъ сдѣлать рѣшительные шаги впередъ, если не обратится къ изученію (да простится мнѣ это выраженіе) жизненныхъ явленій въ мертвомъ царствѣ“. (Живое и Мертвое, стр. 11, изд. 1899).

Гдѣ здѣсь рѣчь о „достаточномъ основаніи“? И почему г. Лункевичъ „не замѣтилъ“ фразы „да простится мнѣ это выраженіе“?

Въ своей брошюрѣ я старался доказать, что всѣ тѣ наиболѣе типичные признаки, которые приводятся для характеристики „живой“ природы, имѣются въ мірѣ кристалловъ. Поэтому мнѣ, разумѣется, пришлось обратиться къ разсмотрѣнію этихъ признаковъ. Я и рассматриваю послѣдовательно: возникновеніе кристалловъ, при чемъ показываю на основаніи *точно установленныхъ фактовъ*, что кристаллы возникаютъ изъ растворовъ двойнымъ путемъ: иногда путемъ *самозараженія* (непонятнымъ для насъ), а въ большинствѣ случаевъ путемъ попаданія въ соотвѣтственныя условія (т. е. въ пересыщенный растворъ) кристаллическихъ „зародышей“, т. е. мелкихъ пылинокъ кристаллическаго вещества, носящихся въ воздухѣ.

Какъ критикуетъ эту часть моей работы г. Лункевичъ, я скажу дальше. Затѣмъ я перехожу къ вопросу о питаніи и ростѣ кристалловъ. Этой части г. Лункевичъ удѣляетъ свое вниманіе. Посмотримъ же, какъ онъ излагаетъ приводимые мною факты.

„Кристаллы, говоритъ г. Лункевичъ, (ibid. 88) поваренной соли, опущенный въ насыщенный соляной растворъ, увеличи-

вается въ объемѣ и вѣсѣ: онъ несомнѣнно *растетъ*. Понятіе же роста естественно связывается—на основаніи данныхъ изъ области „живой природы“—съ представленіемъ о питаніи. И вотъ намъ говорятъ, что кристаллъ можетъ расти только при условіи питанія, т. е. *усвоенія* изъ окружающей среды соотвѣтствующаго матеріала. При этомъ *почему то опускается изъ виду, что процессъ усвоенія даже у простѣйшихъ изъ извѣстныхъ сейчасъ одноклеточныхъ организмовъ характеризуется цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ измѣненій питательнаго матеріала и что при „питаніи“ кристалла (курс. мой) ничего подобнаго не наблюдается*“ (курс. г. Лункевича).

Возраженіе весьма серьезное! оказывается, что мы—„наивные механисты“—совершенно упустили изъ виду столь существенное различіе между „питаніемъ“ кристалловъ и питаніемъ живыхъ организмовъ, *измѣняющихъ питательный матеріалъ!*..

Но если читатель взглянетъ въ мою работу „Живое и Мертвое“, изъ которой г. Лункевичъ беретъ разсужденіе о питаніи кристалловъ, то онъ прочтетъ тамъ слѣдующее (стр. 19):

„Правда, можно сказать, что такъ называемые „живые“ организмы обладаютъ способностью, поглощая изъ среды извѣстныхъ питательныхъ веществъ, видоизмѣнять ихъ химически, и эта способность.... считается принадлежностью живой протоплазмы; но, спрашивается, не обладаетъ ли тою же способностью и кристаллъ. Безспорно обладаетъ; въ самомъ дѣлѣ, пусть у насъ имѣется кристаллъ обыкновенныхъ квасцовъ; мы его погружаемъ въ растворъ, содержащій нѣкоторое количество *безводныхъ квасцовъ* и нѣкоторое количество воды; кристаллъ въ этомъ растворѣ растетъ, при чемъ заставляетъ воду и безводные квасцы между собою химически соединиться... Кристаллъ беретъ изъ этого раствора эти элементы, въ своемъ „тѣлѣ“ заставляетъ ихъ между собою соединиться въ строго опредѣленной пропорціи и обращаетъ ихъ въ свое организованное „я“. Очевидно, стало быть, что и способность химически видоизмѣнять поглощаемыя или подлежащія поглощенію вещества не принадлежитъ только „живой“ протоплазмѣ „живыхъ“ организмовъ, но принадлежитъ также и „протоплазмѣ“ кристалла, считаемой мертвою“.

А шестью годами позже меня Оствальдъ пишетъ въ своей натурфилософіи (цитирую по нѣмецкому подлиннику стр. 343):

„Переходъ растворенныхъ въ питательной жидкости веществъ въ организмъ бактеріи связанъ съ уменьшеніемъ свободной энергіи. Совершенно также какъ изъ раствора, не содержащаго въ себѣ твердаго тѣла, какъ такового, а содержащаго только его составныя части, все-таки можетъ выдѣляться это твердое тѣло (рѣчь идетъ о кристаллахъ), образуясь при своемъ отвердѣваніи изъ своихъ составныхъ частей, точно также находящіяся въ питательной жидкости вещества въ общемъ обращаются въ организмъ въ другія формы, при чемъ это превращеніе сопровождается потерей энергіи въ организмъ; это превращеніе *мы*

можемъ себя представить вызваннымъ причинами, подобными тѣмъ, какія вызываютъ ростъ кристалла въ его питательной жидкости.

Выходитъ, что не мы упустили изъ виду вопросъ объ усвоеніи питательнаго матеріала, а просто г. Лункевичъ не далъ себя труда внимательно прочесть то, о чемъ онъ такъ смѣло и бойко говорить. Странно звучитъ увѣреніе г. Лункевича, что „при „питаніи“ кристалла ничего подобнаго (усвоенію пищи) не наблюдается, въ то время какъ приводимые мною факты свидѣтельствуютъ противное.

И факты эти таковы, что объ нихъ знаетъ каждый, изучавшій хоть немножко теорію растворовъ и теорію образованія кристалловъ.

Опровергнувъ, такимъ образомъ, полное сходство между питаніемъ клѣтокъ и питаніемъ кристалловъ, г. Лункевичъ переходитъ къ разсмотрѣнію явленій размноженія.

Я утверждаю въ своей статьѣ, что между явленіями размноженія наипростейшихъ организмовъ (напр. амебъ и т. п.) и явленіями размноженія кристалловъ существуетъ полное сходство, т. е. что при размноженіи кристалловъ мы наблюдаемъ явленія, аналогичныя явленіямъ дѣленія и почкованія клѣтокъ.

Явленіе размноженія кристалловъ по способу дѣленія я иллюстрирую слѣдующимъ примѣромъ: (Живое и Мертвое, стр. 21):

„Если въ пересыщенный растворъ какой-либо соли опустить кристаллическій зародышъ ея, то зародышъ этотъ начинаетъ расти; но въ то же время въ жидкости—въ разныхъ мѣстахъ ея—появляются кристаллики. Очевидно, что погруженный въ жидкость кристалликъ является источникомъ возникновенія цѣлой массы кристаллическихъ зародышей, попадающихъ въ разные мѣста взятой жидкости, ибо почему же начинаютъ являться въ ней кристаллики не только въ мѣстѣ соприкосновенія ея съ погруженнымъ первымъ кристалликомъ, но и въ различныхъ мѣстахъ. Такъ какъ въ пересыщенныхъ растворахъ появляются кристаллы лишь въ тѣхъ мѣстахъ, куда попадаютъ кристаллическіе зародыши, то мы должны допустить, что разъ кристаллики появляются въ разныхъ мѣстахъ—значитъ, туда попали эти зародыши; но такъ какъ нами былъ первоначально взятъ только одинъ кристалликъ, то, значитъ, онъ послужилъ источникомъ появленія цѣлой массы кристаллическихъ зародышей, распредѣлившихся по всей жидкости. Такимъ образомъ, введенный кристаллъ играетъ здѣсь роль родителя цѣлой массы кристалловъ“.

Ясно, что приведенный здѣсь фактъ свидѣтельствуетъ о явленіяхъ размноженія кристалловъ путемъ дѣленія или, быть можетъ, и почкованія, представляющаго, какъ извѣстно, явленіе того же порядка, что и дѣленіе.

Далѣе я привожу фактъ, состоящій въ томъ, что если измельчить кристаллъ и отдѣльныя его пылинки помѣстить въ соотвѣтственный растворъ, то каждая изъ нихъ обращается въ

цѣлый кристаллъ. Этотъ фактъ вполне аналогиченъ факту, наблюдаемому на нѣкоторыхъ организмахъ (напр., на прѣсководномъ полипѣ), которые, будучи разрѣзаны на нѣсколько частей, даютъ изъ каждой части новый экземпляръ того же организма.

Совершенно умолчавъ о томъ, какое значеніе имѣеть для доказательства размноженія кристалловъ дѣленіемъ появленіе зародышей въ различныхъ мѣстахъ раствора, и выдвинувъ только фактъ измельченія кристалла и превращенія его отдѣльныхъ частей въ цѣлыя кристаллы, г. Лункевичъ восклицаетъ:

„У кого есть хотя бы самое смутное представленіе о размноженіи клѣтокъ и одноклѣтныхъ организмовъ дѣленіемъ... тотъ въ достаточной мѣрѣ оцѣнить все глубокомыслие вышеприведенной цитаты“ (Ib. ст. 89).

Согласимся однако съ г. Лункевичемъ! Допустимъ, что я не имѣю даже и смутнаго представленія о размноженіи клѣтокъ дѣленіемъ...

Шестью годами позже, Оствальдъ—не „механистъ“, а энергетистъ, пишетъ по этому поводу слѣдующее:

„Явленія, сходныя съ дѣленіемъ клѣтокъ, обнаруживаются въ томъ, что при постоянномъ дѣйствіи питательной жидкости, внесенный въ нее кристаллъ не только растетъ, но и вызываетъ изъ себя образованіе множества другихъ болѣе молодыхъ кристалловъ; такъ что въ концѣ концовъ въ питательной жидкости можно видѣть множество кристалловъ приблизительно одинаковой величины, совершенно подобно тому, какъ это наблюдается при обыкновенномъ размноженіи клѣтокъ (loc. cit. стр. 344).

Быть можетъ, однако и Оствальдъ не имѣетъ даже смутнаго представленія о размноженіи клѣтокъ дѣленіемъ? Г. Лункевичъ, пожалуй сошлетъ на то, что Оствальдъ не специалистъ—биологъ и потому у него, какъ и у меня, являются такія сопоставленія, потому мы и усматриваемъ столь грубыя аналогіи!..

Обратимся къ специалистамъ—биологамъ.

Возьмемъ академика Фаминцына, специалиста-ботаника. Онъ-то вѣдь имѣетъ „хотя бы смутное представленіе о размноженіи клѣтокъ дѣленіемъ“? Надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, онъ гарантированъ отъ такого обвиненія.

И вотъ Фаминцынъ, относящійся между прочимъ къ моей работѣ вполне отрицательно (къ мнѣніямъ Фаминцына я еще вернусь) напечаталъ, въ запискахъ Петербургской Академіи Наукъ за 1884 г. слѣдующее: 1 граммъ фосфорнокаліевой соли, растворенный въ 2-хъ куб. сантиметрахъ воды и смѣшанный съ 0,8 грамма сѣрнамагніевой соли, нагревается до кипѣнія, фильтруется въ горячемъ состояніи и охлаждается. При охлажденіи изъ раствора видѣляются кристаллы, распадающіеся часто самопроизвольно на двѣ половины, изъ которыхъ каждая снова превращается въ совершенно цѣлый кристаллъ. Фаминцынъ полагаетъ, что это явленіе

слѣдуетъ разсматривать, какъ явленіе, по существу весьма родственное дѣленію организованныхъ клетокъ¹⁾.

Считаю нужнымъ привести еще здѣсь одно весьма интересное сопоставленіе, сдѣланное Оствальдомъ и указывающее на аналогію между образованіемъ споръ у низшихъ организмовъ (у бактерій) и однимъ изъ явленій изъ области кристаллологіи.

„Если выпарить растворъ (содержавшій въ себѣ кристаллы глауберовой соли), то въ сухомъ воздухѣ начинается, наконецъ, вывѣтриваніе образовавшихся раньше кристалловъ. Они теряютъ воду, которую содержали, но не теряютъ своей способности служить зародышами. Даже и порошокъ вывѣтрившейся соли вызываетъ въ пересыщенномъ растворѣ глауберовой соли образованіе новыхъ воду содержащихъ кристалловъ этой соли. Такимъ образомъ и глауберова соль образуетъ, повидимому, болѣе „стойкую форму“, приспособленную къ новымъ условіямъ существованія въ сухомъ воздухѣ и лучше противодѣйствующую своему разрушенію, нежели кристаллическая, воду содержащая соль. Но и эта болѣе стойкая форма въ той же мѣрѣ не безусловно стойка, какъ не безусловно стойки споры бактерій. При нагрѣваніи этотъ порошокъ теряетъ уже способность вызывать въ пересыщенныхъ растворахъ глауберовой соли образованіе „кристалловъ ея“ (Ibid. стр. 344)...

Увлеченный мыслью о томъ, что я не имѣю даже смутнаго представленія о дѣленіи клѣтокъ, г. Лункевичъ не менѣе сурово относится и къ тому мѣсту моей работы, гдѣ я говорю о размноженіи кристалловъ способомъ, аналогичнымъ почкованію клѣтокъ.

Описывая этотъ способъ, я говорю: на кристаллѣ въ извѣстномъ мѣстѣ начинаетъ наростать другой кристалликъ и, такимъ образомъ, мы получаемъ какъ бы почку. Правда, могутъ сказать, что въ растеній или въ клѣткѣ это почкованіе происходитъ, такъ сказать, подъ вліяніемъ силъ, дѣйствующихъ изнутри; но не надо забывать, что вообще весь характеръ жизни кристалла сводится къ явленіямъ поверхностей и, стало быть почкованіе должно происходить съ поверхности. И, наконецъ, мы и теперь не можемъ сказать съ увѣренностью, не играютъ ли въ явленіяхъ почкованія кристалловъ нѣкоторую роль внутреннія силы, дѣйствующія въ кристаллѣ. (loc. cit. стр. 22).

По этому поводу г. Лункевичъ заявляетъ:

„Столь же состоятельно (какъ и въ вопросѣ о дѣленіи кристалловъ) и другое утвержденіе автора, будто процессъ образованія кристаллическихъ друзъ—на кристаллѣ въ различныхъ мѣстахъ его отлагаются другіе такіе же кристаллы—есть ли что иное, какъ почкованіе“.

¹⁾ Такъ какъ мнѣ приходится работать вдали отъ всякихъ библиотекъ, и я лишенъ возможности добыть оригинальный мемуаръ Фаминцына, то цитирую эту работу по сочиненію Лемана «Molecularghysik», Томъ I, стр. 392.

Г. Лункевичъ былъ бы совершенно правъ, если бы я хоть слово сказалъ о *кристаллическихъ друзахъ*. Вся бѣда въ томъ, что авторъ „нерѣшенныхъ проблемъ“, очевидно, не знаетъ разницы между образованіемъ друзъ, т. е. чисто случайнымъ скопленіемъ однородныхъ кристалловъ въ одномъ мѣстѣ, и тѣмъ процессомъ, который сказывается часто въ развѣтвленіи кристалла и ведетъ къ происхожденію такъ называемыхъ *сферокристалловъ*. Этотъ послѣдній процессъ также относится къ процессу образованія друзъ какъ, напримѣръ, выростаніе новыхъ вѣтвей на какомъ-либо деревѣ относится къ группѣ однородныхъ растений, посаженныхъ на одномъ и томъ же кускѣ земли или въ одномъ цвѣточномъ горшкѣ. И мнѣ очень жаль, что прежде нежели произносить свое „авторитетное“ сужденіе, г. Лункевичъ не потрудился нѣсколько познакомиться съ довольно элементарными фактами кристаллологіи...

Покончивъ съ разборомъ моихъ мнѣній о размноженіи кристалловъ дѣленіемъ и почкованіемъ, г. Лункевичъ приступаетъ къ обсужденію *раздражимости*.

„Понимая, пишетъ онъ, раздражимость или возбудимость въ такомъ широко неопредѣленномъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ Сабатье и Гольдштейнъ, т. е. какъ вообще способность реагировать на внѣшніе импульсы, надо будетъ... и. т. д.“ (Ib. стр. 92).

Ничего подобнаго я подъ раздражимостью не понимаю! Вотъ опредѣленіе, которое я даю раздражимости въ своей статьѣ (стр. 23).

... „*Раздражимость* протоплазмы обнаруживается исключительно въ одномъ ея свойствѣ: подъ вліяніемъ механическихъ, физическихъ или химическихъ раздражителей, дѣйствующихъ на одну какую либо точку протоплазмы, наступаетъ измѣненіе не только въ этой точкѣ, въ точкѣ приложенія раздражающаго агента, но и въ точкахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ мѣста раздраженія... Такую же по существу, но болѣе элементарную по характеру, раздражимость мы наблюдаемъ и въ кристаллахъ. Если напримѣръ, призматическій кристаллъ сѣры подвергнуть тренію въ какой-либо одной части, то онъ становится полупрозрачнымъ на всемъ своемъ протяженіи и черезъ нѣкоторое время при изслѣдованіи оказывается превратившимся въ цѣлую массу мелкихъ кристалликовъ, имѣющихъ совершенно другую (октаэдрическую) форму. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ явное указаніе на то, что „раздраженіе“, сообщенное кристаллу въ одной точкѣ, вызываетъ измѣненіе его молекулярнаго строенія на всемъ протяженіи.

Не трудно видѣть, что съ моей точки зрѣнія вся сущность раздражимости заключается не въ способности только реагировать на внѣшніе импульсы, а въ способности, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ агентовъ, измѣняться не только въ мѣстѣ приложенія этихъ агентовъ, но и въ мѣстахъ, отъ этого мѣста отдаленныхъ.

Для чего понадобилось г. Лункевичу приписать мнѣ такое

миѣніе, какого я не высказывалъ,—я не знаю; но едва ли въ интересахъ безпристрастія. Это было необходимо...

Несмотря однако на всѣ такіе эксперименты надъ моими мыслями, г. Лункевичъ, повидимому, все таки чувствовалъ, что приводимые мною факты нельзя не признать хоть въ нѣкоторой степени доказательными. А между тѣмъ признать существованіе въ кристаллахъ „раздражимости“ т. е. фундамента психики, значитъ, пожалуй, самому обратиться въ „наивнаго“ и „примитивнаго“ механиста. Испугавшись таковой перспективы, г. Лункевичъ восклицаетъ:

„Но что же изъ этого слѣдуетъ? Въ то время, какъ для представителей минеральнаго царства возбудимость—въ настоящемъ, вполне опредѣленномъ смыслѣ этого слова—оказывается признакомъ случайнымъ, необязательнымъ, для организмовъ это свойство обязательное, необходимое“.

Это великолѣпное восклицаніе мнѣ напомнило аргументы, приводившіеся во времена оны работорогцами. Когда противники этой торговли доказывали на примѣрахъ, что нѣтъ никакого рѣзкаго различія между чувствами негровъ и европейцевъ и приводили тому примѣры, и приводившіеся примѣры были уже слишкомъ разительны, то работорогцы говорили: „Какъ же нѣтъ разницы?! У бѣлыхъ—эти чувства обязательныя, они имѣются у каждаго, а у чернокожихъ они встрѣчаются лишь въ единичныхъ случаяхъ!“

Такого же рода аргументы приводились и защитниками существованія рѣзкой границы между растеніями и животными. Эти защитники всегда указывали на хлорофилъ, какъ на признакъ, отличающій растеніе отъ животнаго, и когда имъ указывали на то, что существуютъ животныя (напр. *Euglena viridis*) имѣющія хлорофилъ, то они отвѣчали: „да, на у животныхъ это случайныя явленія, а у растеній—обязательныя!“

Я не отрицаю, что такого рода аргументація приимается и въ настоящее время нѣкоторыми практическими дѣятелями; но примѣнять ее въ естествознаніи теперь ужъ совѣмъ неудобно.

Впрочемъ, самъ г. Лункевичъ несомнѣнно чувствовалъ неудачность даже и этого аргумента, и потому постарался прибавить къ нему новый, еще болѣе сильный. Но здѣсь произошло нѣчто совершенно непостижимое!.. Авторъ „нерѣшенныхъ проблемъ“ *выдумалъ* особый законъ и преподнесъ его читателямъ, какъ несомнѣнно установленную наукою истину.

„Затѣмъ раздражимость живого вещества, говоритъ онъ, подчинена особому закону, которому со времени Иоганна Мюллера дано названіе *законъ специфическихъ энергій*, и который можно формулировать такъ: одна и та же *протоплазма* отвѣчаетъ одинаково на самыя различныя раздраженія, а различныя *протоплазмы* реагируютъ различно на совершенно одинаковыя раздраженія“ (Курс. мой) (Р. В. № 5, стр. 93).

Какими сложными путями пришелъ г. Лункевичъ къ такому за-

кону я, конечно, знать не могу и рѣшать не берусь; но меня удивляетъ то, что г. Лункевичъ связываетъ этотъ „законъ“ съ именемъ Іоганнеса Мюллера! Законъ Іоганнеса Мюллера называется „закономъ специфическихъ энергій органовъ чувствъ“ (*Gesetz der spezifischen Sinnesenergien*) и формулируется такъ: *характеръ ощущенія зависитъ только отъ свойствъ раздражаемаго нерва, а не отъ характера раздраженія*. Относится этотъ законъ только къ вполне дифференцированной нервной ткани высшихъ организмовъ.

Г. Лункевичъ, спасаясь отъ непріятной необходимости признать раздражимость кристалловъ, взявъ законъ Іоганнеса Мюллера, выбросилъ изъ названія этого закона слово „чувствъ“, замѣнилъ слово „нервъ“ словомъ „протоплазма“ и выставилъ свою рискованную работу подъ флагомъ знаменитаго германскаго фізіолога, не замѣтивъ при этомъ, что въ такой передѣлкѣ законъ является совершенно нелѣпостью, ибо кому же неизвѣстно, что одна и та же протоплазма „отвѣчаетъ“ *различно на различныя раздраженія*, что химическое „раздраженіе“ протоплазмы можетъ вызвать совершенно другой результатъ, нежели какой вызовется тепловымъ или электрическимъ раздраженіемъ, и что даже разные химическіе раздражители дадутъ разные результаты, если испытать ихъ дѣйствіе на одной и той же протоплазмѣ¹⁾.

Примѣненіе такихъ пріемовъ, ради опроверженія непріятныхъ научныхъ выводовъ, едва ли можно связать съ тѣмъ торжественнымъ заявленіемъ г. Лункевича о безпристрастїи, которое такъ громко раздалось на первыхъ страницахъ его статьи. Нѣтъ, здѣсь мнѣ кажется, скорѣе чувствуется психологія горячаго, но недостаточнаго опытнаго прокурора, желающаго во что бы то ни стало добиться обвинительнаго приговора. Только такимъ желаніемъ и можно себѣ объяснить направленную по адресу насъ, „наивныхъ“ механистовъ, тираду!

„Все это плоды увлеченія поверхностною аналогіей между живымъ и мертвымъ. Путь, какъ видите, опасный: разъ вступивши на него, ничего не стоитъ потерять окончательно критическое чутье и заняться прямо-таки башибузукскими набѣгами въ область біологіи, съ явнымъ намѣреніемъ обворовать (!!) ее въ интересахъ минеральнаго царства.“ (Р. В. № 5, стр. 91).

¹⁾ Если г. Лункевичъ, приводя выдуманный имъ законъ специфическихъ энергій, воображалъ, что излагаетъ то измѣненіе Мюллеровскаго закона, которое дано Герингомъ и Ферворномъ, то онъ жестоко заблуждается. Видоизмѣненіе Мюллеровскаго закона, данное Герингомъ и Ферворномъ, состоитъ въ томъ, что въ каждой формѣ живого вещества развивается специфическая цѣль процессовъ, которые при дѣйствїи различнѣйшихъ раздражителей *либо усиливаются, либо ослабляются*. Между этимъ и тѣмъ, что сообщаетъ г. Лункевичъ, нѣтъ ничего общаго. И если бы г. Лункевичъ подумалъ о томъ, какъ дѣйствуетъ напр. на одну и ту же амебу со-

А интересно бы, кстати, знать, куда ведетъ путь выдумыванія законовъ? И что можно „потерять окончательно“, вступивши на этотъ путь?

Теперь рассмотримъ аргументацію г. Лункевича противъ теоріи происхожденія кристалловъ „зародышей“.

„Возьмемъ, говоритъ онъ, пересыщенный растворъ какой-нибудь соли, положимъ глауберовой: въ немъ потенциально дано все, необходимое для образованія кристалловъ этой соли. Почему же они не образуются? Потому что нѣтъ „зародыша“, нѣтъ „родителя“, который могъ бы дать начало многочисленному потомству. Но бросьте въ этотъ растворъ кристалликъ глауберовой соли, и сейчасъ же въ различныхъ мѣстахъ раствора начнутъ выдѣляться кристаллы взятой для опыта соли. Чтобы усугубить иллюзію, можно продѣлать такого рода экспериментъ. Беремъ кусокъ сѣры и дѣлаемъ изъ нея пересыщенный растворъ въ бензинѣ (??). Сѣра, какъ извѣстно, кристаллизуется двоякимъ образомъ: въ видѣ призмъ и октаэдровъ. Если погрузить теперь въ одно мѣсто такого раствора октаэдрической кристаллъ сѣры, а въ другое—призматической, то получится слѣдующее: возлѣ октаэдра станутъ изъ раствора выдѣляться кристаллы октаэдрическіе а въ сферѣ вліянія призматическаго кристалла будутъ появляться призматическіе кристаллы ¹⁾. Итакъ, различные „зародыши“ нарождаютъ въ одной и той же „питательной средѣ“ соотвѣтствующіе имъ по формѣ кристаллы. Впечатлѣніе получается такое, какъ будто рѣчь тутъ идетъ не о минералахъ, а напр., о различныхъ микроорганизмахъ, которые размножаются при помощи споръ на одномъ и томъ же питательномъ субстратѣ. Однако поддаваться такого рода оптическому обману, по меньшей мѣрѣ неостроумно, ибо между возникновеніемъ кристалловъ изъ пересыщенныхъ растворовъ и размноженіемъ микроорганизмовъ при помощи споръ нѣтъ даже внѣшняго сходства: кристаллы въ пересыщенныхъ растворахъ образуются не изъ „кристалловъ зародышей“, а изъ самихъ растворовъ, тогда какъ микроорганизмы получаютъ путемъ послѣдовательнаго ряда дѣленій изъ споръ, проросшихъ насчетъ питательнаго субстрата. Объ аналогіи здѣсь можно было бы говорить только въ томъ случаѣ, если бы самъ питательный субстратъ подъ вліяніемъ одной единственной

грѣваніе и охлажденіе или хлороформъ и нѣкоторые другіе химическіе раздражители, то онъ поостерегся бы приводить свой сомнительный законъ специфическихъ энергій.

¹⁾ „Усугубленіе иллюзій“ при помощи этого опыта возможно, только нужно брать для растворенія не бензинъ, а бензолъ—вещество совершенно отличное отъ бензина. По всей вѣроятности, г. Лункевичъ не зналъ, что французское слово „benzine“ означаетъ не бензинъ, а бензолъ и что французскій химикъ Жернезъ, которому принадлежитъ этотъ опытъ, никогда не пробовалъ его продѣлывать надъ бензиномъ.

очутившейся въ немъ споры, преобразился въ пѣлое полчище микроорганизмовъ; но это было бы уже не размноженіе при помощи „зародышей“, а нѣчто совсѣмъ особенное, чего никто еще не видывалъ въ живой природѣ“ (Р. В. № 5, стр. 90) (курс мой).

Все это мѣсто статьи г. Лункевича представляется мнѣ какою то мистической загадкою. Къ такимъ загадкамъ можно прибѣгать только развѣ въ томъ случаѣ, если желаютъ затѣмнить совершенно простой и ясный фактъ. Въ самомъ дѣлѣ проведемъ параллель: въ пересыщенный растворъ помѣщается *кристалликъ*, въ питательную среду помѣщается *микроорганизмъ*— „одинъ единственный“. Черезъ нѣкоторое время въ *разныхъ мѣстахъ* раствора появляются *кристаллики*; черезъ нѣкоторое время въ *разныхъ мѣстахъ* питательной жидкости появляются *микроорганизмы*. Появившіеся въ *разныхъ мѣстахъ* раствора кристаллики образуются изъ первоначально взятаго кристалла путемъ *отдѣленія отъ него мелкихъ кристаллическихъ частичекъ* и затѣмъ дальнѣйшаго роста ихъ, насчетъ составныхъ частей раствора. Появившіеся въ *разныхъ мѣстахъ* питательной жидкости микроорганизмы образуются изъ первоначально взятаго микроорганизма путемъ *дѣленія его или почкованія* и дальнѣйшаго роста отдѣлившихся тѣлецъ насчетъ составныхъ частей питательной жидкости. По прошествіи извѣстнаго времени и при извѣстныхъ условіяхъ въ пересыщенномъ растворѣ подѣ влияніемъ одного единственнаго кристалла появится „дѣлое полчище“ кристалловъ. По прошествіи извѣстнаго времени и при извѣстныхъ условіяхъ въ питательной жидкости подѣ влияніемъ одного единственнаго микроорганизма появится „дѣлое полчище“ микроорганизмовъ. Этого послѣдняго факта, думаетъ г. Лункевичъ, никто „не видывалъ“.

Нѣтъ. И то и другое явленіе „видывали“ всѣ, кто наблюдалъ природу въ дѣйствительности, а не узнавалъ объ ней только изъ популярныхъ и элементарныхъ учебниковъ!

Конечно, быть можетъ, признаніе полного сходства этихъ фактовъ, говоря словами г. Лункевича, „неостроумно“. Но вѣдь главная задача науки вовсе не заключается въ томъ, чтобы гнаться за остроуміемъ! *Истина* въ наукѣ цѣнится выше остроумія, даже такого, которое приводитъ къ созданію несуществующихъ законовъ!

Боязнъ г. Лункевича, какъ бы дорогая его сердцу біологія не была обворована башибузукскими набѣгами „механистовъ“, доходить до того, что онъ готовъ идею трансформизма и эволюціи считать примѣнимою только къ міру живыхъ существъ, къ міру организмовъ. Онъ глубоко возмущается тѣмъ, что „нѣкоторые механисты съ легкимъ сердцемъ распространяютъ идеи дарвинизма на *подвѣдомственную минералогіи область явленій*“.

Конечно, если науку разбить на вѣдомства, изъ которыхъ каждое „вѣдаетъ“ свои исходящія и входящія бумаги, то дарви-

низмъ, входящій въ департаментъ біологическихъ дѣлъ, не долженъ касаться вѣдомства минералогіи. Но, къ сожалѣнію, современная наука еще не заимствовала этого, быть можетъ, и очень симпатичнаго для нѣкоторыхъ строя, и позволяетъ себѣ стремиться къ соединенію всѣхъ вѣдомствъ въ одно, причемъ—horribile dictu—къ этому больше всѣхъ стремится между прочимъ тотъ самый Э. Махъ, котораго даже г. Лункевичъ, вѣроятно, не считаетъ наивнымъ механистомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Ю. Гольдштейнъ.

Записки Городского Головы.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Моимъ сослуживцамъ третьего элемента.

Въ тяжелые два года, проведенные мною въ Баку въ качествѣ городского головы, единственнымъ отраднымъ явленіемъ было для меня сотрудничество лицъ, такъ называемаго третьего элемента. Нѣкоторая шероховатость отношеній, нѣкоторыя проклятые инциденты (гдѣ ихъ не бываетъ?)—все это въ настоящее время почти изгладилось если не изъ моей памяти, то изъ моего сердца, и осталось лишь воспоминаніе о людяхъ честныхъ, прямыхъ, безкорыстныхъ, добросовѣстныхъ. И это въ современномъ городскомъ самоуправленіи! Да еще гдѣ? Въ Баку!

Много прекрасныхъ образовъ осталось въ памяти моего сердца и осталось до гроба. А не въ коллекціи ли такихъ образовъ можно найти примиреніе съ пошлостью и развратомъ обыденной жизни?

Уѣзжая изъ Баку, я вынесъ глубокое убѣжденіе, что въ третьемъ элементѣ надо искать людей, которые выведутъ наши самоуправления и земскія, и городскія, на правильный путь.

Имъ и посвящаю я эти записки.

ВВЕДЕНИЕ.

Это введеніе, какъ и большинство, вѣроятно, введеній, написано послѣ сочиненія.

Это собственно заключеніе; называю же я его введеніемъ потому, что хотя я и пишу его подъ конецъ, но помѣщаю въ началѣ.

Между человѣкомъ, претендующимъ на званіе публициста, и его читателями, образуется связь, которой порвать нельзя. По крайней мѣрѣ, такъ кажется писателю. Кажется это, впрочемъ, иногда и читателю. Когда я пошелъ въ головы, гдѣ-то было на-

писано въ газетахъ, что, вѣроятно, результатомъ этого главенства явятся записки городского головы.

Но писательскій зудъ началъ меня тревожить, пока я еще былъ головой. Если раскрытiе городокскихъ бакинскихъ тайнъ мнѣ кажется даже теперь шагомъ нѣсколько смѣлымъ, то тогда объ этомъ и подавно нечего было думать. Тѣмъ не менѣе я и тогда рѣшилъ написать серiю теоретическихъ статей по вопросамъ городского хозяйства. Сначала я писалъ отдѣльныя статьи, смотря по тому, какой вопросъ въ данную минуту насъ волновалъ. А потомъ я началъ рядъ статей, приведенныхъ въ известную систему подъ общимъ заглавiемъ „записокъ о городскомъ самоуправленiи“. Когда пишешь, всегда кажется, что дѣлаешь важное дѣло. Такъ и мнѣ казалось, что я пополнию значительный пробѣлъ въ нашей литературѣ Человѣку, который бы захотѣлъ познакомиться съ главными вопросами городского хозяйства, негдѣ найти подходящей популярной книжки. А не всякiй имѣетъ время и возможность эти вопросы изслѣдовать подробно по научнымъ источникамъ. Да и такихъ научныхъ сочиненiй у насъ мало.

Эти записки вызвали у многихъ (сужу по нѣкоторымъ газетнымъ отзывамъ) разочарованiе. Искали „тайнъ бакинской думы“, а нашли рядъ теоретическихъ статей, не приноровленныхъ къ Баку и не носящихъ характера злободневнаго.

Когда я вышелъ въ отставку, я началъ думать, писать мнѣ или не писать этихъ „тайнъ бакинскихъ“. Я боялся, что въ такого рода сочиненiи увидятъ желанiе бить по нервамъ, а то еще хуже, стремленiе свести личные счеты съ врагами. Написавъ предлагаемыя публикѣ записки, я опять впалъ въ то же сомнѣнiе. Къ этому присоединилось и новое: вправдѣ ли я печатать и оглашать чужiя рѣчи, когда и говорившимъ, и дѣлавшимъ это было бы несправдливо? Я колебался довольно долго и, наконецъ, рѣшилъ, что напечатать настоящiя записки не только мое право, но и моя обязанность. И вотъ почему:

Тайна частной жизни, частнаго письма, частной квартиры должна быть свято охраняема отъ непрошеннаго чужого взгляда, не только отъ публичнаго оглашенiя. Общественная дѣятельность должна быть вся наружи. Я ни одного упрека не могу себѣ сдѣлать, чтобы въ чемъ-либо за эти два года измѣнилъ тому, что считалъ главнымъ основанiемъ самоуправленiя — гласности. Не было въ бакинскомъ самоуправленiи ничего, совсѣмъ ничего, что бы не было достоянiемъ гласности. Я, къ счастью, ни разу не измѣнилъ этому принципу, даже въ мысляхъ.

И пользу въ этомъ я вижу громадную. Многiя язвы раскрылись, не излѣчались, но стали, по крайней мѣрѣ, известны. Многое, я увѣренъ, злое не сдѣлано, благодаря тому, что всюду торчалъ корреспондентъ, а то и просто любитель послушать. Пустыя въ началѣ засѣданiя думы стали привлекать массы народа; расширился кругъ людей, слѣдящихъ за городскимъ дѣломъ. До

многого въ два года гласность еще не добралась, но и сдѣланнымъ въ этомъ отношеніи можно быть довольнымъ.

На этой почвѣ гласности выросло много и клеветы, при томъ клеветы недѣлной, безобразной, рассчитанной на легковѣрность и невѣжество читателей. Объектомъ этой клеветы былъ главнымъ образомъ я и тѣ люди, съ помощью которыхъ я надѣялся что-либо сдѣлать.

И что же? клевета осталась клеветой и пала на голову клеветниковъ. Поэтому и это зло оказалось безвреднымъ. Добро гласности восторжествовало по всей линіи.

И вдругъ я по какимъ-то соображеніямъ откажусь отъ средства мною испытаннаго. Баку имѣеть, повидимому, совершенно особый характеръ, отличающій его отъ другихъ городовъ. Но опытъ показываетъ, что его армяно-татарская дума въ общемъ очень и очень похожа на всѣ остальные думы Россіи. Тоже сходство я видѣлъ между чиновнымъ Петербургомъ, купеческой Москвой и здѣшнимъ уѣзднымъ городишкомъ. Ни различіе національностей, ни общественное положеніе, ни даже часто образованіе не вліяютъ почти вовсе на характеръ общественной дѣятельности. Всѣ русскія думы на одинъ, оказывается, образецъ, какъ по одному, повидимому, образцу скроена общественная дѣятельность домовладѣльцевъ и торговцевъ, изъ коихъ эти думы состоятъ, во что бы эти господа ни нарядились, въ расшитый ли мундиръ, длиннополый ли сюртукъ, интеллигентный ли фракъ или, наконецъ, въ татарскую шапку.

Поэтому описаніе бакинской думы должно имѣть общій интересъ. Но, кромѣ того, оно должно бы имѣть интересъ и мѣстно бакинскій. Я долго думалъ, ставить мнѣ имена или не ставить. И рѣшился ставить. Бакинское имя не бакинцу ничего не скажетъ, а для бакинцевъ весьма важно знать, кто и какъ защищаетъ его интересы. Если человекъ говоритъ публично, то долженъ же онъ нести отвѣтственность за сказанное. А для избирателя важно знать, кого онъ избираетъ. Къ тому же все, что я здѣсь пишу, уже было оглашено печатно въ видѣ отчетовъ думскихъ и управскихъ засѣданій. Во всякомъ случаѣ, каждый разъ, что оглашеніе имени могло повредить кому-либо въ дальнѣйшемъ, я замѣнялъ его инициалами, а то и вовсе опускалъ. Точной въ этомъ границы провести нельзя. Это дѣло такта.

Первый годъ моей службы былъ годъ лихорадочной дѣятельности, годъ успѣховъ и надеждъ. Все было подготовлено къ тому, чтобы старые порядки замѣнить новыми, чтобы начать дѣйствительное улучшеніе въ сложномъ хозяйствѣ. Увы, на второй уже годъ я встрѣтился съ противодѣйствіемъ большинства думы и большинства управы. Не только не пришлось ничего сдѣлать, но надо было все время обороняться, терять время и здоровье на борьбу съ тѣми, отъ которыхъ я вправѣ былъ ожидать помощи. Естественно было и въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣлать промахи, ошибки, часто бывать не сдержаннымъ. Правда, я, сознавъ

ошибку всегда готовъ былъ, какъ могъ, искупить ее, тѣмъ не менѣе не всегда удавалось искупить ошибку. Были случаи, гдѣ я думалъ дѣлать хорошо; и лишь послѣ самъ убѣждался, что поступилъ не только нетактично, но даже и не этично. Практическая этика не математика и неизблемыхъ законовъ не имѣеть. Что мнѣ сегодня кажется хорошимъ, завтра можетъ показаться дурнымъ. Такъ и въ моей бакинской дѣятельности мнѣ пришлось сдѣлать шаги, въ которыхъ я не только раскаиваюсь, но и за которые приходится краснѣть. Ставши на почву безусловной гласности, а тѣмъ болѣе выходя на сцену съ обвиненіями другихъ, я бы поступилъ дурно, если бы задумалъ скрывать не только свои ошибки, но и грѣхи свои. Поэтому я рѣшился все раскрыть, хотя бы рискуя получить упрекъ въ цинизмъ. Я назвалъ было эти воспоминанія „исповѣдью городского головы“, но послѣ нашелъ это названіе слишкомъ кричащимъ и предпочелъ оставить за ними болѣе скромное названіе „записокъ“, къ которому я къ тому же привыкъ.

Наконецъ, перечитывая написанное, я еще нашелъ нѣчто меня смущающее: это злоупотребленіе мѣстоименіемъ „я“. Яванія терпѣть я не могу у другихъ, а оказывается самъ въ этомъ повиненъ. Но и тутъ удалось найти себѣ оправданіе. Во всемъ рассказанномъ, мнѣ пришлось играть центральную роль. Предсѣдатель управы и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдатель думы, я поневолѣ долженъ былъ быть въ каждомъ дѣлѣ не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ, при томъ главнымъ. При этихъ обстоятельствахъ и при всемъ желаніи быть объективнымъ, безъ „я“ обойтись невозможно, какъ бы строго ни старался къ себѣ относиться.

Хотя, какъ я уже сказалъ, внутренняя цѣна бакинскихъ городскихъ дѣятелей почти та же, что и дѣятелей другихъ русскихъ городовъ, тѣмъ не менѣе бакинская среда, въ которой приходится работать самоуправленію, далеко не та, что вездѣ. Пенсильванія по числу машинъ и паровиковъ и по количеству электрической энергіи, передаваемой на десятки верстъ, Россія по укладамъ официальной и общественной жизни, Персія по виду закрытыхъ женщинъ, числу убійствъ, внѣшнему неустройству нѣкоторыхъ частей города и многимъ вкоренившимся обычаямъ, съ которыми приходится бороться думѣ и въ думѣ—Баку является очень любопытнымъ центромъ. Трудно найти гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ такое соединеніе крайняго націонализма съ неменѣе крайнимъ космополитизмомъ, какъ только дѣло доходитъ до главнаго—денегъ и наживы.

Естественно, что часто приходилось отвлекаться отъ главнаго—отъ общественаго дѣла и вдаваться въ описаніе мѣстныхъ своеобразныхъ условій. Этотъ мѣстный колоритъ мнѣ показался не лишеннымъ интереса.

Последнее замѣчаніе. Люди, находящіеся въ курсѣ дѣла замѣтатъ у меня нѣкоторые пробѣлы. Я какъ будто не все ска-

взялъ, кое о чемъ умолчалъ; произошло это по тремъ причинамъ.

Многoго написать было нельзя по общимъ условіямъ жизни и прессы. Нѣкоторыя, весьма интересныя стороны современной жизни какъ мировой, такъ и обще-русской и даже специально бакинскoй обсужденію не подлежатъ. Это пойметъ читатель и въ упрекъ мнѣ, конечно, не поставитъ. Затѣмъ были явленія, имѣвшія мѣстный интересъ, но о которыхъ все-таки говорить не пришлось. Возьмемъ такой случай: совершенъ безчестный поступокъ, ну хоть въ денежномъ отношеніи: человекъ взялъ, или далъ, или потребовалъ взятки. Это извѣстно лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, но достояніемъ суда и прессы не сдѣлалось. Могъ ли я объ этомъ говорить, хотя бы намеками? Очевидно, нѣтъ. Или личная ссора двухъ лицъ, достойныхъ уваженія, хотя бы и на общественной почвѣ, ссора на дѣлахъ не отразившаяся и въ печать не попавшая. Ясно, что и о такой ссорѣ оставалось лишь молчать.

Наконецъ, не могъ я говорить и о такихъ фактахъ, которые мнѣ или даже обществу неоспоримо извѣстны, но которые не запротоколированы какимъ-нибудь журналомъ засѣданія, или прессы, фактахъ, позорящихъ общественнаго дѣятеля, но которыхъ нельзя доказать. Пусть такіе факты остаются сокрытыми. Довольно и остального.

Я буду удивитворенъ, если читатель повѣритъ, что изъ личныхъ соображеній я ничего отъ него не скрылъ. Если я что и забылъ, то пусть мнѣ напомнятъ, и я всегда готовъ пополнить пробѣлъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Блестящая карьера, очевидно, создана не для меня, или скорѣе я не созданъ для блестящей карьеры. Началъ я службу въ такой канцеляріи, куда самая чопорная мать петербургскаго высшаго свѣта спитъ и видитъ отдать своего сына. Въ тридцать лѣтъ можно надѣяться попасть уже въ должность четвертаго класса. И не то, чтобы нужно было для этого имѣть особаго дарованія... отнюдь нѣтъ.

Другой попавшій въ эту канцелярію былъ бы очень счастливъ и со дня поступленія сталъ бы предвкушать будущее счастье. Но я всегда былъ удивительно непрактиченъ. Я бросилъ многообѣщавшую канцелярію и пошелъ въ земскіе начальники. Будь опъ благословенъ этотъ безумный, по мнѣнію большинства, шагъ мой. Въ канцеляріи своей я докатился бы до должности четвертаго класса, оставшись тѣмъ же, чѣмъ въ нее поступилъ.

Будучи земскимъ начальникомъ я увидѣлъ деревню, узналъ русскаго крестьянина, понялъ, въ чемъ заключается наша задача, сжегъ все то, чему поклонялся, и увѣровалъ въ лучшее будущее.

Теперь, сравнивая себя съ тѣмъ, что было пятнадцать лѣтъ назадъ, я въ ужасъ прихожу при мысли, что могъ быть такимъ нравственнымъ уродомъ.

Одновременно съ несеніемъ должности земскаго начальника, я облизился съ земскимъ и школьнымъ дѣломъ подъ руководствомъ незабвеннаго козловскаго предводителя дворянства Ю. А. Ознобишина. Ему я главнымъ образомъ обязанъ своимъ перерожденіемъ. Ю. А. Ознобишинъ умеръ, оставивъ мнѣ въ наслѣдство должность предводителя дворянства. Но строптивость моя, а главнымъ образомъ перемѣна мировоззрѣнія и, что еще хуже, манія писательства, повлекшая разладъ съ начальствомъ, заставили съ почетнаго предводительскаго мѣста перейти на маленькую должность по министерству земледѣлія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я былъ назначенъ помощникомъ управляющаго государственными имуществами въ Баку. Тутъ я въ первый разъ увидалъ этотъ мазутный ¹⁾ центръ.

Меня пугали, когда я туда ѣхалъ. Кто говорилъ про страшный нордъ съ невозможною пылью, кто про сильный нефтяной запахъ. На вопросъ, какихъ я найду въ Баку людей, мнѣ говорили, что всякій, отъ мала до велика, живетъ въ Баку лишь тогда, когда такъ или иначе причастенъ къ нефтяному дѣлу. Разговоры другихъ, говорили мнѣ, нѣтъ, кромѣ какъ про нефть, мазуть, добычу и т. п. Когда я дѣлалъ первые визиты, я встрѣтился съ благообразнымъ господиномъ, сказавшимъ мнѣ, что знаетъ меня по литературѣ и выразившимъ желаніе сойтись поближе и удалиться отъ набившихъ оскомину мазутныхъ дѣлъ. Мнѣ онъ очень понравился, и я обѣщаль у него побывать по данному адресу. Вечеромъ узнаю, что это одинъ изъ самыхъ ловкихъ аферистовъ, несмотря на всѣ свои удачныя мошенничества, всегда выходящій сухимъ изъ воды. Но тюрьма, говорили мнѣ, давно его ждетъ.

Запахъ нефти оказался умѣреннымъ и черезъ недѣлю-другую совсѣмъ незамѣтнымъ, климатъ зимою — прекраснымъ, пыль невыносимою и проникающею во всѣ щелки, но не такъ ужъ частою.

Въ общемъ служба моя была, какъ всякая служба „помощника“, „товарища“, „вице“, не отвѣтственной, а потому скучною и часто непріятною. Заинтересовали меня закрытыя лица несчастныхъ татарокъ; плоскія кировыя ²⁾ крыши; полное отсутствіе зелени; расфранченные трехъэтажные дома рядомъ съ невѣроятно низкими каменными же конурами; удивительно неурегулированныя улицы; часто невѣроятная грязь; уличная жизнь,

¹⁾ Мазуть—нефтяные остатки, остающіеся при добываніи изъ нефти керосина.

²⁾ Киръ—быстро твердѣющая земля, пропитанная смолистыми веществами, въ родѣ асфальта. Употребляется на крыши и тротуары.

напомнившая мнѣ старую часть Неаполя, и теплая вода для питья, такъ какъ оказалось, что мы пьемъ опрѣсненную морскую воду, которая въ трубахъ не успѣваетъ остыть.

Боже, какое широкое поле для дѣятельности! думалъ я часто. Вотъ бы провести сюда хорошую воду, да вымостить бы городъ, да построить бы школы и больницы, и трамвай, и провести бы электрическое освѣщеніе, и развести бы садовъ побольше, да поочистить бы городъ получше... Читая газеты и изъ разговоровъ съ знакомыми, узналъ, что городской голова ушелъ, и что вообще въ Баку съ головами не ладится... Общественную дѣятельность я всегда предпочиталъ бюрократической. Не помню, когда и какъ у меня явилась мысль о томъ, чтобы мнѣ идти въ бакинскіе головы, самостоятельно ли или послѣ разговора съ двумя посѣтившими меня господами. Какъ ни какъ—мысль эта показала мнѣ недурной.

Издавался въ то время въ Баку одинъ печатный органъ „Каспій“ подъ редакціей Али-Марданъ-бека Топчибашева (онъ же издатель „Каспія“, онъ же и гласный думы, какъ я узналъ тогда по газетнымъ отчетамъ засѣданій). Другихъ литераторовъ въ Баку не имѣлось, и естественно было мнѣ направиться въ редакцію „Каспія“. У г. Топчибашева мнѣ пришлось быть нѣсколько разъ. Между прочимъ я заговорилъ о возможности или невозможности быть головой въ Баку. Онъ мысль мою одобрилъ и посоветовалъ поговорить объ этомъ съ Тагіевымъ, извѣстнымъ мусульманскимъ богачемъ-гласнымъ. Былъ я у Тагіева, говорилъ съ нимъ и разошлись мы, кажется, другъ другомъ довольные...

Тѣмъ временемъ я заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, а служба моя окончательно мнѣ разравилась. Меня перевели на ту же должность въ Симферополь. Служба моя тамъ была не лучше и не полезнѣе бакинской, хотя я навсегда сохранию память о милomъ моемъ симферопольскомъ начальникѣ. И въ Симферополѣ я пробылъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, до назначенія управляющимъ государственными имуществами въ Астрахани. Пріѣхавъ въ Астрахань, я познакомился съ дѣлами, совершилъ двѣ-три поѣздки по дѣламъ службы и расположился тамъ осѣсть. Мысль о главенствѣ въ Баку у меня совсѣмъ испарилась, такъ какъ больше года прошло послѣ моего отъѣзда оттуда. Выбранъ ли тамъ голова и кто именно, я не зналъ и, признаться, и не думалъ объ этомъ. Вдругъ получаю телеграмму отъ г. Топчибашева, что кандидатура моя въ головы поставлена нѣкоторыми гласными. Просить скорого отвѣта.

Прочелъ телеграмму, перечелъ ее, и тутъ же для меня вопросъ уже былъ рѣшенъ. Я сказалъ себѣ, что буду бакинскимъ головой. Въ серьезности предложенія я не сомнѣвался, зная, что г. Топчибашевъ очень вліятельный гласный. Я только для очищенія совѣсти посоветовался со своими. Кое-кто изъ людей мнѣ близкихъ не сразу поддались. Помню, какъ отговаривалъ меня соглашаться старый мой другъ и слуга, бывшій мой управляю-

щій, котораго я зналъ чуть ли не съ малолѣтства и съ которымъ бы хотѣлось жить до могилы.

„Александръ Ивановичъ, подумайте хорошенько; не торопитесь. Вѣдь вы теперь, какъ у Христа за пазухой. Мѣсто хорошее, спокойное, почетное, съ достаточнымъ жалованьемъ, а главное—прочное. До смерти можете быть увѣреннымъ, что хуже не будетъ. А тамъ въ Баку, какъ никакъ, въ приказчики къ купцамъ бакинскимъ пойдете. Не понимаю, что у васъ за охота мѣнять кукушку на ястреба“.

Я посмѣялся, объяснивъ это отсталостью, непониманіемъ разницы между общественнымъ служеніемъ и государственной службой. Вечеромъ того же дня я телеграфировалъ, что согласенъ.

Процедура опекунскаго ценза и выборы послѣ двухъ-трехъ частныхъ совѣщаній гласныхъ произведены были съ возможной быстротой, и ночью 24-го апрѣля какъ-то меня разбудили, чтобы вручить цѣлый ворохъ поздравительныхъ телеграммъ разныхъ знакомыхъ и незнакомыхъ гласныхъ. Я былъ выбранъ большинствомъ 41 противъ 3—почти единогласно, при громкихъ аплодисментахъ публики и гласныхъ ¹⁾.

Меня это не удивило, во-первыхъ, потому, что серьезныхъ конкурентовъ у меня не было (я это зналъ по газетамъ), во вторыхъ, потому, что я считалъ себя очень подходящимъ кандидатомъ.

Это послѣднее требуетъ поясненія.

По первому моему пребыванію въ Баку, мнѣ было извѣстно, что тамъ по закону полагается половина гласныхъ христіанъ, половина мусульманъ. Христіане почти сплошь армяне съ пятью русскими, въ видѣ исключенія. Зналъ я и то, что въ этихъ двухъ группахъ все зиждется на компромиссахъ. Я не предполагалъ пользоваться правиломъ „divide, ut imperes“, потому что всегда враждебно относился къ макіавелизму и всякимъ дипломатическимъ приемамъ.—Я и теперь убѣжденъ, что величайшая правдивость и откровенность есть лучшее оружіе не только общественнаго дѣятеля, но и дипломата.

Я зналъ, что по мѣстнымъ условіямъ не можетъ быть утвержденъ ни мусульманинъ, ни армянинъ. Надо русскаго. Такъ вотъ изъ русскихъ я, правда, считалъ себя наиболѣе подходящимъ. Кого могутъ желать въ головы бакинцы? Очевидно, не націоналиста. А я, съ тѣхъ поръ какъ пишу, чуть ли не величайшее зло на свѣтѣ вижу въ націонализмѣ. У меня нѣтъ националистическаго чутья. Для меня человѣкъ есть человѣкъ, будь онъ, какой угодно національности, исповѣдуй, какую хочетъ религію, говори, на какомъ можетъ языкѣ.

Къ этому, конечно, знавшіе меня могли прибавить, что я не новичекъ въ общественномъ дѣлѣ и откровенно служу извѣстнымъ

1) „Каспій“ 26 апрѣля 1902 года.

принципамъ, которые не могут не понравиться жителямъ нашей южной окраины.

Вотъ почему я и считалъ себя желательнымъ для нихъ кандидатомъ и не удивился, получивъ всего три шара налѣво.

Конечно, предсталъ передо мною громадность задачи. Крайняя неблагоустроенность города мнѣ была извѣстна со времени моего перваго пребыванія въ Баку. Слышалъ про царившіе въ бакинской думѣ внутреннюю неурядицу, про фаворитизмъ, про недостатокъ общественной этики. Я рассуждалъ такъ:

Пусть задача будетъ велика, пусть настоящая неурядица кажется неисправимой, надо противопоставить этому соответствующее лѣченіе: надо дать работниковъ, способныхъ справиться съ задачей, какъ бы она ни была страшна; эти работники при всей своей работоспособности должны быть кристаллически чисты въ смыслѣ этики (а неужели, думалъ я, можетъ зло противостоять этической чистотѣ?), а чтобы окончательно отнять всякую почву для зла—въ основу надо положить безбрежную гласность даже тамъ, гдѣ обыкновенно ея не допускаютъ. А гдѣ искать работниковъ трудоспособныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чистыхъ, я зналъ изъ прежняго своего опыта. Это такъ удачно окрещенный однимъ сотрудникомъ Московскихъ Вѣдомостей — третій элементъ. Въ немъ, въ этомъ третьемъ элементѣ, въ лучшей части нашей интеллигенціи я и видѣлъ спасеніе.

Всѣ затрудненія, обыкновенно возникающія при привлеченіи этого третьяго элемента, я въ своемъ оптимизмѣ умалывалъ. Я рѣшился идти прямымъ путемъ, вѣрилъ въ силу и торжество правды и гласности. Какія были сомнѣнія, я ихъ откинулъ...

Насколько мнѣ никогда не везло въ моихъ личныхъ дѣлахъ, въ особенности финансовыхъ, настолько въ дѣлѣ общественномъ я въ себя вѣрилъ. Я и прежде въ качествѣ гласнаго былъ *épave terrible*, чуждался партійности, былъ тѣмъ, что нѣмцы называютъ „дикий“, и мнѣ это всегда удавалось. Многое я уже сдѣлалъ этимъ путемъ. Вѣрилъ я въ свою звѣзду и теперь...

II.

Недолго продолжалась процедура моего представленія и утвержденія. 22-го мая я былъ утвержденъ въ Тифлисъ, 24-го въ Астрахани узналъ про свое утвержденіе, а 26-го былъ уже въ Баку. 27-го я въ думѣ сказалъ вступительную рѣчь, но нѣсколько дней не принималъ должности отъ заступающаго мѣсто головы: хотѣлъ присмотрѣться и отдѣлаться отъ скучнѣйшей обязанности визитовъ. Гласныхъ, начальниковъ отдѣльныхъ частей, сослуживцевъ надо было объѣздить, и это заняло около недѣли.

Началъ я съ гласныхъ, какъ наиболѣе меня интересовавшихъ. Первымъ, конечно, котораго я посѣтилъ, былъ Али-Марданъ-бекъ Тоичибашевъ, встрѣтившій меня очень привѣтливо и первый постаравшійся меня ориентировать въ новомъ городѣ. Гласные самыя

влиятельные оказались какъ разъ тѣ самыя, поздравительныя телеграммы которыхъ меня увѣдомили о моемъ избраніи. Чтобы благодарить ихъ за ихъ вниманіе, я посѣтилъ ихъ въ первый же день пріѣзда. Въ числѣ первыхъ были, конечно, и ближайшіе мои товарищи по службѣ, члены управы.

Первое впечатлѣніе мое было такое: всѣ были довольны моимъ выборомъ, вѣроятно, по благопріятнымъ обо мнѣ слухамъ, распущеннымъ двумя-тремя знавшими меня и мою литературу гласными; во главѣ доброжелателей я ставилъ г. Топчибашева. Былъ я у гласныхъ христіанъ. Нѣкоторые изъ нихъ произвели впечатлѣніе такое, что не ихъ учить, а у нихъ многому можно научиться. Былъ и у гласныхъ мусульманъ. Нѣкоторые изъ нихъ были тоже совсѣмъ европейцами на видъ, съ дипломомъ университета въ карманѣ. Другіе же по русски совсѣмъ почти не говорили и жили въ обстановкѣ совсѣмъ восточной. Одинъ принялъ меня босикомъ. Двое, трое, узнавъ, что передъ ними стоитъ голова, сейчасъ начали рассказывать про свое земельное дѣло, не дѣлавшееся по винѣ управы. Мнѣ были рады и вѣрили, что я сейчасъ все сдѣлаю.

Но громадное большинство смотрѣло на вещи, какъ слѣдуетъ, и указывало на главные дефекты управской дѣятельности. Главное, чего отъ меня ждали—это вода. Всѣ сознавали, что безъ воды нельзя жить, рассказывали, какъ двадцать пять лѣтъ они ее ищутъ, но толкутся на мѣстѣ и по какому то злему року не могутъ напасть на настоящій слѣдъ. Во мнѣ видѣли новаго Моисея, который долженъ дать воду, и при томъ дать ее немедленно. Я говорилъ, что годъ, минимумъ, нужно на изысканія, годъ на утвержденіе проекта и финансированіе дѣла, года три на постройку—самое меньшее, значить, на что можно надѣяться при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ—это получить воду лѣтъ черезъ пять-шесть. Многіе казались недовольными такой перспективой и прямо заявляли, что рассчитывали на болѣе короткій срокъ. Сколько могъ, я старался ихъ разувѣрить.

Болѣе интеллигентные, наоборотъ, сознавая трудность дѣла, въ такой быстрый исходъ его не вѣрили, совѣтовали быть осмотрительнымъ и не увлекаться. Даже на пятиминутныхъ визитахъ я могъ замѣтить, что относительно воды мнѣнія расходятся. Одни все спасеніе видятъ въ Куринской водѣ, другіе вѣрятъ лишь въ Самурскую, третьи ни въ ту, ни въ другую и утверждаютъ, что рано-ли, поздно-ли мы обратимся къ родникамъ.

Я обѣщаль всѣмъ, что вода будетъ главной моей задачей, и что я постараюсь ничего не упускать изъ вида.

Съ самаго же начала мнѣ пришлось и вотъ что слышать. Немыслимо такому молодому городу, какъ Баку, устроиться безъ займа. Необходимо сдѣлать заемъ на постройку трамвая, освѣщенія, больницы, школы и пр. и пр. Потому такъ и отстаетъ городское благоустройство, что нельзя все это сдѣлать на текущія средства. Съ этимъ нельзя было не согласиться, тѣмъ болѣе,

что Баку являлся единственнымъ городомъ въ Россіи безъ долга, если не считать за таковой сдѣланный нѣсколько лѣтъ назадъ заемъ въ суммѣ пятьсотъ тысячъ на текущія надобности. Я себя это зарубилъ на память. Итакъ, задача представлялась такая: первая—дать городу Баку воду и вторая—сдѣлать заемъ на благоустройство. Третья всегда была передомною, и я свято тайлъ ее въ душѣ: по мѣрѣ силъ и возможности способствовать дѣлу народнаго просвѣщенія. Это мое больное мѣсто и, грѣшный человѣкъ, какъ ни нужна питьевая вода, какъ ни приятенъ благоустроенный городъ, но въ Россіи просвѣщеніе—все-таки наиболѣе насущная потребность (я разумѣю, конечно, только тѣ потребности, которыя не выходятъ изъ компетенціи городского головы).

Но про просвѣщеніе я молчалъ. Кое-кто изъ гласныхъ мнѣ говорилъ, что вообще бакинская дума на народное образованіе очень щедра. Дѣломъ школьнымъ завѣдываетъ особая школьная исполнительная комиссія подъ предсѣдательствомъ члена управы М. А. Бѣлявскаго, заступавшаго неоднократно мѣсто городского головы, разъ даже избраннаго въ головы, но по непредвидѣннымъ обстоятельствомъ имъ не бывшаго. Съ первой минуты, когда у меня родилась мысль о главенствѣ, я имѣлъ въ виду прежде всего стать во главѣ училищнаго дѣла. Поэтому естественно было обратиться къ г. Бѣлявскому и позондировать почву. Оказалось, что хотя онъ завѣдываетъ земельнымъ отдѣленіемъ, но школьнымъ дѣломъ сильно интересуется и желаетъ остаться во главѣ его. Это было для меня сильнымъ разочарованіемъ. Приходилось отказаться отъ мысли непосредственно завѣдывать любимымъ дѣломъ и довольствоваться лишь общимъ руководствомъ, предоставленнымъ городскому голове по всѣмъ отраслямъ городского хозяйства.

Но помимо воды, займа и другихъ частныхъ всѣ гласные соединились на одномъ. Управу надо очистить.

— Это Авгіевы конюшни,—на первомъ же свиданіи сказалъ г. Топчибашевъ.

— Это Авгіевы конюшни,—повторяли другіе гласные, обѣщаясь мнѣ помочь въ ихъ очисткѣ и объясняя насколько это нелегкое дѣло. Дѣлая визиты, я присматривался къ городу, къ людямъ. Побывавъ на окраинахъ, я ужаснулся, видя массу домовъ, къ которымъ не только ночью или въ дурную погоду, но и въ хорошую то погоду днемъ не дойдешь. Улицы не только немощены, но съ удивительными горами, перевалами, косогорами, дѣлающими ихъ не только непроходимыми, но и не проходимыми. Я поражался этимъ удивительнымъ неустройствомъ, этой грязью въ центрѣ города.

А Черный городъ!—этотъ городъ заводовъ, со свистящимъ паромъ и электричествомъ, но рядомъ съ этимъ съ совершенно непроходимыми улицами, на которыхъ трубы проложены безъ системы, безъ порядка, безъ всякихъ предосторожностей и, оче-

видно, безъ разрѣшенія властей-ли, управы-ли. Такихъ трубъ разрѣшить никто не можетъ. За нихъ цѣпляютъ колесами, становятся на нихъ прохожіе.—И никому, очевидно, въ голову не придетъ урегулировать этотъ вопросъ, указавъ, гдѣ и какъ проводить трубы, чтобы не мѣшать движенію и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сами трубы были бы въ безопасности. Вѣдь это стоило бы пустяки. Тутъ же вдоль улицъ канавы съ текущимъ въ нихъ мазутомъ, не говоря уже про то, что вся земля пропитана нефтью и нефтяными остатками. Навѣрное, думаю; за границей приняли бы мѣры, чтобы добро не пропадало даромъ. А оказывалось, что городъ, собирающій мазуть въ канавахъ, доходу отъ него имѣетъ больше двадцати тысячъ.

Но хуже всего—это грязь и вонь на базарахъ. Всякій лавко-владѣлецъ или торгующій съ лотковъ считаетъ себя вправѣ съ товаромъ расположиться на тротуарахъ и на мостовой, затрудняя проходъ и проѣздъ. Нужно кому вылить что, онъ, не стѣсняясь, выливаетъ тутъ же на тротуарѣ; тутъ же лежатъ и ѣдятъ свой чурекъ ¹⁾ съ виноградомъ несчастные, рваные, всѣми обиженные амбалы. ²⁾ Тутъ же ходятъ городовые и иногда ни съ того, ни съ сего повалятъ ногой какой-нибудь столъ, или опрокинутъ корзину съ овощами, такъ что все летитъ въ грязь, при чемъ сосѣда, у котораго и столъ и корзина тоже на тротуарѣ, не только не трогаютъ, но привѣтствуютъ добрымъ словомъ. Видалъ я и такую сценку. Идетъ амбалъ; навстрѣчу ему городской. Вдругъ городской ни съ того, ни съ сего ударяетъ его ногой въ спину. При мнѣ амбалъ, еще совсемъ мальчишка, полетѣлъ отъ такой неожиданной и ничѣмъ не вызванной ласки. Пользуясь такими средствами, думалъ я, и возбуждая такой страхъ, какой можно бы ви́шній порядокъ завести! Ужъ если безъ этого нельзя, почему не направить эту силу на прекращеніе дѣйствительнаго зла? Потомъ, видя того же полицейскаго, очень мирно бесѣдующаго съ лавочниками и не гнушающагося выкурить предложенную амбаломъ папироску, я понялъ, что вся прелесть для полиціи этихъ дикихъ мѣръ и заключается въ возможности одного оскорблять, другого приласкать.

А развѣ голова не можетъ помочь дѣлу? Вѣдь дума ему спасибо скажетъ, если онъ введетъ порядокъ на базарѣ. На это есть обязательныя постановленія думы, которыя она сейчасъ подпишетъ обѣими руками, есть воздѣйствіе на полицію губернатора, прекрасно меня принявшаго и обѣщавшаго содѣйствіе во всемъ, что законно.

Эту маниловщину мнѣ теперь писать стыдно. А вѣдь это было и было недавно. Какъ разлетаются человѣческія мечтанія! Но тогда, объѣзжая городъ, я даже радовался его неустройству. Чѣмъ

¹⁾ Мѣстный бѣлый хлѣбъ, довольно вкусный, когда онъ свѣжъ, и напоминающій вкусомъ наши калачи.

²⁾ Амбалъ—носильщикъ, большею частью персы, есть и армяне. Въ Тифлисѣ они называются мушами.

больше дѣла предвидится, тѣмъ больше я сдѣлаю, тѣмъ больше получу нравственнаго удовлетворенія. Очень ужъ я вѣрилъ этимъ улыбающимся лицамъ. Ну какъ не вѣрить гласному, когда онъ говоритъ:

— Александръ Ивановичъ, я первое трехлѣтіе гласнымъ, но ужъ теперь могу сказать, меня дума слушаетъ. Я работаю для города.

Это „для города“ повторяется очень часто. И я хотѣлъ работать „для города“ и они „для города“. За чѣмъ же дѣло стало? Вѣдь успѣхъ обезпеченъ!

Передъ самымъ моимъ прїѣздомъ произошелъ такой случай. На Чемберекендѣ ¹⁾ посреди тротуара былъ колодезь съ невысокимъ срубомъ и безъ крыши. И вотъ въ этотъ колодезь попалъ акцизный чиновникъ и утонулъ. Кто говорилъ, что онъ былъ пьянъ, кто отрицалъ это. Да дѣло не въ томъ, пьянъ или не пьянъ. Подумайте, слѣдъ ли человѣку въ колодезь тонуть днемъ на людной улицѣ посреди тротуара? Я, дѣлая визиты, заѣхалъ посмотреть на колодезь. Да, улица мощеная, тротуаръ Кировый, широкій и посреди тротуара колодезь со срубомъ не болѣе аршина высоты съ крышкой на немъ. Крышку сдѣлали послѣ смерти въ немъ чиновника. Меня обступили татары и кто ломанымъ русскимъ языкомъ, кто черезъ переводчика старался мнѣ объяснить, что этотъ колодезь необходимъ въ ихъ обиходѣ. О ненормальности существованія колодезя, въ которомъ тонуть люди—ни одного слова. Я рѣшилъ немедленно заняться этимъ дѣломъ и прекратить возможность повторенія такихъ случаевъ.

Я съ того дня, какъ принялъ рѣшеніе идти на городскую службу, прежде всего запасся всѣми книгами, трактующими о городскомъ хозяйствѣ. Гуго, Семеновъ, Шрейдеръ и нѣсколько книгъ по спеціальнымъ вопросамъ—вотъ и все. Удивительно мало. Точно нѣтъ городскихъ дѣятелей грамотныхъ; точно не нужно книгъ читать, чтобы дѣло знать, а дѣло знать, чтобы его дѣлать. Буквально негдѣ чему-либо научиться. Уяснить себѣ удалось мнѣ только юридическую сторону дѣла, лучше разработанную, чѣмъ статистическая и практическая.

III.

Первые дни я, кромѣ дѣланія визитовъ, занимался тѣмъ, что, не вступая въ исправленіе обязанностей, присматривался къ дѣламъ. Шло длинное засѣданіе, посвященное сильно запоздавшему рассмотрѣнію смѣты на текущій годъ. Полгода уже прошло, и измѣненія дума могла дѣлать только на второе полугодіе: съ расходами перваго думѣ приходилось считаться, какъ съ совершившимся фактомъ. Смѣту я хотѣлъ пропустить подъ предсѣдательствомъ г. Бѣлявскаго, но не выдержалъ и самъ занялъ предсѣдательское мѣсто. Впрочемъ, еще передъ тѣмъ, на другой же день

¹⁾ Чемберекендѣ—одна изъ нагорныхъ частей города.

послѣ прѣзда, я счелъ нужнымъ представиться думѣ и высказать во вступительной рѣчи свою profession de foi. Въ „Каспія“ было напечатано утромъ о томъ, что я буду говорить рѣчь.

Зная, какъ долго Баку страдаетъ отъ безголовья и видя сангвиническія надежды, которыя на меня возлагаются, я думалъ, что въ маленькой думской залѣ мѣста не хватитъ. Каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ десятка три гласныхъ и того меньше публики. Всѣхъ гласныхъ у насъ въ думѣ было вмѣсто восьмидесяти—57. Обычный обязательный составъ—одна треть—т. е. 19, а усиленный для наиболѣе важныхъ дѣлъ—половина, т. е. 29. Почему это такъ и какъ здѣсь происходили выборы, я скажу послѣ. Теперь же замѣчу, что составъ 44 гласныхъ, бывшихъ при моемъ избраніи—совершенно исключительный, обыкновенно же собирается отъ 20 до 25. Нужный для рѣшенія важнѣйшихъ земельныхъ дѣлъ половинный составъ члoвѣкъ въ 30 собирается рѣдко.

Итакъ, ни многочисленнаго состава гласныхъ, ни публики. Я привыкъ у насъ видѣть живой интересъ интеллигентной публики къ общественнымъ дѣламъ. Здѣшнее равнодушіе, отсутствіе простого любопытства посмотрѣть и послушать новаго голову меня очень удивили. Оказалось, что въ Баку публика почти никогда не бываетъ на думскихъ засѣданіяхъ. Развѣ зайдутъ кое-какіе служащіе отъ нечего дѣлать, да корреспонденты „Каспія“ по обязанности. Корреспондентовъ же другихъ газетъ тоже не бываетъ ни тифлисскихъ, ни петербургскихъ.

Рѣчь я сказалъ приблизительно слѣдующую :

„Я не знаю, чѣмъ заслужилъ честь, которой почтила меня бакинская городская дума, избравъ меня городскимъ головой. Прежняя-ли моя дѣятельность по земству или откровенность, какъ публициста, были причиной избранія—я не знаю. Но только почти единогласное избраніе не могло не подѣйствовать на меня ободряюще, не могло не вызвать нѣкоторое чувство гордости. Довѣріе, оказанное мнѣ думою, разсѣяло тѣ сомнѣнія, какія волновали меня до этого: принять или не принять на себя связанную съ должностію городского головы сложныя и трудныя обязанности. Я ихъ, не медля, принялъ и, не теряя времени, вступилъ въ должность. Но чѣмъ ближе знакомился съ дѣломъ, тѣмъ болѣе сложность дѣла стала меня пугать, тѣмъ болѣе стали разрастаться мои сомнѣнія. Говорятъ, что Баку—городъ американскій. Дѣйствительно, онъ напоминаетъ американскій городъ по размѣрамъ промышленности и торговли, по ихъ формамъ и по энергіи жителей, а главное по быстротѣ роста.

„Но онъ далеко—нечего таить грѣха—не американскій по своему благоустройству. Меня пугаетъ и трудность задачи удовлетворенія нуждъ населенія. Я по пальцамъ пересчиталъ нужды города и ужаснулся передъ массою неудовлетворенныхъ потребностей. Первое, что я услышалъ, это крикъ: „Воды! дайте

воды! воды!" Впечатлѣніе получается такое, какъ будто городъ горитъ. Обращаясь къ дѣлу народнаго образованія, мы и тутъ видимъ, что еще многое нужно сдѣлать. Мы видимъ гимназію безъ собственнаго зданія, гимназію, въ которой грозятъ намъ закрыть нѣсколько классовъ, крайне необходимыхъ нашимъ дѣтямъ. Остаются неудовлетворенными и многія другія нужды народнаго образованія. Затѣмъ городъ нуждается въ мостовыхъ; у него нѣтъ электрическаго трамвая, желательнаго лучшее освѣщеніе; ожидается своей очереди санитарно-медицинская организація; нѣтъ канализаціи, — все это такія потребности, которыя потребуютъ много силъ отъ городского самоуправленія.

„Но этого мало. Наука и опытъ намъ говорятъ, что мы должны стремиться расширять кругъ дѣятельности городского самоуправления. Двадцать лѣтъ назадъ думали, что торговая часть не есть дѣло думы. Теперь же мы видимъ, что наиболѣе благоустроенные города имѣютъ общественныя бани, прачешныя, пекарни, мясныя лавки, — и эти предпріятія процвѣтаютъ и приносятъ огромную пользу населенію. Та же наука и опытъ указываютъ намъ стремленіе къ муниципализаціи городскихъ и общественныхъ предпріятій, что постоянно должно усиливать интенсивность городской хозяйственной работы и еще болѣе усложнять задачу. А это потребуетъ такого напряженія силъ, котораго, можетъ быть, у насъ и не хватитъ.

„Страхъ мой сталъ все болѣе и болѣе усиливаться: хорошо ли я сдѣлалъ, согласившись принять избраніе и взявъ на себя обязанности городского головы? Но, ближе познакомившись съ вами, я нѣсколько успокоился. Я замѣтилъ въ васъ довѣріе къ себѣ — а отношеніе думы къ управѣ настолько снисходительнымъ и любезнымъ, что это меня окончательно ободрило. Надѣюсь, что это довѣріе и любезность думы будутъ продолжаться и дальше. Я безконечно и глубоко вѣрю въ продуктивность дѣятельности общественнаго самоуправления, если эта дѣятельность подкрѣпляется обоюднымъ довѣріемъ. Городскія самоуправления обвиняютъ въ упущеніяхъ и недочетахъ, — но думаю, что при желаніи эти недочеты можно устранить. Часто тормазомъ является формализмъ, — я врагъ формализма и буду, поскольку это зависитъ отъ городского головы, стараться уничтожить все, что задерживаетъ ходъ дѣла. Можетъ быть, причиною неуспѣха также недовѣріе думы къ управѣ, но, опять повторяю, почвы для недовѣрія, надѣюсь, не будетъ. Бываетъ также, что поводъ къ нежеланію гласныхъ работать подаетъ неисполнительность управы. Дума постановляетъ, а управа не исполняетъ. Гласному просто становится досадно, и онъ перестаетъ ходить въ засѣданія. Я постараюсь всѣми силами, чтобы и этого не было. Со стороны управы вы получите всегда полную правду и откровенность во всемъ. Мы исполнители вашей воли, и недоумовокъ между нами и вами не должно быть. Я теперь же прошу и васъ прямо указывать на всѣ могуція быть упущенія.

„Но если солидарность нужна между думой и управой, то тѣмъ болѣе она нужна между нами, гг. члены управы. Я поклонникъ коллегіальной работы: мы должны работать вмѣстѣ, вмѣстѣ и совокупно разрѣшать всѣ вопросы. Дума не должна знать ни Ивана Ивановича, ни Петра Петровича, она должна знать только управу. Въ случаѣ же несогласія между нами, несогласія, конечно, принципиальнаго, — я и мысли не допускаю, что могутъ быть несогласія личныя—мы должны передать вопросъ на судъ нашей довѣрительницы-думы. А что желанія и требованія думы будутъ исполняться, я это обещаю, я за это отвѣчаю.

„Есть у насъ и еще союзница, чуть ли не самая надежная, это гласность. Когда я съ довольно спокойнаго мѣста уходилъ сюда, мнѣ говорили: „Александръ Ивановичъ, что вы дѣлаете? Какъ это вы идете туда, гдѣ васъ каждый можетъ бранить? Вѣдь лѣнивый только не ругаетъ городское самоуправленіе“. Я не согласенъ съ такимъ взглядомъ. Я самъ писалъ, пишу и буду по возможности продолжать писать и привыкъ не бояться прессы. Если будетъ написана неправда, мы можемъ возразить, и неправда разлетится, какъ дымъ, а если правда, то это послужитъ на пользу дѣлу, и мы исправимся. Но этого мало; я думаю, что не только пресса, но и всякій обыватель можетъ и имѣть право придти ко мнѣ и сказать: „Я участникъ въ расходахъ и прошу соблюдать мои интересы“.

„Мнѣ остается отмѣтить еще одно. Я спрашивалъ членовъ управы: допускаете-ли вы мысль о какой бы то ни было партійности по національностямъ, по религіямъ, по общественному положенію и пр.? Они отвѣтили: нѣтъ. И я думаю, что не должно быть, и съ своей стороны обещаю употребить всѣ усилія, чтобы не было. Есть еще,—бываетъ въ нѣкоторыхъ городахъ,—политика центра, въ ущербъ интересамъ жителей окраинъ города. Думаю, что окраины больше нуждаются въ попеченіяхъ городского самоуправления, а поэтому мы должны удѣлять имъ возможно больше своихъ силъ. Волѣе нуждается въ мостовой и освѣщеніи житель окраины, ежеминутно бѣгая, рискующій сломать себѣ ногу, чѣмъ жители центра, къ услугамъ которыхъ и асфальтъ, и фаятоны на резиновыхъ шинахъ, и конка....

„Мы не должны дѣлать разницы между обывателями, намъ должны быть одинаково дороги интересы всѣхъ бакинцевъ. Для насъ должны быть одинаковы всѣ—отъ гласнаго миллионера, домовладѣльца, до послѣдняго амбала. Надѣюсь, дума одобритъ эту программу; она была извѣстна моимъ избирателямъ и раньше.

„И если бы я думалъ, что она не встрѣтитъ въ думѣ сочувствія, я бы не былъ городскимъ головою“.

„Прошу вѣрить въ наше желаніе работать, но и не возлагать слишкомъ большихъ и горячихъ надеждъ, такъ какъ горячія надежды могутъ повлечь за собою разочарованія. Излишнія

надежды тѣмъ опаснѣе, что ошибки несомнѣнно будутъ — не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ. Будьте же, господа, къ этимъ ошибкамъ снисходительны, какъ были до сихъ поръ...”

Такова была моя вступительная рѣчь въ очень близкой передачѣ „Каспія“.

Нечего мнѣ говорить, что рѣчь эту я сказалъ отъ глубины души, вѣруя въ каждое слово, которое я произносилъ. Сказаннымъ самъ я остался крайне доволенъ.

Года полтора спустя, я эту рѣчь перечитывалъ и могъ сказать только одно: маниловщина, маниловщина, маниловщина!... Ни одного слова, которое не рѣзало бы уха своей удивительной фальшью. А тогда отъ „избытка сердца“ говорили уста. Ни обобщающаго довѣрія думы или управы, ни согласія управы, ни отсудствія партійности по національностямъ, ни изгнанія формальности, ни даже главнаго: откровенности передъ думой—не было, не могло быть, а можетъ быть для пользы дѣла и не должно было быть...

Кто въ этомъ виноватъ? Я ли, или не я? на это пускай отвѣтятъ факты. Думаю, что я не виноватъ, по крайней мѣрѣ, сознательно. А тамъ... опять же обратимся къ фактамъ. Я обѣщало быть откровеннымъ и, конечно, лгать не буду. Впрочемъ, и, произнося свою маниловскую рѣчь, я вѣдь тоже не лгалъ; нѣтъ, даже, по правдѣ говоря, готовъ былъ слезу проронить, такъ все шло отъ сердца и какъ будто иначе вѣдь и быть не могло...

Раздалось два три хлопка, когда я кончилъ. Сильнѣе всѣхъ хлопалъ г. Топчибашевъ, сидя въ первомъ ряду.

Я очень доволенъ былъ его отношеніемъ ко мнѣ. Его положеніе среди магометанъ заставляло видѣть въ немъ одного изъ руководителей партіи. Юристъ по образованію, присяжный повѣренный, редакторъ газеты, избранный думой въ председатели въ тѣхъ случаяхъ, когда по закону голова не председательствуетъ самъ—онъ могъ быть для меня только сильной поддержкой. Моя программа не была націоналистической — и это для меня чуть ли было не главное. А онъ мнѣ аплодировалъ. Слѣдовательно, и онъ не націоналистъ. Слѣдовательно, и вопроса о національностяхъ не будетъ и быть никогда не можетъ. Такъ мнѣ казалось въ тѣ блаженные времена.

„Каспій“ привѣтствовалъ меня въ нѣсколькихъ статьяхъ, изъ которыхъ одна¹⁾, очень для меня хвалебная и одобрявшая мою программную рѣчь, за скромною надписью „Т“ несомнѣнно скрывала самого редактора-гласнаго. Впоследствии, когда „Каспій“ по отношенію ко мнѣ игралъ совсѣмъ обратную роль, его сотрудники неоднократно бросали мнѣ упрекъ, что я попалъ въ головы благодаря „Каспію“, т. е. его редактору. Не какъ упрекъ я это заявленіе хочу подтвердить. Да, въ головы меня

¹⁾ „Каспій“ 29 мая 1902 года.

провелъ, главнымъ образомъ, если не единственно, г. Топчибашевъ. Упрекать меня нечего въ этомъ, потому что я еще вполнѣ не убѣжденъ, кто кому сдѣлалъ большее одолженіе—дума ли мнѣ, что меня выбрала, или я думѣ, что пошелъ къ нимъ въ головы. Да простятъ мнѣ мое самолюбіе. Вѣдь я исповѣдуюсь. Не могу же я скрывать своихъ грѣховъ. Тутъ-то, вѣроятно, и зарыта, какъ говорятъ нѣмцы, собака въ отношеніяхъ „Каспія“ ко мнѣ. Содѣйствовавъ моему избранію, или, скорѣе, посадивъ меня въ головы, гг. „Каспійцы“ были увѣрены, повидимому, что меня купили, что я ихъ, и, какъ таковой, долженъ пойти съ первыхъ же шаговъ по ихъ указкѣ.

Этого, къ сожалѣнію для нихъ, не произошло; по ихъ указкѣ я не пошелъ, сохранивъ за собою право думать, какъ умѣю, говорить, какъ думаю, дѣлать, какъ говорю.

Но я не хочу забѣгать впередъ.

Впрочемъ, черная кошка или, скорѣе, маленькій черненькій котеночекъ или даже два котеночка не преминули между нами пробѣжать на первыхъ же порахъ нашей совмѣстной работы.

IV.

Присматриваясь къ ходу дѣлъ управскихъ, я замѣтилъ, что коллегіальности то въ ней совсѣмъ и нѣтъ. Каждый членъ управы ведетъ свое дѣло, пишетъ постановленіе такое или другое, хбтя бы о выдачѣ кому либо денегъ, и это подписанное имъ постановленіе разносится къ двумъ другимъ членамъ; тѣ подписываютъ, большею частью не читая, и дѣло кончено. Никакой книги управскихъ постановленій нѣтъ. Изъ расписовъ членовъ управы дѣйствительно оказалось, что коллегіальныя обсужденія вопросовъ происходили лишь въ видѣ исключенія. Обыкновенно постановленіе писалось въ отдѣленіи члена управы и разносилось дѣлопроизводителями по другимъ членамъ, машинально подписывавшимъ эти постановленія.

Нѣкоторыя отрасли вѣдались совсѣмъ почти безконтрольно однимъ членомъ. Такъ, М. А. Бѣлявскій всецѣло отдавшійся земельному дѣлу, велъ его совсѣмъ самостоятельно. Онъ же въ качествѣ председателя училищной коммиссіи совсѣмъ не докладывалъ управѣ ея рѣшеній. Нѣкоторыя исполнительныя коммиссіи вели свои дѣла совсѣмъ самостоятельно отъ управы. Другимъ членамъ управы очень не нравилось, что ихъ не спрашивали по школьнымъ дѣламъ, но сдѣлать они ничего не могли, тѣмъ болѣе, что г. Бѣлявскій былъ долгое время и вступающимъ мѣсто городского головы. Не знаю тоже, отплачивали ли ему другіе члены тѣмъ же въ сферѣ ихъ компетентности — но во всякомъ случаѣ единенія въ управѣ не было.

Эти листки постановленій, съ собранными подписями членовъ управы, прикладывались къ дѣламъ, а разъ прикладывались къ дѣламъ, могли и пропасть и пропадали...

- Гдѣ постановленіе управы, на которое вы ссылаетесь?
 — Да оно затерялось видно...—Дѣлопроизводитель для виду ищетъ его въ дѣлѣ..
 — Да было ли оно?
 — Какъ-же-съ? Было.

А я имѣю основаніе думать, что часто и не было. По крайней мѣрѣ, въ одномъ дѣлѣ, гдѣ постановленіе считалось затеряннымъ, можно думать, что его никогда и не было. А дѣло было многотысячное.

Такъ жили члены управы и правили дѣло каждый самъ по себѣ, что, къ сожалѣнію, далеко не служило гарантіей успѣха. Канцелярская часть была поставлена отвратительно. Сплошъ да рядомъ приходили бумаги отъ губернатора, не то что отъ другихъ лицъ, съ требованіемъ отвѣта, котораго управа не давала мѣсяцы, годы. Иногда стыдно было передъ губернскимъ присутствіемъ. И при всемъ томъ управа часто пробовала спорить и сама обвиняла другія учрежденія въ задержкѣ дѣлъ. Разъ,—не помню по какому дѣлу—меня попросили поторопить губернское присутствіе, яко-бы задержавшее дѣло. Они по исходящимъ и разносимымъ доказали, что отвѣтъ былъ данъ и у насъ же затерялся. Сколько бумагъ лежало неизвѣстно въ какомъ отдѣленіи, сколько бумагъ пропало совсѣмъ по той или другой причинѣ!

Но хуже всего было съ земельными дѣлами. Они не разрѣшались долгіе годы, до десяти включительно. Подать прошеніе по земельному отдѣленію, значило все равно, что ничего не подавать. Только при напоминаніяхъ, при поддержкѣ какого-нибудь гласнаго можно было надѣяться, что дѣло увидитъ свѣтъ. Городъ судился о нѣсколькихъ тысячахъ участковъ; дѣла эти были во всевозможныхъ стадіяхъ. По нѣкоторымъ было постановленіе члена управы начать дѣло въ судѣ, и дѣло оказывалось не начатымъ. По другимъ дѣло въ судѣ было окончено, но исполнительный листъ лежалъ безъ движенія.

Послѣдніе два года дѣла земельныя еще болѣе страдали, потому что М. А. Бѣлявскій, кромѣ дѣлъ своего отдѣленія, былъ еще обремененъ дѣлами головы. И удивительная вещь! Оказалось, что у головы и у управы какъ коллегіи, нѣтъ ни канцелярѣи, ни секретаря, никого, кромѣ сторожа, да и то глухонѣмого. За мѣтьте, я не преувеличиваю ничуть.

Еще можно допустить, что г. Бѣлявскій, совмѣщая должность головы и члена управы могъ обходиться своей канцелярѣей, занимая ее не одними земельными дѣлами, но спрашиваю себя: какъ обходились прежніе городскіе головы: Ирецкій, Фонъ-дербъ-Нонне?

Результатомъ этого бывали такіе случаи: получаетъ М. А. Бѣлявскій бумагу. Не имѣя канцелярѣи, онъ собирается на нее отвѣчать и класть на столъ. Потомъ за множествомъ дѣлъ,—а работала онъ всегда и утромъ и вечеромъ такъ: первымъ при-

ходилъ, послѣднимъ уходилъ — онъ естественно забывалъ про бумагу, изъ коихъ нѣкоторыя и по днесь ждутъ отвѣта.

— Э!? — подумалъ я—это не только Авгіевы конюшни, это еще и на половину пустыя конюшни. При всемъ томъ, что онѣ Авгіевы, т. е. наполовину должны быть очищены, онѣ еще и пусты на другую половину.

Первое, что я рѣшилъ завести, это, во-первыхъ, засѣданія управы правильныя, по возможности ежедневныя. Затѣмъ необходимо было завести книгу постановленій, гдѣ бы все записывалось, что рѣшаетъ управа, и установить управскую канцелярію. Наконецъ нужна была и канцелярія головы.

Я рѣшилъ въ ближайшее засѣданіе просить думу открыть двѣ должности: секретаря управы въ 3600 р. и секретаря личныхъ дѣлъ головы въ 720 рублей.

Былъ у меня пріятель, литераторъ В. Ф. Тотоміанцъ. Написалъ онъ нѣсколько книгъ про кооперацію, въ которую вѣрилъ безконечно и по отношенію къ которой былъ русскимъ Оуэнномъ. Прежде онъ былъ въ одно время со мною членомъ покойнаго союза писателей. Въ одно же время насъ забросила судьба (мнѣ мать, а ему мачиха) въ Астрахань. И вотъ: кого—думаю себя—лучше взять въ секретари управы, какъ не Тотоміанца? Писатель—хорошо будетъ писать доклады. Знаетъ коопераціи и муниципализаціи—хорошій дастъ совѣтъ по городскимъ дѣламъ.

Сказано—сдѣлано. Не скрывая своего кандидата и телеграммой заручившись его согласіемъ, я вношу свое предложеніе въ думу. Думалъ, признаю, что и разговоръ не будетъ: такъ ясна была необходимость этихъ людей.

Противъ ожиданія начались пренія, причемъ я долго не зналъ, какъ вопросъ рѣшится. Большинство какъ будто высказывалось противъ. Въ томъ числѣ противъ назначенія говорилъ и г. Топчибашевъ. И говорилъ онъ довольно длинно. Сперва онъ просилъ отложить до конца смѣты этотъ вопросъ, чтобы видѣть, какъ сведется балансъ. Какъ будто лишнихъ четыре тысячи могли замѣтнымъ образомъ повліять на балансъ двухмилліоннаго бюджета. Затѣмъ онъ говорилъ по существу, что сами члены управы должны составлять доклады или, въ крайнемъ случаѣ, ихъ дѣлопроизводители, и что штаты безъ того громадны и безъ новыхъ должностей. Но, какъ ни какъ, пренія окончились въ пользу моего предложенія: должности были открыты. Я это объясняю тѣмъ, что это была моя первая просьба, обращенная къ думѣ. Неловко правда пригласить голову и на первыхъ же порахъ не дать ему помощниковъ, которыхъ онъ требуетъ. Такъ прямо и сказалъ въ думѣ одинъ изъ умныхъ и очень наружно симпатичныхъ гласныхъ-армянъ.

Мнѣ вообще показалось, что армяне голосовали за мое предложеніе, а татары противъ. Послѣ я догадался, гдѣ рави зимуютъ. Оказалось, что татарамъ не нравилось, что я обратился къ армянину—Тотоміанцу. Вотъ оно значеніе національности! Я хорошо

зналъ Тотоміанца, цѣлые вечера просиживали вмѣстѣ—и, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило, что онъ армянинъ. Даже физически онъ похожъ на нѣмца. А что національностью г. Тотоміанца руководился, главнымъ образомъ, г. Топчибашевъ, на это у меня были потомъ несомнѣнные доказательства.

Въ этомъ же засѣданіи въ думѣ говорилось о большомъ вопросе—о водѣ. Войти въ детали, ознакомиться достаточно, чтобы имѣть свое мнѣніе—въ нѣсколько дней было нельзя, тѣмъ болѣе, что мнѣній было весьма много и весьма разнорѣчивыхъ. Главныя двѣ группы были: линдлеевцы и антилиндлеевцы.

Линдлей,—англичанинъ, имѣющій очень большую контору въ Франкфуртъ-на-Майнѣ. Его специальность, какъ и его отца, водоснабженіе и канализація. Отецъ его энциклопедическимъ словаремъ, а потому и всѣми бакинцами признавался знаменитостью. Самъ же Линдлей имѣлъ и горячихъ сторонниковъ весьма, надо сказать, немногочисленныхъ, и враговъ непримиримыхъ и составлявшихъ, повидимому, большинство думы. Къ врагамъ принадлежала редакція „Каспія“, въ лицѣ гласныхъ Топчибашева и тестя его Гасанъ бека Меликова; г. Меликова я прежде тоже зналъ по газетамъ, какъ гласнаго, не пропускавшаго ни одного думскаго вопроса, чтобы не поговорить, при томъ всегда нападаая на управу или кого либс изъ ея агентовъ. Онъ часто не стѣснялся обвинять агентовъ управы и въ кражахъ, при чемъ обвиненія оказывались мало обоснованными, а иногда и просто клеветническими. Его девизомъ было: „подъ судъ“.

Такъ вотъ эти господа были самыми яркими анти-линдлеевцами. А такъ какъ въ ихъ рукахъ былъ „Каспій“, т. е. вся бакинская пресса, то естественно, что противъ Линдлея было и общественное мнѣніе.

Двадцать пять лѣтъ назадъ бакинская дума начала искать воды. Тогда же была образована многочисленная думская водопроводная исполнительная коммиссія и все это время Баку къ водѣ не приблизилось. Естественно было пасть духомъ.

Мѣстное населеніе пьетъ колодезную воду, во-первыхъ, полу-соленую, такую, что непривычному человѣку и въ ротъ ее брать противно, во-вторыхъ, необычайно жесткую, въ третьихъ—и это худшее—съ несчетнымъ числомъ бактерій. Отсутствие канализаціи большого города, очевидно, все болѣе и болѣе ухудшаетъ эту воду.

Стали искать воду въ разныхъ родникахъ и ничего не нашли подходящаго; или вода была не хороша, или воды было мало, или наконецъ ее, по мѣстнымъ условіямъ, нельзя было взять, какъ нужную для населенія ближайшихъ деревень, которымъ, кромѣ питьевой воды, нужна еще большая масса воды для орошенія полей, только при этомъ условіи удобныхъ для сельскаго хозяйства.

Денегъ израсходовано было много, а толку все не было. Наконецъ, пришлось, во что бы то ни стало, изыскивать источники

водоснабженія. Пробовали привозить воду на судахъ, моремъ изъ Волги, изъ Куры. Вода была дорога, а иногда, вмѣсто прѣсной, вода приходила соленой. Наконецъ, устроили городской опрѣснитель для добыванія прѣсной воды изъ морской. Опрѣснитель не пошелъ, вода была слишкомъ дорога. Черезъ короткое время заключили договоръ съ берлинской фирмой Артура Коппеля о постановкѣ въ Баку новаго опрѣснителя по системѣ русскаго инженера Ягна.

Этотъ опрѣснитель и дѣйствовалъ при моемъ прїѣздѣ въ Баку. Вода стоила $\frac{3}{4}$ копейки за ведро, лѣтомъ была тепла и мало освѣжала; и притомъ страдала присутствіемъ мѣди, правда, въ весьма малыхъ, хотя и вовсе нетерпимыхъ количествахъ. Мѣдь зависѣла отъ недостатковъ самого опрѣснителя, желѣзо—оттого, что городская сѣть никуда не годилась и была внутри покрыта ржавымъ налетомъ. Иногда вода выходила совсѣмъ красною. На городскихъ будкахъ фильтровъ не было. Естественно, что населеніе роптало и требовало прежде всего воды.

Одинъ изъ моихъ товарищей по управѣ, членъ управы В. С. Смоленскій, года три передъ моимъ прїѣздомъ, ѣздилъ на водопроводный съѣздъ, кажется, въ Одессу и тамъ познакомился и увлекся Линдлеемъ. Онъ его пригласилъ въ Баку. Кончилось тѣмъ, что дума поручила Линдлею разработать два проекта одновременно, оба на разную воду: изъ Куры и изъ Самура.

Дѣлая свои изслѣдованія и ознакомившись съ мѣстностью, Линдлей пришелъ къ заключенію, что для Баку неподходяща по разнымъ причинамъ ни Куринская, ни Самурская вода, а что нужна вода родниковая или подпочвенная—результатъ таянія вѣчныхъ снѣговъ Шахъ-Дага. Разъ онъ пришелъ къ этому заключенію, онъ это говоритъ бакинцамъ.

— Бросьте, молъ, ваши Самуръ и Куру и сдѣлайте эти изслѣдованія.

Водопроводная комиссія соглашается съ нимъ, но дума отказываетъ.

— Кура и Самуръ; больше ничего не хотимъ!

Проходитъ годъ. Линдлей свои изслѣдованія все продолжаетъ и опять говоритъ:

— Позвольте же мнѣ изслѣдовать родники. Вѣдь это я сдѣлаю одновременно съ Курой и Самуромъ. Это дѣла не оттянетъ.

На этотъ разъ и комиссія противъ него. Напрасно умнѣйшій гласный Гаджи-Зейналь-Абдинъ-Тагіевъ убѣждаетъ думу послѣдовать совѣту Линдлея. Напрасно предлагаетъ Тагіевъ тридцать тысячъ на начало работъ... Дума стоитъ на своемъ...

— Кура и Самуръ! Родниковъ не хотимъ и не позволяемъ.

Вмѣсто того, чтобы полюбить Линдлея за его откровенность и настойчивость въ дѣлѣ, касающемся блага города, его враги все болѣе и болѣе возстановлялись противъ него. Возненавидѣли и г. Смоленскаго, который привезъ Линдлея. Возненавидѣли до того, что когда я прїѣхалъ въ Баку, первое, что услышалъ, это—

что пѣсенка Смоленскаго свѣта, что ему мѣста члена управы на второе четырехлѣтіе, какъ ушей, не видать, и что на его мѣсто будетъ избранъ гласный Македонскій.

— Почему же вы знаете, что Македонскій?—спросилъ я.

Такъ рѣшено.

— Гм...

Водопроводная коммисія злобствовала противъ Линдлея, придиравалась ко всякимъ счетамъ его агентовъ, одного изъ нихъ, инженера Поповича, отдала подъ судъ за растрату городского имущества по ложному навѣту разочтеннаго переводчика. Занимались не водопроводными дѣлами, а выкапываніемъ всякихъ мелочей, лишь бы обвинить ненавистнаго имъ Линдлея.

При этихъ обстоятельствахъ я пріѣхалъ: „Каспій“ разнести Линдлея; я слышу, и про и contra, но разобраться хорошенько не могу. На засѣданіи водопроводной коммисіи—разговоръ о председателѣ. Узнаю, что въ виду важности дѣла, ей порученныхъ, у нея былъ особый председатель, гласный Антоновъ, но что онъ ушелъ; затѣмъ хотѣли взять платнаго председателя, который только этимъ бы и занимался. Предназначали на это мѣсто гласнаго Сапарова и ассигновали было тысячъ шесть. Но губернское присутствіе нашло почему-то, что нельзя председателю исполнительной коммисіи получать больше члена управы, и ассигнованія этого не утвердило.

Такъ шло дѣло — ни шатко ни валко. Коммисія, повторяю, безъ председателя, занималась подсчетомъ, сколько линдлеевскіе инженеры съѣли сардинокъ. Я пріѣхалъ, и коммисія въ председатели намѣтила меня. Я согласился.

Этотъ вопросъ тоже разсматривался въ думѣ. Одинъ изъ моихъ большихъ недостатковъ—крайняя мнительность, и во всякомъ мнѣніи, несхожемъ съ моимъ, я вижу желаніе меня задѣть, а то и вовсе оскорбить. Пренія о председателѣ водопроводной коммисіи были оживленны. Многіе требовали платнаго председателя, а мнѣ казалось, что имъ не платный председатель нуженъ, а нужно меня какъ-нибудь не допустить до дѣла. Я ждалъ рѣшенія съ нетерпѣніемъ. Оно оказалось благоприятнымъ: я избранъ въ председатели. Ненавидя національныя соображенія, я боялся вездѣ натолкнуться на таковыя. Последнее время меня какъ-то напугали ровнью между враждующими въ Баку партіями. Да я и такъ замѣтилъ признаки недоброжелательства. Мнѣ казалось, что, будучи ставленникомъ главнымъ образомъ татарской партіи, я тѣмъ самымъ несомнѣнно симпатиченъ армянамъ, не смотря на то, что и они мнѣ клали бѣлые шары.

Въ дѣлѣ только что описанномъ, мнѣ показало, что татары за меня, а армяне противъ. Думаю теперь, что это все было дѣло моего воображенія, но тогда я приписывалъ этому большое значеніе.

На счетъ линдлеевскихъ дѣлъ мнѣ пришлось высказаться на первыхъ же порахъ. Дѣло шло о счетахъ въ десять тысячъ рублей, предъявленныхъ къ оплатѣ агентами Линдлея. Договоръ съ

нимъ состоялъ въ томъ, что всё предварительныя изысканія дѣлаются на мѣстѣ за счетъ города, а сами проекты водопроводовъ изъ Самура и Куры выполняются Линдлеемъ во Франкфуртѣ за 35.000 рублей.

Теперь бюро Линдлея представляло счетъ въ восемь тысячъ за работы по планамъ. Планы, снятыя на мѣстѣ, съ обозначеніемъ высотъ, съ черновиковъ наносились на громадныя листы и покрывались тушью. Очевидно это относилось къ подготовительнымъ работамъ на мѣстахъ. Но комиссія еще до меня, вопреки очевидности, рѣшила, что составленіе бѣловыхъ плановъ входить въ составленіе самаго проекта и должно быть сдѣлано Линдлеемъ за счетъ его 35.000. Не высказываясь по существу всего линдлеевскаго дѣла, я настаивалъ въ комиссіи, мною собранной, что 8.000 должны быть уплачены городомъ. Дума тоже со мной согласилась. Я тутъ же, впрочемъ, замѣтилъ недоумѣвающихъ лица гг. Топчибашева и Меликова. Что же это?—читалось на ихъ лицахъ.—Развѣ мы его выбрали Линдлея поддерживать?

На слѣдующій день въ „Каспій“¹⁾ появилась статья главнаго сотрудника „Фантома“ подъ заглавіемъ „Милое дитя“.

„Милое дитя“ былъ я, который научился еле говорить, а ужъ наговорилъ о водѣ и Линдлеѣ массу глупостей, въ родѣ того, что вода лучше десяти тысячъ и т. д. Дитя просило конфетк, и ему дали конфетку. Но дитяти этого было мало. Оно запросило секретаря управы. Дали ему и секретаря. Но и этого мало. Захотѣлось ему „памятной книжки“ (я, говоря о личномъ секретарѣ, между прочимъ сказалъ, что онъ долженъ записывать многое, что велитъ голова, напоминать ему о разныхъ вещахъ, словомъ, служить какъ бы памятной книжкой).

Дали дитяти и памятную книжку. Въ концѣ г. Фантомъ уже серьезно говорить, что „свои“ потребности каждый долженъ удовлетворять самъ, и что странно городу нести расходы на „памятныя книжки“ головы.

Такой вздоръ меня удивилъ со стороны г. Фантома, всегда симпатичнаго мнѣ, когда онъ писалъ о рабочихъ. Неужели, думалъ я, онъ вправду думаетъ, что личный секретарь нуженъ мнѣ, Новикову, а не головѣ? Еще больше удивила меня эта статья своимъ появленіемъ въ органѣ моего „крестнаго“. Мнѣ это показалось не къ добру.

Но вскорѣ въ томъ же „Каспій“²⁾ за подписью Т. появилась еще статья, гдѣ г. Т. обвиняетъ управу (чатаяй меня) въ удивительной рѣшительности, съ которой управа проводила пособія служащимъ, новыя прибавки и „даже“ новыя должности.

Эта статья совпала съ моимъ отъѣздомъ въ отпускъ на леченіе и окончательно убѣдила меня въ томъ, что на особую

1) „Каспій“ 5 Іюня 1902 г.

2) „Каспій“ 23 Іюня 1902 г.

поддержку „Каспія“ мнѣ разсчитывать нечего. Нѣсколько это меня, все таки смутило.

На первыхъ же шагахъ моей общественной службы мнѣ пришлось заняться и опрѣсненной водой. Вода эта была иногда совсѣмъ бурая отъ ржавчины въ трубахъ, но тутъ заводъ былъ не причемъ. Приходилось устривать свои фильтры. Но и сама вода была не хороша. Надо было уничтожить слѣды мѣди; надо было лѣтомъ понизить ея температуру, такъ какъ ея нельзя было пить; надо было насытить ее недостающими газами. Срокъ нашего договора кончался. Обѣимъ сторонамъ полезно было его измѣнить.

Пріѣхалъ инженеръ Ягнъ, я и созвалъ водопроводную комиссію. Долго говорили мы, собирались раза два и ни къ чему не пришли. Но не это интересно. Интересно то удивительное недоверіе къ людямъ, которое я замѣтилъ въ бакинцахъ. Прежде всего человекъ, съ которымъ они имѣютъ дѣла, ихъ врагъ, будь это контрагентъ, будь это служащій. Такъ и встрѣчаютъ пріѣзжаго.—Ага! Ыдетъ! Какъ то онъ васъ вадуетъ, надо держать ухо востро!... Къ этому я вернусь въ свое время и приведу разительные примѣры.

V.

Само собою разумѣется, что на одномъ изъ первыхъ же засѣданій управы, если не на первомъ, я предложилъ ей принять мѣры противъ паденія добрыхъ людей въ городскіе колодцы. Я хотѣлъ было, чтобы всѣ колодцы на улицахъ были засыпаны, ибо не мѣсто на улицѣ колодцу. Но большинство управы нашло, что это во многихъ мѣстахъ для населенія будетъ очень неудобно, что будто большинство татаръ не пьетъ опрѣсненной воды изъ-за религиозныхъ мотивовъ, и что нѣкоторые колодцы на улицахъ даютъ сравнительно хорошую воду. Поэтому мы пришли къ компромиссу и постановили: всѣ колодцы должны быть закрыты и дѣйствовать насосами. Если колодцы нужны населенію, пусть тѣ, которымъ они нужны, устраиваютъ въ извѣстный срокъ насосъ и заботятся о его сохранности. Какъ послѣ этого колодець окажется небезопаснымъ—онъ немедленно закапывается городомъ. Постановление было хорошо; удовлетворена была потребность горожанъ въ этихъ колодцахъ; ограждена безопасность прохожихъ; и, наконецъ, все это дѣлалось на средства пользующихся водой, не ложась ни копѣйкой на городскую кассу. Было поручено списки этихъ колодцевъ и степень нужды въ нихъ населенія провѣрить участковымъ архитекторамъ и исполнительнымъ комиссарамъ. Двойной контроль лучше гарантировалъ отъ пропуска. Наблюдать за этимъ долженъ былъ по обязанности членъ строительнаго отдѣленія управы В. С. Смоленскій.

Проходить недѣля, спрашиваю г. Смоленскаго:

— Ну что колодцы?

— Написалъ и архитекторамъ, и исполнительнымъ комиссарамъ.

Прошу повторить приказъ, чтобы списки представлялись скорѣе. Назначилъ имъ срокъ. Наконецъ списки представлены и далеко не сходятся. И тамъ и сямъ пропуски, разнорѣчивыя показанія. Списки исправляются. Мнѣ это становится досадно; я начинаю торопить члена управы, которому такое приставаніе замѣтно надоѣдаетъ. Затѣмъ я уѣзжаю лечиться. Чтобы не возвращаться снова къ исторіи съ колодцами, расскажу конецъ ея. Поднять была вопросъ въ концѣ мая или началѣ іюня. Въ середнѣ августа по возвращеніи изъ-за границы я узнаю, что отъ словъ къ дѣлу еще не перешли. Является рядъ обывателей съ жалобами на притѣсненія, приходится чуть ли не самому вести дѣло... и кончается тѣмъ, что дѣло я бросилъ, а колодцы до сихъ поръ не засыпаны и не закрыты. Если въ нихъ никто не валится и не умираетъ, то видѣть надо въ этомъ особую милость Божію.

Мнѣ скажутъ, что я на то и голова, чтобы настоять. Почему я не требовалъ отъ архитекторовъ и отъ члена управы исполненія управскаго постановленія? Причинъ на это много и небынтересно въ нихъ разобраться.

Я уже говорилъ, что каждый членъ управы дѣйствовалъ до меня (да и при мнѣ потомъ) почти самостоятельно. Подчиненныхъ представлялъ членъ управы, и управа соглашалась, такъ какъ и другіе члены хотѣли быть свободны въ выборѣ своихъ подчиненныхъ.

Въ управѣ было прежде три, потомъ четыре отдѣленія. При мнѣ уже возникло пятое, въ видѣ канцеляріи головы.

По молчаливому соглашенію дума имѣла всегда одного члена управы армянина и одного татарина. Эта преемственность члена-армянина и члена-татарина сильно отразилась на составѣ служащихъ, особенно въ отдѣленіи внѣшне-распорядительномъ, гдѣ мусульмане имѣли часто незаслуженное преимущество.

Понятно, что такое положеніе вещей можетъ существовать лишь при большой силѣ члена управы и при бездѣйствіи головы и управы, какъ коллегіи. Наоборотъ, такое пріятное для отдѣльныхъ членовъ управы положеніе не можетъ не вызвать противо-дѣйствія съ ихъ стороны всякой внѣшней силѣ, какою въ данномъ случаѣ являлся я. Вопросъ о національности я, конечно, не намѣревался поднимать, какъ и сказалъ въ своей вступительной рѣчи, но онъ самъ поднялся, вопреки мнѣ, и игралъ все время важную роль въ нашихъ управскихъ и думскихъ дѣлахъ. Читатель видитъ изъ этого, какъ скоро начала проходить маниловская дымка о бакинской интернациональности.

Съ самаго начала и до конца это полновластіе членовъ управы совершенно отстраняло меня отъ нѣкоторыхъ дѣлъ. Главнымъ образомъ неприступною крѣпостью было для меня и для управы земельное отдѣленіе. Въ неустройствѣ его, въ отсутствіи живыхъ

работниковъ, въ бесплодности громадной канцелярской работы самого члена управы лежалъ корень всей финансовой безпомощности города. Но объ этомъ разговоръ еще впереди.

Кромѣ трудности, а иногда и невозможности болѣе энергичнаго воздѣйствія на отвлеченія, я и физически не могъ бы услѣдить за всѣми упущеніями и за исполненіемъ всѣхъ думскихъ и управскихъ постановленій. На мнѣ лежало дѣло водопроводное. Осенью я, къ своей великой радости, получалъ и училищное дѣло, а затѣмъ меня поглотили всевозможные организаціонные вопросы и, наконецъ, борьба. Я думалъ, что мнѣ придется бороться съ бациллами, съ грязью, съ невѣжествомъ населенія... Но борьбы съ членами управы и гласными думы я не предвидѣлъ. Это была борьба бессмысленная и энервирующая. Каждый шагъ впередъ доставался цѣной уступокъ, которыя, въ свою очередь, вызывали борьбу.

На мелочи (а проваливаніе людей въ колодцы, конечно, было мелочью въ сравненіи съ остальнымъ) у меня не было ни времени, ни силъ. Я не могъ вникать въ мелочи и не долженъ былъ. Иначе я упустилъ бы болѣе важное. Только поэтому я какъ бы забылъ про колодцы. Это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, гдѣ я былъ безусловно правъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказался бессильнымъ. Я заговорилъ объ архитекторахъ. Одна изъ болячекъ нашего хозяйства, это строительная часть. Положительно нельзя было разобратся ни въ одномъ счетѣ. Дѣлалось все плохо и съ опозданіемъ. Описать все слишкомъ длинно. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Начну съ постройки дома для технического училища. Нѣсколько лѣтъ назадъ рѣшено было строить техническое училище съ ремесленными классами. И техническое училище низшее, и ремесленное низшее, но въ техническомъ требуется кое какая теорія, ремесленное же дѣйствительно выпускаетъ лишь рабочихъ. Оба были очень непопулярны. Тѣмъ не менѣе бакинскую думу обуяла любовь къ практическому воспитанію, хотя оно и прививалось очень плохо.

Рѣшили строить новое город кое зданіе; ассигновали шестьдесятъ тысячъ, выбрали особый строительный комитетъ... Что же оказалось въ концѣ? Въ концѣ вѣросло зданіе въ двѣсти сорокъ тысячъ, при чемъ прибавки дѣлалъ съ думой постепенно, въ виду требованій комитета. Кажется до 210 тысячъ выросла сумма извѣстныхъ думѣ ассигновокъ. На остальныя тридцать тысячъ лежало счетовъ разныхъ подрядчиковъ и поставщиковъ и лежало нѣсколько мѣсяцевъ. Разобратся въ этомъ дѣлѣ оказалось невозможно. Фактически въ комитетѣ исполнителями оказались двое: г. Михалевскій, директоръ училища, и г. Плошко, нашъ участковый архитекторъ. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, повидному, самостоятельно и заказывалъ за счетъ города, что считалъ, нужнымъ.

Планъ соблюденъ не былъ и измѣнялся комитетомъ (?) про-

извольно. Въ концѣ концовъ получилось недостроенное зданіе съ невывезенными горами мусора. Школы перешли въ недостроенное зданіе; счета лежали на тридцать съ лишнимъ тысячъ неплаченными, а дума и слышать не хотѣла о дальнѣйшихъ ассигновкахъ.

Я еще вернусь къ этому дѣлу. Скажу только, что по пріѣздѣ, когда ко мнѣ являлись городскіе контрагенты по училищу и грозили идти въ судъ, я ихъ просилъ подождать до осени.

— Пожалуйста, господа, подождите. Лѣтомъ какая въ Баку работа? И я уѣду. А осенью пріѣду, все разберу. Стоитъ ли судиться? Вѣдь ясно, что вы должны получить по вашимъ счетамъ.

И я ихъ, какъ потомъ оказалось, напрасно обнадежилъ. Мы имъ ничего не заплатили. Но объ этомъ послѣ.

VI.

Городское строительство ужасно отстало. Гимназія женская одна имѣла зданіе приличное. Мужская жила въ какихъ-то сараяхъ, гдѣ юноши заболѣвали чахоткой. Народныя школы кромѣ трехъ, ютились въ наемныхъ помѣщеніяхъ, большею частью нигуда не годныхъ. Для трехъ только изъ нихъ было построено городское очень недурное зданіе. Больница очень мала по городу; воспитательный домъ въ какихъ-то хлѣвахъ. И при всемъ томъ... строилась дума.

Вѣроятно изъ опасенія, что повторится исторія съ техническимъ училищемъ, не было выбрано особаго комитета. Вѣдала постройкой общая строительная коммиссія, совсѣмъ отдѣльно отъ управы, самостоятельн. Кому тамъ что принадлежитъ: архитектору-ли, члену ли строительнаго отдѣленія управы, или коммиссіи — разобратся трудно. Во всякомъ случаѣ мы, управа, только любовались сдѣланнымъ.

Но я теперь не о способѣ постройки хотѣлъ говорить, а о самомъ зданіи. Зданіе строили роскошное, въ четыреста тысячъ по сибѣ, большое, въ нѣсколько этажей, съ мраморными лѣстницами, съ краснымъ особо прочнымъ кирпичемъ для облицовки нѣкоторыхъ частей фасада, выписаннымъ изъ-за границы.

Пишу и самъ написанному не вѣрю. Вѣдь я подлинныхъ документовъ, по которымъ кирпичъ выписанъ, не видалъ. Ужъ не посмѣялись ли надо мной, когда это говорили?

Попалъ я на одно засѣданіе строительной коммиссіи вскорѣ послѣ моего пріѣзда. Шла рѣчь о крышѣ. По сибѣ она должна была быть желѣзная, не помню — крашеная или оцинкованная; архитекторъ въ коммиссіи предлагалъ сдѣлать всю крышу цинковую. Разница въ цѣнѣ, говорили, незначительная—всего въ нѣсколько тысячъ. Я протестовалъ противъ этого бросанія денегъ на роскошь и доказывалъ, что хорошее желѣзо вѣкъ простоятъ, лишь бы красить его хорошенько. Увы, я остался одинъ при своемъ мнѣніи. Рѣшили сдѣлать крышу цинковую.

Затѣмъ архитекторъ заявилъ, что гораздо красивѣе выйдетъ съ фасада цинковая крыша, если сдѣлать ее чешуйчатой изъ маленькихъ кусочковъ, чѣмъ обыкновенно. Разница также пустая нѣсколько сотъ рублей. Я опять протестовалъ одинъ.

Говорю я это, чтобы отмѣтить стремленіе нашихъ гласныхъ къ чванству — да простятъ они мнѣ это выраженіе. Страшная экономія въ дѣлахъ строительства больничнаго, споры о копѣйкахъ, а тутъ съ легкимъ сердцемъ бросаются сотни и тысячи. Подъ конецъ они какъ будто хотѣли уже сократиться, но было уже поздно. Нельзя, напримѣръ, было обнести палисадникъ передъ домомъ деревяннымъ баясникомъ, когда облицовка заграничная.

По поводу городского дома случился маленькій анекдотъ. Сидѣли мы въ какомъ то засѣданіи съ архитекторами. Тутъ же сидѣлъ архитекторъ Б., временно завѣдывавшій, за болѣзнь Гославскаго, постройкой дома. Говорили о домѣ; вдругъ гласный Гаджіевъ, мусульманинъ, часто самъ ссылавшійся на неполное знаніе русскаго языка, обращается къ Б.

— А знаете, вѣдь ваша башня провалится.

— Какъ провалится?

— Да такъ провалится. Вы въ томъ мѣстѣ, гдѣ башня суживается, положили желѣзныя связи, на которыхъ основываете дальнѣйшую постройку. Онѣ не выдержатъ, эти связи.

Я кажется тогда замѣтилъ г. Гаджіеву, что смѣшно ему спорить съ архитекторомъ о прочности желѣзныхъ связей. Исправлявшій обязанности главнаго инженера г. Скуревичъ тоже улыбался, какъ бы говоря:

— Во что, молъ, вмѣшиваются гласные. Ему говорить архитекторъ, что онъ рассчиталъ прочность связей, а этотъ господинъ, и по-русски-то плохо говорящій, спорить, что башня провалится.

— Александръ Ивановичъ, хотите пари, что провалится? — настаивалъ г. Гаджіевъ.

Пари я не держалъ, но чтобы успокоить гласнаго, просилъ архитекторовъ провѣрить расчетъ Б. Провѣрили. И что же? Оказалась ошибка. Башня бы провалилась.

Разсказываю это, какъ анекдотъ. Да не подумаетъ читатель, что мой обскурантизмъ доходитъ до отрицанія специалистовъ и техники. Я констатирую фактъ, къ тому же совѣмъ единственный, потому что экскурсіи того же гласнаго Гаджіева въ область наукъ, техническихъ и медицинскихъ, были обыкновенно болѣе, чѣмъ неудачны. Къ этимъ экскурсіямъ, такъ же какъ и къ другимъ, этого гласнаго — я еще не одинъ разъ вернусь. А пока мы строили новый домъ, управѣ приходилось помѣщаться въ ужасномъ зданіи, конечно, наемномъ. Домъ этотъ, на лучшей площади города, представлялъ изъ себя большой квадратъ, второй этажъ котораго снимался управой. Невѣроятная тѣснота, холодъ зимой, такъ какъ дуло насквозь, копотъ, неудобства всякаго рода — та-

ковы были прелести этого помѣщенія. Всѣ жили надеждой — перейти въ новый домъ.

Вначалѣ смѣта, какъ я уже, кажется, сказаль, разсматривалъ, несмотря на мое пребываніе въ Баку, подъ предѣдательствомъ М. А. Бѣлявскаго. Только на четвертый или пятый день, я не выдержалъ и сѣлъ за предѣдательское кресло, чтобы дѣло нѣсколько подвинуть. Такъ вотъ въ одинъ изъ вечеровъ, когда я былъ простымъ слушателемъ, мнѣ пришлось слышать дебаты по поводу воспитательнаго дома, который тогда назывался пріютомъ подкидышей. Ужасъ бралъ при этихъ дебатахъ. Оказывалось, что сорокъ дѣтей ослѣпло на одинъ или оба глаза отъ зараженія гонококками. Гласные обвиняли смотрительницу, завѣдывавшаго санитарнымъ бюро доктора Бѣгуна, который кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, завѣдывалъ и пріютомъ, обвиняли управу.

Двѣ вещи меня заинтересовали. Первая, конечно—это ужасъ этой эпидеміи, въ которую сорокъ человекъ ослѣпло въ какой-нибудь мѣсяцъ, а вторая—это то, что, по словамъ М. А. Бѣлявскаго, ни управа, ни докторъ ни смотрительница не виноваты. Ни слова и о виновности думы, не отпускаяшей достаточно средствъ. Вѣдь не Богъ же? И не ослѣпшіе дѣти? Очевидно виновата или дума, не дававшая довольно денегъ, или кто-нибудь изъ управы и ея агентовъ.

Почему, думалъ я про себя, не сказать:—Да, я виноватъ, или виноватъ такой-то. Но что это ослѣпленіе сорока младенцевъ требовало мщенія—это было для меня вѣсь смѣннѣя. Я здѣсь и послѣ неоднократно слыхалъ отъ своихъ коллегъ:

— Ну наша ошибка! Нужно ужъ стоять на своемъ.

— Почему?—спрашивалъ я—надо признаться въ ошибку.

— Какъ можно? Да вѣдь этакъ и подъ судъ могутъ отдать.

Этого разузженія я никогда не понималъ и за свою практику общественаго дѣятеля, думаю, что ни одной своей ошибки ни вольной, ни невольной, не скрылъ.

Несмотря на ослѣпшихъ дѣтей, все-таки дума, согласно заключенію финансовой комиссіи, уменьшила смѣту тысячи на двѣ съ 30 до 28.

На другой день я, само собою разумѣется, летѣлъ туда. Пріютъ былъ на Байловѣ, пригородъ города Баку, находящемся вѣсь городского самоуправленія. Управляетъ Байловымъ морское вѣдомство, такъ какъ тамъ морской портъ. Помѣщались дѣти пріютскія въ двухъ домахъ на довольно далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Дѣтей было до ста. Врачъ пріѣзжалъ раза два или три въ недѣлю. Смотрительница была одна. При этомъ жили на два дома. Да какой же тутъ былъ прісмотръ? Да какъ тутъ дѣтямъ было не слѣпнуть?

Большинство дѣтей изображали изъ себя скелеты. Видно было, что это—если не умирающіе, то кандидаты въ умирающіе. Кости и кожа, личико несчастнаго шестимѣсячнаго ребенка точно старческое, въ морщинахъ, ни кровинки въ лицѣ, про-

лежни и тихіе, тихіе стоны, точно большихъ, точно осмысленныхъ — вотъ картина, которую представляла изъ себя добрая половина дѣтей.

Кормилицы въ большинствѣ кормили по два ребенка: одного своего, другого приютскаго. Какъ же при этомъ дѣтямъ, въ особенности приютскимъ, не голодать? Смотрительница мнѣ заявила, что и кормилицамъ пища недостаточная, что прежде онѣ получали завтракъ, а теперь дума, при сокращеніи смѣты, завтракъ уничтожила, какъ излишнюю роскошь.

— А часто здѣсь бываютъ гласные?

— Никто никогда, ни управа, ни гласные.

Поторопился и я выйти изъ этого приюта, который приличнѣе назвать домою смерти, нежели приютомъ. Да... забылъ. Изъ сорока ослѣпшихъ, троехъ я видѣлъ, мученія остальныхъ смерть прекратила. Я, конечно, рѣшилъ настоять на улучшеніи дѣла, созвалъ малодѣтельную медицинскую комиссію, пригласилъ ее и управу въ полномъ составѣ туда съѣздить вмѣстѣ съ докторами. Изъ всѣхъ приглашенныхъ поѣхали туда два члена управы, одинъ гласный и два-три врача. Комиссія пришла къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя и были переданы на усмотрѣніе думы. Немедленно была вята завѣдывать дѣлами женщина-врачъ, Левенсонъ, проявившая на этомъ мѣстѣ удивительную трудоспособность и горячность къ дѣлу. Главное—смѣта—только что прошла черезъ думу съ урѣзками финансовой комиссіи и нельзя было возвращаться съ этимъ въ думу до осени. Рѣшили, кромѣ того, искать помѣщеніе болѣе подходящее. Все остальное, какъ переводъ дѣтей на убійственное для нихъ лѣтнее время за городъ, какъ кормленіе ихъ хоть на пробу молокомъ ослицъ не надоеннымъ, а прямо кормилицы-ослицы, какъ отдача дѣтей на сторону, какъ окончательный переводъ приюта въ деревню—все это частью встрѣтилось несочувственно думой, частью не перешло въ жизнь по причинѣ необычайной косности тѣхъ, кто долженъ былъ непосредственно этимъ завѣдывать и по тяжести машины самоуправленія русскихъ городовъ вообще, а Баку въ частности. Въ противовѣсъ презрительному отношенію нѣкоторыхъ лицъ къ этимъ дѣтямъ, я просилъ думу этотъ домъ смерти переименовать въ „воспитательный домъ“, потому что кличка „подкидышъ“ на вѣкъ, по отвратительному фарисейству нашего ханжескаго общества, является неразрушимымъ пятномъ на невинномъ человѣкѣ, отъ его якобы поворной колыбели до единственнаго мѣста дѣйствительнаго успокоенія. Эта перемѣна названія думой была принята.

На одномъ изъ первыхъ засѣданій, происходившихъ подъ моимъ предсѣдательствомъ, я предложилъ гласнымъ курить. Во многихъ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ, гдѣ мнѣ приходилось присутствовать—почти вездѣ курили, причемъ снимался орелъ съ зеркала. То же при мнѣ практиковалось въ разныхъ присутствіяхъ, иногда и подъ предсѣдательствомъ губерна-

торовъ. Очевидно, это былъ порядокъ или, скорѣе, безпорядокъ, освященный обычаемъ и объяснимый русской слабостью, иборѣдкій русскій человекъ не курить, почти не вынимая папиросы изо рта. Въ бакинской думѣ куреніе не было принято... Я въ этомъ усмотрѣлъ недостатокъ... И вотъ почему. Гласные сплошь да рядомъ выходили въ сосѣднюю комнату курить. Въ залѣ часто не было состава и приходилось справляться, здѣсь ли гласные (если гласный выходитъ въ другую комнату, побывавъ въ засѣданіи, онъ по закону продолжаетъ считаться присутствующимъ). При голосованіи случалась путаница: приходилось ихъ вызывать, упрашивать придти. Русский, а въ этомъ отношеніи бакинцы—прекрасные русскіе, любятъ иногда и покричать за папироской, не стѣсняясь тѣмъ, что мѣшаютъ работѣ. Все это затрудняетъ ходъ засѣданій... и поэтому я счелъ болѣе удобнымъ дать людямъ покурить. Я снялъ орелъ съ зеркала, нѣкоторые гласные закурили.

Помню, всталъ гласный Х. С. Антоновъ, изъ старыхъ, почтенныхъ гласныхъ и началъ протестовать противъ куренія. Хотя и старый Х. С. Антоновъ гласный, и уважаемый, но не уступлю, думаю, своихъ правъ. А давать курить или не давать, по моему, дѣло предсѣдателя, а не думы. Такъ я и заявилъ. Послышались протесты. Тогда я избралъ средній путь: частнымъ образомъ спросить гласныхъ. Я раздѣлилъ въ сосѣдней комнатѣ листъ бумаги пополамъ, съ тѣмъ, чтобы желающіе курить записывались на одной сторонѣ, а нежелающіе—на другой. На этомъ и согласились. Большинство оказалось за некуреніе, и я уступилъ. Говорю это, чтобы показать, что даже въ мелочахъ приходилось быть осторожнымъ.

По поводу этого же куренія помню голоса изъ сосѣдней комнаты: „Да и не для себя онъ это говоритъ, онъ не курить“, слышался голосъ гласнаго Амбарцума Меликова (прошу не смѣшивать съ Гасанъ-бекомъ Меликовымъ). Амбарцумъ Сергѣевичъ съ самаго начала и до конца былъ моимъ сторонникомъ. Остальныхъ голосовъ я не слышалъ хорошо. Слышалось бормотанье. — Да онъ не курить,—повторилъ Меликовъ. Очевидно, дѣло шло обо мнѣ, и гласные хотѣли себѣ объяснить, почему я такъ за куреніе. Я, дѣйствительно, мѣсяцевъ шесть передъ тѣмъ куренье бросилъ. Не знаю, убѣдилъ ли Меликовъ остальныхъ въ моемъ безпристрастіи.

VII.

Взявшись предсѣдательствовать въ думѣ чуть ли не къ концу разсмотрѣнія смѣты, я, очевидно, отвѣчать за нее не могъ. Мнѣ не могутъ быть приписаны ни хорошія, ни дурныя ея стороны. Тѣмъ не менѣе, я радъ былъ, что при мнѣ рѣшено было открыть прогимназію. Въ Баку до меня была лишь одна классическая гимназія, правда, съ тройнымъ комплектомъ учениковъ, число которыхъ доходило до тысячи двухсотъ. Но, несмотря на

этот удивительный составъ, дѣлавшій бакинскую гимназію самою многочисленною въ Россіи, многіе оставались ежегодно за флагомъ. Управа хотѣла даже, чтобы заразъ открыли двѣ прогимназіи, но дума постановила открыть одну, ассигновавъ на это достаточную сумму денегъ. Повторяю—это заслуга не моя, но радость моя, тѣмъ не менѣе, была не маленькая, когда дѣло прошло благополучно.

Смѣта окончилась въ думѣ около 15 іюня и окончилась съ явной финансовой натяжкой. Дефицитъ былъ ясенъ. Членъ управы Бѣлявскій долго доказывалъ и въ управѣ, и въ думѣ, что дефицита не будетъ. Земельныя дѣла были для меня все время, пока я былъ головой, очень темны, тѣмъ болѣе онѣ были темны, когда я вступилъ только что въ должность.

Помню, что М. А. Бѣлявскій говорилъ о 250 десятинахъ городской земли, застроенной, но съ домовладѣльцами которыхъ городъ еще не вошелъ ни въ какія договорныя сдѣлки; помню цифру миллионъ рублей за аренду этой земли за послѣдніе годы; помню его слова: „Ну, пусть будетъ не миллионъ, а вдвое, вчетверо меньше, и то 250 тысячъ обезпечены“. Помню и недобрѣе ко всѣмъ этимъ цифрамъ моихъ другихъ коллегъ. Я больше хлопалъ ушами и старался вникнуть въ дѣло. Чтобы получить эти миллионы или „по крайней мѣрѣ“, сотни тысячъ, Михаилъ Агавовичъ предлагалъ разныя мѣры, общалъ разные сроки. Управа со всѣмъ соглашалась, отдѣльные члены кое-что про себя бормотали и больше ничего. Какъ М. А. дѣло понимать, такъ оно и было представлено думѣ.

Въ думѣ было сказано нѣсколько общихъ фразъ о необходимости оформить отношенія къ домовладѣльцамъ-захватчикамъ, говорилось о томъ, что городъ рискуетъ громаднымъ земельнымъ капиталомъ, слышалось, что городъ можетъ потерять кто говорилъ 10, 15, а кто, какъ не ошибаюсь, 30 миллионъ, если пропустить срокъ. Г. Бѣлявскій на это возражалъ; объяснялъ, почему происходитъ задержка; и твердо установилъ сроки: къ 1 сентября должно быть все измѣрено; къ 1 ноября имѣютъ быть разосланы повѣстки; къ 1 декабря поданы иски и т. д. Въ теченіе года все должно было быть готово, т. е. на каждый участокъ (а ихъ насчитывалось 2—3 тысячи) долженъ былъ появиться или добровольный арендный договоръ, или начато дѣло въ судѣ.

Эти обѣщанія земельного отдѣленія были настолько категоричны, что я къ нимъ всецѣло присоединился. Чѣмъ мы рисковали? Въ крайнемъ случаѣ нѣсколькими мѣсяцами, а то годомъ,—пустякъ въ сравненіи съ потерянными уже годами.

Такъ на это, вѣроятно, посмотрѣла и дума, внесши въ смѣту доходовъ обѣщанныя поступления и вмѣстѣ съ тѣмъ одобрившая всѣ мѣропріятія управы при условіи, чтобы были соблюдены всѣ сроки для частичнаго исполненія громадной предстоявшей работы.

Не могу не упомянуть о гласномъ Гаджя-Зейналь-Абдинъ Та-

тѣвѣ, являвшемся въ думу не часто, но тогда, когда онъ былъ нуженъ. Чѣмъ больше я съ нимъ знакомился, тѣмъ болѣе привлекала меня эта умная фигура вышедшаго изъ народа богача-магометанина. Плохо говорящій по-русски, онъ мнѣ казался по своему уму и—не удивляйтесь, читатель—по возвышенности своихъ чувствъ на голову выше и образованныхъ своихъ коллегъ. Въ главныхъ вопросахъ города—водѣ и землѣ—онъ всегда шелъ прямо и правильно. Онъ до меня предлагалъ своими деньгами помочь въ дѣлѣ Линдлеевскихъ изысканій—дума отвергла его деньги. И теперь онъ громко, на плохомъ русскомъ языкѣ, говорилъ объ обязанностяхъ города сохранить свои земли, о томъ, что дума должна о городѣ заботиться, а не добиваться пользы частныхъ лицъ. И странное дѣло,—я ожидалъ большого вліянія Тагіева на мусульманскую часть думы, гласные, въ нравственномъ отношеніи во сто разъ стоявшіе ниже его, не только возражали ему, но возражали грубо. Послѣ мнѣ придется упомянуть о случаѣ, гдѣ я по совѣсти долженъ былъ идти противъ Тагіева. Я думалъ: начнетъ онъ мнѣ мстить или нѣтъ? Оказалось, что въ своихъ отношеніяхъ ко мнѣ онъ ни на югу не измѣнился. Я тѣмъ болѣе считаю себя обязаннымъ отмѣтить эту крупную фигуру, что онъ долгіе годы служилъ мишенью для бессмысленныхъ нападокъ „Новаго Времени“. У Тагіева явилась мысль, хорошая ли, дурная ли, построить въ Баку большую бумажную фабрику. У него былъ арендный договоръ съ поселянами, жившими неподалеку отъ города, на большой участокъ земли. Тутъ онъ рѣшилъ поставить фабрику. Приговоры поселянъ были опротестованы, когда Тагіевъ уже строился. Началось длинное дѣло, раздѣлившее общество на два лагеря—за и противъ Тагіева. Съ этихъ поръ „Новое Время“, а за нимъ и другіе органы начали противъ него недостоиную травлю, доходя въ своихъ упрекахъ чуть не до обвиненія въ сокрытіи убійцъ. Спѣшу возстановить, на сколько это въ моей власти, доброе имя этого крупнаго жертвователя и общественнаго дѣятеля.

И теперь онъ громко говорилъ:—„Городъ долженъ сохранить всю свою землю. Это наша обязанность“.

Тагіевъ, очевидно, чувствовалъ, что городъ рискуетъ потерять ее, понималъ, что дѣло идетъ плохо.

Дума приняла докладъ управы, т. е. Бѣлявскаго безъ измѣненій, открывъ управѣ неограниченный кредитъ на усиленіе землемѣрныхъ и канцелярскихъ силъ. Общанія управы о срокахъ тоже приняты и запротоколированы. Внесены въ смѣту и всѣ предложенныя нами цифры земельныхъ доходовъ, которыяг. Бѣлявскимъ считались сильно уменьшенными, а другими непомерно вздутыми.

Смѣтой кончалась думская сессія. Начались лѣтнія вакаціи. А лѣтнія вакаціи съ 15 іюня по 15 августа—въ Баку это время полной бездѣятельности, полной протраціи. Все умолкаетъ: и правительственная, и общественная, и торговая дѣятельность.

Всякій, кто имѣетъ мало-мальскія возможности, бѣжить изъ Баку, кто за границу, кто въ Россію или Финляндію, кто въ Кисловодскъ или Боржомъ; не могущіе совсѣмъ оторваться отъ Баку—въ селенія близъ Баку съ чахоточной растительностью въ садахъ, песками и тѣми же почти тропическими жарами; бѣдняки — въ горы Кавказскія, гдѣ ни газетъ не увидишь, ни людей не найдешь, съ которыми бы можно было душу отвести. Словомъ Баку пустѣетъ, газеты только что выходятъ, не претендуя на интересное содержаніе, переписка вездѣ уменьшается до предѣловъ крайней необходимости. Нигдѣ вакаціонное время такъ не нужно, какъ въ Баку. Пріѣхавши въ Баку, я всѣмъ сказалъ, что десять мѣсяцевъ въ году я принадлежу городу и днемъ и ночью, но два мѣсяца лѣтнихъ мнѣ нужны для здоровья. Я уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, будучи на государственной службѣ, отпусками не пользовался и имѣлъ полное право на продолжительный отпускъ.

Какъ только сессія кончилась, я объявилъ, что ѣду за границу и взялъ у губернатора двухмѣсячный отпускъ и паспортъ. Наканунѣ отъѣзда моего въ управу пріѣзжаетъ Амбарцумъ Меликовъ.

— Александръ Ивановичъ, мнѣ съ вами поговорить надо.

— Здѣсь нельзя. Видите — мы какъ сельди въ боченкѣ. Ни угла нѣтъ, гдѣ бы удалиться отъ людей. Хотите, лучше я въ вамъ заѣду.

— Хорошо, заѣзжайте.

Къ вечеру я сидѣлъ у Меликова.

— Послушайте, Александръ Ивановичъ. Говорятъ, вы уже въ отпускъ ѣдете?

— Да, а что?

— Да такъ, ничего... съ сохраненіемъ содержанія?

— Ну да, конечно, я ѣду лѣчиться... Да въ чемъ дѣло?

— Гм... ничего, я такъ. По правдѣ сказать, объ этомъ поговариваютъ.

— О томъ, что ѣду лѣчиться?

— Да, о томъ, что вы только что пріѣхали, а уже уѣзжаете, и притомъ съ сохраненіемъ содержанія.

Я смутился и возмутился. Какъ? Съ первыхъ шаговъ недобѣріе, мелкіе счеты со мною, когда полуторамилліонный бюджетъ города расходуется непроизводительно по общему отзыву?

— Ну, а по вашему какъ, Амбарцумъ Сергѣевичъ, неужели уступить и не ѣхать или демонстративно отказаться на это время отъ содержанія?

Меликовъ промолчалъ.

Сомнѣніе мое продолжалось недолго. Я сообразилъ, что если всѣхъ слушать, то осла понесешь, вмѣсто того, чтобы самому на немъ ѣхать, какъ говорится въ древней сказкѣ. Мало ли кто что мнѣ говоритъ. Я вѣрилъ въ свою звѣзду, вѣрилъ въ большинство. Я такъ и объявилъ Меликову.

— Какъ знаете; я хотѣлъ только васъ предупредить.
На другой день я ѣхалъ за границу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прежде чѣмъ ѣхать на воды, мнѣ предстояло посоветоваться съ берлинскими знаменитостями. Въ Берлинъ выѣхалъ для встрѣчи со мною и Линдлей. День я провелъ съ нимъ. Онъ меня ввелъ въ курсъ дѣла бакинскаго водоснабженія, и я прозрѣлъ. Я сравнилъ доводы его съ нападками, обвиненіями и опроверженіями его противниковъ, и мнѣ обидно стало за дѣло воды, всецѣло зависѣвшее отъ этихъ противниковъ. Разрушить обвиненіе, поставить изысканія на правильный путь, возстановитъ довѣріе къ этому человѣку—вотъ что я поставилъ себѣ ближайшей и главной задачей.

Онъ мнѣ объяснилъ, что занять безплодной работой—рѣчными проектами Куры и Самура, и что онъ отъ этой работы давно отказался бы, не будь у него надежды убѣдить бакинцевъ въ очевидности пользы родниковой воды. Я понялъ его доводы, и они стали для меня ясными, какъ дважды-два четыре. Я увидѣлъ, чего стоятъ упреки въ корыстолюбіи этого безкорыстнѣйшаго человѣка, поставившаго цѣлью своей жизни поить жаждущихъ; мнѣ стало стыдно передъ нимъ за его противниковъ. Остальное вытекало само собою изъ сказаннаго: надо было переубѣдить думу, силой доводовъ и убѣжденій заставить ее стать на правильный путь, дать городу хорошую и дешевую воду, вмѣсто дорогой и дурной.

День, проведенный съ Линдлеемъ, кромѣ практической пользы, принесъ и эстетическое удовольствіе. Рѣдко приходится у насъ имѣть удовольствіе видѣть человѣка, одинаково сильнаго и физически, и умственно, и духовно. Въ Англіи это видишь сплошь да рядомъ, а у насъ сильный духъ почему-то всегда прячется въ нервно-чахоточную оболочку, и наоборотъ, крѣпкіе мускулы заранѣе предвѣщаютъ отсутствіе внутренняго содержанія. Этотъ результатъ величайшій укоръ всей нашей педагогикѣ.

Съ Линдлеемъ мы сговорились, что онъ пріѣдетъ въ Баку къ концу моего отпуска, т. е. въ августѣ.

Но двухъ мѣсяцевъ я не проѣздилъ. Мнѣ писали за-границу, что я нуженъ въ Баку. Сокративъ по возможности курсъ леченія, я былъ дома въ началѣ августа, заставъ еще тропическую бакинскую жару. Я понялъ, почему всякій, кто только можетъ, бѣжитъ изъ города, и почему жизнь какъ бы замираетъ. Тутъ не до работы.

Со дня пріѣзда я все свое время, всѣ свои силы отдалъ городу. Кромѣ земельныхъ дѣлъ, я вникъ въ положеніе всѣхъ отраслей хозяйства и, положила руку на сердце, я могу теперь ска-

зять, что ошибокъ я надѣлалъ, можетъ быть, и много, но больше работать я по своимъ силамъ не могъ. Долженъ признаться, что до самой весны 1903 г. я получалъ полное удовлетвореніе. Большая доза моей маниловщины слетѣла. Я увидалъ, что единопшше думы и управы немыслимы, увидалъ въ каждомъ дѣлѣ противодѣйствіе то корыстное, то вызванное заднею мыслию, иногда тщательно скрываемою, то просто объясняемое непониманіемъ. Поэтому мнѣ все казалось, что вездѣ являются тормазы, что можно бы сдѣлать больше за то-же время, не будь этого противодѣйствія.

Противодѣйствіе было тѣмъ болѣе вредно и—скажу—безсмысленно, что часто производилось людьми, мало культурными считавшими себя хозяевами города, а не людьми отвѣтственными передъ избирателями.

Охъ, ужъ эти хозяева! Какъ часто вспоминались слова моего управляющаго: „охота вамъ идти въ приказчики къ бакинскимъ купцамъ!“ Это слово „хозяинъ“, еще какъ-то особенно произносимое бакинцами, стало мнѣ въ особенности противно, потому что сплошь да рядомъ произносилось людьми, понятія не имѣвшими о своихъ обязанностяхъ, и противопоставлялось, главнымъ образомъ, мнѣ—наемнику. Знаешь, что этотъ „хозяинъ“ для того только и пошелъ въ гласные, чтобы устроить для себя или пріятеля выгодное земельное дѣло или выгодную поставку. Знаешь, что онъ самъ себя не вѣритъ,—но отвѣтить ему нельзя; надо дѣлать видъ, что вѣришь въ его безпристрастіе, неподкупность, безкорыстіе.

Обсуждаютъ какую-нибудь смѣту на постройку. Знаешь, что и такъ урѣзано все, что можно. Такъ и говоришь, что смѣта уже и такъ недостаточна. Вопреки всякой очевидности какой-нибудь гласный найдетъ что нибудь уменьшить рублей на 200—300. Дума съ нимъ соглашается: надо же поддержать своего гласнаго. А потомъ побѣдившій гласный, надъ тобой же посмѣется.

— Вотъ видите, господинъ голова. А вы говорили, что смѣту не сократишь. Вотъ мы и сократили. Вѣдь хозяину каждая копейка городская дорога, не то что наемному технику.

Вспоминать неприятно. Про техника говорить гласный для благозвучія; но вся смѣющаяся фигура его говоритъ, что не технику противопоставляетъ онъ себя, хозяина, а мнѣ. Знаешь, что все это ложь, что копейка городская ему теперь дорога лишь потому, что этой показною бережливостію онъ старается заслужить права хозяина. А права хозяина нужны вовсе не для того, чтобы радѣть о городской казнѣ... О нѣтъ, наоборотъ! Тѣ-же гласные, которые, дѣйствительно, идутъ въ гласные ради дѣла, не говорятъ о своихъ правахъ хозяйскихъ.

Не могу не привести случая, изъ котораго видно отношеніе къ головѣ—наемнику наиболѣе культурныхъ гласныхъ. По одному дѣлу управѣ надо было въ исполненіе думскаго постановленія посоветоваться съ однимъ изъ гласныхъ. Этотъ гласный по

образованію, уму, таланту, силѣ—былъ краса собранія. Въ одинъ изъ ближайшихъ вечероѣ собиралась управа, и вотъ я письмомъ (не повѣсткой) приглашаю гласнаго пожаловать въ управу по этому дѣлу для переговоровъ. Онъ отвѣчаетъ, что ему некогда, и что у него другое какое-то вечернее засѣданіе. Ну что же дѣлать? Я собираюсь другой разъ его пригласить. Вскорѣ встрѣчаюсь съ нимъ въ присутствіи членовъ управы и нѣкоторыхъ постороннихъ гласныхъ, и заводится разговоръ. Говоримъ о моихъ отношеніяхъ къ думѣ тогда уже испортившихся.

— Вотъ вы, Александръ Ивановичъ,—говоритъ гласный,—какъ себя враговъ дѣлаете. Ну вотъ я, напримѣръ, принадлежу къ вашимъ сторонникамъ. И меня вы сумѣли задѣть.

— Васъ?... какъ?... когда? .

— Да вотъ, помните, вы хотѣли со мной посоветоваться по порученію думы?

— Помню... ну что-жь?

— Вы вдругъ меня зовете въ управу. Вѣдь я не менѣе васъ занятой человекъ. Да, наконецъ, кто кому нуженъ былъ? я вамъ или вы мнѣ? Вѣдь я вамъ, неправда-ли? Такъ управа могла ко мнѣ пріѣхать, а не меня вызывать...

— Какъ?... вся управа?...

— Ну хоть не вся управа. Вы одни могли пріѣхать. Или, наконецъ, прислать члена управы. Вѣдь такъ нельзя...

Что было тутъ отвѣтить? что дѣло нужно городу, а не мнѣ, не управѣ, не гласному; что въ управѣ бываютъ всякія засѣданія, совѣщанія; что ничего обиднаго въ моемъ приглашеніи не было... Не помню, что я отвѣтилъ и вообще отвѣтилъ ли что. Ясно было, что со мной говорить „хозяйинъ“.

А эти старанія нѣкоторыхъ гласныхъ (особенно часто это повторялось Гасанъ-бекомъ Меликовымъ) отмѣтить, что мы, молъ, (читай „хозяева“) служимъ безвозмездно,—развѣ не рассчитаны на то, что ихъ „приказчики“ одного только ищутъ, изъ-за одного стараются—жалованія? Ясно, что я не могъ съ ними сжитья, ибо хотя и получалъ жалованіе, но не ради его пошелъ въ головы. Ясно также, что противопоставленіе бесплатныхъ „хозяевъ“ наемному „приказчику“ не могло содѣйствовать близости моей къ думѣ. Конечно, приходилось утѣшаться мыслью, что, вѣдь, служишь обществу, что надо готовиться слушать не только горькую правду, но и еще болѣе горькую неправду. Но какъ ни какъ слушать молча и переносить эти намеки было нелегко.

Одно обстоятельство дѣлало мое положеніе еще болѣе тяжелымъ. Если бы я былъ бакинецъ, имѣлъ бы знакомыхъ между гласными, связанныхъ со мной чѣмъ либо помимо думы—у меня была бы своя партія. Такія партіи я видалъ въ другихъ думахъ и земствахъ. Нападаетъ кто-либо на голову. Непремѣнно въ такихъ случаяхъ явятся защитники, которые укажутъ неосновательность, а если приходится и неприличіе нападокъ. Въ Баку этого не было ни одного разъ. Какъ бы ни были бессмысленны,

а иногда и грубы нападки, защищаться предоставляли мнѣ самому. А какъ быть въ этихъ случаяхъ, когда я же и председательствую? совоѣмъ превратиться въ статую, недоступную даже грубостямъ, всякіе такіе случаи пропускать мимо ушей—я, прямо говоря, былъ не въ силахъ. А это отражалось и на моемъ председательствѣ.

Начинаетъ, положимъ, гласный говорить вещи, не относящіяся вовсе къ темѣ, но при этомъ ругаетъ меня. Что мнѣ дѣлать? Остановить его? Неловко; и вѣдь онъ же меня ругаетъ; выходитъ, что я не даю людямъ высказаться противъ меня. Остается самому опровергать говорящаго и тѣмъ еще болѣе удаляться отъ предмета.

При невозможномъ совѣстительствѣ председательства въ думѣ и въ управѣ—дѣло самой думы не давать въ этихъ случаяхъ отвлекаться отъ темы. Но въ Баку дума ни разу не исполнила этой своей обязанности. Больше того: ни одинъ гласный не понялъ ни разу, что, когда ругаютъ голову, тѣмъ самымъ оскорбляютъ и думу. Повидимому, наоборотъ. Всѣ чувствовали себя хозяевами и въ душѣ понимали, что пробираютъ приказчика.

Не могу не привести одного факта оскорбленія. Дѣло шло о приглашеніи главнаго инженера. По первому моему докладу, дума пожелала узнать мнѣніе финансовой и строительной комиссій. Финансовой комиссіи я дѣло объяснял и заручился ея согласіемъ. Затѣмъ начали объясняться съ строительной комиссіей. Членомъ ея состоялъ Гаджіевъ, несомнѣнно умнѣйшій изъ гласныхъ—татаръ, человекъ весьма интересный во многихъ отношеніяхъ. Мы съ нимъ уже встрѣчались, когда я рассказывалъ, какъ онъ посрамилъ архитекторовъ, и еще не разъ встрѣтимся. Строительная комиссія тоже единогласно приняла мое предложеніе, и Гаджіевъ, бывшій прежде противъ главнаго инженера, тоже согласился съ моими доводами.

— Ну, вотъ теперь я понимаю, Александръ Ивановичъ, пользу этой должности. А то первый разъ въ думѣ было ясно.

Протоколъ засѣданія комиссіи тутъ же былъ составленъ и подписанъ всѣми членами, въ томъ числѣ и Гаджіевымъ.

Вскорѣ затѣмъ засѣданіе думы. Каково мое удивленіе, когда г. Гаджіевъ яро нападаетъ на мой проектъ.

— Вѣдь вы же въ комиссіи съ моими доводами согласились, г. Гаджіевъ?—спрашиваю я.

— Нѣтъ, я никогда не былъ согласенъ.

— Вѣдь вы подписались? хотите видѣть?

— Мало ли что я подписалъ? Я малограмотный. Я думалъ, что подписываю протоколъ оцѣночной комиссіи, которой я состою членомъ. Вы меня ввели въ заблужденіе.

Итакъ, меня обвнвали въ подлогѣ. Я признаться оцѣнилъ и ничего не нашелся отвѣтить. Что же вы думаете? что дума воз-

мутилась, остановила г. Гаджіева? Ничуть не бывало. Только другой членъ строительной комиссіи, Шарабандовъ — спасибо ему — заявилъ, что это не такъ, что голова подробно изъяснялъ, въ чемъ дѣло, и что Гаджіевъ подписывалъ сознательно. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Такого рода явленія можно переносить невѣдка. Стиснешь зубы и все тутъ. Но что дѣлать, когда это дѣлается постоянно? По-неволѣ нервы разойдутся и спасуешь и передъ отдѣльными лицами.

Не помню, за что именно мнѣ тогда мстилъ гласный Гаджіевъ, за то ли, что я не принялъ на службу одну малограмотную дѣвицу, которую онъ рекомендовалъ, или за то, что я протестовалъ противъ незаконной сдачи ему подряда на поставку камня. Было и то, и другое.

Это было въ то время, когда я былъ въ силѣ, когда дума меня поддерживала. Что же стало потомъ?

Не такъ ко мнѣ относились гласные въ тѣхъ случаяхъ, когда я пытался оградить себя отъ чересчуръ безцеремонныхъ нападокъ.

Разъ тотъ же гласный Гаджіевъ на меня жестоко нападалъ и, какъ всегда, отвлекся отъ предмета обсужденія. Я его остановилъ разъ, два. Все не помогало. Нападки становились все сильнѣе, все грубѣе. Выведенный изъ терпѣнія, я громко сказалъ:

— Прошу васъ замолчать.

Какой шумъ поднялся, и какъ вскочилъ г. Топчибашевъ, тогда же превратившійся въ лидера оппозиціи.

— Это оскорбленіе гласнаго, всей думы! Это неприлично! И, когда я ему не далъ говорить, онъ удовлетворенно сѣлъ и замѣтилъ:

— Мнѣ и не надо больше. Я сказалъ. Такъ понимаютъ бакинскіе гласные свое хозяйское достоинство.

II.

Когда я пріѣхалъ въ Баку, тамъ издавалась всего одна газета „Каспій“. Но, вернувшись изъ отпуска, я уже нашелъ вторую „Бакинскія Извѣстія“. Въ началѣ это былъ органъ либерально-приспособляющійся и въ средствахъ неразборчивый.

Онъ былъ уличенъ въ нѣсколькихъ плагиатахъ, изъ коихъ одинъ любопытный. Оказалось, что редакторъ не погнушался въ первомъ же номерѣ передовую статью съ своей profession de foi позаимствовать изъ перваго номера весьма чистой и весьма сдержанной тифлисской газеты „Новое Обозрѣніе“. Въ этомъ плагиатѣ редакторъ очиститься не могъ и долженъ былъ уйти. Любопытенъ этотъ плагиатъ главнымъ образомъ тѣмъ, что „Новому Обозрѣнію“, кажется, 15 лѣтъ. Оказывается, что на Кавказѣ можно взять и перепечатать безъ измѣненій 15-ти-лѣтнюю статью, и все будетъ у мѣста: тѣ же принципы, тѣ же общанія, тѣ же

пожеланія. Не правда-ли? это знаменательно и не утѣшительно для тѣхъ, кто пожелалъ бы до смерти видѣть хоть нѣкоторый прогрессъ въ жизни нашей окраины. Между тѣмъ фактъ на лицо. Статья сошла и даже многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, понравилась... Увы! потому что плагиатъ былъ раскрытъ лицомъ, которому было поручено разыскать въ Тифлисѣ эту литературную окаменѣлость. За свой трудъ это лицо хотѣло получить, кажется, 5 рублей; ему дали лишь 3. На этой почвѣ и произошло разоблаченіе.

Редактору пришлось уйти. Все изданіе было куплено компаніей молодыхъ людей, которые задались цѣлью вести чистую газету.

Я позволю себѣ остановиться на моихъ личныхъ отношеніяхъ къ мѣстной прессѣ. Она два года удостоивала меня своимъ особымъ вниманіемъ, какъ голову. Надо же и мнѣ ей отплатить за это. „Каспій“ былъ въ моихъ глазахъ газетой, какихъ много въ провинціи. Читалъ я въ ней только телеграммы, да, признаться, и тѣ слегка. Постройка мельницы въ Камышловѣ, раздача историческихъ листовъ Богдановича или другого лубочнаго изданія въ Тихвинѣ, открытіе кортесовъ въ Мадридѣ—вотъ обыкновенно что даетъ провинціи наше телеграфное агентство. Я говорю, конечно, про обыденное, мирное время. Такъ пробѣгаешь телеграммы больше для очищенія совѣсти. Можетъ, папа умеръ, или перемѣна министра случилась, или усиленіе произошло въ какомъ-нибудь парламентѣ одной партіи на счетъ другой. Надо же это все знать. Вотъ на всякій случай и читаешь газету.

Сдѣлавшись головой, я объявилъ, что связи съ печатью не порву ни въ какомъ случаѣ. Не помню, имѣлъ ли я въ виду столичную прессу или мѣстный „Каспій.“ Поддерживавшій меня г. Топчибашевъ отмѣтилъ это обѣщаніе.

— Значить, будете писать, Александръ Ивановичъ?

— Буду!—отвѣчалъ я.

И вотъ этимъ „буду“ я какъ будто оказался связаннымъ съ „Каспиемъ.“ Къ тому же мѣстная пресса начала имѣть для меня еще особое значеніе. Грязь на Телефонной улицѣ, антисанитарное состояніе какого нибудь дома, плохая мостовая все это не интересно для обывателя, но очень важно для головы. Насколько могъ, я всегда обращалъ свое вниманіе, а также и вниманіе соотвѣствующихъ городскихъ агентовъ на каждое такое заявленіе печати. Затѣмъ были статьи, посвященныя мнѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Приходилось газеты перечитывать отъ доски до доски. Читалъ я и „Каспій“, и „Бакинскія извѣстія“, и еще третью газету „Баку“, которая при мнѣ началась, при мнѣ же, просуществовавъ больше года, и кончилась, перешедши въ собственность „Бакинскихъ Извѣстій“.

Тогда мнѣ пришлось съ ними близко познакомиться. „Каспій“, помимо личныхъ его отношеній ко мнѣ, весьма быстро испортившихся и ставшихъ злобно и недобросовѣстно враждебными, оказался органомъ, для меня неподходящимъ.

Въ статьяхъ общаго характера иногда попадались такія, которымъ мѣсто въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Но что было особенно отвратительно — это ихъ магометанскій націонализмъ. Въ этой области отличался сотрудникъ „Каспія“ — онъ же тоже и гласный думы и мой самый злобный противникъ Ахмедъ-бекъ Агаевъ. Многие могли по нѣкоторымъ статьямъ думать, что редакція стремилась къ обновленію магометанства въ духѣ свободы и просвѣщенія. Кромѣ симпатіи это ничего бы не могло вызвать. Къ сожалѣнію, эта просвѣтительная тенденція была соединена съ такою нетерпимостью по отношенію къ другимъ, что ближе съ нею познакомившись, терялъ къ газетѣ, не только симпатію, но и уваженіе. Это былъ тотъ же націонализмъ бюрократическаго, который такъ противенъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Просвѣтительныя тенденціи оказывались маской.

Нѣкоторыя статьи „Каспія“ были прямо возмутительны. Восхваленіе султана перемѣшивалось съ порицаніемъ напримѣръ, македонскаго движенія. Иногда бывали статьи, объяснимыя лишь полнымъ пренебреженіемъ къ мнѣнію культурнаго читателя и расчетомъ на одобреніе невѣжественныхъ татаръ. Такъ помню статью, посвященную школьному дѣлу. Это было во времена Ванновскаго. Въ статьѣ говорилось, что не мѣшало бы намъ поучиться у Турціи, притомъ описывались реальныя училища Турціи, какъ примѣръ достойный подражанія. Другая статья, поздравляющая, восхваляла терпимость турокъ къ армянамъ. Чтобы рука поднялась написать такія статьи, надо, конечно, *jetter sa langue aux chiens*, какъ говорятъ французы.

Ясно, что въ такой газетѣ я особенно охотно помѣщать статьи не могъ. Тѣмъ не менѣе двѣ-три статьи о мѣстныхъ дѣлахъ я помѣстилъ. Но когда стало не втерпеть я не только пересталъ писать въ „Каспія“ статьи, но даже и опроверженія. Опровергать можно и полезно, когда люди ошибаются, но когда нападки имѣютъ личный характеръ, когда нападающему дѣла нѣтъ до правды — стоитъ ли терять время и чернила?

Не могу не разсказать про одинъ случай въ моей бакинскій жизни. Въ Тамбовской губерніи я содержалъ школу. Въ этой школѣ, между прочими, содержался нѣсколько лѣтъ мальчикъ, котораго я считалъ очень способнымъ. Онъ кончилъ школу, вышелъ въ учителя, и я его потерялъ изъ виду. Въ Баку получаю отъ него письмо. Онъ пишетъ, что въ учителяхъ остаться ему не пришлось, и что онъ умоляетъ ему помочь. Присылаетъ къ акую то беллетристическую рукопись. Выписалъ я его въ Баку. Отношенія мои съ Толчибашевымъ были еще хороши. И вотъ я мальчика, сдѣлавшагося молодымъ человѣкомъ, пристраиваю въ „Каспія“. Онъ началъ писать настолько удачно, что ему дали маленькіе, злободневные фельетоны. И вотъ человѣкъ, принципы котораго не позволили быть учителемъ, писалъ между прочимъ о безобразіи македонскаго и вообще всего славянскаго движенія,

восхвалялъ турецкое владычество и, главное, предостерегалъ Россію отъ пролитія крови за какихъ-то братушекъ.

Любопытно его отношеніе ко мнѣ. По мѣрѣ того какъ „Каспій“ началъ меня все болѣе и болѣе преслѣдовать, усиливалъ свои нападки на меня и этотъ человѣкъ. Стоило мнѣ что-либо сдѣлать, сказать, пожелать—сейчасъ являлся фельетонъ противъ моего проекта. Не было грязи достойной меня. До чего можетъ дойти желаніе уколоть, видно изъ слѣдующаго факта.

Нападали на нашу больницу и въ думѣ, и въ прессѣ. Много въ ней было недостатковъ, но главнымъ образомъ зависѣли они отъ урѣзыванія думой кредитовъ. Моимъ врагамъ надо было перенести центръ борьбы съ кредитовъ на дѣятельность больницы дирекціи и управы.

Разъ читаю фельетонъ моего бывшаго ученика и глазамъ не вѣрю. Подробно описывается, какъ больнымъ воды не даютъ. И вотъ какъ одинъ больной идетъ вонъ изъ больницы искать воды и по дорогѣ въ саду съ кружкой въ рукахъ умираетъ отъ жажды. Сообщалось это, какъ фактъ, и было разукрашено описаніемъ предсмертныхъ мукъ, оставившихъ отпечатокъ на лицѣ покойника.

Въ мѣстѣ полудикомъ, какъ Баку, населеніе надо приучать къ больницѣ, а тутъ радѣтели народа все дѣлаютъ, чтобы народъ въ больницу не шелъ. Фельетонъ этотъ я прочелъ въ управѣ и предложилъ ей начать противъ „Каспія“ дѣло о клеветѣ. Дѣло это было больницей начато, но до сихъ поръ, полтора года спустя, все еще не рассмотрѣно. Послѣ этого, что бы „Каспій“ про меня лично или про городское хозяйство ни писалъ, я вниманія не обращалъ никакого. Читать же я его, читалъ отъ доски до доски все время, сначала съ удивленіемъ, послѣ съ нѣкоторымъ чувствомъ гадливости, а подъ конецъ съ простымъ любопытствомъ. Никогда не думалъ, что до такой беззастѣнчивости можетъ дойти ненависть.

Естественно, что чѣмъ больше на меня нападалъ „Каспій“, тѣмъ горячѣе меня защищали двѣ другія газеты. Вѣроятно веди себя приличнѣе „Каспій“, не понадобилось бы такое противодѣйствіе „Бакинскихъ Извѣстій“ и „Баку“. Какъ ни какъ, шумъ, который вокругъ меня стоялъ все время, пока я былъ головой, далеко не пропорціоналенъ моей дѣятельности, и если шумъ считать рекламой, то начало рекламѣ положить „Каспій“.

Перечислить всѣ нехѣпо - недобросовѣстныя обвиненія „Каспія“ противъ меня—немыслимо и ненужно. Если не прямыя обвиненія, то намеки были на всякія гадости: мирволеніе своимъ, низкопоклонство передъ вліятельными гласными, сокрытие преступленій, участіе въ „панамѣ“, бросаніе городскихъ денегъ, сначала русскій націонализмъ противъ всякихъ кавказцевъ, потомъ специальное гоненіе противъ татаръ—все ставилось мнѣ въ вину иногда въ двухъ-трехъ статьяхъ въ одномъ номерѣ. Это былъ океанъ грязи.

Въ „Каспій“ мнѣ пришлось познакомиться съ особыми приемами известной прессы, чтобы ошельмовать человѣка.

Появляется напримѣръ статья: „Г. Новиковъ и телефонныя барышни“¹⁾. Всякій, очевидно, подумаетъ: Эге, и по женской части Новиковъ не безгрѣшенъ, повидимому. Оказывается, что ничуть не бывало. Заголовокъ этотъ скрываетъ собственно двѣ статьи. Въ первой ругаютъ Новикова за плохое веденіе городскихъ дѣлъ, а во второй телефонныхъ барышень, за то что и онѣ въ чемъ-то провинились передъ „Каспиемъ“. Но эффектъ произведенъ, и связь между Новиковымъ и женскимъ поломъ уже установлена въ умѣ неосвѣдомленнаго читателя. Вънцомъ всѣхъ гадостей, на меня возведенныхъ, было обвиненіе въ „панамѣ“, въ дѣлѣ Зугульбинскаго водопровода. Но объ этомъ впереди... Когда я окончательно убѣдился, что никакихъ дѣлъ съ „Каспиемъ“ имѣть нельзя—а это случилось вскорѣ послѣ моего пріѣзда изъ отпуска—я сталъ писать статьи въ „Бакинскихъ Извѣстіяхъ“. Статьи эти имѣли совсѣмъ общій, отнюдь не бакинскій характеръ и вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ особымъ заглавіемъ: „записокъ о городскомъ самоуправленіи“.

Кромѣ этого, пришлось помѣстить въ „Бакинскихъ извѣстіяхъ“ и въ „Баку“ массу мелкихъ замѣтокъ, опроверженій; пришлось вести полемику по мѣстнымъ дѣламъ.

Кромѣ писательскихъ я имѣлъ съ прессой отношенія, и при томъ двойкія, какъ голова. Первое, что я сдѣлалъ, вступивши въ должность, это объявилъ, что секретовъ у насъ въ управѣ нѣтъ. Представители прессы имѣютъ доступъ не только во всѣ засѣданія думы, но и управы. Всѣ дѣлопроизводства обязаны имъ показывать всѣ дѣла, всѣ бумаги. Я считалъ такую гласность однимъ изъ основаній моихъ дѣйствій. Ясно было, что до насильственной внѣшней очистки, Авгіевы ковшни, благодаря гласности должны будутъ самоочиститься.

Я могъ это сдѣлать, по моему, властью предсѣдателя управы и начальника канцеляріи, но предпочелъ провести чрезъ управу. Я, признаться, боялся. Ну какъ не захотятъ? Сошло, слава Богу, благополучно. Всѣ мялись, возражали. Доводы были, конечно слабые. Какъ признаться, что хочешь дѣйствовать въ потемкахъ, а свѣта боишься? Но всѣхъ это огорошило. Въ результатѣ двое голосовали противъ, двое за. Наша взяла. Теперь я соображаю и прихожу къ заключенію, что голосовали за гласность именно тѣ два члена управы, у которыхъ стойла были нравственно чище. Я говорю „нравственно“, ибо въ смыслѣ бумажномъ—это были худшія отдѣленія. Свѣта боится лишь нравственная нечистота; случайная же скорѣе желаетъ самоочиститься.

Съ тѣхъ поръ въ управѣ всегда возсѣдалъ одинъ, потомъ два, потомъ три корреспондента. Отношенія у насъ съ ними были всегда дружескія. Я заранѣе ихъ предупредилъ, что хотя

1) „Каспій“ 4 сентября 1902 г.

доступъ имъ будетъ всюду, но что кое объ чемъ имъ писать не слѣдуетъ, напр., о дознаніяхъ неоконченныхъ. Вообразите, что человѣкъ въ подозрѣніи воровства. Производится дознание, пишутся бумаги. Нельзя же все это печатать. Вѣдь такъ много разъ придется шельмовать невиннаго.

Кромѣ того, бывали случаи, гдѣ почему-либо нельзя было раскрывать управскія карты. Иногда, я обращался къ столу прессы и говорилъ корреспондентамъ, что этого, господа, прошу васъ не писать. Нельзя, напримѣръ, опубликовать основанія, по которымъ управа собирается вести судебное дѣло. Это была бы не откровенность, а глупость. Съ полнымъ удовлетвореніемъ долженъ сказать, что ни одного случая злоупотребленія довѣріемъ не было. Какъ скажешь, что это, молъ, не для прессы такъ это въ прессу и не попадало. Съ двумя-тремя корреспондентами отношенія у меня были прямо дружескія. Хроника во всѣхъ трехъ газетахъ была корректна. Подъ самый конецъ моего пребыванія въ Баку, когда „Каспій“ хладнокровно обо мнѣ говорить уже не умѣлъ, то онъ и въ хроникѣ старался меня уколоть, по моему, весьма невиннымъ образомъ.

Сдѣлалъ я, напримѣръ, что-либо хорошее — это приписывалось управѣ. Сдѣлала управа что либо, по ихъ мнѣнію, дурное — это приписывалось единолично мнѣ. Умалчивали о моихъ выѣздахъ на официальные собранія. Всѣхъ поречислять, чуть ли не до квартальнаго включительно, а меня пропускать. Или переименовавъ равныхъ лицъ, въ концѣ скажутъ: „Были и представители купеческаго и общественнаго управления“. Огорчить этимъ, меня не огорчили, тѣмъ не менѣе, намѣреніе уколоть было очевидно. Дѣлалось же это, конечно, самой редакціей. Корреспондентъ былъ тутъ не причемъ.

Надо, впрочемъ, упомянуть случай нескромности невольной. Въ поискахъ за свѣжими людьми я обратился къ одному господину, котораго мнѣ сильно рекомендовали. Онъ телеграфируетъ мнѣ откровенно, „что боится ѣхать“, и высказываетъ въ телеграммѣ причину своей боязни, такую, разглашеніе которой ему да и мнѣ могло повредить. Вдругъ на другой день въ „Баку“ — „Каспій“ и „Бакинскія извѣстія“ этого не сдѣлали — читаю и глазамъ не вѣрю; телеграмма моего корреспондента дѣликомъ напечатана.

Я въ редакцію. Редакція извинилась коллегіально недосмотромъ... съ ея-то стороны это, конечно, былъ недосмотръ. Помирились мы и съ корреспондентомъ, злого умысла у котораго, конечно, тоже не было.

Другого случая хотя бы невольнаго грѣха прессы въ хроникѣ не помню. Я, конечно, не говорю о томъ, что дѣлалось потомъ съ этой хроникой въ каждомъ номерѣ „Каспія“, да иногда, — весьма рѣдко и безъ злого умысла и въ другихъ газетахъ. Это уже дѣло редакцій, людей, считающихъ себя заслуженно или незаслуженно настоящими, мыслящими писателями. Я говорю лишь о скромной роли въ общественной жизни корреспондента. Пожа-

ловаться ни на одного не могу, хотя переминилось ихъ у насъ не мало.

За то какую они принесли пользу! Какъ часто я на нихъ рассчитывалъ! Слышишь, что готовится что-либо недоброе и думаешь себѣ: не посмѣютъ при прессѣ. Глядь, и не смѣютъ... поговорять, поговорять... а сказать или сдѣлать не посмѣютъ.

А иногда кто и прямо пробурчитъ мнѣ въ лицо, полунедовольнымъ, полусутильнымъ голосомъ: „надо бы, Александръ Ивановичъ, для политики съ вами не соглашаться, да завтра пресса разнесетъ. Будь ужъ по вашему“.

Корреспонденты наши все болѣе и болѣе входили въ роль, и кончилось тѣмъ, что я и члены управы узнавали всевозможныя касающіяся управы и города извѣстія изъ газетъ. Дѣлалось это такъ. Я почты не вскрывалъ, а вскрывалъ ее Е. П. Ростовскій, нашъ секретарь управы, человекъ, которому я довѣрялъ больше, чѣмъ самому себѣ. Приходила почта иногда позднеенько, когда мы уже собирались расходиться изъ управы. Пока Евгеній Павловичъ почту вскрывалъ, корреспонденты были уже тамъ, и первые узнавали новости. Переходила ли почта въ регистратуру для записи во входящіе журналы—единовременно съ регистратурой заносилось все интересное въ узенькіе листки хроникерами. Понятно, что послѣ этого иной разъ мы узнавали новости изъ газетъ. Понятно тоже, съ какимъ любопытствомъ читали мы всѣ три газеты отъ доски до доски.

Поднимался вопросъ о гласности и въ думѣ. Гласный Н. А. Айвазовъ сдѣлалъ запросъ, удобно ли будетъ имѣть публичные засѣданія управы, причемъ замѣтилъ, что и въ думѣ тифлисской такой гласности нѣтъ. Я объяснилъ, что управа со мной соглашлась, и что отъ этого не только не предвидится никакого вреда но даже польза. Большихъ дебатовъ этотъ вопросъ, къ счастью, не вызвалъ. Это было время, когда я только входилъ въ силу, воѣ присматривались къ моимъ дѣйствіямъ, ждали отъ меня чего-то.

Въ этомъ вопросѣ гласный Н. А. Айвазовъ (прошу не смѣшивать съ его очень вліятельными однофамильцами А. Г. и С. Г.) сослался на Тифлисъ. На Тифлисъ часто ссылались, и притомъ культурные гласные. Въ тифлисской думѣ много, какъ нгдѣ, гласныхъ съ высшимъ образованіемъ. Въ вопросѣ о гласности тѣмъ не менѣе тифлисская дума оскандалилась. Вопросъ о публичности засѣданій управы и комиссій длинно ею обсуждался и къ стыду ея провалился. Вѣдь и высшее образованіе не всегда идетъ рука объ руку съ гласностью и свѣтомъ, въ особенности гдѣ замѣшаны деньги и личный интересъ.

У управы были еще сношенія съ газетами въ дѣлѣ публикацій. Городская управа представляетъ изъ себя хозяйственный органъ, вѣдающій самыя разнообразныя отрасли хозяйства. Какой, какой работы не приходится управѣ исполнять? Большею частью все это дѣлается путемъ подрядовъ. Поэтому каждый день столбцы

газетъ пестрѣютъ всевозможными объявленіями, вызовами, приглашеніями управы. Прежде все это шло въ „Каспій“, который бралъ за это, сколько хотѣлъ. Затѣмъ открылись еще двѣ газеты. Естественно было посылать и къ нимъ объявленія. Цѣну всё понизили. Можно было, конечно, вызвать между ними конкуренцію и сдать заявившимъ болѣе дешевую цѣну. Такъ я было и предложилъ. Мы кого-то вызывали. Но ничего изъ этого не вышло. Всѣ были противъ. Воображаю, какая буря поднялась бы, если такъ или иначе „Каспій“ пересталъ получать объявленія. Прицисали бы это моимъ махинаціямъ вслѣдствіе личной неприязни. Всѣ это чувствовали и потому въ этой области никакихъ новыхъ порядковъ не заводили. Цѣлыхъ три гласныхъ—руководители мусульманъ были членами редакціи.

Тѣмъ не менѣе я долгомъ счелъ предложить думѣ, въ виду громаднхъ расходовъ на публикацію, ходатайствовать о разрѣшеніи намъ собственнаго органа. Выработали программу. Кое въ комъ чувствовалось неодобреніе проекту; тѣмъ не менѣе мое предложеніе прошло. Ходатайство я возбудилъ и лично поддержалъ въ Петербургѣ. Къ осени 1903 года вышло и разрѣшеніе на печатаніе „Извѣстій Бакинской Городской Думы“. Изъ программы вычеркнутъ былъ отдѣлъ „статей по городскому хозяйству“. Оставлены были лишь официальные отдѣлы.

Но этому малоинтересному органу печати не суждено было увидѣть свѣтъ. Начать его издавать я собирался съ 1904 г. Но къ этому времени уже достаточно обрисовалось мое положеніе въ думѣ. Большинство враждующихъ, меньшинство нейтральное, ни одного союзника. Нервы мои были развинчены непосильной борьбой, сердце переставало работать. Я чувствовалъ, что долго въ Баку не останусь, чувствовалъ, что ничто мною заведенное не прочно, и что поэтому непроченъ былъ бы и жалкій нашъ думскій органъ, тѣмъ болѣе лично кое-кому неудобный... и я рѣшилъ дѣла не начинать. Тѣмъ менѣе, думаю я, могутъ рассчитывать увидѣть свѣтъ „Думскія Извѣстія“ послѣ меня.

III.

Гласности одной было, конечно, мало. Надо было очищать конюшни и вводить новые элементы. Разобраться въ бывшихъ до моего поступленія служащихъ было нетрудно. Я ясно видѣлъ, что никакихъ надеждъ на внутреннее измѣненіе порядковъ птать нельзя, если не измѣнить кореннымъ образомъ состава служащихъ. Онъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ. А образовался онъ слѣдующимъ образомъ.

Даже въ живомъ организмѣ есть самой природой устроенное свалочное мѣсто. Это почки. Туда идетъ всякая дрянь, которая мѣшаетъ другимъ органамъ.

Въ домахъ устраиваютъ выгребныя ямы, и т. д.

Выгребной ямой, свалочнымъ мѣстомъ города Баку являлась городская управа. У всякаго человѣка есть родственникъ-недоросль, или пріятель, по старости не могущій имѣть частнаго мѣста, или, наконецъ, просто надоедливый знакомый, который пристаётъ, чтобы его пристроили. У бакинцевъ же есть еще больше такихъ людей. Каждый добрый бакинецъ такъ или иначе причастенъ къ какому-нибудь коммерческому предпріятію, нефтяному или иному. Въ такихъ дѣлахъ часто попадаются служащіе, которыхъ надо сбыть съ рукъ. Такъ всѣхъ такихъ родственниковъ, пріятелей, знакомыхъ, лишнихъ служащихъ—куда сбыть? Понятно, на службу городу.

Но почки очищаются самой природой, выгребныя ямы—ассенизаторами. Бакинская же управа не очищалась никогда.

Мнѣ совѣстно употреблять такое сравненіе. Но да не подумаетъ читатель, что я хочу кого либо-оскорбить изъ бывшихъ служащихъ, или изъ оставшихся досель. Боже меня сохрани! Я, наоборотъ, прямо пораженъ, какъ, при необычайной халатности веденія дѣла, при невозможной бухгалтеріи, какъ, все-таки, не было чаще хищеній.

Если злоупотребленія были на мѣстахъ, то во всякомъ случаѣ за длинный рядъ лѣтъ крупныхъ хищеній между самими служащими центральнаго управленія не было.

Сравнивая нашу управу съ свалочнымъ мѣстомъ, я просто хочу сказать, что люди были совсѣмъ неподходящіе. Дѣлопроизводители, служащіе по 25 лѣтъ, но отъ старости не могущіе ходить, нервно больные, бухгалтеры незнающіе дробей, юриконсульты изъ лѣсныхъ, а то просто пенсіонеры (не городскіе, а посторонніе), для которыхъ выдумывали дѣло... Вотъ съ кѣмъ приходилось работать.

А надъ ними члены управы тоже выбранные, двое случайно, а двое по родству съ самыми вліятельными гласными. Никто изъ нихъ ни практически, ни по специальному образованію, ни какими-нибудь другимъ образомъ не былъ подготовленъ къ общественной дѣятельности. Ясно, что дѣло при этихъ силахъ идти не могло. Распущенность на мѣстахъ была невозможная, безконтрольность полная. Отсюда разваливающіяся водохранилища, безпорядочныя постройки техническихъ училищъ, гдѣ и виноватаго-то не найдешь, полное отсутствіе санитаріи, повальная слѣпота и морь дѣтей воспитательнаго дома и т. д. и т. д.

Ясно что надо было: 1) отдѣлаться такъ или иначе отъ балласта въ управской канцеляріи, замѣнивъ его работоспособными людьми и 2) въ помощь членамъ управы дать культурныхъ специалистовъ, которые были бы во главѣ каждой отдѣльной части, и которые нравственнымъ своимъ вліяніемъ заставили бы членовъ управы ихъ слушаться.

Дальнѣйшій ходъ дѣла долженъ былъ быть слѣдующій: эти

спеціалісты, которые фактически завѣдывали бы отдѣльными отраслями хозяйства, подобрали бы себѣ опять культурныхъ же специалистовъ на мѣста врачей, инженеровъ и т. д. И тогда обновленные составы служащихъ уже на правахъ хотя бы коллегіальныхъ, стали бы вводить, гдѣ непосредственно, гдѣ съ помощью положеній и инструкцій, думой утверждаемыхъ, новые порядки.

Другими словами, я хотѣлъ выдвинуть третій элементъ. Я надѣялся, что управа отчасти будетъ довольна, что будетъ избалена отъ работы, отчасти примирится съ необходимостью подвліяніемъ думы.

Нѣкоторые гласные, и притомъ изъ лучшихъ, мнѣ на ушко шептали: „Ничего вы, Александръ Ивановичъ, съ управой не подѣлаете.“ Такъ я и хотѣлъ сдѣлать управу трудоспособной введеніемъ хорошо подобраннаго третьяго элемента.

Таковъ былъ мой планъ. И другого я и не хотѣлъ имѣть, такъ какъ разсчитывать на новыхъ членовъ управы я никакъ не могъ. Вѣдь при мнѣ и при непоколебленномъ еще моемъ авторитетѣ—выбрали предрѣшеннаго до моего избранія члена управы, Македонскаго, единственно изъ родственныхъ соображеній. Я былъ еще головой, когда г. Сафаралиевъ былъ переизбранъ всѣми шарами противъ одного... И такъ, я занялся видѣреніемъ въ бакинскую управу третьяго элемента. Я это слово понималъ нѣсколько въ узкомъ смыслѣ. Я не считалъ принадлежащимъ къ третьему элементу всякаго вольнонаемнаго культурнаго служащаго городского или земскаго самоуправленія, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которые выдѣлялись тѣмъ, что я называлъ общественной жилкой. Всякая должность, даже небольшая, ставитъ часто человѣка въ необходимость бороться съ общественнымъ зломъ. Я это видѣлъ на счетоводахъ, на простыхъ канцеляристахъ. Приходилось имъ осадить гласнаго, выразить протестъ противъ гадости, не подавать руку негодяю, хотя бы высшему по службѣ. Человѣкъ на это способенъ, машина нѣтъ. А я хотѣлъ людей. Только тогда машина будетъ работать безукоризненно, когда она будетъ чиста до мельчайшей шестерни. Этой чистоты я прежде всего искалъ въ своихъ сослуживцахъ и нашелъ ее въ лицахъ мною приглашенныхъ. Въ настоящую минуту мнѣ на умъ приходитъ лишь одно исключеніе, да и то случайное. Этому человѣку пришлось поручить громадное дѣло потому лишь, что онъ былъ подъ рукой.

Первый и мучительный вопросъ, что дѣлать со старыми служащими? Хорошо, если онъ прослужилъ двадцать съ лишнимъ лѣтъ. Ему можно дать пенсію: а если онъ служилъ всего 12—15 лѣтъ?

Я хоть и возмущался составомъ служащихъ, но, конечно, рѣшилъ никого не исключать со службы иначе, какъ если ему устроить дума сносную жизнь. И долженъ отдать справедливость

думъ: въ сессію 1902/1903 года она всё мои ходатайства удовлетворила съ достаточной щедростью. Я могъ отдѣлаться отъ старыхъ, больныхъ, неспособныхъ.

Параллельно съ этимъ съ усилившеюся интенсивностью управской работы отчасти по смѣтѣ, а отчасти даже и внѣ смѣты открывались новыя должности. Наконецъ, прибавивъ къ этимъ естественную убыль въ персоналѣ въ 200 человекъ (я говорю лишь о канцеляріи) мы получаемъ значительное число вакансій, которыя подлежали замѣщенію.

Тутъ представился слѣдующій вопросъ. Кто назначаетъ канцеляристовъ отъ дѣлопроизводителя до лица включительно? По закону голова. Съ другой стороны вѣдь отвѣчаетъ за отдѣленіе членъ управы. Трудно въ чужое отдѣленіе навязать человека, котораго тамъ не хотятъ. Практика бакинская выработала такой порядокъ: приглашала формально служащихъ управа по своимъ постановленіямъ, фактически же въ каждомъ отдѣленіи царствовалъ безгранично свой членъ.

Что мнѣ было дѣлать? Я считалъ необходимымъ, чтобы дѣлопроизводители да и низшіе служащіе были не простыя машины. Первый разъ какъ я занулся о моемъ правѣ назначенія въ управѣ, М. А. Вѣлявскій даже разсердился, говоря, что этого никогда не было.

Практически вопросъ рѣшился такъ: всюду проходили исключительно почти мои кандидаты. Я, конечно, говорю о томъ времени, когда у насъ не произошло въ управѣ конфликта, и когда мои акціи и въ думѣ стояли очень высоко. А это и было время назначеній.

Слѣдующій вопросъ: кого назначать? При первой же вакансіи, чуть не на другой день по вступленіи моемъ въ должность, ко мнѣ посыпались рекомендательныя записки гласныхъ. Я почувствовалъ себя, какъ, вѣроятно, чувствуетъ себя лошадь, когда ѣздокъ заноситъ ногу въ стремя, чтобы вскочить въ сѣдло. Лошади въ то время вѣроятно очень хочется недопустить его, тѣмъ болѣе, что позднее сбросить его уже трудно.

Такъ и я сразу хотѣлъ отдѣлаться отъ своихъ надобдливыхъ сѣдлаковъ. Просителямъ я объявилъ, что рекомендаціи для меня значенія не имѣютъ и для большей убѣдительности вывѣсилъ объявленіе въ корридорѣ, что прошу ко мнѣ съ рекомендаціями не являться, такъ какъ съ ними проситель теряетъ шансы на получение мѣста, даже если бы таковые у него и были.

Такъ вотъ какова сила привычки и вѣры въ это всесильное въ Баку (да и въ одномъ ли Баку?) средство. Только что я вывѣсилъ это объявленіе, является дѣвица съ письмомъ.

— Вы что?

— Мѣста ищу.

— А это рекомендація?

— Да.

- Гласнаго?
- Да.
- А вы читали мое объявленіе на двери?
- Читала.
- Такъ что же?
- А вы всетаки прочтите.

Но вскорѣ гласные поняли, что я, не шутя, объявилъ, что рекомендацій не приму, и перестали таковыя ко мнѣ адресовать.

Просителей у меня бывало каждый день видимо невидимо. Главныя категоріи ихъ были: ищущіе мѣста и просящіе о пособіи. Теперь дѣло идетъ о первыхъ. Кого брать? въ началѣ я былъ въ большомъ затрудненіи. Служащихъ въ Баку найти труднѣе всего. Тамъ нефть. А нефть городу не указъ.

Инженеръ въ городѣ получаетъ отъ 1800 до 3000 руб., а на нефтяномъ промыслѣ 6—18 тысячъ, а то и больше. 6000 уже считается маленькимъ жалованіемъ. Кто къ намъ пойдетъ? Или никуда негодный, или молодой—впредь до лучшаго мѣста.

Такъ же и бухгалтеръ, и счетоводъ, и простой писецъ, трудъ котораго въ нефтяной конторѣ оплачивается лучше. Ясно было, что, ограничъ я свой выборъ одними бакинцами, мнѣ опять бы пришлось имѣть дѣло съ отбросами. По крайней мѣрѣ, если и были въ Баку люди идейные, то я о нихъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. А люди были нужны.

Ясно, что приходилось ихъ выписывать изъ Россіи. Какъ ни стѣснено земство въ правѣ своемъ выбирать нужныхъ людей, все же тамъ можно кое-кого найти. Наконецъ много людей крупныхъ, выдающихся своей работой и талантомъ, которымъ нигдѣ не дано пристроиться... Въ бакинской управѣ условія работы для интеллигентнаго человѣка были весьма благоприятны. Я говорю про вѣшнія стѣсненія, которыя отсутствовали совершенно. Тамъ гдѣ я ожидалъ встрѣтить борьбу—я ничего не нашелъ кромѣ предупредительности, любезности, помощи. Тамъ гдѣ я ожидалъ помощи, я нашелъ тормазы, грубость...

Итакъ въ выборѣ себѣ помощниковъ я стѣсненъ не былъ. Я могъ пригласить лучшихъ людей Россіи, и они уже были бы у насъ, если бы не начался внутренній разладъ въ управѣ и въ думѣ.

Впрочемъ, вначалѣ дѣло шло очень хорошо. Гдѣ и какъ оно свихнулось, я расскажу послѣ.

Просить мѣсть являлась ко мнѣ масса людей. Каждому я могъ удѣлить въ управѣ минуты двѣ-три... не больше. Нѣкоторые приходили ко мнѣ на домъ, пользуясь тѣмъ, что я принималъ всегда всѣхъ. Но и на дому не влѣзешь въ душу человѣка, съ которымъ говоришь.

Пришлось обратиться къ системѣ рекомендацій.

— А кто можетъ васъ рекомендовать?

— Да гласный А., директоръ Б.

— Нѣтъ, нѣтъ... мнѣ такихъ не нужно рекомендацій. Вы мнѣ

дайте рекомендацію... ну, какъ бы вамъ сказать, изъ вновь приглашенныхъ нашихъ служащихъ... Н. знаете?

— Нѣтъ.

— А Г.? А Р.?... называю нѣкоторыхъ знакомыхъ служащихъ и не служащихъ въ управѣ.

А то просто спрашиваетъ его биографію и если узнаешь, что онъ не весь ушелъ въ добываніе рублей—приглашаешь его. Само собою, что, привлекиши въ управу двухъ-трехъ человѣкъ, глубоко порядочныхъ, я на ихъ рекомендацію могъ положиться вполне. Такъ рекомендовали они одинъ другого и наконецъ много стало людей, которыхъ и хотѣлось привлечь, но мѣста не доставало. Образовалась партія такъ называемыхъ новиковцевъ, о которыхъ еще много придется говорить.

Разошелся слухъ, что я ищу людей идейныхъ, съ общественной жилкой.

И, конечно, стали этимъ злоупотреблять. Такъ что я раза два попался.

— Вы почему ко мнѣ пришли?

— Да, зная васъ за человѣка просвѣщеннаго (лесть никогда не вредить), я думалъ, что вамъ нуженъ человѣкъ, который ищетъ мѣста не ради выгоды, а ради служенія обществу. Пошлость обыденная мнѣ претитъ и пр. и пр.

Возьмешь человѣка, а онъ оказывается хуже другихъ. Пришлось держаться системы рекомендацій людей, достойныхъ довѣрія.

На этой моей стрункѣ играли не только сами просители. Нѣкоторые гласные и одинъ изъ моихъ коллегъ по управѣ, наиболѣе занятой пристроичествомъ своихъ людешекъ, не гнушались ловить меня на эту удочку.

— Вы ищете учительницу, Александръ Ивановичъ?

— Ищу.

— Ну вотъ возьмите такую-то. Она замѣчательный человѣкъ, идейный и та-та-та и та-та-та...

Глядь, самая обыденная дѣвица, идущая въ учительницы, лишь за неимѣніемъ жениховъ, или думающая, что, будучи на мѣстѣ, скорѣе такового найдетъ.

Разъ это мнѣ стало просто противно, и я въ рѣзкой формѣ замѣтилъ коллегѣ, что, вѣдь, напрасно онъ меня считаетъ такимъ круглымъ идиотомъ, что я пойду на такую приманку.

— Чтобы идейныхъ рекомендовать, надо самому быть знакомымъ съ идейностью,—прибавилъ я.

Очевидно, со всѣми своими идейными людьми не могъ я понравиться всей бакинской думской публикѣ, а въ особенности тѣмъ членамъ управы, которые только для того, кажется, и пошли въ управу, чтобы пристраивать различныхъ протеже своихъ родственниковъ и друзей изъ гласныхъ. Какъ новиковцы составляли кисть людей, связанныхъ между собою общими идеалами и вза-

имнымъ уваженіемъ, такъ и анти-новиковцевъ, кромѣ общей ненависти ко мнѣ и всемъ новымъ служащимъ, соединяли общія дѣла, родство, старинныя связи. Мы были пришельцами безъ другого оружія, какъ вѣра въ дѣло свое, а тѣ на мѣстѣ пустили давно корень и только въ самомъ началѣ могли уступить моему натиску, пока не оглядѣлись и не возстали противъ общаго врага.

А. Новиковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.

I.

Нивогда зло не бываетъ такъ сильно, какъ тогда, когда оно разлито въ воздухъ. Трудно совершаются тогда измѣненія. Много и много нужно времени, чтобы составить убѣжденіе въ томъ, что законъ устарѣлъ, пересталъ отвѣчать требованіямъ жизни. Обычный способъ такихъ измѣненій—исключенія, изъятія: когда число изъятій достигнетъ предѣла, и самый законъ теряетъ почву для примѣненія, остается ненужнымъ и безвреднымъ балластомъ въ сводѣ законовъ.

Такое зло представляютъ у насъ т. н. „пережитки“.

Нельзя сказать, чтобы эти пережитки не чувствовались больно, очень больно. Крѣпостной порядокъ отжилъ свой вѣкъ вмѣстѣ съ крымской войной, показавшей воочию всю его нецѣлесообразность въ случаѣ военнаго даже столкновенія. Что же говорить о внутренней борьбѣ съ Западомъ, на почвѣ производительныхъ силъ? Тѣсно стало въ социальныхъ путяхъ, составлявшихъ дореформенную Россію. И новыя начала, введенныя въ русскую жизнь, возвѣстили объ эпохѣ реформъ. Но реформы хороши тогда, когда онѣ проводятся, какъ принципъ, до тѣхъ поръ, пока явленія, устрояемые ими, не исчезнутъ, какъ система. Освободительныя реформы были прерваны раньше, чѣмъ рухнула вся система. Крѣпостничество даже въ наиболѣе рѣзкихъ его формахъ осталось въ русской жизни. Потребность въ ихъ упраздненіи чувствуется больнѣе, чѣмъ когда-либо, но—какъ справедливо замѣтилъ курскій губернской комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности ¹⁾—комиссіи, собранія, комитеты за послѣдніе 20—25 лѣтъ или прерывалась безъ всякаго положительнаго

¹⁾ Толмачевъ. Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. Москва, 1903 г.

результата, или въ лучшемъ случаѣ заканчивались *частичными* заключеніями и приводили къ *частичнымъ* мѣропріятіямъ.

Послѣднія позиціи не сдаются безъ крайняго напряженія. На нашихъ глазахъ воскресаютъ, казалось, давно погребенныя мертвецы, которые хотѣли бы возстановить во всей полнотѣ формы крѣпостного права, надѣть намордникъ на всю хозяйственную и культурную жизнь, замѣнъ дорогихъ тюремъ завести нѣсколько сотенъ палачей и нѣсколько сотъ тысячъ кнотовъ. Они — эти гг. Гринмуты и Мещерскіе, слѣпые къ знаменіямъ времени, — не знаютъ, что ни одно государство не можетъ надѣяться на будущее, если не уничтожить въ себѣ пережитковъ, задерживающихъ его развитіе, не откажется отъ устарѣвшихъ понятій и вождельній... Они не въ состояніи осмыслить моментъ, переживаемый Россіею.

День крещенія Новорожденнаго Наслѣдника Престола ознаменовался мѣрой, идущей въ разрѣзъ съ этими понятіями и вождельніями. „Тѣлесныя наказанія, установленныя по закону за проступокъ для сельскихъ обывателей, инородцевъ, а также другихъ лицъ, не изъятыхъ отъ сихъ наказаній по правамъ состоянія или особымъ узаконеніямъ, отмѣнять“ ¹⁾ — ²⁾ ₁ русскаго народа этими словами утверждаются въ тѣлесной непривосновенности. Еще вчера былъ законъ, которому молчаливо приносились въ жертву живые люди, который имѣлъ свою философію, свою поэзію. Сегодня оказывается, розга не имѣетъ въ друзьяхъ ни г. Столыпина, ни г. Меншикова. Даже кн. Мещерскій, какъ извѣстно, пристрастившійся къ деревнѣ лишь послѣ института земскихъ начальниковъ, — тотъ мечетъ стрѣлы въ безжалостную розгу, удивляясь гражданскому росту „чернаго народа“ ³⁾. Точно вспышка крѣпостныхъ идей не можетъ, не должна повторяться... Точно жизнь не можетъ, не должна стоять на одномъ мѣстѣ, вопреки всѣмъ задержкамъ, должна идти неуклонно впередъ, считая беззаконнымъ то, что вчера еще было законно...

II.

Ученыя общества, сѣзды и общества врачей, земство, лучшіе представители дворянства, лучшіе представители духовенства, военнаго вѣдомства, юстиціи — въ отпикѣ тѣлеснаго наказанія, какъ карательной системы, не могло быть двухъ мнѣній въ средѣ тѣхъ, кто сколько-нибудь готовъ прислушаться къ голосу жизни.

Подъ тѣлеснымъ наказаніемъ разумѣется причиненіе мученій тѣлу человека. Вызванное къ жизни тѣми же чувствами мести, утраченія, что

¹⁾ Высочайшій Манифестъ.

²⁾ См. „Гражданинъ“, 1904 г., августъ, о Высочайшемъ Манифестѣ.

и смертная казнь во всѣхъ ея видахъ, оно имѣетъ тождественное происхожденіе съ послѣдней. Оно вредно въ санитарномъ отношеніи: психическія разстройства, нанесенія травмъ, возможное ихъ зараженіе, мгновенная смерть у страдающихъ болѣзнями сердца и сосудовъ — вотъ обычныя послѣдствія. Оно приноситъ большой, хотя и невидимый, вредъ хозяйству народному. Благодаря розгамъ, изъ хорошаго работника нерѣдко дѣлается человекъ, на все махнувшей рукой, запускающій свое хозяйство. Главное зло тѣлесныхъ наказаній, передъ которыми блѣднѣютъ и санитарныя, и хозяйственныя послѣдствія розги, вмѣстѣ взятая, это нравственное растрѣбаніе, причиняемое имъ. Тѣлесное наказаніе позорнѣе, унижительное тюрьмы. „Поротый“ — это страшная кличка, преслѣдующая на каждомъ шагу, при каждомъ столкновеніи съ сосѣдомъ, наказывающая, по выраженію самихъ объектовъ этого наказанія, „на всю жизнь“. Ни одинъ отецъ не выдстъ за него своей дочери, ни одна дѣвушка не рѣшится выдти за него замужъ. Для него навсегда закрыта возможность занимать общественныя должности. Онъ не осмѣлится возвысить свой голосъ въ обществѣ, такъ какъ каждый можетъ зажать ему ротъ страшной кличкой. Позоръ раздѣляетъ и семья; и дѣти человека, подвергнутаго поркѣ, носятъ на себѣ клеймо... Тѣлесное наказаніе, укрѣпляя привычку къ насилию, освящаетъ его примѣромъ: видя употребленіе побоевъ, встананіе именемъ закона, люди остаются при впечатлѣніяхъ и мысляхъ объ умѣстности такихъ насилій и въ домашнемъ быту. Гражданственность подрывается. Личность деморализованная, угнетенная, забытая, не можетъ быть гражданиномъ, сознающимъ свой долгъ по отношенію къ обществу. Стихія безправія, стихія мелкаго насилія и общей ненависти—вотъ атмосфера, которой приходится дышать...

Особенно чувствительно это наказаніе для грамотной молодежи. Никто изъ лицъ, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, не можетъ быть увѣренъ, что даже по обвиненію сравнительно маловажному не будетъ подвергнутъ поркѣ. Вѣдь наказаніе поставлено обыкновенно внѣ контроля: ни одинъ изъ администраторовъ не присутствуетъ при экзекуціи. Итакъ пусть усиленное открытіе школъ „способствуетъ умственному и нравственному уровню“ народа, тѣмъ самымъ поднимая воспримчивость къ тѣлеснымъ наказаніямъ—при той власти, какой пользуются, напр., старшина и писарь въ русской деревнѣ, сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что мѣстные воротилы подводятъ подъ розги самые чуткіе элементы. Устраняя ихъ отъ общественныхъ дѣлъ, воротилы избавляютъ себя такимъ путемъ отъ помѣхи для своихъ темныхъ дѣлъ. Вотъ въ читальнѣ, учрежденной при волостномъ правленіи, ожидаетъ своей очереди, чтобы подвергнуться позорной экзекуціи, грамотный крестьянинъ...

народномъ образованіи съ тѣлеснымъ наказаніемъ. Оно ослабляетъ всѣ мѣры, направленныя къ умственному и нравственному развитію народа, вызывая овлбленіе, недовольство существующимъ.

Только въ глухихъ углахъ народъ настолько неразвитъ и забытъ, что покорно переноситъ розгу, предпочитая даже по экономическимъ соображеніямъ „отсѣчься“, чѣмъ сидѣть подѣ арестомъ, заплатить штрафъ и пр.: господство въ теченіе долгаго времени тѣлеснаго наказанія, значить, окончательно убило въ этихъ углахъ чувство чести. Каково же должно быть тамъ, гдѣ народная психика усложнилась, гдѣ, наоборотъ, чувствуется подъѣмъ идущей впередъ жизни? Поразительное количество такихъ случаевъ даетъ газетная хроника. Мужикъ приговаривается къ розгамъ за „мотовство и пьянство“. Онъ подаетъ жалобу на рѣшеніе. По милости деревенскаго адвоката, жалобу умудряются послать прямо въ уѣздный съѣздъ, и—позоръ предупреждается самоубійствомъ ¹⁾. Мужикъ получилъ всего два удара. Но расправа такъ дѣйствуетъ на него, что онъ не выноситъ и двухъ дней ²⁾.—Мужикъ въ ужасѣ передъ позоромъ, неудачно хватается за ножъ; живъ спасена. Но его приходится уже отвезти прямо въ психіатрическое отдѣленіе ³⁾...

Медицинская печать осудила тѣлесныя наказанія съ медицинскоѣ точки зрѣнія, духовная—съ точки зрѣнія несогласія ихъ съ духомъ евангельскаго ученія, военная съ точки зрѣнія несовмѣстимости съ честью и достоинствомъ война, юридическая—съ точки зрѣнія несогласія съ сущностью правосудія. Тѣлесное наказаніе есть возведеніе побоевъ въ законъ, есть *узаконеніе грубой силы*; побои, возведенныя въ законъ, становятся явленіемъ положительно безнравственнымъ, такъ какъ здѣсь слышится, чувствуется принципъ—вотъ мнѣніе печати. Конечно, „розги весьма дешевы—достаточно нѣсколько десятинъ лѣса для того, чтобы перепоротъ всѣхъ гражданъ государства; онѣ всегда подѣ рукою—наша прежняя народная юстиція наказывала просто кулаками; онѣ моментальны—легъ, отсѣкся, всталъ и ушелъ“, но... если эти достоинства незамѣнны, то отчего ихъ распространять лишь на ⁹/₁₀ населенія?

Когда органы печати какого-либо опредѣленнаго толка высказываютъ свой взглядъ, это, конечно, не значить, что мы имѣемъ передъ собой общественное мнѣніе. Общественное мнѣніе можетъ склоняться даже къ обратному. Но можно ли не признать голосъ общественной нужды, когда органы печати, выражающіе интересы самыхъ разнообразныхъ группъ населенія,

¹⁾ „Церковный Вѣстникъ“ 1893 года.

²⁾ „Волынь“, 1898 г., № 167.

³⁾ „Земскій Сборникъ Черниг. Губ. Зем.“, 1899 г. Ст. о Соснидкомъ-уѣздѣ.

настаиваютъ на одномъ и томъ же? Таково именно было отношеніе печати къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи. Мы, конечно, не говоримъ о прожектерахъ всероссійскаго рептильнаго фонда, на глазахъ публики то мѣняющихъ, то обрасывающихъ, то опять надѣвающихъ свои накладные бороды и парики...

Все давало поводъ думать, что мнѣніе, высказываемое съ такимъ упорствомъ и на сѣздахъ, и въ собраніяхъ, и въ печати, съ такимъ упорствомъ проникающее въ умы самихъ объектовъ тѣлеснаго наказанія, услышано, что вопросъ о розгѣ уже предрѣшенъ... Но — изъятія шли за изъятіями, исключенія за исключеніями. Приводились свѣдѣнія, будто бы доказывавшія, что число случаевъ тѣлеснаго наказанія постепенно изъ года въ годъ уменьшается, отсюда дѣлался выводъ о „вымираніи розги“. И въ то же время ходатайства нѣкоторыхъ земствъ — вопреки разъясненію сената — даже не доводились до комитета министровъ. Очевидно, за частнымъ вопросомъ о розгѣ стояли болѣе общіе вопросы, которые земскія собранія не въ правѣ поднимать. Обратимся къ исторіи вопроса.

III.

Древняя Россія не знала этого института: розга проявлялась, какъ случайность, *но не какъ законъ* — по отношенію къ закупамъ и холопамъ. Свободные люди наказывались, главнымъ образомъ, вирой. Сторонникомъ тѣлесныхъ наказаній въ до-татарскій періодъ являлось византійское духовенство, которое, способствуя усилению княжеской власти, ввухало послѣдней необходимость перенесенія въ русскую жизнь византійскихъ правовыхъ началъ... Лишь истязанія, господствовавшія въ административной практикѣ и быту татаръ, оказались столь заразительными, что битье начинаеть примѣняться не только къ нашимъ холопамъ, но и къ свободнымъ людямъ, прививается въ семьѣ, во всѣхъ частныхъ отношеніяхъ, въ законодательствѣ. И чѣмъ дальше шель процессъ *закръпощенія* тѣмъ прочнѣе прививался *принципъ* битья.

Корни тѣлесныхъ наказаній, какъ законодательнаго института, восходятъ къ судьбнику Ивана III. Уложеніе же царя Алексѣя Михайловича 1649 г. уже назначаетъ ихъ болѣе чѣмъ въ ста случаяхъ и въ разныхъ видахъ: битье кнутомъ, битье кнутомъ на козлѣ; битье кнутомъ нещадно, чтобъ другимъ было неповадно такъ дѣлать; битье кнутомъ на торгу; битье кнутомъ, вода по торгу, иногда по три дня и больше. При Петрѣ Великомъ явились неслыханные до того времени шпицрутены, кошки, линьки и „легкое наказаніе“ для военныхъ: ношеніе десятковъ двухъ ружей. Другія введенныя Петромъ наказанія были: закованье въ желѣзо ногъ и рукъ,

посаженье на деревяннаго коня, прогулка по деревяннымъ кольямъ, батожья (по усмотрѣнію командира безъ счета). Въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ XVIII вѣка встрѣчаются случаи сожженія, вкопанія живыхъ въ землю. По Елизаветинскому проэктору уложенія предполагалось ввести новую казнь — разрываніе лошадьми. И при Екатеринѣ II господствовали самыя жестокіе виды смертной казни, въ видѣ колесованія и четвертованія. При Александрѣ I, отмѣнившемъ (тоже на бумагѣ) пытки, господствовалъ кнутъ, нѣсколькими ударами котораго опытный палачъ могъ застѣчь на смерть самаго крѣпкаго человѣка. Въ уставѣ гимназій, подвѣдомственныхъ дерптскому университету, было сказано въ 1820 г.: „позволяется отнынѣ въ гимназіяхъ тѣлесное наказаніе“¹⁾. Уставомъ 1828 г. были узаконены розги въ гимназіяхъ с.-петербургскаго, московскаго, казанскаго и харьковскаго округовъ. И уставъ училища правовѣднія 1835 г. разрѣшалъ тѣлесныя наказанія. Различіе между уложеніемъ 1649 года и уложеніемъ 1845 г. сводилось, главнымъ образомъ, къ постановкѣ вопроса о смертной казни. Тѣлесное наказаніе было необходимымъ дополненіемъ всякой уголовной кары, начиная съ самой тяжелой и кончая самой легкой. При ссылкѣ въ каторжныя работы назначалось отъ 30—100 ударовъ плетми черезъ палачей, послѣ чего производилось клейменіе, введенное въ 1845 г., „такъ же публично и черезъ палача, опредѣленнымъ для того способомъ, съ принятіемъ мѣръ, указанныхъ для предупрежденія вытравленія наложенныхъ знаковъ“. (Медицинскій совѣтъ съ грустью констатировалъ, что „при настоящемъ состояніи науки“ нѣтъ того средства, посредствомъ котораго эти знаки остались бы неизгладимыми: даже кленое желѣзо не вполне оправдываетъ ожиданія...) Публичное наказаніе плетми полагалось и при ссылкѣ на поселеніе, и при отдачѣ въ арестантскія роты. Для ссыльно-каторжныхъ и военно-служащихъ въ „Сводѣ законовъ“ существовало особое наказаніе — „прогнаніе сквозь строй“, сопровождаемое приковываніемъ къ телѣжкѣ на время отъ одного до трехъ лѣтъ.

Если такова была возможность битья *по закону* то можно себѣ представить, какова была житейская и административная практика битья въ дореформенной Россіи.

Петербургскій и московскій полиціймейстеръ всегда имѣли въ картахъ плети, которыми наказывали по усмотрѣнію. Были палачи, которые одинаковымъ, повидимому, ударомъ кнута могли чуть прикоснуться къ тѣлу или переломить спинной хребетъ осужденнаго; если законъ считалъ удары, то практика нерѣдко удваивала и утраивала силу cadaго удара.

1) Послѣ попытки изгнать тѣлесныя наказанія изъ гимназій.

Число ударовъ нѣрѣдко превышало не только узаконенную, но и смертельно-предѣльную норму. Напр., удары при прогнаніи черезъ строй давались иногда въ количествѣ 10—12000; между тѣмъ половины ихъ достаточно, чтобы забить на смерть. Выведуть преступника, прочтуть приговоръ, и пошла писать „зеленая улица“... Въ нѣсколько минутъ тѣло краснѣеть, багровѣеть... Еще нѣсколько минутъ, и вмѣсто живого чело-вѣка—живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутками... Онъ свалился... И вотъ его кладутъ на дровни возать по „зеленой улицѣ“, и опять сыплются удары... Бунтовавшихъ крестьянъ „сѣкли до выпаденія кишекъ“. Вотъ образчикъ, относящійся къ самому концу XVIII вѣка: „по прибытіи въ деревню, писалъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ посланный для усмиренія крестьянъ калужскій вице-губернаторъ Митусовъ, не нашелъ никого изъ крестьянъ, исрессѣкъ внутомъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей въ страхъ другимъ. Дабы вызвать зачинщиковъ, сжегъ особо стоящую клѣтъ“. Въ 1831 году за холерный бунтъ было наказано шпицрутенами 1559 человекъ, при чемъ 40 человекъ изъ 191 человекъ, получившихъ по 4000 ударовъ, легло на мѣстѣ казни. Въ 1843 г., во время Шадринскаго бунта, 1577 крестьянамъ было дано 250000 палокъ. Каково же было число истязаній и казней по десятилѣтіямъ, если при одномъ, напр., Николаѣ I было, по далеко неполному подсчету, 556 такихъ бунтовъ? Съ какимъ хладнокровіемъ совершались экзекуціи даже въ началѣ шестидеся-тыхъ годовъ, видно хотя-бы изъ „метода“ Боровицкаго исправника Крылова: „велить раздѣть и положить мужика, потомъ потребуетъ огня, закурявъ папирску, велить сѣчь, конечно, съ двухъ сторонъ, и дереть до тѣхъ поръ, пока не выкурить папирски“. Пытка по закону была уничтожена 27 сентября 1801 года, „дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человечеству наносящее, наглажено было изъ памяти народной“. Но въ дѣйствительности пытка въ видѣ желѣзныхъ рогатокъ, приковы-ванья цѣпями къ стѣнѣ, лизанія языкомъ горячей печки существовала до самаго конца вѣршпостного права. Въ пятидесятихъ годахъ въ Москвѣ имѣлись клоповники и темные подвалы при Басманномъ частномъ домѣ, гдѣ допрашивались подсудимые, не признававшіеся въ преступленія. Отсутствіе всякихъ стѣсненій, изобрѣтательность и произволь, быстро сводившія на нѣтъ всѣ „изъятія“ и „исключенія“, царили не только на лобныхъ мѣстахъ въ помѣщичьихъ конюшняхъ и казармахъ, но и въ учебныхъ заведеніяхъ. Согласно даннымъ, собраннымъ по порученію VI сѣзда русскихъ врачей Д. Н. Жбанковымъ,¹⁾ въ гимназіяхъ кiev-

¹⁾ Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. Составили члены комиссіи, избранной VI сѣздомъ врачей въ память Н. И. Пирогова, Д. Н. Жбанковъ и Вл. И. Яковенко. М. 1899 г. См. также „Недѣля“ 1898 г.

скаго учебнаго округа въ 1858 году изъ 4109 было высѣчено 561 учен. Въ Житомирской гимназіи, гдѣ былъ инспекторомъ Китченко, 50 учениковъ ежедневно наказывались розгами, нѣкоторые по два раза въ день. Если такъ широко примѣнялась розга въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, то можно себѣ представить, что пускалось въ ходъ по отношенію къ народу... Въ 1849 г. кievское губернское правленіе обсуждало отношеніе таврическаго и херсонскаго губернскихъ правленій о томъ, что въ губерніяхъ, подвѣдомственныхъ названнымъ правленіямъ, дѣла не даютъ достаточнаго количества розогъ для наказанія виновныхъ, почему правленія эти и просили кievское заготовить розги въ количествѣ 6000 пучковъ для таврической губерніи и 20000 пучковъ для херсонской. Правленія желали получить именно березовыя розги...

Это было поистинѣ то царство, въ которомъ за одного битаго двухъ небитыхъ даютъ, въ которомъ кулакъ, сравнительно, еще гуманное средство. Даже частотные дышали этимъ воздухомъ. Въ этомъ царствѣ выработался особый языкъ. Какое безъ битья ученье! Безъ него ни отъ стараго, ни отъ малаго никакого толку! Бить и учить и теперь значитъ одно и тоже у насъ...

Рутинная жестокость добраго стараго времени! Она развилась, наконецъ, въ болѣзнь. Лучшіе люди превращались въ тирановъ. Могло ли быть иначе, пока существовало крѣпостное право, поддержаніе котораго лишь и возможно было шпицрутенами и пытками? Страхомъ и насиліемъ были проникнуты всѣ понятія тогдашняго общества. .

Однако, развращающее дѣйствіе тѣлесныхъ наказаній очевидно даже въ царствѣ повального битья. Уже Петръ Великій ясно и рѣшительно проводитъ разницу между позорящимъ и не позорящимъ наказаніемъ: наказаніе кнутомъ, совершенное публично на лобномъ мѣстѣ, рукой палача, лишало виновнаго чести; онъ становился даже ниже солдата, а, какъ извѣстно, солдаты въ то время составляли по преимуществу элементъ преступный или нежелательный для помѣщика. Напротивъ, шпицрутены не лишали офицеровъ и рядовыхъ, ссылаемыхъ въ каторгу, права вернуться на военную службу. Правда, при Павлѣ I появился приказъ: „прогнанныхъ сквозь строй, хотя бы одинъ разъ, кирасиръ писать уже въ извозчики, а не въ кирасиры“, а въ 1799 г. императоръ повелѣлъ сизволилъ впредь наказанныхъ тѣлесно никогда въ военную службу не назначать, но при Николаѣ I тѣлесно наказанный лишался лишь права быть произведеннымъ въ офицеры. Въ теченіе XV, XVI, XVII и XVIII столѣтій никто не былъ свободенъ отъ тѣлесныхъ наказаній, ни удѣльные князья, ни государственные сановники, ни духовныя особы. Въ 1714 году двумъ сенаторамъ жгли языки каленымъ желѣзомъ. Въ 1724 году наказаны кнутомъ

духовныя лица, не лишеныя и послѣ битья сана. Елизавета Петровна наказала кнутомъ двухъ знатныхъ дамъ. Такое битие безъ различія „благородныхъ“ отъ „подлыхъ“, конечно, не могло быть безгранично. Правительство не могло прежде всего не уступить первенствующему словію государства—дворянству. „Тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго“—читаемъ мы въ жалованной грамотѣ дворянству 1795 года. По жалованной грамотѣ городамъ та же милость была дана именитымъ гражданамъ и купцамъ первой и второй гильдій. Въ 1786 году по ходатайству синода изъято отъ тѣлесныхъ наказаній духовенство. Правда, въ слѣдующемъ же году тѣлесныя наказанія были восстановлены для всѣхъ безъ различія, но на этотъ разъ не надолго. Декреты безсильны отмѣнить изрѣвшія требованія жизни. Въ 1801 г. Александръ I восстановилъ жалованныя грамоты дворянству и городамъ и вновь отмѣнилъ тѣлесныя наказанія духовенству...

Нѣтъ, жизнь настойчиво требовала все новыхъ и новыхъ „изъятій“ и „смягченій“.

Когда въ самомъ концѣ XVIII вѣка возникъ вопросъ объ освобожденіи отъ смертной казни и наказанія кнутомъ малолѣтнихъ преступниковъ, севать, высказавшійся за установленіе срока малолѣтства въ 17 лѣтъ, лишь вслѣдствіе протеста духовенства понижаетъ этотъ срокъ до 12 лѣтъ. Отъ тѣлеснаго наказанія освобождаются преступники, достигшіе 70-лѣтняго возраста. Въ 1801 году законъ отмѣняетъ пытку. Въ 1808 году отъ тѣлесныхъ наказаній освобождаются священники, въ 1811 году—простые монахи. Въ 1817 г. запрещается рванье ноздрей. Въ 1835 году изъята отъ тѣлесныхъ наказаній дѣти священнослужителей. Въ сводѣ законовъ 1842 года появляются новыя изъятія. По уложенію 1845 года къ числу „благородныхъ“ относятся литераторы и ихъ вдовы, ливрейные лакеи Высочайшаго двора, вдовы потомственныхъ дворянъ, вышедшія замужъ за „подлыхъ“, окончившіе курсъ въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, нижніе чины со знаками отличій и станціонные смотрители. Уложеніе 1845 г. ограничиваетъ примѣненіе смертной казни, введя ее въ то же время въ видѣ общаго правила за политическія преступленія; смертная казнь, на бумагѣ отмѣненная еще указами 1753—54 г.г., до 1845 г. существовала въ видѣ 140 родовъ наказанія кнутомъ, смертельный исходъ которыхъ былъ неизбѣженъ. Тѣмъ же уложеніемъ кнутъ замѣненъ плетью. Чтобы представить себѣ значеніе этой замѣны, надо знать, что называлось у насъ кнутомъ. Представьте себѣ бѣлый сыромятный ремень, длиною въ тринадцать вершковъ, шириною $\frac{6}{8}$ вершка, твердый, какъ кость, и загнутый съ обѣихъ сторонъ въ видѣ желобка. При ударахъ острые края должны были приходиться къ спинѣ наказываемаго. Сила уда-

ровъ была такова, что онъ пробивалъ мясо почти до костей. Это-то жесточайшее орудіе, мало по малу, сокращаясь въ числѣ ударовъ, въ 1845 г. было вовсе разбѣнено на плети, въ свою очередь, усовершенствованныя и отрехвоенныя. Плети уже состояли изъ столбцовъ шести вершковъ длиною, съ тремя хвостами, въ одинъ аршинъ и четыре вершка длиною каждый. Хвосты оканчивались узлами... Конечно, на каторгѣ и въ казармахъ тотъ же кнутъ въ видѣ палокъ и шницрутеновъ былъ оставленъ... Въ 1855 г. изъята отъ наказанія плетями слабосильные преступники—шагъ, казавшійся въ то время столь рѣзкимъ, что его не рѣшились даже публиковать. Въ томъ же году состоялась отмѣна плетей для женщинъ. Мѣтѣ всего въ законодательномъ отношеніи везло учебнымъ заведеніямъ..

И вотъ палъ режимъ, основанный на страхѣ передъ насиліемъ, который поддерживался брѣтнемъ головъ, кандалами, исполосованными спинами, изъ котораго всѣ эти ужасы вытекали съ логичностью естественнаго процесса...

Борьба съ прошлымъ, борьба не на жизнь, а на смерть, слившая какъ-будто и русское общество, и русское правительство въ одной общей работѣ, рядъ реальныхъ перемѣнъ, внесенныхъ въ жизнь этой работой, новыя мысли, новыя чувства, являющіяся съ такими перемѣнами въ изобиліи—казалось, тѣлесныя наказанія также дожили свои дни, какъ дожили ихъ весь строй вещей, породившій эти наказанія, узаконившій ихъ въ принципъ. Такъ казалось... На дѣлѣ — какъ ни просто, какъ ни рѣшительно диктовалось послѣднее слово прошедшаго черезъ все столѣтіе процесса взятій и смягченій,—послѣднее слово не говорилось.

IV.

Въ эпоху реформъ вопросъ о розгѣ сталъ особнякомъ. При обсужденіи его въ дворянскихъ комитетахъ, онъ былъ просто обойденъ. Если самарскій комитетъ представлялъ крестьянамъ право откупа отъ розогъ ¹⁾, а тульскій, допуская въ принципѣ тѣлесное наказаніе, освобождалъ отъ него лишь женщинъ, то вологодскій, екатеринославскій, витебскій, вятскій и др. комитеты высказались за сохраненіе розогъ въ прежнемъ видѣ. Оба владимирскихъ проекта, высказываясь за отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ порядкѣ суда полицейскаго, оставляли ихъ для суда уголовнаго. Смерть Я. И. Ростовцева, предсѣдателя редакціонной комиссіи, по мнѣнію котораго „о наказаніи тѣлесномъ не слѣдуетъ упоминать вовсе: это было бы пятномъ настоящаго законодательства“, явилась на руку дворянскимъ комитетамъ: мѣсто Ростовцева занялъ гр. Панинъ, который,

1) Съ платой 30 коп. за ударъ!

руководя мирнымъ гражданскимъ вѣдомствомъ, слѣдовалъ девизу: „начала наказать, потомъ потребовать объясненія“.

Гр. Панинъ, государственный контролеръ Анненковъ, Высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій—была небольшая, но вліятельная группа. Были лункты, которые встрѣтили протестъ со стороны редакціонной коммисіи, но не розги.

Любопытно, — что оправданіе розогъ, взяло на себя, по приглашенію оберъ-прокурора святѣйшаго синода гр. А. П. Толстого, вѣдомство православнаго исповѣданія. Изъ того, что Святители защищаютъ личность, созданную по образу и подобию Божию,—читаемъ мы — нельзя вывести заключенія противъ тѣлесныхъ наказаній. Защищать личность существа, созданнаго по образу Божию, не значить защищать личность преступника. Боговдохновенные писатели защищаютъ личность созданнаго по образу Божию не отъ тѣлеснаго наказанія, а отъ порока и его послѣдствій. „Ты побѣдиша его желомъ: душу же его избавиши отъ смерти“ (Прит. XXII, 14). Прежде, когда тѣлесныя наказанія были суровѣе, прѣвзжающіе въ Сибирь боялись людей, имѣющихъ клеймо на лбу и не имѣющихъ поздрей, но „тамошніе увѣряли, что это люди честные и достойные полного довѣрія. Видно тѣлесное наказаніе не препятствовало имъ изъ бездны преступленія возвыситься до совершенной честности“... Да, есть мысли, въ которыхъ, какъ въ солнцѣ, не вдругъ можно усмотрѣть темное пятно. Таково слѣдующее изреченіе: „законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія“. Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть внимательно, то въ этомъ „блестательномъ“ изреченіи найдется нѣчто неистинное. „Нельзя осудить всякое насильство безусловно“. Если государство найдетъ необходимымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребить тѣлесное наказаніе, христіанство не осудитъ сей строгости. Надобно поймать и задержать преступника, вора, разбойника. Они убили въ себѣ чувство чести тогда, когда рѣшились на преступленіе. „Поздно падить въ нихъ сіе чувство во время наказанія“. Если какое сознаніе—заключаютъ составители записки—подавляетъ виновнаго, производятъ въ немъ упадокъ духа и тѣмъ препятствуетъ его исправленію, то это „сознаніе сдѣланнаго проступленія, а не понесеннаго преступленія“ ¹⁾. Эти составители были Высокопреосвященный Филаретъ и митрополитъ московскій и келоменскій.

Какъ извѣстно, при голосованіи о розгахъ, единомысленникомъ гр. Панина оказался Н. А. Милютинъ, который, раздѣляя взглядъ покойнаго

1) „О тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія“. Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 21—25.

предсѣдателя комиссіи, все же находилъ, что вопросъ о розгѣ нужно положить до пересмотра общаго вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Дѣйствительно, въ 1863 г. состоялось обсужденіе общаго вопроса. Но, какъ и слѣдовало ожидать, въ 1863 г. у плетей и шпицрутеневъ оказалось не меньше друзей, чѣмъ въ 1861 году.

Гр. Панинъ выступилъ даже противъ смягченія наказаній для престарѣлыхъ и слабосильныхъ преступниковъ. Онъ требовалъ возстановленія отмѣненнаго еще въ 1858 году бритья головы, настаивалъ на сохраненіи плетей и шпицрутеневъ. Гр. Панинъ—по выраженію Джаншіева ¹⁾—дѣлалъ одну „уступку“. Въ то время какъ гр. Аракчеевъ требовалъ экзекуціи „сввозъ тысячу двѣнадцать разъ безъ медика“, гр. Панинъ былъ „противъ истязаній“: онъ соглашался на допущеніе медика, чтобы торговая казнь приводилась, такимъ образомъ, въ исполненіе, „по удостовѣреніи врачей, что преступникъ не находится въ болѣзненномъ состояніи“. Кроме того, онъ соглашался на переносъ клейма съ лица на плечо. Главное содержаніе закона 1863 года „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ“—результатъ пятилѣтнихъ работъ,—сводится къ слѣдующему: отмѣняются вовсе практиковавшіяся до того жестока тѣлесныя наказанія, а именно: шпицрутены для военнаго вѣдомства, кошки для морского и плети для лицъ гражданскаго вѣдомства; отмѣняется наложеніе клеймъ и штемцельныхъ знаковъ; къ числу изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній отнесены лица женскаго пола, кромѣ ссыльныхъ. Самый актъ мотивированъ стремленіемъ „точнѣе соразмѣрить кару оныхъ (наказаній) съ свойствомъ степени преступленія“.

Въ 1864 году государственный совѣтъ изгоняетъ розгу изъ мирового суда, исходя, во-первыхъ, изъ того, что наказанія розгами нецѣлесообразны съ отмѣной шпицрутеневъ и плетей: народъ привыкъ къ грубому обращенію; розги не только не возбуждаютъ надлежащаго страха, но „весьма часто предпочитаютъ лишенію свободы, уплатѣ денежныхъ взысканій или отдачѣ въ общественныя работы“; во-вторыхъ, „тѣлесныя наказанія—по мнѣнію государственнаго совѣта—не могутъ не быть признаны положительно вредными, препятствуя смягченію нравовъ народа и не позволяя развиваться въ немъ чувству чести и нравственнаго долга, которое служить еще болѣе вѣрной оградой общества отъ преступленій, чѣмъ самая строгость уголовного преслѣдованія“. По уложенію 1866 года число группъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, доведено до 62. Въ 1886 году отмѣняются тѣ статьи, которыя, въ случаѣ явной невозможности подвергнуть

¹⁾ Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ.

виновнаго аресту въ тюрьмѣ, рабочемъ и исправительныхъ домахъ, разрѣшаютъ замѣнить эти наказанія розгами отъ трехъ до 100 ударовъ. Законъ 1893 года окончательно освобождаетъ ссыльныхъ женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія.

Такимъ образомъ, реформа 11 августа застала слѣдующіе виды наказаній:

1) въ военномъ вѣдомствѣ въ дисциплинарныхъ батальонахъ для штрафованныхъ;

2) для содержимыхъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ;

3) для ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ „за маловажные проступки“. Въ случаѣ побѣга или совершенія важнаго преступленія, каторжные подвергаются наказанію *плетми* и прикованію къ телѣжкѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ; приведеніе приговора о наказаніи плетми, хотя бы и состоявшагося въ предѣлахъ Европейской Россіи, совершается обязательно въ Азій, въ Сибири и притомъ непублично;

4) ст. 1261 улож. о наказ., допускавшюю пять ударовъ хлыстомъ для „корабельныхъ служителей“;

5) ст. 1377, предусматривавшую законную мѣру тѣлеснаго наказанія по отношенію къ „малолѣтнимъ ремесленникамъ“ — отъ пяти до десяти ударовъ розгами, безъ указанія на то, кому надлежитъ слѣдить за правильнымъ счетомъ.

Въ иномъ положеніи оказалась деревня. Въ деревнѣ розга отстояла свои позиціи не только въ Сибири, но и на всемъ прострествѣ Европейской Россіи.

Когда шла разработка Положеній 19 февраля 1861 года, отмѣна розги была отложена до пересмотра общаго вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Когда же состоялся пересмотръ, розга была оставлена вслѣдствіе жеудобства колебать Положенія 19 февраля 1861 года. Комитетъ, разсматривавшій вопросъ, „предполагалъ“, что по мѣрѣ распространенія образованія, крестьяне сами откажутся отъ позорнаго наказанія: уничтоженіе розги въ крестьянскомъ быту должно быть достигнуто не путемъ законодательной отмѣны, а путемъ внушенія обществамъ, что имъ выгоднѣе употреблять виновныхъ въ какую-нибудь работу, чѣмъ подвергать ихъ тѣлесному наказанію... Такъ вопросъ заглохъ. Правда, въ 1889 году приговоры волостныхъ судовъ о наказаніи розгами были поставлены подъ контроль земскихъ начальниковъ, но отъ этого ничего не измѣнилось. Примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ томъ или иномъ участкѣ стало зависѣть отъ *личнаго* усмотрѣнія мѣстнаго земскаго начальника, обладаю-

щаго безапелляціоннымъ правомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ замѣнять розги арестомъ, имѣющаго возможность направлять дѣятельность волостныхъ судовъ своего участка сообразно собственнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Примѣненіе же тѣлесныхъ наказаній по тѣмъ приговорамъ, которые обжаловывались обвиняемыми, переносились ими въ уѣздный съѣздъ, въ свою очередь, обусловливалось личнымъ составомъ уѣзднаго съѣзда, особенно личными усмотрѣніями предсѣдателя съѣзда, мѣстнаго предводителя дворянства, уѣзднаго члена суда. „Земскіе начальники—писалъ земскій начальникъ, потомъ воронежскій вице-губернаторъ А. М. Черновъ¹⁾—увидѣли себя какъ бы призванными возстановить престижъ розогъ и побоевъ и вернуть доброе старое время; они утверждали не только всѣ приговоры о поркѣ волостныхъ судовъ, но отказывали и приказывали выполнять старые давнишніе приговоры о розгахъ и, вообще, такъ подѣйствовали на волостные суды, что послѣдніе, въ угоду розголюбивымъ земскимъ начальникамъ, начали снова чаще выносить приговоры о розгахъ“²⁾. Комиссія по преобразованію волостныхъ судовъ въ 1872 г., собравшая множество данныхъ, относящихся къ двѣнадцати губерніямъ разныхъ полосъ Россіи, свидѣтельствовала о томъ, что въ однихъ изъ этихъ губерній розги составляли самый распространенный видъ наказанія, примѣняемый волостными судами, въ другихъ же розги, хотя и уступали аресту по численности случаевъ, все же также представляли преобладающій способъ наказанія. Изъ однихъ свѣдѣній, касающихся владимірской губерніи, видно, что сѣченія послѣ освобожденія крестьянъ не только не ослабѣвали, но еще усиливались, достигнувъ своего maximum'a въ 1872—73 гг.

Крѣпостное право исчезло, но не исчезли розги — даже оказалась реакція, если не въ сферѣ законодательства, то въ сферѣ административной практики. Прислушаемся же къ тѣмъ аргументамъ, которые срывались съ устъ крѣпостниковъ всякій разъ, когда розгѣ грозила опасность.

Въ эпоху реформъ это были аргументы тѣхъ, кто видѣлъ въ дѣятеляхъ освобожденія крестьянъ враговъ государственнаго порядка. „Теперь въ Россіи жить нельзя — писалъ одинъ крѣпостникъ — партія красныхъ господствуетъ въ Россіи“. Вокругъ Александра II было мало людей, относящихся къ реформѣ съ полнымъ сочувствіемъ. Большинство, считая осво-

¹⁾ Въ гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губ., въ бытность тамъ г. Чернова земскимъ начальникомъ, тѣлесныя наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ почти вышли изъ практики. См. объ этомъ „Смоленскій Вѣстникъ“ за 1898 г.

²⁾ Ср. случай, разсказываемый г. Пругавинымъ въ „Юридической Газетѣ“ 1890 г.

боженіе вредной затѣй, гибельной для интересовъ государства, не оставалось ни передъ тѣмъ, чтобы напугать императора. Пожары, бунты, кровавая рѣзня, анархія—вотъ тѣ перспективы, которыя всегда охотно рисовались, какъ неизбежный результатъ освобожденія крестьянъ, лишенія помѣщиковъ ихъ „собственности“. Но никогда эти ужасы не случались такъ, какъ тогда, когда вопросъ заходилъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Это понятно. Если въ настоящее время для восстановленія порядка и въ деревняхъ, и въ городскихъ центрахъ прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, то можно себя представить, какъ широко примѣнялось это средство до реформы. Мы это отчасти видѣли... Между тѣмъ моментъ былъ таковъ, что соображеніямъ о государственномъ порядкѣ нельзя было не удѣлять вниманія. „Въ настоящую минуту—рисовалъ Анненковъ комитету при II отдѣленіи Е. И. В. канцелярія ужасныя послѣдствія отмѣны тѣлесныхъ наказаній—минуту преобразованія всѣхъ основъ государственнаго быта, когда съ одной стороны власть помѣщика уничтожилась, а съ другой—власть общинная и мировыхъ посредниковъ еще не установилась, когда между тѣмъ, вслѣдствіе политическихъ смуть нѣсколько западныхъ губерній объявлены въ военномъ положеніи, и враги порядка стремятся самыми неистовыми воззваніями возмутить спокойствіе въ остальной части государства: всякое измѣненіе системы наказаній совершенно несвоевременно, всякое заявленіе по сему предмету намѣренной опасно и вредно, потому что возбужденные тѣмъ вопросы и толки могутъ еще болѣе ослабить страхъ наказанія, еще сильнѣе поколебать власть, и безъ того уже ослабленную, могутъ совершенно ее парализовать“. Насколько велика была паника, вызванная петербургскими пожарами, видно изъ того, что въ 1862 году однимъ членомъ слѣдственной комиссіи было предложено обратиться къ *пыткамъ*... Народъ есть существо низшее, которое необходимо наказывать тѣлесно—безъ этого всякій порядокъ казался невысказаннымъ.

Ни для кого не тайна, что позднѣйшія начала являлись не довершеніемъ основныхъ началъ, установленныхъ эпохой реформъ, а стояли нерѣдко въ прямомъ съ ними противорѣчій. Позднѣйшія измѣненія закрѣпили тѣ стороны установленныхъ эпохой реформъ порядковъ, которыя являлись временными, переходными, и, напротивъ, свели къ нулю то, что, по своему духу, должно было разсматриваться, какъ истинное начало новой жизни. Сложившіяся, такимъ образомъ, отношенія, въ которыхъ разныя стороны противорѣчили другъ другу, оказались таковы, что кнутафильскія симпатіи сохранились въ нихъ въ совершенно чистомъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какое трогательное единодушіе:

И современный кнутафилъ признаетъ классъ „благородныхъ“, которыхъ „да не коснется розга“. Касаться должна она „черни“, годной лишь къ той дрессировкѣ, какой подвергаютъ собакъ посредствомъ вьута. Мужикъ, избиваемый „благороднымъ“, долженъ даже имѣть видъ „бодрый“ и благодарить за „порку“. Иначе говоря — словами штабсъ-капитанши Архангельской, противъ которой въ 1858 году было возбуждено дѣло объ истязаніи — „законы гражданскіе, распредѣляя отношенія между людьми, основываются на естественномъ различіи господъ и холоповъ“. Для мужика лишеніе свободы „ровно ничего“ — убѣждали недавно гг. Навроцкій и Мусманъ полтавское земское собраніе. Подъ арестомъ онъ сидитъ, его поятъ, кормятъ и „ему, въ особенности зимою, больше ничего не нужно“. Народъ избаловался, сталъ лѣнивъ, не хочетъ работать. „Пожалуйте же народъ, господа, не увлекайтесь модными идеями; не посылайте народа въ тюрьму, не лишайте его тѣлеснаго наказанія“... ¹⁾ Неправда ли, читатель, мы это слышали сорокъ лѣтъ тому назадъ? „Тѣлесное наказаніе — писалъ гр. Панинъ — какъ самое физически чувствительное, исполнѣ понятное простолюдину, и не имѣя и потерявъ нравственное достоинство, преступникъ сознаетъ въ тѣлесномъ наказаніи чувствительное возмездіе за совершенное имъ злодѣяніе“. Даже любимый аргументъ гг. Навроцкихъ и Мусмановъ: необходимо уважать обычаи народной жизни, не прибѣгать къ „нравственному произволу“ надъ народомъ; если — молъ „народъ“ признаетъ розги болѣе цѣлесообразными и желательными, то ставить себя въ роль его учителей и неудобно, и нежелательно — даже этотъ аргументъ предвосхищенъ въ „Сводѣ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній“... ²⁾ Все это, конечно, пустяки по сравненію съ главнымъ. „Скажите, что дѣлать крестьянамъ — раздавались голоса на московскихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ — съ бобылемъ, который отправляется на заработки, ведетъ невсдерживную жизнь, возвращается въ общество безъ денегъ и не платитъ оброка?“ Дикіе истинки могутъ сдерживаться только страхомъ тѣлеснаго наказанія. На сцену выступаетъ мѣръ, руководимый мироѣдами, мѣръ, имѣющей право вернуть отлучившагося, не допустить семейнаго раздѣла, наложить на любого члена исполненіе общественной службы. Что до того, что сословный строй разрушается, что понятіе его уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Для удержанія крестьянства въ рукахъ сельскихъ властей нѣтъ лучшаго средства, чѣмъ розга. Стоитъ запретить розгу, чтобы наступила анар-

¹⁾ Жбанковъ. Голосъ земства о тѣлесномъ наказаніи. Русское Богатство. 1898 г., № 6.

²⁾ Стр. 90.

хія: „пойдутъ ломать амбары, жечь дома, отнимать собственность у помѣщиковъ“. Нѣтъ, „въ заботахъ о нравственныхъ интересахъ правонарушителей, весьма, конечно, похвальныхъ и желательныхъ,—плакались смоленскіе іудушки—¹⁾ забываютъ про жертвы преступленія, ихъ человѣческое достоинство и поруганную честь... Лучшее будущее для нашего народа, намъ думается, скорѣе наступитъ, когда мы на первый планъ будемъ ставить интересы трудящейся лучшей части народа, а не его отбросовъ“, „благородныхъ“, а не „поддыхъ“...

Таковы аргументы людей, вчера еще торговавшихъ людьми, помнящихъ рогатки, ливанье языкомъ горячей печки, „прогнаніе сквозь строй“. Какъ все это... свѣжо, близко! Какъ все это даже въ рѣзкихъ формахъ живо въ русской дѣйствительности! Розга являлась одной изъ опоръ этихъ формъ. Вотъ почему розга держалась такъ долго, такъ упорно.

V.

Нельзя сомнѣваться въ томъ влияніи, какое законъ окажетъ. Въ моментъ, когда вниманіе общества и правящихъ сферъ полно внѣшними событіями, внутренняя жизнь отодвигается въ ихъ сознаниі, отступаетъ на второй планъ... Между тѣмъ все въ Божьемъ мірѣ развивается... Вездѣ внутренніе успѣхи являются предтечей успѣховъ внѣшнихъ. Въ этомъ смыслѣ мѣра 11 августа прежде всего своевременна.

Едва ли не худшимъ результатомъ розги являлось то развращающее дѣйствіе, какое она оказывала на *самыхъ исполнителей*. Сами исполнители несли въ себѣ психологію „царства кнута“. „Тиранство есть привычка; оно одарено развитіемъ, оно развивается въ болѣзнь, говорить Ф. М. Достоевскій, испытавшій на себѣ это тиранство. Я стою на томъ, что самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря. Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрузбѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и, наконецъ, сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнуть въ тираниѣ навсегда“. Достоевскій даетъ цѣлый рядъ примѣровъ того, какъ дѣйствуетъ „возможность такого своеволія“, такого обращенія съ безправными людьми... Естественно, законодательное превозглашеніе тѣлесной неприкосновенности, поднимая чувство собственнаго достоинства рабочаго человѣка, подниметь вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіе къ законности и ея престижу.

Оно не можетъ не придать бодрости и тому подъему духа, который въ

¹⁾ Жбанковъ. Голосъ земства о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Русское Богатство, 1898 г. № 6.

настоящій моментъ переживаетъ русское общество. Хлопотали, ходатайствовали... Пусть наши реформы залеживаются, голосъ времени не можетъ не быть услышанъ рано или поздно, „обращенія къ прошедшему“ не могутъ не оказываться нелѣпыми, безплодными, осужденными самимъ этимъ прошлымъ... Застой—смерть, непримѣтная, но все же смерть. Прожитое безъ тѣлесныхъ наказаній время покажетъ, какъ рѣдко бывають правы тѣ, кто хотѣлъ бы на всю хозяйственную и культурную жизнь страны надѣть намордникъ...

Но опытъ цивилизованныхъ странъ свидѣтельствуетъ, что отмѣнить тѣлесное наказаніе на практикѣ гораздо труднѣе, чѣмъ законодательнымъ актомъ. Необходимы долгія усилія, чтобы довести реформу до конца...

Какъ мы видѣли выше, не какъ „цѣль въ себѣ“ существовала розга. Она существовала, какъ часть системы, „мало-по-малу“ упраздняющейся, но системы, еще достаточно жизненной въ русской дѣйствительности. Это—своего рода атмосфера. Пусть розга „отмѣнена“, но этимъ еще не отмѣняется атмосфера, создающая возможность битья. Отмѣна 11 августа, давножданная, привѣтствованная всѣми, кто только дорожитъ честью родного народа, страдаетъ тѣмъ же, чѣмъ всѣ наши „отмѣны“: онѣ проведены изолированно, внѣ связи съ атмосферой. Естественно возникаетъ вопросъ, не сведется ли реформа къ реформѣ внѣшности, а не сущности? не создадутъ ли наши нравы цѣлаго ряда суррогатовъ къ розгамъ? не останется ли многое и послѣ отмѣны въ прежнемъ положеніи?

Съ реформой 11 августа долженъ быть поставленъ на очередь вопросъ о кулакѣ, орудіи, хотя и не упоминающемся въ уголовномъ законодательствѣ, но тѣмъ не менѣе весьма популярномъ въ административной практикѣ. Говоря о немъ, великій князь Константинъ Николаевичъ писалъ: „Наши полицейскіе чиновники привыкли такъ легко смотрѣть на побой простого народа, а высшія мѣстныя власти смотрять по большей части съ такой легкостью на эти злоупотребленія, что каждый изъ нихъ считаетъ себя въ правѣ употреблять розги и побой, когда ему вздумается“¹⁾. Извѣстно прошеніе Ѳ. М. Рѣшетникова, который, переночевавъ въ части, вышелъ оттуда избитый, безъ денегъ и кольца. „Я ничего не ишу,—просилъ онъ.—Я только объ одномъ осмѣливаюсь утруждать васъ, чтобы пристава, квартальные, ихъ подчаски и городовые не били народъ“²⁾. Правда, это были годы реформъ, но... тысячи пощечинъ у насъ и въ настоящее время, сплошь и рядомъ, не доходятъ до разбирательства. Законъ

¹⁾ Сводъ мнѣній, стр. 97.

²⁾ Глѣбъ Успенскій. Сочиненія, т. III. „Федоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ“.

даже не предусматриваетъ ихъ. Развѣ „холодныя“, „влоповники“, „ката-лашня“, практикуемые волостными правленіями,—простою арестъ, а не пытка, не истязаніе? Развѣ люди не выходятъ оттуда нерѣдко въ боль-ницу? А „бытовые уклады“ русской жизни? Вспомнимъ недавно собирав-шійся, по инициативѣ „общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ“ первый всероссійскій ремесленный съѣздъ. Господа ремеслен-ники „согласились“ поступиться предоставленнымъ имъ 1377 ст. уложенія о наказаніяхъ обращеніемъ къ суду для наказанія розгами учениковъ своихъ — лишь бы имъ оставили „мѣры домашняго исправленія“. Что же это за мѣры? „Конечно, людямъ пришлымъ, стороннимъ легко заступаться за ремесленныхъ учениковъ. Они не знаютъ и не подозрѣваютъ, сколько хозяевъ доходятъ до чаютки только благодаря ученикамъ... Постегиваніе— одно изъ главныхъ средствъ держать ремесленныхъ учениковъ въ страхѣ и послушаніи; благодаря розгамъ, изъ баловниковъ выходятъ потомъ люди; запретите розги—и получится масса недоучекъ“. Итакъ, вмѣсто розогъ по суду... „мѣры домашняго исправленія“. И эти слова были покрыты оглушительными аплодисментами, которые то замирали, то вновь учащались. Къ оратору подходили для одобреній и рукопожатій!.. ¹⁾ Нѣтъ, пока розга имѣетъ возможность высказывать въ „мѣрахъ домашняго исправленія“, пока не подрѣзана самая возможность кулачныхъ расправъ, не доведен-ныхъ до разбирательства, реформа 11 августа не принесетъ ожидаемой пользы...

Необходимо такъ организовать жизнь, чтобы битые встрѣчало отпоръ *общественный*, прежде всего общественный. Институтъ тѣлесныхъ нака-заній не считался съ общественнымъ мнѣніемъ; оно осудило его, какъ остатокъ варварства. Но надо ли сомнѣваться въ томъ, что, если бы общественное мнѣніе имѣло у насъ извѣстное значеніе, то розга давно исчезла бы самымъ настоящимъ образомъ? Чтобы санкціонировать реформу 11 августа, лучшее средство—поставить дальнѣйшую судьбу ея подъ не-посредственный контроль общества. Если общество изо дня въ день не контролируетъ само себя, разладъ между сущностью и формой неизбеженъ. Разумѣется, за частнымъ вопросомъ не надо забывать вчерашняго дня: вопросъ о формахъ общественнаго содѣйствія еще такъ неясенъ у насъ... Но—будемъ ждать...

¹⁾ А. В. Пѣшехоновъ. На очередныя темы. СПб., 1904 г., „Господа ре-месленники и ихъ комментаторы“.

Л. Клейнбортъ.

Арендныя отношенія у крестьянъ

по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Вопросъ объ арендѣ долженъ былъ обратить на себя особенное вниманіе комитетовъ. Институтъ этотъ играетъ чрезвычайно важную роль и въ крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ какъ большинство арендаторовъ крестьяне, и въ помѣщичьемъ, потому что наибольшее количество арендуемой земли приходится на долю частновладѣльческой. По даннымъ центрального статистическаго комитета въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи крестьяне арендуютъ 11,046 тыс. дес. Данныя эти являются весьма неточными. Болѣе достовѣрныя свѣдѣнія земской статистики, не охватывающей однако всей Россіи, свидѣтельствуютъ, что только въ 183 уѣздахъ арендуемая земля равняется 10,163 тыс. дес. Въ виду этихъ данныхъ проф. Карышевъ исчисляетъ общую площадь арендуемой крестьянами земли во всѣхъ 50 губ. въ 50 почти мил. дес. Въ засѣданіяхъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, посвященныхъ арендѣ ¹⁾, прив.-доц. А. А. Чупровъ, исходя изъ официальныхъ данныхъ, опредѣляющихъ площадь арендуемой крестьянами земли въ средне-земледѣльческихъ губерніяхъ въ девятнадцать съ половиной мил. дес., и принимая во вниманіе, что арендуется только удобная земля, непосредственно служащая для сельско-хозяйственнаго пользованія сѣмщика, пришелъ къ тому выводу, что по сравненію съ такой же удобной частно-владѣльческой землей, не сдаваемой въ аренду, первая составляетъ 50—60%.

Арендные платежи составляютъ такимъ образомъ весьма значительную статью крестьянскихъ расходовъ. По вычисленіямъ Карышева въ тѣхъ 76 уѣздахъ, относительно которыхъ имѣются достаточныя свѣдѣнія, на

1) „Правит. Вѣстн.“, 1904 г. № 66.

арендующій дворъ приходится 25 р. арендной платы, между тѣмъ какъ годовою оброкомъ временно обязательныхъ составлялъ на дворъ 16 р. 37 к., выкупной платежъ до пониженія 15 р. 31 к., послѣ пониженія 11 р. 22 к., мирскіе расходы составляли на дворъ 3 р. 39 к. Такимъ образомъ эти расходы играютъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ меньшую роль, нежели арендные платежи. Далѣе въ 126 уѣздахъ сумма арендныхъ платежей простирается ежегодно до 45 мил. руб., причемъ и эта цифра значительно ниже дѣйствительной, такъ какъ при натуральной формѣ платежей стоимость ихъ значительно возрастаетъ. Такая значительная сумма платежей приобретаетъ естественно большое значеніе и для собственниковъ земель, эти платежи получающихъ. Исправность или неисправность ихъ поступления должна весьма чувствительно отражаться на ихъ благосостояніи ¹⁾. Мало того, доходность земель при системѣ отдачи ихъ въ аренду въ такихъ значительныхъ размѣрахъ должна оказать серьезное вліяніе на хозяйство землевладѣльцевъ и на той землѣ, которая въ аренду не сдается, но на которой они сами хозяйничаютъ ²⁾.

Дѣйствительно, комитеты посвящали много труда и времени разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ арендой. Разсужденія комитетовъ, помимо ихъ непосредственнаго значенія для освѣщенія столь важнаго вопроса, интересны еще потому, что здѣсь рѣзко сталкиваются интересы крестьянскаго и землевладѣльческаго элементовъ, изъ коихъ первый почти вовсе не былъ представленъ въ комитетахъ.

Комитеты вполне сознаютъ огромное значеніе аренды для крестьянскаго хозяйства. Важно, какъ на это правильно указываетъ Орловскій комитетъ, не только то, что изъ двухъ крестьянскихъ дворовъ одинъ является арендаторомъ, еще важнѣе, что этотъ арендующій крестьянскій дворъ совершенно не можетъ обойтись безъ арендуемой земли, такъ что лишеніе этого двора арендуемой имъ земли неизбѣжно сдѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее хозяйничаніе этого двора (Орл. 365). Цѣлыя поселки возникаютъ на арендуемыхъ земляхъ (Оренб. 51). Лишеніе арендаторовъ земли, которую они арендуютъ въ теченіе многихъ лѣтъ, можетъ ввергнуть ихъ поистинѣ въ бѣдственное положеніе, вызвать полное ихъ разореніе. И подобные случаи имѣютъ мѣсто (Полт. 740, Самарск. 392). Констатируя существенное значеніе аренды для крестьянскаго хозяйства, цѣлый рядъ комитетовъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что современныя арендные отношенія отнюдь не могутъ быть признаны удовлетворительными. Такой выводъ былъ, конечно, неизбеженъ, онъ съ очевидностью

¹⁾ Мануиловъ. Аренда, стр. 40.

²⁾ Ср. т. I ст. В. А. Пѣшехонова.

подсказывался не только тѣмъ матеріаломъ, который имѣется въ литературѣ, рядомъ изслѣдованій, преимущественно земской статистики, но и тѣмъ знаніемъ мѣстныхъ условій, которыми располагали комитеты. Такъ, раньше всего по вопросу о высотѣ арендныхъ цѣнъ рядъ комитетовъ указываетъ на ихъ ненормально высокій уровень, совершенно не отвѣчающій дѣйствительной доходности арендуемой земли. Карышевъ наглядно доказываетъ въ своемъ изслѣдованіи, что высота арендныхъ цѣнъ обуславливается степенью нужды крестьянъ въ землѣ и вызываемой такимъ путемъ конкуренціи, заставляющей наиболѣе нуждающихся въ землѣ платить за нее дороже другихъ. Дороже всего аренда обходится отдѣльному крестьянину, дешевле общинѣ, еще дешевле крестьянскимъ товариществамъ, отличающимся наибольшей состоятельностью ¹⁾. Поэтому же наименѣе выгодная для арендаторовъ аренда—погодная, обходится дороже долгосрочной, къ первой прибѣгаютъ наиболѣе нуждающіеся въ сѣмкѣ земли, для которыхъ аренда совершенно лишена предпринимательскаго характера, но является средствомъ пополнить недостатокъ въ пищѣ и кормѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ раньше всего мелкіе размѣры аренды. По изслѣдованіямъ Карышева въ 78 уѣздахъ изъ 125 крестьяне арендуютъ въ среднемъ менѣе двухъ десятинъ на дворъ. Удобной надѣльной и арендуемой земли на дворъ приходится въ Рузскомъ уѣздѣ 15,6 дес., въ Волоколамкѣ—18,8 д., Дмитровскомъ—13,7 д., Коломенскомъ—9,8 д., Богородскомъ—7,1 д., что не превышаетъ нормы, необходимой для крестьянскаго двора ²⁾. Повятно, крестьянинъ въ такой мѣрѣ нуждающійся въ арендѣ, для прокормленія себя и своей семьи, согласится на самыя тяжелыя условія, только бы получить нужную ему землю.

И такъ какъ общая тенденція развитія экономическихъ отношеній среди нашего крестьянства направляетъ къ дальнѣйшему его объединенію, то нельзя не признать совершенно правильнымъ мнѣніе, высказанное Карышевымъ, что „поскольку настоящее позволяетъ судить о будущемъ, слѣдуетъ высказать увѣренность, что погодный наемъ долженъ продолжать развиваться. Эта форма аренды обладаетъ, повидимому, прочными корнями въ обшемъ строѣ нашихъ арендныхъ отношеній“ ³⁾. Прошло болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ предсказаніе это было высказано, и дѣйствительность вполне подтвердила его правильность. Въ трудахъ комитетовъ мы постоянно встрѣчаемся съ указаніемъ на широкое распространеніе

¹⁾ То же указывается въ журналѣ напр. Саратовскаго ком.—Внѣнадѣльная аренда земли. Отгискъ изъ „Саратовской Недѣли“, стр. 40. Мануиловъ. Аренда, стр. 54.

²⁾ Мануиловъ. Аренда, стр. 35.

³⁾ Карышевъ. Внѣнадѣльная аренда, стр. 386.

наименѣе выгодной, по признанію и комитетовъ, формы аренды, именно погодной и при томъ на наиболѣе тяжелыхъ для сѣмщиковъ, сравнительно съ другими формами, условіяхъ. Такъ, матеріалъ, бывшій въ распоряженіи Саратовскаго губ. ком. выясняетъ, что характерной чертой аренды въ Саратовской губ. ¹⁾ является ея краткосрочность, что исключаетъ возможность хозяйственнаго отношенія къ землѣ и заставляетъ арендаторовъ вести хищническое хозяйство. И въ той же Саратовской г. долгосрочная аренда, болѣе выгодная для сѣмщиковъ, обходится имъ значительно дешевле краткосрочной, именно на $\frac{2}{5}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{2}{3}$. Въ Суджанскомъ уездѣ преобладающей формой является десятидневная сдача на одинъ посѣвъ. Это преобладающее значеніе погодной аренды констатируетъ цѣлый рядъ земствъ ²⁾, при чемъ комитеты отлично сознаютъ всѣ ея вредныя послѣдствія. Какъ правильно указываетъ Бессарабскій комитетъ ³⁾, эта форма аренды соединяетъ въ себѣ всѣ противохозяйственныя условія мелкаго землепользованія и не имѣетъ ни одного изъ достоинствъ мелкаго хозяйства. Комитеты сознаютъ, что столь краткосрочная аренда исключаетъ возможность хозяйственной эксплуатаціи земли, что она съ необходимостью вызываетъ хищническое хозяйство, въ конечномъ результатѣ вредное не только для арендаторовъ, но и для землевладѣльцевъ. Повидимому, по этому вопросу среди комитетовъ не было различія во взглядахъ ⁴⁾. И тѣмъ болѣе диссонансомъ звучитъ споръ по этому вопросу, который возникъ въ Особомъ Совѣщаніи ⁵⁾. Одинъ изъ членовъ находилъ, что этотъ погодный сѣвъ небольшихъ участковъ не только недоступенъ какой-бы то ни было законодательной регламентаціи, но что здѣсь даже и не желательна какое-либо измѣненіе, такъ какъ этотъ видъ аренды представляетъ свои особыя преимущества для обѣихъ сторонъ. Что онъ представляетъ огромныя непосредственныя преимущества для собственника, имѣющаго возможность извлекать всю выгоду, связанную съ постояннымъ увеличеніемъ арендныхъ цѣнъ, сохраняющаго за собой право свободнаго распоряженія въ концѣ хозяйственнаго года своимъ имѣніемъ, это понятно само собой. Но именно въ виду этихъ огромныхъ преимуществъ для собственниковъ становится непонятнымъ, какія преимущества могутъ быть связаны съ этой формой аренды для арендатора. По мнѣнію упомянутаго члена Совѣщанія выгоды заключаются въ томъ, что „сѣмщикъ нерѣдко

1) Колобовъ. Виѣнадѣльная аренда земли въ Саратовской губ. Приложеніе къ № 11—12 Саратов. Земск.

2) Флексеръ, аренда. Сводъ трудовъ мѣстныхъ комит. 53.

3) Бессарабск. 257.

4) Ср. Сводъ г. Флексера стр. 53 см.

5) Прав. Вѣстн. № 66.

ежегодно мѣняетъ снимаемыя имъ земли, обращаясь къ съему то однихъ, то другихъ участковъ, въ зависимости отъ того, гдѣ это для него выгоднѣе и гдѣ онъ можетъ получить землю дешевле“. Свобода выбора такъ повидимому велика, „что нерѣдко крестьяне даже предпочитаютъ съемъ земли на одинъ годъ долгосрочному ея арендованію, изъ опасенія связать себя на продолжительный срокъ и оказаться предъ владѣльцами земли несостоятельными; при погодной же съемѣ послѣ снятія урожая всѣ отношенія между землевладѣльцемъ и съемщикомъ прекращаются, и обѣ стороны сохраняютъ свободу дѣйствія на будущее время“. По этимъ соображеніямъ членъ Совѣщанія пришелъ къ тому выводу, что погодный съемъ долженъ быть признанъ вполне соответствующимъ взаимнымъ интересамъ сдатчика и съемщика. Итакъ, выходятъ будто для обѣихъ сторонъ, а слѣдовательно и для интересовъ народнаго хозяйства болѣе выгодна такая система аренды, при которой арендаторъ становится въ самыя краткосрочныя отношенія къ землѣ, ни въ малѣйшей степени не заинтересованъ въ цѣлесообразномъ хозяйственномъ пользованіи ею, и ему не гарантируется возможность даже и въ ближайшемъ-будущемъ получить въ аренду клочекъ земли, безусловно необходимый ему для поддержанія своего существованія. Такой совершенно неожиданный выводъ могъ получиться, какъ намъ кажется, только благодаря тому, что въ этихъ разсужденіяхъ былъ совершенно упущенъ изъ виду уровень арендныхъ цѣнъ.

Резюмируя данныя, приводимыя комитетами по вопросу о высотѣ арендныхъ цѣнъ въ сравненіи съ доходностью арендуемыхъ земель, сводъ констатируетъ, что „приводимыя по этому поводу мѣстными комитетами данныя, хотя и отрывочныя и весьма неполныя для точнаго учета доходности арендныхъ хозяйствъ, не оставляютъ однако сомнѣній, что въ настоящее время высокій размѣръ арендной платы поглощаетъ главнѣйшую часть доходовъ арендатора, нерѣдко сводя ихъ въ конечномъ результатѣ къ размѣру, значительно меньшему обычной заработной платы“.

Проф. Мануиловъ ¹⁾ указываетъ, что хотя арендная плата сильно колеблется, тѣмъ не менѣе сопоставленіе данныхъ приводитъ къ убѣжденію, что высота ея превосходитъ нерѣдко доходность земли. Такъ въ Палтавской г. арендаторы несутъ чистый убытокъ и арендуютъ только потому, что ни во что не цѣнятъ своего труда. По Орловскому у. положеніе арендаторовъ освѣщается слѣдующими данными. Вся арендная пашня даетъ 360,369 р. валового дохода. Если отсюда исключить 245,871 р. арендной платы, то получимъ остатокъ въ 114,498 р., а если вычестъ стоимость сѣмянъ и удобреній, то въ остаткѣ получится 25,965 р. Сюда вхо-

¹⁾ Аренда, стр. 56 сл.

дѣтъ оплата стоимости инвентаря, скота, построекъ, предпринимательская прибыль, между тѣмъ, какъ одно вознагражденіе за трудъ, скотъ и инвентарь должны составлять 177,695 р. Въ Курской губ. ¹⁾ благодаря все возрастающимъ аренднымъ цѣнамъ аренда десятины подъ яровое даетъ убытокъ въ 4 р. 15 к., подъ озимое убытокъ въ 4 р. 85 к. Точно также въ Епифанскомъ у. Тульской г. комитетъ констатируетъ, что если сравнить среднія арендныя цѣны съ чистою доходностью земли, то окажется, что арендная плата поглощаетъ не только чистый доходъ, но и известную часть заработной платы. Относительно Саратовской г. указывается въ трудахъ комитетовъ, что арендныя цѣны поглощаютъ не только ренту и предпринимательскую прибыль, но и значительную часть заработной платы. Въ докладахъ Бессарабскому г. комитету ²⁾ констатируется, что арендныя цѣны на монастырскія земли (составляющія въ губ. около 209 тыс. дес.) проявляютъ рѣзкую тенденцію къ непомерному возрастанію. Увеличеніе арендной платы не соответствуетъ ни возрастанію потребности въ землѣ, ни тому естественному повышенію ренты, которое обусловливается возрастаніемъ населенія, возвышеніемъ цѣнъ продуктовъ сельскаго хозяйства и увеличеніемъ основнаго капитала сельско-хозяйственной промышленности. Такая же чрезмерность арендныхъ цѣнъ констатируется и въ другомъ докладѣ, именно г. Ломовина, относительно тѣхъ же земель. Земли Синайскаго монастыря, сдавшіяся уполномоченнымъ монастыря по полторы коп. съ десятины, въ 1880 г. при первой переоброцкѣ поднялись отъ 2 р. 50 к. до 5 р. 12 к. за десятину, а въ 1887 г. арендныя цѣны по этимъ имѣніямъ достигли 10 р. 55 к. за десятину. Въ настоящее время нѣрѣдки арендныя цѣны въ 15 р. и выше. Возрастанію нѣтъ границъ. Въ томъ же докладѣ указывается, что крестьяне, арендующіе землю Галичь-Ватопедскаго монастыря и платящіе 17 р. аренды за десятину, ходатайствуютъ, чтобы эти земли были на новый срокъ оставлены за ними же, причемъ они заранѣе изъявляютъ согласіе на цѣну, которая будетъ установлена управленіемъ ³⁾.

Таковъ же характеръ данныхъ, говорятъ проф. Мануиловъ, установленныхъ для губерній Московской, Орловской, Рязанской, Симбирской, Саратовской, Полтавской и Херсонской ⁴⁾, при чемъ въ общемъ, хотя и съ большими колебаніями, замѣчается тенденція къ повышенію арендной платы ⁵⁾.

1) Докладъ Гиневича о долгосрочной арендѣ.

2) Докладъ А. Ф. Стюарта. Бессарабск. губ. 39 сл.

3) Бессарабск. губ. Стр. 53 сл.

4) Мануиловъ. Аренда стр. 63.

5) Тамъ же стр. 68.

Констатируя, что условия аренды для крестьян крайне невыгодны и что цены чрезмерно велики и постоянно возрастают, комитеты вместе с тем уделяют очень серьезное внимание выяснению и оборотной для помещиков стороны этих отношений, так как сама по себе чрезмерная высота арендных цен и невыгодные условия аренды, ставящие крестьян арендаторов в полную от землевладельцев зависимость, полезны для помещичьего хозяйства. Через все труды комитетов проходят красною нитью жалобы и на неисправность арендных платежей, и на хищническое ведение хозяйства, и на трудности высканія с крестьян, и на недобросовѣстность ихъ въ качествѣ арендаторовъ.

Несомнѣнно, очень сильно было представлено въ комитетахъ теченіе, исходящее изъ того взгляда, что причины, обуславливающія собой неудовлетворительное состояніе арендныхъ отношений, коренятся такъ глубоко въ экономическихъ и правовыхъ условіяхъ нашей жизни, что мѣры борьбы специально въ области аренднаго права представляются совершенно бесполезными. Резюмируя заключенія комитетовъ, Сводъ ¹⁾ говоритъ, что устраненіе нынѣ существующихъ тяжелыхъ условій аренды, неблагоприятствующихъ интересамъ труда, возможно только путемъ мѣръ, направленныхъ на поднятіе благосостоянія сельскаго населенія и коренного улучшенія правового и культурнаго быта крестьянъ, распространенія на нихъ обще-гражданскихъ законовъ, развитія самодѣятельности, предпримчивости и проч.

Съ такой постановкой вопроса невозможно согласиться. Мы вполне понимаемъ, что отношенія, которыя, подобно аренднымъ, глубоко врѣзаются въ народную жизнь, обуславливаются цѣлымъ рядомъ причинъ огромнаго значенія, не могутъ быть подвергнуты серьезному реформированію безъ соответствующихъ измѣненій тѣхъ факторовъ, коими эти отношенія и ихъ особенности созданы.

Было бы поэтому логично, если бы все тѣ, кто высказывался за невозможность именно въ виду этихъ соображеній подвергнуть серьезной реформѣ арендныя отношенія, отказались отъ разработки этого вопроса на томъ основаніи, что необходимо предварительно создать такія условія, которыя сдѣлали бы возможной общую реформу въ области экономическихъ и правовыхъ отношеній. А до тѣхъ поръ пока этихъ преобразованій нѣтъ, пока не созданы условія, дѣлающія плодотворной дальнѣйшую работу преобразованія отдѣльныхъ институтовъ, до тѣхъ поръ и вообще не стоитъ заниматься ими. Но въ такомъ случаѣ надо быть послѣдовательнымъ, надо отказаться отъ работы надъ непосредственными ближайшими прак-

¹⁾ Стр. 17.

тическими задачами, впредь до созданія болѣе благоприятныхъ для того общихъ условий. Съ этой точки зрѣнія не было мѣста для работы комитетовъ внѣ сферы сравнительно небольшого количества общихъ вопросовъ. Но если отказаться отъ такого ригористическаго отношенія, если оставить въ сторонѣ вопросъ, возможны ли частичныя реформы до измѣненія общихъ условий, т. е. если поступить такъ, какъ и поступили всѣ комитеты, совершенно независимо отъ того, въ какой мѣрѣ они вѣрили въ осуществимость своихъ предположеній до измѣненія общихъ условий, частью вовсе не входившихъ въ поставленную имъ программу, то нѣтъ основаній воздерживаться отъ указанія тѣхъ измѣненій, которыя должны быть внесены законодателемъ въ арендныя отношенія, оговоривъ, лишь, что предлагаемыя измѣненія врядъ ли будутъ осуществлены безъ введенія реформъ болѣе общаго характера.

Мысль о бесполезности законодательнаго вмѣшательства въ арендныя отношенія, при полномъ признаніи всей ихъ ненормальности, нашла среди комитетовъ многочисленныхъ сторонниковъ. До какой наивности доходили порой защитники сохраненія существующихъ отношеній впредь до тѣхъ поръ, пока они сами собой, въ силу дѣйствія общихъ экономическихъ и культурныхъ условий не измѣняется, свидѣлствуютъ разсужденія по этому вопросу полтавскаго уѣднаго комитета. Комитетъ начинаетъ съ полнаго признанія ненормальности существующихъ въ мѣстности арендныхъ отношеній. Господствуетъ краткосрочная аренда. Крестьяне во всякое время могутъ быть лишены арендуемой ими земли, и такіе случаи, дѣйствительно, бывали, вызывая разореніе цѣлыхъ округовъ. Поэтому „регулированіе такого рода отношеній представляется весьма важнымъ. Но установленіе въ законѣ условий, регулирующихъ арендныя отношенія, можетъ принести пользу обѣимъ сторонамъ только въ томъ случаѣ, если обѣ стороны одинаково вооружены для защиты своихъ правъ, иначе всѣми выгодами можетъ воспользоваться только одна сторона, а другая даже оказаться въ болѣе тяжеломъ положеніи“. Комитетъ такимъ образомъ совершенно упускаетъ изъ виду весь ходъ соціального законодательства, которое было направлено именно на поддержку слабого въ неравной борьбѣ съ сильнымъ и мотивировалось именно неравенствомъ сторонъ, съ которымъ отнюдь не гармонируетъ отвлеченное признаніе ихъ равноправности при заключеніи договоровъ. И если таковы взгляды комитетовъ на область возможнаго вмѣшательства законодателя въ сферу имущественныхъ отношеній между предпринимателемъ—собственникомъ, работодателемъ и всѣми тѣми, кто отъ нихъ находится въ зависимости, то нѣтъ, конечно, не должны удивлять отдѣльныя мнѣнія въ родѣ того, которое было высказано въ особомъ докладѣ Орловскому губ. ком. г. Теле-

шевымъ. Г. Телешевъ полагаетъ, что вопросъ объ арендныхъ отношеніяхъ можетъ быть разрѣшенъ очень просто, слѣдуетъ ввести у насъ Кодексъ Наполеона. Его не смущаетъ обвиненіе въ замѣвѣ иностраннымъ институтомъ національныхъ особенностей, ибо „всѣ онѣ оказываются по провѣркѣ или на социалистической подкладкѣ, или остатками татарскихъ обычаевъ“. Эта социалистическая подкладка особенно сильна въ нашемъ законодательствѣ, что, по мнѣнію М. Телешева, и неудивительно, такъ какъ у насъ, къ сожалѣнію, законы пишутся чиновниками, а чиновники, за малыми исключениями, уже въ силу своего матеріальнаго положенія—соціалисты, а потому и наши законы направлены къ созданію всякихъ препонъ людямъ состоятельнымъ и послабленій классу, для соціалистовъ симпатичному“.

Значительное большинство комитетовъ, [не касаясь совершенно вопроса о соотношеніи между общими и частными реформами, и не пугаясь вмѣшательства законодателя въ сферу экономическихъ отношеній слабого и сильнаго, остановилось на разсмотрѣніи вопроса о желательныхъ измѣненіяхъ въ арендныхъ отношеніяхъ, причѣмъ они остановились только на основныхъ вопросахъ аренды.

Положенія арендной теоріи группируются, главнымъ образомъ, около двухъ пунктовъ. Первымъ изъ нихъ служитъ продолжительность аренднаго срока, вторымъ высота арендной платы. Въ тѣсной связи съ этими вопросами, въ особенности съ вопросомъ о срокахъ аренды, стоитъ далѣе вопросъ о возможности для арендатора производить затраты на улучшеніе арендуемой земли съ увѣренностью въ томъ, что ему удастся воспользоваться этими улучшеніями. На этихъ вопросахъ и сосредоточена вся ихъ работа. Въ тѣсной связи съ высотой арендной платы стоитъ вопросъ о способахъ обезпеченія правильнаго ея поступленія, чѣмъ комитеты также весьма интересовались.

Мы выше уже отмѣтили, что не только наша литература давно выяснила всю ненормальность высокихъ арендныхъ цѣнъ, но и что въ распоряженіи комитетовъ было достаточно матеріала, вполне подтверждающаго этотъ выводъ, къ которому многіе изъ нихъ цѣлкомъ присоединились. Единственно радикальнымъ выходомъ изъ тяжелаго положенія очевидно можетъ быть пониженіе тѣмъ или другимъ путемъ арендныхъ цѣнъ. Всѣ остальные мѣропріятія могутъ быть только паліативами, существенно дѣла не измѣняющими, и вмѣстѣ съ тѣмъ до тѣхъ поръ, пока не понизится арендная плата, не можетъ быть и рѣчи о сколько-нибудь хозяйственномъ отношеніи арендаторовъ къ арендуемой землѣ: хищническое хозяйничаніе неизбежно. Многіе комитеты и остановились на вопросѣ о законодательномъ вмѣшательствѣ въ вопросы арендной платы. Разрѣшенію задачи урегулированія арендныхъ цѣнъ и приведенія ихъ къ уровню,

отвѣчающему дѣйствительной производительности и доходности земли, мѣстными комитетами, говоритъ Сводъ ¹⁾, удѣлено особое вниманіе. Комитеты указывали, что ни съ чѣмъ не сообразное повышеніе арендныхъ цѣнъ, вызывающее эксплуатацію собственниками арендаторовъ, должно встрѣтить отпоръ со стороны законодателя. Необходимо установить предѣльныя нормы для арендныхъ цѣнъ, превышеніе которыхъ подпадало бы подъ понятіе ростовщичества. Для установленія такихъ предѣльныхъ нормъ было бы необходимо образованіе мѣстныхъ комитетовъ съ широкимъ участіемъ органовъ мѣстнаго самоуправленія ²⁾. Однако, какъ совершенно правильно констатируетъ Сводъ, въ огромномъ большинствѣ комитетовъ это предложеніе законодательнаго нормированія арендныхъ цѣнъ не встрѣтило сочувствія. Сдѣланныя возраженія могутъ быть разбиты на двѣ группы. Во первыхъ, принципиально возражали противъ правительственнаго вмѣшательства, исходя изъ того соображенія, что оно является нарушеніемъ неприкосновенныхъ правъ собственника, что оно убиваетъ частную предпримчивость, самодѣтельность населенія, что оно потому именно у насъ особенно опасно. Во вторыхъ, указывалось, что такое вмѣшательство представляется невозможнымъ, въ виду крайней затруднительности установленія нормальныхъ арендныхъ цѣнъ, что вмѣшательство это во всякомъ случаѣ ни къ чему не поведетъ, такъ какъ если законодатель установитъ цѣны болѣе низкія, нежели тѣ, которыя обусловливаются экономическимъ закономъ спроса и предложенія, то землевладѣльцы и вовсе перестанутъ сдавать землю въ аренду. Соображеніями этими едва ли исчерпывается вопросъ. Мы уже не будемъ говорить о наивной вѣрѣ въ некоторыхъ комитетахъ въ неприкосновенность правъ собственности, которой будто бы обусловливается недопустимость законодательныхъ ограниченій собственника ради общественныхъ интересовъ. Не будемъ доказывать, что вмѣшательство законодателя въ борьбу сильнаго съ слабымъ самодѣтельности не убиваетъ, а наоборотъ, вызываетъ къ ней тѣ именно элементы, которые лишены ей, вслѣдствіе воздѣйствія непреодолимой для нихъ силы предпринимателей. Не будемъ ссылаться и на примѣры исторіи, дсказывающей, что самодѣтельность и предпримчивость класса рабочихъ на западѣ не была убита законодательнымъ вмѣшательствомъ въ ихъ отношенія къ работодателямъ. Все это слишкомъ элементарно, чтобы нуж-

¹⁾ Стр. 34 сл.

²⁾ Тульская 434—436. Костромская 105—179. Эстляндская 68, 130—131, 139—140. Новоузенскій (Сам. губ.) 133, 379—380. Вольскій (Сарат. губ.) 386, 438. Днѣпровскій 47. Перекопскій 26, 167. (Тавр. губ.).

даться въ доказательствахъ. Мы остановились на этихъ мотивахъ комитетовъ только для выясненія, какъ далеко они заходятъ въ своемъ стремленіи доказать невозможность болѣе или менѣе серьезнаго вмѣшательства законодателя въ несомнѣнно ненормальныя арендныя отношенія, какамъ заржавѣлымъ оружіемъ пользуются они въ борьбѣ съ все болѣе и болѣе настойчиво выдвигающимися потребностями жизни, властно требующими справедливаго вмѣшательства законодателя, призваннаго охранять всѣхъ тѣхъ, кто находится въ ненормально-тяжелыхъ условіяхъ.

Конечно, было бы несправедливо утверждать, что вопросъ, подлежащій разрѣшенію комитетовъ, былъ прости, что регулированіе арендныхъ цѣвъ не представляетъ серьезныхъ затрудненій. Но комитеты вообще совершенно несочувственно отнеслись къ вопросу, они не только испугались трудностей, съ которыми несомнѣнно связано дѣло нѣкотораго урегулированія арендныхъ цѣвъ, но какъ будто въ большинствѣ или вовсе не желали останавливаться на этомъ вопросѣ, или же принципиально отрицали самое право такого урегулированія. А между тѣмъ опытъ Ирландіи, столь хорошо извѣстный и въ русской литературѣ, благодаря труду проф. Мануилова, долженъ былъ бы свидѣтельствовать о томъ, что дѣло это во всякомъ случаѣ возможное, что съ принципиальной точки зрѣнія противъ такого регулированія цѣвъ ничего нельзя возражать, такъ какъ оно было принято классической страной свободы—Англіей. У насъ, правда, много говорятъ о патріархальныхъ отношеніяхъ между рабочими и работодателями, но вѣдь о нихъ говорили и фабриканты, доказывая не только необходимость, но даже и вредъ фабричнаго законодательства для Россіи. Ирландское законодательство, давшее первый примѣръ дѣйствительно покровительственнаго отношенія къ арендаторамъ, развилось на почвѣ обычнаго права, законодатель только внесъ опредѣленность въ эти отношенія. У насъ же, главнымъ тормазомъ для развитія аналогичнаго законодательства является именно отсутствіе въ обычномъ правѣ, въ правосознаніи землевладѣльцевъ представленія о томъ, что высота арендныхъ цѣвъ должна обуславливаться еще и чѣмъ-либо другимъ, кромѣ столь жестокаго по отношенію къ арендаторамъ закона спроса и предложенія. И немудрено, что въ особомъ совѣщаніи не только была безусловно отвергнута мысль о такомъ воодѣйствіи законодателя, но она даже и не была, повидимому, выражена съ достаточной ясностью.

Значеніе отрицательнаго отношенія комитетовъ къ широкой реформѣ въ области арендныхъ отношеній мы можемъ оцѣнить, если сооставимъ это съ выработанной въ Ирландіи, уже въ пятидесятыхъ годахъ программой, основныя положенія которой были формулированы слѣдующимъ образомъ: „справедливая плата за аренду земли, обезпеченное владѣніе, сво-

бодная продажа“¹⁾. И только спустя приблизительно 30 лѣтъ эти идеи получили болѣе или менѣе полное осуществленіе. А у насъ, какъ оговаривается теперь, первый пунктъ этой программы почти не встрѣчается отклика въ представителяхъ населенія, собранныхъ въ комитеты. Какъ ни серьезно и важно указаніе на трудность какого бы то ни было законодательнаго регулированія высоты арендныхъ цѣнъ, не слѣдуетъ преувеличивать ея значеніе. По крайней мѣрѣ, когда комитеты признавали желательнымъ такое внимательство, и при томъ не боялись, что оно задѣнетъ ихъ интересы, они отнюдь не останавливались предъ трудностями опредѣленія справедливой арендной платы. Такъ цѣлый рядъ комитетовъ, какъ мы на это ниже еще укажемъ, требуетъ, чтобы *казенныя* земли сдавались не съ торговъ, но по справедливой цѣнѣ.

Точно также не усматриваютъ комитеты трудностей и тогда, когда рѣчь идетъ о земляхъ, принадлежащихъ заграничнымъ монастырямъ въ Бессарабской губ. Ее тоже слѣдуетъ сдавать не съ торговъ и не по возможно высокой цѣнѣ. Отношеніе комитета къ этой землѣ особенно характерно. Бессарабскій комитетъ весьма немного сказалъ по вопросамъ объ арендѣ вообще, но очень подробно остановился на монастырскихъ земляхъ, между тѣмъ эти послѣднія составляютъ лишь небольшую величину сравнительно съ частновладѣльческой землей, именно послѣдней въ губерніи 1690000 дес., а монастырской 206 тыс. Бессарабскій ком. весьма озабоченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что монастырская земля не попадаетъ непосредственно въ руки крестьянскаго населенія, занимающагося земледѣліемъ и садоводствомъ. Комитетъ вполне признаетъ, что сплошная сдача земель въ аренду должна быть „по справедливости признана наихудшимъ, граничащимъ съ хищническимъ способомъ веденія хозяйства“²⁾. Комитеты вполне понимаютъ весь вредъ сдачи земли въ аренду тѣмъ, кто предлагаетъ наивысшую цѣну, такъ какъ это содѣйствуетъ спекуляціи съ землей, причемъ „въ громадномъ большинствѣ случаевъ впроектъ попадаютъ крестьяне“. „Возвышеніе арендной платы происходитъ не соотвѣтственно доходности имѣній... произвольно назначенная цѣна должна быть дана мѣстнымъ населеніемъ подъ опасеніемъ лишиться земли“³⁾. Исходя изъ этихъ соображеній, Бессарабскій ком. принялъ слѣдующую революцію относительно этихъ земель⁴⁾: „установить нормальную арендную плату, вытекающую изъ доходности земель“, и по этой цѣнѣ безъ торговъ сдавать

1) Мануиловъ. Очеркъ ирл. и англ. законод. стр. 6.

2) Докладъ А. Н. Стюарта. О монастырскихъ земляхъ. Бессарабская г. стр. 43.

3) Тамъ же стр. 48.

4) Тамъ же стр. 8.

эту землю „сельскимъ обществамъ, вынужденнымъ къ арендѣ монастырскихъ земель вслѣдствіе недостатка надѣльной земли, равно и поселянамъ и землепашцамъ“. Слѣдовательно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ не о частной собственности землевладѣльцевъ, оцѣнка земель, опредѣленіе нормальной арендной платы становится дѣломъ не только принципиально правильнымъ, но и вполне возможнымъ. Точно также это кажется весьма многочисленнымъ комитетамъ возможнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ не объ установленіи нормальной арендной платы, но о вмѣшательствѣ правительства въ арендные отношенія посредствомъ гарантированія исправности арендныхъ платежей. Въдѣ и въ этомъ случаѣ правительство должно заранѣе опредѣлить нормальную арендную цѣну, только при наличности ея и возможно принятіе на себя правительствомъ гарантіи.

Наиболѣе характерно въ этомъ отношеніи крайне пассивное отношеніе комитетовъ къ вопросу объ „отрѣзкахъ“. Такъ какъ арендные цѣны опредѣляются у насъ исключительно закономъ спроса и предложенія, не смягчаясь никакими обычаями, то понятно, что аренда отрѣзковъ, совершенно независимо, представляютъ ли они какую-либо цѣнность для собственниковъ, обходится для арендаторовъ особенно дорого. На это уже давно было указано въ нашей литературѣ. Высота стоимости отрѣзковъ, говорить проф. Карышевъ ¹⁾, не измѣняется никакими дѣйствительными хозяйственными достоинствами участка, онъ можетъ даже и не представлять никакой стоимости съ точки зрѣнія своей производительности, но если пользованіе имъ является неизбѣжнымъ для окрестнаго крестьянства, то для него создается монополярная высокая цѣна. Авторъ приводитъ примѣръ изъ Сычевскаго у., гдѣ въ одномъ мѣстѣ арендуется 5 десятинъ высохшаго дна спущеннаго озера только потому, что они лежатъ въ серединѣ деревни. Въ среднемъ цѣна отрѣзковъ обходится вдвое дороже аренды остальныхъ земель. Комитетамъ было извѣстно множество фактовъ, вполне это подтверждающихъ. Мы отмѣтимъ только одинъ, особенно рельефный просто потому, что онъ рассказанъ лицами, которыя являются жертвами такого способа пользованія отрѣзками. Въ запискѣ, поданной въ Суджанскій у. к., крестьяне Ново-Ивановской волости хут. Найдена объявляютъ, что они поставлены въ совершенно безвыходное положеніе, вслѣдствіе нежеланія ихъ новаго помѣщика, Николая Артемьевича Терещенко, сдать имъ въ аренду землю, которая со всѣхъ сторонъ граничитъ съ ихъ крестьянской землей. „Противъ дворовъ нашихъ, пишутъ крестьяне, колодець—водопой для скота и для самихъ, мы пользовались съ преждѣ до вѣку, а теперь не позволяетъ (т. е. помѣщикъ) ни то что скотъ поить, а и самимъ не

¹⁾ Карышевъ. Крест. внѣнадѣльная аренда, стр. 318.

даютъ, хотя не пивши пропадай... земля Терещенко обошла насъ кругомъ, съ правой стороны подошла подъ хаты на 8 саж., съ лѣвой стороны сажень на 5, а противъ дворовъ саж. на 20. Имѣемъ по одной лошади и по коровѣ, и никакъ негдѣ пасти, потому что у насъ очень мало земли своей, а на Терещенко землю намаз взойдетъ курица или лошадь, онъ сейчасъ гонитъ въ экономию и беретъ штрафъ какой захочетъ, и намъ никакъ податься некуда, потому что Терещенко имѣетъ на каждомъ краю нашей деревнѣ сторожа... Итакъ мы крестьяне... лѣто работаемъ на помѣщика, зима придетъ, ѣсть нечего, пойдешь къ помѣщику взять хлѣба или корма за деньги или на отработки... Заработать крестьянамъ негдѣ, а до Терещенко пойдешь, онъ назначаетъ на мѣсяцъ 2—3 р., дороже нѣтъ, а тогда ходи для него работать мѣсяца два за одинъ, потому что если до вечера не отработать по какому-нибудь случаю 1 часу, то онъ пишетъ только полъ дня“...

Казалось бы такія явно аномальныя отношенія, при которыхъ нужда ближняго становится прямымъ источникомъ доходовъ землевладѣльца, должны были вызвать особенно энергичный протестъ со стороны комитетовъ, призванныхъ позаботиться о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Между тѣмъ, на вопросъ о введеніи права экспропріаціи такихъ участковъ обратили вниманіе сравнительно немногіе комитеты.

Независимо отъ того, въ какой мѣрѣ возможно помощью общей законодательной мѣры урегулировать разсматриваемый вопросъ, казалось бы случаи, подобные тому, который крестьяне рассказываютъ относительно своего помѣщика Терещенко, не должны бы были быть терпимы. Многіе комитеты полагали, что упорядоченіе и облегченіе условій аренды требуетъ коренного улучшенія правового и культурнаго быта крестьянъ путемъ распространенія на нихъ общегражданскихъ законовъ¹⁾. Для цивилиста, знакомаго съ этими общими гражданскими законами, такое требованіе, какъ условіе поднятія благосостоянія крестьянъ, должно казаться въ значительной степени наивнымъ. Да вѣдь, въ сущности и распространять тутъ нечего на арендныя отношенія, такъ какъ въ соответствующемъ отдѣлѣ X т. имѣются правда статьи, но эти статьи лишены почти всякаго содержанія. А поскольку такое содержаніе имѣется, оно и въ настоящее время распространяется почти на всю массу виѣнадѣльныхъ арендныхъ отношеній.

Но если уже ставить крестьянъ въ сферѣ ихъ отношеній подъ охрану тѣхъ же законовъ, которые дѣйствуютъ внѣ области крестьянскихъ отношеній, то раньше всего надо было бы и на крестьянъ распространить въ

1) См. Флексеръ. Сводъ, стр. 17.

полной мѣрѣ ту защиту протавъ ростовщичества, которую пользуется горожанамъ въ сферѣ своихъ отношеній. Ст. 180² уст. о нак. „за сеуду капитала въ чрезмѣрный ростъ... если заемщикъ былъ вынужденъ своими стѣсненными обстоятельствами, извѣстными заимодавцу, принять условія, крайне обременительныя“, подвергается уголовной карѣ, и сдѣлка признается недействительной. Наказаніе усиливается за занятіе ростовщичествомъ въ видѣ промысла. Но развѣ всѣ эти условія не имѣются сплошь и рядомъ на лицо и въ сельско-хозяйственной арендѣ? Вѣдь въ чемъ заключается основной принципъ той борьбы, которую со второй половины XIX столѣтія законодательства европейскихъ странъ возобновили противъ ростовщичества? Въ стремленіи бороться съ эксплуатацией, выражающейся въ томъ, что за услуги, оказываемыя людямъ нуждающимся, легкомысленнымъ и неопытнымъ, выговаривается вознагражденіе, явно несоразмѣрное. Но развѣ всѣ эти условія не имѣются на лицо въ тѣхъ случаяхъ, которые мы выше привели? Мотивируя необходимость закона, направленного на борьбу съ ростовщичествомъ, Государственный Совѣтъ совершенно правильно указывалъ на всю невозможность положенія, при которомъ „правительственная власть лишена возможности принять какія-либо мѣры даже противъ открытаго ростовщичества и вынуждена оставаться бессильной зрительницей пагубной дѣятельности такихъ лицъ, которыя обратили ростовщичество въ промыселъ и систематически разоряютъ крестьянъ, пользуясь ихъ нуждой и безпомощностью, какъ средствомъ для своего обогащенія... именно противъ такихъ ростовщиковъ, отъ коихъ подъ многочисленнымъ наименованіемъ мироѣдовъ и кулаковъ тяжело страдаютъ сельскіе обыватели, и должно быть наконецъ направлено воздѣйствіе правительственной власти, которое, за неимѣніемъ еще у насъ и невозможностью открытія въ близкомъ будущемъ учрежденій сельскаго кредита, можетъ состоять нынѣ только въ уголовномъ преслѣдованіи ростовщичества... самая угроза уголовной кары окажетъ благотворное вліяніе на ходъ борьбы съ этимъ зломъ“¹⁾. Но развѣ всѣ эти аргументы не подходятъ вполне и къ эксплуатациі сельскаго населенія помощью такихъ арендныхъ цѣбъ, которыя являются чрезмѣрными даже и по сравненію съ тѣми высокими, но обычными, увъ, цѣнами, которыя, по свидѣтельству комитетовъ, приносятъ арендаторамъ прямой убытокъ. Поэтому германское право преслѣдуетъ всѣ виды ростовщической эксплуатации нужды, легкомыслія и нечестива. § 802 угол. улож. говоритъ: кто, пользуясь тяжелымъ положеніемъ, легкомысліемъ или неопытностью другого, помощью займа, отсрочивъ

¹⁾ Законъ о ростовщичествѣ 24 мая 1893 г. Фонъ-Резинъ. Стр. 11 и сл.

денежнаго требованія или иной какой-либо двусторонней сдѣлки, которая должна служить тѣмъ же хозяйственнымъ цѣлямъ, выговариваетъ въ свою пользу имущественныя права, превосходящія обычный процентъ въ такой мѣрѣ, что по обстоятельствамъ даннаго случая вознагражденіе находится въ очевидномъ несоотвѣтствіи съ услугой,—подлежитъ наказанію тюремнымъ заключеніемъ до 6 мѣсяцевъ и кромѣ того денежному штрафу до 3000 марокъ. Уголовному наказанію согласно § 302a подлежатъ и тотъ, кто въ видѣ промысла эксплуатируетъ нужду, легкомысліе или невѣжество другого и помощью сдѣлокъ, не предусмотрѣнныхъ § 302a. Такимъ образомъ и эксплуатация помощью чрезмѣрно высокой арендной платы, явно не соответствующей условіямъ данной сдѣлки, подпадаетъ подъ понятіе сдѣлки ростовщической и можетъ повлечь за собой, если практикуется въ видѣ промысла, уголовную кару ¹⁾. Между тѣмъ, какъ мы только что видѣли, редакция нашихъ статей закона, преслѣдующихъ ростовщичество, значительно уже, онѣ не могутъ быть распространены на арендныя отношенія. Почему же такая привилегія? Отчего было тѣмъ комитетамъ, которые требовали раньше всего распространенія общихъ законовъ и на сельское населеніе, не потребовать вмѣстѣ съ тѣмъ и распространенія на столь важную для него сферу арендныхъ отношеній закона о ростовщичествѣ? Если законъ бессилъ предоставить нуждающемуся землю по справедливой цѣнѣ, то почему не дать закону, по крайней мѣрѣ, право вмѣшательства тамъ, гдѣ эти отношенія принимаютъ явно ненормальный характеръ даже и по сравненію съ тѣми обычными условіями, которыя тоже признаются несправедливо тяжелыми, но противъ которыхъ не рѣшаются бороться именно потому, что они обычны. И надо признать, что комитеты же предложили въ этомъ конкретномъ случаѣ примѣнить свой общій принципъ о необходимости поставить всѣ отношенія сельскаго населенія подъ сѣнь общихъ законовъ отнюдь не потому, что они не задумывались надъ вопросомъ объ аналогіи ростовщической эксплуатаціи мѣрѣдами крестьянской нищеты, помощью высокаго процента и эксплуатаціи той же нищеты землевладѣльцами, помощью чрезмѣрной арендной платы. На широкое распространеніе земельного ростовщичества указываетъ Тульскій комитетъ. Аренда, основанная только на неудобствахъ, созданныхъ чрезполостностью владѣній и необходимая для арендаторовъ, не извлекающихъ однако никакихъ экономическихъ выгодъ изъ этой аренды, по своему характеру вполне уподобляется ростовщичеству ²⁾. Нѣтъ принципиальнаго различія между денежнымъ и земельнымъ ростовщичествомъ. На эту же аналогію

¹⁾ Crome System des Deutschen Bürgerlichen Rechts I, стр. 376, пр. 15.

²⁾ Тульскій к. Стр. 434.

указывает напр. и Самарскій комитетъ ¹⁾. Но что еще характернѣе, нежели эти прямыя указанія на аналогію, по мнѣнію нѣкоторыхъ, между земельнымъ и денежнымъ ростовщичествомъ, это упорно повторяющіяся во многихъ комитетахъ заявленія, что такой аналогіи нѣтъ, что хотя цѣны и, дѣйствительно, чрезмѣрны, но это отнюдь не то же, что ростовщичество. Казалось бы, если это совершенно не подходитъ подь понятіе ростовщичества, то не о чемъ и говорить, надо указывать, на что походятъ чрезмѣрно высокія цѣны, а не то, на что онѣ не походятъ. Но многіе члены комитета, какъ бы подтверждая пословицу, что шапка горитъ только на ворѣ, считаютъ необходимымъ упорно доказывать, что это не ростовщичество ²⁾.

Мы не думаемъ, чтобы законъ противъ ростовщичества 1893 года, какъ и всякій другой репрессивный противъ ростовщичества законъ, могъ, дѣйствительно, привести серьезную экономическую пользу, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предметомъ эксплуатаціи становится нужда, а не легкомысліе или невѣжество. Но мы не сомнѣваемся, что извѣстную общественную пользу такіе законы все же приносятъ, они, по крайней мѣрѣ, забавляютъ судъ отъ ужасной необходимости оказывать содѣйствіе осуществленію такихъ сдѣлокъ, которыя претятъ ихъ человѣческому чувству. Суровое слово осужденія законодателя имѣетъ и само по себѣ извѣстное культурное значеніе. А во всякомъ случаѣ, разъ существуетъ репрессивный законъ по отношенію къ ростовщичеству, то его слѣдуетъ распространить на всѣ тѣ случаи, которые по своимъ экономическимъ и этическимъ особенностямъ, подходятъ подь понятіе эксплуатаціи нужды, чрезмѣрной и съ точки зрѣнія отношеній, сложившихся въ данной области.

А. Каминка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Самарскій к. Стр. 89, 367.

²⁾ Ср. напр. пренія въ Аткарскомъ у. к. С. Л. 1903 г. № 267.

Хроника русской жизни.

Неурожай на Югѣ Россіи.—Семейства запасныхъ нижнихъ чиновъ.—Общественная благотворительность на нужды войны.—Отмѣна тѣлесныхъ наказаній и закона о безбрачій.—Газеты въ народѣ.—Перлословіе „Московскихъ Вѣдомостей“.—Два указа Сената.—Судебные процессы въ Мезени, Архангельскѣ, Якутскѣ и Екатеринославѣ.—Убийство въ Карсѣ.

Въ губерніяхъ Таврической, Херсонской и Бессарабіи урожай настолько плохъ, что грозитъ безусловною голодовкою населенію. Для Херсонской губерніи такое положеніе вещей призвано уже и официально. Уполномоченнымъ по сельскохозяйственной части въ Херсонской губерніи получено, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, такое циркулярное предложеніе министерства земледѣлія: „въ настоящее время, когда выяснилось, что часть южной Россіи постигнута тяжелымъ неурожаемъ, для министерства земледѣлія явилась необходимость обладать возможно точными свѣдѣніями какъ о размѣрѣ этого бѣдствія, такъ и о мѣрахъ, которыя надлежало бы принять для борьбы съ нимъ. Не имѣя въ большинствѣ случаевъ возможности оказывать содѣйствіе пострадавшимъ отъ недорода и нуждающимся въ помощи лицамъ, министерство земледѣлія, однако, въ состояніи поддерживать своимъ авторитетомъ тѣ изъ мѣстныхъ ходатайствъ и заявленій, которыя заслуживаютъ удовлетворенія“. На этомъ основаніи министерство проситъ своего уполномоченнаго сообщить ему свѣдѣнія о размѣрахъ неурожая и соображенія о мѣрахъ для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе населенія въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ чрезвычайно тяжело. Тяжесть эта усугубляется особенно еще и тѣмъ, что общественная благотворительность и общественная энергія, направленные въ настоящее время на другія заботы, врядъ ли придутъ съ особенно значительною помощію пострадавшимъ. Остается земство. Но съ отнятіемъ изъ его вѣдѣній

продовольственного дѣла и земство не можетъ проявлять въ этомъ случаѣ особенно напряженной дѣятельности. Настоятельно необходимо, поэтому, немедленное возбужденіе ходатайствъ о возвращеніи продовольственнаго дѣла обратно въ руки земствъ. Бюрократическіе способы веденія дѣла адѣсь, какъ и вездѣ, уже потерпѣли полное фіаско, а живая жизнь не ждетъ. Она предъявляетъ обществу свои властныя требованія и жестоко караетъ тѣхъ, кто не прислушивается къ ея голосу. Министерство земледѣлія общается „поддержать своимъ авторитетомъ тѣ изъ мѣстныхъ ходатайствъ и заявленій, которыя заслуживаютъ удовлетворенія“. Этими словами министерство земледѣлія общается земству очень немного, вѣрѣе, ничего, но тѣмъ болѣе необходимо земствамъ стоять на высотѣ своей задачи и проявить ту степень жизнедѣятельности, настоятельность которой болѣе чѣмъ когда-нибудь вызывается критическимъ положеніемъ миліоновъ людей въ Россіи.

* * *

Среди такихъ миліоновъ людей особенно трагичною является судьба семействъ солдатъ, отправленныхъ на Дальній Востокъ. Извѣстіями объ нихъ критическомъ положеніи наполнены газетныя корреспонденціи изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи. Вотъ что, напр., пишутъ въ „Петербургскія Вѣдомости“ изъ слободы Петровской Самарской губерніи. „Сельскія общества Новоузенскаго уѣзда, вслѣдствіе пережитыхъ хроническихкихъ неурожаевъ, бѣдны. Общественныя суммы истощились. Бѣдѣящія семейства солдатъ, отправленныхъ на войну, кое гдѣ собираютъ милостыню. Да оно и не мудрено. Отъ нищенства не гарантированы даже и тѣ семейства, которымъ волостныя попечительства по призрѣнію семействъ воиновъ назначили мѣсячное пособіе отъ 50 коп. до 8 руб. отъ сельскихъ обществъ“. „Гарантія“, дѣйствительно, небольшая! Прожать на 50 копеекъ въ мѣсяцъ цѣлому „семейству“,—это, какъ хотите, а даже и при неособенно большихъ привычкахъ къ роскоши русскаго мужика, какъ будто и маловато. Но и эти грѣши получаютъ далеко не всѣ счастливицы. Тотъ же корреспондентъ прибавляетъ, что, если въ составленныхъ солдаткамъ поименныхъ спискахъ значится въ соответствующихъ графахъ, что такая-то солдатка поведенія „безнравственнаго“, то пособія ей не выдаютъ. Самое радикальное средство для борьбы съ „безнравственностью“! Да и что именно скрывается подъ этимъ выраженіемъ?.. А съ другой стороны,—гдѣ же взять денегъ для удовлетворенія всѣхъ нуждающихся? Гдѣ? Но отвѣтъ на этотъ вопросъ вывелъ бы насъ далеко за предѣлы нашей скромной обязанности журнальнаго хроникера...

Факты нищенства солдатокъ наблюдаются въ настоящее время повсе-

мѣстно, и потому приводить ихъ значило бы повторять то самое, что уже сказано о Новоузенскомъ уѣздѣ.

* * *

Нужны деньги дома, нужны онѣ и тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ льются потоки крови, гдѣ лежать теперь въ госпиталяхъ тысячи и тысячи раненныхъ воиновъ. И русскій народъ жертвуетъ и туда свою трудовую копейку. Добровольная жертва,—дѣло, разумѣется, доброе, но что сказать о такомъ, навр., сообщаемомъ „Восточнымъ Обзорѣніемъ“ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто въ селѣ Тагны Балаганскаго округа Иркутской губерніи?

„Мѣстными крестьянами на одномъ изъ сходоѣ обсуждался вопросъ о пожертвованіи въ пользу Александровскаго комитета о раненныхъ. Надо было видѣть, съ какою готовностью и рѣдкимъ единодушіемъ нѣсколько десятковъ простыхъ крестьянъ, при одномъ только упоминаніи о раненныхъ, всѣ, какъ одинъ человекъ, изъявили свое желаніе жертвовать на столь благое дѣло, какъ помощь раненымъ, и тутъ же на сходѣ былъ составленъ крестьянами отъ имени цѣлаго общества приговоръ о пожертвованіи въ пользу комитета по 5 к. съ каждой платежной души. Выполнивъ цѣлымъ обществомъ доброе дѣло и отправивъ свое пожертвованіе по назначенію, тагнинцы разошлись со схода съ тѣмъ, чтобы при удобномъ случаѣ вновь оказать помощь раненымъ.

Но тагнинскимъ сельскимъ старостой отъ 14 іюля с. г. за № 1900 было получено изъ тыретьскаго волостного правленія слѣдующее распоряженіе: „въслѣдствіе предписанія г. крестьянскаго начальника 1 уч. Балаганскаго уѣзда, волостное правленіе поручаетъ вамъ немедленно представить въ оное деньги въ числѣ 20 р. 50 к. въ пользу Краснаго Креста, т. е. по 10 коп. съ каждой платежной души. Причемъ дается вамъ знать, что приговоръ объ ассигнованіи денегъ можетъ быть постановленъ и послѣ представленія денегъ“.

Получивъ такое предписаніе, староста немедленно отправилъ въ волость требуемыя начальствомъ деньги, а такъ какъ сходоѣ эти деньги еще не были ассигнованы, и сходъ про это пожертвованіе даже и не зналъ, то старостѣ пришлось задержать выдачу ежемѣсячнаго жалованья ямщику за содержаніе обывательской гошбы, и, только благодаря такой жертвѣ, вышепоименованное распоряженіе начальства было немедленно же приведено въ исполненіе“.

Что это, — не по разуму усердіе мѣстнаго администратора или проявленіе такъ глубоко въѣвшагося въ русскую жизнь крѣпостническаго начала? Или то и другое вмѣстѣ? Скорѣе всего послѣднее.

Съ пожертвованіями вообще дѣло обстоитъ далеко не такъ, какъ об-

стоять бы ему надлежало. Перепечатаваемъ изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ сообщенія разныхъ газетъ про слѣдующую, напр., удивительную исторію:

„Въ Херсонѣ одно время оперировалъ, собирая пожертвованія на раненыхъ, нѣкій господинъ, именовавшій себя профессоромъ петербургскаго университета, ст. сов. I. П. Сениговымъ. Пожертвованія онъ принималъ только крупныя, не менѣе 25 рублей. И вотъ въ одинъ прекрасный день въ мѣстной газетѣ „Югъ“ появилось письмо ректора петербургскаго университета съ заявленіемъ о томъ, что въ подвѣдомственномъ ему учрежденіи никакого профессора Сенигова не имѣется.

Это заявленіе произвело въ Херсонѣ большое впечатлѣніе, и обыватели не увѣрены въ томъ, дошли-ли нхъ пожертвованія по назначенію.

Приводимъ кстаті сообщеніе херсонскаго корреспондента „Одес. Лист.“ о „профессорѣ“ и письмо въ редакцію „Одес. Нов.“:

Въ № 1825 „Юга“ въ хроникѣ была помѣщена замѣтка о пріѣздѣ въ Херсонъ профессора спб. университета по кафедрѣ русской исторіи ст. сов. I. П. Сенигова, съ цѣлью собрать пожертвованія для отправки отряда сестеръ милосердія на Дальній Востокъ, сформированнаго Покровской общиной сестеръ милосердія, уполномоченнымъ которой состоитъ профессоръ Сениговъ.

„За короткое пребываніе въ Херсонѣ,—сообщаетъ „Югъ“,—г. Сениговъ успѣлъ собрать очень солидную сумму. Успѣхъ превзошелъ его ожиданія. Этому, несомнѣнно, способствовало то, что онъ ознакомился съ представителями мѣстнаго торгово-промышленнаго міра при посредствѣ чиновниковъ податной инспекціи и полиціи, которые повсюду его сопровождали. Въ числѣ жертвователей имѣются лица, которыя вносили на доброе дѣло сотни рублей. Этихъ лицъ профессоръ выдѣлялъ: нѣкоторымъ обѣщана высылка его сочиненія „Исторія Россіи въ картинахъ (?!) по столѣтіямъ“, другихъ обѣщаль представить къ наградамъ“.

Какимъ-то пессимистомъ, вѣроятно, этотъ № „Юга“ былъ посланъ въ спб. университетъ, и неожиданно отъ ректора этого университета А. Жданова редакціей „Юга“ было получено письмо, въ которомъ г. ректоръ для возстановленія истины проситъ сообщать, что Іосифъ Петровичъ Сениговъ никогда не состоялъ и не состоитъ профессоромъ спб. университета по кафедрѣ русской исторіи, и „вообще онъ никогда въ этомъ университетѣ не состоялъ и не состоитъ“.

Какъ же сопоставить такое категорическое заявленіе ректора университета съ адресомъ г. Сенигова, помѣщеннымъ въ одномъ томъ „Вся Россія“, гдѣ онъ значится приватъ-доцентомъ спб. университета? На карточкѣ г. Сенигова значится: профес-

сорь-магистръ русской исторіи ст. сов. Іосифъ Петровичъ Сениговъ, уполномоченный Покровской общины сестеръ милосердія, состоящей подъ Августѣйшимъ Попечительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны и Его Высочества Принца Петра Александровича Ольденбургскаго.

Въ „Од. Нов.“ напечатано слѣдующее письмо:

М. г., г. Редакторъ! Въ помѣщенной недавно въ „Одес. Нов.“ корреспонденціи изъ Херсона сообщается о письмѣ ректора слб. университета А. Жданова въ газетѣ „Югъ“ о томъ, что г., именующей себя на своихъ визитныхъ карточкахъ „профессоромъ русской исторіи ст. сов. Іосифомъ Петровичемъ Сениговымъ“, никогда не состоялъ и не состоитъ профессоромъ. Если это такъ, то вопросъ, дѣйствительно-ли собранныя имъ деньги дошли по назначенію? Дѣло въ томъ, что этотъ господинъ въ мундирѣ и орденахъ явился къ намъ въ контору 26 іюля въ сопровожденіи податнаго инспектора и предъявивъ свою визитную карточку съ вышеприведенною подписью, сталъ рисовать въ самыхъ мрачныхъ краскахъ (!) положеніе нашей дѣйствующей арміи, которое извѣстно покровской общинѣ, представителемъ которой онъ состоитъ, изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. По его словамъ, солдаты, страдающіе дизентеріей, нуждаются въ частой смѣнѣ бѣлья.

Отъ дизентеріи падаетъ солдатъ больше, чѣмъ отъ пуль. Необходима экстренная помощь общества.

Отъ предложенныхъ ему нами 10 р. онъ отказался, причѣмъ заявилъ, что меньше 25 р. никомъ образомъ взять не можетъ. Получивъ требуемые 25 р., онъ выдалъ намъ прилагаемую при семъ квитанцію на бланкѣ покровской общины за № 9644 съ печатью этого общества и за своею подписью: „членъ покровской общины І. Сениговъ“.

Не смѣемъ сомнѣваться, что деньги дѣйствительно идутъ въ пользу покровской общины; но тогда мы не сдѣлали бы пожертвованія, такъ какъ есть теперь очень много болѣе неотложныхъ нуждъ для общественной благотворительности. Мы именно жертвовали на бѣлье для дѣйствующей арміи, и интересно было бы выяснитъ, въ виду сомнѣнія въ личности „профессора“, дошли-ли деньги по назначенію. Торговый домъ Лифшицъ и Раппопортъ“.

„Петербургскія Вѣдомости“ выражаютъ пожеланіе, чтобы весь этотъ странный инцидентъ былъ разъясненъ. Какъ не присоединиться къ этому пожеланію? Но кто такой г. Сениговъ? Сениговъ... Сениговъ... Что-то помнится, будто эта фамилія встрѣчалась уже на газетныхъ столбцахъ во время знаменитой „Рамміады“.

„Харбинскій Вѣстникъ“ жалуется на недостатокъ въ Харбинѣ средствъ для удовлетворенія нуждъ раненныхъ.

„Недостатокъ въ городѣ сахара и мыла всѣмъ извѣстенъ; на полное отсутствіе туфель и клеенки для компрессовъ слышатся жалобы во всѣхъ госпиталяхъ: больному солдату не положено лѣтяго халата, тяжело-больному недостаетъ кресла, чтобы вынести его на свѣжій воздухъ; выдоровѣвшій и опять отправляющійся на войну герой, подчасъ георгіевскій кавалеръ, не имѣетъ ни носового платка, ни крѣпкихъ сапогъ, а иногда и никакой рубахи: все это было, но въ походѣ и во время сраженія пришло въ такой видъ, что негодно къ употребленію. Мы знаемъ, что все это они *современнѣе* получаютъ; но они уходятъ сегодня на поле брани,—и нашъ священнѣйшій долгъ обо всемъ этомъ позаботиться“.

„Въ жертвахъ на нужды войны недостатка нѣтъ,—замѣчаютъ, перепечатавши это сообщеніе харбинской газеты, „Московскія Вѣдомости“,—вужно лишь направить ихъ туда, гдѣ въ нихъ больше нуждаются“.

Поймите вы смыслъ этихъ словъ! Въ жертвахъ недостатка нѣтъ, а у раненныхъ, по сообщенію мѣстной газеты, тоже ничего нѣтъ. Что же это значитъ? Пожертвованія идутъ не туда, гдѣ въ нихъ больше нуждаются, вотъ отчего такъ происходитъ,—отвѣчаютъ „Московскія Вѣдомости“. Отлично, но отчего же происходитъ въ свою очередь это явленіе? По этому пункту „Московскія Вѣдомости“ молчать...

* * *

Отошла въ вѣчность, примѣняемая „на законномъ основаніи“ розга. Фактъ несомнѣнно большой, но значить ли это, что наши розголюбцы, дѣйствительно, побѣждены, и розга не будетъ больше имѣть мѣста въ обиходѣ русской жизни? Г. С-нъ, перебѣжавшій, кстати сказать, изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ въ то самое „Новое Время“, которое онъ не разъ поносилъ (вполнѣ заслуженно,—прибавимъ отъ себя) послѣдними словами, и тотъ указываетъ, что, вѣдь, наказаніе розгами примѣнялось у насъ не въ однихъ только тѣхъ случаяхъ, когда оно полагалось водостными судами. Бывали и другіе случаи. Напр., во время холерныхъ безпорядковъ. Какъ же теперь, послѣ формальной отмѣны розогъ, можно или нельзя будетъ фактически ее возстановить? Г. С-нъ вспомнилъ о примѣненіи розги во время холерныхъ безпорядковъ. Онъ могъ бы вспомнить и о другихъ „мѣропріятіяхъ“ администраціи того времени. Можно ли, напр., насильственно назначать въ холерные баракы служителями частныхъ лицъ, въ наказаніе за тѣ или иные проступки? Можно ли издавать приказы, что всякій служащій на желѣзной дорогѣ, который подастъ прошевіе объ увольненіи отъ службы възъ боязни холеры,

будетъ посаженъ въ тюрьму? Можно ли издавать приказы еще лучше того, какъ знаменитый, напр., приказъ Баранова о томъ, что за распространение ложныхъ слуховъ о холерѣ, а *пoтoму* всякаго безъ суда и слѣдствія? И кто меня знаетъ, добавлялъ Барановъ въ приказѣ, тотъ знаетъ, что я исполню то, что гoвoрю.⁴ Всѣ мы знаемъ, что *по закону* ни въ холерный баракъ служителемъ безъ добровольнаго на то согласія нанимающагося, ни на висѣлицу безъ суда и слѣдствія посылать никого нельзя, и, однако, Барановъ, напр., смотрѣлъ на это дѣло иначе и воеводствовалъ себѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Слѣдовательно, вопросъ надо поставить такъ: юридическая отмѣна розги значить ли и фактическое ея упраздненіе? А это приводитъ къ вопросу уже общему. Можно ли и впредь административными распоряженіями отмѣнять существующій законъ? Пусть бы хоть г. С-нъ поразмыслилъ на эту тему да и преподнесъ плоды своихъ размышленій своимъ новымъ читателямъ.

* * *

Одна изъ иллюстрацій къ предыдущей темѣ.

Въ „Саратовскомъ Листкѣ“ напечатаны слѣдующія строки:

Недавно въ Саратовѣ командиромъ 225 пѣх. полка преданъ былъ полковому суду рядовой того же полка 5 роты Берко Салитъ по обвиненію въ умышленномъ неисполненіи приказанія начальника. Полковой судъ постановилъ отдать подсудимаго въ дисциплинарный батальонъ на одинъ годъ, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ. Принимая во вниманіе чистосердечное раскаяніе подсудимаго, а также въ виду того, что означенный проступокъ былъ вызванъ унижительнымъ по отношенію къ Салиту обращеніемъ, командиръ полка, снисходя къ его просьбѣ о смѣтченіи наказанія, замѣнилъ, на основаніи 679 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 года, вѣд. 3, определенное ему судомъ наказаніе арестомъ на хлѣбъ и водѣ на двѣ недѣли съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ. По поводу этого дѣла командиромъ полка отданъ слѣдующій приказъ по полку:

Изъ рапорта предсѣдателя полкового суда отъ 23 іюля № 102 и приговора полкового суда, состоявшагося 20 сего іюля по дѣлу о рядовомъ 5-й роты Беркѣ Салитѣ, обвиняемомъ въ умышленномъ неисполненіи приказанія офицера, видно, что 24 прошлаго іюня офицеръ нѣсколько разъ *ударилъ тарелкой по лицу* рядового Салита за то, что на приказаніе его, офицера, оставить одну тарелку, взятую Салитомъ съ обѣдомъ на кухнѣ офицерской столовой, Салитъ не только не исполнилъ тотчасъ же этого приказанія, но позволилъ себѣ еще сдѣлать неумѣстное возраженіе: „обѣдъ простынетъ и его надо покрыть“. Такое унижительное обращеніе офицера съ нижнимъ чиномъ вызвало этого послѣдняго на совершеніе преступленія; побитый Салитъ, несмотря на неоднократныя при-

казанія офицера, не хотѣлъ взять и нести обѣдъ и ушелъ изъ кухни. Для поддержанія дисциплины законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшаетъ начальнику употребить противъ неповинующихся оружіе и даже убить ослушника (4 и 5 пункт. 227 ст. XXII кн. с. в. п. 1869 г., изд. 3-е), но нанесеніе побоевъ нижнимъ чинамъ, хотя-бы и для возстановленія дисциплины, безусловно воспрещается и на основаніи разъясненія, вложеннаго въ рѣшеніи главнаго военнаго суда, 1885 г. № 185, никакъ не можетъ быть принято въ оправданіе унизительнаго обращенія съ подчиненнымъ. Офицера на основаніи ст. 185, XXII кн. св. в. п. 1869 г. изд. 3, за нанесеніе въ первый разъ побоевъ нижнему чину, арестовываю на семь сутокъ съ содержаніемъ при переднемъ лагерномъ караулѣ. Арестъ привести въ исполненіе 30 сего іюля. Въ устраненіе впередъ печальныхъ явленій рукопашной расправы съ нижними чинами, роняющей достоинство офицера и могущей быть причиною весьма и весьма серьезныхъ послѣдствій, въ особенности для нижняго чина,—предлагаю гг. офицерамъ возстановить въ своей памяти приказъ командующаго войсками 1902 года № 41, кромѣ того, хорошенько вникнуть въ суть ст. 185, XXII кн., которую и привожу здѣсь цѣликомъ:

„За нанесеніе нижнимъ чинамъ ударовъ или побоевъ виновные въ томъ офицеры подвергаются: содержанію на гауптвахтѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ, или взысканію дисциплинарному, а въ случаѣ повторенія,—исключенію изъ службы, или оставленію отъ оной“. Подписалъ командиръ полка, полковникъ *Фергенъ*“.

Итакъ, бить нижнихъ чиновъ законъ запрещаетъ давнымъ давно, не слѣдуетъ ли изъ этого, что и практика жизни вполнѣ соответствуетъ велѣніямъ закона? А если нѣтъ, то почему же это происходитъ?..

* * *

Обнародовавъ новый законъ, отмѣняющій осужденіе на всегдашнее безбрачіе разведеннаго за прелюбодѣяніе супруга. Это несомнѣнный шагъ впередъ въ области законодательства, регулирующаго семейныя отношенія. Но, вотъ, „въ цѣляхъ единообразнаго и правильнаго примѣненія“ новаго закона, явилось „разъясненіе“ его со стороны святѣйшаго синода. Согласно этому „разъясненію“, вопреки прямому смыслу обнародованнаго закона, оказывается, что въ новый бракъ можно вступать лишь черезъ семь лѣтъ послѣ полученія развода.

„Дозволеніе вступить въ новый бракъ черезъ семь лѣтъ послѣ развода,—пшутъ по этому поводу „Южныя Записки“,—уничтожаетъ всякое практическое значеніе такого дозволенія. Нерѣдко люди потому такъ страстно и домогаются развода, соглашаясь даже принять на себя миную

вину, что имѣютъ въ виду возможность устроить себѣ другую семью съ человѣкомъ по сердцу, хотя бы даже и внѣ закона. О семилѣтнемъ и даже о двулѣтнемъ ожиданіи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Поэтому то отъ новаго закона, отмѣнишаго якобы осужденіе на всегдашнее безбрачіе, нечего ждать упорядоченія нашихъ семейныхъ отношеній.

Связывать церковную эпитимію съ разрѣшеніемъ вступить въ бракъ—едва ли есть основанія. Если церковная эпитимія—орудіе нравственнаго воздѣйствія на душу виновнаго, то ея вліяніе не измѣнится, будетъ ли эпитимійца холостъ или въ бракѣ. Превращать же церковную духовную кару въ обыкновенное принудительное свѣтское средство временнаго ограниченія гражданскихъ правъ едва ли соотвѣтствуетъ современному правосознанію.

Семилѣтній срокъ эпитеміи дѣлаетъ заключеніе новаго брака неосуществимымъ, но и двулѣтній срокъ тоже и длиненъ и трудно достижимъ. Сокращеніе семилѣтняго срока до пяти, трехъ—и двулѣтняго возможно только при согласіи консисторій. Извѣстно, какими мытарствами обставленъ этотъ путь. Вступленіе въ новый законный бракъ для людей небогатыхъ попрежнему остается невозможнымъ.

Вотъ во что превращается законъ при его „разъясненіяхъ“. Отъ него не остается, въ сущности, ничего. Поэтому-то и такъ настоятельно необходимо установленіе твердыхъ основаній, на которыхъ бы покоилось самое законодательство, иначе „все законы писати“...

* * *

За совершающимися на Дальнемъ Востокѣ событіями съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ вся Россія. Нѣтъ теперь того глухого уголка, гдѣ не толковали бы про „японца“, гдѣ не стремились бы услышать, какъ обстоятъ дѣла на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но откуда узнать это мужику, хотя бы и грамотному? Легокъ ли у насъ доступъ газеты въ деревню?

„Котельническая и Нолинская уѣздныя управы,—пишутъ „Русскія Вѣдомости“,—увѣдомили Вятскую губернскую земскую управу, что „Вятская Газета“ задерживается по распоряженію мѣстной полиціи и не выдается мѣстнымъ адресатамъ—въ котельническомъ уѣздѣ завѣдывающимъ пятирублевыми бібліотеками.

Дѣлается это на томъ основаніи, что газета для сельскихъ бібліотекъ не разрѣшена, а въ нолинскомъ—всѣмъ вообще адресатамъ (въ двориченскомъ и чертищенскомъ волостныхъ правленіяхъ), въ томъ числѣ добровольнымъ корреспондентамъ текущей статистики, причѣмъ одинъ изъ корреспондентовъ заявилъ уѣздной управѣ, что мѣстный урядникъ, отбирая у корреспондента газету, объяснилъ, что редакція ея „прикрылась“; другой корреспондентъ объяснилъ причину отобранія газеты тѣмъ, что „вятская

земская управа много денег потратила“. Нолинская уездная управа высказала между прочимъ, что отобраніе и печатаніе газеты во время ревизіи земскихъ учрежденій вызываетъ въ населеніи уѣзда нежелательные для земства слухи. По поводу этого губернская управа входила съ представленіемъ къ вятскому губернатору, который нынѣ увѣдомилъ губернскую управу, что имъ предписано начальникамъ полиціи въ губерніи немедленно возвратить „Вятскую Газету“ всѣмъ частнымъ подписчикамъ, отъ которыхъ она была отобрана полиціей вслѣдствіе неправильныхъ толкованій циркулярныхъ предписаній. При этомъ губернаторъ проситъ губернскую управу вмѣнить въ обязанность завѣдующимъ земскими бібліотеками, чтобы они не передавали „Вятской Газеты“ въ бібліотеки и не принимали такую отъ добровольныхъ корреспондентовъ для помѣщенія въ бібліотеки“.

Итакъ, недоразумѣніе разъяснилось. Всѣ частные подписчики „Вятскую Газету“ получать могутъ, но пятирублевныя бібліотеки, основанныя для крестьянъ, дѣлать этого не имѣютъ права. Откуда же узнать крестьянину хотя бы про ту же войну?

И, вотъ, наблюдаются такія, напр., сцены:

„Пробуждаюсь,—разсказываетъ сотрудникъ „Южнаго Телеграфа,“ — отъ рѣзкаго, покрывающаго грохотъ поѣзда, крика въ нѣсколько голосовъ:

— Газету!

Поднимаюсь къ окну и вижу у полотна дороги толпу рабочихъ. Всѣ кричатъ: газету!

Спрашиваю у сосѣда: что это значитъ?

— А это, война надѣлала; и хлѣбомъ не кормя, дай только газету, почитать.

Я, выбросилъ въ окно, весь мой газетный багажъ и на каждой вагонной стціи, гдѣ можно было, покупалъ газеты и дарилъ ихъ выкрикивающимъ по дорогѣ рабочимъ:

— „Газету!“

И, при такомъ-то напряженномъ къ „газетѣ“ интересѣ, газеты-то и не дозволены въ народныхъ бібліотекахъ...

Вотъ что пишутъ „Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ изъ Пензы.

„Интересъ къ военнымъ событіямъ—громадный въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества. Ко времени выхода бюллетеней можно видѣть, ежедневно, какъ босоногіе ученики сапожниковъ и портныхъ бѣгутъ покупать для мастеровыхъ телеграммы. Много телеграммъ покупается крестьянами въ базарные дни. „Губернскія Вѣдомости“ съ объявленія войны стали выпускать телеграммы „Россійскаго Агентства“, по мѣрѣ ихъ полученія.

по два раза въ день. Телеграммы продавались по 5 к. за экземпляръ. Но вотъ съ 1 іюля сталъ регулярно выходить „Пензенскій Справочный Листокъ“ 3 раза въ недѣлю. Въ остальные дни онъ выпускаетъ только телеграммы „Россійскаго Агентства“. „Листокъ“ назначилъ по 3 к. за телеграмму. Черезъ нѣсколько дней „Губернскія Вѣдомости“ понизили плату съ 5 к. на 2 к. „Листокъ“ сталъ тоже продавать телеграммы по 2 к. Спустя нѣкоторое время въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось крупнымъ шрифтомъ объявленіе, что телеграммы ихъ съ 27 іюля будутъ продаваться по 1 к. Можно порадоваться, что теперь даже бѣдняки безъ особаго напряженія бюджета могутъ удовлетворять свое желаніе знать, что происходитъ на Дальнемъ Востокѣ. Нельзя не пожалѣть, однако, что „Губернскія Вѣдомости“ 4 мѣсяца, при отсутствіи конкуренціи, брали пятаки за телеграммы, которыя, оказывается, возможно, конечно, не безъ прибыли, продавать по одной копейкѣ. Особенно жаль пятаковъ призванныхъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, которые провели въ Пензѣ июнь мѣсяць и изъ послѣднихъ грошей усердно покупали и читали телеграммы“.

Пенза—большой губернскій городъ,—должна удовлетворяться „Губернскими Вѣдомостями“ да „Справочнымъ Листкомъ“. Неоднократно изъ Пензы возбуждались ходатайства о разрѣшеніи издавать мѣстную газету, но всѣ такіа ходатайства оставались безъ удовлетворенія.

За отсутствіемъ газетъ, деревня нерѣдко довольствуется всякими баснями. Вотъ что пишетъ, напр., Бузулукскій корреспондентъ „Самарскаго Курьера“:

„Наши крестьяне очень интересуются войной: разговорамъ нѣтъ конца, фантазіи нѣтъ предѣловъ! Распространенію фантастическихъ слуховъ много способствовали приходящіе изъ гор. Бузулука какіе то проходимцы. Въ началѣ весны они осаждали наше село партіями. Въ настоящее время крестьяне вполнѣ убѣждены, что у „аюнца“ пушки 10 саж. длины, зарядъ въ пушкѣ 50 пуд. вѣсомъ, а бьетъ она на 50 верстъ. Убѣждены также, что живъ Скобелевъ. Одни говорятъ, что Скобелевъ явился на войну подъ видомъ Линевича, другіе—подъ видомъ Алексѣева. Про погибшаго Макарова рассказываютъ, что на то мѣсто, гдѣ погибъ „Петропавловскъ“, спустили водолаза, и онъ нашелъ броненосецъ цѣлымъ, а Макарова со своей командой въ каютѣ—онъ молился Богу передъ панькадилломъ. Макаровъ объяснялъ водолазу, что, какъ окончится война, онъ выйдетъ изъ-подъ воды“.

Но, вѣдь, этого-то и нужно нашимъ охранителямъ, и они оберегаютъ „цѣломудріе“ народной мысли всѣми доступными имъ средствами.

Ходатайства о допущеніи въ народныя читальни и бібліотеки всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ къ свободному обращенію въ другихъ слояхъ населенія

Россіи, возбуждались много разъ, но онѣ не получали надлежащаго удовлетворенія. Вотъ и теперь изъ Екатеринодара Кубанской области „Русскимъ Вѣдомостямъ“ пишутъ такія строки:

„Комитетъ попечительства о народной трезвости въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій слушалъ докладъ своего непремѣннаго члена о необходимости ходатайствовать о допущеніи въ книжныя склады, открываемыя попечительствами трезвости, продажи всѣхъ изданій, разрѣшенныхъ общему цензурой.

Въ настоящее время продажа книгъ изъ этихъ складовъ ограничивается лишь тѣми сочиненіями, которыя допущены къ обращенію въ народныхъ читальняхъ. Изъ доклада непремѣннаго члена выяснилось, что въ полномъ каталогѣ книгъ, разрѣшенныхъ для народныхъ читальнь, куда входятъ всѣ изданія, допущенныя по 1900 годъ, числится всего 4,738 сочиненія и затѣмъ въ дополнительный каталогъ за 1900, 1901 и 1902 годы внесено 2,298 сочиненій. Но оказывается, что въ этотъ дополнительный каталогъ вошло не менѣе $\frac{1}{3}$ повторяющихся изданій, которыя значатся уже въ полномъ каталогѣ. Даже и въ послѣднемъ одни и тѣ же сочиненія повторяются по нѣскольку разъ. Такъ, „Фрегатъ Паллада“ Гончарова, обозначенная на стр. 64-й каталога, значится еще два раза на стр. 101-й того же каталога. То же самое повторяется съ сочиненіями Гартвига, Грота, Филонова и многихъ другихъ авторовъ. „Апеннины и Анды“ Амичиса фигурируютъ два раза въ каталогѣ (стр. 65 и 104) и два раза въ дополнительномъ каталогѣ (стр. 41). Нерѣдко встрѣчаются повторенія даже въ одномъ и томъ же отдѣлѣ этого каталога. Такъ, „Гуттенбергъ“ и „Ливингстонъ“, (стр. 53) обозначены по три раза, „Жизнь Магомета“ (стр. 54)—два раза, Вернетъ—два раза въ каталогѣ и три раза въ дополненіи. Еще чаще повторяются наши классики и нѣкоторыя наиболѣе ходовыя сочиненія иностранныхъ авторовъ. Такъ, „Хижина дяди Тома“ значится три раза въ каталогѣ и пять разъ въ дополненіи. Перечисленіемъ сочиненій Пушкина заняты двѣ страницы каталога и столько же страницъ дополненія. Еще больше мѣста занимаютъ Гоголь, Жуковский и нѣкоторые другіе авторы. Къ этой же категоріи повторяющихся сочиненій нужно отнести изданія такихъ фирмъ, какъ „Русская классная бібліотека“ Чудинова, „Русскіе писатели“ Аскарханова, „Золотая бібліотека“ Вольфа и многія другія фирмы, которыя занимаются перевыданіемъ уже много разъ разрѣшенныхъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ классиковъ. Встрѣчаются въ каталогѣ сюрпризы и въ родѣ слѣдующихъ: на одной страницѣ его значится: „Дефо, Робинзонъ Крузо“, а на другой—„Фо-де, Робинзонъ Крузо“. Внесены въ него также многія сочиненія, изданныя св. синодомъ, министерствомъ земледѣлія и прочими завѣдомо благонадежными учрежде-

ніями, а также учебники и руководства, которые и безъ того включены уже въ каталоги для учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Есть въ этомъ каталогѣ, приуроченномъ для малограмотнаго читателя, и такія сочиненія, какъ „Элементарный курсъ электротехники“ Постникова, „Филологическія разысканія“ Грота, „Философская пропедевтика“ Румпеля, „Гербы народовъ, губерній и посадовъ“ Винклера, цѣна 10 руб., и т. п. изданія. Такія сочиненія едва ли могутъ составить конкуренцію „Англійскому мѣлорду“ и „Францюзю Венеціану“, которыми еще зачитывается народъ, не имѣя болѣе интересной и болѣе доступной по цѣнѣ и содержанію книжки. По сдѣланному докладчикомъ подсчету оказывается, что изъ 7,031 сочиненія, значащихся въ министерскомъ каталогѣ и дополненіи къ нему, еле-еле можно набрать одну тысячу такихъ, которыя можно было бы продавать изъ книжныхъ складовъ попечительствъ трезвости; но и въ этомъ случаѣ большинство изъ нихъ не выдерживаетъ сравненія съ увлекательными изданіями Никольскаго рынка, спекулирующими на невѣжествѣ и грубыхъ инстинктахъ деревенскаго читателя.

По выслушаніи этого доклада областной комитетъ постановилъ:

Ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о допущеніи продажи въ книжныхъ складахъ попечительствъ трезвости всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ общою цензурой. При особомъ мнѣніи остался лишь директоръ народныхъ училищъ, который находилъ такое ходатайство излишнимъ и неумѣстнымъ“.

* * *

Консервативныя газеты посвятили рядъ статей покойному В. К. Плеве. Между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ дневниковъ князь Мещерскій отстаиваетъ свое право свободного сужденія о политической личности министра. Онъ пишетъ:

„Съ минуты кончины, политическая дѣятельность министра принадлежитъ всецѣло исторіи, и если онъ былъ либераль, консерваторъ долженъ имѣть полную свободу доказывать, чѣмъ его либерализмъ былъ вреденъ интересамъ Россіи и верховнаго правительства, а если онъ былъ консерваторъ, то его единомышленникъ долженъ имѣть также полную свободу въ интересахъ Россіи и главы ея правительства доказывать, въ чемъ онъ отступалъ отъ консерватизма.

Вотъ почему, если бы покойный Плеве не только представлялъ для меня 20 лѣтъ добрыхъ отношеній, а былъ бы моимъ сыномъ или братомъ, я эту минуту тотчасъ послѣ его смерти считалъ бы до такой степени важною для интересовъ моего отечества и своего Государя, до того важною, что счелъ бы своимъ долгомъ, именно какъ консерваторъ, выяснить въ чемъ въ эти 2 года 3 мѣсяца консервативной политики В. К. Плеве

даль своими ошибками и слабыми сторонами противъ себя оружіе врагамъ этой политики.

Активъ его былъ крупенъ. Даровитость, умъ, способность быстро схватывать сущность каждаго вопроса составляли его активъ. Его слабая сторона была незнаніе на практикѣ русской жизни и русскаго человѣка. Вслѣдствіе этого концепція бюрократическая, при дарѣ его играть краснорѣчіемъ, манила его больше, чѣмъ жизненный фактъ, и въ этой концепціи онъ былъ виртуозъ.

Благодаря этому незнанію практики русской жизни, получали значеніе въ его краткой карьерѣ министра своеобразные взгляды и приемы его политики. При ясномъ и открытомъ образѣ дѣяній, могли бы быть невольные имъ, несогласные со многимъ, но не было бы раздражаемыхъ. У В. К. Плеве основной взглядъ былъ совсѣмъ иной. Онъ представлялъ себѣ путь и дѣло, ему предстояшіе, усложненными и затрудненными такою массою со всѣхъ сторонъ вражнихъ засадъ и становъ, что выводилъ отсюда для себя необходимость политики лавированія между Харибдою и Сциллою и гораздо больше на себя смотрѣлъ, какъ на дипломата по отношенію ко всѣмъ и ко всему, чѣмъ какъ на администратора. Онъ во всѣхъ видѣлъ заговорщиковъ противъ себя и вслѣдствіе этого говорилъ со всѣми, какъ съ заговорщиками, и всему своему образу дѣяній придавалъ характеръ большого заговора противъ множества разныхъ заговорщиковъ. Оттого, какъ это ни странно, но въ полное противорѣчіе съ его холодною и глубоко скрытою натурою, впечатлѣнія играли въ его политикѣ гораздо большую роль, чѣмъ спокойно вырабатывавшіеся планы, а такъ какъ впечатлѣнія быстро смѣняются, то неизбежно раздраженіе, завсѣвшее отъ впечатлѣній, происходило отъ неустойчивости и измѣчивости отношеній къ людямъ и вопросамъ“.

Правъ или неправъ князь Мещерскій въ своей оцѣнкѣ Плеве, на этотъ счетъ могутъ существовать самыя разнообразныя мнѣнія, но въ томъ-то и дѣло, что „свободное сужденіе о личности министра“, даже послѣ его кончины, составляетъ у насъ, какъ и многое другое, монополію лишь такихъ органовъ печати, какъ „Гражданинъ“, „Московскія Вѣдомости“ и имъ подобныя.

Вонъ, „Московскія Вѣдомости“ говорятъ прямо, что „катастрофы ждали“. „Кто съ ужасомъ, кто съ нескрываемымъ волненіемъ, а то такъ и съ любопытствомъ,—а бывало и еще хуже—ждали катастрофы, ждали паденія этой сильнѣйшей, единственной почти, правительственной крѣпости. И крѣпость пала“... Такъ повѣствуетъ газета.

Въ другой статьѣ, озаглавленной „Кто будетъ министромъ?“ („Московскія Вѣдомости“ № 231), та же газета разсуждаетъ такъ:

„Вѣдь во внутренней жизни Россіи борьба идетъ не изъ-за Портъ-Артура или Ляояна, не изъ-за Кореи или Маньчжуріи, а изъ-за Самодержавной Власти, изъ-за святости Православной Церкви, изъ-за жизненныхъ интересовъ Русскаго народа,—словомъ, *изъ-за существованія самой Россіи.*“

Если бѣ эти три основы Русскаго Государства не подвергались постояннымъ штурмамъ нашихъ анархистовъ, социалистовъ и либераловъ (которые, отличаясь другъ отъ друга лишь родомъ своего оружія, подобно артиллеристамъ, пѣхотинцамъ, кавалеристамъ и шпионамъ, тѣсно соединены между собою общностью своихъ преступныхъ цѣлей), если бы, говоримъ мы, Россія не приходилось считаться съ этими внутренними своими врагами, то мы могли бы спокойно взирать на временное очищеніе нашими войсками не только Маньчжуріи, но хотя бы даже и Восточной Сибири, зная напередъ, что мы неминуемо съ большою лихвой покроемъ всѣ эти случайныя утраты.

Но, коль скоро каждая временная неудача наша на Дальнемъ Востоку бѣ служить орудіемъ антигосударственной борьбы въ рукахъ нашихъ внутреннихъ смутьяновъ, Россія постоянно можетъ грозить опасность, что они своею подпольною и „легальною“ агитаціей могутъ произвести давленіе на тѣ или другія болѣе шаткія пербургскія сферы, которыя вздумаютъ „спасать Россію“ посредствомъ „уступокъ“ ея злѣйшимъ врагамъ. А эти враги только и мечтаютъ о какой-нибудь „уступкѣ“, чтобы, такъ или иначе, вышибить хоть одинъ камень изъ фундамента Самодержавія, зная, что тогда уже будетъ предрѣшена трагическая судьба и всего фундамента, и всей Россіи.

Вотъ почему для насъ такъ важенъ вопросъ: кто будетъ доблестнымъ защитникомъ нашего внутренняго Портъ-Артура“?

Здѣсь интереснаѣ всего, что „шпионы“, оказывается, отличаются отъ „артиллеристовъ, пѣхотинцевъ и кавалеристовъ“ только „родомъ своего оружія“. И это говоритъ газета, постоянно кричащая о „чести военнаго мундира“ и проч. Что то скажутъ ей на это „артиллеристы, пѣхотинцы и кавалеристы“...

Еще выписка изъ „Московскихъ Вѣдомостей“:

„Потѣхи, устранимая нацѣ религіей, преданностію къ Отечеству и Царю, (къ Отечеству! хорошо пишетъ публицистъ Страстнаго Вульвара! говоритъ газета,—проходятъ безнаказанно подъ общее дикое гоготанье и ревѣ особенно разнузданныхъ публицистовъ и литераторовъ. Съ грустью, но приходится признать, что почти вся литература, становясь все распущеннѣе, силится наносить болѣе и болѣе замѣтные удары существующему порядку. Она какъ бы уже въ возстаніи и перестаетъ

быть тихой и скромною. *Возгорается этика озорства и подонковъ общества.* (Тоже замѣчательно грамотно сказано!)

Съ другой стороны обнаруживается зловѣщая степень отчаянія, когда благоразумные умы начинаютъ утомляться, поддерживая то ту, то другую часть порядка и безнадежно отказываются разрушать преграды, не по днямъ, а по часамъ возводимыя правильному теченію государственныхъ дѣлъ“!

Литература „распущена“, въ ней все зло,—какой старый и какой пошлый пригѣвъ!

Литература распущена! Слишкомъ много свободы ей дали!

Да, много! Недавно газета „Русь“ напечатала перечень тѣхъ статей, которыя по такъ называемымъ „независящимъ обстоятельствамъ“ не могли пройти въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“. Вотъ перечень однихъ только, тоже не пропущенныхъ мѣстною цензурою, отвѣтовъ газеты въ „Почтовомъ ящикѣ“ ея корреспондентамъ:

Отвѣты редакціи.

Елецъ. „Интересный вопросъ“ не прошелъ по независящимъ обстоятельствамъ.

Елецъ. Новому.—О сторожахъ банка не прошло по независящимъ обстоятельствамъ.

Въ пространство. Будущему.—Объ учителѣ Крицынѣ не прошло по независящимъ обстоятельствамъ.

Брянскъ. Своему.—О случаѣ въ Свѣнскомъ монастырѣ не прошло по независящимъ обстоятельствамъ.

Мценскій у. Мансурову.—„Новая податная отчетность“ не прошла по независящимъ обстоятельствамъ.

Мценскъ. N.—„На военномъ положеніи“ не прошло по независящимъ обстоятельствамъ.

Елецъ. Скромному наблюдателю.—„Открытіе новаго помѣщенія Государственнаго банка“ не прошло по независящимъ обстоятельствамъ.

Короча, Кур. губ. M.—„Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя“ не прошли по независящимъ обстоятельствамъ.

Сѣвскій у. Правделкбову.—О священникѣ не прошло по независящимъ обстоятельствамъ.

Дмитріевъ, Кур. губ.—О выборахъ земскихъ гласныхъ не прошло по независящимъ обстоятельствамъ.

Липецкъ, Тамб. губ. M.—Часть вашей кор—ціи, напечатанной въ № 96 „Ор. В.“, не прошла по независящимъ обстоятельствамъ.

Вот въ какихъ условіяхъ живеть наша печать! Много, слишкомъ много дали ей свободы, и въ этомъ все зло!

Эхъ, вы пустомели, пустомели московскіе!...

Въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано слѣдующее письмо солдата изъ Ляояна:

„Во первыхъ строгахъ моего письма (и т. д. идутъ безчисленные поклоны всей роднѣ).

„А еще я васъ увѣдомляю, братецъ, что стоимъ мы теперь въ Ляоянѣ, и намъ хорошо. Кормятъ хорошо: щи, каша, хлѣбъ хорошей пшеничный и сахару и чаю даютъ изъ казны всего вдоволь, даже остается. Присылаютъ намъ и сапоги, и рубахи, и другое все шитое; присылаютъ также все Государыня Александра Θεодоровна, даже трубки и табаку, и все намъ выдаютъ, а то покупаемъ.

„А еще я васъ увѣдомляю, братецъ, что войнѣ скоро конецъ. Японецъ уже о мирѣ говоритъ. Ему, японцу, ѣсть нечего—онъ хлѣбъ сухой ѣсть, а намъ все по желѣзной дорогѣ привозятъ. Мы его, японца, бьемъ со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ, японецъ, къ намъ самъ переходитъ. Недавно 400 человекъ перешли на нашу сторону. А въ битвѣ 18 числа мы у нихъ побили 1.200 и 400 въ плѣнъ взяли, а у насъ тогда побили всего 500. А еще увѣдомляю я васъ, братецъ, что все, что въ газетахъ пишутъ—неправда. Они хотѣли съ нами, какъ съ китайцами воевать. Онъ, японскій-то царь, говоритъ: „хотѣлъ я рыбу въ морѣ половить, а это (значить) Портъ-Артуръ взять, а Портъ-Артура онъ не взялъ и не возьметъ никогда“.

; А какъ же это „Харбинскій Вѣстникъ“, говоритъ, что во всемъ недостатокъ? Да вотъ и на счетъ японцевъ тоже? Ахъ, да!—Вѣдь солдатъ же предупреждаетъ, „что все, что въ газетахъ пишутъ,—неправда“...

* * *

Газеты перепечатали изъ июньской книжки „Вѣстника Сенатской Практики“ два указа Правительствующаго Сената. Первый изъ нихъ вызванъ жалобой гласнаго Бессарабскаго губернскаго земскаго собранія Михаила Лазо на предсѣдателя собранія, не допустившаго къ обсужденію въ земскомъ собраніи предложенія этого гласнаго:

„Предсѣдатель собранія, находя, что въ силу сложности и спорности возбужденныхъ въ запискѣ Лазо вопросовъ, губернскіе гласные не могли бы разобраться въ нихъ безъ предварительной разработки таковыхъ губернской управой, которая не представила по этому дѣлу своего заключенія, не допустилъ обсуждения предложенія гласнаго Лазо въ сессію 1902 г. и препроводилъ его въ управу для доклада будущему очередному

земскому собранію съ заключеніемъ управы и спеціалистовъ-юристовъ. На это распоряженіе предсѣдателя гласный Лазо принесъ жалобу въ сенатъ, который, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашелъ, что на основаніи ст. 71-й Пол. о земск. учр. (Св. Зак. т. II. изд. 1892 г.), представленныя предсѣдателю земскаго собранія предложенія отдѣльныхъ членовъ того же собранія передаются имъ на обсужденіе земскаго собранія, если не встрѣтятся къ тому препятствій; на основаніи же ст. 185-й Общ. губ. учр. (Св. Зак. т. II, изд. 1892 г.), предложенія членовъ собранія, которыя предсѣдатель признаетъ несогласными съ закономъ или выходящими изъ круга предметовъ вѣдомства собранія, не подлежатъ дальнѣйшему обсужденію. Изъ сопоставленія приведенныхъ законовъ видно, что предсѣдателямъ земскихъ собраній предоставлено право не допускать къ обсужденію въ земскомъ собраніи лишь тѣ изъ предложеній отдѣльныхъ гласныхъ, которыя признаются предсѣдателями незаконными или нарушающими предѣлы вѣдомства земскаго собранія, и лишь указанныя причины, т. е. незаконность предложенія или несоотвѣтствие его компетенціи земскаго собранія, могутъ служить препятствіемъ къ передачѣ предложенія гласнаго на обсужденіе собранія. Въ остальныхъ же случаяхъ, когда вопросъ о законности или подвѣдомственности земскому собранію предложеній гласныхъ не возникаетъ, и когда обсужденіе таковыхъ предложеній признается предсѣдателями неудобнымъ или нежелательнымъ по какимъ-либо другимъ соображеніямъ, напримѣръ, въ виду преждевременности обсужденія или недостаточной разработки вносимыхъ предложеній, предсѣдатели земскихъ собраній не имѣютъ законнаго повода отказывать въ представленіи собранію предложеній гласныхъ, но въ правѣ лишь, въ виду возложенной на нихъ обязанности, направлять занятія собранія къ подлежащему разсмотрѣнію и правильному разрѣшенію подвѣдомыхъ ему дѣлъ (ст. 180-я Общ. губ. учр.), съ своей стороны представить собранію свои соображенія о причинахъ, по которымъ обсужденіе предложеній гласныхъ признается ими несвоевременнымъ или неудобнымъ, и въ такихъ случаяхъ окончательное разрѣшеніе вопроса о томъ, подлежитъ ли предложеніе обсужденію, или нѣтъ, зависеть отъ земскаго собранія. Примѣняя эти соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ находитъ, что указанія бессарабскаго губернскаго предводителя дворянства на сложность и спорность затронутыхъ въ предложеніи гласнаго Лазо вопросовъ и на трудность для гласныхъ разобраться въ этихъ вопросахъ безъ заключенія управы не могли служить достаточнымъ поводомъ къ недопущенію предложенія къ разсмотрѣнію въ земскомъ собраніи сессіи 1902 г. и что предводителю слѣдовало при внесеніи въ собраніе предложенія Лазо лишь указать собранію на желательность отложить обсужденіе предложенія до

слѣдующей сессіи. Принимая, однако, во вниманіе, что отиѣна въ настоящее время обжалованнаго распоряженія не имѣла бы практическаго значенія, правительствующій сенатъ опредѣляетъ: разъяснить бессарабскому губернскому предводителю дворянства неправильность его распоряженія“.

Второй указъ вызванъ жалобой Тверской губернской земской управы на циркулярное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ по вопросу о сношеніяхъ между собою земскихъ и городскихъ управъ разныхъ губерній по предметамъ, имѣющимъ общегосударственный характеръ.

„Тверской губернаторъ, основываясь на циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23 августа 1901 г., предложилъ всѣмъ земскимъ управамъ губерній не входить въ сношеніе съ земствами другихъ губерній по вопросамъ общегосударственнаго характера безъ предварительнаго каждый разъ разрѣшенія губернатора. Губернская управа по постановленію земскаго собранія 16-го ноября 1901 г. обжаловала циркуляръ министра сенату и въ своей жалобѣ указала, что 194 ст. общ. губ. учр., на которую ссылается циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, касается исключительно земскихъ, городскихъ и дворянскихъ собраній, и распространять ее на исполнительные органы земскаго самоуправленія не имѣется законныхъ основаній; кромѣ того, появляясь общимъ предписаніемъ въ поясненіе существующихъ правилъ, возбужденный циркуляромъ вопросъ, въ силу п. 6 ст. 176 учр. мин., подлежитъ рѣшенію сената, и министерство, издавая циркуляръ безъ разрѣшенія послѣдняго, вышло изъ предѣловъ своей власти. Сенатъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, опредѣлялъ жалобу тверской губернской земской управы оставить безъ послѣдствій, принимая во вниманіе, что, на основаніи 1-й ст. пол. о зем. учр. 1902 г., земскія учрежденія вѣдаютъ дѣла о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, что сущность обжалованнаго циркуляра сводится къ воспрещенію земскимъ управамъ сноситься съ таковыми же учрежденіями по дѣламъ не мѣстнаго, а общегосударственнаго характера и содержитъ въ себѣ лишь подтвердительное указаніе на обязанность земскихъ управъ ограничиваться въ своей дѣятельности кругомъ вѣдомства земскихъ учреждений, и что, издавая циркуляръ отъ 23-го августа 1901 г., министръ внутреннихъ дѣлъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ власти, предоставленной министрамъ закономъ (ст. 156, п. 4 ст. 157, 171 и 172 учр. мин., изд. 1892 г.), пунктъ же 6-й ст. 176 этого закона къ настоящему дѣлу непримѣнимъ, такъ какъ обжалованный циркуляръ послѣдовалъ конфиденціально на имя губернаторовъ, представляетъ собой документъ, относящійся къ внутреннимъ сношеніямъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и не содержитъ въ себѣ оглашаемаго во всеобщее свѣдѣніе правила, которое только и могло бы требовать санкціи пра-

вительствующаго сената, въ силу лежащихъ на послѣднемъ обязанностей по общему надзору въ порядкѣ верховнаго управленія. (Указъ 30-го іюня, 1904 г.)“.

* * *

Всѣ газеты обошло разбиравшееся въ г. Мезени у мирового судьи перваго участка любопытное въ бытовомъ отношеніи дѣло о самовольной отлучкѣ административно-ссылныхъ Черныяка и Дреера.

„Обоимъ было назначено губернаторомъ мѣстоительство въ с. Несь Мезенскаго уѣзда. Прибывъ этапнымъ порядкомъ въ Мезень, они заявили мѣстному исправнику, что не имѣютъ средствъ, и просили разрѣшить имъ до пдлученія казеннаго пособія остаться въ г. Мезени. Исправникъ не разрѣшилъ имъ этого, обѣщая, что казенное кормовое пособіе будетъ имъ немедленно выдано по прибытіи на мѣсто. Прибывъ на мѣсто, ссыльные узнали, что распоряженій о выдачѣ имъ кормового пособія еще нѣтъ, и что мѣстное населеніе почти поголовно заражено сифилисомъ. У одного изъ мѣстныхъ крестьянъ они получили квартиру, а на имѣвшіяся у нихъ нѣсколько копеекъ покупали у сосѣда хлѣбъ и молоко. {По прошествіи двухъ-трехъ дней одинъ изъ обывателей того же села сказалъ имъ, что вся семья того крестьянина, у котораго они берутъ молоко, заражена сифилисомъ. Опасаясь, не заразились ли они уже этой болѣзнью, и оставшись совсѣмъ безъ денегъ, Черныякъ и Дрееръ пѣшкомъ отправились по тундрѣ въ гор. Мезень, отстоящій отъ нихъ на 100 вер. Придя въ гор. Мезень, они немедленно явились къ мѣстному уѣздному врачу, заявили о болѣзни, свирѣпствующей въ с. Неси, и просили его освидѣтельствовать ихъ. Заручившись удостовѣреніемъ врача, они обратились къ исправнику съ просьбой исходатайствовать предъ губернаторомъ другое мѣсто жительства, а временно остаться въ гор. Мезени, но были привлечены къ отвѣтственности за самовольную отлучку. Обвиняемые Черныякъ и Дрееръ не признали себя виновными, указавъ на то, что они вынуждены были придти въ гор. Мезень по указаннымъ выше причинамъ. Мировой судья отложилъ дѣло до другого дня для допроса, въ качествѣ эксперта, врача. 10-го іюля врачъ, не имѣя возможности явиться лично, прислалъ удостовѣреніе, что семья, у которой Черныякъ и Дрееръ брали молоко, страдаетъ заразной формой сифилиса, что причина ихъ боязни вполне основательная, и самовольная ихъ отлучка вполне уважительна. Мировой судья, опираясь на это удостовѣреніе, призналъ обвиняемыхъ Черныяка и Дреера по суду оправданными.

Аналогичное дѣло разбиралось у мирового судьи 2-го участка въ Архангельскѣ, по обвиненію архангельскимъ полицеймейстеромъ административно-ссылной женщины-врача Е. А. Марковой.

„Обстоятельства дѣла, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, таковы. 9-го іюня г-жа Маркова получила отъ своей сестры письмо, въ которомъ она извѣщала о своей болѣзни и просила ее немедленно пріѣхать къ ней въ г. Вологду, гдѣ та проживаетъ. Г-жа Маркова тотчасъ же отправилась къ губернатору съ просьбой, чтобы тотъ послалъ телеграмму въ министерство внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи ей выѣхать въ г. Вологду къ больной сестрѣ. Губернаторъ изъявилъ согласіе послать такую телеграмму. Г-жа Маркова, надѣясь, что она получитъ разрѣшеніе на отъѣздъ въ г. Вологду, и боясь за жизнь своей сестры, отправилась въ тотъ же день къ сестрѣ, не ожидая отвѣта на телеграмму изъ Петербурга. У больной сестры она пробыла мѣсяцъ и 12-го іюля возвратилась въ г. Архангельскъ. Г-жа Маркова виновною себя не признала въ предъявленномъ къ ней обвиненіи, такъ какъ находила, что въ такіе критическіе моменты, когда дорогой ей человекъ заболѣлъ серьезно, она должна была, не дожидаясь отвѣта на телеграмму, поѣхать къ сестрѣ. Мировой судья, не входя въ разсмотрѣніе дѣла по существу, ограничился формальнымъ признаніемъ факта отлучки и приговорилъ женщину-врача къ 10-ти руб. штрафа или, въ случаѣ несостоятельности, къ двухдневному домашнему аресту“.

* * *

„Новости“ получили слѣдующую телеграмму изъ Якутска:

„Въ якутскомъ окружномъ судѣ съ 30 іюня по 8 августа слушалось дѣло 59 административно-сылныхъ, обвинявшихся въ вооруженномъ возстаніи противъ власти, сопровождавшемся убійствомъ двухъ солдатъ. Приговоромъ, объявленнымъ при закрытыхъ дверяхъ, 55 человекъ приговорены въ каторгѣ на 12 лѣтъ, 1—къ арестантскимъ отдѣленіямъ на одинъ годъ и 3 оправданы“.

„Придѣпровскій Край“ передаетъ, что товарищъ прокурора Харьковской судебной палаты г. Лузинъ „вручилъ обвинительный актъ по дѣлу о безпорядкахъ въ г. Екатеринославѣ, происходившихъ съ 6 по 11 августа 1908 года. Въ качествѣ обвиняемыхъ привлечены 56 человекъ—мужчинъ и женщинъ. Всѣхъ свидѣтелей вызывается 112 человекъ. Дѣло будетъ слушаться въ Екатеринославѣ съ участіемъ сословныхъ представителей“.

„Одесскимъ Новостямъ“ пишутъ изъ Карса:

„На-дняхъ здѣсь убитъ переводчикъ мѣстнаго жандармскаго управления В. Я. Гроздовъ. Покойный, между прочимъ, состоялъ бібліотекаремъ городской общественной бібліотеки. Въ роковой для него день покойный, вернувшись въ 10 час. вечера изъ гостей, зашелъ въ бібліотеку, гдѣ онъ

обыкновенно ночевалъ со своимъ сыномъ, гимназистомъ III-го класса моск. гимназіи, и почти тотчасъ же вышелъ, заявивъ сыну, что идетъ на островъ (городской садъ), откуда скоро вернется. Черезъ 5 минутъ послѣ его ухода сынъ услышалъ послѣдовавшіе одинъ за другимъ два выстрѣла и крики отца. На шумъ, поднятый сыномъ, собралась полиція и публика и нашла В. Гроздова еле живымъ, истекавшимъ кровью. По распоряженію врача, раненый былъ доставленъ въ мѣстный пріемный покой, гдѣ скоро и скончался, не приходя въ сознаніе. Одна пуля попала въ нижнюю часть живота и прошла навзлетъ мимо позвоночника, а другая застряла въ мышцахъ бедра. Убійца не найденъ“.

Перечнемъ этихъ фактовъ мы и закончимъ нашу хроніку.

В. Б.

Письма изъ провинціи.

Исторія одной „исторіи“.

(Изъ Нижегородской губерніи).

Когда мужикъ „понесетъ съ базара Вѣлинскаго и Гоголя“? Долго еще кажется до такихъ временъ.. „Понесетъ“ онъ, можетъ быть, уже тогда, когда Вѣлинскій и Гоголь станутъ для насъ уже отжившими, когда жизнь уйдетъ далеко, родитъ новыхъ Вѣлинскихъ и Гоголей..

Въ нашемъ селѣ думали одно время устроить изъ существующаго здѣсь однокласснаго—2-хъ-классное училище—этогъ „народный университетъ“. Находилось и помѣщеніе для училища—общественный домъ; на помощь приходили казна, земство,—столько уже являлось необходимости въ 2-хъ-классномъ училищѣ. Но... тутъ и началась „исторія“.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ зданіи, принадлежащемъ сельскому обществу, до сихъ поръ занималъ квартиру земскій начальникъ, т. е. непосредственный начальникъ всѣхъ учреждений этой волости. Квартира, надо сказать правду, удобная, лучшая въ селѣ и стояла при томъ весьма недорого („свои люди—сочтемся“), а тутъ вдругъ кто-то надумалъ помѣстить сюда проектируемое училище. Земскому начальнику это, очевидно не понравилось, и онъ тогда произвелъ „давленіе“. Онъ началъ убѣждать крестьянъ на сходахъ, что училище принесетъ имъ только большіе расходы, пользы же отъ него никакой не будетъ. Однако это дѣйствовало плохо: на сходахъ находились такіе крестьяне, которые осмѣлились думать другое и говорить напротивъ. Тогда онъ призываетъ къ себѣ нѣкоторыхъ, „осмѣлившихся“ заявить себя сторонниками просвѣщенія.

„Приходимъ къ нему“, рассказываетъ одинъ изъ такихъ, „осмѣлившихся“: „ну что надумали?“—спрашиваетъ насъ.—Отвѣтили.

— „Да что вы-то хлопчете о школѣ? Что ты учиться что-ли будешь тамъ? Сядешь за парту?“—обращается онъ къ одному.

— „Нѣтъ“, отвѣтилъ тотъ: „но у меня есть дѣти: надобно ихъ сдѣлать людьми, выучить; село бѣдное—а неграмотному и малограмотному плохо“... Но такихъ „осмѣлившихся“ оказалось немного. Какъ ни старались они, побѣда осталась не за ними. Земскій начальникъ продолжалъ „убѣждать“ и въ концѣ концовъ „убѣдилъ“ крестьянъ отказаться отъ училища.

Пріѣзжали сюда директоръ, инспекторъ народныхъ училищъ, собирали сходъ, но ничего уже не вышло тогда: „убѣжденія“ подѣйствовали крѣпко, и вопросъ о 2-хъ-классномъ училищѣ канулъ въ Лету.

„Либеральная“ партія однако не успокоилась еще послѣ этого. Когда стала открываться въ селѣ чайная попечительства о народной трезвости, „либералы“ порекомендовали сходу сдать подъ чайную упомянутый общественный домъ; для общества это, дѣйствительно, было бы вдвое, втрое выгоднѣе.

Но и тутъ побѣда осталась за „бариниомъ“, какъ его называютъ здѣсь. Подъ чайную онъ снялъ помѣщеніе у частнаго лица (зем. нач.— и въ то же время участковый попечитель о народной трезвости), и его не потревожили.

Открывалась народная бібліотека-читальня. И тутъ не обошлось безъ „давленія“. Сходу надобно было избрать членовъ въ организуемый при бібліотекѣ совѣтъ; первые выборы были удачны—выбрали понимающихъ дѣло и относившихся любовно къ дѣлу крестьянъ. На вторыхъ выборахъ подъ „давленіемъ“ избраны были малограмотные, едва умѣющіе подписать свою фамилію, члены.

О работѣ на пользу бібліотеки съ ними ужъ не могло быть и рѣчи.

— „Что бібліотека?—баловство: баловаться сюда ходятъ только!“

Эти слова принадлежать одному изъ членовъ отъ вторыхъ выборовъ. Другой, солидарный съ первымъ относительно того, что бібліотека—„баловство“, сѣтуетъ еще на то, что сходомъ не положено членамъ жалованья... И вотъ такіе люди очутились членами совѣта бібліотеки...

Нѣтъ ничего веселаго, когда выслушаешь подобную повѣсть—повѣсть о „давленіи“ на что-либо просвѣтительное. Не весело было также и это слушать, когда, проѣзжая этимъ селомъ, привелось заглянуть въ школу. Школа—почернѣвшее, прогнившее зданіе; внутри обвалилась штукатурка, въ полу щели, печь развалилась. Немного поодаль неуклюжее, сырое темное зданіе—это народная бібліотека съ покосившимся крыльцомъ, съ полинявшею вывѣскою. Немного дальше стоитъ и общественный домъ, выглядывающій вовсе не „инвалидомъ“,—какъ школа и бібліотека,—довольно просторный, свѣтлый.

Л. К. Б.

Заботы о деревнѣ.

(изъ Ковровскаго уѣзда).

Много писалось и говорилось въ послѣднее время о правовомъ положеніи деревни. Въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ и въ губернскихъ совѣщаніяхъ обсуждались и обсуждаются вопросы, кто и какъ долженъ „заботиться“ о нуждахъ темной и некультурной деревни. Но не лучше ли иной разъ дать возможность позаботиться о себѣ самой деревнѣ? Въ нашемъ уѣздѣ недавно имѣла мѣсто не лишенная въ этомъ отношеніи интереса исторія устройства одной крестьянской трудовой артели.

На югъ и юго-западъ отъ города Коврова по теченію рѣки Клязьмы и ея притока Нерехты расположены двѣ волости: Бѣльковская и Великовская. Почва здѣсь песчаная, неплодородная. Пахотной земли у крестьянъ недостаточно. Хлѣба родится мало, и такъ какъ однимъ земледѣіемъ прожить нельзя, то населенію приходится или уходить на сторону, или заниматься подсобнымъ промысломъ. Такимъ промысломъ въ данной мѣстности служатъ добываніе „бѣлаго камня“ и приготовленіе извести. Каменные залежи имѣются и на надѣльныхъ крестьянскихъ земляхъ, а въ томъ числѣ и у крестьянъ дер. Фетотова, Великовской вол.

Въ „доброе старое время“, когда Фетотовцы были государственными крестьянами, они имѣли много лѣсовъ, изъ которыхъ заготавливали дрова для обжоговъ извести, и, собравшись въ артели, ломали камень и клали печи, обжигали ихъ и сами продавали известь, разтѣвая съ ней по сѣднимъ городамъ. Эти „артели“ не имѣли, конечно, писанныхъ договоровъ или уставовъ и представляли самобытную форму трудовой кооперации. Все дѣлалось по обоюдному соглашенію, а заработокъ дѣлился поровну. Такъ было въ давнія времена, о которыхъ теперь не сохранилось почти никакихъ воспоминаній. При выходѣ на волю, значительная часть лѣсовъ и земель отошла отъ крестьянъ. Начавшаяся дифференціація разбила населеніе деревни на зажиточныхъ „хозяйственныхъ мужичковъ“ и бѣдноту. Къ этому времени промыслы оказались уже въ рукахъ зажиточныхъ мужичковъ, а бѣднота пошла къ нимъ въ кабалу. Постройки желѣзныхъ дорогъ оживили промыслы и дали возможность предпринимателямъ зашибить большія деньги. Послѣ этого многіе изъ нихъ перенесли свои „хоромы“ изъ деревень въ городъ, выписались въ мѣщане и купцы и завели большую торговлю. Въ деревняхъ осталась рабочая бѣднота. „Фетотовцы“ продолжали рыться съ утра до поздняго вечера въ своихъ „подкопахъ“ и выволакивать изъ подземныхъ пещеръ громадныя глыбы камня, получая за свой тяжелый трудъ крайне ничтожный подневный заработокъ. Арендныхъ денегъ за свои залежи они также не видѣли, такъ какъ начальство ихъ отбирало въ „депозиты“ въ неприкосновенный капиталъ 1).

1) Арендныя деньги поступаютъ въ капиталъ на приобретеніе зе-

Рабочій трудъ „Федотовца“ длится съ 2—4 час. утра до вечера, и за свой трудъ, сопряженный съ громаднымъ рискомъ, онъ получаетъ 10—12 руб. въ мѣсяцъ, а иногда и меньше. Жизнью и здоровьемъ „Федотовцы“ рискуютъ при своей работѣ на каждомъ шагѣ: надъ ихъ головами въ „подкопахъ“ висятъ громадныя глыбы камня, готовые ежеминутно упасть и раздавить ихъ, известковая пыль слѣпять имъ глаза, жжетъ и разъѣдаетъ на тѣлѣ глубокія раны, наполняетъ легкіи. Но безысходная нужда заставляетъ забывать объ опасностяхъ и идти на работу къ „благодѣтелямъ“ и добывать для нихъ свой же собственный камень и известъ.

Такъ обстоило дѣло въ теченіе долгаго времени. Но и въ Федотово проникли „Новыя вѣянія“.

На одномъ концѣ дер. Федотова скрытно пріютилась въ маленькой и ветхой избенкѣ земская школа. Раньше въ этой избѣ былъ „кабакъ“, а потому и обычное мѣсто для разныхъ бесѣдъ въ досужее время. Съ замѣной кабака школой, „бесѣды“ на насижennomъ мѣстѣ не прекратились, только теперь въ нихъ стали принимать участіе, вмѣсто цѣловальника, земскій учитель.

Много горя и нужды высказывалось во время этихъ „бесѣдъ“, на лужкѣ, воколѣ земской школы... Много вѣрныхъ словъ, „добрыхъ“ пожеланій и сѣтованій изливалось здѣсь на голову прижимистыхъ хозяевъ... Въ одну изъ такихъ „бесѣдъ“ проявилось особенное недовольство. Былъ праздничный день. Наканунѣ рабочіе ходили въ городъ за деньгами къ хозяину, но вернулись ни съ чѣмъ, уставшіе и прозябшіе, напрасно продавъ хозяина до самой ночи.

Самъ наказывалъ приходять, а потомъ уѣхалъ!—ворчали Федотовцы, — въ третій разъ по напрасну ходимъ, только время зря теряемъ! Строились было разные планы,—кто рассчитывалъ подати уплатить, долги заплатить, кто по хозяйству что-нибудь купить, кто выпить „съ устатку“, кто баранокъ женѣ и дѣтямъ принести—и все эти планы рухнули. „Вотъ теперь, что хошь, то и дѣлай!“ вздыхали Федотовцы.

— То же и рассчитываютъ нашего брата,—слышалось въ толпѣ—иной разъ половины принятаго камня не запишутъ, да и расплачиваются только харчами ¹⁾.

мель. Въ дер. Федотовой на эти деньги никакихъ земель еще не пріобрѣтено.

¹⁾ Только недавно по распоряженію горнаго надзора введены на промыслахъ расчетныя книжки и къ предпринимателямъ предъявлены требованія устава о промысл. (опредѣленные сроки расплаты, запрещеніе расплаты харчами и пр.). Раньше харчевыя лавки и уплата харчами была въ большемъ употребленіи у предпринимателей. Уплаты деньгами почти не производилось. Задолженность по харчевой лавкѣ создавала

И долго лились причитанія и сѣтованія; пока подоѣвній къ мужичкамъ учитель не далъ другого направленія „мужичкой“ мысли... Заговорили о доходности промысловъ для предпринимателей. Привинули, подчитали: расходы не велики, а доходы не малые. Отъ каждой шутки камня до 1 руб. пользы остается, а изъ известковой печи не менѣе 500—600 р.

Мысль объ артельной разработкѣ послѣ этого въ головахъ Ѳедотовцевъ выплыла сама собой. На послѣдующихъ „бесѣдахъ“ вопросъ этотъ уже горячо дебатировался на всѣ лады. Въ рукахъ Ѳедотовцевъ появилась книжка „Артельный договоръ“ Левитскаго. Идея артели стала быстро получать популярность, и число ея сторонниковъ росло съ каждымъ днемъ.

Слухи объ артели дошли и до предпринимателей и произвели переполохъ. „Ишь, что задумали, не бывать этому!“ рѣшили толстосумы. Навели они стороною „справочки“ и къ своему удовольствію узнали, что объ артели крестьяне „изъ книжекъ вычитываютъ“. „Книжки, сходбища, буть!“ Обо всемъ этомъ представили по начальству. Изъ города немедленно прискакалъ становой, и хотя никакого „бунта“ не нашелъ, но на „артельный договоръ“ арестъ наложилъ. Крестьянамъ было внушено никакихъ „превратныхъ идей“ не слушать. Ѳедотовцы растерялись, и у многихъ мысль объ устройствѣ артели улетучилась.

Такъ бы этимъ дѣло и кончилось, и „превратныя идеи“ доступна къ Ѳедотовцамъ не нашли, если бы къ этому времени не наступило сугубаго подъема сельско-хозяйственнаго попеченія. Въ комитетахъ о нуждахъ сельскаго хозяйства заговорили о развитіи крестьянской инициативы и самостоятельности. Ѳедотовское артельное начинаніе нашло себѣ интеллигентныхъ покровителей. Былъ написанъ уставъ артели, и послано ходатайство объ его утвержденіи, которое и пошло по законнымъ инстанціямъ. Тѣмъ временемъ и „хозяева“ тоже не дремали, и также нашли себѣ „покровителей“. „Ѳедотовцевъ“ они запугивали всякими страхами. Они распускали слухи, что если возникнетъ артель, то они понизятъ продажную цѣну на известку и камень и тѣмъ причинятъ такіе убытки артели, съ которыми она не справится. Предъ начальствомъ „хозяева“ плавались за „мужичковъ“, что де ихъ смутили только „недобрые люди“, что и они де, сами хозяева, при капиталахъ и то еле концы съ концами сводятъ. Вяло „хозяйской мудрости“ начальство и утвержденія устава объ артели не послѣдовало. Ѳедотовцы доселѣ еще ждутъ отвѣта на свое ходатайство, хотя скоро уже истечетъ три года со времени знаменательнаго въ жизни Ѳедотовцевъ факта написанія „артельной конституціи“.

Ю. Стразовъ.

страшную кабалу рабочихъ, заставлявшую ихъ принимать всѣ условія хозяевъ.

О деревенских праздниках и доходах духовенства. (Изъ г. Тотьмы).

Высочайше учрежденное особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ засѣданіи 23 ноября 1902 г. и 11-го января 1903 г. обратило вниманіе на число праздничныхъ нерабочихъ дней среди крестьянъ. Я хочу подѣлиться съ читателемъ своими по этому поводу деревенскими впечатлѣніями. Впередъ оговорюсь, что я пишу о вполнѣ мнѣ знакомомъ, которое я наблюдалъ болѣе 30 лѣтъ; цифры беру нѣсколько уменьшенныя, чтобы не впасть въ преувеличеніе. Крестьянскіе праздники въ описываемой мною волости, раздѣляются на храмовые—престольные, когда празднуетъ вся волость, и „деревенскіе“, когда празднуетъ одна или двѣ-три смежныхъ деревни. Оставляя въ сторонѣ престольный праздникъ, я хочу обратить вниманіе на деревенскіе праздники. Такіе праздники устанавливаются главнымъ образомъ въ воспоминаніе или бывшаго пожара въ деревнѣ, градобоя, надежа скота, червобоя, или по примѣру другихъ деревень, а есть случаи и по приказу духовенства. Это дѣлается очень просто: священникъ объявляетъ деревнѣ: молъ, у васъ очень мало праздниковъ, рѣдко иконы поднимаете, чтобы до бѣды не дожили,— и назначаетъ имъ день для ежегоднаго „подъема иконъ“. Просто и практично! А какое раздолье для поддержанія такой религіозности бываетъ послѣ какого-нибудь деревенскаго несчастія—это хорошо знаетъ деревня. Прямо подымается соревнованіе въ устройствѣ праздниковъ и въ установкѣ постовъ. Деревенскіе праздники бываютъ всегда лѣтомъ, меньше весной, а еще рѣже осенью. Они очень рѣдко совпадаютъ съ церковными праздниками, значить, бываютъ въ рабочее время—будни.

Въ описываемой волости 38 деревень. Въ огромномъ большинствѣ праздники бываютъ два раза, во многихъ три, а есть и по четыре такихъ праздника въ годъ. Что же стоитъ деревнѣ праздникъ? Для примѣра возьму деревню въ 20 дворовъ. За обѣдню 1 р. 20 к., на свѣчки—неопредѣленное количество; общій молебень на деревнѣ 1 р., — по домамъ по 10 коп. = 2 руб., да по караваю хлѣба, въ среднемъ по 10 фун. = 200 ф. = 4 руб.; угощеніе духовенству и экстраординарная трата по случаю праздника—приблизительно 10 руб.; сюда же нужно прибавить, что (въ деревнѣ) 65 чел. потеряли рабочей день, въ большинствѣ въ горячее время сѣнокоса,—это—считая по 40 коп. поденщины — = 26 р., да плюсъ сѣно замочено или другое важное хозяйственное упущеніе и—глядишь, для бѣдной деревни, въ бѣдное голодное лѣтнее время экономическій минуетъ, въ счетъ будущаго урожая—44 руб. 20 коп. А если такихъ праздниковъ 2, 3, 4?! Удивительно ли тутъ крестьянское оскуднѣніе?

Я еще не говорю о храмовыхъ, общеволостныхъ праздникахъ, которые прямо разорительны для крестьянъ, такъ какъ, помимо церковныхъ повинностей, идетъ и пьянство въ теченіе недѣли. Дай Богъ, чтобы дошло до цѣли пожеланіе Совѣщанія объ ограниченіи крестьянскихъ праздниковъ. Но много наводитъ на сомнѣніе, что оно не вездѣ достигнетъ своей цѣли, а въ нашемъ уѣздѣ (Тотемскомъ) и въ описываемой мною волости (Калининской) и еще менѣе.

Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года въ Тотемскомъ уѣздѣ состоялись съѣзды духовенства по поводу запроса Синода о назначеніи имъ жалованья. Въ одномъ благочинническомъ округѣ уѣзда всѣ приходы отнесены въ первый разрядъ, т. е. необходимость получения увеличеннаго жалованья притомъ поставлена на первую очередь. Не берусь судить, насколько вызывается необходимостью это постановленіе, но крайне желательно, чтобы увеличеніе жалованья духовенству было связано съ уменьшеніемъ крестьянамъ тяготы по содержанію духовенства. Насколько это желательно, и насколько нуждается первый разрядъ въ большомъ жалованьи, я поясню цифрами. Возьму хорошо мнѣ знакомый приходъ въ 559 дворовъ. Приходъ одноклирный, т. е. одинъ священникъ, діаконъ, псаломщикъ и просфорня. Бухгалтерія доходовъ духовенства этой волости очень сложна, такъ что мало знакомому человѣку трудно съ ней справиться. Начну съ натуральныхъ сборовъ, которые и переведу на деньги по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ собранные продукты продавались духовенствомъ. Подробно буду считать сборы одного священника. Они раздѣляются на общіе и личные; изъ общихъ ему половина. 1. „Новъ“—сборъ личный, происходитъ осенью, когда вымолотятъ зерно и вытреплютъ ленъ. Дается съ дома рѣшето ржи, рѣшето овса и отъ 3 до 6 пучковъ („повесь“) льна; значать въ среднемъ съ дому 8 фун. ржи, 5 фун. овса и $\frac{1}{2}$ фун. льну; всего съ волости: ржи (8 ф. 559) = 111 п. 32 ф., овса (5 ф. 559) = 69 п. 35 ф., льну ($\frac{1}{2}$ ф. 559) = 7 пуд.; рожь по 90 коп. пудъ—на 100 р. 62 коп., овесъ — по 50 коп. на 34 руб. 94 коп. и ленъ по 5 руб. пудъ на 35 руб., а всего „нови“ на 100 руб. 56 коп. 2. „Слава“—сборъ личный, происходитъ въ праздникъ Рождества Христова; даютъ рожь и овесъ по рѣшету; при плохомъ урожаѣ ржи даютъ ячмень, или же и одинъ овесъ; возьму самое меньшее: ржи половину, овса — рѣшето и выдетъ: ржи 55 пуд. на 49 р. 50 коп., овса на 34 руб. 94 коп., а всего „славы“ на 84 руб. 84 коп. 3. „Сыромасло“—сборъ личный, въ Петровъ постъ; даютъ масла—съ $\frac{1}{2}$ фун., овсяной крупы съ $\frac{1}{2}$ ф. и 2—3 яйца, а всего: масла 7 пуд. по 25 коп. за фунтъ—на 70 руб.; крупы 7 пуд. по 4 коп. фунтъ—на 11 руб. 20 коп.; яицъ 1,100 шт. по 8 коп. десятокъ на 8 р. 80 коп., а всего „сыромасла“ на 90 руб. 4. „Постная молитва“—сборъ

личный, горохъ, на первой недѣлѣ Вел. поста; даютъ гороху въ среднемъ по 1 фун. съ дому, всего 14 пуд. на 14 руб. Натуральные общіе сборы, получаются вмѣстѣ на весь причтъ, изъ нихъ священнику половина. Эти сборы печеный хлѣбъ и пироги. 5. Печеный хлѣбъ получается по караванъ съ дому въ Пасху, въ храмовой праздникъ и „деревенскіе“ праздники, которыхъ въ среднемъ въ году по два, значить въ среднемъ со всей волости получается по 4 кар. съ дому, священнику 2, а всего ему $(2 \times 559) = 1,118$ кар. по 8 фун., въ среднемъ 223 пуд. 20 ф. печенаго хлѣба по 80 коп. пудъ = 198 руб. 80 коп. Пироги въ Пасху въ среднемъ по 3 фун. съ дому, на долю священника достаются 20 п. 37 ф. по 1 р. 20 к. пудъ—на 25 руб. 11 коп. Эти натуральные доходы еще не всѣ, всего упомянутыхъ въ годъ на долю священника на 582 р. 81 к. Не менѣе сложны доходы денежныя, и свѣдѣнія о нихъ будутъ далеко ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ я беру только тѣ, которые „видно“ и которые я хорошо знаю. 6. Самый солидный изъ денежныхъ сборовъ это пасхальный, когда получается за годовыя поминовенія за усопшихъ и живыхъ и собственно пасхальная плата; всего въ нынѣшнемъ году получено на весь причтъ 216 руб., значить священникъ 108 руб. 7. Далѣе доходъ въ Вел. Постъ съ говѣющихъ. По свѣдѣніямъ кларовой за 1902 годъ бывшихъ у исповѣди обоюго пола значится 2,331 чел., полагая доходъ съ 1 чел. 8 коп., всего будетъ 69 руб. 93 коп. да $\frac{1}{6}$ часть подавали просфоры по 2 коп. на каждую = 2 р. 32 к., а всего отъ этой статьи 72 р. 25 к., изъ которыхъ священнику 39 руб. 62 коп. 8. Въ теченіе года значительное число заказывается въ церкви молебновъ, дающихъ не малый доходъ, но точныхъ, могущихъ быть доказанными свѣдѣній я не имѣю, значить, цифрами выразить этотъ доходъ не имѣю возможности. 9. Далѣе доходы съ требъ. Вѣнчанья. За вѣнчанье берется деньгами 2 р. (до осени прошлаго года бралось 1 р. 50 к. и 1 бутылка водки, которой „изъ боязни“ не стали брать, увеличивъ плату за вѣнчанье до 2-хъ рублей), священнику 10 арш. холста и 1 полотенце, а остальному причту по 1 полотенцу; съ дѣвиць, вѣнчающихся въ другой волости, берутся только „дары“, т. е. холстъ и полотенца, не считая „за труды“ по письму „метрики“, что по соглашенію и „знакомству“; мужчина, вѣнчающійся въ другомъ приходѣ, уплачиваетъ 3 руб.; по книгамъ церкви за 1902 г. значится браковъ 60 (тутъ не вошли въ счетъ вышедшія замужъ въ другую волость и вѣнчавшіеся въ другомъ мѣстѣ), значить священникъ за эту потребу получить: 60 руб. деньгами, 600 арш. полотна по 10 коп. аршинъ на 60 руб., 60 шт. полотенець по 30 коп. на 18 руб., а всего отъ вѣнчаній 138 руб. Родившихся въ этомъ году 180; за крестины въ среднемъ 15 коп. (при этомъ двѣ категоріи: законорожденные платятъ

отъ 10 до 30 коп., а „незаконные“ безусловно 50 коп.) — священнику 13 р. 50 к. Погребеній въ теченіе года 125, доходъ отъ 10 коп. за „бѣднаго“ младенца до 1 р. 50 к., въ среднемъ 40 коп. — всего священнику 25 руб. „Очистительныя молитвы“ — доходъ личный священника, въ среднемъ 5 коп. всего (5.125) = 6 р. 25 к. 10. Денежный доходъ при обходѣ съ иконами въ храмовые и деревенскіе праздники, всего 4 раза (или вѣрнѣе $4\frac{1}{2}$) по 10 коп. съ дому = 223 р. 60 к., а священнику — 111 руб. 80 коп. 11. Денежный доходъ при обходѣ съ крещенскими водами, въ среднемъ 5 коп. съ дому, всего 27 р. 95 к. — священнику 13 р. 97 коп. 12. Далѣе доходъ отъ земли, который, не имѣя возможности опредѣлить точно, положу на долю священника самый минимальный 100 руб. Жалованье священнику 141 руб. 12 коп., онъ же получить за законоучительство въ 2-хъ школахъ 95 руб. Итакъ, весь годовой доходъ одного священника выразится цифрой 1,880 руб. 88 коп., не считая значительнаго неучитаемаго цифрами (кромя его одного). Не берусь судить, достаточно ли обезпечивается въ описываемой волости священникъ и, какъ далѣе увидимъ, и весь причтъ, этой еще неполной цифрой, и насколько необходимо отнесеніе въ 1-й разрядъ этого прихода. Впрочемъ, отнесеніе въ 1-й разрядъ послѣдовало не по дѣйствительнымъ доходамъ, а по официальнымъ, т. е. показываемымъ ими самими въ клировой вѣдомости, что можно видѣть изъ слѣдующихъ дословныхъ выписокъ въ этой вѣдомости за 1902 годъ... „Земли 50 дес. 1,416 кв. с.; усадебной 1 д. 1,850 кв. с., съ коей выгодою, кромѣ овощнаго довольствія себя и своихъ семействъ причтъ не получаетъ. Пахотной земли 22 дес. 400 кв. с., на которую высѣяно всѣми священно-церковнослужителямъ: ржи 8 п. ячменя 5 п., пшеницы 4 п. и овса 16 п.; въ приполювѣ было у всего причта 40 пуд. ржи, ячменя 16 п., пшеницы 12 п. и овса 80 пуд.; хлѣба въ продажу не поступило.

„Сѣнокосной земли 13 д. 810 кв. с., съ которой причтомъ снято 20 возовъ, полагая возъ 20 пуд.; сѣна въ продажу не поступило, а все оно пошло на продовольствіе причтоваго скота“. Въ дѣйствительности одинъ священникъ сниметъ сѣна не менѣе 50-ти показанныхъ возовъ. Далѣе... „Въ теченіе года въ утвержденную (вѣроятно учрежденную — ав.) при церкви кружку получено на весь причтъ денежныхъ доходовъ за молебствія, славу и требы 487 р. 96 к. Собрано всѣми священно-церковнослужителями по приходу нови — ржи 20 пуд. и овса 35 пуд. на сумму 34 р. 50 к.; за праздники Рождества и Крещенія Господня получается зерновой хлѣбъ, коего и собрано на весь причтъ — овса 45 п. на сумму 22 р. 50 к. Всѣхъ вообще выгодъ отъ земли, хлѣбныхъ сборовъ и де-

нежныхъ доходовъ получено въ семь году на весь причтъ 774 р. 28 к. „...
„Содержаніе священно-церковно-служителей достаточное“.

Считая по дѣйствительнымъ доходамъ, а не по доходамъ „клировой“, діаконъ въ описываемой волости получить 832 р. 60 к., псаломщикъ 425 р. 37 к.; просфорня минимумъ 150 руб. Значить, весь расходъ волости на содержаніе духовенства (исключая казенное жалованье) выразится цифрою 2,227 руб. 90 коп., т. е. по 3 руб. 63 к. на домъ; но въ дѣйствительности, какъ уже сказано выше, больше, такъ какъ нѣкоторые доходы со стороны неучитаемы. Теперь понятно для читателя, насколько волость нуждается въ облегченіи отъ этихъ повинностей и насколько простиительно желать уменьшенія ихъ въ связи съ увеличеніемъ жалованья духовенству. Если читатель подумаетъ, что описываемый приходъ очень богатъ, то жестоко ошибается: бѣденъ и бѣдѣеть съ каждымъ годомъ прогрессивно отъ разныхъ экономическихъ неудачъ, и, если подумать, что въ связи съ этимъ и доходы духовенства уменьшаются, то это тоже невѣрно: доходы хотя и немного, но увеличиваются. Если бы я вздумалъ доказать это цифрами и указать на причины этого, то завело бы далеко, а потому это и оставлю до другого раза.

Статистикъ.

Родныя картины.

О воинственномъ профессорѣ Мигулинѣ и о его завоевательныхъ планахъ.—О томъ, какъ г. Грингмутъ отдалъ подѣ судѣ южную прессу.—Земскіе начальники въ качествѣ экзаменаторовъ въ сельскихъ школахъ.—„Страхование жизни съ христіанской точки зрѣнія“.—Мелочи.

Въ газетѣ „Русь“ появилось два новыхъ сотрудника—одинъ г. Зой, другой—профессоръ Мигулинъ. Г-нъ Зой пишетъ больше по дамской части—объ адюльтерѣ, о границахъ прелюбодѣянiя, о сравнительной преступности поцѣлуевъ и пр. Г-нъ же Мигулинъ занятъ исключительно вопросами нашей внѣшней политики и настоятельно совѣтуетъ дорогому отечеству теперь же завоевать Англію, Америку, Индію, Персію, Манчжурію, Китай и прочія имперіи, царства и королевства. Исключеніе г. Мигулинъ дѣлаетъ только для Испаніи и Португаліи, да и то, надо думать, не по добротѣ сердечной, а просто потому, что эти маленькія державы притаились гдѣ-то въ углу Европы и, возможно, что почтенный профессоръ просто не замѣтилъ ихъ или не повторилъ географіи и забылъ объ ихъ существованіи.

Я не берусь судить, изъ какихъ источниковъ проистекаютъ завоевательные планы проф. Мигулина, но долженъ по совѣсти сказать, что какъ писатель, г. Зой мнѣ больше нравится: у г-на Зоя, по крайней мѣрѣ, все на своемъ мѣстѣ, все ясно и понятно, а главное, г. Зой никогда не ограничивается только постановкой недоумѣнныхъ вопросовъ, но тутъ же даетъ и посильное разрѣшеніе ихъ. Такъ, напримѣръ, недавно г. Зой предложилъ своимъ читателямъ такую проблему: ежели поцѣловать даму въ тыльную часть руки—это считается ничего; но ежели поцѣловать ту же даму въ ладонь—это уже считается того-съ... Спрашивается: почему?—А потому, самъ себѣ отвѣчаетъ г. Зой, что тыльная ~~часть~~ ^{сторона} руки покрыта

волосами,—ладонь же, какъ извѣстно, оными не покрыта. Или еще проблема: ежели вы сидите на берегу моря съ молодой дамочкой и, придвигаясь къ ней, чувствуете, что отъ ея тѣла пышетъ жаромъ, то имѣются ли въ данномъ случаѣ основанія считать указанный жаръ увертвой къ прелюбодѣянiю. Какъ видите, вопросъ не изъ легкихъ, но пораскинувъ умомъ, г. Зой и эту проблему рѣшаетъ вполне удовлетворительно: смотря, молъ, по тому, въ какомъ смыслѣ вы придвигаетесь.

Нѣсколько въ другомъ родѣ, но тоже очень весело, пишетъ проф. Мигулинъ. Доказывая, напримѣръ, что намъ необходимо серьезно подумать о Персiи и навсегда отвадить англичанъ отъ побережья Персидскаго залива, маэстро рекомендуетъ немедленно же начинать военныя дѣйствiя противъ „англичанки“ и обѣщаетъ блистательную побѣду. „Англія, говоритъ онъ, начнетъ войну далеко не подготовленной, будетъ застигнута врасплохъ, не будетъ госпожею положенiя вещей. Мы успѣемъ отвѣтить ей диверсiей на Индію, отправкой своихъ войскъ въ Белуджистанъ и Персiю, гдѣ населеніе, истощенное голодомъ и холерой, встрѣтитъ насъ съ распростертыми объятiями, *ибо, какъ и всюду, мы принесемъ порядокъ*, дадимъ заработки, введемъ санитарныя мѣропріятiя противъ эпидемiй, проведемъ желѣзныя дороги, устроимъ порты, дадимъ отпоръ корыстолюбивымъ притязанiямъ иностранцевъ“. Такимъ образомъ, пока что, маэстро Мигулинъ рекомендуетъ Россiи заняться насажденiемъ культуры въ Белуджистанѣ и осчастливить Персiю проведенiемъ желѣзныхъ дорогъ, устройствомъ портовъ и пр. и пр. Мысль, что и говорить, вполне своевременная и безусловно умная. Но вся бѣда въ томъ, что наряду съ Персiей и Белуджистаномъ, г. Мигулинъ имѣетъ твердое намѣреніе покорить также и Китай и за одно ужъ низвергнуть нынѣшнюю маньчжурскую династію. Общiя провести русскую границу до Великой Стѣны, маэстро говоритъ: „Конечно, если-бы Китай вступилъ съ нами въ открытую борьбу, то результатомъ ея было бы занятіе нами Пекина, наложеніе на Китай крупной военной контрибуціи, быть можетъ—смищеніе маньчжурской династіи“. Но не тотъ случай, если бы Китай добровольно согласился уступить всѣ свои области, лежащiя къ сѣверу отъ Великой Стѣны, профессоръ обѣщаетъ дать Поднебесной Имперiи нѣкоторое снисхожденіе, именно: уменьшить контрибуцію, оградить страну отъ посягательствъ Англiи и Японiи и даже готовъ сохранить за маньчжурской династіей „нѣкоторыя права на Мукденъ, гдѣ покоятся священныя для этой династіи могилы предковъ. Такимъ образомъ, кромѣ Испанiи и Португалiи автономію можетъ сохранить и Китай, но конечно при условiи совершеннаго добронравiя и абсолютной покорности.

Изъ сказаннаго видно, что на пространствѣ одного только фельетона,

г. Мигулинъ: 1) ошастливилъ Белуджистанъ; 2) былъ восторженно встрѣченъ голодающимъ населеніемъ Персіи; 3) смирилъ гордую царицу морей—Англію; 4) отхватилъ сѣверныя провинціи Китая, и 5) ниспровергъ и затѣмъ опять возстановилъ манчжурскую династію... Но вы думаете, это все, что можно было сдѣлать на пространствѣ одного фельетона? Ошибаетесь: въ предпоследнемъ столбцѣ этого фельетона, г. Мигулинъ успѣлъ еще присоединить къ русскимъ владѣніямъ Манчурію и Корею, а въ последнемъ объявилъ войну Америкѣ и одержалъ надъ ней блистательнѣйшую побѣду.

Выше я сказалъ, что г. Зой, какъ литераторъ, мнѣ больше нравится, чѣмъ проф. Мигулинъ. Но разувѣтся, отсюда еще нельзя заключить, что я не дѣлаю разницы между широтой размаха обоихъ писателей: г. Зой, завѣдывая въ газетѣ всего лишь отдѣломъ прелюбодѣяній, само собой, долженъ ограничить полетъ своего воображенія предѣлами дамскаго естества,—тогда какъ его сосѣдъ по газетѣ, завѣдывая судьбами міра, можетъ ниспровергать троны, покорять народы и раздирать пополамъ карту старушки-Азіи. Но за исключеніемъ широты масштаба, всѣ остальные преимущества, несомнѣнно, на сторонѣ г-на Зоя: обратите, напримѣръ, вниманіе, съ какой неряшливостью, намѣчаетъ г. Мигулинъ границы завоеванныхъ имъ государствъ, и въ то же время, какъ тонко, какъ изысканно-умно намѣчаетъ г. Зой границы прелюбодѣянія (поцѣловали вы даму въ руку—ничего, поцѣловали въ ладонь—извините-сь!) Или взять хотя бы мотивировку основныхъ положеній: г. Мигулинъ прямо говоритъ: внести порядокъ въ Белуджистанъ, дать заработки персидскому населенію, упразднить эпидеміи, провести желѣзныя дороги—но на какой предметъ почему и въ какомъ смыслѣ—неизвѣстно. Тогда какъ у г. Зоя на всякое „почему“ вы немедленно же получаете вполне удовлетворительное „потому что“: потому не рекомендуется цѣловать дамъ въ ладонь, что ладонь не покрыта волосами—просто, кратко и элементарно. Наконецъ, и еще одно, самое важное преимущество: разрабатывая вопросъ о новомъ критеріи для стараго понятія—„прелюбодѣяніе“, г. Зой не задается никакими превосприимчивыми идеями и не бранитъ ни интеллигенцію, ни печать, тогда какъ г. Мигулинъ говоритъ языкомъ Олимпійскаго Зевса. Вотъ, напримѣръ, какъ отдѣлываетъ онъ противниковъ войны:

„Едва началась война, у насъ появился новый наивный типъ японофиловъ, всячески оправдывающихъ всѣ дѣянія Японіи въ ея отношеніяхъ къ Россіи и обвиняющихъ русское правительство, которое съ одной стороны всячески будто бы вызывало войну съ Японіей, а съ другой стороны совершенно къ ней не готовилось. Разсужденія этихъ лицъ до того грѣшати невѣрностью политическаго мысли и незнаніемъ общезвѣстныхъ

фактовъ, что ихъ можно было бы оставить безъ вниманія, но, къ сожа-
лѣнію, въ обществѣ эти разсужденія очень распространены, и, слѣдова-
тельно съ ними приходится считаться. Доказываютъ, напримѣръ, что Россія
не имѣетъ никакихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, какъ и вообще не
имѣетъ никакихъ внѣшнихъ интересовъ и должна заботиться только о
своихъ внутреннихъ дѣлахъ, что ей не нужны незамерзающіе порты на
Тихомъ океанѣ (какъ не нужны, по мнѣнію тѣхъ же лицъ, и на Персид-
скомъ заливѣ), тѣмъ болѣе не нужна Манчурія, которую (по мнѣнію
одной почтенной провинціальной газеты) слѣдовало бы не только возвра-
тить Китаю, но и заплатить ему миллиардъ скорѣе, чѣмъ оставить въ на-
шихъ рукахъ эту одну изъ богатѣйшихъ въ мірѣ областей,—что Россія
страдаетъ отъ многоземелья и не нуждается поэтому въ увеличеніи своей
территоріи“ и т. д. и т. д.

Мы не будемъ говорить, до какой степени странно и смѣшно звучатъ
въ устахъ г. Мигулина упреки въ наивности, направленные по адресу
русскаго общества (человѣкъ насадилъ государственный порядокъ въ Бе-
луджистанѣ, оживилъ Персію, завоевалъ единымъ духомъ полміра—и онъ
же рѣшается говорить о наивности!) Но обратите вниманіе, какое право-
ученіе читаетъ маэстро „наивному“ русскому обществу:

„Всякія сантиментальныя разсужденія, говорить онъ, на ту тему, что
мы посягаемъ на собственность дружественныхъ державъ, на суверенныя
права разныхъ средне-азіатскихъ владыкъ, на свободу мирныхъ наро-
довъ,—совершенно несостоятельны, особенно, когда идутъ по адресу Россіи:
всѣ присоединенныя къ Россіи области съ полудикимъ населеніемъ: Крымъ,
Кавказъ, Закавказье, Средняя Азія ассимилированы съ Россіей, населенію
ихъ даны одинаковыя права съ русскимъ кореннымъ, благосостояніе этого
инородческаго населенія чрезвычайно возросло за время русскаго влады-
чества и не можетъ идти въ сравненіе съ благосостояніемъ населенія
оставшихся независимыми отъ Россіи странъ, откуда часты просьбы его
о присоединеніи къ Россіи или о русскомъ протекторатѣ. То же явленіе
наблюдалось и въ Манчуріи, гдѣ коренное населеніе (манчжуры), разбо-
гатѣвшее подъ короткимъ русскимъ управленіемъ, весьма дружески къ
намъ относится, за исключеніемъ хунхузовъ, немногочисленнаго чисто-
китайскаго населенія и властей“.

Мы не знаемъ, какую науку избралъ г. Мигулинъ своей специаль-
ностью, но несомнѣнно, что съ государственнымъ правомъ онъ совер-
шенно незнакомъ, иначе онъ не говорилъ бы съ такимъ апломбомъ о
предметахъ, для него невѣдомыхъ: можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить
о полномъ равенствѣ инородческихъ правъ, когда наши окраины еще
только мечтаютъ о земствѣ, о судѣ присяжныхъ, о самоуправленіи, о сво-

бодѣ передвиженія, объ уравненіи податей и пр. и пр. Точно также едва ли г. Мигулинъ хорошо знакомъ и съ международнымъ правомъ, иначе онъ не завоевывалъ бы такъ легко царствъ, не разрушалъ имперій, не упразднялъ династій и не посягалъ бы съ такимъ легкомысліемъ „на свободу мирныхъ народовъ“. Наконецъ и по финансовой части г. Мигулинъ тоже внушаетъ большія сомнѣнія, ибо говорить о сплошномъ благоденствіи инородцевъ и ихъ богатствѣ не приходится, если на лицо имѣется эмиграція крымскихъ татаръ и вымирающія отъ голода и цынги сибирскія племена... Но дѣло, впрочемъ, не столько въ учености г. Мигулина, сколько въ его апломбѣ: какъ это ни горько, какъ ни печально, но приходится сознаться, что съ самаго начала войны въ нашей ежедневной печати не было слышно еще ни одного серьезнаго, ни одного умнаго и честнаго голоса. Говорятъ только шарлатаны, дикари, лгуны и пустомели. И говорятъ, разумѣется, о томъ, о чемъ свойственно говорить шарлатанамъ и пустомелямъ. Когда наши города и земства изъ кожи лѣзутъ, не зная, чѣмъ прокормить осиротѣвшія семьи солдатъ, пустомели выходятъ и говорятъ: „да когда же, наконецъ, мы проведемъ въ Персіи желѣзныя дороги? когда мы устроимъ для гг. персіянъ приморскіе порты?“

Когда на югѣ объявленъ недородъ, и мужики не знаютъ, куда дѣваться отъ безкормицы и безработицы, пустомели опять выходятъ на авансцену и говорятъ: „господа! неужели мы не въ состояніи устроить заработки персидскому населенію?“

Когда, наконецъ, вся страна ждетъ не дожидается устройства своей внутренней жизни, пустомели опять и опять взибраются на каѳедры и орутъ „что такое—Белуджистанъ? дать Белуджистану необходимыя реформы!“

* * *

Въ прошедшій разъ, говоря о воинственныхъ статьяхъ г. Льва Тихомирова, я уже отмѣчалъ, что, въ вопросахъ войны и мира, „Московскія Вѣдомости“, что называется, „перелаксили“ и до такой степени увязли въ трясины собственной лжи, лицемѣрія, безстыдства и напускнаго ханжества, что и силами Геркулеса едва ли удалось бы вытащить изъ болота этотъ ковчегъ московскихъ „патріотовъ“.

Но, какъ оказывается, г. Грингмутъ не боится грязи: растерявшись передъ грозной тучей, надвигающейся на насъ съ Востока, онъ полочется въ этой грязи съ какимъ-то особеннымъ упоеніемъ и свою старинную систему лавейства довелъ ужъ до такихъ степеней, что даже всѣ прочіе офиціанты нашей повременной прессы, глядя на него, конфузятся и краснѣютъ:

— Послушайте, что вы-съ! Ну, какъ не совѣстно?..

Съ такими именно возгласами обращались, напримѣръ, къ г. Грингмуту офиціанты „Новаго Времени“, когда въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появились статьи на тему о томъ, что истинные виновники политическихъ убійствъ скрываются въ нашемъ многострадальномъ земствѣ.

Однако, ни упреки сослуживцевъ, ни смѣхъ противниковъ не могутъ остановить разолгавшейся газеты: она лжетъ что дальше, то больше, лжетъ, уже такъ сказать, съ разбѣгу, не смущаясь ни очевидностью лганья, ни его бесплодностью и не принимая даже мѣръ, чтобы свою партикулярную ложь согласовать съ общепринятыми оффиціальными положеніями, которыя публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Такъ, вслѣдъ за цѣлой серіей статей г. Тихомірова о пользѣ войны, московскіе лжецы задумали доказать, что война не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого вліянія на экономическую жизнь страны. И даже не только доказать, но заодно ужъ предать суду и обвинить въ измѣнѣ отечеству всѣхъ, кто не раздѣляется на этотъ счетъ мнѣнія г. Грингмута. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ одинъ изъ сотрудниковъ „Моск. Вѣд.“:

„Мнѣ пришлось какъ-то на дняхъ просматривать южныя газеты либеральнаго типа, и меня крайне поразили неправильныя и нетактичныя статьи объ экономическихъ послѣдствіяхъ настоящей войны; то же самое встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ провинціальныхъ газетахъ того же направленія.

„Вся эта либеральная партія, безъ фактовъ въ рукахъ, но, по своему обыкновенію, авторитетно и нагло, систематически старается доказать, что по случаю войны наше внутреннее экономическое положеніе пошатнулось; было бы прямо преступленіемъ не давать надлежащаго отпора подобнымъ инсинуаціямъ и допускать умышенное искаженіе фактовъ“.

Далѣе, останавливаясь надъ вопросомъ, какую же цѣль преслѣдуетъ либеральная печать, извращая факты, тотъ-же молодецъ г. Грингмута пишетъ:

„Ближе присматриваясь къ дѣлу, видишь, что она поетъ съ чужого голоса враждебной намъ заграничной социалистской и еврейской печати преслѣдующей свою давно уже намѣченную и опредѣленную программу, конечная цѣль которой—пошатнуть политическое и экономическое положеніе столь ненавистой имъ монархической и православной Россіи, все болѣе и болѣе крѣпнущей и разрастающейся, вопреки ихъ самымъ искреннимъ пожеланіямъ“.

Такимъ образомъ, чтобы объяснить „предательство“ либераловъ, г. Грингмутъ не могъ придумать ничего лучшаго, какъ побѣжать въ лапку Крушевана (нынѣ уже обанкротившумся и прекратившум свое смрадное существованіе) и оттуда похитить пару затасканныхъ аргументовъ о

соціалістахъ и евреяхъ, якобы покушающихся на православіе и цѣлость Россіи. Но нынче въ старыхъ сапогахъ Крушевана далеко не убѣжишь, тѣмъ болѣе, что вопросъ о вліяніи войны на экономическую жизнь страны обсуждается и въ официальныхъ изданіяхъ (смотри, напр., „Хроникѣ русской жизни“ въ августовской книжкѣ „Образованія“) и въ изданіяхъ полуофициальнаго характера, въ родѣ „Церковнаго Вѣстника“. Послѣдній, по крайней мѣрѣ, смотритъ на дѣло далеко не оптимистически и прямо говоритъ, что „война, навязанная намъ дерзкимъ врагомъ, какъ это всегда бываетъ, *тяжело отзывается* на экономическомъ благосостояніи страны. Застой въ торговлѣ и промышленности уже даетъ себя чувствовать. Отовсюду изъ фабричныхъ районовъ отечества получаютъ свѣдѣнія о сокращеніи производства, о ликвидированіи торгово-промышленныхъ предпріятій и неизбежномъ слѣдствіи всего этого—тяжелой безработицѣ. Къ этому присоединяется еще обычный у насъ недородъ въ южныхъ губерніяхъ. Такимъ образомъ, хотя вниманіе общества въ настоящую минуту почти всецѣло привлечено военными событіями, но крайне назрѣвшій вопросъ о коренныхъ *внутреннихъ преобразованіяхъ*, отъ которыхъ зависитъ и матеріальное процвѣтаніе Россіи, не перестаетъ быть предметомъ живого интереса“.

Изъ этихъ словъ полуофициальнаго органа можно вывести одно заключеніе: или „Церковный Вѣстникъ“ „поетъ съ чужого голоса социалистической и еврейской печати“, или г. Грингмутъ дошелъ уже до такого градуса, когда люди не различаютъ ни своихъ, ни чужихъ и все свое призваніе видятъ въ томъ, чтобы, какъ можно громче и какъ можно наглѣе кричать. Вѣдь обратите, въ самомъ дѣлѣ, вниманіе, до чего этотъ чело-вѣкъ договорился: страна переживаетъ страшное финансовое напряженіе, страна посылаетъ сотни тысячъ работниковъ на край свѣта, страна, наконецъ, дѣлаетъ внѣшніе займы и готовится истратить миллиарды рублей на случайную войну, которой никто не предвидѣлъ и не ждалъ,—а московскій балаалаечникъ Грингмутъ отдаетъ подъ судъ всю пишущую братію за то, что она говоритъ о тяжести этой неожиданной войны. Это ли не нахальство? Это ли не разнузданность языка? И вѣдь смѣшнѣе всего то, что свою балаалайку г. Грингмутъ пустилъ въ ходъ съ очевидной цѣлью поддержать въ обществѣ бодрость духа: какъ будто фабрикантъ, который вылетѣлъ въ трубу, и рабочій, который остался безъ заработка, повѣрять именно фальшивой балаалайкѣ, а не фактамъ живой жизни—тѣмъ фактамъ, которые ихъ же ударили по карману?..

Впрочемъ, что касается бодрости духа, то на этотъ счетъ „Московскія Вѣдомости“ выдерживаютъ свою программу далеко не съ той послѣдовательностью, которой можно было бы ожидать отъ людей, требующихъ

запрещенія всѣхъ газетъ, толкующихъ о трудностяхъ войны. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ нѣкій г. Поселянинъ, рекомендуя мѣры къ удержанію за нами Портъ-Артура.

„Когда погибала Россія въ смутное время, на всю Россію, даже на грудныхъ младенцевъ, былъ наложенъ трехдневный постъ,—и народъ вымолилъ спасеніе Родины.

И сейчасъ положеніе серьезное. Ужасно, если придется отбивать Портъ-Артуръ обратно, если неимовѣрныя усилія его защитниковъ пойдутъ прахомъ.

Пусть невѣрующіе посмѣялись бы теперь надъ такою вѣрой! Будемъ дѣлать, что можемъ. Намъ надо вырвать изъ японскихъ когтей эту несчастную крѣпость, и въ нашемъ отчаяніи одна надежда на Бога.

Какъ молилась хананейская женщина о дочери своей, долженъ молиться Русскій народъ о спасеніи Портъ-Артура, съ упорствомъ, со слезами. Пусть небо содрогнется отъ силы этихъ отчаянныхъ, не слышанныхъ землѣ, но слышанныхъ Богу воплей душевныхъ, и исполнить мольбу.

Неужели,—если бы былъ предложенъ, хоть отъ Святѣйшаго Синода, вѣрующимъ трехдневный постъ для умилостивленія Бога и спасенія крѣпости,—не нашлось бы въ Россіи сотни тысячъ „богомольцевъ и друзей“, готовыхъ на этотъ подвигъ?

— Не получаете, потому что не просите!

Да, не умѣемъ просить, не умѣемъ просить, не умѣемъ, даже въ изступленіи отчаянія, ухватиться за руку Христову и требовать просямаго.

Если бы назначить день такого великаго всенароднаго моленія и поста, и въ тотъ же день по всѣмъ селеніямъ и городамъ поднять крестные ходы, съ мѣстными святынями: неужели такая вѣра не подвинетъ небо на чудо?

У насъ есть Богоматерь, хранящая землю Русскихъ, не посрамившая тѣхъ, кто прибѣгалъ къ ней. Безчисленны примѣры Ея заступничества за Россію.

У насъ есть великій новый чудотворецъ Серафимъ, имѣющій чрезвычайное дерзновеніе къ Богу.

Дать обѣтъ воздвигнуть ему всенародно храмъ...

Дорогъ теперь день, дорогъ часъ.

Какъ это устроить, я не знаю. А только душа кричитъ, что такъ сидѣть нельзя, что надо что-нибудь сдѣлать, что можно что-нибудь вымолить“.

* * *

Въ моихъ школьныхъ воспоминаніяхъ сохранилась прелюбопытная

фигура гимназическаго батюшки, который, неизвѣстно по какимъ причинамъ, вообразилъ себя замѣчательнымъ математикомъ и постоянно напрашивался, чтобы на экзамены по этому предмету его назначали ассистентомъ. Самъ по себѣ батюшка былъ человекъ не злой—охотно и не по заслугамъ ставилъ всѣмъ пятерки по закону Вожему—но зато въ качествѣ ассистента проявлялъ необычайную строгость и самую кляузную придирчивость. Еще задолго до экзаменовъ онъ расхаживалъ по корридорамъ гимназій, съ наслажденіемъ потиралъ руки и, сильно ударяя на о, говорилъ ученикамъ:—Я уже повторилъ ариметику и предупреждаю—я буду безошаденъ! Понимаете—без-по-шаденъ!..

Нѣчто очень похожее на этого батюшку представляютъ собой и тѣ земскіе начальники, которые, по волѣ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, выступаютъ въ роли экзаменаторовъ въ сельскихъ школахъ. Разница только въ томъ, что обремененные служебными занятіями, экзаменаторы этого сорта не всегда имѣютъ возможность повторить ариметику и маскируютъ этотъ пробѣлъ развязностью тона, а иногда и прямой грубостью, направленной по адресу безответныхъ учителей и учительницъ. Объ одномъ изъ такихъ земскихъ начальниковъ—г-вѣ Раппѣ недавно прокричала вся печать, а теперь изъ Яранскаго уѣзда Вятской губерніи въ газеты пишутъ о другомъ „Раппѣ“, который тоже не повторилъ ариметики и тоже былъ грубъ и невозможенъ съ учительскимъ персоналомъ. Фамилія этого второго Раппа—Воротниковъ и прославился онъ тѣмъ, что сталъ выгонять съ экзаменовъ учителей. Въ Яранскомъ уѣздѣ вошло въ обычай производить экзамены коллегіально съ такимъ расчетомъ, чтобы учителя окрестныхъ школъ съѣзжались въ то училище, гдѣ предполагается экзаменъ. Вотъ этотъ-то обычай и не понравился г-ну Воротникову.

— Вы зачѣмъ здѣсь? васъ кто просилъ? Прошу васъ выйти вонъ!—галантно обратился онъ къ помощницѣ учительницы. И когда учительница объяснила г. Воротникову, что данная особа явилась по ея личному приглашенію, раскѣшавшійся начальникъ крикнулъ:

— Прошу не возражать! Я здѣсь хозяинъ!

Очень можетъ быть, что, не удосужившись повторить ариметику, г. Воротниковъ чувствовалъ въ присутствіи учителей нѣкоторый конфузъ, и что именно этимъ конфузомъ и надо объяснять его поведение. Но разумеется, существо дѣла отъ того нисколько не мѣняется, и образъ дѣяствій г. Воротникова только лишній разъ доказываетъ, въ какомъ невозможномъ, въ какомъ фальшивомъ положеніи находятся наши сельскіе учителя и учительницы: въ присутствіи учениковъ и родителей на нихъ орутъ, топчутъ ногами, выгоняютъ ихъ вонъ изъ класса, какъ самыхъ по-

слѣднихъ мальчишекъ! И притомъ орутъ, топаютъ и выгоняютъ, такъ сказать, люди, ничего общаго съ просвѣщеніемъ народа не имѣющіе— титулярные совѣтники посторонняго вѣдомства! И вѣдь замѣьте, что гг. Раппы и Воротниковы неистовствуютъ какъ разъ въ то время, когда повсюду распубликованы циркуляры о вѣжливомъ обращеніи съ учительскимъ персоналомъ сельскихъ школъ! Право, можно подумать, что эти циркуляры только подлили масла въ огонь, по крайней мѣрѣ ни скандалы, ни грубость, ни издѣвательства надъ учителями не только не прекратились, но даже усугубились.

* * *

Кромѣ конокрадовъ, на современную деревню обрушилось и еще одно неожиданное зло — это агенты многочисленныхъ страховыхъ обществъ. Разъѣзжая по труппамъ, они всячески склоняютъ Антона Горемыку застраховать свою скорбную жизнь и за каждую шербающую копейку, уплаченную теперь, обѣщаютъ золотыя горы въ загробномъ мірѣ. Надо правду сказать, въ первое время агентамъ приходилось преодолевать необычайныя трудности: вѣдь Антона Горемыку на такія штуки не поддѣнешь: онъ знаетъ, что за гробомъ его ожидаетъ или царствіе небесное, или кипящая смола, въ зависимости отъ того, ѣлъ ли онъ по средамъ и пятницамъ молоко, или не ѣлъ. Притомъ же и самая мысль, что его, Антона Горемыки, бытіе, его жизнь представляетъ нѣкоторую цѣнность, за которую можно платить деньги, казалась ему совершенно неестественной и нелѣпой: кому, въ самомъ дѣлѣ, нужна жизнь Антона Горемыки — да онъ первый не далъ бы за эту жизнь ломаннаго гроша!

Но съ теченіемъ времени агентамъ удалось таки вколотить въ голову Горемыки мысль, что страхованіе имѣетъ свои выгоды: прежде всего Марья, жена Антона, не будетъ ходить по міру послѣ смерти мужа, а затѣмъ и дѣти его тоже не уйдутъ въ батраки, а станутъ жить своимъ хозяйствомъ. Однако, и за всѣмъ тѣмъ оставался еще - одинъ пунктъ, за который Горемыка цѣплялся съ упорствомъ деревенскаго быка: смерть разсуждалъ онъ, отъ Бога, и стоточное ли дѣло, чтобы смертью завѣдывали агенты—вѣдь это грѣхъ? Но и въ этомъ пунктѣ, съ теченіемъ времени агенты поколебали Горемыку и, какъ дважды два—четыре, доказали ему что и апостолъ Павелъ, и всѣ святые стояли за страхованіе жизни. А чтобы окончательно разсѣять сомнѣнія Горемыки, они состряпали для него брошюру „Страхованіе жизни съ христіанской точки зрѣнія“, гдѣ цѣлымъ рядомъ цитатъ изъ священнаго писанія доказывается, что страхованіе жизни угодно Господу Богу.

Одинъ изъ нашихъ читателей видѣлъ, какъ эту забавную брошюру раздавали мужикамъ въ Екатеринославской губерніи (отъ страхового о-ва

„Россія“) и познакомился съ ея содержаніемъ, несмотря на то, что агентъ раздавалъ книжицу только мужикамъ, подъ секретомъ отъ интеллигентовъ.

Вотъ что пишетъ объ этой брошюрѣ нашъ читатель: „Эпиграфомъ къ этому замѣчательному въ нѣкоторомъ родѣ сочиненію взять слова Апостола Павла: „все—ваше“ (I Кор., 3, 21). Но разумѣется, въ этихъ словахъ даже отдаленнаго намека на страхование не видно, ибо указанный текстъ въ его неизвращенномъ видѣ читается такъ: „Итакъ, никто не хвалился человѣками, ибо все ваше: Павелъ ли, или Аполлосъ, или Кифа, или міръ, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее—все ваше; вы же Христовы, а Христосъ—Божій“.

Какъ можетъ судить читатель, эти слова апостола менѣе всего имѣютъ въ виду страхование жизни, и надо имѣть недюжинное нахальство, чтобы сдѣлать изъ нихъ тотъ выводъ, который сдѣлало страховое о-ство „Россія“.

Но будемъ, однако, продолжать словами нашего читателя: „Брошюра, говорить онъ, начинается вступленіемъ, въ которомъ авторъ старается увѣрить скептически настроеннаго христіанина въ томъ, что хотя „въ древней церкви страхование жизни совершенно не было извѣстно“, но это „еще не значить, что она не благословила бы его, если бы знала“.

Мысль эта доказывается путемъ ссылокъ на слова Христа и апостоловъ, и хотя христіанскому ученію чужда забота о завтрашнемъ днѣ, но тѣмъ не менѣе авторъ называетъ страхование жизни жертвой благотворенія, „а такими-то жертвами,—восклицаетъ онъ, благоугождается Богъ“ (Евр. 13, 16). Застраховавъ свою жизнь, человѣкъ, по выраженію автора, не только „никакого покушенія на священнѣйшія права нашего Владыки Бога не дѣлаетъ, а напротивъ, сознаетъ вполне свою зависимость отъ Бога, помнить, что давшій ему жизнь, можетъ всегда взять ее назадъ“. Слова же Христа „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“, по увѣренію автора, къ страхованію жизни не относятся, какъ и слова: „Богъ не оставляетъ сиротъ и Святымъ Отцамъ неоднократно открывалъ въ разныхъ видѣніяхъ, что Онъ печется о несчастныхъ сиротахъ“. Последнія слова,—успокаиваетъ авторъ брошюры, вполне опровергаются авторитетомъ народной мудрости: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай!“ Кончается брошюра такимъ образомъ: „Итакъ, всѣ возраженія, какія обыкновенно высказываются противъ обычая страховать жизнь, основываются на недостаточномъ знакомствѣ съ христіанскимъ ученіемъ вѣры и падаютъ сами собой, какъ скоро выясняется предъ человѣкомъ ученіе о Промыслѣ Божіемъ съ одной стороны и сущность самаго дѣла страхованія съ другой“.

Нашъ читатель, со словъ котораго мы передаемъ содержаніе рекламнаго зазыванія страхового общества „Россія“, удивляется, что на бро-

пюрѣ имѣется надпись: „Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва—Цензоръ протоіерей Іоаннъ Петропавловскій“. Но мы, съ своей стороны, этого удивленія не раздѣляемъ, такъ какъ борьба съ рекламой и недобросовѣстностію совѣсьмъ не составляетъ задачи цензуры. Притомъ же цензура въ данномъ случаѣ совершенно безсильна, и если кто можетъ защитить Антона Горемыку отъ навойливой наглости страховыхъ обществъ,—такъ это печать, народные учителя и вообще грамотные и просвѣщенные люди.

* * *

Давно извѣстно, что въ Петербургѣ есть много умныхъ газетъ, и не последнее мѣсто среди нихъ занимаютъ „Виржевыя Вѣдомости“, съ своимъ редакторомъ г. Пропперомъ. Неудивительно, поэтому, что когда умеръ Чеховъ, и періодическая пресса на всѣ лады заговорила о покойномъ писателѣ, „Вирж. Вѣд.“ тоже заговорила. Но такъ какъ это газета не только умная, но еще и въ высшей степени оригинальная, то и память покойнаго писателя она, разумѣется, почтала тоже крайне оригинально. Полагая, что цифра говоритъ убѣдительно, чѣмъ простая похвала, эта оригинальная газета съ своими сотрудниками высчитала, сколько лицъ фигурируетъ въ разсказахъ Чехова, и какъ эти лица распредѣляются по своему служебному и общественному положенію,—и, высчитавши, составила реестръ, который и предъявила почтеннѣйшей публикѣ.

Вотъ кого и сколько изобразилъ Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ: Присяжныхъ повѣренныхъ, мировыхъ судей, предсѣдателей и тов. предсѣдателей съѣздовъ и окруж. судовъ и вообще судейскихъ 32. Вообще чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ (кромѣ педагоговъ и судейскихъ) 26. Военныхъ генераловъ 4. Тайныхъ совѣтниковъ, губернаторовъ, вице-губернаторовъ и д. ст. совѣтниковъ 10. Докторовъ и врачей 27. Оберъ-офицеровъ 17. Дѣтей 21. Ученыхъ, профессоровъ и учителей 20. Студентовъ 8. Гимназистовъ 5. Учительницъ и гувернантокъ 9. Помѣщиковъ, предводителей дворянства 22. Предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ 3. Юлиціи 6. Городскихъ головъ 3. Замужнихъ женщинъ 56. Вдовъ 4. Дѣвушекъ 34. Вабъ (?) 10. Акушеровъ 2. Проституттокъ 2. Священниковъ 11. Дьяконовъ 5. Дьячковъ 3. Купцовъ, фабрикантовъ, банкировъ 12. Евреевъ 4. Писарей, старшинъ и сельскихъ старостъ 5. Корреспондентовъ, писателей и газетныхъ сотрудниковъ 4. Сапожниковъ 2. Оберъ-кондукторовъ и кондукторовъ 2. Почтово-телеграфныхъ чиновниковъ 4. Это еще наиболѣе крупныя категоріи по числу лицъ, отнесенныхъ къ нимъ.

Но г-ну Милостову этого мало: онъ приводитъ еще цѣлый рядъ

такихъ категорій, въ которыхъ есть всего по одному представителю. Напримѣръ, встрѣчаются такія „группы“: 1 банщикъ. 1 брандмейстеръ. 1 архіерей. 1 коноврадъ (тоже профессиональное званіе!). 1 миллионеръ. 1 миллионерша“...

Предъявивъ этотъ списокъ, газета г. Проппера умозаключаетъ, что „указанной чертой“ (т. е. количествомъ изображенныхъ лицъ) „Чеховъ приближается къ корифеямъ нашей литературы“.

Какъ лавочникъ въ литературѣ, г. Пропперъ, разумѣется, все привыкъ измѣрять „на вѣсѣ“ и „на мѣру“.

Нѣсколько въ другомъ родѣ, но тоже хорошо почтилъ память Чехова и его родной городъ. Какъ свидѣтельствуеть „Кіев. Сл.“ „таганрогская дума рѣшила принять на счетъ города 5 раненыхъ на войнѣ и увѣковѣчить этимъ... память Чехова“.

* * *

Наши консервативныя газеты весьма охотно говорятъ о дороговизнѣ высшаго образованія въ Россіи и о томъ, что государство изнемогаетъ подъ бременемъ этихъ непроизводительныхъ расходовъ. Но при этомъ онѣ старательно обходятъ молчаніемъ вопросъ о побочныхъ расходахъ, которые, строго говоря, не имѣютъ прямого отношенія къ наукѣ, а между тѣмъ такіе расходы есть, и общая цифра ихъ достигаетъ весьма почтенныхъ размѣровъ.

Взять хотя-бы расходъ на университетскую инспекцію. По подсчету нѣкаго г. профессора изъ „Руси“, напримѣръ:

„Въ юрьевскомъ университетѣ, до введенія инспекціи, всѣ функціи надзора за студентами сосредоточены были въ одномъ лицѣ проректора, получавшаго за свой трудъ всего 2,000 руб. Затѣмъ былъ назначенъ одинъ инспекторъ и одинъ помощникъ инспектора, управлявшіеся со всѣмъ дѣломъ. Черезъ нѣсколько времени были назначены еще два помощника инспектора, имѣвшіе теперь уже достаточно досуга. Но и этого мало, въ прошломъ году было назначено сразу еще пять помощниковъ инспектора, такъ что въ настоящее время, вмѣсто одного проректора, въ юрьевскомъ университетѣ состоятъ инспекторъ студентовъ и восемь человекъ помощниковъ инспектора (и всѣ девять человекъ дѣлаютъ дѣло, которое дѣлалъ одинъ человекъ), на конхъ расходуется 15,000 руб., кромѣ квартирныхъ, пособій и проч., да многочисленный штатъ служителей инспекціи стоитъ около 6,000 руб.—итого 21,000 руб. А между тѣмъ, по отзывамъ комиссіи всѣхъ, безъ исключенія, университетскихъ совѣтовъ, весь этотъ институтъ инспекціи признанъ единогласно бесполезнымъ. За существованіе инспекціи никто изъ профессоровъ не подалъ даже особаго мнѣнія“.

Но расходъ на инспекцію не ограничивается указанными цифрами, такъ какъ въ него не входятъ еще и обильныя пенсіи, назначаемыя чиновникамъ этого сорта.

„Государство, давая особыя преимущества служащимъ инспекціи, назначая имъ за 25 лѣтъ службы полный окладъ содержанія, конечно, имѣетъ въ виду тяжесть и отвѣтственность ихъ службы, а на практикѣ вся тяжесть сводится къ пребыванію въ должности инспектора или помощника инспектора 1, 2, много 3 года, причемъ инспекторъ, получивши 3,000 руб. пенсіи, въ „двѣтущемъ еще возрастѣ“, спѣшитъ перейти на иную службу, а помощникъ инспектора, получая пенсію, служить по вольному найму, получая такимъ образомъ вмѣсто 1,500 руб., 3,000 руб. Вышедшаго въ отставку инспектора студентовъ замѣняетъ новый, который черезъ 1—2 года выслуживаетъ 3,000 руб. пенсіи за 25 лѣтъ и, въ свою очередь, уходитъ въ отставку; его замѣняетъ новый, часто уже имѣющій 25 лѣтъ службы и т. д. Нормально ли такое явленіе? — спрашиваетъ авторъ.

Что сказанное не преувеличеніе—доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ,—замѣчаетъ профессоръ—что въ знакомомъ мнѣ университетѣ, за семилѣтній періодъ существованія инспекціи, уже два лица выслужили 3,000 руб. пенсіи.

* * *

Рижскій корреспондентъ „Руси“ заимствуетъ изъ газеты „Teataja“ рассказъ о невѣроятныхъ способахъ воспитанія глухонѣмыхъ въ г. Старо-Кенкергѣ (Лифляндской губерніи). Тамъ бьютъ воспитанниковъ нагайкой, палками изъ ивы и даже желѣзными палками, точно такъ же, какъ били въ старину, во времени рабства, рабовъ. Тамъ бьютъ названными инструментами тяжело по головѣ, спинѣ и груди. Нѣкоторые послѣ такихъ побоевъ заболѣвали воспаленіемъ мозга, грудною болѣзью и другими болѣзнями. Иногда бьютъ до сивяковъ, до крови. Одна глухонѣмая причинила завѣдующему школой какую-то непріятность, за что дѣвочка, по приказанію завѣдущаго, должна была подвергнуться поркѣ, при чемъ велѣно было снять кофточку. Дѣвочка боролась и не хотѣла допустить раздѣть себя, тогда завѣдущій разрѣзалъ кофточку на спинѣ, и спина обнажилась. Завѣдущій билъ палкой по голой спинѣ, пока вся спина не была въ сивякахъ и крови. Дѣвочка эта теперь „подъ землю“. Таковы свѣдѣнія о тяжелыхъ побояхъ въ школахъ, находящейся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и завѣдываніемъ прибалтійскихъ дворянъ. Дѣло требуетъ немедленнаго разслѣдованія.

* * *

„Нижегородскій Листокъ“ сообщалъ, что 12 и 13 іюля на ярмарку прѣхало изъ Москвы и Варшавы три вагона проститутокъ; вагоны пригнѣшались въ концѣ почтовыхъ поѣздовъ. Комментировавъ это сообщеніе, фельетонистъ той-же газеты пишетъ:

„Три вагона проститутокъ—только изъ Москвы и Варшавы! А сколько дадутъ ярмаркѣ „живого товара“ разные приволжскіе городцы, присяжные поставщики ярмарки, сколько дасть его голодающая деревня, вѣчная всесторонняя данница начинающаго жирѣть города. Регистрація, помнится, отмѣчаетъ ихъ цифрою, превышающей тысячу; еще больше ихъ не попадаетъ въ полицейскія регистраціонныя карточки“.

Относительно регистраціи ярмарочный комитетъ возбуждалъ, правда, ходатайство, чтобы 1) въ цѣляхъ сокращенія тайной проституціи на ярмаркѣ, по окончаніи послѣдней, всѣмъ женщинамъ, зарегистрированнымъ въ качествѣ проститутокъ еще въ первый разъ, выдавались обратно паспорта, а не проходныя свидѣтельства, 2) осмотры тайныхъ проститутокъ производились бесплатно въ дни, свободные отъ осмотра явныхъ проститутокъ, и 3) былъ воспрещенъ переходъ явныхъ проститутокъ въ тайныя.

Какъ это ни странно, но либеральная газета „Русь“ нашла это ходатайство „гуманнымъ“:

„Особое значеніе, говоритъ газета, въ данномъ случаѣ будетъ имѣть разрѣшеніе обратной выдачи паспортовъ зарегистрированнымъ въ первый разъ проституткамъ, такъ какъ, какъ показываетъ опытъ, на ярмарку являются нерѣдко для занятія проституціей такія женщины, которыя ранѣе и вообще внѣ ярмарки имѣютъ совсѣмъ другія занятія. Выдача паспортовъ такимъ женщинамъ дасть имъ возможность, по окончаніи ярмарки, возвратиться къ своимъ занятіямъ“.

Такимъ образомъ, „гуманность“ заключается въ томъ, что гастрольное занятіе проституціей не создаетъ официальной необходимости числиться проституткой до гробовой доски!

Еще одинъ фактъ изъ той же области.

Оберъ-полицеймейстеръ города Варшавы баронъ К. С. Нолькенъ замѣтилъ, что значительное число проститутокъ задерживается не только чинами врачебно полиц. осмотра, но даже чинами наружной полиціи, а нерѣдко дворниками и ночными сторожами, безъ законнаго къ тому основанія, просто-на-просто—за одно лишь появленіе на „запрещенныхъ“ улицахъ. Признавъ, что ограниченіе проститутокъ въ правѣ пребыванія ихъ на улицахъ города, поскольку онѣ не нарушаютъ своимъ поведеніемъ общественнаго порядка и благочинія, лишаетъ ихъ самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ и выходитъ за предѣлы

служебной компетенціи полиціи, оберъ-полиціймейстеръ въ своемъ приказѣ разъяснилъ, что къ обязанностямъ полиціи по надзору за проститутками, кромѣ недопущенія нарушеній общественнаго спокойствія и благочинія, относится воспрещеніе показываться въ окнахъ занимаемыхъ ими квартиръ въ непристойномъ видѣ, затрагивать на улицахъ прохожихъ и зазывать ихъ къ себѣ, ходить на гуляньяхъ и въ общественныхъ мѣстахъ по нѣсколько вмѣстѣ, а также занимать въ театрахъ мѣста въ бель-этажѣ или въ первыхъ рядахъ креселъ партера. При задержаніи проституттокъ за нарушеніе этихъ требованій, пристава обязаны „непремѣнно привлекать ихъ къ судебной отвѣтственности по всей строгости закона“. („Варш. Дн.“).

Если ограниченіе пребыванія на улицахъ представляетъ собой „нарушеніе элементарныхъ гражданскихъ правъ“, то почему же пребываніе на мѣстахъ партера и бель-этажа не составляетъ такого же нарушенія? Очевидно, стало быть, что и въ Варшавѣ проститутка считается человѣкомъ только условно: до тѣхъ поръ, пока она сидитъ на галеркѣ, въ мѣстахъ за креслами и пр.—ей присваивается вся полнота гражданскихъ правъ, но съ переходомъ въ партеръ эти права у нея отнимаются.

Александръ Яблоновскій.

Со стороны.

О любви къ дальнему и любви къ ближнему ¹⁾.

Многое хотѣлось бы мнѣ сказать по поводу статьи г. Луначарскаго „О г. Волжскомъ и его идеалахъ“, напечатанной въ № 5 „Образованія“, но прежде, чѣмъ рѣшиться говорить, мнѣ пришлось много подумать. Не говоря уже о томъ, что очень трудно выбрать *мѣсто* для отвѣта, при существующей группировкѣ литературныхъ направлений, я не сторонникъ полемики, той полемики, которая по какому-то странному недоразумѣнію писательской психологіи все еще живетъ, все еще держится на страницахъ нашихъ журналовъ. Казалось-бы, психологія читателя настолько усложнилась и утончилась, что его должны окорблять стереотипныя формы разныхъ полемическихъ фигуръ, уколовъ, подсиживаній, высмѣиваній, манерностей и передержекъ. Есть какая-то несомнѣнная психологическая фальшь во всемъ этомъ; всегда кажется, что и самъ полемистъ не вѣритъ въ убѣдительность всей этой варварски условной манерности своихъ пріемовъ. Не насиловать ли онъ себя и читателя ради приверженности къ установившимся формамъ? Легче такъ — по натоптанной дорожкѣ идти: напряженія меньше требуется, меньше вниманія къ живому лицу оппонента и аудиторіи. Но есть въ этихъ заношенныхъ трафаретахъ журнальной полемики какія-то фальшиво дребезжащія нотки, какое-то пренебрежительное, неуважительное отношеніе къ читателю, какая-то упрямая грубость, отсутствіе чуткости, правдивой простоты... Ну, кого теперь не коробить, не вводить, при чтеніи фельетонистыхъ газетныхъ замѣтокъ, развязныхъ и не-

¹⁾ Мы считаемъ долгомъ дать мѣсто этой статьѣ, со взглядами которой во многомъ не согласны, въ интересахъ выясненія истины. На чьей она сторонѣ, кто правъ: г. Луначарскій или г. Волжскій, надѣмся, опредѣлитъ самъ читатель. *Ред.*

свѣжихъ, совсѣмъ заношеннымъ полемическимъ лексикономъ, со всѣмъ неуваженіемъ къ простому слову правды, къ живой человѣческой психологіи. И, быть можетъ, только наивная увѣренность, что это будто бы нужно, нужно для какого-то такого читателя, который иначе будто бы и не пойметъ, не почувствуетъ ничего, только такая увѣренность и поддерживаетъ весь этотъ уродливый наросъ культурнаго варварства, только она—эта спасительная ложь представленія о читателѣ, какъ о какой-то иной, низшей породѣ, заставляетъ много писателя держаться всей этой литературной театральности, ломаться и насиловать себя. Вѣдь самъ то онъ знаетъ цѣну этого мѣднаго звона, этой словесной мишуры.

И даже на верхахъ журнальной полемики, въ цеклѣ самой искренней борьбы поколѣній и направлений русской идейной жизни, чувствуются подчасъ эти фальшиво-театральныя нотки спора, манерность, поза, неумѣнье слушать, нежеланье понять, вдуматься. И сейчасъ сердитыя слова, толчки, смѣшки, уколы, подмигиванія, пошвыстыванія, улюлюканія, — отсюда взаимное раздраженіе, подчасъ доходящее до озлобленія, до очериванія зубовъ, при которомъ плохо слышать другъ друга, отсюда специфическій полемическій гной, котораго такъ ужасно боишься, имѣя прямо или косвенно дѣло съ полемикой.

Много на глазахъ русскаго читателя было всѣхъ этихъ „нашихъ разногласій“. Ну хотя бы вотъ начиная съ весны русской литературно-общественной жизни, съ 60-хъ годовъ, сколько ихъ промелькнуло, какъ сонъ. Проклеслась весна, прошло лѣто, минула и туманная осень, проходятъ, говорятъ, и современные морозы, настанеть, наконецъ, какъ часто по разному настанаваютъ, и новая весна, а „наши разногласія“ все танутся, смѣняясь и обновляясь, танутся длинной, пестрой вереницей. Это бы еще ничего, вѣдь жизнь по нимъ идетъ, въ нихъ бьется пульсъ исканій, наша живая душа, но, какъ тѣнь за солнцемъ, ползаетъ за нимъ и гнойный налетъ нашихъ непониманій, нашего грубаго взаимнаго раздраженія, все еще не закрываются очеренные зубы, и вылетаютъ изъ нихъ по прежнему все болѣе и болѣе дѣлающіяся ненужными полемическія фигуры... Направленія литературы и жизни, за свой страхъ и рискъ ищущія правды по различнымъ дорогамъ, попрежнему покрываются жесткимъ, нездоровымъ налетомъ „направленства“; при обиліи литературныхъ разговоровъ, толковъ и споровъ, какъ бы въ насмѣшку надъ ними и, во всякомъ случаѣ, въ остромъ противорѣчій съ ихъ задачей, живетъ молчаливое, упрямое, хотя часто несознанное, не желаніе сговориться, столкнуться.

Вотъ теперь взять полемикку „позитивистовъ“ и „идеалистовъ“ (хотя полемика эта, во всякомъ случаѣ, очень односторонняя; на тѣ статьи объ идеализмѣ, которыми заполняются въ послѣднее время страницы

„Образованія“ и „Правды“, „идеалисты“, если бы и хотѣли, не могли бы отгѣчать, не имѣя пока своего угла въ современной литературѣ), сколько тутъ уже образовалось этого специфическаго полемическаго налета, этихъ губающихъ живой организмъ ядовитыхъ микроорганизмовъ.

Взять хотя бы статьи одного г. Луначарскаго, ну хотя бы только противъ гг. Вулгакова и Бердяева, сколько тутъ перепущено „полемики“, и, конечно, не все здѣсь сказано въ интересахъ выясненія истины, а многое и ради самаго „боя“. Затѣмъ всѣ эти завитушки: „*бѣдному* г. Вулгакову Штамлеръ показался убійственнымъ“... (черезъ нѣсколько строчекъ): „*Бѣдный* г. Вулгаковъ не понимаетъ, что...“ „Г. Вулгаковъ, а съ нимъ и другіе „марксистующіе“ интеллигенты силились защитить доктрину Маркса, но... случился прекомическій казусъ“... Г. Вулгаковъ продолжаетъ де утверждать то-то, „увлекая своимъ примѣромъ и бѣднаго г. Волжскаго“, у г-на же Волжскаго обнаруживается „воровской какой-то апопеезъ „малыхъ дѣлъ“... „Добрый, сердобольный г. Волжскій!..“ Для кого нужна вся эта дешевенькая приправа, неужели самого г. Луначарскаго все это тѣшить, неужели ему нравится этотъ „ѣрнический“ тонъ, эти взвизги гвоздя на стеклѣ. Даже стороннику „позитивной эстетики“ все это должно бы, думается, драть нервы. Что-то грубое, почти юнкерское, есть въ этомъ бравомъ насивотываніи, въ этихъ лихихъ словечкахъ. Хотѣлось бы побольше серьезности и благородства! Какая-то дѣланность, что-то театральное, искусственное проглядываетъ и во всѣхъ этихъ гутаперчевыхъ фигурахъ, которыми подмѣниваются живые люди, во всемъ этомъ прищипываніи, гарцованіи, въ этомъ насильственномъ грубомъ полемическомъ „басѣ“; затѣмъ басить вмѣсто естественнаго голоса, затѣмъ дебатировать, полемизировать, оппонировать, когда можно попросту говорить человѣческимъ голосомъ... И думается, что литературная рѣчь удаляется такимъ образомъ отъ живой жизни, живя давно уже требуетъ простоты, хочетъ отбросить эту искусственную приподнятость, эту манерность „полемики“. И вѣрится, что и въ литературной полемикѣ все это отойдетъ, наконецъ, въ область совершенно взжитаго, и тогда всѣ будутъ относиться къ этой „специфической полемикѣ“ такъ, какъ относимся мы теперь къ какому-нибудь условному Державинскому стилю. Мнѣ кажется и сейчасъ, хотя бы съ рискомъ быть обвиненнымъ въ „декадентской“ (вотъ тоже слово, сочно пропитанное грѣхами всеу провнносящихъ его) истонченности или испорченности, нельзя не конфузиться этого условнаго полемическаго жаргона.

Ну, не конфузно ли въ самомъ дѣлѣ не только писать, но и читать: „увлекаетъ и бѣднаго г. Волжскаго“, „добрый, сердобольный г. Волжскій“... Затѣмъ все это, точно въ игрушечномъ театрѣ. Слѣдовало бы еще такъ говорить: „О, жестокосердый, г. Луначарскій“, непремѣнно это „о!“ и еще

слово ерикъ для разнообразія употреблять, можетъ быть тогда будетъ понятнѣе и убѣдительнѣе читателю, съ которымъ нельзя безъ этихъ зашифрованныхъ шутокъ. Келлеръ въ „Идіотъ“ Достоевскаго очень воть цѣнилъ этотъ игрушечный театръ,—правда не литературной, а иной сферы. „Знаете,—признается онъ князю Мышкину,—я ужасно люблю въ газетахъ читать про англійскіе парламенты, то-есть не въ томъ смыслѣ, про что они тамъ разсуждаютъ (я, знаете, не политикъ), а въ томъ, какъ они между собой объясняются, ведутъ себя, такъ сказать, какъ политики: „благородный виконтъ, сидящій напротивъ“, „благородный графъ, раздвѣляющій мысль мою“, „благородный мой оппонентъ, удивившій Европу своимъ предложеніемъ“, то-есть всѣ эти выраженьица, весь этотъ парламентаризмъ свободного народа—вотъ что для нашего брата заманчиво!“ Заманчиво это и для иныхъ полемистовъ литературы, только имъ больше нравится другая сторона „парламентаризма свободного народа“, парламентаризмъ навыворотъ...

И особенно обидно, что такой писатель, какъ г. Луначарскій, грѣшитъ этимъ Келлеровскимъ грѣхомъ, не чувствуя ироніи Достоевскаго, что онъ цѣпляется за приемы специфической полемики, когда въ его писательской психологіи слишкомъ достаточно естественныхъ, живыхъ красокъ, у него есть яркій темпераментъ, сильное, искреннее психологическое нутро. Зачѣмъ же еще одѣваться въ изношенные картонные доспѣхи различныхъ „выраженьицъ“, зачѣмъ искусственно „басить“, когда естественный голосъ силенъ и пріятенъ, зачѣмъ манерное „направленство“, когда направленіе свою живую душу имѣеть.

Такъ я думалъ, рѣшая, писать или не писать по поводу статьи г. Луначарскаго. И, подумавъ, рѣшилъ писать. Статья г. Луначарскаго задѣваетъ, по своему изгибаю и огрубляя, въ высшей степени интересныя и важныя вопросы, въ высшей степени дорогія мнѣ мысли и чувства; съ другой стороны, дѣлается это такъ увлеченно, дѣлается въ интересахъ того *дѣла*, которое мнѣ дорого не менѣе, чѣмъ и ему, дорого—„идеалистамъ“ не менѣе, чѣмъ „позитивистамъ“. Хотя теперь же нахожу нужнымъ все же оговориться, что не считаю себя въ правѣ вести рѣчь отъ лица какого бы то ни было направленія, хотя бы „идеалистическаго“, съ нѣкоторыми видными представителями котораго я расхожусь, быть можетъ, въ очень существенныхъ пунктахъ.

Но рѣшившись писать, я рѣшился попробовать обойтись безъ примѣсовъ специфическаго полемическаго яда. Удастся ли это, пусть рѣшитъ читатель, или хотя бы и г. Луначарскій.

Постараюсь быть по возможности краткимъ и поэтому остановлюсь только на самомъ существенномъ пунктѣ искаженія моей статьи.

Въ моемъ истолкованіи смысла творчества Глѣба Успенскаго, въ тѣхъ

поэтических грезахъ о „гармоніи самопожертвованія“, которыя я пытался вскрыть у Успенскаго, какъ въ своей книжкѣ о немъ, такъ и въ статьѣ „Глѣбъ Успенскій о заболѣваніяхъ личности русскаго человѣка“ (Рус. Бог. № 1—2), г. Луначарскій видитъ апологію „любви къ ближнему“ насчетъ „любви къ дальнему“, и даже, по странному, хотя, какъ увидимъ далѣе, и не новому недоразумѣнію, пресловутую апологію „малыхъ дѣлъ“.

„Г. Волжскій удивлялъ меня уже раньше своимъ отношеніемъ къ самоотверженію. „Гармонію самоотверженія“ онъ цѣнитъ превыше всего, хотя она есть лишь выходъ прекрасной личности изъ ужасныхъ и безобразныхъ обстоятельствъ, но въ тоже время онъ рѣшительно (?) отрицательно относится ко всему тому великому „дальнему“, ко всѣмъ тѣмъ „грандіознымъ призракамъ“, ради которыхъ можетъ жертвовать своей физической личностью самый высоко развитый индивидуумъ именно потому, что онъ является его цѣлью, его творческой мечтой, его святыней, лучшимъ сокровищемъ его души. Г. Волжскій оставляетъ намъ лишь самоотверженіе ради ближнихъ, ради конкретныхъ личностей, ради конкретнаго *l'autrui*, т.-е. самый низкій и близорукій родъ самоотверженія, да еще какое-то декадентски спортсменское самопожертвованіе ради красоты самопожертвованія, красоты, строго говоря, спорной, относительной“... И еще рѣзче. „Идеаль выпрямленнаго человѣка остался гдѣ-то въ сторонѣ, его подмѣнили человѣкомъ самоотверженнымъ, вѣрнѣе гармонично и самоотверженно испѣляющимъ отдѣльные „конкретные“ ушибы.“

„И съ какимъ пафосомъ проповѣдуется намъ это тихичное интеллигентское самооправданіе, глухой, несмѣлый, воровской (?) какой-то апофеозъ пресловутыхъ „малыхъ дѣлъ!“

Итакъ „апофеозъ пресловутыхъ „малыхъ дѣлъ“, да еще „воровской“ апофеозъ; но почему апофеозъ малыхъ дѣлъ объединяется съ „интеллигентскимъ самооправданіемъ?“ Развѣ такъ уже бѣдна наша интеллигенція большими дѣлами, развѣ, оправдывая такъ или иначе себя, она неизбѣжно санкціонируетъ „малыя дѣла“. Казалось бы прямо обратнѣ. Но не станемъ сердиться на сердитыя слова, всмотримся лучше въ самое содержаніе статьи.

Какой смыслъ вообще имѣетъ антитеза любви къ ближнему и любви къ дальнему. Въ нашей литературѣ о немъ первымъ сталъ говорить, если не ошибаюсь, Достоевскій, съ другой стороны она занимаетъ видное мѣсто въ философскихъ настроеніяхъ его близнеца-антипода Ницше.

Любовь къ дальнему не всегда является противоположностью любви къ ближнему, далеко не вездѣ противостоятъ ей, какъ ея отрицаніе. Любовь къ дальнему, какъ расширенная, разросшаяся, уходящая въ без-

конечность любовь къ человѣку, не отрицаетъ любви къ ближнему, если она психологически можетъ быть и бываетъ такимъ же живымъ, дѣятельнымъ, сильно окрашеннымъ непосредственнымъ чувствомъ; здѣсь она по существу, качественно ничѣмъ и не отличается отъ любви къ ближнему, конкретному, живому человѣку, къ живому человѣческому лицу, она—та же любовь, но разросшаяся, большая, тоже живое чувство, но могучее, вмѣстительное, широко разливающееся. Она растетъ вмѣстѣ съ ростомъ сознанія человѣка, разливается вмѣстѣ съ разливомъ его чувствъ, съ развитіемъ сочувственнаго опыта. Но возникаетъ, зарождается любовь къ дальнему, если только она—живое, активное чувство, а не только отвлеченная теорія или художественная виньетка,—непремѣнно здѣсь, въ простомъ сердечномъ отношеніи къ человѣку; ея психологическій источникъ, родникъ ея—все-таки непосредственная любовь къ ближнему, къ окружающимъ, конкретнымъ людямъ, къ индивидуальному живому человѣческому *лицу*.

Такая расширенная любовь къ человѣку въ томъ или иномъ преломленіи, съ той или иной выразительностью ложилась въ основу всѣхъ гуманистическихъ теорій прогресса; она не является исключительной принадлежностью марксизма, „позитивизма“ или „идеализма“, но, какъ психологическій базисъ, скрывается въ глубинѣ почти всѣхъ гуманистическихъ ученій, всякой работы культурнаго прогресса, служенія человѣчеству. Вотъ, напримѣръ, разбираясь въ дѣйствительно очень мало еще разобраннымъ идейномъ наслѣдіи Салтыкова, г. Кранихфельдъ въ своихъ статьяхъ, въ „Мірѣ Вождемъ“ (М. В. Салтыковъ М. В. № 4), усматриваетъ „любовь къ дальнему“ у Салтыкова, заноса его подъ этимъ обобщающимъ понятіемъ за одну скобку съ Ницше. „Если бы пенадобилось навѣсти эпитафю, который долженъ былъ бы украсить полное собраніе сочиненій Салтыкова,—говоритъ г. Кранихфельдъ,—мы не могли бы рекомендовать ничего лучше, ничего характернѣе для опредѣленія литературной дѣятельности Салтыкова, какъ слѣдующія слова Заратустры: „Höher als die Liebe zum Nächsten steht die Liebe Fernsten und Künftigen; höher noch als die Liebe zu Menschen gilt mir die Liebe zu Sachen und Gespenstern“. Салтыковъ является для насъ типичнымъ представителемъ „любви къ дальнему“, въ лучшемъ смыслѣ этого выраженія. И всѣ достоинства, всѣ недостатки, даже самый характеръ его литературной дѣятельности легко могутъ быть сведены къ этому основному тезису. Еще въ самомъ началѣ своей литературной карьеры Салтыковъ счелъ необходимымъ какъ бы оправдаться передъ читателемъ въ томъ, что изъ всѣхъ видовъ литературнаго творчества онъ остановился именно на сатирѣ. „Много есть путей служить общему дѣлу,—писалъ онъ,—но смѣю думать,

что обнаруженіе зла, лжи и порока также не бесполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе добру и истинѣ“. Въ такихъ острожныхъ выраженіяхъ мотивировалъ свое сатирическое отношеніе къ современности Салтыковъ въ 1856 году, а много лѣтъ спустя, ту-же мысль, но уже въ категорической и дерзко смѣлой формѣ, устами Заратустры, формулировалъ Ницше: „Не щади своего ближняго!“—такъ повелѣваетъ моя великая любовь къ дальнему“. Конечно, расширенная любовь къ человѣку, переводящая взоръ отъ окружающихъ все дальше и дальше на массы грядущаго человѣчества, вдохновляла собой Салтыкова, какъ великаго гуманиста въ лучшемъ смыслѣ слова. Взоръ его творческой, вдохновенной сатиры въ концѣ концовъ всегда утопалъ тамъ, въ золотой дали огромныхъ перспективъ грядущаго, тамъ въ ласково манящей свѣтящейся радугѣ идеала, въ сферѣ дорогихъ ему съ юности,—какъ вѣрно настаиваетъ на этомъ г. Краинифельдъ,—нужныхъ человѣчеству „утопій“. То-же воодушевленіе широко разлившейся, растворенной любви одухотворяло дѣло и мысли русской интеллигенціи 70-хъ и 60-хъ годовъ, эта расширенная любовь въ различныхъ очертаніяхъ залегала въ основу настроеній и въ жизни, и въ литературѣ и раньше, и позже этой эпохи, и у насъ, и вездѣ. Воздухомъ этимъ дышало много ученій, настроеній, писателей и художниковъ. Этимъ воздухомъ дышала, его претворяла въ своихъ переживаніяхъ наша интеллигенція многихъ пластовъ и десятилѣтій, но претворяла по своему, покрывала своими узорами, осложняла и индивидуализировала. А въ этомъ-то весь вопросъ, здѣсь-то и интересенъ Гл. Успенскій, какъ писатель интеллигентскій по-преимуществу, интересенъ своей характеристикой сложныхъ преломленій и прихотливыхъ изогнутостей этого гуманизма, или, вѣрнѣе, психологій этого гуманизма въ русской интеллигенціи времени его наблюденій. Эта психологія интеллигентскаго гуманизма того времени самымъ тѣснѣйшимъ, интимнѣйшимъ образомъ сплетается и психологически, и исторически съ тѣмъ общественнымъ, практическимъ, огромнымъ и важнымъ дѣломъ, которое дѣлала эта интеллигенція. Въ дѣлѣ этомъ, большомъ и важномъ, вмѣстѣ съ промахами и ошибками чисто-теоретическаго, идейнаго характера, нарождалось много психологическихъ, внутреннихъ ранъ и язвъ, болѣзненныхъ изломовъ, „расколостей“ и вывихнутостей. Эти болѣзни русскаго человѣка, которыми заболѣвалъ и теперь въ аналогичныхъ случаяхъ заболѣваетъ онъ за этимъ огромнымъ, важнымъ и нужнымъ дѣломъ—въ высокой степени интересны; въ высокой степени интересно знать, какъ чувствовалъ и чувствуетъ себя русскій интеллигентный человѣкъ за этимъ огромнымъ дѣломъ въ процессѣ своихъ самыхъ цѣнныхъ движеній, интересно и важно это знать, именно въ виду огромности и цѣнности этихъ

дѣлъ и стремленій, именно въ виду ихъ интимной близости къ тому, что намъ дорого. Психологія „Тяпушвинныхъ“ 70-хъ годовъ и современныхъ потомковъ ихъ въ передовой рабочей интеллигенціи потому-то и должна быть выяснена во всѣхъ расщелинахъ и глубоко скрытыхъ изъясвленіяхъ своихъ изучена и вскрыта своей, близкой любящей рукой, рукой человѣка, тонко понимающаго это дѣло. Такой анализъ интеллигентской психологіи, заболѣваній личности русскаго человѣка за самымъ большимъ, самымъ отвѣтственнымъ дѣломъ своего времени—данъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Успенскаго, который зорко всматривался въ дѣйствительность самыхъ цѣнныхъ въ его время общественныхъ движеній интеллигенціи, видѣлъ здѣсь чистое золото, но умѣлъ учитывать лигатуру, понимать ее, трепетно заботиться о томъ, какъ бы ослабить процессъ изнашивания золота, умалить вліяніе поддѣлки, ѣдкой примѣси различныхъ тонкихъ и часто трудно уловимыхъ, но обезсиливающихъ огромное дѣло интеллигенціи „заболѣваній“. По своему его дѣло продолжали и нѣкоторые другіе, чутко настроенные въ этомъ отношеніи писатели. По своему всматривался въ омертвѣнныя души русскаго интеллигента Гаршинъ, много также потрудился здѣсь, конечно, второклассный, но очень симпатичный, вдумчивый и въ свое время извѣстный Осиповичъ-Новодворскій... Если эти писатели такъ много удѣлили трепетнаго, болѣзненно жгучаго вниманія внутреннему разладу интеллигентской души, его „ссорѣ съ самимъ собой“, какъ мѣтко выразился гдѣ-то Новодворскій, то дѣлали они это въ силу глубокаго пониманія важности общественнаго дѣла, огромнаго дѣла интеллигенціи. Ихъ критика, иногда острая, какъ операціонный ножъ, исходила изъ боли сочувствія дѣлу общественному, изъ серьезности отношенія къ нему, а вовсе не изъ неприязни къ *огромности* дѣла, къ ея принципиальному общественному характеру, вовсе не въ видахъ его умаленія, суженія. Вѣдь общественное не можетъ быть оторвано отъ личнаго, психологическаго,—иначе общественное, хотя бы и большое, дѣло дѣлается вѣншиимъ образомъ, простываетъ, замораживается, подергивается рутинной, шаблономъ, и развѣ рѣдко такъ изнутри отмираютъ, замерзаютъ дѣла нашего общественнаго либерализма, да, полно,—либерализма ли только. А вѣдь это должно быть больно прежде всего друзьямъ, союзникамъ; имъ и больно это, они и пишутъ объ этомъ. Есть мнѣніе, что цѣнность общественнаго дѣла окупаютъ его изъяны, что въ его интересахъ нужно ихъ не видѣть, затушевывать, чтобы не послужить врагамъ „не сыграть,—какъ говорится въ такихъ случаяхъ по адресу раскрывающихъ ротъ,—въ руку реакціи“. Нѣтъ ничего вреднѣе и безвѣднѣе этой позиціи; здѣсь-то общественное дѣло и срывается съ своего живого психологическаго корня, здѣсь-то оно и затухаетъ, холодѣетъ, обми-

расть, деревенѣть, лишаясь живой души, одухотворяющаго его чистаго моральнаго ядра, здоровой сердцевины, становясь внѣшнимъ, обездушеннымъ, дряблымъ. Опасную, грозную болѣзнь этой разобщенности, этой отъединенности общественнаго дѣла отъ живой психологiи, отъ моральной культуры дѣлающей дѣло личности—тонко вскрывалъ Г. И. Успенскiй (какъ я подробно старался показать въ своихъ статьяхъ). Эта же убивающая жизнь мертвенность, условная ложь, этотъ-же внутреннiй гной многихъ проявленiй общественнаго строительства отпугиваютъ отъ самостоятельной постановки общественнаго вопроса такихъ классическихъ проповѣдниковъ такъ называемой личной морали, какъ Толстой, Ибсенъ и безконечно многихъ другихъ. Въ своихъ увлеченiяхъ, въ своемъ уклоненiи отъ социальнаго вопроса они впадаютъ нерѣдко въ серьезныя ошибки, но исходный пунктъ ихъ критики, психологическiй источникъ ея—тонкое пониманiе жизни, чуткость, оскорбляющаяся той червоточиною условной лживости, которая нарастаетъ на общественномъ тѣлѣ при слабомъ развитiи моральной культуры личностей, изъ которыхъ это тѣло слагается.

Успенскiй, какъ я опять-таки старался показать въ своихъ статьяхъ, всей своей долгой литературной работой, всей сущностью ея сросшейся съ общественнымъ вопросомъ, съ народнымъ дѣломъ, не избѣжалъ разнообразныхъ нападковъ съ различныхъ сторонъ. И вотъ не изъ враждебнаго лагеря предьявлялись обвиненiя къ нему въ апологiи малыхъ дѣлъ. Предьявилъ ихъ г. М. А. Протопоповъ, тогда, казалось бы, не такъ еще далекiй отъ вдохновляющихъ Успенскаго мотивовъ—критикъ Г. Протопоповъ такъ же странно понялъ критику дѣла русской интеллигенци, скорѣе критику ея отношенiя къ этому дѣлу, психологiи ея—со всеми специфическими заболѣванiями, омертвѣнiями, опустошенiями интеллигентской души, со всеми болѣзненными изогнутостями отвлеченнаго гуманизма, преломляющимися въ идейномъ безсердечiи, и другими грѣхами, понялъ все это совершенно почти такъ же, какъ понялъ теперь (двадцать съ лишнимъ лѣтъ спустя) г. Луначарскiй мое истолкованiе творчества Гл. Успенскаго.

Если бы г. Луначарскiй перелисталъ мою книжку „Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ“, онъ тамъ нашелъ бы попытку разобраться въ ошибкѣ г. Протопопова ¹⁾, которую онъ во многомъ повторилъ.

„Молчаливое совершенствованiе теоретическихъ воззрѣнiй гораздо болѣе распространено, чѣмъ желанiе живого дѣла; теоретическое изыщество, отдѣлка всевозможныхъ теоретическихъ деталей развиваются въ ущербъ вниманiю къ сегодняшней человѣческой нуждѣ—и это во всѣхъ интелли-

¹⁾ „Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ“ стр. 41.

гентныхъ сферахъ; проводить въ связь съ сегодняшней мелочной дѣйствительностью свои отшлифованныя до высшей степени изящества теоретическія построения русскій человекъ отвыкаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе... Эти разсужденія Успенскаго въ очеркѣ „Верагло“ и многія другія, казнихъ много приводитъ теперь изъ моихъ статей и г. Луначарскій, дали поводъ когда-то г. Протопопову заговорить о проповѣди малыхъ дѣлъ у Гл. Успенскаго. Но теперь мало кто будетъ спорить противъ того, что не самыя эти „малыя дѣла“ восхищали Успенскаго, а характеръ чувствованій, психологія дѣлъ—и малыхъ и, тѣмъ паче, большихъ—ихъ гармоническая цѣлостность, внутренняя одухотворенность. (Вѣдь влекла же къ себѣ его вниманіе своеобразная психологія „удалого, добраго молодца“. Задумывая эту свою повѣсть—онъ впечатлялся здѣсь образомъ человека, кажется, совсѣмъ не малыхъ дѣлъ. А „дѣвушка строгаго, почти монашескаго типа“,—гдѣ породившій ее живой родничокъ впечатлѣній?). И Гл. Успенскій хотѣлъ этой вдохновенной гармоніи для большого дѣла интеллигенціи,—которое,—что тамъ ни говорили,—тогда, да еще и теперь, думается мнѣ, хочешь не хочешь, должно выливаться въ формѣ самопожертвованія...

И далѣе, если въ психологіи Тяпушкина огромное дѣло давало порою трещины, если его изравненная душа дребезжала порою за огромнымъ дѣломъ своего времени, страшно пугая его этимъ неожиданнымъ дребезжаніемъ (ужасъ мысли передъ колыбелью собственнаго ребенка, банкротство простыхъ человѣческихъ чувствъ рядомъ съ служеніемъ великимъ дѣламъ), если высокое общественное служеніе преломлялось въ вывихнутостяхъ, въ уродливыхъ изломахъ отвлеченнаго гуманизма, то, указывая на все это, Успенскій не къ малымъ дѣламъ зоветъ, а хочетъ внутренне оздоровить это же страшно дорогое ему большое дѣло. Именно въ интересахъ большого дѣла общественнаго служенія, или соціальнаго творчества, какъ больше нравится г. Луначарскому, указывается здѣсь на „замордованность“ благородную (это не фраза), замордованность строящаго зданіе русскаго человека. Критика отвлеченнаго гуманизма, оторваннаго отъ живой моральной культуры личности, лишенаго живого непосредственнаго чувства,—ведется именно въ виду огромности дѣла. „Самоотверженнымъ борцамъ за широкую программу общественной гармонизаціи рекомендуется сдѣлаться самоотверженно филантропическими благотворителями“. Эти Вогъ вѣдаетъ зачѣмъ писанныя обвиненія построены на томъ же недоразумѣніи, жертвой котораго сдѣлался когда-то г. Протопоповъ. Стремленіе подвести подъ большое общественное дѣло болѣе достойный его живой и жизненный психологическій фундаментъ нравственной зрѣлости личности—выдается здѣсь за отрицаніе самаго дѣла.

Будто бы живая, дѣятельная, полная психологическѣхъ соковъ, облеченная въ плоть и кровь любовь къ ближнему непремѣнно связана филантропической благотворительностью, непремѣнно убиваетъ большія дѣла, и будто бы малокровная любовь къ дальнему, подверженная всякимъ изогнутостямъ и изломанностямъ препарированнаго, стерилизованнаго абстрактнаго гуманизма, такая уже надежная почва для грандіознаго соціальнаго строительства, такъ тѣсно связана съ „большими дѣлами?“

Большія дѣла требуютъ и большой любви, а творцамъ, упоеннымъ радостнымъ снѣпѣмъ золотыхъ далей, съ вѣрой грядущимъ къ завѣтнымъ берегамъ, очень слѣдуетъ смотрѣть себя подъ ноги, не давить „живыхъ песчинокъ“, которыя встрѣчаются на ихъ пути, не приносить насильственныхъ жертвъ, не шагать по живому человѣку.

Вѣдь тотъ, *поверхъ личности направленный* гуманизмъ, который такъ тонко и художественно анализируетъ Успенскій, прежде всего незрѣлость личности, психологическая изогнутость, болѣзнь. Это—зыбкая почва, не можетъ не согласиться съ этимъ и г. Луначарскій. И какъ матеріаль для общественнаго строительства, какъ моментъ соціальнаго творчества—онъ недостаточенъ, очень бѣденъ живыми соками жизни, хотя имѣетъ свою не малую цѣну, которая и понята Успенскимъ въ полной мѣрѣ. Но та любовь къ дальнему, которую защищаетъ г. Луначарскій, эта *die Liebe zum Fernsten und Künftigen* Ницше требуетъ совѣмъ уже иного, не тянушкинскаго душевнаго уклада. Ее совѣмъ иначе оцѣнилъ бы и Успенскій, она минусъ замѣняетъ плюсами, на оторванномъ отъ любви къ живому человѣку культѣ дальняго она хочетъ создать свой храмъ.

Здѣсь-то любовь къ дальнему приобретаетъ уже свой специфическій смыслъ, это не просто выросшая, широко разлившаяся любовь къ человѣку, это любовь только къ дальнему, грядущему человѣку,—у Ницше къ сверхчеловѣку,—это отрицаніе любви къ ближнему, какъ чего-то низшаго, недостойнаго. „Не щади своего ближняго!—такъ повелѣваетъ моя *великая* любовь къ дальнему“. Это смѣлый призывъ затоптать живого человѣка. Здѣсь любовь къ дальнему противопоставляется любви къ ближнему; конфликтъ начинается тамъ, гдѣ *die Liebe zum Fernsten und Künftigen* требуетъ на свой алтарь человѣческихъ жертвъ, вольныхъ и *невольныхъ*; конфликтъ начинается тамъ, гдѣ дальній ставится выше ближняго, гдѣ нарушается принципъ равноцѣнности человѣческихъ личностей, принципъ автономной морали.

Любовь къ дальнему, какъ моральная константа, не только принимаетъ стихійно, независимо отъ воли принесенныя на ея алтарь человѣческія жертвы, какъ фактъ,—она оправдываетъ ихъ, даетъ имъ санкцію. И не

только оправдываетъ, но попускаетъ сознательно и свободно даже тамъ, гдѣ она могла-бы вмѣшаться—она не хочетъ думать объ этомъ, не станетъ возиться съ живыми „песчинками“, слишкомъ уже онѣ малы и безцѣнны въ видахъ царства грядущаго сверхчеловѣка. Вотъ что пишетъ г. Луначарскій.

„Идеаль выпрямленнаго человѣка волей-неволей переносится въ будущее и становится импульсомъ къ соціальному творчеству, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы, какъ плоты, надрывались надъ постройкой для счастья будущихъ поколѣній; во-первыхъ, самая работа должна отвѣчать не „требованиямъ совѣсти“, а жаждѣ творчества, а во-вторыхъ, личность будетъ знать, что она есть цѣнность, не только для себя, но какъ рабочая единица, и часть своихъ силъ сознательно и свободно направитъ на улучшение своего быта и на развитіе своихъ силъ. Это не гармонически-самоотверженный человѣкъ, а гармонически трудовой, это каменщикъ великаго строительнаго братства, вѣчнаго масонскаго союза людей, влюбленныхъ въ „дальняго“ выпрямленнаго „всечеловѣка“ или сверхчеловѣка, влюбленныхъ въ призракъ сверкающей въ діадемѣ изъ солнцъ, все растущей великой разумной жизни. И жалость не собьетъ новыхъ людей съ пути, не заставитъ ихъ отдаться лазарету,—ихъ мѣсто на полѣ битвы, гдѣ жалость неумѣстна; и не простынутъ они при встрѣчѣ съ „песчинками“, составляющими массы, потому что не стануть возиться съ единоличными ея представителями (?!), и пойдутъ къ песчинкѣ, именно какъ къ элементу массы—великаго матеріала (!)—великаго строителя всего великолѣпія выпрямленной жизни“.

Какъ пышно, складно, гордо это звучитъ, и какими ужасными нескладностями осложняются всѣ эти слова, претворяясь въ сложность живой психологіи, въ плоть и кровь дѣйствительности. Помнится, я уже указывалъ какъ-то г. Луначарскому по другому поводу, какъ удивительно грубо упрощаетъ онъ иные страшные и большіе вопросы. Вѣдь, надо же отличать добровольныхъ, сознательныхъ и свободныхъ участниковъ постройки для „счастья будущихъ поколѣній“ и тѣхъ, что насильственно, ходомъ вещей, притягиваются сюда, втягиваются стихійными приводами, безсознательные и невинные, вѣдь и ихъ съ легкимъ сердцемъ г. Луначарскій бросаетъ, какъ „матеріалъ“ въ „историческую кофейницу“. Въ составѣ этого матеріала окажутся прежде всего „невинныя дѣтки“, которыя такъ безжоки совѣсть Ивана Карамазова, и которыхъ г. Луначарскій считаетъ ни за что передъ грядущимъ великолѣпіемъ постройки („что такое паребятъ передъ искупленіемъ челоѣчества?—слышали мы отъ него какъ-то. Мало ли такихъ гибло и гибнетъ“), сюда относятся всѣ униженные, оскорбленные, всѣ сознательно или безсознательно внасилованные въ процесѣ

„постройки счастья для будущих поколѣній“, всѣ эти Сони Мермеладовы, всѣ живыя „песчинки“, которыя „какъ единоличные представители массы“, съ легкимъ сердцемъ отменяются въ индивидуальныхъ страданіяхъ своихъ, отменяются тонко чувствующими Тяпушкиными съ болью и ужасомъ передъ вдругъ обнажающейся еще дикостью своего большого сердца, скорбящаго о всечеловѣческихъ страданіяхъ и всечеловѣческомъ счастьи, „новыми людьми“ г. Луначарскаго отменяются съ гордыми словами великолѣпнаго презрѣнія. „Новые люди“ дальнимъ упоены, они „не стануть возиться“ съ живыми „песчинками“, они строятъ большой „каменный домъ“. Сами они не влоты, что объ этомъ говорить, они утоляютъ „жажду творчества“, ну, а „бессознательный“ матеріалъ, всѣ эти невинныя жертвочки волею судебъ и отчасти попущеніемъ „новыхъ людей“, упорно отказывающихся „возиться“ съ ними попавшія подъ колесницу, несущуюся къ обѣтованному раю, — они все оказываются на положеніе „влотовъ“. И плохое утѣшеніе мальчику, затравленному генеральскими собаками, я безумно рыдающей матери его, что „личность будетъ знать что она есть цѣнность, не только для себя, но какъ рабочая единица“. Будеть-ли знать? Тѣ, что брошены безъ „лазарета“—этимъ не утѣшатся, они насильственные жертвы,—жертвы историческихъ стихій, а отчасти—хотя бы въ безконечно малой долѣ (признайте же это, г. Луначарскій)—и жертвы „нежеланья возиться“. Въдь вопросъ, который ставится у Успенскаго и въ моихъ статьяхъ—вопросъ психологіи, а не логики, не боевого принципа. Можно ли объяснить банкротство интеллигентской личности передъ необходимостью проявить свою человѣчность въ отношеніи живого лица, банкротство Тяпушкина передъ колыбелью своего ребенка *только лишь упоеніемъ работой* по „постройкѣ“, пыломъ „боя“, который не оставляетъ времени и силъ для простой человѣчности въ отношеніи живыхъ песчинокъ. Со всей искренностью никто не скажетъ этого; развѣ мало въ „постройкѣ“ этой принимаетъ участія такихъ строителей, которые бессознательно и берутся то за нее, потому что ихъ личность мало разработана, берутся, чтобы подъ грамадной тяжестью ея бревно похоронить свою личную неспособность быть просто человѣчнымъ, они инстинктивно ищутъ здѣсь въ большомъ дѣлѣ искупленія своихъ личныхъ несовершенствъ. Сложная эта психологія и дается только перу тонкихъ художниковъ интеллигентской души. Легко за эти раскопки обвинить въ реакціонерствѣ, нѣчто подобное (и, дѣйствительно, съ внѣшней стороны очень похожее) говорилось-де въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и подобныхъ мѣстахъ. Но, съ другой стороны, рѣдко кто изъ чуткихъ участниковъ постройки такъ или иначе не чувствуетъ этого, и странно, что г. Луначарскій хочетъ отче-

ворится отъ наблюденій Успенскаго гордыми словами во славу „Fornsten und Künftigen“.

Именно въ интересахъ „постройки“, правильно и честно понятыхъ, нужна психологическая критика ея въ духъ Гл. Успенскаго. Нужна, по моему, и религиозно-философская критика въ духъ Достоевскаго и новаго социалистическаго идеализма. Дѣло Достоевскаго, цѣнность его философской критики много проиграли отъ того, что не другомъ-союзникомъ, а врагомъ-ненавистникомъ чаще всего подходитъ онъ къ огромному дѣлу интеллигенціи. Но, расходясь съ ней въ общественно-политическихъ, практическихъ моментахъ своихъ увлеченій, онъ сдѣлалъ свое дѣло—для обоснованія ея „постройки“, для одухотворенія практики. И это будетъ когда-нибудь использовано, призвано и оцѣнено. Въ моемъ очеркѣ о Достоевскомъ, вышедшемъ въ 1902 г., „Вѣсы“ названы „претенціознымъ, оскорбительнымъ прежде всего для самого Достоевскаго и унижающимъ его въ глазахъ потомства произведеніемъ“. Теперь я раскаиваюсь въ этихъ сердитыхъ и „претенціозныхъ“ словахъ. Если въ 70-хъ годахъ „Вѣсы“ — являлись безтактностью въ устахъ Достоевскаго, то значительная часть высказаннаго тамъ имѣла бы совсѣмъ другое дѣйствіе, если бы была высказана, ну скажемъ, Успенскимъ или Салтыковымъ. А теперь, когда мы смотримъ уже въ значительной мѣрѣ исторически, необъятная глубина философскаго содержанія этого романа давно уже искупала специфическій ядъ этой книги. „Вѣсы“, чѣмъ дальше, тѣмъ больше послужатъ именно тому дѣлу, противъ котораго они, казалось, были направлены; такова логика исторіи, умѣющая напразднить геній туда, гдѣ онъ болѣе всего нуженъ. Правда великаго дѣла впитаетъ и претворить въ себя правду религиозно-философскихъ исканій Достоевскаго, и пусть „строители“ чаще читаютъ эту книгу. Достоевскій не страшень имъ общественно-политическими наслоеніями своихъ ученій, но онъ нуженъ имъ для углубленія вопроса объ искупленіи, для пониманія всей огромной, практической важности проблемы теодиціи, для пониманія всей сложности ихъ дѣла. Быть можетъ, тогда не такъ уже легко и просто раздѣлаются они съ „песчанками“, не съ такимъ легкимъ сердцемъ примутъ ихъ страшныя и невольныя, насильственные жертвы, какъ что-то въ высокой степени ничтожное...

И если Успенскій далъ тонкую, какъ мельчайшіе кружевные узоры, психологическую критику любви въ дальнему, то Достоевскій далъ философскую критику ея.

По поводу же гордыхъ словъ г. Луначарскаго о „новыхъ людяхъ“, не „ялотахъ“, но саніціонирующихъ „ялотство“, по поводу его самоувѣренныхъ гимновъ во славу дальняго, напомню хотя бы слова Расколь-

якова о социалистах: „Трудолюбивый народ и торговый; „общимъ счастьемъ“ занимаются. Нѣтъ, мнѣ жизнь однажды дается и никогда ея больше не будетъ; я не хочу дожидаться „всеобщаго счастья“, я и самъ хочу жить, а то лучше уже и не жить. Что-жь? *Я только не хотѣлъ проходить мимо голодающей матери, зажимая въ рукѣ своей рубль, въ ожиданіи „всеобщаго счастья“.* „Несу, дескать, кирпичъ на всеобщее счастье и оттого ощущаю спокойствіе сердца“. Ха-ха! Что же вы меня-то пропустили? Я вѣдь всего однажды живу, я вѣдь тоже хочу“... Конечно, самому-то Раскольникову „новые люди“ г. Луначарскаго еще найдутъ, что сказать,—будьте-де не „пилотами“, а упоенными идеаломъ своимъ строителями. Хотя и здѣсь ужъ есть психологическая трещинка, она — въ эвдемоническомъ характерѣ идеала, въ релятивизмѣ идеала, подмѣняющемъ отклоняемое теперь счастье одного—счастьемъ нѣсколькихъ въ грядущемъ. Даже и поэтическая „всеобщность“ здѣсь очень, вѣдь, условна. А главное, какъ съ „голодной матерью-то“ справятся „новые люди“, не слишкомъ ли просто? Несутъ свой кирпичикъ „на всеобщее счастье“ и ощущаютъ спокойствіе сердца, въ которомъ не остается мѣста для человѣческаго участія къ живымъ „песчинкамъ“...

Особенный интересъ позиціи г. Луначарскаго и всего новѣйшаго „реалистическаго“ направленія въ той прямолинейной послѣдовательности, съ которою нѣкоторые изъ нихъ проводятъ свою точку зрѣнія во многихъ, самыхъ отвѣтственныхъ вопросахъ. Рѣшающіе моменты тѣхъ учений и настроеній, на которыя они опираются, „реалисты“ доводятъ до крайней выпуклости, и тѣмъ обнажаютъ ихъ скрытую равнѣ отъ своихъ и чужихъ глазъ уродливость. Апологія любви къ дальнему покоится у г. Луначарскаго на амальгамѣ нѣкоторыхъ моментовъ марксистской морали съ мотивами философской поэзіи Ницше. Но то, что въ марксизмѣ скорѣе чувствовалось, чѣмъ говорилось, то съ силой выражено и рѣшительно подчеркнуто г. Луначарскимъ, скрытое стало явнымъ, откровенно обнажилась *атеистическая теодиція*; психологія любви къ дальнему опозитивирована и вставлена въ нышнюю рамку ницшеанства. Г. Франкъ, напр., вскрывая теорію любви къ дальнему у Ницше, пробуетъ сравнять пропасть, вырытую самимъ Ницше, которая отдѣляла его отъ гуманистическихъ аполлетовъ прогресса культуры; г. Кранихфельдъ принимаетъ эту аполлогію великой любви дальняго и презрѣнія къ слабому ближнему *черезъ писанія Салтыкова*; г. Луначарскій смѣлѣе и рѣшительнѣе, онъ понимаетъ специфичность любви къ дальнему, рѣшительно отдираетъ ее отъ неприятной „возни съ единоличными представителями“ массы, какъ живыми, индивидуальными „песчинками“, и въ таковомъ неприкрашенномъ,

голомъ,—но дорогомъ ему видѣ,—принимаетъ. Въ этомъ—его несомнѣнная заслуга.

Характерно также и то, что здѣсь уже въ открытую ставятся, хотя и въ отрицательной формѣ, нравственно-религіозные вопросы; вопросъ объ оправданіи мучаетъ до того, что измышляется (это въ „реалистическомъ-то міросоверзаніи!“¹⁾) своеобразная теодиція сверхчеловѣческой санкціи. Когда-то въ марксизмѣ казались чѣмъ-то ненужнымъ, чѣмъ-то понятнымъ, молчаливо рѣшеннымъ—всякія такія темы. Если и ставилась тогда такими умными противниками, какъ Н. К. Михайловскій, моральная проблема, какъ самостоятельная, то казалась чѣмъ-то искусственнымъ, навязаннымъ; въ марксизмѣ—не хотѣли видѣть „ни грана этики“. И если бы тогда изъ собственныхъ рядовъ раздался голосъ за необходимость рѣшенія вопроса нравственно-религіозной санкціи—какъ его ставить теперь идеализмъ—это показалось бы сумасшествіемъ, и никто не сталъ бы слушать. А теперь вотъ эти темы не сходятъ со страницъ писаній новыхъ сторонниковъ старой догмы; говорятъ, правда въ „реалистическомъ“ жанрѣ,—и объ идеалахъ, и о любви, и о цѣнности. И здѣсь пылкій писательскій темпераментъ г. Луначарскаго особенно симпатиченъ своей открытостью.

Но все болѣе непонятнымъ становится теперь—какимъ же образомъ находить г. Луначарскій возможнымъ лишить апологію любви къ ближнему ея самого сильнаго, великаго защитника, Христа, какимъ образомъ можно здѣсь искать поддержки своему презрѣнію къ живымъ „песчинкамъ“.

„Меня возмущаетъ, — пишетъ г. Луначарскій, — горделивое смиреніе г. Волжскаго, стремящагося, подмѣняя широкіе горизонты дѣлами благотворенія (и зачѣмъ этимъ ядомъ „благотворенія“ критикъ растворяетъ истинный смыслъ моей статьи?), еще утилизировать въ своихъ цѣляхъ чарующій образъ Христа, Христа, призывающаго къ просвѣщенію *всего человѣческаго рода*¹⁾, къ спасенію *человѣчества*, поставившаго своимъ ученикамъ самыя широкія задачи, какія только мыслимы: крестите „вся явыи“. Да, широкія задачи, не проповѣдь земного Іерусалима, не торжество послѣднихъ людей въ относительномъ „всеобщемъ счастьѣ“, а проповѣдь царства небеснаго съ его абсолютной всечеловѣческой, всеразрѣшающей правдой. И напрасно заговорилъ объ этомъ г. Луначарскій, напрасно онъ возмущается; адѣсь, во Христѣ, какъ разъ и вскрывается страшная, издавна усложнившаяся ложь атеистической теодиціи, на которой хотятъ укрѣпиться теперь „реалисты“—строители: „несутъ кирпичники на всеобщее счастье и оттого ощущаютъ спокойствіе сердца“. Упоены они золотой далью блаженства послѣднихъ людей и не хотятъ считаться съ

¹⁾ Курсивъ автора.

жертвами, уваживающими (насилно-вѣдь) „для кого-то будущую гармонию“.

Все возьмите, возьмите, пожалуй, (на время, впрочемъ), монополию прогрессивности, о которой такъ много и не всегда умѣстно говорить и повторяютъ критики „идеализма“, возьмите гордыню строительства, пожалуй сознание того, что реалистъ, какъ психологическій типъ, выше идеалиста, но Христа оставьте намъ, не отрывайте его отъ апологій любви къ ближнему, отъ всѣхъ маленькиѣхъ, слабенькиѣхъ, ничтожныѣхъ песчинокъ, убогиѣхъ и юродивыѣхъ, оставьте Христа среди нихъ, ибо только въ немъ найдете себѣ утоленіе поправная человѣческая личность, только въ немъ во всей полнотѣ своей восторгествуетъ принципъ абсолютной цѣнности, человѣческой цѣнности, всечеловѣческой гармоніи; только здѣсь *естъ* найдуть себѣ утоленіе, только здѣсь, въ глубинѣ истинно христіанской правды, въ эсхитологій христіанскаго ученія можетъ быть рѣшена и проблема теодициі, которая для реалистовъ рѣшается всеобщимъ счастьемъ послѣднихъ людей въ земномъ Іерусалимѣ. А если не найдете здѣсь успокоенія, то идите къ Христу, но Христу живому и цѣлостному; не высушивайте Его правды, не обезпложивайте ея искусственнымъ препарированіемъ, не прицѣпляйте ее, какъ почетный привѣсокъ, къ собственному „реалистическому мировоззрѣнію“, амальгамированному изъ нищесанства, марксизма и „новѣйшаго эмпирио-критицизма“.

Да нужны большія дѣла, но большія дѣла требуютъ и большой любви, большой правды; творцамъ же упоеннымъ радостнымъ сіяніемъ золотыѣхъ далей, съ вѣрой, твердой поступью идущимъ къ завѣтнымъ берегамъ, очень слѣдуетъ приобщиться этой большой любви, очень слѣдуетъ искать этой большой правды, стремиться раскрыть ее во Христѣ, раскрыть и вдохнуть въ свое большое дѣло.

Возраженіе мое на статью г. Луначарскаго разрослось, но все же не хотѣлось бы совсѣмъ обойти молчаніемъ еще одного пункта. Вотъ г. Луначарскій съ упрекомъ обзываетъ мои статьи объ Успенскомъ—„типичнымъ интеллигентскимъ самооправданіемъ“. Да здѣсь есть это оправданіе интеллигенціи, потому что она нуждается въ немъ, потому что она его стоитъ, и Успенскій при всей своей изумительно тонкой, мучительно острой, беспощадно рѣзущей критикѣ интеллигенціи—далъ ей это оправданіе, оправданіе ради праведниковъ, которые живутъ среди Содомы и Гоморы, сложной неправды внутреннихъ противорѣчій интеллигентной жизни, ради правды, которая живетъ въ интеллигенціи, заставляя глубоко уважать ее и беспокоиться объ ея заболѣваніяхъ. Онъ далъ ей—самооправданіе, потому что былъ самъ „великій русскій интеллигентъ“, съ тонко развитой, болѣзненно заостренной совѣстью, но въ то же время умѣющій хрипнуть

святыню чести. Отсюда сложность, изумительная истонченность его работы, отъ этого-то и враги, и иные друзья выставляли, да и теперь еще выставляют его часто противникомъ, отрицателемъ интеллигенціи. Усложненность узоровъ и утонченность линий въ его воззрѣніяхъ часто стирають ради простоты конечныхъ выводовъ и заключительныхъ формулъ.

И напрасно, г. Луначарскій смѣется надъ моими восторгамъ по поводу того, какъ Гл. Успенскій привѣтствовалъ Пушкинскую рѣчь Достоевскаго, „увидавъ въ ней наконецъ-то произнесенное слово оправданія страданій русскаго интеллигента-скитальца“. Нужно интеллигенціи это слово слышать, потому что слишкомъ много слышитъ она—изъ разныхъ устъ—другихъ словъ, словъ огульнаго осужденія, упраздненія, отрицанія ея правъ на самостоятельное существованіе. Нужно оправданіе, и самооправданіе, потому что есть обвиненіе и самообвиненіе, все равно порожденіе ли это крайняго народничества, нищенства, марксизма или реализма.

Но г. Луначарскому не нравится не только самооправданіе интеллигенціи, онъ всѣмъ существомъ своимъ возстаетъ и противъ самообвиненія, противъ усиленной работы мотивовъ совѣсти и долга въ нравственномъ сознаніи интеллигенціи; онъ, какъ видѣли мы, для осужденія ихъ привязываетъ ихъ крѣпко-на-крѣпко къ „дѣламъ благотворенія“, разчитывая такимъ путемъ вѣрнѣе ихъ добить. Вотъ что онъ пишетъ:

„Въ русскомъ активномъ интеллигентѣ мало развита личность, онъ мало сознаетъ свои права, свою цѣнность, онъ готовъ швырнуть себя подъ ноги любому Джагарнауту. Это такъ. Надо бороться съ этимъ, надо будить въ русскомъ интеллигентѣ сознаніе своего права на счастье, сознаніе своего достоинства, жажду выпрямиться во весь ростъ. Но г. Волжскій неожиданно минуетъ этотъ единственный и естественный выводъ, онъ утверждаетъ, что самоотверженность надо сохранить во что бы то ни стало, но лишь переименовать ея направленіе; ему чудится, будто настоящая *выпрямленная* личность замѣнить свой общественный идеализмъ, свои свѣтлыя надежды, свои грандіозные планы, въ осуществленіи которыхъ она жаждетъ принять посильное участіе,—„человѣчески понятнымъ участіемъ къ непосредственному живому человѣку“. Ему мнится, будто съ дальѣйшимъ духовнымъ освобожденіемъ русскій активный интеллигентъ перестанетъ напрягать свои силы противъ живой массы неурядицъ, несправедливостей, во имя требованій одушевленныхъ челоѣческихъ массъ, а не личностей, и направить ихъ къ исцѣвленію конкретныхъ страданій Кузьмы да Еремы. Нечего сказать, хорошо расширеніе личности! Самоотверженнымъ борцамъ за широкую программу общественной гармонизаціи рекомендуется сдѣлаться самоотверженно-филантропическими благотворителями. Вотъ онъ, героическій пессимизмъ разочарованныхъ старыхъ и очарованныхъ новыхъ

субъективистовъ! Не всѣхъ, не всѣхъ... Знаю, что и среди писателей, читателей и почитателей „Русскаго Богатства“ многіе и очень многіе отвергаютъ рецептъ г. Волжскаго, знаю, что отвергнуть его и иные идеалисты, особенно г. Франкъ, написавшій въ „Проблемахъ идеализма“ такую красивую, такую по духу своему реалистическую статью о любви къ дальнему, да и г. Бердяевъ, который переписалъ на память изъ хорошихъ книжекъ въ тотъ же сборникъ цѣлый рядъ доводовъ *противъ* „альтруизма“.

По поводу мнимаго отказа отъ „общественнаго идеализма“ и „градіозныхъ плановъ“ я уже выше старался выяснитъ, въ какое недоразумѣніе впалъ г. Луначарскій, безсознательно повторивъ г. Протопопова. Что же касается мотивовъ работы совѣсти, то ихъ, думается мнѣ, должна претворить въ своемъ нравственномъ сознаніи и современная интеллигенція; въ настоящій моментъ общественныхъ задачъ интеллигенціи онѣ еще не отмерли, не потеряли свою силу и обязательность. Правильно понятые эти мотивы, общественно-моральные мотивы интеллигентныхъ праведниковъ 70-хъ годовъ, должны быть усвоены и современной интеллигенціей. Долгъ лежитъ на совѣсти интеллигенціи, и, Богъ вѣдаетъ, когда она еще, гордо выпрямившись, сможетъ погасить его... И глубоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, что время общественно-моральныхъ мотивовъ творческихъ настроеній Успенскаго прошло, что настала пора торжества гордой и голой чести, грубо звуемонистической поэзіи Горькаго и другихъ современныхъ писателей, близкихъ настроенію этой поэзіи. *Для интеллигенціи*—это было бы теперь актомъ моральнаго паденія, и для широкихъ слоевъ, для такъ называемаго образованнаго общества торжество мотивовъ раздраженной чести, самоопьяненія было бы, быть можетъ, просто „возвышающимъ обманомъ“, съ помощью котораго она легче проскользнула бы въ тотъ „обжорный рядъ интеллигенціи“, о существованіи котораго хорошо зналъ и Г. И. Успенскій. Поэтому-то такъ сильно реагировалъ онъ въ „Волей-неволей“ („Навонецъ нашли виноватаго“) на раздававшіяся въ то время жалобы, что отъ мужика въ литературѣ проходу не стало, проходу—„къ буфету“,—какъ иронически вставлялъ Глѣбъ Ивановичъ... Особенная готовность *признать себя*, свое „я“, при [извѣстныхъ условіяхъ приводитъ къ уродливому выпячиванію своей личности, и есть такія условія (интеллигенція, такъ чутко внимающая жизни, такъ рѣшительно подступающая ко всякимъ ужасамъ этой дѣйствительности, очень много видѣла и хорошо знаетъ ихъ), когда мотивы самопризнанія въ устахъ интеллигенціи кажутся преступленіемъ, бываютъ такія условія,—при которыхъ порою просто стыдно становится жить! Такъ сложна, такъ скудна, угрюма, такъ звѣрска жестока бываетъ порою наша русская жизнь въ нѣкоторыхъ острыхъ

своих обнаженіяхъ. Въдъ къ увлеченіямъ мотивами самопризнанія извѣстная часть общества, поднимающаяся поверхъ нижнихъ этажей соціальной пирамиды, весьма податлива, здѣсь же очень быстро развиваются всяческія, часто очень злокачественныя заболѣванія чести. При нравственной неустойчивости, слабомъ развитіи сознательнаго личнаго начала, честь скорѣе заболѣваетъ, чѣмъ совѣсть, и болѣзнь эта ужаснѣе болѣзни совѣсти.

Перевѣшиваютъ мотивы чести надъ мотивами совѣсти въ рѣшеніяхъ моральной проблемы и у нѣкоторыхъ представителей идеалистическаго течения. Правъ г. Луначарскій, подчеркиваніе этой стороны нравственнаго сознанія выражено и въ „Проблемахъ идеализма“, не только въ мало характерной для этого сборника статьѣ г. Франка, но и въ очень характерной статьѣ г. Бердяева. За то съ другой стороны голосъ совѣсти, осложненный мотивами философіи христіанскаго идеализма, сильно звучитъ въ статьѣ г. Булгакова. Его апологія креста вызвала сильный протестъ даже въ органѣ, доброжелательно настроенномъ въ отношеніи идеализма, въ „замѣткахъ“ по поводу выхода „Проблемъ идеализма“ въ „Мірѣ Вожемъ“ г. А. В.

Намъ же кажется, современная интеллигенція, именно въ ея идеалистическихъ порываніяхъ, прежде всего должна претворить въ себя правильно понятыя мотивы моральнаго настроенія интеллигенціи 70-хъ годовъ, воспріять въ свою духовную жизнь ея совѣстливость, какъ живое и дѣятельное настроеніе, взять его, какъ одно изъ цѣнныхъ сокровищъ богатаго наслѣдья 70 хъ годовъ. И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ, идеализмъ менѣе всего имѣетъ основаній разрыватъ съ такъ называемымъ „субъективнымъ идеализмомъ“, хотя и долженъ идти дальше его.

Въ заключеніе, хочется спросить, зачѣмъ здѣсь г. Луначарскому опять понадобился этотъ неестественный полемическій бастъ, почему самъ г. Луначарскій и прочіе просто пишутъ статьи съ цитатами, а г. Бердяевъ „переписываетъ на память изъ хорошихъ книжекъ“. Это не стоило бы отмѣчать, если бы не было такъ характерно. Для чего нужно это нарочито-неуважительное отношеніе къ противнику, этотъ фатоватый тонъ, развѣ нельзя видѣть изъ-за разногласій—чужія достоинства, чужое хорошее. Мы въ существѣ расходимся съ г. Луначарскимъ, но видимъ его хорошее, и часто даже очень хорошее. Я знаю, за эти благожелательныя призывы къ взаимному пониманію и уваженію легко обвинить меня въ сантиментальномъ прекрасномудріи или еще въ чѣмъ-нибудь. Г. Луначарскій уже восклицалъ зачѣмъ-то: „добрый, сердобольный г. Волжскій!“ и знаю, что это объясняется требованіемъ боя, борьбы. Вотъ и г. Протопоповъ, весь пропитанный злопыхательствомъ, уснащая свою надгробную статью о П. К. Ми-

хайловскомъ разными ехидными подковыриваніями, пишетъ, что онъ „боець, а не нахаль“. А ощеренные-то зубы... и выдають его. Я не сравниваю это съ полемикой реалистовъ противъ идеалистовъ. У г. Протопопова, надо думать, *личная* обида выросла, у реалистовъ направленскій скрежетъ зубовъ; но онъ все-таки дереть по кожѣ ¹⁾).

Г. Луначарскій скажетъ, что г. Бердяевъ сильно задѣлъ, дескать, еще раньше, г. Богданова. Вотъ, вотъ, такъ оно и бываетъ всегда; Бердяевъ—Богданова, Луначарскій—Бердяева, Бердяевъ „презрительно промолчить“, какъ гдѣ-то жалуется г. Луначарскій... Ну, а читатель это все всасывай въ себя! Искреннее стремленіе отыскать правду уже отравлено, засорено, осквернено... Видны вспыхнувшія отъ уколовъ самолюбія щеки, озлобленные смѣшки, направленскія улыбочки... „*И становится „неизвестно отчего“ страшно*“, какъ кончаетъ Успенскій свой рассказъ „Съ человѣкомъ—тихо“...

Волжскій.

¹⁾ Когда настоящая статья была уже написана, я прочелъ слѣдующія „полемическія строки“ въ заключеніи долгихъ статей г. Луначарскаго въ „Правдѣ“ о С. Н. Булгаковѣ, и мнѣ стало обидно за г. Луначарскаго. Вотъ что онъ, между прочимъ, написалъ здѣсь. „Наше личное впечатлѣніе таково: риторическія упражненія г. Булгакова, съ точки зрѣнія логической, наивное „лукавство“, быть можетъ, искренно принимающее себя за побѣдоносную діалектику; съ точки зрѣнія эстетической, этотъ надрывъ, эта слеза въ слогѣ г. Булгакова, tremolo, возбуждающее въ насъ нѣкоторую гадливость. Какой-то тепловатый клейстеръ, какое-то актерство, большой подъемъ, гдѣ нервическій экстазъ *неразрѣчно* сочетается съ дѣланностью и кокетствомъ“...

На Западъ.

(Изъ Германіи).

Мирбаховская эпопея.

Если еще нужны доказательства несправедливости судьбы, то достаточно указать, какъ жестоко страдаютъ отъ нея добродѣтельные нѣмецкіе банкиры. Въ послѣдніе годы въ Германіи крахи банковъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, и съ пьедесталовъ валятся люди, къ которымъ привыкли относиться не только какъ къ представителямъ чистаго, неприкрашеннаго служенія мамонъ. Это не безпардонные поклонники золотого тельца, не одни лишь „столпы“ финансоваго міра: это люди, окруженные сіяніемъ высокой добродѣтели и чуть что не первобытной, кристаллической набожности. Взять хотя-бы господина Шмидта изъ берлинскаго банка „Anhalt und Wagnen“, или же его товарища господина Зандена, у котораго изъ всѣхъ поръ выступаетъ неподдѣльное благочестіе, и который, до своего переселенія изъ уютной потсдамской виллы подъ неприглядные своды берлинской тюрьмы, такъ радѣлъ о добрыхъ нравахъ и душевной чистотѣ своихъ домохадцевъ, что для собственнаго обихода устроилъ у себя изящную домовую церковь. Не успѣли Занденъ и Шмидтъ послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія вернуться къ своимъ пенатамъ, какъ на скамьѣ подсудимыхъ очутились двѣ новыхъ звѣзды изъ того же созвѣдія. То были директоры Померанскаго банка Шульцъ и Ромейкъ.

И они, подобно Зандену и Шмидту, слыли за богобоженныя людей и безкорыстныхъ друзей человѣчества. Десять лѣтъ ворочали они круговѣйшими ипотечными операціями и вдругъ этимъ лѣтомъ должны были услышать отъ прокурора, что они—не болѣе и не менѣе, какъ фальшивые

монетки. „Въ публикѣ,—заявила между прочимъ обвинительная власть,— на закладные листы смотрятъ какъ на самыя надежныя цѣнности; кто ихъ выдаетъ, не имѣя достаточнаго покрытія, тотъ стоитъ на одной ступени съ фальшивыми монетчиками“... Но господа Шульцъ и Ромейкъ не сообразовались ни съ наличностью, ни со статутами, ни съ законами вообще. Они тянули изъ своихъ банковъ деньги сколько хотѣли, употребляли ихъ по своему усмотрѣнію, спекулируя на свою репутацію умныхъ и дѣльныхъ людей и фальсифицируя счеты и балансъ искусственнымъ раздуваніемъ чистыхъ барышей и „тантьемовъ“. Очутившись на скамьѣ подсудимыхъ, они притворялись нищими, между тѣмъ какъ ихъ жены, подобно женамъ Зандена и Шмидта, захвативъ съ собою изрядныя суммы, живутъ по разнымъ заграницамъ. Подсудимый Шульцъ даже предъявлялъ суду претензіи за то, что его подвергли долговому предварительному заключенію, гдѣ у него приключилась „болѣзнь сердца“. „Я, конечно, не могу остаться безчувственнымъ къ этому,—замѣтилъ по этому поводу прокуроръ;—но что значитъ эта болѣзнь сердца по сравненію съ тѣмъ страшнымъ горемъ, отчаяніемъ и сердечными страданіями, которыя подсудимый навлекалъ на такую массу людей?! Если бы всѣ акціонеры, собственники закладныхъ листовъ, весь мелкій людъ, потерявшій на Померанскомъ банкѣ всѣ свои выстраданныя, часто путемъ лишений добытыя сбереженія,—если бы всѣ они появились здѣсь и залили васъ, господинъ Шульцъ, потоками своихъ слезъ, вы бы захлебнулись, задохнулись, утонули въ этихъ потокахъ“!..

Какъ ни интересенъ былъ самъ по себѣ процессъ Померанскаго банка и какъ ни велики суммы, растроченныя администраціей его директоровъ, но дѣло уже длилось болѣе трехъ лѣтъ и не могло не утомить вниманія публики. Это вниманіе, однако, было сразу необыкновеннымъ образомъ оживлено, когда не задолго до окончанія процесса выплылъ наружу эпизодъ, которымъ вовлечено было въ дѣло новое интересное и высокопоставленное лицо, и который съ электрической яркостью освѣтилъ нѣкоторыя скрытыя уголки нѣмецкой жизни. Объ отношеніяхъ между этимъ лицомъ и подсудимыми банкирами циркулировали и раньше всякаго рода затаенныя слухи. И раньше многіе утверждали, что Шульцъ и Ромейкъ употребляли громадныя суммы ввѣренныхъ имъ денегъ, чтобы снискать себѣ и своему банку разныя почести. Но вдругъ, съ теченіемъ процесса, объявился одинъ свидѣтель, которому была поручена подробная ревизія книгъ Померанскаго банка. Это былъ тоже директоръ одного банка и братъ прусскаго министра путей сообщенія, тайный совѣтникъ Вудде. Онъ подъ присягой заявилъ, что подсудимые передали въ распоряженіе обергофмейстера императрицы, барона фонъ-Мирбаха, большія суммы, чтобы черезъ

его высокую протекцію добыть себѣ титулы совѣтниковъ коммерціи, а своему банку—титулъ „придворнаго банка императрицы“.

По свидѣтельству Будде, суммы, въ разное время и подъ разными предлогами поступившія къ барону Мирбаху, достигаютъ 700.000 марокъ... Это сенсационное показаніе несомнѣнно компетентнаго и хорошо осведомленнаго свидѣтеля приковало общій интересъ къ личности оберъ-гофмейстера; оно, конечно, сильно встревожило и подсудимыхъ, и защиту. Одинъ изъ защитниковъ немедленно запросилъ свидѣтеля, не сдѣланы ли означенныя затраты съ благотворительной дѣлюю въ интересахъ самаго банка, подобно тому, какъ, напр., „Нѣмецкій банкъ“ въ Берлинѣ (финансирующій постройку багдадской желѣзной дороги) одарялъ султана. Свидѣтель на это отвѣтилъ, что ему неизвѣстенъ никакой другой институтъ, который былъ бы въ состояніи даже приблизительно такія суммы тратить на благотворительныя дѣла, какъ это дѣлалъ Померанскій банкъ. Что же касается практики „Нѣмецкаго банка“, то свидѣтель самъ былъ въ Константинополѣ и знакомъ съ тамошними порядками: „Тамъ такія добротныя приношенія называютъ *бакшишемъ* и знаютъ—зачѣмъ онъ дается“...

Померанскій процессъ, собственно говоря, лишь освѣтилъ въ памяти всѣхъ фигуру почтеннаго барона, который былъ старымъ хорошимъ знакомымъ въ широкихъ и обильныхъ всякими знакомствами кругахъ журналистовъ. Всѣ припомнили, что онъ водилъ дружбу и поддерживалъ дѣловыя сношенія со своимъ потсдамскимъ сосѣдомъ Заенденомъ, который, какъ отмѣчено выше, соединялъ въ себѣ качества коммерческаго пройдохи съ церковно-религиознымъ ханжей. Въ своемъ рвеніи по сбору денегъ на построеніе храмовъ и для подъема церковно-религиозной жизни народа, Мирбахъ не зналъ никакихъ стѣснѣній въ выборѣ средствъ, людей и путей: бралъ съ бѣдныхъ и богатыхъ, съ протестантовъ, католиковъ и евреевъ, съ вѣрующихъ и атеистовъ. Всѣ припомнили, какъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ заявился даже на квартиру извѣстнаго социаль-демократическаго депутата и гласнаго думы съ просьбой употребить свое вліяніе въ смыслѣ ассигнованія берлинской думой 800 тысячъ марокъ на строившуюся тогда церковь въ память Вильгельма I. Когда дума отказала въ субсидіи, то впоследствии въ названной церкви, въ одномъ скрытомъ углу, былъ найденъ высѣченный на камнѣ рельефъ, долженствовавшій увѣковѣчить наглость христіанскихъ и іудейскихъ „отцовъ города“. Этотъ смѣхотворный памятникъ былъ снабженъ соответственнымъ стихотворнымъ комментариемъ...

Уже съ того времени въ обществѣ стали съ большой тревогой слѣдить за своеобразной дѣятельностью барона Мирбаха. И вотъ, вдругъ эта, внезапно всплывшая досадная исторія съ бакшишемъ померанскихъ дѣ-

ректоровъ!.. Показанія тайнаго совѣтника Будде вызвали массу огорченій, недоумѣній, запросовъ; всѣ ждали немедленнаго появленія въ судѣ барона Мирбаха, который дастъ необходимыя разъясненія. Но проходятъ дни за днями, судьи прикусили языки, а Мирбахъ не подаетъ о себѣ слуху ни въ судѣ, ни въ печати. Натискъ раздосадованнаго и возмущеннаго общественнаго мнѣнія, однако, развязалъ барону языкъ и заставилъ его предстать передъ судомъ для подробнаго заявленія. Его показанія частью совѣзмъ не относились къ дѣлу и были направлены противъ „козней“ неблагодарной ему печати,—неблагодарной къ его многолѣтней церковностроительной дѣятельности; по скольку же они относились къ дѣлу, они были такъ же запутаны, какъ счеты померанскаго банка. Оказалось, что онъ многое уже перезабылъ, росписался въ полученіи суммъ, которыхъ не получилъ, но и получалъ довольно крупныя суммы. Ему, заявлялъ онъ, не въ рѣдкость было брать съ богатыхъ людей деньги для его „церковныхъ ферейновъ“; Шульца и Ромейка онъ считалъ солидными банкирами, которые хранили церковныя фонды мирбаховскихъ организацій и собственную „шкатулку“ императрицы. Эти фонды и шкатулка чудеснымъ образомъ были спасены и послѣ краха померанскаго банка, подобно тому, какъ они въ свое время уцѣлѣли у Зандена и Шмидта... На вопросъ суда, обусловливали ли чѣмъ нибудь Шульца и Ромейкъ свою церковную благотворительность, баронъ Мирбахъ, конечно, отвѣчалъ отрицательно и, такимъ образомъ, совершенно оставялъ въ тѣни тотъ фактъ, что ихъ банку былъ дарованъ титулъ „предворнаго банка императрицы“, что въ сильной степени подияло къ нему довѣріе публики.

Нельзя сказать, чтобы выступленіе барона Мирбаха на судѣ произвело особенно благопріятное впечатлѣніе какъ для барона, такъ и для самого суда. Бывшій воспитатель императорскихъ принцевъ и извѣстный консервативный профессоръ Гансъ Делбрюкъ по этому поводу восклицаетъ въ издаваемыхъ имъ „Preussische Jahrbücher“: „Неужели прусскіе судьи и въ самомъ дѣлѣ теряютъ всякій куражъ передъ обергёфмейстеромъ?! Почему ни судъ, ни прокуратура сами не сочли нужнымъ пригласить его для свидѣтельскихъ показаній, а ждали покуда онъ послѣ долгихъ колебаній соблаговолитъ явиться? Почему судъ не позаботился разъяснить путемъ допроса Мирбаха цѣлый рядъ неясныхъ пунктовъ о растраченномъ имуществѣ банка? Куда дѣвалось рвеніе нашихъ судей, когда дѣло касается обыкновенныхъ смертныхъ? Классовая юстиція!—слышите новелю грозный окрикъ возмущенной справедливости,—и я не знаю другаго слова въ нашей многообразной общественной жизни, которое могъ бы съ такою же настоячивостью рекомендовать неукоснительному вниманію руководящихъ людей государства, какъ именно этотъ тревожный окрикъ.

У насъ рѣшительно нѣтъ никакой надежды вытравить царящее недовольство, раньше чѣмъ не будетъ уничтожена даже тѣнь основательности такого тяжелаго обвиненія противъ судебного безпристрастія“...

Простые смертные,—иронизируютъ другой нѣмецкій публицистъ,—вынесшіе, быть можетъ, совсѣмъ иныя впечатлѣнія изъ своихъ соприкосновеній съ прусскими судьями, и не догадываются, какъ эти судьи подчасъ могутъ быть учтивы и деликатны. „Excellenz“, т. е. „ваше высокопревосходительство“—то и дѣло вставлялось предсѣдателемъ при допросѣ барона, который не былъ *вызванъ*, а самъ, въ собственныхъ интересахъ *снизошелъ* къ суду. А рядомъ съ этимъ—употребленіе оборота *pluralis majestatis*, какъ онъ примѣняется только въ сношеніяхъ съ начальствующими лицами: „ваше высокопревосходительство изволили сказать, ваше в-ство заявили...“ и т. п. Барону была предоставлена судомъ самая широкая свобода слова: ему позволено было не только отразить—по своему, конечно—нападки, дѣланныя въ залы суда, въ печати, но и нѣкоторымъ образомъ перейти въ наступленіе; почти ни одного щекотливаго вопроса не было ему поставлено, и онъ говорилъ лишь о томъ, что ему заблагоразсудилось: о борьбѣ своей съ людскимъ невѣріемъ и о людской несправедливости къ нему. Когда всѣ съ напряженіемъ ждали начала обстоятельнаго допроса на счетъ недосчитанныхъ суммъ, которыхъ въ одинъ прекрасный день не досчитались, судъ объявилъ допросъ законченнымъ и отпустилъ интереснаго свидѣтеля...

Однако, что было упущено судомъ официальнымъ, то сторичей восполнено общественнымъ судомъ. Фигура барона фонъ-Мирбаха и вся его „система“ освѣщены съ такой колоритной ясностью, что въ этомъ отношеніи не оставалось ничего болѣе желать. Само собою понятно, что это виѣсудебное дознаніе произведено было органами печати и притомъ—печати рѣшительно всѣхъ направленій, начиная съ газетъ ортодоксальныхъ евангелическихъ пасторовъ, вплоть до неумолимыхъ органовъ крайней оппозиціи. Не даромъ баронъ Мирбахъ уже и въ прежнія времена жаловался на враждебное пристрастіе къ нему нѣмецкой прессы. „Пронски сатаны, коварство и ненависть стоятъ на пути моихъ жизненныхъ стремленій,“—такъ писалъ онъ въ одной изъ своихъ статей; „всѣ съ досадою смотрятъ на то, что я и на своемъ посту, и въ своей общественной дѣятельности всѣми силами стараюсь служить Господу Спасителю. Но противъ всяческой ненависти и лжи остаются въ силѣ слова Лютера: пусть весь міръ будетъ полонъ дьявольскаго навожденія, все же мы не сомнѣваемся въ нашемъ успѣхѣ...“

Приблизительно такимъ же образомъ повѣствовалъ онъ и на судѣ.

Въ этихъ словахъ столько смиренія, кротости и всепрощенія,—но кто

знать ближе барона Мирбаха, тѣ отнюдь не считаютъ его такимъ скромникомъ, отшельникомъ, человѣкомъ не отъ міра сего, дѣтски-наивнымъ созданиемъ. Рассказываютъ, что его коллеги по придворной службѣ считаютъ Мирбаха за „Schlaukopf“, т. е. почти за пройдоху, и сильно боятся его вражды. Свои личныя дѣла онъ велъ съ необыкновенной ловкостью. Когда онъ еще служилъ въ гвардіи, то постоянно страдалъ отъ недостачи въ деньгахъ. Теперь же у него въ окрестностяхъ Потсдама столько земли, что тамошніе офицеры въ шутку величаютъ его „Королемъ Потсдама“.

Можно поэтому заключить, что баронъ Мирбахъ довольно ловкій дѣлецъ и практической хозяйинъ. Однако онъ почему-то не сумѣлъ разглядѣть дутые шансы Померанскаго банка, несмотря на печальный прецедентъ съ протезированными имъ банками господъ Зандена и Шмидта. Человѣкъ, которому выпала высокая честь завѣдывать личнымъ имуществомъ императрицы и съ ея протекціей культивировать ученіе Христа, не нашелъ болѣе подходящихъ людей для рекомендаціи нѣмецкимъ капиталистамъ и церковнымъ общинамъ. Не странно ли, что Занденъ передъ самымъ своимъ арестомъ въ его роскошной потсдамской виллѣ былъ барономъ Мирбахомъ представленъ къ награжденію орденомъ, а банкиръ Шульцъ казался ему настолько безупречнымъ, что онъ исходатайствовалъ для него званіе совѣтника коммерціи и титулъ „придворнаго банка императрицы“. Онъ не могъ не знать, что Шульцъ и въ Берлинѣ, и на берегахъ Ривьеры слытъ за первостатейнаго жуира, приволившаго въ восхищеніе своими щедрыми подачками лакеевъ и кельнеровъ. Если бы у этого благодѣтеля была истинная потребность благотворительствовать сотнями тысячъ своихъ излишковъ, то кругомъ него повсюду есть не мало подлинной нужды.

Но онъ избралъ себѣ въ посредники набожнаго барона, котораго не смущала специфической душокъ шульцевской мошны. Баронъ полагалъ, что служить Христу, и что этимъ исчерпывается и покрывается моральная сторона дѣла. Но многіе спрашиваютъ теперь съ тревогой, не предпочелъ ли бы Христосъ остаться совсѣмъ безъ крова, вмѣсто того чтобы ему возносились молитвы въ церквахъ, построенныхъ на деньги Зандена, Шмидта Шульца и К^о?! Когда-то думали, что церковь только тогда полезное для вѣры и угодное Богу дѣло, когда каждый ея камень принесенъ чистыми руками истинной набожности, когда каждое ея украшеніе сдѣлано отъ чистаго сердца. Для барона Мирбаха это, повидимому, совершенно устарѣлый взглядъ; для него всякое даваніе благо, и всѣ добытыя безцеремоннымъ вымогательствомъ приношенія протестантовъ и католиковъ, вѣрующихъ и атеистовъ, христіанъ и иудеевъ онъ покрывалъ широкимъ плащомъ любви къ Спасителю...

Извѣстный издатель журнала „Die Zukunft“ Максимилианъ Гардентъ

разсказываетъ, что ему еще 14 лѣтъ тому назадъ одинъ еврейскій крупный фабрикантъ доставилъ слѣдующее письмо барона Мирбаха:

„Имѣю честь увѣдомить ваше высоблагородіе объ образованіи особаго комитета подъ протекторатомъ Е. В. Императрицы и королевы для постройки храма въ память Вильгельма I. Вѣроятно, по всей странѣ и во всѣхъ кругахъ, въ томъ числѣ не евангелическихъ, найдутся многіе, которые поддержать этотъ планъ... Особенно просимъ мы лицъ, одаренныхъ богатыми земными дарами, единовременнымъ крупнымъ приношеніемъ обезпечить осуществленіе монументальнаго сооруженія. Надѣмся, что и ваше в—дѣ“ и т. д.

Гарденъ разсказываетъ, что фабрикантъ былъ виѣ себя: „Что мнѣ дѣлать!“—восклицалъ онъ. „Письмо адресовано мнѣ, носитъ личную подпись обергофмейстера. А вотъ посмотрите: въ верху, въ лѣвомъ углу корона и гербъ съ печатью „Кабинета Е. В. Императрицы и Королевы“. Не могу же я отвергнуть просьбу императрицы. Вѣдь баронъ Мирбахъ знаетъ, то я еврей; но потому-то онъ и обращается къ неевангелическимъ кругамъ“...

Такъ обстояло дѣло уже 14 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ оно пре вратилось въ настоящую систему. Нѣтъ, примѣрно, денегъ для украшенія храма старинными картинами: достаточно вразумительнаго посланія съ соответственнымъ гербомъ и печатью, чтобы пронести давленіе на портмоне совѣтника коммерціи Гинца или тайнаго совѣтника Кона. Роскошному храму Вильгельма I недостаетъ электрическаго освѣщенія: если ужъ очень потрагился на благотворительныя дѣла электрической король Сименсъ, то отъ надлежащаго внушенія не смогутъ не расчувствоваться еврейскія сердца Ратенау и Левэ. Сомнительной художественной цѣнности скульптурныя группы въ Тиргартенѣ строятся на деньги берлинскихъ купцовъ или общества городскихъ желѣзныхъ дорогъ, которому за это вычеркивается нѣсколько неудобныхъ пунктовъ изъ контракта. Въ этихъ и многихъ другихъ случаяхъ участвуетъ умѣлая рука барона Мирбаха, черезъ посредство коего иной получить благодарственную грамоту, орденъ или титулъ. Онъ неутомимъ въ служеніи высокимъ цѣлямъ и въ сознаніи важности дѣла не останавливается передъ использованіемъ человѣческихъ слабостей. Необходимо, какъ выражается остроумный Гарденъ, канализировать людское тщеславіе, чтобы разчистить пути для притока средствъ къ священнѣйшимъ благамъ...

Значеніе такой „канализаціи“ людскаго тщеславія и такъ называемаго общественнаго мнѣнія очень хорошо понимали не только Мирбахъ, но и мирбаховскіе банкиры. Взять хотя бы слѣдующую иллюстрацію, удосто вѣренную судебнымъ разслѣдованіемъ: Въ Берлинѣ существовалъ оченъ

фешенебельный клубъ печати— „Berliner Presseklub“, во главѣ котораго стоятъ Людвигъ Фульда и Германъ Зудерманъ. Роскошное помѣщеніе клуба въ лучшей части улицы „Подъ Липами“, несмотря на свое литературное наименованіе, не было, собственно говоря, учрежденіемъ для работниковъ печати, а скорѣе служило мѣстомъ сношеній между крупными звѣздами разныхъ небосклоновъ съ одной стороны „tout Berlin“—съ другой и, наконецъ разными полевыми „человѣками пера“, которые подчасъ могутъ каждому пригодиться. Въ берлинскомъ „клубѣ печати“ чествовали и Сару Вернаръ, и Метерлинка, и Американскаго милліардера Вандербильта, и покойнаго „некоронованнаго короля Африки“ Родса, и оригинальную танцовщицу Miss Dupcan и т. д. и т. д. Гдѣ вращается такое избранное общество, тамъ, конечно, должно быть мѣсто и померанскимъ банкирамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсуждалъ директоръ „придворнаго банка“ Ромейкъ, который, по первому кивку, поспѣшилъ предоставить въ распоряженіе господъ Фульды и Зудермана „безпроцентную“, а въ дѣйствительности и совершенно безвозвратную ссуду въ размѣрѣ 25 тысячъ марокъ на устройство подтемнои машины къ верхнимъ этажамъ многоэтажнаго клуба. Что банкиры à la Ромейкъ такіе подарки дѣлаютъ не спроста, это для идеалистовъ литературнаго салона стало ясно лишь изъ разоблаченій Померанскаго процесса. Наввыня сердца столповъ вѣмецкой драматургій только теперь почувствовали весь срамъ такого панибратства и поспѣшили закрыть скопрометированный клубъ.

Но Померанскіе директора искали связи не только съ печатью вообще, но и съ органами печати въ отдѣльности. Имъ было предложено купить 50 паевъ изъ 400, принадлежащихъ обществу, издававшему ежедневную газету „Das kleine Journal“. Сначала директора колебались, но однимъ изъ близкихъ имъ людей имъ было поставлено на видъ, что „въ такое время, когда газетная замѣтка можетъ поколебать довѣріе къ самымъ могущественнымъ институтамъ, было бы не разумно не обезпечить себѣ расположеніе „Маленькаго журнала“. Шульцъ и Ромейкъ вняли этому резону и выложили 50 тысячъ марокъ. Этотъ гешефтъ былъ заключенъ вскорѣ послѣ того, какъ „Маленькій журналъ“ сдѣлался послушнымъ органомъ обергофмейстера барона фонъ-Мирбаха, а Померанскій банкъ получилъ титулъ „Придворнаго банка императрицы“.

„Маленькій журналъ“ продѣлалъ довольно любопытную карьеру. Еще до перехода его въ руки извѣстнаго въ Берлинѣ литератора д-ра Лейпцигера, о немъ шла самая дурная слава. Разсказываютъ, что когда его врежній владѣлецъ рѣшилъ выпускать газету два раза въ день, то, сравнивъ свой „журналъ“ съ револьверомъ, объявилъ свое намѣреніе редак-

торамъ въ слѣдующей своеобразной формѣ: „Господа, отнынѣ мы будемъ заряжать нашъ револьверъ дважды въ день“...

При д-рѣ Лейпцигерѣ „револьверный“ характеръ „Маленькаго журнала“ хоть нѣсколько и понизился, но газета сохранила ярко выраженную печать того образа мыслей, который свойственъ бонвиванамъ, кокеткамъ и биржевымъ набобамъ. Это былъ органъ жуировъ, полусвѣта, кавалеровъ и дамъ самой сомнительной марки. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ подвизался самъ д-ръ Лейпцигеръ, имѣвшій наибольшій успѣхъ среди читателей „журнала“ своимъ романомъ „Die Ballhaus-Anna“. О квалификаціи Лейпцигеровской героини Анны легко догадаться, если знать что „Ballhaus“ есть названіе самаго популярнаго, но и самаго пошлаго кафешантана въ Берлинѣ. Чтобы заинтересовать въ извѣстномъ смыслѣ взыскательную публику „журнала“, надо было, конечно, вести его съ извѣстной ловкостью и не безъ остроумія. Въ этомъ нельзя было отказать господину Лейпцигеру. Но моральный уровень его газеты отъ этого не возрастаетъ, а ея политическое значеніе, за исключеніемъ случаевъ револьверной сенсаціонности, равнялось нулю.

Вотъ эту самую газету баронъ фонъ-Мирбахъ и возвысилъ въ рангъ печатнаго органа, коему надлежало заступаться за его церковностроительскіе планы, за пропаганду чистой набожности и неподдѣльнаго патріотизма. Газета Лейпцигера сдѣлалась лейбъ-органомъ обергофмейстера и близкихъ ему круговъ,—и, что всего поразительнѣе, эти благомыслящіе круги одобряли выборъ барона Мирбаха, совершенно не замѣчая соединенія на столбцахъ „журнала“ морали кокетокъ съ церковно-религіознымъ пафосомъ и чувствами монополизированной лояльности и даже поддерживая газету своимъ авторитетомъ, говорить отъ имени котораго она считала своимъ исключительнымъ правомъ. Обергофмейстеръ фонъ-Мирбахъ, оберцеремоніймейстеръ графъ Эйленбургъ, министръ финансовъ фонъ-Микель, шефъ военнаго кабинета графъ Гюльзенъ-Гезелеръ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ баронъ-фонъ-деръ-Реке (хвалившійся, что не читаетъ другой газеты, кромѣ извѣстнаго берлинскаго „Lokal-Anzeiger'a“, который обыкновенно называютъ „Skandal-Anzeiger“), шефъ тайнаго кабинета д-ръ фонъ-Лукаусъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія д-ръ Вюссе и мн. др.—все они осчастливливали „Маленькій журналъ“ лестными посланіями, которыми д-ръ Лейпцигеръ могъ передъ каждымъ похвастаться. Націоналистическая и патріотическая берлинская газета „Jägliche Rundschau“ говорить теперь по этому поводу съ крайнимъ возмущеніемъ: „Къ сожалѣнію, это тѣ вліятельные придворные круги, у которыхъ совершенное незнакомство съ печатью соединяется съ полнымъ презрѣніемъ къ ней, которымъ каждая политически независимая и стойкая газета ка-

жесты тѣмъ-то ужаснымъ, и которые полагаютъ, что съ пользой служить престолу и отечеству, когда поддерживаютъ и покровительствуютъ безхарактерную, безпринципную, на все готовую, пресмыкающуюся прессу“...

Не лишено извѣстной пикантности послушать теперь рассказъ самого д-ра Лейпцигера о томъ, какъ онъ сталъ довѣреннѣйшимъ агентомъ фонъ-Мирбаха въ дѣлахъ насажденія добрыхъ нравовъ, церковной набожности и лояльной преданности и какъ онъ затѣмъ ретировался, когда увидѣлъ, что игра не стоитъ свѣчъ. Баронъ Мирбахъ впервые обратилъ вниманіе на д-ра Лейпцигера, когда какъ-то прочелъ въ „Маленькомъ Журналѣ“ статью, изъ которой ему стало ясно, что въ не лишенномъ таланта издатель „Журнала“ шевелится бурное честолюбіе, жажда придворной атмосферы и официального признанія. Д-ръ Лейпцигеръ былъ скорѣ приглашенъ къ обергофмейстру и ужъ одно это высокое отличіе сразу привлекло его на сторону Мирбаховскихъ плановъ.

„Чувство невыразимой гордости,—рассказываетъ теперь д-ръ Лейпцигеръ,—наполняло мою грудь, когда я въ назначенный мнѣ часъ сѣлъ въ карету и сказалъ кучеру: везите меня во дворецъ! Никакіе громы и молніи не заставили бы меня въ эту минуту заставить поднять крышу экипажа. Я, къ сожалѣнію, не припомню, провожали ли меня тогда въ моемъ триумфальномъ цугѣ чьи либо завистливые взгляды; знаю только, что, одѣтый въ лучшей своей черной сюртукъ, я съ серьезнымъ и торжественнымъ видомъ подымался по ступенямъ къ расположенному во второмъ этажѣ дворца кабинету императрицы“...

Когда баронъ фонъ-Мирбахъ на прощаніе пожалъ д-ру Лейпцигеру руку, то онъ почувствовалъ себя „почти побѣжденнымъ“... „Огнѣмъ,—продолжаетъ онъ съ неподражаемымъ цинизмомъ,—направленіе моей газеты вполне соответствовало этимъ новымъ дружескимъ отношеніямъ“. Впрочемъ, случилось такъ, что д-ръ Лейпцигеръ какъ разъ къ тому времени „былъ охваченъ искреннимъ и пламеннымъ энтузіазмомъ передъ словами и дѣяніями Вильгельма II... Кругъ моихъ читателей убывалъ „книзу“, зато у моей газеты не было недостатка въ лестныхъ манифестаціяхъ „сверху“. Кто понтересуется, тому я готовъ показать дружескія посланія съ такими гордыми подписями, какъ...“ Тутъ слѣдуетъ перечень гордыхъ именъ, который былъ уже приведенъ выше.

Протекція барона Мирбаха шла такъ далеко, что г. Лейпцигеръ былъ удостоенъ чести поднести подарокъ императорской четѣ. Во время промышленной выставки въ Берлинѣ, въ 1896 году, онъ приготовилъ два роскошныхъ экземпляра выставочнаго каталога, переплетъ которыхъ обошелся въ *пятизначную цифру*. Д-ръ Лейпцигеръ, какъ видите, теперь съ полной точностью подсчитываетъ во что ему обошелся его патриотизмъ.

Но, какъ оказывается, уже тогда сталъ онъ замѣчать нѣкоторую дисгармонію въ этомъ своемъ патріотическомъ настроеніи: онъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что онъ сподобился лично передать свой подарокъ въ королевскомъ дворцѣ въ руки графа Эйленбурга, но „отвѣта на это привошеніе онъ еще до настоящаго дня не получилъ“.

На его отношеніяхъ къ барону Мирбаху это обстоятельство на первыхъ порахъ не отразилось. Нашъ хроникеръ, по крайней мѣрѣ, повѣствуетъ, что весной 1898 года баронъ фонъ-Мирбахъ прочелъ передъ избранной аудиторіей въ Потсдамѣ нѣсколько рефератовъ о путешествіи въ Палестину императорской четы. „Маленькій Журналъ“ былъ единственною изъ газетъ, которой было разрѣшено точное воспроизведеніе мирбаховскихъ рефератовъ, и въ связи съ этимъ явилась мысль о томъ, чтобы сообщенія его высокопревосходительства пустить въ оборотъ въ видѣ особой брошюры. Осуществленіе этого плана взялъ на себя д-ръ Лейпцигеръ, такъ какъ весь доходъ отъ изданія предназначался для благотворительныхъ цѣлей. „Баронъ фонъ-Мирбахъ,—разсказываетъ г. Лейпцигеръ,—очень часто освѣдомлялся, ходко ли идетъ продажа его брошюры. Но, когда, несмотря на усиленныя рекламы, никто не соблазнялся нашимъ изданіемъ, я рѣшилъ передать его высокопревосходительству тысячемарковую кредитку съ присовокупленіемъ безкорыстной лжи, что это есть выручка съ проданныхъ брошюръ. Я надѣюсь, что этотъ самоотверженный грѣхъ мнѣ не придется искупать передъ чистилищемъ“...

Д-ръ Лейпцигеръ дѣлаетъ видъ, что его пугаютъ заградныя кары, на самомъ же дѣлѣ онъ жадно ждалъ земныхъ эквивалентовъ за свою „безкорыстную“ службу мирбаховскимъ начинаніямъ. Онъ ждалъ отличій, государственныхъ почестей, а между тѣмъ получилъ только высокую благодарность изъ „кабинета императрицы“. Баронъ Мирбахъ, очевидно, не могъ почему-либо съ надлежащей поспѣшностью доставить ему такой сюрпризъ, и патріотическій энтузіазмъ г. Лейпцигера пошелъ на пониженіе. „Его высокопревосходительство,—говоритъ онъ,—быть можетъ полагалъ, что одна благодарность изъ кабинета и меня обязываетъ къ пожизненной благодарности. По крайней мѣрѣ, когда появились первыя разоблаченія о мошенничествахъ Занденовскаго банка, то онъ прислалъ ко мнѣ на квартиру одного изъ своихъ чиновниковъ съ просьбой приостановить нападки на Зандена въ „Маленькомъ Журналѣ“. Исполнить эту просьбу Лейпцигеръ не считалъ возможнымъ, такъ какъ чувствовалъ, что въ этомъ дѣлѣ ничего уже нельзя замолчать, что оно роковымъ образомъ клонится къ уголовному процессу. Это разногласіе положило конецъ его дружбѣ съ любвеобильнымъ барономъ.“

Показанія свидѣтелей во время процесса надъ Померанскими директорами какъ бы вскрыли шлязы, черезъ которые цѣлый потокъ разоблаченій затопилъ широкія поля нѣмецкой гласности. Обыкновенно тихія лѣтнія канюкулы, свободныя отъ академической, общественной и парламентской суетолюки, были въ этотъ разъ полны мирбаховскихъ сенсацій. Что ни день, то какой-нибудь новый казусъ изъ широкоразвѣтвленной церковно-строительской практики неутомимаго обергофмейстера. Вотъ наугадъ два-три такихъ казуса:

Нѣкій крупный виноторговецъ проситъ барона Мирбаха принять отъ него 50 тысячъ марокъ и положить ихъ къ ногамъ своей повелительницы на церковное дѣло. Вскорѣ послѣ того состоялась аудіенція, во время которой баронъ передалъ щедрому жертвователю высокую благодарность и намекъ на предстоящее отличіе. Практическій виноторговецъ низко поклонился, но съ своей стороны далъ понять, что для ордена или титула у него не будетъ надлежащаго примѣненія и что ему было бы пріятнѣе получить концессію на завѣдываніе отдѣломъ королевско-прусской классной лоттереи. Прошло не много времени, и онъ сталъ коллекціонеромъ прусской лоттереи; пожертвованныя 50 тысячъ марокъ были выгодно помѣнены.

Жила была нѣкая г-жа Мишонъ. Она перекочевала въ Германію изъ Эльзаса, вышла замужъ за французскаго повара и открыла небольшой ресторанъ, разжигалась и приобрѣла большой отель, въ которомъ въ лѣтнее время ютились общества французскихъ игроковъ. Г-жа Мишонъ брала деньги откуда могла и очень разбогатѣла. Овдовѣвъ, она продала отель, оставаясь жить въ собственномъ домѣ, гдѣ сдавала комнаты въ наемъ и жила воспоминаніями о своемъ бурномъ прошломъ. Впослѣдствіи она стала очень набожна и жертвовала деньги католической общинѣ. И баронъ Мирбахъ получилъ отъ нея 5000 марокъ на постройку лютеранской церкви. Вскорѣ послѣ того онъ посѣтилъ ее и передалъ ей прусскій орденъ всѣми чтимой королевы Луизы.

Къ предстоящему празднованію серебряной свадьбы императорской четы баронъ Мирбахъ предпринялъ сборъ на мозаичное украшеніе любимой церкви Вильгельма I. На такое украшеніе требуется около милліона марокъ, и обергофмейстеръ для этой цѣли пользуется посредничествомъ прусскаго административнаго аппарата, рассылая относящіяся сюда циркуляры оберъ-президентамъ и ландратамъ, которые совсѣмъ ему не подвѣдственны. Онъ пишетъ имъ, что всѣ жертвователи будутъ внесены въ особую книгу, которая затѣмъ будетъ представлена имъ величествамъ. Онъ проситъ далѣе извѣщать мелкихъ пожертвованій, такъ какъ такіе взносы, часто не пре-

вышающіе 10—20 марокъ, вообще, „очень не популярны и даютъ богатымъ людямъ поводъ также лишь къ очень мелкимъ приношеніямъ“.

Этотъ „плутократическій“ характеръ церковно-религіозной системы Мирбаха возмущилъ даже извѣстнаго пастора Штегера. Въ своей христіански-соціальной газетѣ „Volk“ онъ пишетъ по этому поводу:

„Въ виду такихъ фактовъ прямо не находишь словъ, чтобы выразить всю силу своего внутренняго возмущенія. До сихъ поръ мы предполагали, что баронъ фонъ-Мирбахъ только очень слабъ, чтобы съ надлежащею энергіей оттолкнуть отъ себя навязчивыхъ и жадныхъ на отличія паразитовъ. Теперь картина мѣняется; теперь ясно, что онъ отвергаетъ слабые дары чистосердечной любви и спекулируетъ лишь на крупныя приношенія, съ явнымъ намекомъ на перспективы придворныхъ наградъ. Онъ ждетъ лишь пожертвованій четырехъ и пятизначныхъ чиселъ, на которыя способно лишь самое сытое довольство. И съ такими-то нечистыми дарами сооружаютъ затѣмъ роскошные храмы тому самому Спасителю, который 2000 лѣтъ тому назадъ скромную лепту вдовицы цѣнилъ выше, чѣмъ крупныя суммы пышнаго богатства“.

Но будетъ съ насъ этой печальной мирбахіады. За мѣсяцы, протекшіе со времени Померанскаго процесса, обвинительный актъ противъ „системы Мирбаха“ возросъ до размѣровъ прямо необъятныхъ. Мирбахъ хвалился на судъ, что черезъ его руки проходитъ ежегодно до 800.000 марокъ; за 15—16 лѣтъ его усиліями построено 58 большія церкви, множество часовенъ и т. п. Неизвѣстно только въ точности, сколько орденовъ и всѣческихъ отличій прошло за это время черезъ его руки. Но и того, что стало извѣстно, было вполне достаточно, чтобы вызвать паническій ужасъ въ такъ называемыхъ благомыслящихъ кругахъ. Такъ, напр., упомянутый выше органъ протестантской ортодоксіи „Der Reichsbote“, подавленный ввезанной катастрофой мирбаховской христіанской миссіи, въ своемъ отчаяніи апеллировалъ къ императору, который въ это время путешествовалъ по Скандинавскимъ землямъ.

„Въ этотъ разъ,—писала названная газета,—приходится ждать возвращенія императора съ особеннымъ напряженіемъ. Отъ его личной воли будетъ зависѣть положить конецъ вѣкоторымъ важнымъ событіямъ, такъ какъ тѣ слухи о положеніи дѣлъ, которые доходили къ нему съ родины, не могли привести его въ большое восхищеніе. Мы же съ своей стороны еще никогда не чувствовали съ такой силой и болью все внутреннее разложеніе въ нашемъ отечествѣ, какъ именно въ это лѣто. Мы стоимъ теперь передъ лицомъ своего рода *communis opinio*, что касается тѣмныхъ сторонъ господствующаго режима“...

И вотъ вскорѣ послѣ возвращенія императора изъ сѣверной экскурси, баронъ Мирбахъ былъ отставленъ отъ руководства церковными организаціями и отъ завѣдованія собственной „шеатулкой“ императрицы. „Конецъ“ Мирбаха былъ неизбеженъ. У него, какъ выразилась одна газета, отняли ключи отъ церковныхъ кассъ, потому что онъ религію смиренія и бѣдности низвелъ на степень орудія для спекулянтовъ и шантажистовъ...

Г. Гроссманъ.

Критика и библиографія.

А. Шницлеръ. Одинокій путь. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ Э. Маттерна и А. Воротникова. Москва. Изданіе журнала „Правда“ .
Цѣна 60 коп.

А. Шницлеръ. Одинокимъ путемъ. Переводъ А. Даманской. С.-Петербургъ,
Изданіе журнала „Образованіе“. Цѣна 50 коп.

Шницлеръ принадлежитъ у насъ къ числу наиболѣе модныхъ европейскихъ писателей. Въ его популярности нельзя не видѣть одинъ изъ многихъ симптомовъ распространяющагося и у насъ въ интеллигентномъ обществѣ буржуазнаго духа.

Въ эволюціи нѣмецкой литературы Шницлеръ представляетъ съ точки зрѣнія прогрессивныхъ идеаловъ несомнѣнный шагъ назадъ.

Установившаяся въ 80 годахъ въ Германіи поэзія была въ силу разныхъ обстоятельствъ реалистична, соціальна и демократична. Въ 90 годахъ на сцену вступило новое поколѣніе, которое повернуло литературу въ противоположную сторону, въ сторону романтизма и индивидуализма. Эти молодые писатели вышли въ большинствѣ случаевъ изъ обезпеченныхъ слоевъ бюргерства, не были интеллигентными пролетаріями, какъ ихъ старшіе братья. Они стояли довольно далеко отъ жизни съ ея заботами, и жизнь ихъ сравнительно мало интересовала. На мѣсто дѣятельности они поставили прекрасный вымыселъ, очаровательный сонъ.

Такъ какъ эти писатели далѣе мало участвовали въ борьбѣ за существованіе, они мало интересовались и кипѣвшей кругомъ нихъ борьбой общественныхъ группъ. Жизнь была для нихъ не борьбой, а игрой и комедіей.

Наиболѣе талантливые представители этого поколѣнія—А. Шницлеръ и Г. фонъ Гофмансталь—родились къ тому же въ веселой Вѣнѣ, всегда

отличавшейся склонностью къ мечтательности, созерцательности, словомъ, къ эстетическому квіэтизму.

Для Шницлера жизнь не больше какъ мечта. Точно воспытый имъ чародѣй Парацельсъ, погружаетъ онъ своихъ героевъ въ сонъ, чтобы они забыли дѣйствительность, „вся полнота бытія“ для нихъ „ничто передъ могучей властью грезъ“. И жизнь съ ея противорѣчіями и вопросами становится для нихъ лишь матеріаломъ для эстетическихъ упражненій и эстетическихъ удовольствій. Жены измѣняютъ мужьямъ лишь для того, чтобы своимъ паденіемъ дать имъ канву для эффектныхъ произведеній („Женщина съ кинжаломъ“).

Матери кончаютъ съ собой, дабы ихъ болѣзнь не мѣшала сыновьямъ отдаваться художественному творчеству („Мгновенія жизни“). Горе на картинахъ трогаетъ ихъ больше, чѣмъ горе въ дѣйствительности (слова фонъ Заля въ „Одинокомъ пути“). Они усматриваютъ смыслъ жизни не въ томъ, чтобы ее реально пережить, а въ томъ, чтобы ее претворить въ прекрасныя мечты.

Созданные Шницлеромъ люди живутъ на той неумовимой грани, гдѣ дѣйствительность переходитъ въ сонъ, а сонъ въ дѣйствительность.

Парацельсъ погружаетъ жену друга въ сонъ и внушаетъ ей, будто она сидитъ въ сиреновой бесѣдкѣ рядомъ съ красавцемъ-студентомъ. И когда она рассказываетъ ему свой сонъ, чародѣй все больше проникается сомнѣніемъ, не говоритъ ли она истину.

„Я самъ теряю грань мечты и правды“ восклицаетъ онъ.

Снова погружаетъ онъ Юстину въ сонъ, прося сказать все, какъ было въ дѣйствительности, и она признается ему во снѣ, что когда-то любила его. Въ страхѣ убѣгая отъ сновидѣній, грозящихъ стать жизнью, и отъ жизни, которую не отличишь отъ сновидѣнія, чародѣй восклицаетъ въ недоумѣніи:

„Сплетаются въ одно и ложь, и правда,

И жизнь, и сонъ...“

Созданные Шницлеромъ люди живутъ далѣе на той неумовимой грани, гдѣ жизнь превращается въ игру, игра переходитъ въ дѣйствительность.

Въ пьесѣ „Зеленый попугай“ передъ нами кабачекъ наканунѣ революціи, гдѣ по вечерамъ собирается встряхнуть истасканные норвы столичная знать. Хозяинъ таверны, бывшій театральнй антрепренеръ, пригласилъ своихъ бывшихъ актеровъ—мирныхъ обывателей—изображать воровъ грабителей и убійцъ. Они рассказываютъ пресытившимся герцогамъ и маркизамъ такія исторіи, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, хотя въ нихъ нѣтъ ни капли правды. Между тѣмъ, какъ тамъ, на улицахъ Парижа надвигается настоящая революція, здѣсь въ кабацкѣ „Зеленаго

попугая“ только играют въ революцію. Хозяинъ величаетъ артистокъ герцогинями, комедіянтъ говоритъ аристократамъ „ты“. „Жизнь превращается въ игру“,—весело восклицаетъ придворный поэтъ. Но и игра незамѣтно переходитъ въ жизнь. Между тѣмъ, какъ одинъ изъ актеровъ рассказываетъ вымышленную исторію о томъ, какъ онъ ограбилъ нѣсколько аристократовъ, другой незамѣтно похищаетъ кошелекъ у одного изъ завсегдатаевъ кабачка. Главный актеръ изображаетъ ревниваго мужа, жену котораго будто бы соблазнилъ одинъ изъ присутствующихъ аристократовъ, и узнаетъ случайно, что оно такъ и есть въ дѣйствительности. И въ то самое время, когда онъ закалываетъ герцога въ кабачкѣ „Зеленаго Попугая“, на улицахъ Парижа чернь беретъ штурмомъ Бастилью.

Жизнь превращается незамѣтно для героевъ Шницлера въ комедію, гдѣ дѣйствующія лица стоятъ другъ противъ друга въ маскахъ и только смерть, да и то не всегда, срываетъ ихъ съ ихъ лица („Подруга“, „Послѣдній маскарадъ“).

Созданные Шницлеромъ люди съ ногъ до головы эгоисты, живущіе только для своихъ утѣхъ и прихотей. О нихъ о всѣхъ почти можно сказать, что въ „Одинокомъ пути“ фонъ Заля говоритъ о себѣ и своемъ другѣ: „Колесались ли мы когда-нибудь обмануть порядочнаго человѣка, одурачить его, лишь бы сорвать лишній часъ удовольствія? Ставили ли мы когда-нибудь на карту нашъ покой и нашу жизнь не изъ легкомысленнаго каприза, конечно, а для того, чтобы поддержать своей заботой существо, отдавшееся намъ? Отказались ли мы отъ счастья, если этотъ отказъ не служилъ хотя бы нашему удобству?“

Не признавая никакихъ моральныхъ и общественныхъ обязанностей, люди, созданные Шницлеромъ, обнаруживаютъ свой эгоизмъ даже въ такіе моменты, когда и обыкновенные смертные становятся героями.

Въ пьесѣ „Покрывало Беатриче“ болонскій герцогъ Бенгивольо, со всѣхъ сторонъ осажденный войскомъ Цезаря Вурджіа, спѣшить устроить веселый маскарадъ, выбираетъ себѣ герцогиню на часъ и приглашаетъ подданныхъ на грандіозную вакханалію. Въмѣсто того, чтобы мужественно стать въ ряды войска, поэтъ Филиппо-Лоски предпочитаетъ трусливо бѣжать изъ города, и, когда возлюбленная ему измѣняетъ, весело проводить время съ двумя куртизанками и постыдно кончаетъ съ собою. Въмѣсто того, чтобы вдохновить своей красотой близкихъ ей людей къ героической отвагѣ, Беатриче только и думаетъ о томъ, чтобы стать женою герцога, предварительно отдавшись любовнику.

Въ этомъ легкомысленномъ игрании жизнью, въ этомъ упрямомъ культѣ своихъ инстинктовъ и страстей, въ этомъ дерзкомъ афишированіи принципа: *après nous le déluge*, въ этихъ чертахъ, свойственныхъ

почти всемъ людямъ, созданнымъ Шницлеромъ, превосходно обрисована психологія извѣстныхъ группъ современнаго западнаго общества, смутно-сознающихъ, что онѣ танцуютъ на вулканѣ, который не сегодня-завтра выкинетъ огненные массы лавы и поглотитъ ихъ въ своемъ безопадномъ жерлѣ.

В. Фриче.

Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Пер. съ нѣмецкаго М. Лемберга, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге.

Небольшая книжка Кюльпе представляетъ рядъ лекцій, читанныхъ въ 1901 г. для народныхъ учителей, и ставитъ своею задачей дать сжатую и популярную характеристику главныхъ направленій современной нѣмецкой философіи. Таккихъ направленій Кюльпе различаетъ четыре: позитивизмъ, материализмъ, натурализмъ и идеализмъ. Къ сожалѣнію постановка основныхъ задачъ философіи, опредѣляющая собою эту классификацію, не отличается достаточною ясностью.

Съ одной стороны Кюльпе признаетъ, что философія, стремясь быть „дополненіемъ“ науки, не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакихъ методовъ и никакихъ источниковъ познанія, кромѣ тѣхъ, которыми пользуется сама эмпирическая наука (стр. 29 и др.):—такимъ образомъ метафизика какъ будто вполне отождествляется съ наукой. Съ другой стороны, по мнѣнію того же Кюльпе, неудовлетворенность однимъ только научнымъ познаніемъ составляетъ характерную особенность той философіи, которую онъ называетъ „индуктивной“ или вообще „идеализмомъ“ и пропагандируетъ въ противовѣсъ позитивизму, материализму и реализму. На стр. 77 мы узнаемъ, что основная проблема философіи, проблема „реальности“ имѣетъ дѣло съ „самостоятельными существами, независящими отъ нашего мышленія, слуха, зрѣнія и пониманія, т. е. съ существами“, выходящими, очевидно, за предѣлы внутренняго и вѣшняго опыта,—а на стр. 30 авторъ ограничиваетъ область идеалистической философіи „всею совокупностью эмпирическаго познанія и изслѣдованія“.

Такия противорѣчія или, по меньшей мѣрѣ, неясности очень многочисленны въ видѣяхъ Кюльпе; они обусловлены не краткостью изложенія или случайно неудачными формулировками, но принадлежать къ самому существу исповѣдуемой авторомъ „индуктивной“ философіи. Эта послѣдняя, желая постигнуть трансцендентную сущность міроздаанія при помощи однихъ только научныхъ методовъ, ставитъ передъ собой противорѣчивую задачу и естественно развиваетъ среди своихъ сторонниковъ совсѣмъ не

философскую тенденцію сглаживать и затушевывать коренное различіе между метафизикой и наукой. Хотя Кюльпе принадлежит къ числу наиболѣе осторожныхъ адептовъ индуктивной метафизики, тѣмъ не менѣе неясность основной точки зрѣнія индуктивныхъ философовъ не могла не отразиться неблагоприятно на предлагаемой имъ классификаціи и характеристикѣ современныхъ теченій нѣмецкой философіи.

Такъ, совершенно правильно опредѣляя позитивизмъ, какъ ученіе, считающее проблему реальности фиктивной, Кюльпе совершенно неправильно относитъ къ позитивизму все неокантианство, тогда какъ въ лучшемъ случаѣ подъ указанное опредѣленіе могла бы быть подведена лишь небольшая группа неокантианцевъ. Критическія замѣчанія, направленные противъ Маха, какъ главнаго представителя современнаго позитивизма, бьютъ, по нашему мнѣнію, мимо цѣли. Кюльпе доказываетъ, что наука не можетъ быть простой копіей непосредственно „переживаемой“ нами дѣятельности. Но вѣдь Махъ вовсе не выставляетъ идеаломъ науки фотографію, наоборотъ, во всѣхъ своихъ работахъ онъ отводитъ очень почетное мѣсто конструктивнымъ элементамъ познанія. Вся разница между Махомъ и индуктивными философами состоитъ въ томъ, что первый „прѣнять“ научныя конструкціи не какъ средство къ раскрытію фиктивной „реальности“ („вещи въ себѣ“ тожъ), а лишь какъ орудіе, позволяющее подчинить эмпирію *практическимъ* потребностямъ людей. На эту идею Кюльпе не обратилъ никакого вниманія, хотя она является основнымъ руководящимъ принципомъ Маха въ его классическихъ работахъ по исторіи физики („Mechanik“ и „Wärmelehre“). Вообще позитивизму особенно не посчастливилось въ книжкѣ Кюльпе; какъ справедливо указываетъ въ своемъ предисловіи проф. Ланге, авторъ совершенно напрасно игнорируетъ наиболѣе крупнаго изъ современныхъ позитивистовъ—Авенариуса, и на мѣсто него, на ряду съ Махомъ, ставитъ Дюринга, философія котораго лишь съ очень большими оговорками можетъ быть названа позитивизмомъ.

Смѣшеніе науки и метафизики чрезвычайно ярко выступаетъ въ попыткѣ автора представить „натурализмъ“ (Фейербахъ, Штирнеръ, особенно Ницше) какъ практическую философію матеріализма. Матеріализмъ видитъ въ естественной наукѣ единственно возможное познаніе, натурализмъ въ естественныхъ склонностяхъ человѣка единственный критерій практики—такова аргументація Кюльпе, при этомъ онъ не замѣчаетъ, что матеріализмъ въ полномъ противорѣчій съ естественной наукой видитъ въ матеріи не эвристическую конструкцію, а сущность вещей, въ то время какъ натурализмъ типа Ницше въ полномъ согласіи съ позитивной наукой отвергаетъ невзвѣнную сущность въ наиболѣе интересной для человѣка вещи, въ са-

момъ человѣкъ. Отсюда тотъ страстный агитаторскій тонъ „натуралистовъ“ который такъ шокируетъ корректнаго нѣмецкаго профессора; „натуралистъ“, не видя основаній считать цѣнное для него содержаніе жизни сущностью человѣка, тѣмъ-то такимъ, что „заложено“ въ каждомъ человѣкѣ и можетъ быть „раскрыто“ холодной работой анализирующаго самопознанія, — естественно для натуралистической пропаганды остается лишь одинъ путь: увлечь за собой человѣчество, соблазнить его, зачать въ немъ *новое* чувство, т. е. *überreden*, а не *überzeugen*.

Промежуточную ступень между чистымъ позитивизмомъ и чистою метафизикой (куда слѣдуетъ отнести 1) матеріализмъ, 2) „индуктивный“, онъ же и „догматическій“ идеализмъ) представляетъ „теологическая“ или этическая школа неокантианства, для которой трансцендентное бытіе есть не проблема теоретическаго мышленія, а постулатъ практическаго разума, „нравственный міропорядокъ“. Кюльце ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ теченіи, и такой пробѣлъ тѣмъ болѣе чувствителенъ для русскаго читателя, что на нашей почвѣ акклиматизація нѣмецкаго идеализма совершалась именно въ кантіанско-этической его разновидности.

Наиболѣе интереснымъ и безусловно цѣннымъ для русскаго читателя является V отдѣлъ книги, дающій сжатое, но отчетливое представленіе о философіи Фехнера, Лотце, Гартмана и Вундта—представителей индуктивной метафизики. Это направленіе почти совершенно игнорировалось въ русской философской литературѣ послѣднихъ лѣтъ, гдѣ главное вниманіе привлекали къ себѣ идеалисты долга и ихъ противники. Кюльце не только излагаетъ воззрѣнія индуктивной метафизики, но и подвергаетъ ихъ критической оцѣнкѣ, зачастую очень мѣткой. Всею душой сочувствуя тенденціямъ „научной“ метафизики, авторъ, однако, не считаетъ удовлетворительной ни одну изъ созданныхъ ею системъ, и, какъ кажется, очень далеко еще отъ созданія собственной системы. Въ этомъ, конечно, его несчастье, какъ философа, но въ этомъ же на нашъ взглядъ счастье читателя его популярной книжки: только благодаря своему скептицизму, Кюльце могъ съ такою рельефностью обнаружить всю ненаучность притязаній современныхъ научныхъ или „индуктивныхъ“ метафизиковъ.

В. Базаровъ.

Гаральдъ Геффдингъ. Философскія проблемы. Пер. съ нѣмецкаго Г. Котляра. Цѣна 50 коп.

Внимательное отношеніе русскихъ переводчиковъ и русской читающей публики къ датскому философу Геффдингу—явленіе очень отрадное. Трудно найти въ настоящее время болѣе честнаго и вдумчиваго мыслителя, и

внимательное чтение Гефдингга никогда не пройдет без плодотворного следа ни для одного читателя, склонного къ философскому мышленію.

Новая книга Гефдингга (его публичныя лекціи въ переработанномъ видѣ) представляетъ изъ себя краткій экстрактъ всей философской работы его. Книга нѣсколько трудна для чтенія, потому что на 104 стр. разбирается серьезно и глубоко цѣлый рядъ важнѣйшихъ, коренныхъ проблемъ философіи. Но стоитъ поработать головой надъ такой книгой. Недавно вышедшія на русскомъ языкѣ небольшія книги Рила („Введеніе въ философію“) и Кюльпе („Современная Германская философія“) нѣсколько легче книги Гефдингга, но значительно поверхностнѣе. „Философскія проблемы“ могли бы носить названіе „Введенія въ философію“ съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ книга Рила.

Гефдинггъ насчитываетъ 4 основныхъ проблемы философіи: 1) проблема сознанія, 2) проблема познанія, 3) проблема бытія, 4) проблема оцѣнки.

„Первыя три проблемы“ говоритъ онъ, „могли бы быть поставлены и въ томъ случаѣ, если бы человѣкъ былъ лишь чисто-интеллектуальнымъ, только познающимъ существомъ. Четвертая проблема возникаетъ вслѣдствіе отношенія, въ которое человѣкъ становится къ бытію, какъ существо, чувствующее и имѣющее опредѣленную волю“.

Если мы совершенно абстрагируемся отъ того волевого отношенія, отъ той связи *интереса*, который существуетъ между нами и міромъ, если мы захотимъ *лишь познавать* его, относиться къ нему лишь какъ познающіе наблюдатели, то мы будемъ строить въ процессъ познанія то, что можно назвать всенаукой или *научной философійей*. Но Гефдинггъ считаетъ необходимымъ присоединить (въ отличіе отъ Авенаріуса) и четвертую проблему. На нашъ взглядъ она должна стоять совершенно особнякомъ, и всякое смѣшеніе познанія съ оцѣнкой неизбежно вредно отзывается на успѣхахъ человѣчества (по крайней мѣрѣ теперь, когда методы научнаго познанія болѣе или менѣе выработаны). Если же стать на точку зрѣнія Гефдингга и слить воедино проблемы интеллектуальныя съ эмоціо-нальной-проблемой, то придется согласиться съ нимъ въ томъ, что философскія идеи „съ одной стороны могутъ быть попытками постановки извѣстныхъ проблемъ, обсужденія или разрѣшенія ихъ, а съ другой стороны ихъ можно разсматривать, какъ *симптомы извѣстныхъ тенденцій духовной жизни* людей; причемъ проявляется та внутренняя связь между личной жизнью и научными изслѣдованіями, которая, болѣе или менѣе ясно проявляясь во всѣхъ научныхъ областяхъ, особенно сильно выступаетъ, да и по сути дѣла не можетъ не выступать, когда мы приближаемся къ тѣмъ областямъ науки, которыя мы должны признать предѣльными для нея“.

Дѣйствительно индивидуальность ученика, въ смыслѣ его склонностей и темперамента, отнюдь не отражается на его теоріяхъ, между тѣмъ какъ учитель жизни именно тѣмъ и дорогъ, что черезъ посредство своихъ идейныхъ настроеній захватываетъ насъ, заражаетъ насъ своею повышенной, гениальной жизнью, своею манерой оцѣнивать и реагировать.

Отрицательно относясь ко всякому смѣшенію проблемъ познанія и оцѣнки, эмпириокритики и вообще современные позитивисты отнюдь не признаютъ проблему оцѣнки, отнюдь не отказываются разрабатывать ее. Гефдингъ совершенно правильно отмѣчаетъ, что сама оцѣнка можетъ быть объектомъ познанія, а само познаніе объектомъ оцѣнки, но именно познаніе то и учитъ насъ, что оцѣнка есть нѣчто совершенно ему постороннее, что оно констатируетъ явленія, а констатированіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ измѣниться ни на юту отъ того, одобряемъ мы ихъ или нѣтъ. Гефдингъ говоритъ о „предѣльныхъ областяхъ“ науки; дѣйствительно, тамъ, гдѣ опытъ кончается, проблемы еще продолжаютъ, но очевидно, что тамъ начинается область недоказуемыхъ гипотезъ: тутъ желаніе можетъ имѣть рѣшительную роль, некому и нечему препятствовать ему,—но въ глазахъ *познающаго* цѣнность этихъ, соображаемыхъ по рецептамъ нашего желанія гипотезъ равна нулю. Съ другой стороны, самая оцѣнка учитъ насъ относительно познанія, что оно является тѣмъ болѣе прочнымъ, надежнымъ оружіемъ человѣка въ борьбѣ со стихіями, тѣмъ чище оно, чѣмъ точнѣе и проще оно ориентируетъ.

Смѣшеніе обѣихъ точекъ зрѣнія у Гефдинга осторожное, но и оно является остаткомъ какого-то сентиментализма, недопустимаго въ дѣлѣ философіи.

Гефдингъ признаетъ *гениальнымъ* трудъ Авенаріуса „Критика чистаго опыта“. Онъ вообще близко подходитъ въ „Проблемахъ философіи“ къ точкѣ зрѣнія эмпириокритицизма. Относительно проблемъ сознанія онъ не соглашается съ требованіемъ Авенаріуса—подставлять въ цѣляхъ научной стройности независимые жизненные ряды (физиологическія явленія) вмѣсто отвѣчающихъ имъ зависимыхъ (субъективно-психическихъ явленій). Но Авенаріусъ, вѣроятно, согласился-бы со всѣми аргументами Гефдинга. Онъ и не думалъ отрицать важности установки законовъ (вѣрнѣе *правилъ*) чисто психологическихъ, находя лишь, что въ физиологіи легче установить непрерывную связность явленій, чѣмъ въ описательной психологіи, а съ этимъ конечно, согласится и Гефдингъ. Свои идеи объ отношеніи между физиологическимъ и психическимъ Гефдингъ резюмируетъ такъ, что эмпириокритикъ можетъ вполне съ нимъ согласиться. „Въ явленіяхъ психическихъ и физиологическихъ мы имѣемъ два ряда состояній или формъ состояній, которыя, какъ это показываетъ опытъ, варьируютъ въ известной взаимной связи,

привчем тѣмъ не менѣе невозможно вывести существованія одного ряда изъ существованія другого. Съ научной точки зрѣнія здѣсь возникаетъ по-этому задача изучить, насколько возможно полно и въ непрерывной связи, каждый изъ обоихъ рядовъ и показать, какіе опредѣленные члены одного ряда соответствуютъ опредѣленнымъ членамъ другого. Мы въ правѣ раз-сматривать члены одного ряда, какъ симптомы членовъ другого. То намъ болѣе доступно—и поэтому становится нашимъ исходнымъ пунктомъ—психическія состоянія, то—физиологическія. Тѣсная связь между этими двумя рядами состояній дѣлаетъ невозможнымъ сводить ихъ къ двумъ различ-нымъ „сущностямъ“ или „вещамъ“, кажется вполне естественнымъ раз-сматривать ихъ, какъ различныя формы проявленія одного и того же „существа“. Изъ того, что два свойства не могутъ быть выведены другъ изъ друга, мы не имѣемъ права заключить, что они принадлежатъ двумъ раз-личнымъ вещамъ, и именно тогда не имѣемъ права, когда они варьируютъ въ опредѣленной взаимной связи“.

Въ проблемѣ познанія Геффдингъ еще ближе къ прогрессивнѣйшей фи-лософской школѣ современности. Онъ совершенно присоединяется въ слѣ-дующему мнѣнію Максвелла.

„Прогрессъ точныхъ наукъ покоится на открытіи и развитіи цѣлесо-образныхъ и точныхъ представленій, съ помощью которыхъ мы можемъ создать себѣ въ нашемъ умѣ картину фактовъ, достаточно обширную, чтобы въ ней нашелъ выраженіе каждый отдѣльный случай, но и доста-точно точную, чтобы скрывать въ себѣ вѣрность заключеній, которыя мы изъ нихъ дѣлаемъ путемъ математическихъ вычисленій“.

Однако, Геффдингъ счелъ излпшнимъ протестовать противъ сведенія всей сущности познанія къ экономизаціи силъ. Противъ экономическаго прин-ципа Маха и Авенаріуса Геффдингъ выдвигаетъ два соображенія: 1) чело-вѣкъ стремится не только къ пониманію міра согласно принципу наимень-шей траты силъ, но и къ наиболѣе монистическому пониманію его; 2) онъ стремится къ пониманію, наиболѣе отвѣчающему дѣйствительности.

Изъ этихъ возраженій видно, что Геффдингъ не поиялъ экономическаго принципа Маха и Авенаріуса.

Что экономнѣе: 10 топоровъ или паровая лѣсопилка? Конечно 10 топо-ровъ легче сдѣлать, но работа ими будетъ гораздо менѣе производительна, чѣмъ работа машиной. Махъ и Авенаріусъ не учатъ скупости, иначе эко-номнѣе всего было-бы совсѣмъ отказаться отъ познанія,—они констатируютъ тотъ несомнѣнный фактъ, что въ борьбѣ теорій выдвываютъ и становятся господствующими тѣ, которыя оріентируютъ насъ въ мірѣ и руководятъ нашей дѣятельностью наиболѣе экономно, а таковыми, конечно, могутъ быть

лишь теорій, отвѣчающія дѣйствительности и сведенныя къ возможному единству.

Зато въ проблемѣ бытія Геффдингъ далеко отходитъ отъ точки зрѣнія передовыхъ позитивистовъ. Здѣсь онъ смѣшиваетъ, какъ этого и надо было ожидать, чисто научную космографію, наиболее точное, ясное, наиболее ориентирующее описаніе доступной нашему опыту вселенной, съ метафизикой, т. е. фантазій, символически изображающей недоступную намъ во всей своей дѣлности вселенную.

Мы вовсе не отрицаемъ значенія за символически-философскими поэмами (Геффдингъ самъ говоритъ, что такая *космологія* есть скорѣе *дѣло искусства, а не жизни*), но нельзя смѣшивать столь разныхъ вещей.

Геффдингъ совершенно правильно указываетъ на то, что наиболее интереснымъ (уже съ точки зрѣнія оцѣнки) является вопросъ о тенденціяхъ вселенскаго процесса. Наука отвѣчаетъ на этотъ вопросъ нѣсколькими гипотезами, не выходящими за рамки эмпирическаго. Такова Спенсеровская гипотеза эволюціи и ниволуціи, гипотеза вселенской смерти, какъ результата закона энтропіи и т. д. Наука здѣсь дѣлаетъ свое дѣло, давая сильный и безстрастный прогнозъ, предоставляя другимъ восхищаться природой, или негодовать противъ нея. Но совсѣмъ другое дѣло то, что предлагаетъ Геффдингъ: нарисовать намъ увлекательную картину вселенской жизни, по аналогіи съ какимъ-нибудь частнымъ явленіемъ, при чемъ Геффдингъ сильно склоняется въ пользу аналогіи съ индивидуальнымъ развитіемъ живого существа.

Дѣйствительно поэма даетъ много матеріала для такого построенія, но никакой дѣлности, кромѣ дѣлности художественной догадки, которую нельзя провѣрить, такое построеніе имѣть не будетъ. А между тѣмъ къ этому-то философскому искусству Геффдингъ привязываетъ свою *религіозную проблему*.

Религіозной проблемой Геффдингъ называетъ проблему объ отношеніи реальности къ дѣлности, т. е. о судьбѣ дѣлнаго въ глазахъ человѣка, о роли человѣчески-дѣлнаго во вселенной. Но здѣсь Геффдингъ уже совершенно упускаетъ изъ виду явную несообразность своего отождествленія проблемы о судьбѣ дѣлностей и религіи.

Поскольку существуетъ *проблема*, т. е. *вопросъ, сомнѣнія* — *постольку увѣренности* въ торжествѣ, или вѣчномъ развитіи дѣлности очевидно нѣтъ, а *эта увѣренность и есть религія*. Религія устраняетъ самую проблему, а проблема, самой постановкой своей, отмѣняетъ религіозную вѣру.

Въ своей „Философіи Религіи“ Геффдингъ шире ставилъ вопросъ о

значенія и сущности религіи: религія есть не проблема, а вѣра и дѣятельность ей отвѣчающая. Мы вполне можемъ вмѣстѣ съ Геффдингомъ признать возможность возникновенія великой позитивной религіи, но эта религія будетъ въ одномъ совершенно отлична отъ наивныхъ религіи: въ ней будетъ играть роль лишь *вѣра въ возможность* осуществленія великихъ цѣнностей, а не увѣренность въ ихъ неизбѣжности. Религія будущаго—это радостное осуществленіе великихъ, сверхличныхъ цѣнностей, *съ увѣренностью* въ томъ, что если всѣ онѣ даже исчезнутъ въ будущемъ, то самая дѣятельность, самое творчество цѣнностей оправдываетъ себя въ каждый данный моментъ тѣмъ счастьемъ, которое оно даруетъ.

Въ главѣ о проблемѣ цѣнности Геффдингъ близко подходитъ къ точкѣ зрѣнія „панидеализма“, развитой эмпириокритикомъ Гальцапфелемъ въ его книгѣ „Panideal“. Цѣльность при многообразіи провозглашается Геффдингомъ за высшій критерій цѣнности. Геффдингъ не замѣчаетъ, что всюду находя тенденцію къ принципиальному объединенію реально разнороднаго: въ познаніи, въ ростѣ личности, въ ростѣ обществъ и человѣчества, въ эволюционирующихъ мировыхъ системахъ и т. д.—онъ всюду имѣетъ дѣло съ *красотой* что онъ даетъ лишнее доказательство тому, что принципы выработали истины, принципы добра и органическаго и космическаго совершенства суть *эстетическіе принципы*, ибо въ нихъ многообразіе, сведенное къ высшему единству, даетъ богатую гармонію, или *красоту*.

Мы не можемъ останавливаться на множествѣ подробностей этой изумительно содержательной и поучительной книжечки въ 104 странички. Мы отмѣтили лишь то, съ чѣмъ мы согласиться не можемъ, или въ чемъ видимъ особенно яркое сближеніе Геффдинга съ эмпириокритицизмомъ и панидеализмомъ. Но въ книгѣ много интереснаго, совершенно незатронутаго нами: напр., выясненіе ирраціональныхъ элементовъ, неустранимыхъ изъ познанія, выясненіе современной теоріи причинности, которую авторъ называетъ „идеальнымъ понятіемъ причинности“ въ отличіе отъ *элементарнаго* Юмовскаго понятія. Вообще книгу можно горячо рекомендовать самому тщательному вниманію интересующагося философіей читателя. Впрочемъ, можно-ли не интересоваться философіей, разумѣя подъ нею то, что разумѣетъ Геффдингъ Человѣкъ, который не отдаетъ себѣ отчета въ своемъ отношеніи къ наукѣ, будущему, людямъ и міру, не можетъ претендовать на достоинство сознательнаго человѣка.

Переводъ удовлетворителенъ. Цѣна невысока.

А. Луначарскій.

Ж. Фино. Философія долговѣчности. Переводъ съ 7-го французскаго изданія О. А. Литинскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. 164 стр. Цѣна 60 коп.

„Владычица-смерть безжалостно царитъ надъ нашими радостями, печальми, горестями и надеждами. „Царица ужасовъ“ не перестаетъ терроризировать человѣческое сознаніе. Кошмаръ, древній, какъ божій міръ, продолжаетъ подавлять наши мысли и мечты, и смущать нашу жизнерадостность. Передъ нашими взорами постоянно проносится все то же мрачное царство, наполняющее насъ ужасомъ и дѣлающее насъ безконечно несчастными. И, задумываясь надъ призывомъ невѣдомаго, культурный человѣкъ нашего времени испытываетъ ту же дрожь, что и его пещерный предокъ, одолеваемый тѣми же приступами ужаса, сміянія и муки“.

Такъ начинается свое повѣствованіе авторъ, вызывая сразу въ читателѣ „страхъ и трепетъ“ и напоминая *lasciate ogni speranza...* Однако, далеко „не такъ страшенъ дьяволъ, какъ его малюютъ“, можетъ утѣшиться читатель, знакомясь съ успокоительнымъ тономъ книжки и вдохновляясь, благодаря увѣреніямъ Фино, убѣжденіемъ, что предѣлы жизни человѣка отнюдь не столь тѣсны, какъ мы думаемъ; что продолжительность жизни не только не уменьшается, но непрестанно возрастаетъ; что жизнь въ гробу есть лишь спокойное продолженіе земного существованія; что страхъ смерти не только ни на чемъ не основанъ, но губителенъ тѣмъ, что отравляетъ и сокращаетъ нашу жизнь, и, наконецъ, что самый процессъ умирания, ухода въ другой міръ сопровождается чувствомъ наслажденія, блаженства.

Книжка написана—если и не сказать „увлекательно“, то во всякомъ случаѣ—весьма интересно и читается съ удовольствіемъ, а мѣстами и съ пользою, такъ какъ выясняетъ легко и просто нѣкоторыя немаловажныя, болѣе или менѣе сомнительныя научныя положенія по отношенію къ затронутымъ авторомъ вопросамъ. При чтеніи книжки невольно напрашивается сравненіе ея со старой книжкой Нуаро, написанной лѣтъ тридцать тому назадъ и равнымъ образомъ трактовавшей на тему о человѣческой долговѣчности. Разница, однако, между обоими авторами та, что Нуаро болѣе объективенъ и является добросовѣстнымъ собирателемъ подходящихъ къ его темѣ историческихъ данныхъ, между тѣмъ какъ Фино, сообщая аналогичныя же данныя, оказывается постоянно субъективнымъ, оригинальнымъ и обогащаетъ науку личными мнѣніями, цѣнными для уясненія вопросовъ темныхъ, спорныхъ, словомъ—незаконченныхъ.

Авторъ отличается несомнѣннымъ талантомъ подбирать и сопоставлять

факты и научныя данныя въ цѣляхъ установленія извѣстныхъ положеній, и способомъ своей аргументаціи напоминаетъ не столько болтливыхъ и поверхностныхъ французовъ, какихъ мы привыкли встрѣчать въ группѣ популяризаторовъ, сколько ученыхъ, вооруженныхъ хорошимъ знаніемъ предмета и желаніемъ серьезно поучать читателя. Мѣстами, правда, авторъ увлекается свойственнымъ французу многоглаголаніемъ, тѣмъ не менѣе и тутъ искупаетъ онъ свой грѣхъ сообщеніемъ многочисленныхъ данныхъ, не лишенныхъ извѣстнаго интереса и поучительности. Возьмемъ примѣръ. „Чѣмъ больше размышляемъ“, говоритъ авторъ, „о меньшей жизненности мужчинъ, тѣмъ больше убѣждаемся, что эпитетъ „слабый полъ“, примѣняемый къ женщинамъ, лишень основанія. Правильнѣе было бы предположить, основываясь на данныхъ эмбриологіи, что женщина обладаетъ относительно большимъ количествомъ жизненныхъ элементовъ, нежели мужчина. Въ животномъ мірѣ достаточно кормить хорошо мать, чтобы увеличить число рожденій женскаго пола. Гусеницы бабочекъ и мотыльковъ, подвергаемыя голодавію, обращаются въ самцовъ. Съ другой стороны, достаточно питать хорошо овецъ (опытъ Жару), чтобы получить овечекъ, а не барашковъ“. И далѣе: „чѣмъ страна бѣднѣе, тѣмъ значительнѣе въ ней количество рожденій мужскаго пола. Послѣ каждой войны обѣднѣніе и ослабленіе обоихъ половъ ведетъ къ увеличенію мужской рождаемости. Въ англо-саксонской расѣ, считающейся наиболѣе сильною, наблюдается замѣтный перевѣсъ женской рождаемости. Влизицы, вынужденныя дѣлать между собою въ утробѣ матери доставляемое имъ питаніе и вслѣдствіе этого осужденныя на относительную слабость, почти всегда бывають мужскаго пола“.

Национальное свойство легкой увлекаемости пороку доходить, впрочемъ, у автора и до недозволенныхъ предѣловъ, если не сказать болѣе. Такъ, хорошо и обстоятельно доказывая безвредность для здоровья населенія кладбищъ, авторъ прямо и жестоко вооружается противъ сожиганія труповъ—мѣры, признаваемой въ послѣднее время за наиболѣе рациональную всѣми врачами и санитарами. Сожженіе, по его словамъ, являлось мѣрой исключительной и невозбѣжной при опустошительныхъ эпидеміяхъ или братоубійственныхъ войнахъ, но, зато погребеніе, т. е. сохраненіе тѣла и предоставленіе его процессу естественной эволюціи, является во всемірной исторіи, во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ странахъ, какъ естественное правило,—сожженіе же труповъ представляетъ исключеніе“. Вообще, глава книжки II—о безсмертіи тѣла—гдѣ описываются жизнь въ гробу, религія гробницъ и данныя противъ сожженія труповъ, составлена особенно тщательно и добросовѣстно, тѣмъ не менѣе многое въ ней вызываетъ на возраженіе, особенно данныя противъ кремаци, плохо обоснованныя

научно, но весьма любезны католическимъ защитникамъ торжественнаго отпѣванія и хороненія умершихъ.

Любопытно излагаются въ книжкѣ причины страха смерти, присущаго неразумнымъ и суевѣрнымъ, по мнѣнiю автора, людямъ. „Все и вся способствуетъ тому, чтобы сдѣлать смерть ужасной и страшной: религiи и ихъ пророки, моралисты, священники, народныя преданiя и предрассудки, литература, пѣсни, видѣнiя фанатиковъ, благочестивые люди и даже скептики. Все человѣчество, съ момента пробужденiя своей мысли, словно сговорилось сдѣлать изъ смерти наиболѣе страшное зрѣлище на землѣ“.

Допуская всю эту традиционную, такъ сказать, увѣренность мiра въ ужасающемъ и устрашающемъ характерѣ смерти, и доискиваясь ея причинъ, авторъ какъ-то особенно скоро приходитъ къ убѣжденiю въ заблужденiи по этому поводу человѣчества и старается утѣшить его законностью и предельностью смерти и необходимостью примиренiя съ нею всеми и каждому. Фино говорить: „Всемирная литература, способствовавшая созданию страха смерти, быть можетъ, когда-нибудь исправитъ свою ошибку, сдѣлавъ ее для насъ прiятной и привлекательной. При содѣйствiи религiозныхъ предрассудковъ она создала въ насъ столь жестокое представленiе о смерти, что и самые несчастные люди со страхомъ отворачиваются отъ нея. Находясь подъ внушенiемъ этой литературы, человѣчество съ ужасомъ закрываетъ себѣ лицо въ виду смерти. Но въ этомъ отношенiи люди обнаруживаютъ сходство съ дѣтьми, убѣгающими отъ пугала: тѣмъ больше мы стараемся убѣжать отъ нея, тѣмъ жесточе она гонится по нашимъ слѣдамъ, тѣмъ болѣе угрожающими становятся ея взгляды, и страшнѣе ея видъ. Постараемся же мужественно смотрѣть ей прямо въ глаза. Будемъ смѣяться надъ ея невѣдомыми угрозами и ея страшной маской,—и тогда она, вмѣсто того, чтобы быть жестокой и безчеловѣчной, какою мы представляемъ ее себѣ теперь, обратится въ милую и прiятную, простую и естественную, милосердную и сострадательную спутницу жизни, доно высшаго братства, въ которомъ сливаются воедино всѣ живыя существа природы“. Авторъ только забываетъ, что для того, чтобы такъ поступать, какъ онъ совѣтуетъ, надо имѣть хорошую, вѣрную нервную систему, имѣть характеръ и, главное, быть здоровымъ и жизнеспособнымъ. Въ умирающемъ же человѣкѣ мы чаще имѣемъ дѣло съ больнымъ, изнуреннымъ, расслабленнымъ существомъ, у котораго мозгъ работаетъ ненормально, и которому предсмертныя страданiя кажутся хуже самой смерти. Что послѣднiя секунды, а пожалуй и минуты жизни могутъ быть моментами умиротворяющими, моментами наслажденiя, это допустить еще можно, но что страхъ смерти неоснователенъ, и надо „мужественно смотрѣть ей прямо въ глаза“, съ этимъ согласиться едва ли было бы

справедливо. Страхъ смерти собственно не зависитъ отъ воли, произволенъ, и бороться съ нимъ немислимо. Не заходя далеко, мы указали бы автору хотя бы на появленіе этого страха у неврастенника. Человѣкъ вскакиваетъ ночью внезапно въ постели и мечется подъ страхомъ наступленія смерти. Онъ дико блуждаетъ по сторонамъ глазами, старается убѣдить себя въ неосновательности своего страха..., но тщетно: сердце его бьется усиленно, перебивается, замираетъ; дыханіе стѣснено, тягостно; конечности холодѣютъ, судорожно подергиваются, и мысли одна другой хуже, нелѣпѣе, страшнѣе овладѣваютъ воображеніемъ. И эта пытка длится иногда десятками минутъ, часами, пока не наступитъ реакція, и больной не придетъ въ себя отъ пароксизма. Мы не желали бы г-ну Фино испробовать на себѣ самомъ эту пытку и борьбу съ нею, но совѣтовали бы ему прочесть хотя бы трактатъ Флери о неврастеніи или сочиненіе Лэра о нервной слабости сердца; тогда онъ ознакомился бы съ тѣмъ, что такое страхъ смерти, и какъ человѣкъ оказывается въ извѣстныхъ болѣзненныхъ случаяхъ безсильнымъ въ борьбѣ съ этимъ страхомъ.

Глава V сочиненія, тракующая объ искусственномъ твореніи живыхъ существъ (объ искусственныхъ человѣчкахъ или homunculus'ахъ въ прошломъ и будущемъ), написана игриво, какъ бы ради развлечения читателя послѣ гнетущихъ мыслей о смерти, хотя она далеко не достигаетъ цѣли, намѣченной авторомъ. Наконецъ, глава VI (для влюбленныхъ въ жизнь—таково ея заглавіе) представляетъ общій обзоръ или общій выводъ сочиненія—тоже рассчитанная на вразумленіе и утѣшеніе читателя и тоже, по нашему мнѣнію, бьющая мимо цѣли.

„Если представляешь себѣ смерть, какъ „отвратительную пустоту“, то нечего удивляться тому, что она можетъ глубоко омрачить наше существованіе; но если мы будемъ представлять себѣ смерть, только какъ видоизмѣненіе жизни, то мы не только не будемъ ее бояться, но почти что полюбимъ ее“.

Таковы заключительныя слова автора, на которыя можно сказать: блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ.

Во всякомъ, впрочемъ, случаѣ, книжка Фино вполне заслуживаетъ прочтенія, особенно въ тѣ тяжелыя минуты жизни, когда настроеніе становится пессимистическимъ, и когда начинается одолевать страхъ смерти, не смотря на всю рѣшимость отнестись къ ней съ пренебреженіемъ и съ сохраненіемъ собственнаго достоинства.

А. Виреніусъ.

Эмиль Дюкло. Социальная гигиена. Пер. съ франц. Е. А. Предтеченскаго. СПб. 1904. Изд. Д. Голова и А. Вольшакова. Стр. 181.
Цѣна 1 р. 25 к.

Авторъ справедливо думаетъ, что будущее въ медицинѣ принадлежитъ гигиенѣ—личной, жилищной и общественной. Въ разсматриваемой книгѣ онъ останавливается на мѣрахъ предупрежденія болѣзней, имѣющихъ наибольшее общественное значеніе (оспа, тифозная горячка, болѣзнь рудокоповъ, чахотка, алкоголизмъ, сифилисъ) и послѣ разбора санитарныхъ мѣръ, уже принимаемыхъ противъ этихъ болѣзней, отбрасываетъ почти все и рекомендуетъ свои собственные. Нельзя не признать, что въ критической части работы авторъ гораздо убѣдительнѣе, вдумчивѣе и человѣчнѣе, чѣмъ въ части положительной, резолютивной. Среди „положительныхъ“ указаній автора заслуживаетъ полнаго вниманія, кажется, только два: указаніе на корпоративныя санаторіи (рабочихъ и другихъ организацій), какъ на единственно цѣлесообразную мѣру борьбы съ туберкулезомъ, и указаніе на необходимость ознакомленія дѣтей—въ семьѣ и въ школѣ—съ вопросами половой жизни. Насколько неотложно—нужна возможно болѣе широкая борьба съ туберкулезомъ, видно изъ приводимой авторомъ маленькой, но глубоко-поучительной справки: изъ 4-хъ людей, умершихъ въ городѣ, и изъ 8, умершихъ въ деревнѣ, одинъ умеръ отъ туберкулеза. Изъ 100 труповъ людей, умершихъ не отъ туберкулеза, мы у 60-ти находимъ ясныя признаки туберкулеза бывшаго; отсюда вѣрно замѣчаніе Гранше, что чахотка—наиболѣе неизлечимая болѣзнь изъ эпидемическихъ болѣзней. Что касается вопроса объ ознакомленіи дѣтей съ половой жизнью организма, то авторъ совершенно правъ, негодуя на лицемеріе общества, съ которымъ оно даже въ семьѣ и въ школѣ замалчиваетъ все, сюда относящееся, а потомъ скорбитъ и даже презираетъ юношей и дѣвушекъ, ставшихъ жертвами своего невѣжества и нездороваго любопытства.

Не останавливаясь подробно на каждой изъ главъ книги, мы хотимъ только указать на отдѣльныя мѣста въ ней, которая гораздо ниже славы Э. Дюкло, директора Пастеровскаго Института, и извѣстности Е. А. Предтеченскаго, какъ переводчика. На стр. 5-ой авторъ, рекомендуя отказаться отъ прямолинейности, съ которой люди отбрасываютъ всякую мѣру, разъ она не всегда и не вполнѣ достигаетъ цѣли, иллюстрируетъ эту вѣрную мысль такъ: „О прямолинейности не думали, когда люди въ отчаяніи... жгли жищовъ, обвиняя ихъ въ отравленіи воды въ колодцахъ. А тогда какъ разъ было время спросить, всегда-ли это средство бываетъ успѣшнымъ“. На стр. 31 авторъ, говоря о заразномъ началѣ тифозной горячки (тифъ? и, очевидно, брюшной, Л. В.), замѣчаетъ: „это начало заключается здѣсь

не въ продуктахъ шелушенія кожи (?) страдающаго, но въ веществахъ, выдѣляемыхъ его внутренностями“ (?). На той-же 31 стр. авторъ отрицаетъ иммунитетъ къ тифу, а на стр. 34 тифъ оказывается „почти (курсивъ здѣсь и ниже нашъ—Л. В.) не повторяющимся два раза“, такъ какъ онъ „сообщаетъ перенесшему ее... болѣе или менѣе значительную невосприимчивость“. На стр. 41 авторъ рекомендуетъ обществу, въ случаѣ отказа эпидемическаго больного отъ государственной помощи, „возбудить подозрительность въ прачкѣ, въ сосѣдяхъ“ къ этому больному. На стр. 43 авторъ, объясняя безплодность запретительныхъ санитарныхъ законовъ, видитъ причину этого въ „независимости и своеволи“ гражданъ. Буржуазный строй мыслей автора особенно сказался въ слѣдующей неприличной тирадѣ: „рабочія ассоціаціи замѣтили первыя эту опасность (болѣзнь рудокоповъ Л. В.)... это великій урокъ... всему обществу: они доказали, что въ извѣстномъ частномъ случаѣ интересы пролетаріевъ находятся въ хорошихъ рукахъ только тогда, когда пролетаріи занимаются ими сами... Не вижу, какія выгоды получило общество, уквѣпивъ въ ихъ умахъ это убѣжденіе“. На стр. 87 авторъ приписываетъ смертность дѣтей до 3-хъ лѣтъ „почти всецѣло“ туберкулезу; а сифилису? Стр. 90: туберкулезъ „несколько не считается ни съ широтой мѣста, ни съ высотой его надъ уровнемъ моря“ и тутъ-же, нѣсколько ниже: туберкулезъ „почти безразлично относится“ къ упомянутымъ факторамъ. Обоними этими указаніями совершенно ненаучно сводится на нѣтъ всякое климатическое лечение туберкулеза. Стр. 95: въ больницѣ „больной не имѣетъ ни на нее, ни въ ней никакихъ правъ ни на что: онъ принятъ въ нее изъ милосердія“. Не говоря уже о безграмотности и неуклюжести фразы, но на что-же идутъ больничные налоги? Стр. 96: больной во *всякой* больницѣ является будто-бы „машинной для обученія молодежи“. На стр. 118 авторъ считаетъ возможнымъ помѣстить въ изолированныхъ лечебницахъ вмѣстѣ съ больными туберкулезомъ дѣтьми и дѣтей „обреченныхъ на заболѣваніе имъ“ также. Стр. 120 „было бы въ высшей степени милосердно изгнать всѣхъ туберкулезныхъ изъ какого-либо государства... поселить ихъ всѣхъ на какомъ-нибудь островѣ... дезинфектировать (!) ихъ жилища и тѣмъ обезопасить остальное населеніе... Эта мѣра была бы такъ-же дѣйствительна и выгодна, какъ и истребленіе *всѣхъ бѣшеныхъ собакъ* въ нѣсколько дней“. Чтобы оправиться отъ опьянѣнія алкоголемъ, достаточно, оказывается, „выпить побольше воды или чая“ (стр. 187). Въ томъ, что авторъ говоритъ о „щекотливомъ“ предметѣ—сифилисѣ, онъ можетъ „извиниться только тѣмъ“, что представляетъ предметъ въ новомъ освѣщеніи (стр. 146). Заразный періодъ бленоррагин (гонорея? или ужъ во всякомъ случаѣ, бленоррея, Л. В.)... „иногда

тянется больше, чѣмъ такой-же періодъ сифилиса (стр. 155). Спорнымъ является положеніе (156), что зараженіе ребенка (плода? Л. В.) сифилисомъ происходитъ „отъ прямой передачи зародыша болѣзни“. Далѣе (стр. 159) гоноррея объявляется „столь-же губельной, какъ сифились, если не больше“; это — крайность, столь-же ненаучная, какъ и признаніе гонорреи вполнѣ невинной болѣзью. Стр. 160: „терапевтика (терапия? Л. В.) сифилиса является въ сущности предохранительной“; это совершенно невѣрно: сифились — одна изъ тѣхъ болѣзней, гдѣ наша лечебная терапия очень могущественна. Тутъ-же такая удивительная фраза: большинство публичныхъ женщинъ „въ смыслѣ незаразительности“ своего сифилиса объявляется здоровыми. На стр. 164 авторъ „согласенъ, что эта торговля (своимъ тѣломъ, Л. В.) не очень соотвѣтствуетъ нравственному велічію“. Далѣе онъ требуетъ, чтобы у проститутокъ „отнималась свобода ходить туда и сюда, какъ только онѣ начнутъ разносить и предлагать всѣмъ отравленные цвѣты“ и отъ имени общества обращается къ „такой цвѣточницѣ“ съ длинной, напыщенной и бездушной рѣчью, которую заканчиваетъ такъ: „я облагаю васъ налогомъ, какъ всѣхъ торговцевъ, и этотъ налогъ будетъ уже настоящимъ патентомъ“. Мы утомили читателя массой выписокъ, но намъ казалось нужнымъ отмѣтить многое именно въ виду авторитетности имени Дюкло, мы далеко, впрочемъ, не исчерпали всѣхъ мѣстъ въ книгѣ, вызывающихъ — скажемъ мягко — недоумѣніе. Часть вины падаетъ, конечно, и на переводъ, — небрежный, часто ненаучный и неграмотный. Языкъ книги часто раздражаетъ неумѣстной развязной хлесткостью; таковы выраженія: было бы недурно избѣгать кровопусканій, оспа такъ любезна, что..; Дизраэли давненько требовалъ этого; проволока... чувствуетъ лихорадку; зародыши... пожалуютъ въ Парижъ; провались они, эти ученые! и т. д. Примѣры безграмотности: неупорядоченность, здоровость, министр-во общественнаго образованія, водяное вѣдомство, отходникъ, зараза болѣзью, погубила туберкулезомъ, и т. д. Последнее выраженіе могло бы принадлежать и тому фельдшеру изъ солдатъ въ извѣстномъ анекдотѣ, гдѣ больной „охаеетъ ногой“.

Врачъ Л. Василевскій.

В. Н. Линдъ. Учить ли мужика или у него учиться? Изд. маг. „Книжн. Дѣло“. М. 1904 г. Цѣна 20 к.

„Всѣ общественные порядки и учрежденія, составляющіе насущную потребность образованныхъ людей, могутъ существовать прочно и развиваться лишь постольку, поскольку убѣжденіе въ ихъ необходимости будетъ корениться въ сознаніи народа“.—это, можно сказать, уже аксіома, уста-

новленная исторіей цивилизованныхъ странъ, и г. Линдъ совершенно правъ, когда, идя отъ этой истины, признаетъ, въ интересахъ „спокойно-прогрессивнаго“ движенія Россіи необходимость разрѣшить два вопроса: во-первыхъ, гдѣ причина „розни между народомъ и лучшими людьми нашей интеллигенціи“, во-вторыхъ, возможно ли и какъ именно устранить эту рознь и водворить связь. Вопросы, безспорно, очень важные, хотя совсѣмъ не новые. Вотъ уже нѣсколько поколѣній, въ лицѣ своихъ лучшихъ и искреннѣйшихъ представителей, работаютъ надъ ними; на алтарь единенія съ народными массами не мало жертвъ принесено... А все еще много правды въ словахъ автора, когда онъ скорбитъ, что между небольшой частью общества, выступившей впередъ, и остальной массой населенія, „которая вовсе не тронулась съ мѣста,—пустота и такое разстояніе, что ни тѣ, ни другіе не слышатъ и не понимаютъ другъ друга“. Мы думаемъ, что тутъ много правды, но не все правда, такъ какъ нельзя же отрицать тотъ фактъ, что черезъ пропасть, раздѣляющую народъ и образованные классы, уже перекинута узенькая досочка, главнымъ образомъ, тремя обстоятельствами. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ надо поставить новыя соціально-экономическія условія, вызвавшія—особенно въ послѣдней четверти минувшаго вѣка -- усиленное передвиженіе „мужика“ по всей Россіи въ поискахъ работы, ростъ контингента городскихъ и фабричныхъ рабочихъ, съ пополненіемъ его сельскими элементами, и большее общеніе между городомъ и деревней. Во-вторыхъ, какъ ни мало даетъ современная русская школа, все же было бы несправедливостью отвергать ея заслуги въ дѣлѣ подготовленія почвы для взаимнаго пониманія людей, стоящихъ на совершенно различныхъ ступеняхъ соціальной и образовательной лѣстницы. Наконецъ, въ третьихъ, роль болѣе серьезную въ этомъ отношеніи играетъ внѣшкольная культурная дѣятельность,—безкорыстная и вдохновляемая высокимъ принципомъ народнаго блага — со стороны передовой интеллигенціи, и берущая начало изъ мутныхъ источниковъ стремленія къ наживѣ или желанія отвлечь народную мысль то въ область частныхъ, мелочей жизни, то въ сферу отвлеченныхъ вопросовъ—со стороны другой части образованнаго общества,—культурная дѣятельность такъ или иначе, худо или хорошо, удовлетворяющая возрастающій среди крестьянъ и рабочихъ спросъ на книгу, на умственную пищу. Другое дѣло—какая пища предлагается въ большинствѣ случаевъ, какого рода сѣмена свободѣ, потому и обильнѣе сѣются въ народномъ умѣ, въ народной душѣ. Предѣлы замѣтки не позволяютъ доказывать нашу мысль рядомъ фактовъ, взятыхъ изъ жизни,—мы хотѣли лишь указать довольно замѣтное за послѣдніе 15—10 лѣтъ умственное и нравственное общеніе между „образованными людьми“ и „мужикомъ“.

Сожалѣя о томъ, что г. Линдъ не выдѣляетъ интеллигенціи изъ образованной части общества, благодаря чему то и дѣло вносятся путаница въ его сужденія,—мы не станемъ оспаривать понятіе, какое авторъ вкладываетъ въ слово „мужикомъ“—это не важно, — мы только считаемся съ нимъ. „Мужикомъ“ г. Линдъ называетъ и земледѣльца, совсѣмъ незнакомаго съ городской жизнью, и болѣе цивилизованныхъ, болѣе сознательныхъ и дальновидныхъ: кулака-торговца, подрядчика, питейщика, фабричнаго рабочаго, ремесленника, мѣщанина и т. п.,—такъ какъ всѣхъ ихъ объединяютъ одни и тѣ же основныя свойства ума и характера — цѣльность, практичность и конкретность представленій и отсутствіе абстрактныхъ понятій; въ мужицкой средѣ связь между жизнью и мыслью, теоріей и практикой очень крѣпка, но сама мысль слаба, кругозоръ мужика ограниченъ. Наоборотъ, характерной чертой нашихъ образованныхъ людей является раздѣленіе мысли и жизни, теоріи и практики,—обширная и развитая мысль оторвана отъ дѣйствительности, теорія часто мѣшаетъ практикѣ, „мы умѣемъ думать, а не дѣйствовать“.

Причина такихъ особенностей русской интеллигенціи заключается въ искусственности нашего образованія, его оторванности отъ жизни. Это психологическое различіе между мужикомъ и образованнымъ человѣкомъ, различіе въ основахъ міросозерцанія и ведетъ къ тому, что народъ не понимаетъ интеллигенціи, а послѣдняя не умѣетъ подойти къ народу. Иное въ западной Европѣ. Тамъ, увѣряетъ насъ г. Линдъ, „результаты чуждой мысли (классическихъ народовъ, арабовъ, евреевъ) воспринимались и перерабатывались *всѣми* общественными слоями и становились собственностью *всего* народа, ихъ получившаго, входя въ составъ его умственного и нравственного организма“ (стр. 20). „Самая образованность (на Западѣ) не была... роскошью, составляющею *привилегію* людей, имѣющихъ время и средства для чтенія книгъ, — она была потребностью *всего* общества, поэтому и *зарождалась* и *развивалась* она... вслѣдствіе разработки *всѣмъ* обществомъ тѣхъ насущныхъ вопросовъ, на которые оно наталкивалось самою жизнью“ (стр. 51).

Эта цитата (съ нашимъ курсивомъ), конечно, у всякаго вызоветъ вопросъ: какое именно время, какую именно страну имѣетъ въ виду авторъ, рисуя подобную идиллію? Мы не имѣемъ права подозревать, что г. Линдъ *такъ* представляетъ себѣ средніе вѣка или эпоху Renaissance'a. Сомнѣваемся, чтобъ рѣчь шла о томъ періодѣ, когда самый цвѣтъ „вѣка просвѣщенія“, напр., Руссо (*Considerations sur le gouvernement de Pologne*) и Кондорсе (*Reflexions sur l'esclavage des nègres*), требуя юридической свободы, какъ осуществленія естественнаго права человѣческой личности, въ то же время находили, что слѣдуетъ отпускать на

волю только тѣхъ рабовъ, которые заслужили этого своимъ хорошимъ поведеніемъ. Не идетъ же рѣчь о той эпохѣ, когда „властитель думъ“ великаго столѣтія, великій Вольтеръ утверждалъ, что „рабочій людъ долженъ вѣчно оставаться въ скотскомъ состояніи“, что „нужны люди, у которыхъ были бы только руки“ и которымъ слѣдуетъ лишь предоставить свободу продавать свой трудъ, — а народъ, говорилъ онъ, „это—быки, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ“; когда король философовъ находилъ „даже необходимымъ, чтобы существовали невѣжды“... Очевидно, „высшія сферы интеллигенціи“ тогда очень плохо понимали современнаго имъ „мужика“, изнемогавшаго на всемъ европейскомъ континентѣ подъ бременемъ налоговъ, сервитутовъ, хроническихъ гололовокъ, подъ тяжестью ярма, наложеннаго на него сеьорами и государственной властью; онѣ слишкомъ плохо понимали потребности своего народа, десятая часть котораго буквально нищенствовала, и нужды своей страны, гдѣ на фонѣ почти силовнаго невѣжества милліоновъ выдѣлялась сравнительно ничтожная кучка высокообразованныхъ людей... Но совершенно вѣрно, что въ Западной Европѣ второй половины XIX в. „стремленія, зарождающіяся въ низшихъ слояхъ народа, быстро становятся понятными въ высшихъ сферахъ интеллигенціи“... и что „сами образованные люди запада не представляютъ въ своемъ психическомъ строѣ той раздвоенности мысли и жизни и той неспособности активнаго отношенія къ послѣдней, которая замѣчается въ нашей интеллигенціи“. Этотъ фактъ, какъ и большую, сравнительно съ Россіей, равномерность распространенія образованія въ зап. Европѣ, г. Линдъ объясняетъ болшею плотностью населенія, въ связи съ которой находятся численное преобладаніе городского населенія надъ сельскимъ, а болѣе сложная и разнообразная городская жизнь является могучимъ факторомъ широкаго распространенія образованности. Отнюдь не отвергая значенія плотности населенія и развитія городской жизни, какъ благоприятныхъ условій для поднятія культуры народа, мы позволяемъ себѣ выразить удивленіе, что авторъ брошюры ни единымъ словомъ не обмолвился на счетъ самаго важнаго фактора въ дѣлѣ всеобщаго просвѣщенія и въ сферѣ взаимнаго пониманія образованныхъ классовъ и народа,—мы говоримъ о широкой самодѣтельности западно-европейскихъ обществъ и о сознательномъ участіи западно-европейскаго „мужика“ въ политической жизни своей страны. В. Н. Линдъ упрекаетъ нашихъ „либеральныхъ людей“ въ томъ, что они тяготеютъ къ умственнымъ центрамъ-городамъ. „Надо идти въ народъ“, убѣждаетъ онъ, но „сближаясь съ народомъ, надо видѣть въ немъ не средство, а цѣль... нужно не навязывать мужику своихъ взмысленій... а спросить его самого, чего онъ хочетъ... затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ провѣрить, соответствуютъ ли эти желанія нашему общечеловѣче-

скому идеалу: если да, то дѣятельно помогать ему въ ихъ осуществленіи, если нѣтъ, то понятнымъ для него образомъ убѣждать отказаться отъ нихъ... Пусть наша интеллигенція по возможности расходится по всей Россіи, пристраиваясь къ какому-нибудь практическому дѣлу... Вѣрующіе люди пусть идутъ въ сельскіе священники, знающіе медицину—въ земскіе врачи, умѣющіе учить—въ учителя; капиталисты пусть устраиваютъ въ провинціи фабрики и заводы, техники завѣдуютъ этими заводами и пр.“ (стр. 56—59).

Какой странѣ даете вы эти рецепты, г. Линдъ? Гдѣ живете вы, если не знаете хотя бы того всѣмъ извѣстнаго факта, что на каждое мѣсто земскаго врача и на каждое мѣсто учителя имѣются десятки кандидатовъ и кандидатокъ? Очевидно, вы парите слишкомъ высоко надъ русской дѣйствительностью, если не знаете, въ какихъ условіяхъ находится у насъ общеніе народа съ интеллигенціей, которая болѣе полувѣка состоитъ подъ особымъ подозрѣніемъ. Недаромъ даже вы не даете, примѣрно, такого совѣта: „селитесь среди народа въ качествѣ вольно-практикующихъ врачей и фельдшеровъ, устраивайте частные школы по деревнямъ, открывайте въ большомъ количествѣ хорошіе книжные склады и библіотеки для мужика въ городахъ и деревняхъ“. Казалось бы, чего же лучше для общенія съ „мужикомъ“! Правда, фабриканты и заводчики не встрѣчаютъ никакихъ роготокъ на своемъ пути къ народнымъ массамъ,—ихъ могутъ двинуть по этому направленію или остановить одни соображенія экономическаго характера... Но мы совсѣмъ не думаемъ, что дѣятельность этого рода культуртрегеровъ,—если помнить *объ* стороны медали,—безъ внесенія извѣстныхъ весьма серьезныхъ коррективовъ, приведетъ ко взаимному пониманію и взаимной помощи народа и интеллигента, что вслѣдъ за этимъ явится, какъ полагаетъ авторъ, *возможность всему русскому обществу устроить свою жизнь на началахъ справедливости, ведущихъ къ достиженію наибольшаго счастья для всѣхъ членовъ общества*“. Нѣтъ, г. Линдъ, чтобы вашъ—онъ же и нашъ—идеаль превратился въ дѣйствительность, прежде всего необходимо расчистить для него широкую дорогу. Розы не цвѣтутъ ни на снѣгу, ни въ темномъ, холодномъ подвалѣ... А вашъ и нашъ идеаль—такое растеніе, которое совсѣмъ не можетъ расти безъ обилія воздуха, безъ большого свѣта, ему нужны прежде всего просторъ и солнце, какъ можно больше простора и свѣта... Въ настоящее время только въ этомъ же—и рѣшеніе поставленныхъ вами двухъ вопросовъ, остальное все „приложится“...

Л. Л -- о.

Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Евр. и Сѣв.-Америк. Соединенныхъ Штатахъ. Томъ I. Редакція *Е. Смирнова*. Изд. Н. Глаголева. Спб. Ц. 2 руб. 25 коп. XXXII+322 стр.

Изданіе это вызвано серьезнымъ пробѣломъ въ русской литературѣ. У насъ имѣются классическія переводныя работы о государственномъ строѣ Англій и Америки, какъ книги Дайси и Врайса, есть превосходныя книги о государственномъ строѣ Франціи, какъ, напр., II томъ Эмена. Но эти книги уже по характеру изложенія доступны сравнительно ограниченному кругу читателей. Съ другой стороны, въ журналахъ и газетахъ разбросано не мало блестящихъ корреспонденцій, которыя даютъ яркія картины западной общественной жизни. Но не говоря уже о трудности разысканія ихъ по старымъ книжкамъ журналовъ, корреспонденціи все же остаются корреспонденціями, а не систематическимъ изложеніемъ предмета.

Такихъ работъ, какъ, напр., превосходная книжка Каутскаго: „Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung“ etc.,—соединяющихъ въ себѣ глубину научныхъ изслѣдованій съ публицистическою яркостью,—у насъ до сихъ поръ не было, да и не могло появиться. Курсы университетскихъ профессоровъ могли бы до извѣстной степени восполнить пробѣлы литературы. Въ теченіе нѣкотораго времени такъ оно и было въ дѣйствительности. Въ 60-хъ годахъ курсъ Лохвицкаго, четвертью вѣка позже—лекція Градовскаго имѣли серьезное значеніе въ дѣлѣ распространенія элементовъ политическаго образованія. Выдающуюся роль играли лекція М. М. Ковалевскаго въ московскомъ университетѣ, особенно „общая часть“ государственнаго права. Но съ университетскимъ уставомъ 1884 г. все это измѣнилось. Теперь можно окончить юридическій факультетъ, получить власть „вязать и разрѣшать“,—и оставаться круглымъ невѣждой во всемъ, что касается государственнаго права европейскихъ державъ. Можно даже быть профессоромъ русскаго государственнаго права,—и въ то же время имѣть лишь смутныя представленія о механизмѣ государственной жизни на Западѣ. Знакомство съ ней признано обременительной и даже вредной роскошью. Изученіе исторіи пытокъ на дыбѣ до чрезвычайности облегчаетъ профессорскую карьеру, а изслѣдованіе по исторіи англійскаго habeas corpus act'a, кромѣ неприяностей, ничего не принести. Такимъ образомъ важность изученія государственнаго права западныхъ странъ и у насъ получила недвусмысленное признаніе,—но только съ отрицательной стороны.

Каждая новая общественная группа, пробуждаясь къ сознательной жизни, вносить свои особые запросы, особыя требованія, особую точку зрѣнія въ изученіе вопросовъ политическаго устройства. Поэтому такъ

называемый „новый читатель“ можетъ не безъ интереса прочесть многія главы, напр., въ курсѣ Градовскаго, но, въ общемъ, книга все же оставить его равнодушнымъ, такъ какъ или не дастъ отвѣтовъ на самыя животрепещущіе для него вопросы,—или же отвѣтитъ на нихъ съ ограниченной точки зрѣнія „старыхъ“ общественныхъ классовъ.

При такихъ обстоятельствахъ идея изданія, заголовокъ котораго написанъ выше, заслуживаетъ самаго горячаго сочувствія. Все дѣло лишь въ томъ, каковъ детальный планъ изданія, и какъ ояъ будетъ выполнятъ.

Сборникъ даетъ очерки политической жизни во *всѣхъ* европейскихъ странахъ (и Сѣв. Америкѣ), даже въ такихъ, какъ Португалія, Греція и Румынія. Это представляется намъ излишнею роскошью. Если издатель не преслѣдовалъ такой цѣли, какъ создать справочникъ для читателей газетъ, а вышедшій томъ даже отдаленно не удовлетворяетъ тому,—было бы лучше остановиться лишь на немногихъ типичныхъ странахъ, но зато дать о нихъ болѣе солидные очерки, чѣмъ придется сдѣлать при теперешнемъ планѣ изданія.

Кромѣ того, на каждый томъ намѣчена въ качествѣ приложенія особая статья монографическаго характера. Такъ, во II томѣ будетъ статья „Пропорціональное представительство“, въ III—„Избирательное право“, въ IV—„Избирательная статистика“. Темы приложеній, думается мнѣ, могли бы имѣть болѣе общій характеръ, чѣмъ темы первой и особенно третьей статьи. Притомъ вторая и четвертая тема будутъ затрогиваться во всѣхъ статьяхъ сборника, и потому въ монографическомъ изложеніи предмета нѣтъ особой нужды. Напротивъ, статьи I тома поражаютъ чрезвычайной бѣглостью страницъ, на которыхъ упоминается объ организаціи такихъ конституціонныхъ правъ, какъ право личной свободы, свободы собраний и союзовъ, свободы слова, контроля надъ бюджетомъ, свободы отъ административнаго произвола и т. д. Короче говоря, уже I томъ, хотя въ него вошла глава объ Англіи, страдаетъ отсутствіемъ изложенія основныхъ принциповъ конституціоннаго права,—того, что сообщаетъ такую яркость II части превосходной работы Дайси, и что излагается обыкновенно въ связи съ государственнымъ строемъ Англіи. Читатели только выиграли бы, если бы вмѣсто статей, намѣченныхъ въ планѣ изданія, вмѣ были даны приложеніемъ лекціи М. М. Ковалевскаго, его „общая часть“ государственнаго права, литографированныя изданія которой не повторились съ первой половины 80-хъ годовъ и давно стали величайшей библиографической рѣдкостью. И по размѣрамъ эти лекціи были бы вполне пригодны для приложенія.

Переходя къ исполненію, мы можемъ говорить пока, разумѣется, только

о вышедшем I томѣ, представляющемъ четвертую часть всего изданія. Онъ открывається тяжеловато написаннымъ, но содержательнымъ предисловіемъ проф. Гамбарова. Оно имѣетъ методологическій характеръ. Проф. Гамбаровъ вполне основательно выступаетъ противъ абстрактно-формально-юридическаго метода въ разработкѣ государственнаго права. Бесплодность его хорошо демонстрируется нѣсколькими удачно выбранными иллюстраціями. Съ своей стороны г. Гамбаровъ выдвигаетъ „сравнительно-историческій“ методъ. Онъ полагаетъ, что параллельное изученіе политическихъ учреждений (и ихъ исторіи) многихъ или группы родственныхъ между собою народовъ можетъ „привести къ установленію общихъ имъ вѣсьмъ политическихъ теченій, типовъ учреждений и „общаго права“, различнаго отъ права „національнаго“. Проф. Гамбаровъ думаетъ, что, пользуясь сравнительно-историческимъ методомъ, наука вѣрнѣе всего придетъ къ построенію „общей политической теоріи“.

На мой взглядъ, въ этомъ позволительно сомнѣваться. Въ дѣйствительности „сравнительно-историческій“ методъ окажется какъ нельзя болѣе пригоднымъ для того, чтобы реакція противъ формально-юридическаго метода приняла такія формы, въ какія отлилась реакція противъ классической школы политической экономіи. Въ наукѣ воцарится синкретизмъ, всѣ силы направятся на чисто описательную дѣятельность, теорія будетъ заброшена. Разрѣшенія противорѣчій между абстрактно-юридическимъ методомъ, исходящимъ изъ произвольно установленныхъ апіорныхъ положеній, и между эмпиризмомъ, кропотливо собирающимъ факты и ничего больше, слѣдуетъ, кажется мнѣ, искать въ томъ же направленіи, въ какомъ Марксъ указалъ выходъ для политической экономіи. Работы Меркеля, не вполне чуждаго нѣкоторымъ идеямъ марксизма, по общей теоріи права, и работы публицистовъ марксизма показываютъ, что юридическія науки многого могутъ ожидать отъ приложенія метода Маркса ¹⁾.

Отмѣчу одну частность въ предисловіи. Упомянувъ о Германіи, г. Гамбаровъ говоритъ: „трехмилліонная масса избирателей ведетъ агитацію не за политическую свободу... требуетъ прежде всего экономическихъ реформъ и, приспособляясь къ управляющей ею полудеспотіи, заставляетъ эту послѣднюю служить своимъ классовымъ интересамъ“. Это, по меньшей мѣрѣ, большая неточность. О „приспособленіи“ вообще не можетъ быть рѣчи. Агитація, къ великому негодованію буржуазныхъ демократовъ, ведется прежде всего за политическую свободу, хотя и на почвѣ экономическихъ интересовъ. Либеральныя партіи послѣ всѣхъ выборовъ, и осо-

¹⁾ Мы смѣло упоминаемъ о публицистическихъ работахъ,—такъ какъ проф. Гамбаровъ обнаруживаетъ въ своемъ предисловіи широкіе, не „профессорскіе“ взгляды на публицистику.

бению послѣ недавнихъ, возмущаются тѣмъ, будто ихъ противники выдвигаютъ на первый планъ именно политическія реформы, оперируютъ прежде всего съ общ-демократической программой и такой „недобросовѣстной конкуренціей“ отбиваютъ приверженцевъ отъ либерализма. Возмущеніе это отливается иногда въ самыя комическія формы для посторонняго наблюдателя (напр., въ послѣдніе моменты избирательной борьбы 1903 года во Франкфуртѣ на Майнѣ). Пусть въ основѣ негодованія лежатъ извѣстныя преувеличенія; во всякомъ случаѣ его одного достаточно, чтобы не согласиться съ утвержденіями г. Гамбарова.

Но повторяемъ, предисловіе представляетъ само по себѣ очень цѣнную и содержательную работу. Но именно только само по себѣ, а не какъ предисловіе. Въ качествѣ такового, статья проф. Гамбарова, написанная безъ ознакомленія со статьями, вошедшими въ сборникъ, подготавливаетъ въ читателѣ чувство разочарованія. Проф. Гамбаровъ высказываетъ надежду, что сборникъ представитъ извѣстный вкладъ въ общественныя науки, сыграетъ роль подготовительной работы „для постройки будущаго зданія теоріи политической эволюціи“, дастъ матеріалъ для примѣненія того сравнительно-историческаго метода, о которомъ идетъ рѣчь въ предисловіи. Все это прекрасно, плохо одно: составъ I тома таковъ, что проф. Гамбаровъ по существу выставилъ требованія, которыхъ читатель въ дѣйствительности какъ разъ и не долженъ предъявлять къ сборнику. Ничего такого I томъ не дастъ и дать не можетъ.

Собственно говоря, не вполне удачно выбранъ и заголовокъ всей книги. Тѣмъ ожиданіямъ, которыя возбуждаетъ онъ въ читателѣ, удовлетворяетъ въ сущности только статья г. Звѣздича объ Австріи. Газетныя корреспонденціи автора слишкомъ часто свидѣтельствуютъ о недостаткѣ въ немъ того, что, пользуясь терминологіей стараго витализма, можно бы назвать „избирательной способностью“. Но статья въ сборникѣ лучше газетныхъ корреспонденцій г. Звѣздича. Она даетъ хорошій матеріалъ, недурно упорядоченный подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія.

Г. Сатуринъ приготовилъ читателямъ противоположную неожиданность. Въ свое время онъ далъ въ журналахъ, особенно въ „Жизни“, рядъ содержательныхъ корреспонденцій изъ Англіи. Но его статья въ сборникѣ („Англія“) стоитъ много ниже его журнальныхъ очерковъ. Въ ней недурны лишь первыя четыре главы, общими штрихами обрисовывающія государственный строй Англіи. Здѣсь можно бы, впрочемъ, возразить противъ нѣкоторыхъ частностей, напр., противъ характеристики англійской двухъ-палатной системы, противъ затуманыванія значенія палаты лордовъ, какъ реакціоннаго тормоза; можно бы пожалѣть, что авторъ почти не останавливается на той сторонѣ дѣла, которая характеризуется

выразительными словами „господство права“, искаженными у нас при мѣненіемъ къ совершенно несоотвѣтствующимъ отношеніямъ. Но несмотря на это, если бы вся статья была составлена такъ, какъ первая треть, мы признали бы ее въ высшей степени полезной работой. Однако начиная съ пятой главы, характеръ изложенія вдругъ измѣняется. „Я стоялъ на улицѣ и рассматривалъ огромныя избирательныя афиши“, пишетъ авторъ и дальше даетъ рядъ своихъ корреспонденцій, написанныхъ въ такомъ газетномъ стилѣ, который отчасти характеризуется только что приведенною фразой. Онѣ написаны живо, представляли интересъ въ свое время,—въ періодъ послѣднихъ общихъ выборовъ въ Англіи,—но были все же газетными корреспонденціями, никогда не игравшими такой роли, какъ „Письма изъ Верлина“ г. Юлоса, и потому можно было бы обойтись безъ ихъ перепечатки. И ужъ во всякомъ случаѣ надлежащее мѣсто имъ было бы не въ сборникѣ „Государственный строй“, а въ какихъ-нибудь „Картинахъ англійской общественной жизни“.

Третья и послѣдняя основная статья I тома написана г. Стекловымъ и посвящена Бельгіи. Рецензентъ „Рус. Вѣдомостей“, указывавшій на газетное происхожденіе статьи г. Сатурина, и статья г. Стеклова приписываетъ такое же происхожденіе. Я не припоминаю корреспонденцій г. Стеклова, но если его статья составила изъ корреспонденцій, его придется признать очень основательнымъ и очень тяжелымъ корреспондентомъ. Маленькое, всего въ 10 страницъ, введеніе дѣйствительно вводитъ въ статью. Страницы пестрѣютъ цифрами, для большей солидности разомъ даны три таблицы, быстро выдвигается „мажоритарная система“, „частичное обновленіе“, „пропорціональная система“, „выборы по листу“,—и все это безъ всякихъ поясненій. Послѣ популярной статьи г. Сатурина, которая и въ своемъ теперешнемъ видѣ окажется, вѣроятно, очень полезной для широкихъ круговъ читателей, статья г. Стеклова ставитъ вопросъ: для кого предназначается сборникъ, какъ цѣлое? Если мы припомнимъ еще предисловіе проф. Гамбарова, то признаемъ, что вопросъ этотъ не допускаетъ опредѣленнаго рѣшенія.—Другой основной недостатокъ статьи г. Стеклова вытекаетъ изъ того, что онъ видимо не зналъ, въ чемъ его задача: слѣдуетъ ли написать исторію политической жизни въ Бельгіи,—или дать очеркъ политическихъ отношеній въ современной Бельгіи. Поэтому у него получилась довольно спутанная, переполненная массой ненужныхъ подробностей, исторія современныхъ бельгійскихъ партій съ Адама. Достаточно опредѣленныхъ, рельефныхъ представлений о политическомъ строй Бельгіи статья г. Стеклова не даетъ.

Мы потому сравнительно подробно остановились на I томѣ сборника, что многое можно еще исправить въ слѣдующихъ томахъ изданія. Резю-

мира все предыдущее, мы сказали бы, что редакція слѣдуетъ: 1) точнѣе выяснить, для какихъ читателей предназначается сборникъ, какія цѣли преслѣдуетъ оный; 2) строже выработать общій планъ отдѣльныхъ статей; 3) предъявлять болѣе высокія требованія къ выполнению этого плана. Иначе серьезная потребность читающей публики на долгое время останется неудовлетворенной: появленіе всякой книги затрудняетъ появленіе книгъ, однородныхъ по задачамъ и содержанію. Можно еще пожелать, чтобы подборъ портретовъ, прилагаемыхъ къ сборнику, былъ болѣе мотивированнымъ. Статья объ Австріи, напр., сопровождается портретами мало интереснаго Гросса и еще менѣе интереснаго Лехера, который прославился главнымъ образомъ своей обструкціонной рѣчью-рекордомъ, и о которыхъ почти не упоминается въ текстѣ; но нѣтъ портретовъ Пернерсторфера и Дашинскаго, которые представили бы больше интереса для широкаго круга читателей.

Изданіе выполнено съ внѣшней стороны очень хорошо и стоитъ по подпискѣ замѣчательно дешево—5 руб. за четыре большихъ тома.

И. Степановъ.

Е. Бутми. Развѣтїе государственнаго и общественаго строя Англіи. Пер. подъ редакціей М. Н. Покровскаго. М. 1904. („Научно-образовательная бібліотека“). 181 стр. Ц. 40 коп.

Основная идея книжки Бутми можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ. Приблизительно до XVIII вѣка Англія не знала никакихъ социальнихъ конфликтовъ, а только сравнительно поверхностныя, религіозныя и политическія противорѣчія. Между различными общественными группами установились незамѣтные, постепенные переходы. Англійское общество характеризовалось связностью и однородностью,—этими „вѣрными гарантіями социальной гармоніи“. Классовымъ противорѣчіямъ не было мѣста. Если нѣкоторые историки вскрываютъ подъ такой гармонической внѣшностью классовую борьбу (возстаніе Уота Тайлера! общественная движенія XVII вѣка!), то Бутми съ большой легкостью устраняетъ противорѣчія. Напр., даже сносъ дворовъ, экспроприація йоменовъ, разразившаяся въ XV—XVI вѣкѣ, пріобрѣтаетъ у него самый невинный характеръ: новые люди въ этомъ случаѣ „только (!) старались увеличить доходъ со своихъ помѣстій, выгадывая задѣльную плату“, и т. д. Какія же здѣсь общественныя противорѣчія? И такъ вездѣ и повсюду: несмотря ни на что, Англія до XVIII вѣка остается для Бутми идиллической страной социальной гармоніи.

Аграрная и промышленная революція XVIII вѣка быстро преворачиваетъ всѣ отношенія, безмятежный социальный миръ смѣняется социальной борьбой. Но и эта борьба изображается довольно односторонне: главнымъ образомъ въ формѣ борьбы между „промышленной и земледѣльской паціей“,—т. е. преимущественно между земледѣльческимъ капиталомъ, захватившимъ для себя важныя привилегіи, и промышленнымъ капиталомъ, выступающимъ противъ *этихъ* привилегій. Какъ бы то ни было, страницы, изображающія противорѣчія двухъ „націй“, принадлежать къ числу представляющихъ наибольшій интересъ.

Что касается дальнѣйшаго развитія общественныхъ противорѣчій — противорѣчій развитаго капиталистическаго общества,—сужденія о нихъ обнаруживаютъ въ авторѣ типичнаго французскаго буржуа, который все еще не оправился отъ страха, нагнаннаго на него парижской коммунаю. Во всемъ—даже въ знаменитыхъ законахъ о бѣдныхъ—онъ выноживаетъ „социализмъ“, все—даже скромное Фабианское Общество—приобрѣтаетъ въ его глазахъ угрожающее значеніе.

Такое общая схема книжки Бутми. Изъ этого видно, что авторъ дастъ натянутую, тенденціозную исторію Англіи. Основной недостатокъ книги едва ли искупится яркимъ изложеніемъ и нѣсколькими безусловно удачными страницами.

Достоинствомъ книги является богатый фактический матеріалъ по исторіи государственнаго строя Англіи. Но и это достоинство часто переходитъ въ недостатокъ. Изложеніе теряется въ мелочахъ и деталяхъ, подробности, которыя требуютъ напряженнаго вниманія отъ читателя, подавляютъ общую мысль. Въ виду всего этого книжка окажется наиболѣе полезной для тѣхъ лицъ, которыя уже познакомились въ основныхъ чертахъ съ экономической и политической исторіей Англіи. Книжка Бутми уже была издана г. Клюкинымъ въ очень плохомъ переводѣ. Переводъ въ разбираемомъ изданіи вполне добросовѣстный. Можно бы только пожелать, чтобы примѣчаній было побольше и чтобы сдѣланы были хотя бы маленькія поясненія при такихъ словахъ, какъ *income tax*, *estate duty* и многихъ другихъ, оставшихся безъ перевода.

И. Степановъ.

А. В. Зеленинъ.—Очерки изъ животнаго царства. Животныя въ мѣсахъ, преданіяхъ, исторіи и биологіи. Спб., Изд. П. П. Сойкина. Стр. 179. Ц. 1 р.

Какъ уже можно судить изъ выписаннаго выше полнаго заглавія этой книги, авторъ поставилъ себѣ цѣлью соединять матеріалы крайне

различныя, именно, историческія, мнѣніескія и біологическія данныя относительно нѣкоторыхъ животныхъ. Насколько такое соединеніе можетъ быть удачно, — это уже въ самомъ принципѣ является крайне спорнымъ вопросомъ. Конечно, историческія данныя, напр., относительно нападенія львовъ на войска Ксеркса, или историческія данныя относительно участія львовъ въ коллизейскихъ зрѣлищахъ, дають біологу очень цѣнныя матеріалы для сужденія о недавнемъ распространеніи этого вида; но мнѣніескія сказанія, преданія и др. плоды суевѣрія, по большей части, останутся для біолога мало пригодными. Конечно, для біолога быкъ Посейдона, который былъ укрощенъ Геракломъ, или минотавръ Тезея, можетъ быть полезнымъ указаніемъ въ его изысканіяхъ; но большинство мифовъ и сказаній врядъ ли будутъ для него полезны. Очень трогательно польское преданіе о большомъ преступникѣ Мадеѣ, который, терзаемый ужасомъ грядущаго наказанія, воткнулъ предъ собою въ землю боевую палицу и молился предъ нею колѣнопреклоненный. Много лѣтъ онъ молился такъ, колѣна его вросли въ землю, палица разрослась въ огромное дерево, дерево принесло яблоки, яблоки, наконецъ, превратились въ голубей и т. д.; но какой толкъ изъ всего этого для того, кто интересуется природою, растеніями и животными, а не поэтическими воззрѣніями славянъ на природу? Если даже мы признаемъ, что для ученыхъ біологовъ весь этотъ матеріалъ представляетъ цѣнность, то его значеніе для тѣхъ, кто интересуется просто естественной исторіей животныхъ, крайне сомнительно.

Въ этой комбинаціи матеріала мы видимъ первый недостатокъ книги.

Не въ пользу книги служить также и случайность подбора естественнo-историческаго матеріала. Голубь, змѣя, быкъ, орелъ, соколъ, коршунъ, ястребъ, пчела, кошка, паукъ—вотъ точный перечень того матеріала, которымъ исчерпывается содержаніе книги. Чѣмъ авторъ руководствовался въ выборѣ этого матеріала, почему онъ остановился, напр., на семействѣ кошекъ, а не на семействѣ псовыхъ—это загадка. Если бы авторъ выбиралъ предметъ для своихъ бесѣдъ не случайно, а положилъ бы въ основу своей книги какой-нибудь болѣе или менѣе разумный принципъ, то книга отъ этого несомнѣнно бы выиграла.

Въ общемъ книжка является довольно интересной, изложеніе иногда идетъ очень живо, иногда оно становится тяжеловатымъ, особенно, когда дѣло касается передачи суевѣрій различныхъ народовъ, которыя перечисляются съ большимъ усердіемъ. Встрѣчаются и неудачныя мѣста, изъ которыхъ для образца я приведу одно. „Родиной быка, одного изъ самыхъ полезныхъ для человѣка животныхъ на землѣ, слѣдуетъ признать чрезвычайно обширную территорію: всю Европу и Африку, Среднюю и Южную Азію и Сѣверную Америку. Что же касается Южной Америки и Австраліи,

то здѣсь туземнаго вида этого животнаго не было, въ настоящее же время и здѣсь разведены человѣкомъ огромнѣйшія стада этихъ животныхъ“ (Стр. 68). Понистивъ территорія обширная! Если поэтъ вѣкогда сказалъ: „Намъ цѣлый міръ чужбина, отечество намъ Царское Село“, то здѣсь мы имѣемъ вѣчто совершенно обратное: почти весь свѣтъ здѣсь родина, а чужбина—лишь небольшой участокъ земли.

Н. Малышевъ.

Ив. Θεоктистовъ. Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. Изданіе второе, дополненное. С.-Петербургъ. Изданіе П. П. Сойкина. Цѣна 1 р. 50 к.

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Опытъ руководства для систематическаго чтенія. Выпускъ 1-й. Книги для дѣтей младшаго и средняго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ). Третье изданіе. Цѣна 50 к. Нижній Новгородъ. 1903 г.

Обѣ книги, заглавія которыхъ мы сейчасъ привели, затрагиваютъ вопросъ чрезвычайно важный для родителей и педагоговъ. Онъ всегда вызывалъ и будетъ вызывать массу споровъ и недоумѣній; споры эти такъ и остаются нерѣшенными, а недоумѣнія невыясненными, можетъ быть, потому, что бывають только частичныя попытки рѣшенія вопроса, а къ систематизаціи наблюденій надъ дѣтскимъ чтеніемъ мало кто приступалъ. Дѣло въ томъ, что область слишкомъ широка, поле наблюденій черезчуръ обширно, оттого и выводы могутъ казаться случайными. Вотъ почему особенно нужны книги, пробующія наконецъ ввести хоть нѣкоторую систему въ сферу разбросанныхъ тамъ и сямъ опытовъ и наблюденій. Я знаю многихъ родителей и воспитателей, которые съ поватной жадностью человѣка, давно искавшаго необходимой пищи, берутся за труды гг. Θεоктистова и Лебедева. Вѣдь теперь не мало встрѣчается отцовъ и матерей, которые хорошо понимаютъ, что не всякая книга, имѣющая въ заголовкѣ слова „для дѣтей“, дѣйствительно годится для „малыхъ сихъ“, и лучшимъ подаркомъ къ празднику служить не всегда та, которая красуется въ золотообрѣзномъ переплетѣ и снабжена яркораскрашенными картинками. Родители, добросовѣстно относящіеся къ этому дѣлу, давно желали имѣть хорошій указатель пригодныхъ дѣтскихъ книгъ и руководство, гдѣ бы они могли найти отвѣты на вопросы, являющіеся у нихъ при наблюденіяхъ надъ читающими дѣтьми. Хорошо, что этотъ ошутительный пробѣлъ уже нѣсколько пополненъ.

Сборникъ г. Θεоктистова содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: „Та-

лантливый ребенок“, „Роль литературнаго чтенія въ воспитаніи извѣстныхъ писателей“, „О семейныхъ библіотекъ“, „Сказки, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія“, „О книгѣ для маленькихъ дѣтей“. Уже самыя названія статей говорятъ намъ о томъ, что въ нихъ затронуты интересныя, животрепещущія темы. Въ авторѣ видѣнъ хозяинъ своего дѣла, любящій и его, и самихъ дѣтей, собравшій массу цѣннаго матеріала, много и съ большой пользой наблюдавшій маленькихъ читателей, знакомый и съ литературой даннаго вопроса, что также не маловажно. Въ силу таково продолжительнаго и основательнаго знакомства съ предметомъ, авторъ быстро и вѣрно оцѣниваетъ каждую дѣтскую книжку. Но, цѣна предложеннаго матеріала, не всегда можно согласиться съ авторскими обобщеніями—это болѣе слабая сторона книги (въ чемъ, впрочемъ, самъ авторъ скромно сознается). Нѣкоторыя изъ этихъ обобщеній слишкомъ смѣлы, недостаточно обоснованы, другія уже стали ходячими истинами. Конечно, не надо забывать, что книга составлена изъ статей, напечатанныхъ въ разное время въ педагогическихъ журналахъ. Эпиграфъ Гальтона въ статьѣ „Талантливый ребенок“, говорящій о неодинаковости дѣтскихъ натуръ, кажется теперь сильно устарѣлымъ (кто же станетъ въ настоящее время оспаривать это мнѣніе?), но вѣдь статья написана лѣтъ семнадцать тому назадъ. Другое обобщеніе о болѣзненности талантливыхъ дѣтей и ихъ стремленіи къ одиночеству опровергается массой обратныхъ фактовъ: вспомнимъ хотя бы Пушкина, живого и общительнаго, всегда окруженнаго товарищами, оставшимися вѣрными ему и потомъ. Стремленіе къ одиночеству часто смѣшивается съ разборчивостью въ выборѣ друзей,—признакомъ талантливой, тонкой натуры. Самъ же авторъ говоритъ, что Шериданъ обожали его товарищи. Нельзя назвать удачнымъ и эпиграфъ изъ Гиббона: „Образованіе оказываетъ благотворное вліяніе только на однихъ счастливо одаренныхъ натуръ, для которыхъ оно почти излишне“. Въ этой формулѣ первая часть ея исключаетъ вторую: если образованіе для такихъ натуръ излишне, то въ чемъ же заключается его благотворное вліяніе на нихъ? Скорѣй можно признать ту несомнѣнную истину, что образованіе для таланта все равно, что культура для растенія: дикая яблоня и безъ ухода за ней даетъ яблоки, но они не могутъ сравниться съ тѣми плодами, надъ которыми потрудился садовникъ. Кто знаетъ, какимъ бы пышнымъ цвѣтомъ развернулось дарованіе Никитина, если-бъ онъ обладалъ образованіемъ Тургенева? Да и самъ Кольцовъ, можетъ быть, въ такомъ случаѣ вышелъ бы изъ тѣсныхъ рамокъ народной пѣсни. „Если у сокола крылья были связаны“, такъ именно отсутствіемъ образованія. Конечно, есть не мало примѣровъ, когда талантливый ребенокъ въ школѣ не только не считался выдающимся, но еще заслуживалъ названія ту-

пицы, но этимъ роль образованія не умаляется—здѣсь вина лежитъ на формальномъ отношеніи старой школы къ дѣтямъ. Умственная дисциплина необходима и таланту, а она дается только школой, конечно, хорошей школой. И въ дореформенной школѣ при ея огромныхъ недостаткахъ были и свои достоинства: попадались отдѣльныя личности, имѣвшія большое вліяніе на питомцевъ. Вспомнимъ благодарныя слова Пушкина:

„Куницыну дань сердца и вина!
 „Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
 „Положенъ имъ краеугольный камень,
 „Имъ чистая лампада возжена!“

Ушинскій съ любовью вспоминалъ о Новгородъ-Сѣверской гимназій, не стѣснявшей его природныхъ склонностей и дарованій.

Впрочемъ, нельзя не согласиться съ нѣкоторыми другими мнѣніями автора. Совершенно справедливо сказано, что маленькимъ дѣтямъ лучше бы всего обходиться безъ книги, а жить на волѣ, среди природы, вбирая въ себя лишь ея непосредственныя впечатлѣнія, но такъ какъ въ большихъ городахъ это невозможно, то приходится снабжать и 6—8 лѣтнихъ малолѣтокъ книгами, чтобъ уберечь ихъ отъ вредныхъ развлеченій, отъ не всегда желательныхъ наблюденій надъ жизнью взрослыхъ. По этому поводу г. Теокистовъ приводитъ слова Шелгунова о томъ, что для дѣтей такого возраста картинки необходимѣе книгъ. Воплощъ вѣрно и замѣчаніе автора о законности чтенія сказокъ дѣтьми. Что касается до боязни затягиванія этого чтенія, то подобнаго явленія, какъ очень рѣдкаго, опасаться не слѣдуетъ—дѣти скоро бросаютъ сказки и начинаютъ искать въ книгахъ болѣе реальнаго изображенія дѣйствительности. Если Бѣлинскій съ присущей ему страстностью возставалъ противъ сказокъ, то потому, что въ Николаевской Руси слишкомъ мало цѣнилось истинное знаніе, и черезчуръ сильно было стремленіе убаюкать юный умъ ложными представленіями о необычайномъ величій и благополучіи Россіи. Знаменитый критикъ съ горечью видѣлъ это, и отвращеніе къ этой фальшивой и вредной тенденціи читается между строками его грозной филиппики противъ сказокъ.

Въ концѣ своей книги г. Теокистовъ приводитъ мнѣнія извѣстныхъ писателей о дѣтскомъ чтеніи и дѣтской литературѣ, но странное впечатлѣніе производятъ здѣсь парадоксальныя слова Руссо о томъ, что „чтеніе—бичъ для дѣтскаго возраста“.

Что же касается до книжки г. Лебедева „Дѣтская и народная литература“, то она является не менѣе цѣнной, чѣмъ трудъ, о которомъ мы только что говорили. Приступая прямо къ дѣлу, авторъ ея предъявляетъ каждой

дѣтской книгѣ слѣдующія требованія: 1) чтобы она была понятна тѣмъ дѣтямъ, которымъ дается; 2) была интересна и живо написана; 3) отличалась художественной правдивостью; 4) вызывала подъемъ нравственныхъ чувствъ и любовь къ прекраснымъ, благороднымъ, возвышеннымъ образамъ. Цѣняя систему и въ дѣтскомъ чтеніи, авторъ классифицируетъ дѣтскія книги по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Трудъ; II. Семья; III. Выработка характера и убѣжденій; IV. Наблюденія подъ жизнью людей и общественные работники; V. Чему учитъ природа; VI. Прошлая и настоящая жизнь народовъ. Не взирая на такую классификацію, въ книгѣ отводятся болѣе мѣста практикѣ, чѣмъ теоріи: каталогъ преобладаетъ надъ мотивировкой. Однако, тамъ и сямъ разсѣяны вѣрные замѣчанія, какъ напр. о необходимости развитія въ дѣтяхъ просвѣщеннаго, терпимаго отношенія къ другимъ національностямъ, о пользѣ ранняго знакомства съ природой и т. п. Къ книгѣ, кромѣ того, приложенъ превосходный алфавитный указатель дѣтской литературы съ обозначеніемъ цѣнъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его можно смѣло рекомендовать для руководства и школѣ, и семьѣ: трудная задача выбора книгъ для дѣтей значительно облегчена намъ составителемъ этого полезнаго труда.

Н. Леонтьева.

Путешествіе вокругъ свѣта. Э. Р. Циммермана для русскаго юношества. 2-ое исправлен. и дополн. изданіе, одобренное для бесплатныхъ народныхъ читаленъ. Москва. Изданіе книгопродавца К. Н. Николаева. Цѣна 1 р. 25 коп.

Путешествіе Циммермана пользуется давно заслуженной извѣстностью, почему нельзя не порадоваться его второму изданію. Оно является исправленнымъ и дополненнымъ. Конечно, землѣвѣдніе идетъ впередъ, открытія слѣдуютъ за открытіями, города растутъ, являются то и дѣло новые центры промышленности и торговли, новые порты и даже новые продукты; колоніи волей или неволей мѣняютъ своихъ властителей, такъ что путевыя записки, насчитывающія болѣе десятка лѣтъ существованія, принадлежатъ, пожалуй, болѣе исторіи, чѣмъ географіи; потому первое изданіе труда г. Циммермана показалось бы теперь сильно устарѣвшимъ. Намъ приходилось уже говорить въ нашихъ прежнихъ рецензіяхъ, что русская литература путешествій совсѣмъ не богата замѣчательными произведеніями, во-первыхъ, потому, что русскіе большіе домохозяды, во-вторыхъ, оттого, что они очень любятъ говорить о себѣ и говорятъ въ такихъ случаяхъ „съ особеннымъ аппетитомъ“, какъ сказалъ Тургеневъ. Путешественники непремѣнно хотятъ докладывать читателямъ о состояніи

своего здоровья и настроенія, о томъ, что онъ ѣлъ, какъ онъ спалъ. Ему какъ будто и въ голову не приходитъ, что читающая публика интересуются болѣе тѣми странами, гдѣ онъ побывалъ, чѣмъ имъ самимъ. Но опять-таки не слѣдуетъ, чтобъ личность путешественника совершенно исчезала въ рассказѣ: надо только заботиться о томъ, чтобъ субъективный элементъ не бралъ перевѣса надъ объективнымъ. Ловко лавируя между этими Сциллою и Харибдой, авторъ счастливо избѣгаетъ обѣихъ крайностей; его рассказъ всюду живъ и интересенъ, говоритъ ли онъ о Новой Каледоніи, о Санъ-Франциско или о своей прогулкѣ подъ Ніагарой.

Самое изданіе оставляетъ желать многого: во первыхъ, оно дорого, тѣмъ болѣе, что въ книгѣ всего 174 страницы, и рисунки отсутствуютъ, хотя почему-то есть ссылки на нихъ (см. стр. 124), во вторыхъ, корректура слѣлана небрежно, есть много типографскихъ опечатокъ, но списка ихъ не приложено, многія собственныя имена исковерканы, напримѣръ Бухганвилъ вмѣсто Bougainville, Окгандъ вмѣсто Окхэндъ, попадаются даже простонародныя выраженія, какъ напр. *исній*.

Н. Леонтьева.

Проф. Г. И. Турнеръ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ (до прибытія врача). Курсъ лекцій, читанныхъ въ педагогическомъ музее военно-учебныхъ заведеній въ С.-Пб. Изд. 5-е. 1904. Ц. 80 к.

Н. Ф. Чигаевъ. Прив.-доц. Уходъ за больными. Практическое руководство для сестеръ милосердія. С.-Пб. Изд. Риккера. 1904. Ц. 50 к. Карманная книжка для сестеръ и братьевъ милосердія. Сост. д-ра *Б. Владыкинъ* и *Г. Арронетъ*. С.-Петербургъ. 1904. Ц. 1 р.

Проф. Э. Бергманъ. Первая хирургическая помощь. Перев. д-ра Лурье подъ редак. проф. К. Сапѣшко. Киевъ. 1904. Ц. 50 к.

Какъ только началась война на Дальнемъ Востоку, стали быстро выходить новыя или переиздаваться старыя брошюры, руководства, пособія и т. п., относящіяся къ вопросу о подавѣи первой помощи и объ уходѣ за больными и ранеными. Въ настоящее время не мало уже вышло такого рода трудовъ, и думаютъ, что еще будутъ новыя выходить. Къ числу недавно вышедшихъ сочиненій по интересующему насъ вопросу относятся и вышеуказанныя, о которыхъ мы и считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ.

Книжка проф. Турнера, вышедшая уже пятымъ изданіемъ является однимъ

изъ лучшихъ пособій между существующими по подаію первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Цѣль курсовъ, на которыхъ читались вышеуказанныя лекціи, сводилась къ тремъ главнымъ пунктамъ: 1) предостеречь слушателей отъ нѣкоторыхъ неразумныхъ приѣмовъ первой помощи; 2) изложить, на сколько опасны для жизни человѣка нѣкоторые изъ несчастныхъ случаевъ и заболѣваній, при которыхъ особенно необходимо немедленное прибытіе врача, и 3) ознакомить съ тѣми простыми средствами и приемами, которые каждый разумный человѣкъ сумѣетъ и долженъ примѣнить въ несчастіи. Всѣхъ лекцій шесть, при чемъ каждая изъ нихъ подраздѣляется на двѣ части—теоретическую и практическую, что имѣетъ существенное значеніе для слушателей и читателей. Несмотря на краткость изложенія, авторъ хорошо сумѣлъ расположить матеріалъ и вполне понятно, просто его изложить. Кромѣ того, для поясненія и большей наглядности въ текстѣ приложены прекрасно исполненные рисунки (60 рис.), которые дополняютъ достоинства книги проф. Турнера и дѣлаютъ ее доступною для каждаго сколько-нибудь образованнаго человѣка. Съ внѣшней стороны изданіе хорошее и по цѣнѣ не дорогое—80 к.

Книжка д-ра *Чигаева* хотя и назначается, какъ руководство для сестеръ милосердія, но, къ сожалѣнію, далеко не для всѣхъ и, тѣмъ болѣе, не для тѣхъ, которыя попадаютъ на эпидеміи, на голодовки и даже на войну. Предлагаемые авторомъ совѣты сестрамъ милосердія могутъ быть выполняемы у постели состоятельныхъ больныхъ или въ богато-обставленныхъ больницахъ, а не у обычныхъ больныхъ при будничной обстановкѣ. Всѣ рекомендуемыя авторомъ мелочи, хотя дѣйствительно имѣютъ значеніе при уходѣ за больнымъ, но далеко не выполнимы. Напр., мѣрамъ, влияющимъ на питаніе больного, посвящено 20 стр., и большая часть изъ нихъ останутся прекрасными совѣтами, въ родѣ того—какъ должны быть расположены кушанья на тарелкахъ, салфетки на столѣ больного и т. п.; „должно быть таково, чтобы общее впечатлѣніе получилось вязящее и „аппетитное“ (9 стр.); далѣе на столѣ стояли бы цвѣты, разнообразіе въ способѣ накрыванія стола и т. д. Говоря о соблюденіи опрятности—вещи весьма важной и необходимой въ уходѣ за больнымъ—авторъ категорически наставляетъ, чтобы больной не носилъ въ постели панталонъ и чулокъ (33 стр.). Да развѣ мыслимо, чтобы больной изъ простаго званія снялъ панталонъ? А при нашихъ холодахъ не только въ квартирахъ, но и нѣкоторыхъ больницахъ—безъ этихъ принадлежностей нельзя обойтись. Помимо такихъ совѣтовъ, которые невыполнимы на практикѣ, авторъ допускаетъ ошибки и съ научной стороны, напр., при дезинфекціи рекомендуетъ, между прочимъ, примѣнять пары сѣрнистой кислоты (47 стр.)—способъ, признанный непригоднымъ и уже оставленный. Далѣе—въ числѣ

мѣръ, вліяющихъ на сонъ, авторъ указываетъ на питье горячихъ напитковъ—вино или грогъ, горячее молоко и т. д. „для отвлеченія крови отъ мозга“ (65 стр.). Хотя тутъ немногими строками ниже говорится, что эти напитки дѣйствуютъ въ направленіи противоположномъ снотворному. Тогда не слѣдовало бы приводить этихъ двухъ совѣтовъ, совершенно противоположныхъ. А горячее вино или грогъ и тѣмъ болѣе, не могутъ содѣйствовать сну. Крайне мало говорится о мѣрахъ кровоостанавливающихъ. Всѣхъ главъ 13, и нужно замѣтить, авторъ очень подробно останавливается на всемъ, что относится къ уходу за больнымъ; написана книжка просто, читается легко и можетъ принести больницѣ услугу для сестеръ милосердія. Изданіе съ вѣшной стороны хорошее.

Другимъ свойствомъ отличается слѣдующая книжка, также предназначенная для сестеръ и братьевъ милосердія—составленная д-рами Б. Владыкинымъ и Г. Арронетомъ. Названная книжка—сжатый курсъ лекцій (шестинедѣльных), которыя были читаны слушателямъ въ Свято-Троицкой Общинѣ сестеръ милосердія. „Карманная книжка“ является крайне полезной, какъ справочный указатель для сестеръ и братьевъ милосердія, давая имъ возможность вспоминать необходимыя указанія при уходѣ за больными. Состоитъ она изъ двухъ главныхъ частей: 1) общей и терапевтической, и 2) хирургической. Въ первомъ отдѣлѣ, помимо краткихъ свѣдѣній объ анатоміи и физиологіи, а также о причинахъ болѣзней, инфекцій, объ обязанностяхъ сестры или брата милосердія, особенно много мѣста удѣлено инфекціоннымъ болѣзнямъ (71—112). Къ сожалѣнію, ничего не говорится о вѣтрянной оспѣ; далѣе—далеко не установлено о цынги, какъ болѣзни заразной—она есть результатъ исключительно недостаточнаго питанія и плохихъ гигиеническихъ условий. Во второй части—хирургической—излагаются анатомическія свѣдѣнія о костяхъ, суставахъ, мышцахъ, кожѣ и сосудахъ, а потомъ различныхъ поврежденіяхъ. Наиболѣе подробно говорится объ асептикѣ и антисептикѣ, какъ основѣ поданія первой помощи при всѣхъ поврежденіяхъ. Говоря о кровотеченияхъ, слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о носовыхъ кровотеченияхъ, которыя иногда угрожаютъ жизни. Въ главѣ объ ожогахъ авторы почему то совсемъ не упоминаютъ о примѣненіи соды, какъ одного изъ лучшихъ средствъ, въ особенности въ свѣжихъ случаяхъ первой и второй степени. Въ общемъ книжка составлена хорошо—кратко, ясно, существенное сказано все, и написана вполне литературнымъ языкомъ. Можетъ оказать большую услугу не только прослушавшимъ курсъ сестрамъ и братьямъ милосердія, но и каждому интеллигентному человѣку.

Книга проф. *Бергмана* „Первая хирургическая помощь“—опредѣляетъ уже ея содержаніе, т. е. въ ней помѣщены такія свѣдѣнія, которыя исклю-

чительно относятся до подавiя хирургической помощи. Состоятъ она изъ трехъ лекцiй, прекрасно исполненныхъ, всесторонне, въ тоже время сжато, исчерпывающихъ разбираемый имъ вопросъ не только съ теоретической, но и практической стороны. Авторъ, какъ извѣстный практикъ и ученый, сумѣлъ дать въ этихъ трехъ лекцiяхъ существенно все необходимое для ознакомленiя съ подавiемъ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Книжка проф. Бергмана необходима не только для низшаго медицинскаго персонала, или сестеръ милосердiя,—но и для врача—не специалиста хирурга. Есть въ ней много и новаго. Особенно подробно авторъ остановился на ушибахъ и ранахъ различныхъ частей тѣла. Говоря о поврежденiяхъ уха, авторъ указываетъ на раны, происходящiя отъ ударовъ палкой или ливнейкой, „употребляемыми въ цѣляхъ педагогическаго воздѣйствiя“, и такiя поврежденiя далеко не рѣдки. Къ сожалѣнiю, у нѣмцевъ такiя педагогическiя воздѣйствiя до сихъ поръ въ школахъ практикуются и, повидимому, особеннаго протеста не вызываютъ. Въ заключенiе авторъ говоритъ объ организацiи помощи въ городахъ и объ устройствѣ спасательной станцiи.

Нѣкоторыя шереховатости въ переводѣ не исключаютъ достоинствъ книжки проф. Бергмана, которая съ интересомъ прочтется.

Д. Никольскiй.

Быстровъ, М. Ѡ. Учебный курсъ исторiи новѣйшей русской литературы. (Изложенiе монографическое). Сборникъ чтенiй для учениковъ старшихъ классовъ гимназiй и реальныхъ училищъ. Спб. 1904. Цѣна 1 р. 50 к.

Необходимость оживленiя курса средней школы сознается въ настоящее время уже не только широкими кругами русскаго общества, но и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя. Разныя комиссiи и подкомиссiи при Министерствѣ за послѣднiе годы создали цѣлый рядъ проектовъ „реформы“. Но дѣло все какъ-то не идетъ на ладъ. Причинъ тутъ, конечно, много, но главная, по нашему мнѣнiю, заключается въ отсутствiи единства цѣли, того строгаго принципа, который бы съ неизбѣжной послѣдовательностью опредѣлялъ всѣ стороны реформы. Несостоятельность опубликованныхъ до сихъ поръ проектовъ очевидна хотя бы и изъ ихъ частой смѣны и противорѣчивости. Это общее положенiе дѣла особенно сказывается на измѣненiи программы преподаванiя исторiи русской литературы. Ученый Комитетъ Министерства желалъ и сохраненiя прежней программы (теорiя словесности въ VIII классѣ), и ознакомленiя учениковъ съ произведенiями

главнѣйшихъ русскихъ писателей второй половины XIX вѣка. Но какъ совмѣстить эти два курса, что выбрать изъ произведеній русской литературы послѣ Гоголя, наконецъ, съ какихъ точекъ зрѣнія нужно изучать послѣднія—оставалось или нерѣшеннымъ, или оспаривалось новыми комиссиями и новыми проектами. Такъ, напримѣръ, въ циркулярѣ отъ 4 ноября 1903 года, подписанномъ Министромъ Зенгеромъ, новѣйшая русская литература является, главнымъ образомъ, какъ матеріалъ для домашнихъ ученическихъ сочиненій; далѣе, въ этомъ проектѣ совершенно исключены Левъ Толстой и Достоевскій, ибо „дѣлать творенія неумолимо-строгихъ и мучительно-зоркихъ судей нашей совѣсти предметомъ класснаго разбора и бесѣды опасно рекомендовать“ (стр. 5); исключены, безъ объясненія причинъ, Некрасовъ, не рекомендованы и многіе романы Тургенева (напримѣръ, Отцы и Дѣти, Новь, Дымъ), драмы Островскаго (есть только Гроза и Вѣдность не порокъ) и пр. и пр.; что касается способа изученія немногихъ разрѣшенныхъ произведеній новѣйшей русской литературы, то, не предлагая ничего отъ себя, названный циркуляръ повторяетъ наставленіе „учебныхъ плановъ“ 1895 года: „дѣлать никакой надобности учителю стараться связывать отдѣльные историко-литературные факты, сообщаемые ученикамъ по поводу разбираемыхъ произведеній, потому что придуманная ad hoc связь между ними не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого научнаго значенія, а можетъ послужить лишь къ пустой тратѣ времени“ (стр. 3). Но вотъ для сравненія съ только что приведенными мѣтніями Ученаго Комитета 4 ноября 1903 года и въ подтвержденіе нашей мысли, выраженной въ началѣ замѣтки,—предложенія новаго проекта программы, разосланнаго въ гимназіи и реальныя училища Спб. учебнаго округа 3 іюня настоящаго года. Новая программа признаетъ за курсомъ новѣйшей литературы самостоятельное значеніе; предлагаетъ проходить его исторически; включаетъ въ него Вѣлинскаго, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевскаго; расширяетъ количество рекомендованныхъ раньше произведеній Тургенева, Островскаго и др. Наша цѣль—не оцѣнивать проекты Министерства, и въ послѣднемъ, напримѣръ, проектѣ не хватаетъ общей характеристики нашихъ западниковъ и славянофиловъ, беллетристовъ—народниковъ, Некрасова и мн. др., но мы не можемъ не отмѣтить, что, наконецъ то, можетъ быть, мы вступаемъ на правильный путь изученія нашей словесности, т. е. историко-литературный, ибо только этимъ путемъ можно дать почувствовать отличительную особенность нашей литературы—ее живую отзывчивость на явленія русской жизни всѣхъ слоевъ русскаго народа. Усваяя научно исторію русской литературы, т. е. въ связи съ условіями русской дѣйствительности и всякаго рода воздѣйствіями на писателя и самого писателя на общество, ученики, конечно, не будутъ ла-

шены и благотворнаго вліянія тѣхъ широко гуманныхъ идеаловъ, проповѣдниками которыхъ всегда были лучшіе русскіе писатели.

Какъ несовершенны новыя проекты программъ, такъ неудачны и новыя руководства, составленныя примѣнительно къ этимъ программамъ.

Одно изъ такихъ „примѣнительныхъ“ руководствъ названо въ заголовкѣ. Оно изложено „монографически“, т. е. внѣ всякой исторической перспективы; въ немъ нѣтъ Льва Толстого, Достоевскаго и нѣтъ многихъ и многихъ произведеній Тургенева, Островскаго и др., вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, которыя приведены въ программѣ 4 ноября 1903 г., къ которой, по собственнымъ словамъ, примѣнялся составитель; согласно съ духомъ вышеназванной программы, исключавшей неумолимо строгихъ судей нашей совѣсти и жизни, составитель объясняетъ геній Пушкина тѣмъ, что Пушкинъ „сынъ русскаго народа, духовная субстанція котораго такъ богата, что совмѣщаетъ въ себѣ духовныя субстанціи другихъ народовъ“ (18 стр.), или, напримѣръ, особенно рекомендуетъ „Бородинскую годовщину“ Вѣлинскаго (71 стр.), отъ которой самъ Вѣлинскій впоследствии отрещивался. Мы не говоримъ уже объ умолчаніяхъ составителя.

Такъ какъ основная точка зрѣнія программы 4 ноября 1903 г. на составъ курса и методъ прохожденія его совершенно устраняется новымъ проектомъ программы, не говоря уже о томъ, какъ обстоит дѣло въ самой наукѣ, то намъ не представляется надобности дольше останавливаться на „общемъ характерѣ“ учебнаго курса г. Быстрова. Перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ, не предусмотрѣннымъ въ циркулярѣ 1903 года.

Въ первой статьѣ („В. А. Жуковскій“) несогласно съ общепринятымъ нынѣ въ наукѣ положеніемъ Жуковскій названъ „первымъ поэтомъ, въ дѣятельности котораго романтизмъ нашелъ себѣ *полное, яркое* и дѣйствительно талантливое выраженіе“ (7 стр.).

Въ ст. „О воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина“, несмотря на патетическія фразы о способности перевоплощенія Пушкина, совершенно невыяснено, въ чемъ заключается англійскій характеръ пѣсни Мэри (Пиръ во время чумы) стр. 9 стр.

Ст. о Вѣлинскомъ крайне неуклюже скомпанована: къ чему длинная и скучная IX глава (сравненіе взглядовъ Вѣлинскаго и К. Аксакова на русскій героическій эпосъ)? Изложеніе теорій Шеллинга и Гегеля (44—45 стр.) туманное. Замѣчаніе о юношеской драмѣ Вѣлинскаго (52 стр.), могло бы быть точнѣе, если бы составитель принялъ во вниманіе изданіе г. Венгерова.

Въ ст. о Гоголѣ совершенно невѣрно заключеніе объ отношеніи комедій Гоголя „Ревизоръ“ и комедій Квистики „Пріѣзжай изъ столицы“. А. І. Мещенко въ статьѣ объ отношеніяхъ этихъ комедій (Сборникъ „памяти

не въ продуктахъ шелушенія кожи (?) страдающаго, но въ веществахъ, выдѣляемыхъ его внутренностями“ (?). На той-же 31 стр. авторъ отрицаетъ иммунитетъ къ тифу, а на стр. 34 тифъ оказывается „почти (курсивъ здѣсь и ниже нашъ—Л. В.) не повторяющимся два раза“, такъ какъ онъ „сообщаетъ перенесшему ее... болѣе или менѣе значительную невосприимчивость“. На стр. 41 авторъ рекомендуетъ обществу, въ случаѣ отказа эпидемическаго больного отъ государственной помощи, „возбудить подозрительность въ прачкѣ, въ сосѣдяхъ“ къ этому больному. На стр. 43 авторъ, объясняя бесплодность запретительныхъ санитарныхъ законовъ, видитъ причину этого въ „независимости и своеволи“ гражданъ. Буржуазный строй мыслей автора особенно сказался въ слѣдующей неприличной тирадѣ: „рабочія ассоціаціи замѣтили первыя эту опасность (болѣзнь рудокоповъ Л. В.)... это великій урокъ... всему обществу: они доказали, что въ извѣстномъ частномъ случаѣ интересы пролетаріевъ находятся въ хорошихъ рукахъ только тогда, когда пролетаріи занимаются ими сами... Не вижу, какія выгоды получило общество, укрупнивъ въ ихъ умахъ это убѣжденіе“. На стр. 87 авторъ приписываетъ смертность дѣтей до 3-хъ лѣтъ „почти всецѣло“ туберкулезу; а сифились? Стр. 90: туберкулезъ „нисколько не считается ни съ широтой мѣста, ни съ высотой его надъ уровнемъ моря“ и тутъ-же, нѣсколько ниже: туберкулезъ „почти безразлично относится“ къ упомянутымъ факторамъ. Обоиими этими указаніями совершенно ненаучно сводится на нѣтъ всякое климатическое леченіе туберкулеза. Стр. 95: въ больницѣ „больной не имѣетъ ни на нее, ни въ ней никакихъ правъ ни на что: онъ принятъ въ нее изъ милосердія“. Не говоря уже о безграмотности и неуклюжести фразы, но на что-же идутъ больничные налоги? Стр. 96: больной во всякой больницѣ является будто-бы „машиной для обученія молодежи“. На стр. 118 авторъ считаетъ возможнымъ помѣстить въ изолированныхъ лечебницахъ вмѣстѣ съ больными туберкулезомъ дѣтьми и дѣтей „обреченныхъ на заблѣваніе имъ“ также. Стр. 120 „было бы въ высшей степени милосердно изгнать всѣхъ туберкулезныхъ изъ какаго-либо государства... поселить ихъ всѣхъ на какомъ-нибудь островѣ... дезинфектировать (!) ихъ жилища и тѣмъ обезопасить остальное населеніе... Эта мѣра была бы такъ-же дѣйствительна и выгодна, какъ и истребленіе всѣхъ бѣшеныхъ собакъ въ нѣсколько дней“. Чтобы оправиться отъ опьянѣнія алкоголемъ, достаточно, оказывается, „выпить побольше воды или чая“ (стр. 187). Въ томъ, что авторъ говоритъ о „щекотливомъ“ предметѣ—сифились, онъ можетъ „извиниться только тѣмъ“, что представляетъ предметъ въ новомъ освѣщеніи (стр. 146). Заразный періодъ бленоррагіи (гоноррея? или ужъ во всякомъ случаѣ, бленоррея, Л. В.)... „иногда

тянется больше, чѣмъ такой-же періодъ сифилиса (стр. 155). Спорнымъ является положеніе (156), что зараженіе ребенка (плода? Л. В.) сифилисомъ происходитъ „отъ прямой передачи зародыша болѣзни“. Далѣе (стр. 159) гоноррея объявляется „столь-же губельной, какъ сифились, если не больше“; это — крайность, столь-же ненаучная, какъ и признаваніе гонорреи вполне невинной болѣзью. Стр. 160: „терапевтика (терапия? Л. В.) сифилиса является въ сущности предохранительной“; это совершенно невѣрно: сифились — одна изъ тѣхъ болѣзней, гдѣ наша лечебная терапия очень могущественна. Тутъ-же такая удивительная фраза: большинство публичныхъ женщинъ „въ смыслѣ незаразительности“ своего сифилиса объявляется здоровыми. На стр. 164 авторъ „согласенъ, что эта торговля (своимъ тѣломъ, Л. В.) не очень соотвѣтствуетъ нравственному величію“. Далѣе онъ требуетъ, чтобы у проститутокъ „отнималась свобода ходить туда и сюда, какъ только онѣ начнутъ разносить и предлагать всѣмъ отравленные цвѣты“ и отъ имени общества обращается къ „такой цвѣточницѣ“ съ длинной, напыщенной и бездушной рѣчью, которую заканчиваетъ такъ: „я облагаю васъ налогомъ, какъ всѣхъ торговцевъ, и этотъ налогъ будетъ уже настоящимъ патентомъ“. Мы утомили читателя массой выписокъ, но намъ казалось нужнымъ отмѣтить многое именно въ виду авторитетности имени Дюкло, мы далеко, впрочемъ, не исчерпали всѣхъ мѣстъ въ книгѣ, вызывающихъ — скажемъ мягко — недоумѣніе. Часть вины падаетъ, конечно, и на переводъ, — небрежный, часто ненаучный и неграмотный. Языкъ книги часто раздражаетъ неумѣстной развязной хлесткостью; таковы выраженія: было бы недурно избѣгать кровопусканій, оспа такъ любезна, что...; Дизраэли давненько требовалъ этого; проволока... чувствуетъ лихорадку; зародыши... пожалуютъ въ Парижъ; провались они, эти ученые! и т. д. Примѣры безграмотности: неупорядочность, здоровость, министр-во общественнаго образованія, водяное вѣдомство, отходникъ, зараза болѣзью, погубила туберкулезомъ, и т. д. Последнее выраженіе могло бы принадлежать и тому фельдшеру изъ солдатъ въ извѣстномъ анекдотѣ, гдѣ больной „охаеъ ногой“.

Врачъ Л. Василевскій.

В. Н. Линдъ. Учить ли мужика или у него учиться? Изд. маг. „Книжн. Дѣло“. М. 1904 г. Цѣна 20 к.

„Всѣ общественные порядки и учрежденія, составляющіе насущную потребность образованныхъ людей, могутъ существовать прочно и развиваться лишь постольку, поскольку убѣжденіе въ ихъ необходимости будетъ корениться въ сознаніи народа“:—это, можно сказать, уже аксіома, уста-

новленная исторіей цивилизованныхъ странъ, и г. Ляндъ совершенно правъ, когда, идя отъ этой истины, признаетъ, въ интересахъ „спокойно-прогрессивнаго“ движенія Россіи необходимость разрѣшить два вопроса: во-первыхъ, гдѣ причина „розни между народомъ и лучшими людьми нашей интеллигенціи“, во-вторыхъ, возможно ли и какъ именно устранить эту рознь и водворить связь. Вопросы, бесспорно, очень важные, хотя совсѣмъ не новые. Вотъ уже нѣсколько поколѣній, въ лицѣ своихъ лучшихъ и искреннѣйшихъ представителей, работаютъ надъ ними; на алтарь единенія съ народными массами не мало жертвъ принесено... А все еще много правды въ словахъ автора, когда онъ скорбитъ, что между небольшой частью общества, выступившей впередъ, и остальной массой населенія, „которая вовсе не тронулась съ мѣста,—пустота и такое разстояніе, что ни тѣ, ни другіе не слышать и не понимаютъ другъ друга“. Мы думаемъ, что тутъ много правды, но не все правда, такъ какъ нельзя же отрицать тотъ фактъ, что черезъ пропасть, раздѣляющую народъ и образованные классы, уже перекинута узенькая досечка, главнымъ образомъ, тремя обстоятельствами. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ надо поставить новыя соціально-экономическія условія, вызвавшія—особенно въ послѣдней четверти минувшаго вѣка -- усиленное передвиженіе „мужика“ по всей Россіи въ поискахъ работы, ростъ контингента городскихъ и фабричныхъ рабочихъ, съ пополненіемъ его сельскими элементами, и большее общеніе между городомъ и деревней. Во-вторыхъ, какъ ни мало даетъ современная русская школа, все же было бы несправедливостью отвергать ея заслуги въ дѣлѣ подготовки почвы для взаимнаго пониманія людей, стоящихъ на совершенно различныхъ ступеняхъ соціальной и образовательной дѣятельности. Наконецъ, въ третьихъ, роль болѣе серьезную въ этомъ отношеніи играетъ внѣшкольная культурная дѣятельность,—безкорыстная и вдохновляемая высокимъ принципомъ народнаго блага — со стороны передовой интеллигенціи, и берущая начало изъ мутныхъ источниковъ стремленія къ наживѣ или желанія отвлечь народную мысль то въ область частныхъ, мелочей жизни, то въ сферу отвлеченныхъ вопросовъ—со стороны другой части образованнаго общества,—культурная дѣятельность такъ или иначе, худо или хорошо, удовлетворяющая возрастающій среди крестьянъ и рабочихъ спросъ на книгу, на умственную пищу. Другое дѣло—какая пища предлагается въ большинствѣ случаевъ, какого рода сѣмена свободнѣе, потому и обильнѣе сѣются въ народномъ умѣ, въ народной душѣ. Предѣлы замѣтки не позволяютъ доказывать нашу мысль рядомъ фактовъ, взятыхъ изъ жизни,—мы хотѣли лишь указать довольно замѣтное за послѣдніе 15—10 лѣтъ умственное и нравственное общеніе между „образованными людьми“ и „мужикомъ“.

Сожалѣя о томъ, что г. Линдъ не выдѣляетъ интеллигенціи изъ образованной части общества, благодаря чему то и дѣло вносятся путаница въ его сужденія,—мы не станемъ оспаривать понятіе, какое авторъ вкладываетъ въ слово „мужикъ“—это не важно, — мы только считаемся съ нимъ. „Мужикомъ“ г. Линдъ называетъ и земледѣльца, совсѣмъ незнакомаго съ городской жизнью, и болѣе цивилизованныхъ, болѣе сознательныхъ и дальновидныхъ: кулака-торговца, подрядчика, питейщика, фабричнаго рабочаго, ремесленника, мѣщанина и т. п.,—такъ какъ всѣхъ ихъ объединяютъ одни и тѣ же основныя свойства ума и характера — цѣльность, практичность и конкретность представленій и отсутствіе абстрактныхъ понятій; въ мужицкой средѣ связь между жизнью и мыслью, теоріей и практикой очень крѣпка, но сама мысль слаба, кругозоръ мужика ограниченъ. Наоборотъ, характерной чертой нашихъ образованныхъ людей является раздвоеніе мысли и жизни, теоріи и практики,—обширная и развитая мысль оторвана отъ дѣйствительности, теорія часто мѣшаетъ практикѣ, „мы умѣемъ думать, а не дѣйствовать“.

Причина такихъ особенностей русской интеллигенціи заключается въ искусственности нашего образованія, его оторванности отъ жизни. Это психологическое различіе между мужикомъ и образованнымъ человѣкомъ, различіе въ основахъ міросозерцанія и ведетъ къ тому, что народъ не понимаетъ интеллигенціи, а послѣдняя не умѣетъ подойти къ народу. Иное въ западной Европѣ. Тамъ, увѣряетъ насъ г. Линдъ, „результаты чуждой мысли (классическихъ народовъ, арабовъ, евреевъ) воспринимались и перерабатывались *всѣми* общественными слоями и становились собственностью *всего* народа, ихъ получившаго, входя въ составъ его умственного и нравственного организма“ (стр. 20). „Самая образованность (на Западѣ) не была... роскошью, составляющею *привилегію* людей, имѣющихъ время и средства для чтенія книгъ, — она была потребностью *всего* общества, поэтому и *зарождалась* и *развивалась* она... вслѣдствіе разработки *всѣмъ* обществомъ тѣхъ насущныхъ вопросовъ, на которые оно наталкивалось самою жизнью“ (стр. 51).

Эта цитата (съ нашимъ курсивомъ), конечно, у всякаго вызоветъ вопросъ: какое именно время, какую именно страну имѣетъ въ виду авторъ, рисуя подобную идиллію? Мы не имѣемъ права подозревать, что г. Линдъ такъ представляетъ себѣ средніе вѣка или эпоху Renaissance'a. Сомнѣваемся, чтобъ рѣчь шла о томъ періодѣ, когда самый цвѣтъ „вѣка просвѣщенія“, напр., Руссо (*Considerations sur le gouvernement de Pologne*) и Кондорсе (*Reflexions sur l'esclavage des nègres*), требуя юридической свободы, какъ осуществленія естественнаго права человѣческой личности, въ то же время находили, что слѣдуетъ отпускать на

волю только тѣхъ рабовъ, которые заслужили этого своимъ хорошимъ поведеніемъ. Не идетъ же рѣчь о той эпохѣ, когда „властитель думъ“ великаго столѣтія, великій Вольтеръ утверждалъ, что „рабочій людъ долженъ вѣчно оставаться въ скотскомъ состояніи“, что „нужны люди, у которыхъ были бы только руки“ и которымъ слѣдуетъ лишь предоставить свободу продавать свой трудъ, — а народъ, говорилъ онъ, „это—быки, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ“; когда король философовъ находилъ „даже необходимымъ, чтобы существовали невѣжды“... Очевидно, „высшія сферы интеллигенціи“ тогда очень плохо понимали современнаго имъ „мужика“, изнемогавшаго на всемъ европейскомъ континентѣ подъ бременемъ налоговъ, сервитутовъ, хроническихъ голодовокъ, подъ тяжестью ярма, наложеннаго на него сензорами и государственной властью; онѣ слишкомъ плохо понимали потребности своего народа, десятая часть котораго буквально нищенствовала, и нужды своей страны, гдѣ на фонѣ почти сплошного невѣжества миллионъ выдѣлялась сравнительно ничтожная кучка высокообразованныхъ людей... Но совершенно вѣрно, что въ Западной Европѣ второй половины XIX в. „стремленія, зарождающіяся въ низшихъ слояхъ народа, быстро становятся понятными въ высшихъ сферахъ интеллигенціи“... и что „сами образованные люди запада не представляютъ въ своемъ психическомъ строѣ той раздвоенности мысли и жизни и той неспособности активнаго отношенія къ послѣдней, которая замѣчается въ нашей интеллигенціи“. Этотъ фактъ, какъ и большую, сравнительно съ Россіей, равномерность распространенія образованія въ зап. Европѣ, г. Линдъ объясняетъ большею плотностью населенія, въ связи съ которой находится численное преобладаніе городского населенія надъ сельскимъ, а болѣе сложная и разнообразная городская жизнь является могучимъ факторомъ широкаго распространенія образованности. Отнюдь не отвергая значенія плотности населенія и развитія городской жизни, какъ благоприятныхъ условій для поднятія культуры народа, мы позволяемъ себѣ выразить удивленіе, что авторъ брошюры ни единымъ словомъ не обмолвился на счетъ самаго важнаго фактора въ дѣлѣ всеобщаго просвѣщенія и въ сферѣ взаимнаго пониманія образованныхъ классовъ и народа, — мы говоримъ о широкой самодѣятельности западно-европейскихъ обществъ и о сознательномъ участіи западно-европейскаго „мужика“ въ политической жизни своей страны. В. Н. Линдъ упрекаетъ нашихъ „либеральныхъ людей“ въ томъ, что они тяготеютъ къ умственнымъ центрамъ-городамъ. „Надо идти въ народъ“, убѣждаетъ онъ, но „сближаясь съ народомъ, надо видѣть въ немъ не средство, а цѣль... нужно не навязывать мужику своихъ измышлений... а спросить его самого, чего онъ хочетъ... затѣмъ выстѣсь съ нимъ провѣрить, соответствуютъ ли эти желанія нашему общечеловѣче-

скому идеалу: если да, то дѣятельно помогать ему въ ихъ осуществленіи, если нѣтъ, то понятнымъ для него образомъ убѣждать отказаться отъ нихъ... Пусть наша интеллигенція по возможности расходится по всей Россіи, пристраиваясь къ какому-нибудь практическому дѣлу... Вѣрующіе люди пусть идутъ въ сельскіе священники, знающіе медицину—въ земскіе врачи, умѣющіе учить—въ учителя; капиталисты пусть устраиваютъ въ провинціи фабрики и заводы, техники завѣдуютъ этими заводами и пр.“ (стр. 56—59).

Какой странѣ даете вы эти рецепты, г. Линдъ? Гдѣ живете вы, если не знаете хотя бы того всѣмъ извѣстнаго факта, что на каждое мѣсто земскаго врача и на каждое мѣсто учителя имѣются десятки кандидатовъ и кандидатокъ? Очевидно, вы парите слишкомъ высоко надъ русской дѣйствительностью, если не знаете, въ какихъ условіяхъ находится у насъ отношеніе народа съ интеллигенціей, которая болѣе полувѣка состоитъ подъ особымъ подозрѣніемъ. Недаромъ даже вы не даете, примѣрно, такого совѣта: „селитесь среди народа въ качествѣ вольно-практикующихъ врачей и фельдшеровъ, устраивайте частныя школы по деревнямъ, открывайте въ большомъ количествѣ хорошіе книжные склады и бібліотеки для мужика въ городахъ и деревняхъ“. Казалось бы, чего же лучше для общенія съ „мужикомъ“! Правда, фабриканты и заводчики не встрѣчаютъ никакихъ рогоговъ на своемъ пути къ народнымъ массамъ,—ихъ могутъ двинуть по этому направленію или остановить одни соображенія экономическаго характера... Но мы совсѣмъ не думаемъ, что дѣятельность этого рода культуртрегеровъ,—если помнитъ *обѣ* стороны медали,—безъ внесенія извѣстныхъ весьма серьезныхъ коррективовъ, приведетъ ко взаимному пониманію и взаимной помощи народа и интеллигента, что вслѣдъ за этимъ явится, какъ полагаетъ авторъ, *возможность всему русскому обществу устроить свою жизнь на началахъ справедливости, ведущихъ къ достиженію наибольшаго счастья для всѣхъ членовъ общества*“. Нѣтъ, г. Линдъ, чтобы вашъ—онъ же и нашъ—идеаль превратился въ дѣйствительность, прежде всего необходимо расчистить для него широкую дорогу. Розы не цвѣтутъ ни на сѣнгу, ни въ темномъ, холодномъ подвалѣ... А вашъ и нашъ идеаль—такое растеніе, которое совсѣмъ не можетъ расти безъ обилія воздуха, безъ большого свѣта, ему нужны прежде всего просторъ и солнце, какъ можно больше простора и свѣта... Въ настоящее время только въ этомъ же—и рѣшеніе поставленныхъ вами двухъ вопросовъ, остальное все „приложится“...

Л. Л -- о.

Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Евр. и Сѣв.-Америк. Соединенныхъ Штатахъ. Томъ I. Редавція *Е. Смирнова*. Изд. Н. Глаголева. Спб. Ц. 2 руб. 25 коп. XXXII—322 стр.

Изданіе это вызвано серьезнымъ пробѣдомъ въ русской литературѣ. У насъ имѣются классическія переводныя работы о государственномъ строѣ Англіи и Америки, какъ книги Дайси и Брайса, есть превосходныя книги о государственномъ строѣ Франціи, какъ, напр., II томъ Эсмена. Но эти книги уже по характеру изложенія доступны сравнительно ограниченному кругу читателей. Съ другой стороны, въ журналахъ и газетахъ разбросано не мало блестящихъ корреспонденцій, которыя даютъ яркія картины западной общественной жизни. Но не говоря уже о трудности разыскванія ихъ по старымъ книжкамъ журналовъ, корреспонденціи все же остаются корреспонденціями, а не систематическимъ изложеніемъ предмета.

Такихъ работъ, какъ, напр., превосходная книжка Каутскаго: „Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung“ etc.,—соединяющихъ въ себѣ глубину научныхъ изслѣдованій съ публицистической яркостью,—у насъ до сихъ поръ не было, да и не могло появиться. Курсы университетскихъ профессоровъ могли бы до извѣстной степени восполнить пробѣлы литературы. Въ теченіе нѣкотораго времени такъ оно и было въ дѣйствительности. Въ 60-хъ годахъ курсы Лохвицкаго, четвертью вѣка позже—лекціи Градовскаго имѣли серьезное значеніе въ дѣлѣ распространенія элементовъ политическаго образованія. Выдающуюся роль играли лекціи М. М. Ковалевскаго въ московскомъ университетѣ, особенно „общая часть“ государственнаго права. Но съ университетскимъ уставомъ 1884 г. все это измѣнилось. Теперь можно окончить юридическій факультетъ, получить власть „вязать и развѣшать“,—и оставаться круглымъ невѣждой во всемъ, что касается государственнаго права европейскихъ державъ. Можно даже быть профессоромъ русскаго государственнаго права,—и въ то же время имѣть лишь смутныя представленія о механизмѣ государственной жизни на Западѣ. Знакомство съ ней признано обременительной и даже вредной роскошью. Изученіе исторіи пытокъ на дыбѣ до чрезвычайности облегчаетъ профессорскую карьеру, а изслѣдованіе по исторіи англійскаго habeas corpus act'a, кромѣ непріятностей, ничего не приносить. Такимъ образомъ важность изученія государственнаго права западныхъ странъ и у насъ получила недвусмысленное признаніе,—но только съ отрицательной стороны.

Каждая новая общественная группа, пробуждаясь къ сознательной жизни, вноситъ свои особые запросы, особыя требованія, особую точку зрѣнія въ изученіе вопросовъ политическаго устройства. Поэтому такъ

называемый „новый читатель“ может не без интереса прочесть многія главы, напр., въ курсѣ Градовскаго, но, въ общемъ, книга все же оставить его равнодушнымъ, такъ какъ или не дастъ отвѣтовъ на самыя животрепещущіе для него вопросы,—или же отвѣтитъ на нихъ съ ограниченной точки зрѣнія „старыхъ“ общественныхъ классовъ.

При такихъ обстоятельствахъ идея изданія, заголовокъ котораго выписанъ выше, заслуживаетъ самаго горячаго сочувствія. Все дѣло лишь въ томъ, каковъ детальный планъ изданія, и какъ онъ будетъ выполненъ.

Сборникъ даетъ очерки политической жизни во *всѣхъ* европейскихъ странахъ (и Сѣв. Америкѣ), даже въ такихъ, какъ Португалія, Греція и Румынія. Это представляется намъ излишнею роскошью. Если издатель не преслѣдовалъ такой цѣли, какъ создать справочникъ для читателей газетъ, а вышедшій томъ даже отдаленно не удовлетворяетъ тому,—было бы лучше остановиться лишь на немногихъ типичныхъ странахъ, но зато дать о нихъ болѣе солидные очерки, чѣмъ придется сдѣлать при теперешнемъ планѣ изданія.

Кромѣ того, на каждый томъ намѣчена въ качествѣ приложенія особая статья монографическаго характера. Такъ, во II томѣ будетъ статья „Пропорціональное представительство“, въ III—„Избирательное право“, въ IV—„Избирательная статистика“. Темы приложеній, думается мнѣ, могли бы имѣть болѣе общій характеръ, чѣмъ темы первой и особенно третьей статьи. Притомъ вторая и четвертая тема будутъ затрогиваться во *всѣхъ* статьяхъ сборника, и потому въ монографическомъ изложеніи предмета нѣтъ особой нужды. Напротивъ, статьи I тома поражаютъ чрезвычайной бѣглостью страницъ, на которыхъ упоминается объ организаціи такихъ конституціонныхъ правъ, какъ право личной свободы, свободы собраний и союзовъ, свободы слова, контроля надъ бюджетомъ, свободы отъ административнаго произвола и т. д. Короче говоря, уже I томъ, хотя въ него вошла глава объ Англіи, страдаетъ отсутствіемъ изложенія основныхъ принциповъ конституціоннаго права,—того, что сообщаетъ такую яркость II части превосходной работы Дэйси, и что излагается обыкновенно въ связи съ государственнымъ строемъ Англіи. Читатели только выиграли бы, если бы вмѣсто статей, намѣченныхъ въ планѣ изданія, имъ были даны приложеніемъ лекціи М. М. Ковалевскаго, его „общая часть“ государственнаго права, литографированная изданіемъ которой не повторялась съ первой половины 80-хъ годовъ и давно стали величайшею библиографическою рѣдкостью. И по размѣрамъ эти лекціи были бы вполне пригодны для приложенія.

Перехода къ исполненію, мы можемъ говорить пока, разумѣется, только

о вышедшем I томѣ, представляющемъ четвертую часть всего изданія. Онъ открывается тяжелою написаннымъ, но содержательнымъ предисловіемъ проф. Гамбарова. Оно имѣетъ методологическій характеръ. Проф. Гамбаровъ вполнѣ основательно выступаетъ противъ абстрактно-формально-юридическаго метода въ разработкѣ государственнаго права. Бесплодность его хорошо демонстрируется нѣсколькими удачно выбранными иллюстраціями. Съ своей стороны г. Гамбаровъ выдвигаетъ „сравнительно-историческій“ методъ. Онъ полагаетъ, что параллельное изученіе политическихъ учреждений (и ихъ исторій) многихъ или группы родственныхъ между собою народовъ можетъ „привести къ установленію общихъ имъ всѣмъ политическихъ теченій, типовъ учреждений и „общаго права“, различнаго отъ права „національнаго“. Проф. Гамбаровъ думаетъ, что, пользуясь сравнительно-историческимъ методомъ, наука вѣрнѣе всего придетъ къ построенію „общей политической теоріи“.

На мой взглядъ, въ этомъ позволительно сомнѣваться. Въ дѣйствительности „сравнительно-историческій“ методъ окажется какъ нельзя болѣе пригоднымъ для того, чтобы реакція противъ формально-юридическаго метода приняла тавія формы, въ какія отлилась реакція противъ классической школы политической экономіи. Въ наукѣ воцарится синкретизмъ, всѣ силы направятся на чисто описательную дѣятельность, теорія будетъ заброшена. Разрѣшенія противорѣчій между абстрактно-юридическимъ методомъ, исходящимъ изъ произвольно установленныхъ апріорныхъ положеній, и между эмпиризмомъ, кропотливо собирающимъ факты и ничего больше, слѣдуетъ, кажется мнѣ, искать въ томъ же направленіи, въ какомъ Марксъ указалъ выходъ для политической экономіи. Работы Меркеля, не вполнѣ чуждаго нѣкоторымъ идеямъ марксизма, по общей теоріи права, и работы публицистовъ марксизма показываютъ, что юридическія науки многого могутъ ожидать отъ приложенія метода Маркса ¹⁾.

Отмѣчу одну частность въ предисловіи. Упомянувъ о Германіи, г. Гамбаровъ говоритъ: „трехмилліонная масса избирателей ведетъ агитацію не за политическую свободу... требуетъ прежде всего экономическихъ реформъ и, приспособляясь къ управляющей ею полудеспотіи, заставляетъ эту послѣднюю служить своимъ классовымъ интересамъ“. Это, по меньшей мѣрѣ, большая неточность. О „приспособленіи“ вообще не можетъ быть рѣчи. Агитація, къ великому негодованію буржуазныхъ демократовъ, ведется прежде всего за политическую свободу, хотя и на почвѣ экономическихъ интересовъ. Либеральныя партіи послѣ всѣхъ выборовъ, и осо-

¹⁾ Мы смѣло упоминаемъ о публицистическихъ работахъ,—такъ какъ проф. Гамбаровъ обнаруживаетъ въ своемъ предисловіи широкіе, не „профессорскіе“ взгляды на публицистику.

Бенно послѣ недавнихъ, возмущаются тѣмъ, будто ихъ противники выдвигаютъ на первый планъ именно политическія реформы, оперируютъ прежде всего съ обще-демократической программой и такой „недобросовѣстной конкуренціей“ отбиваютъ приверженцевъ отъ либерализма. Возмущеніе это отливается иногда въ самыя комическія формы для посторонняго наблюдателя (напр., въ послѣдніе моменты избирательной борьбы 1903 года во Франкфуртѣ на Майнѣ). Пусть въ основѣ негодованія лежатъ извѣстныя преувеличенія; во всякомъ случаѣ его одного достаточно, чтобы не соглашаться съ утвержденіями г. Гамбарова.

Но повторяемъ, предисловіе представляетъ само по себѣ очень цѣнную и содержательную работу. Но именно только само по себѣ, а не какъ предисловіе. Въ качествѣ такового, статья проф. Гамбарова, написанная безъ ознакомленія со статьями, вошедшими въ сборникъ, подготавливаетъ въ читателѣ чувство разочарованія. Проф. Гамбаровъ высказываетъ надежду, что сборникъ представитъ извѣстный вкладъ въ общественныя науки, сыграетъ роль подготовительной работы „для постройки будущаго зданія теоріи политической эволюціи“, дастъ матеріалъ для примѣненія того сравнительно-историческаго метода, о которомъ идетъ рѣчь въ предисловіи. Все это прекрасно, плохо одно: составъ I тома таковъ, что проф. Гамбаровъ по существу выставилъ требованія, которыхъ читатель въ дѣйствительности какъ разъ и не долженъ предъявлять къ сборнику. Ничего такого I томъ не даетъ и дать не можетъ.

Собственно говоря, не вполне удачно выбранъ и заголовокъ всей книги. Тѣмъ ожиданіямъ, которыя возбуждаетъ онъ въ читателѣ, удовлетворяетъ въ сущности только статья г. Звѣздича объ Австріи. Газетныя корреспонденціи автора слишкомъ часто свидѣтельствуютъ о недостаткѣ въ немъ того, что, пользуясь терминологіей стараго витализма, можно бы назвать „избирательной способностью“. Но статья въ сборникѣ лучше газетныхъ корреспонденцій г. Звѣздича. Она даетъ хорошій матеріалъ, недурно упорядоченный подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія.

Г. Сатурниъ приготовилъ читателямъ противоположную неожиданность. Въ свое время онъ далъ въ журналахъ, особенно въ „Жизни“, рядъ содержательныхъ корреспонденцій изъ Англіи. Но его статья въ сборникѣ („Англія“) стоитъ много ниже его журнальныхъ очерковъ. Въ ней недурны лишь первыя четыре главы, общими штрихами обрисовывающія государственный строй Англіи. Здѣсь можно бы, впрочемъ, возразить противъ нѣкоторыхъ частностей, напр., противъ характеристикъ англійской двухъ-палатной системы, противъ затупевыванія значенія палаты лордовъ, какъ реакціоннаго тормоза; можно бы пожалѣть, что авторъ почти не останавливается на той сторонѣ дѣла, которая характеризуется

выразительными словами „господство права“, искаженными у нас примѣненіемъ къ совершенно несоотвѣтствующимъ отношеніямъ. Но несмотря на это, если бы вся статья была составлена такъ, какъ первая треть, мы признали бы ее въ высшей степени полезной работой. Однако начиная съ пятой главы, характеръ изложенія вдругъ измѣняется. „Я стоялъ на улицѣ и разсматривалъ огромныя избирательныя афиши“, пишетъ авторъ и дальше даетъ рядъ своихъ корреспонденцій, написанныхъ въ такомъ газетномъ стилѣ, который отчасти характеризуется только что приведенною фразой. Онѣ написаны живо, представляли интересъ въ свое время,—въ періодъ послѣднихъ общихъ выборовъ въ Англій,—но были все же газетными корреспонденціями, никогда не игравшими такой роли, какъ „Письма изъ Берлина“ г. Юлоса, и потому можно было бы обойтись безъ ихъ перепечатки. И ужъ во всякомъ случаѣ надлежащее мѣсто имъ было бы не въ сборникѣ „Государственный строй“, а въ какихъ-нибудь „Картинахъ англійской общественной жизни“.

Третья и послѣдняя основная статья I тома написана г. Стекловымъ и посвящена Бельгій. Рецензентъ „Рус. Вѣдомостей“, указывавшій на газетное происхожденіе статьи г. Сатурина, и статья г. Стеклова приписываетъ такое же происхожденіе. Я не припоминаю корреспонденцій г. Стеклова, но если его статья составила изъ корреспонденцій, его придется признать очень основательнымъ и очень тяжелымъ корреспондентомъ. Маленькое, всего въ 10 страницъ, введеніе дѣйствительно вводитъ въ статью. Страницы цестрѣютъ цифрами, для большей солидности разомъ даны три таблицы, быстро выдвигается „мажоритарная система“, „частичное обновленіе“, „пропорціональная система“, „выборы по листу“,—и все это безъ всякихъ поясненій. Послѣ популярной статьи г. Сатурина, которая и въ своемъ теперешнемъ видѣ окажется, вѣроятно, очень полезной для широкихъ круговъ читателей, статья г. Стеклова ставитъ вопросъ: для кого предназначается сборникъ, какъ цѣлое? Если мы припомнимъ еще предисловіе проф. Гамбарова, то признаемъ, что вопросъ этотъ не допускаетъ опредѣленнаго рѣшенія.—Другой основной недостатокъ статьи г. Стеклова вытекаетъ изъ того, что онъ видимо не зналъ, въ чемъ его задача: слѣдуетъ ли написать исторію политической жизни въ Бельгій,—или дать очеркъ политическихъ отношеній въ современной Бельгій. Поэтому у него получилась довольно спутанная, переполненная массой ненужныхъ подробностей, исторія современныхъ бельгійскихъ партій съ Адама. Достаточно опредѣленныхъ, рельефныхъ представленій о политическомъ строѣ Бельгій статья г. Стеклова не даетъ.

Мы потому сравнительно подробно остановились на I томѣ сборника, что многое можно еще исправить въ слѣдующихъ томахъ изданія. Рецензентъ

мира все предыдущее, мы сказали бы, что редакція слѣдуетъ: 1) точнѣе выяснить, для какихъ читателей предназначается сборникъ, какія цѣли преслѣдуетъ онъ; 2) строже выработать общій планъ отдѣльныхъ статей; 3) предъявлять болѣе высокія требованія къ выполнению этого плана. Иначе серьезная потребность читающей публики на долгое время останется неудовлетворенной: появленіе всякой книги затрудняетъ появленіе книгъ, однородныхъ по задачамъ и содержанію. Можно еще пожелать, чтобы подборъ портретовъ, прилагаемыхъ къ сборнику, былъ болѣе мотивированнымъ. Статья объ Австріи, напр., сопровождается портретами мало интереснаго Гросса и еще менѣе интереснаго Лехера, который прославился главнымъ образомъ своей obstructивной рѣчью-рекордомъ, и о которыхъ почти не упоминается въ текстѣ; но нѣтъ портретовъ Пернерсторфера и Дашянскаго, которые представили бы больше интереса для широкаго круга читателей.

Изданіе выполнено съ вѣшной стороны очень хорошо и стоитъ по подпискѣ замѣчательно дешево—5 руб. за четыре большихъ тома.

И. Степановъ.

Е. Бутми. Развигіе государственнаго и общественнаго строя Англіи. Пер. подъ редакціей М. Н. Покровскаго. М. 1904. („Научно-образовательная бібліотека“). 181 стр. Ц. 40 коп.

Основная идея книжки Бутми можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ. Приблизительно до XVIII вѣка Англія не знала никакихъ социальныхъ конфликтовъ, а только сравнительно поверхностныя, религіозныя и политическія противорѣчія. Между различными общественными группами установились незамѣнныя, постепенныя переходы. Англійское общество характеризовалось связностью и однородностью,—этимъ „вѣрными гарантіями социальной гармоніи“. Классовымъ противорѣчіямъ не было мѣста. Если нѣкоторые историки вскрываютъ подъ такой гармонической вѣшностью классовую борьбу (возстаніе Уота Тайлера! общественныя движенія XVII вѣка!), то Бутми съ большой легкостью устраняетъ противорѣчія. Напр., даже сносъ дворовъ, экспроприація йоменовъ, разразившаяся въ XV—XVI вѣкѣ, пріобрѣтаетъ у него самый невинный характеръ: новые люди въ этомъ случаѣ „только (!) старались увеличить доходъ со своихъ помѣстій, выгадывая задѣльную плату“, и т. д. Какія же здѣсь общественныя противорѣчія? И такъ вездѣ и повсюду: несмотря ни на что, Англія до XVIII вѣка остается для Бутми идиллической страной социальной гармоніи.

Аграрная и промышленная революція XVIII вѣка быстро переворачиваетъ всѣ отношенія, безмятежный социальный миръ смѣняется социальной борьбой. Но и эта борьба изображается довольно односторонне: главнымъ образомъ въ формѣ борьбы между „промышленной и земледѣльческой паціей“,—т. е. преимущественно между земледѣльческимъ капиталомъ, захватившимъ для себя важныя привилегіи, и промышленнымъ капиталомъ, выступающимъ противъ *этихъ* привилегій. Какъ бы то ни было, страницы, изображающія противорѣчія двухъ „націй“, принадлежать къ числу представляющихъ наибольшій интересъ.

Что касается дальнѣйшаго развитія общественныхъ противорѣчій — противорѣчій развитаго капиталистическаго общества,—сужденія о нихъ обнаруживаютъ въ авторѣ типичнаго французскаго буржуа, который все еще не оправился отъ страха, нагнаннаго на него парижской коммунаю. Во всемъ—даже въ знаменитыхъ законахъ о бѣдныхъ—онъ вынохиваетъ „соціализмъ“, все—даже скромное Фабіанское Общество—приобрѣтаетъ въ его глазахъ угрожающее значеніе.

Такса общая схема книжки Бутми. Изъ этого видно, что авторъ дѣлаетъ натянутую, тенденціозную исторію Англій. Основной недостатокъ книги едва ли искупится яркимъ изложеніемъ и нѣсколькими безусловно удачными страницами.

Достоинствомъ книги является богатый фактической матеріалъ по исторіи государственнаго строя Англій. Но и это достоинство часто переходитъ въ недостатокъ. Изложеніе теряется въ мелочахъ и деталяхъ, подробности, которыя требуютъ напряженнаго вниманія отъ читателя, подавляютъ общую мысль. Въ виду всего этого книжка окажется наиболѣе полезной для тѣхъ лицъ, которыя уже познакомились въ основныхъ чертахъ съ экономической и политической исторіей Англій. Книжка Бутми уже была издана г. Клюкинымъ въ очень плохомъ переводѣ. Переводъ въ разбираемомъ изданіи вполне добросовѣстный. Можно бы только пожелать, чтобы примѣчаній было побольше и чтобы сдѣланы были хотя бы маленькія поясненія при такихъ словахъ, какъ *income tax*, *estate duty* и многихъ другихъ, оставшихся безъ перевода.

И. Степановъ.

А. В. Зеленинъ.—Очерки изъ животнаго царства. Животныя въ мѣстахъ, преданіяхъ, исторіи и биологій. Сиб., Изд. П. П. Сойкина. Стр. 179. Ц. 1 р.

Какъ уже можно судить изъ выписаннаго выше полнаго заглавія этой книги, авторъ поставилъ себѣ цѣлью соединить матеріалы крайне

различные, именно, историческія, мнѣческія и біологическія данныя относительно нѣкоторыхъ животныхъ. Насколько такое соединеніе можетъ быть удачно, — это уже въ самомъ принципѣ является крайне спорнымъ вопросомъ. Конечно, историческія данныя, напр., относительно нападенія львовъ на войска Ксеркса, или историческія данныя относительно участія львовъ въ коллизейскихъ зрѣлищахъ, даютъ біологу очень цѣнныя матеріалы для сужденія о недавнемъ распространеніи этого вида; но мнѣческія сказанія, преданія и др. плоды суевѣрія, по большей части, останутся для біолога мало пригодными. Конечно, для біолога быкъ Посейдона, который былъ укрощенъ Геракломъ, или минотавръ Тезея, можетъ быть полезнымъ указаніемъ въ его изысканіяхъ; но большинство мифовъ и сказаній врядъ ли будутъ для него полезны. Очень трогательно польское преданіе о большомъ преступникѣ Мадеѣ, который, терзаемый ужасомъ грядущаго наказанія, воткнулъ предъ собою въ землю боевую палицу и молился предъ нею колѣнопреклоненный. Много лѣтъ онъ молился такъ, колѣна его вросли въ землю, палица разрослась въ огромное дерево, дерево принесло яблоки, яблоки, наконецъ, превратились въ голубей и т. д.; но какой толкъ изъ всего этого для того, кто интересуется природой, растениями и животными, а не поэтическими воззрѣніями славянъ на природу? Если даже мы признаемъ, что для ученыхъ біологовъ весь этотъ матеріалъ представляетъ цѣнность, то его значеніе для тѣхъ, кто интересуется просто естественной исторіей животныхъ, крайне сомнительно.

Въ этой комбинаціи матеріала мы видимъ первый недостатокъ книги.

Не въ пользу книги служатъ также и случайность подбора естественно-историческаго матеріала. Голубь, змѣя, быкъ, орелъ, соколъ, коршунъ, ястребъ, пчела, кошка, паукъ—вотъ точный перечень того матеріала, которымъ исчерпывается содержаніе книги. Чѣмъ авторъ руководствовался въ выборѣ этого матеріала, почему онъ остановился, напр., на семействѣ кошекъ, а не на семействѣ псовыхъ—это загадка. Если бы авторъ выбиралъ предметъ для своихъ бесѣдъ не случайно, а положилъ бы въ основу своей книги какой-нибудь болѣе или менѣе разумный принципъ, то книга отъ этого несомнѣнно бы выиграла.

Въ общемъ книжка является довольно интересной, изложеніе иногда идетъ очень живо, иногда оно становится тяжеловатымъ, особенно, когда дѣло касается передачи суевѣрій различныхъ народовъ, которыя перечисляются съ большимъ усердіемъ. Встрѣчаются и неудачныя мѣста, изъ которыхъ для образца я приведу одно. „Родиной быка, одного изъ самыхъ полезныхъ для человѣка животныхъ на землѣ, слѣдуетъ признать чрезвычайно обширную территорію: всю Европу и Африку, Среднюю и Южную Азію и Сѣверную Америку. Что же касается Южной Америки и Австраліи,

то здѣсь туземнаго вида этого животнаго не было, въ настоящее же время и здѣсь разведены человѣкомъ огромнѣйшія стада этихъ животныхъ“ (Стр. 68). Понствіѣ территорія обширная! Если поэтъ вѣкогда сказалъ: „Намъ цѣлый міръ чужбина, отечество намъ Царское Село“, то здѣсь мы имѣемъ вѣчто совершенно обратное: почти весь свѣтъ здѣсь родина, а чужбина—лишь небольшой участокъ земли.

Н. Малышевъ.

Ив. Θεоктистовъ. Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. Изданіе второе, дополненное. С.-Петербургъ. Изданіе П. П. Сойкина. Цѣна 1 р. 50 к.

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Опытъ руководства для систематическаго чтенія. Выпускъ 1-й. Книги для дѣтей младшаго и средняго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ). Третье изданіе. Цѣна 50 к. Нижній Новгородъ. 1903 г.

Обѣ книги, заглавія которыхъ мы сейчасъ привели, затрагиваютъ вопросъ чрезвычайно важный для родителей и педагоговъ. Онъ всегда вызывалъ и будетъ вызывать массу споровъ и недоумѣвій; споры эти такъ и остаются нерѣшенными, а недоумѣнія невыясненными, можетъ быть, потому, что бывають только частичныя попытки рѣшенія вопроса, а къ систематизаціи наблюденій надъ дѣтскимъ чтеніемъ мало кто приступалъ. Дѣло въ томъ, что область слишкомъ широка, поле наблюденій чрезчуръ обширно, оттого и выводы могутъ казаться случайными. Вотъ почему особенно нужны книги, пробующія наконецъ ввести хоть вѣкоторую систему въ сферу разбросанныхъ тамъ и самъ опытовъ и наблюденій. Я знаю многихъ родителей и воспитателей, которые съ помятой жадностью человѣка, давно искавшаго необходимой пищи, берутся за труды гг. Θεоктистова и Лебедева. Вѣдь теперь не мало встрѣчается отцовъ и матерей, которые хорошо понимаютъ, что не всякая книга, имѣющая въ заголовкѣ слова „для дѣтей“, дѣйствительно годится для „малыхъ сихъ“, и лучшимъ подаркомъ къ празднику служить не всегда та, которая красуется въ золотообрѣзномъ переплетѣ и снабжена яркораскрашенными картинками. Родители, добросовѣстно относящіеся къ этому дѣлу, давно желали имѣть хорошей указатель пригодныхъ дѣтскихъ книгъ и руководство, гдѣ бы они могли найти отвѣты на вопросы, являющіеся у нихъ при наблюденіяхъ надъ читающими дѣтьми. Хорошо, что этотъ ошутительный пробѣлъ уже вѣсколько пополненъ.

Сборникъ г. Θεоктистова содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: „Та-

лентяйный ребенок“, „Роль литературного чтения в воспитании известных писателей“, „О семейных библиотеках“, „Сказки, как материал для детского чтения“, „О книжке для маленьких детей“. Уже самые названия статей говорят нам о том, что в них затронуты интересные, животрепещущие темы. В авторе виден хозяин своего дела, любящий и его, и самих детей, собравший массу ценного материала, много и с большой пользой наблюдавший маленьких читателей, знакомый и с литературой данного вопроса, что также не мало важно. В силу такого продолжительного и основательного знакомства с предметом, автор быстро и верно оценивает каждую детскую книжку. Но, ценя предложенный материал, не всегда можно согласиться с авторскими обобщениями— это более слабая сторона книги (в чем, впрочем, сам автор скромно сознается). Некоторые из этих обобщений слишком смелы, недостаточно обоснованы, другие уже стали ходячими истинами. Конечно, не надо забывать, что книга составлена из статей, напечатанных в разное время в педагогических журналах. Эпиграф Гальтона к статье „Талантливый ребенок“, говорящий о неодинаковости детских натур, кажется теперь сильно устаревшим (кто же станет в настоящее время оспаривать это мнение?), но ведь статья написана лет семнадцать тому назад. Другое обобщение о болезненности талантливых детей и их стремлении к одиночеству опровергается массой обратных фактов: вспомним хотя бы Пушкина, живого и общительного, всегда окруженного товарищами, оставшимися верными ему и потом. Стремление к одиночеству часто смешивается с разборчивостью в выборе друзей,—признаком талантливой, тонкой натуры. Сам же автор говорит, что Шеридан обожали его товарищи. Нельзя назвать удачным и эпиграф из Гиббона: „Образование оказывает благотворное влияние только на одних одаренных натур, для которых оно почти излишне“. В этой формуле первая часть ее исключает вторую: если образование для таких натур излишне, то в чем же заключается его благотворное влияние на них? Скорее можно признать ту несомненную истину, что образование для таланта все равно, что культура для растения: дикая яблоня и без ухода за ней дает яблоки, но они не могут сравниться с теми плодами, над которыми потрудился садовник. Кто знает, каким бы пышным цветом развернулось дарование Никитина, если бы он обладал образованием Тургенева? Да и сам Кольцов, может быть, в таком случае вышел бы из тесных рамок народной песни. „Если у сокола крылья были связаны“, так именно отсутствием образования. Конечно, есть не мало примеров, когда талантливый ребенок в школе не только не считался выдающимся, но еще заслуживал названия ту-

пицы, но этимъ роль образованія не умаляется—здѣсь вина лежитъ на формальномъ отношеніи старой школы къ дѣтямъ. Умственная дисциплина необходима и таланту, а она дается только школой, конечно, хорошей школой. И въ дореформенной школѣ при ея огромныхъ недостаткахъ были и свои достоинства: попадались отдѣльныя личности, имѣвшія большое вліяніе на питомцевъ. Вспомнимъ благодарныя слова Пушкина:

„Куницыну дань сердца и вина!
 „Огнь создалъ насъ, огнь воспиталъ нашъ пламень,
 „Положень имъ краеугольный камень,
 „Имъ чистая лампада возжена!“

Ушинскій съ любовью вспоминалъ о Новгородъ-Сѣверской гимназій, не стѣснявшей его природныхъ склонностей и дарованій.

Впрочемъ, нельзя не согласиться съ нѣкоторыми другими мнѣніями автора. Совершенно справедливо сказано, что маленькимъ дѣтямъ лучше бы всего обходиться безъ книги, а жить на волѣ, среди природы, вбирая въ себя лишь ея непосредственныя впечатлѣнія, но такъ какъ въ большихъ городахъ это невозможно, то приходится снабжать и 6—8 лѣтнихъ малолѣтокъ книгами, чтобъ уберечь ихъ отъ вредныхъ развлеченій, отъ не всегда желательныхъ наблюденій надъ жизнью взрослыхъ. По этому поводу г. Θεоктистовъ приводитъ слова Шелгунова о томъ, что для дѣтей такого возраста картинки необходимѣе книгъ. Вполнѣ вѣрно и замѣчаніе автора о законности чтенія сказокъ дѣтьми. Что касается до боязни затягиванія этого чтенія, то подобнаго явленія, какъ очень рѣдкаго, опасаться не слѣдуетъ—дѣти скоро бросаютъ сказки и начинаютъ искать въ книгахъ болѣе реальнаго изображенія дѣйствительности. Если Вѣлинскій съ присущей ему страстностью возставалъ противъ сказокъ, то потому, что въ Николаевской Руси слишкомъ мало цѣнилось истинное знаніе, и черезчуръ сильно было стремленіе убаюкать юный умъ ложными представленіями о необычайномъ величій и благополучіи Россіи. Знаменитый критикъ съ горечью видѣлъ это, и отвращеніе къ этой фальшивой и вредной тенденціи читается между строками его грозной филиппики противъ сказокъ.

Въ концѣ своей книги г. Θεоктистовъ приводитъ мнѣнія извѣстныхъ писателей о дѣтскомъ чтеніи и дѣтской литературѣ, но странное впечатлѣніе производятъ здѣсь парадоксальныя слова Руссо о томъ, что „чтеніе—бичъ для дѣтскаго возраста“.

Что же касается до книжки г. Лебедева „Дѣтская и народная литература“, то она является не менѣе цѣнной, чѣмъ трудъ, о которомъ мы только что говорили. Приступая прямо къ дѣлу, авторъ ея предъявляетъ каждой

дѣтской книгѣ слѣдующія требованія: 1) чтобы она была понятна тѣмъ дѣтямъ, которымъ дается; 2) была интересна и живо написана; 3) отличалась художественной правдивостью; 4) вызывала подъемъ нравственныхъ чувствъ и любовь къ прекраснымъ, благороднымъ, возвышеннымъ образамъ. Цѣня систему и въ дѣтскомъ чтеніи, авторъ классифицируетъ дѣтскія книги по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Трудъ; II. Семья; III. Выработка характера и убѣждений; IV. Наблюденія подъ жизнью людей и общественные работники; V. Чему учить природа; VI. Прошлая и настоящая жизнь народовъ. Не взирая на такую классификацію, въ книгѣ отводится болѣе мѣста практикѣ, чѣмъ теоріи: каталогъ преобладаетъ надъ мотивировкой. Однако, тамъ и сямъ разсыяны вѣрные замѣчанія, какъ напр. о необходимости развитія въ дѣтяхъ просвѣщенного, терпимаго отношенія къ другимъ національностямъ, о пользѣ ранняго знакомства съ природой и т. п. Къ книгѣ, кромѣ того, приложенъ превосходный алфавитный указатель дѣтской литературы съ обозначеніемъ цѣнъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его можно смѣло рекомендовать для руководства и школъ, и семьѣ: трудная задача выбора книгъ для дѣтей значительно облегчена намъ составителемъ этого полезнаго труда.

Н. Леонтьева.

Путешествіе вокругъ свѣта. *Э. Р. Циммермана* для русскаго юношества. 2-ое исправлен. и дополн. изданіе, одобренное для бесплатныхъ народныхъ читателей. Москва. Изданіе книгопродавца *К. Н. Николаева*. Цѣна 1 р. 25 коп.

Путешествіе Циммермана пользуется давно заслуженной извѣстностью, почему нельзя не порадоваться его второму изданію. Оно является исправленнымъ и дополненнымъ. Конечно, землевѣдѣніе идетъ впередъ, открытія слѣдуютъ за открытіями, города растутъ, являются то и дѣло новые центры промышленности и торговли, новые порты и даже новые продукты; колоніи волей или неволей мѣняютъ своихъ властителей, такъ что путевыя записки, насчитывающія болѣе десятка лѣтъ существованія, принадлежатъ, пожалуй, болѣе исторіи, чѣмъ географіи; потому первое изданіе труда г. Циммермана показалось бы теперь сильно устарѣвшимъ. Намъ приходилось уже говорить въ нашихъ прежнихъ рецензіяхъ, что русская литература путешествій совсѣмъ не богата замѣчательными произведеніями, во-первыхъ, потому, что русскіе большіе домохозяды, во-вторыхъ, оттого, что они очень любятъ говорить о себѣ и говорятъ въ такихъ случаяхъ „съ особеннымъ аппетитомъ“, какъ сказалъ Тургеневъ. Путешественникъ непременно хочетъ докладывать читателямъ о состояніи

своего здоровья и настроенія, о томъ, что онъ ѣлъ, какъ онъ спалъ. Ему какъ будто и въ голову не приходитъ, что читающая публика интересуются болѣе тѣми странами, гдѣ онъ побывалъ, чѣмъ имъ самимъ. Но опять-таки не слѣдуетъ, чтобъ личность путешественника совершенно исчезала въ рассказѣ: надо только заботиться о томъ, чтобъ субъективный элементъ не бралъ перевѣса надъ объективнымъ. Ловко лавируя между этими Сциллой и Харибдой, авторъ счастливо избѣгаетъ обѣихъ крайностей; его рассказъ всюду живъ и интересенъ, говорить ли онъ о Новой Каледоніи, о Санъ-Франциско или о своей прогулкѣ подъ Ніагарой.

Самое изданіе оставляетъ желать многого: во первыхъ, оно дорого, тѣмъ болѣе, что въ книгѣ всего 174 страницы, и рисунки отсутствуютъ, хотя почему-то есть ссылки на нихъ (см. стр. 124), во вторыхъ, корректура сдѣлана небрежно, есть много типографскихъ опечатокъ, но списка ихъ не приложено, многія собственныя имена исковерканы, напримѣръ Вуганвилъ вмѣсто Bougainville, Окгандъ вмѣсто Охгандъ, попадаются даже простонародныя выраженія, какъ напр. *исній*.

Н. Леонтьева.

Проф. Г. И. Турнеръ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ (до прибытія врача). Курсъ лекцій, читанныхъ въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній въ С.-Пб. Изд. 5-е. 1904. Ц. 80 к.

Н. Ф. Чигаевъ. Прив.-доц. Уходъ за больными. Практическое руководство для сестеръ милосердія. С.-Пб. Изд. Риккера. 1904. Ц. 50 к. Карманная книжка для сестеръ и братьевъ милосердія. Сост. д-ра *Б. Владыкинъ* и *Г. Арронетъ*. С.-Петербургъ. 1904. Ц. 1 р.

Проф. Э. Бергманъ. Первая хирургическая помощь. Перев. д-ра Лурье подъ редак. проф. К. Сапѣшко. Кіевъ. 1904. Ц. 50 к.

Какъ только началась война на Дальнемъ Востока, стали быстро выходить новыя или переиздаваться старыя брошюры, руководства, пособия и т. п., относящіяся къ вопросу о подаваніи первой помощи и объ уходѣ за больными и ранеными. Въ настоящее время не мало уже вышло такого рода трудовъ, и думаемъ, что еще будутъ новыя выходить. Къ числу недавно вышедшихъ сочиненій по интересующему насъ вопросу относятся и вышеуказанныя, о которыхъ мы и считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ.

Книжка проф. Турниера, вышедшая уже пятымъ изданіемъ является однимъ

изъ лучшихъ пособій между существующими по подаію первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Цѣль курсовъ, на которыхъ читались вышеуказанныя лекціи, сводилась къ тремъ главнымъ пунктамъ: 1) предостеречь слушателей отъ нѣкоторыхъ неразумныхъ приѣмовъ первой помощи; 2) изложить, на сколько опасны для жизни человѣка нѣкоторые изъ несчастныхъ случаевъ и заболѣваній, при которыхъ особенно необходимо немедленное прибытіе врача, и 3) ознакомить съ тѣми простыми средствами и приѣмами, которые каждый разумный человѣкъ сумѣетъ и долженъ примѣнить въ несчастіи. Всѣхъ лекцій шесть, при чемъ каждая изъ нихъ подраздѣляется на двѣ части—теоретическую и практическую, что имѣетъ существенное значеніе для слушателей и читателей. Несмотря на краткость изложенія, авторъ хорошо сумѣлъ расположить матеріалъ и вполне понятно, просто его изложить. Кромѣ того, для поясненія и большей наглядности въ текстѣ приложены прекрасно исполненные рисунки (60 рис.), которые дополняютъ достоинства книги проф. Турнера и дѣлаютъ ее доступною для каждаго сколько-нибудь образованнаго человѣка. Съ внѣшней стороны изданіе хорошее и по цѣнѣ не дорогое—80 к.

Книжка д-ра *Чигаева* хотя и назначается, какъ руководство для сестеръ милосердія, но, къ сожалѣнію, далеко не для всѣхъ и, тѣмъ болѣе, не для тѣхъ, которыя попадаютъ на эпидеміи, на голодовки и даже на войну. Предлагаемые авторомъ совѣты сестрамъ милосердія могутъ быть выполняемы у постели состоятельныхъ больныхъ или въ богато-обставленныхъ больницахъ, а не у обычныхъ больныхъ при будничной обстановкѣ. Всѣ рекомендуемыя авторомъ мелочи, хотя дѣйствительно имѣютъ значеніе при уходѣ за больнымъ, но далеко не выполнимы. Напр., мѣрамъ, влияющимъ на питаніе больного, посвящено 20 стр., и большая часть изъ нихъ останутся прекрасными совѣтами, въ родѣ того—какъ должны быть расположены кушанья на тарелкахъ, салфетки на столѣ больного и т. п.; „должно быть таково, чтобы общее впечатлѣніе получилось изящное и „аппетитное“ (9 стр.); далѣе на столѣ стояли бы цвѣты, разнообразіе въ способѣ накрыванія стола и т. д. Говоря о соблюденіи опрятности—вещи весьма важной и необходимой въ уходѣ за больнымъ—авторъ категорически настаиваетъ, чтобы больной не носилъ въ постели панталонъ и чулокъ (33 стр.). Да развѣ мыслимо, чтобы больной изъ простого заваянія снялъ панталоны? А при нашихъ холодахъ не только въ квартирахъ, но и нѣкоторыхъ больницахъ—безъ этихъ принадлежностей нельзя обойтись. Помимо такихъ совѣтовъ, которые невыполнимы на практикѣ, авторъ допускаетъ ошибки и съ научной стороны, напр., при дезинфекціи рекомендуетъ, между прочимъ, примѣнять пары сѣрнистой кислоты (47 стр.)—способъ, призванный непригоднымъ и уже оставленный. Далѣе—въ числѣ

мѣръ, вліяющихъ на сонъ, авторъ указываетъ на питье горячихъ напитковъ—вино или грогъ, горячее молоко и т. д. „для отвлеченія крови отъ мозга“ (65 стр.). Хотя тутъ немногими строками ниже говорится, что эти напитки дѣйствуютъ въ направленіи противоположномъ снотворному. Тогда не слѣдовало бы приводить этихъ двухъ совѣтовъ, совершенно противоположныхъ. А горячее вино или грогъ и тѣмъ болѣе, не могутъ содѣйствовать сну. Крайне мало говорится о мѣрахъ кровоостанавливающихъ. Всѣхъ главъ 13, и нужно замѣтить, авторъ очень подробно останавливается на всемъ, что относится къ уходу за больнымъ; написана книжка просто, читается легко и можетъ принести больницѣ услугу для сестеръ милосердія. Изданіе съ вѣшной стороны хорошее.

Другимъ свойствомъ отличается слѣдующая книжка, также предназначенная для сестеръ и братьевъ милосердія—составленная д-рами В. Владыкинымъ и Г. Арронетомъ. Названная книжка—сжатый курсъ лекцій (шестинедѣльных), которыя были читаны слушателямъ въ Свято-Троицкой Общинѣ сестеръ милосердія. „Карманная книжка“ является крайне полезной, какъ справочный указатель для сестеръ и братьевъ милосердія, давая имъ возможность вспоминать необходимыя указанія при уходѣ за больными. Состоитъ она изъ двухъ главныхъ частей: 1) общей и терапевтической, и 2) хирургической. Въ первомъ отдѣлѣ, помимо краткихъ свѣдѣній объ анатоміи и физиологіи, а также о причинахъ болѣзней, инфекціи, объ обязанностяхъ сестры или брата милосердія, особенно много мѣста удѣлено инфекціоннымъ болѣзнямъ (71—112). Къ сожалѣнію, ничего не говорится о вѣтренной оспѣ; далѣе—далеко не установлено о цынгѣ, какъ болѣзни заразной—она есть результатъ исключительно недостаточнаго питанія и плохихъ гигиеническихъ условій. Во второй части—хирургической—излагаются анатомическія свѣдѣнія о костяхъ, суставахъ, мышцахъ, кожѣ и сосудахъ, а потомъ различныхъ поврежденіяхъ. Наболѣе подробно говорится объ асептикѣ и антисептикѣ, какъ основѣ поданія первой помощи при всѣхъ поврежденіяхъ. Говоря о кровотеченияхъ, слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о носовыхъ кровотеченияхъ, которыя иногда угрожаютъ жизни. Въ главѣ объ ожогахъ авторы почему то совсѣмъ не упоминаютъ о примѣненіи соды, какъ одного изъ лучшихъ средствъ, въ особенности въ свѣжихъ случаяхъ первой и второй степени. Въ общемъ книжка составлена хорошо—кратко, ясно, существенное сказано все, и написана вполнѣ литературнымъ языкомъ. Можетъ оказать большую услугу не только прослушавшимъ курсъ сестрамъ и братьямъ милосердія, но и каждому интеллигентному человѣку.

Книга проф. *Бергмана* „Первая хирургическая помощь“—опредѣляетъ уже ея содержаніе, т. е. въ ней помѣщены такія свѣдѣнія, которыя исклю-

чительно относятся до поданія хирургической помощи. Состоит она изъ трехъ лекцій, прекрасно исполненныхъ, всесторонне, въ тоже время сжато, исчерпывающихъ разбираемый имъ вопросъ не только съ теоретической, но и практической стороны. Авторъ, какъ извѣстный практикъ и ученый, сумѣлъ дать въ этихъ трехъ лекціяхъ существенно все необходимое для ознакомленія съ поданіемъ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Книжка проф. Бергмана необходима не только для низшаго медицинскаго персонала, или сестеръ милосердія,—но и для врача—не спеціалиста хирурга. Есть въ ней много и новаго. Особенно подробно авторъ остановился на ушибахъ и ранахъ различныхъ частей тѣла. Говоря о поврежденіяхъ уха, авторъ указываетъ на раны, происходящія отъ ударовъ палкой или линейкой, „употребляемыми въ цѣляхъ педагогическаго воздѣйствія“, и такія поврежденія далеко не рѣдки. Къ сожалѣнію, у нѣмцевъ такія педагогическія воздѣйствія до сихъ поръ въ школахъ практикуются и, повидимому, особеннаго протеста не вызываютъ. Въ заключеніе авторъ говоритъ объ организаціи помощи въ городахъ и объ устройствѣ спасательной станціи.

Нѣкоторыя шереховатости въ переводѣ не исключаютъ достоинствъ книжки проф. Бергмана, которая съ интересомъ прочтется.

Д. Никольскій.

Быстровъ, М. Ѳ. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. (Изложеніе монографическое). Сборникъ чтеній для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1904. Цѣна 1 р. 50 к.

Необходимость оживленія курса средней школы сознается въ настоящее время уже не только широкими кругами русскаго общества, но и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Разныя комиссіи и подкомиссіи при Министерствѣ за послѣдніе годы создали цѣлый рядъ проектовъ „реформы“. Но дѣло все какъ-то не идетъ на ладъ. Причинъ тутъ, конечно, много, но главная, по нашему мнѣнію, заключается въ отсутствіи единства цѣли, того строгаго принципа, который бы съ неизбѣжной послѣдовательностью опредѣлялъ всѣ стороны реформы. Несостоятельность опубликованныхъ до сихъ поръ проектовъ очевидна хотя бы и изъ ихъ частой смѣны и противорѣчивости. Это общее положеніе дѣла особенно сказывается на измѣненіи программы преподаванія исторіи русской литературы. Ученый Комитетъ Министерства желалъ и сохраненія прежней программы (теорія словесности въ VIII классѣ), и ознакомленія учениковъ съ произведеніями

главнѣйшихъ русскихъ писателей второй половины XIX вѣка. Но какъ совмѣстить эти два курса, что выбрать изъ произведеній русской литературы послѣ Гоголя, наконецъ, съ какихъ точекъ зрѣнія нужно изучать послѣднія—оставалось или нерѣшеннымъ, или оспаривалось новыми комиссиями и новыми проектами. Такъ, напримѣръ, въ циркулярѣ отъ 4 ноября 1903 года, подписанномъ Министромъ Зенгеромъ, новѣйшая русская литература является, главнымъ образомъ, какъ матеріалъ для домашнихъ ученическихъ сочиненій; далѣе, въ этомъ проектѣ совершенно исключены Левъ Толстой и Достоевскій, ибо „дѣлать творенія неумолимо-строгихъ и мучительно-зоркихъ судей нашей совѣсти предметомъ класснаго разбора и бесѣды опасно рекомендовать“ (стр. 5); исключень, безъ объясненія причинъ, Некрасовъ, не рекомендованы и многіе романы Тургенева (напримѣръ, Отцы и Дѣти, Новъ, Дымъ), драмы Островскаго (есть только Гроза и Вѣдность не порокъ) и пр. и пр.; что касается способа изученія немногихъ разрѣшенныхъ произведеній новѣйшей русской литературы, то, не предлагая ничего отъ себя, названный циркуляръ повторяетъ наставленіе „учебныхъ плановъ“ 1895 года: „нѣтъ никакой надобности учителю стараться связывать отдѣльные историко-литературные факты, сообщаемые ученикамъ по поводу разбираемыхъ произведеній, потому что придуманная ad hoc связь между ними не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого научнаго значенія, а можетъ послужить лишь къ пустой тратѣ времени“ (стр. 3). Но вотъ для сравненія съ только что приведенными мнѣніями Ученаго Комитета 4 ноября 1903 года и въ подтвержденіе нашей мысли, выраженной въ началѣ замѣтки,—предложенія новаго проекта программы, разосланнаго въ гимназіи и реальныя училища Спб. учебнаго округа 3 іюня настоящаго года. Новая программа признаетъ за курсомъ новѣйшей литературы самостоятельное значеніе; предлагаетъ проходить его исторически; включаетъ въ него Бѣлинскаго, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевскаго; расширяетъ количество рекомендованныхъ раньше произведеній Тургенева, Островскаго и др. Наша цѣль—не оцѣнивать проекты Министерства, и въ послѣднемъ, напримѣръ, проектѣ не хватаетъ общей характеристики нашихъ западниковъ и славянофиловъ, беллетристовъ—народниковъ, Некрасова и мн. др., но мы не можемъ не отмѣтить, что, наконецъ то, можетъ быть, мы вступаемъ на правильный путь изученія нашей словесности, т. е. историко-литературный, ибо только этимъ путемъ можно дать почувствовать отличительную особенность нашей литературы—ея живую отзывчивость на явленія русской жизни всѣхъ слоевъ русскаго народа. Усваивая научно исторію русской литературы, т. е. въ связи съ условіями русской дѣйствительности и всякаго рода воздѣйствіями на писателя и самого писателя на общество, ученики, конечно, не будутъ ли-

шены и благотворнаго вліянія тѣхъ широко гуманныхъ идеаловъ, проповѣдниками которыхъ всегда были лучшіе русскіе писатели.

Какъ несовершенны новыя проекты программъ, такъ неудачны и новыя руководства, составленныя примѣнительно къ этимъ программамъ.

Одно изъ такихъ „примѣнительныхъ“ руководствъ названо въ заголовкѣ. Оно изложено „монографически“, т. е. внѣ всякой исторической перспективы; въ немъ нѣтъ Льва Толстого, Достоевскаго и нѣтъ многихъ и многихъ произведеній Тургенева, Островскаго и др., вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, которыя приведены въ программѣ 4 ноября 1903 г., къ которой, по собственнымъ словамъ, примѣнялся составитель; согласно съ духомъ вышеназванной программы, исключавшей неумолимо строгихъ судей нашей совѣсти и жизни, составитель объясняетъ геній Пушкина тѣмъ, что Пушкинъ „сынъ русскаго народа, духовная субстанція котораго такъ богата, что совмѣщаетъ въ себѣ духовныя субстанціи другихъ народовъ“ (18 стр.), или, напримѣръ, особенно рекомендуетъ „Вородинскую годовщину“ Вѣлинскаго (71 стр.), отъ которой самъ Вѣлинскій впоследствии отрецивался. Мы не говоримъ уже объ умолчаніяхъ составителя.

Такъ какъ основная точка зрѣнія программы 4 ноября 1903 г. на составъ курса и методъ прохожденія его совершенно устраняется новымъ проектомъ программы, не говоря уже о томъ, какъ обстоятъ дѣло въ самой наукѣ, то намъ не представляется надобности дольше останавливаться на „общемъ характерѣ“ учебнаго курса г. Быстрова. Перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ, не предусмотрѣннымъ въ циркулярѣ 1903 года.

Въ первой статьѣ („В. А. Жуковскій“) несогласно съ общепринятымъ нынѣ въ наукѣ положеніемъ Жуковскій названъ „первымъ поэтомъ, въ дѣятельности котораго романтизмъ нашелъ себѣ *полное, яркое* и дѣйствительно талантливое выраженіе“ (7 стр.).

Въ ст. „О воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина“, несмотря на патетическія фразы о способности перевоплощенія Пушкина, совершенно невнятно, въ чемъ заключается англійскій характеръ пѣсни Мэри (Пиръ во время чумы) ср. 9 стр.

Ст. о Вѣлинскомъ крайне неуклюже скомпанована: къ чему длинная и скучная IX глава (сравненіе взглядовъ Вѣлинскаго и К. Аксакова на русскій героическій эпосъ)? Изложеніе теорій Шеллинга и Гегеля (44—45 стр.) туманное. Замѣчаніе о юношеской драмѣ Вѣлинскаго (52 стр.), могло бы быть точнѣе, если бы составитель принялъ во вниманіе изданіе г. Венгерова.

Въ ст. о Гоголѣ совершенно невѣрно заключеніе объ отношеніи комедій Гоголя „Ревизоръ“ и комедій Квитки „Пріѣзжай изъ столицы“. А. І. Мещенко въ статьѣ объ отношеніяхъ этихъ комедій (Сборникъ „памяти

Л. Н. Майкова“ Спб. 1902) довольно убедительно доказываетъ, что Гоголь „с комедій Квintки только слыхалъ, но не читалъ ея“.

Въ ст. объ А. Майковѣ авторъ черезчуръ увлекся, отвеся этого поэта къ „замѣчательнѣйшимъ и вдохновеннѣйшимъ“.

Въ ст. о Тургеневѣ неприятно поражаетъ замѣчаніе о томъ, что Тургеневъ „облагодѣтельствовалъ“ семью Віардо (185 стр. Ср. письма, изд. Гальперинимъ-Каменскимъ). Характеристика Тургенева неполна и неправоильна, при исключеніи изъ обзора его произведеній такихъ романовъ, какъ Наканунѣ, Новь и др. г. Быстровъ „чувствуетъ крайнее возмущеніе противъ Базарова“ (194 стр.), но отсюда не слѣдуетъ, что и Тургеневъ также относился къ своему герою (ib.): вѣсѣмъ извѣстно, какъ, наоборотъ, уважалъ Тургеневъ людей базаровскаго типа, хотя бы и видѣлъ въ нихъ недостатки.

Столь же превратное мнѣніе составятъ ученики г. Быстрова и объ Островскомъ, если прочтуть 10 страничекъ, посвященныхъ ему въ Учебномъ курсѣ, ибо его драмы не однѣ „хроники жизни и быта замоскворѣцкаго купечества“ (207 стр.) и кромѣ комедій „Свои люди— сочтемся“ и „Грозы“, упомянутыхъ г. Быстровымъ, послѣ Островскаго осталось много замѣчательныхъ произведеній.

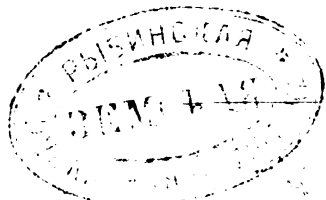
Мы не останавливались на правильныхъ замѣчаніяхъ г. Быстрова—нихъ, конечно, больше, чѣмъ ложныхъ, но всѣ они общезвѣстны, да и самъ составитель „не претендуетъ на оригинальность“.

Жаль только, что отличныя выдержки изъ соч. Пыпина и др. портятся сосѣдствомъ шаблонныхъ и трескучихъ фразъ составителя, особенно въ статьяхъ о поэтахъ и Тургеневѣ.

Много бы можно сказать и о стилѣ столичнаго преподавателя русскаго языка. Но тутъ, какъ и во многихъ другихъ погрѣшностяхъ составителя, есть и извиненіе: съ 4 ноября 1903 г. по 12 февраля 1904 г. (дата предисловія) немного времени.

Мы надѣмся, что будутъ лучше новыя программы. Тогда явятся въ „учебные курсы“ лучше тѣхъ, какіе мы видимъ теперь.

А. Липовскій.



Новыя книги, поступившія въ редакцію.

В. Богучарскій. „Изъ прошлаго русскаго общества“. Книгоизд. М. В. Пирожкова. Цѣна 2 руб.

Э. Пименова. „Политическіе вожди Современной Англїи и Ирландїи“. Книгоизд. М. В. Пирожкова. Цѣна 2 руб.

Эрнестъ Фонъ Гессе-Вартегъ. „Японїя и Японцы“. 2-е изд. А. Ф. Девріена.

С. Л. Сегаль. „Объ основныхъ вопросахъ жизни“. Изд. Н. В. Болдырева. Цѣна 1 руб.

Изданіе Ред. Журн. „Дѣтское Чтеніе“. Н. А. Скворцовъ. „Въ царствѣ животныхъ“. Цѣна 25 коп. Н. П. Дружининъ. „Общедоступное руководство къ изученію законовъ“. Цѣна 60 коп. В. А. Гольдцевъ. „Дѣти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленка“. Цѣна 6 коп. И. И. Ивановъ. Вильямъ Шекспиръ. Отелло. Цѣна 20 коп.

Александръ Альмедингенъ. „Желѣзо“. Изд. Ред. Журн. „Техническое Образование“. Цѣна 30 коп.

А. Клоссовскій. „Климатология въ связи съ климатотерапіей и гигиеной“.

Д-ръ Р. Браунсъ. „Царство Минераловъ“. Изд. А. Ф. Девріена, выш. 2-й. Цѣна 2 руб. 75 коп.

А. В. Кругловъ. Кто виновникъ убыли женской души. Цѣна 20 коп.

Петръ Васильевъ. Этимология русскаго языка. Цѣна 40 коп.

А. Е. Спиридоновъ. Учебникъ всеобщей географїи. Европа. Цѣна 50 коп.

В. Пржевальскій. Разказы. Цѣна 50 коп.

А. Л. Ш. Стихотворенїя. Цѣна 60 коп.

А. А. Рымкевичъ. Воспитанїе дѣтей. Часть 1-я. Цѣна 60 коп.

А. Г. Шлихтеръ. Къ характеристикѣ современной общины. Ч. 1. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Л. Г. Чемисовъ. По предсказанію, водевиль въ 2-хъ д.

А. Берло. Арсеній Берло, епископъ Переяславскій и Воржпольскій. Біографическій очеркъ.

А. Г. Максимовъ. Историко-бібліографическое изслѣдованіе. Цѣна 30 коп.

А. Фурнье. Нашииъ сновьямъ въ 18 лѣтъ, совѣты врача передъ вступленїемъ въ жизнь, пер. съ франц. д-ра Л. Я. Ягобсона. Цѣна 10 коп. Изданіе В. И. Губинскаго.

Изд. „Жизнь и правда“. К. Суздальцевъ. Подъ Краснымъ Крестомъ. Другъ о другѣ а Богъ обо всѣхъ. Бретъ-Гартъ. Отчаянная. М. А. Ильинъ. Вознагражденіе рабочихъ за несчастные случаи. А. Б. Подвигъ Индіанки, историческое сказаніе. К. А. Ковальскій. Судъ Божій. Кухаркннъ мужъ. 70 коп. сотня.

А. И. Мальта. Сушка плодовъ и овощей домашнимъ способомъ.

Ю. С. Гамбаровъ. Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Цѣна 20 коп.

А. А. Потѣхннъ. Сочиненія шесть томовъ. Цѣна 6 руб. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“.

М. Б. Крецмеръ. Отличительныя черты Еврейской націи. Цѣна 15 коп.

Записки Иваново-Вознесенскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. 1904 г. вып. 11-й.

Л. М. Медвѣдевъ. „Старая трубка“ рассказъ изъ военного бита. Изд. Ред. Журн. „Дѣтское Чтеніе“. Цѣна 25 коп.

Т. Казаковъ. „Отецъ и сынъ“ и др. рассказы. Цѣна 1 руб.

Статистическое Бюро Ярославскаго Губ. Земства. — „Кустарные Промыслы“. Статистич. Сборникъ. Журналы экстреннаго Саратовскаго Губернскаго Собранія. Физикъ-Любитель № 1.

Географическій Атласъ. Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“: вып. I. Цѣна 40 коп.

Буно Франке. Исторія нѣмецк. литературы. Книгоизд. — М. В. Пирожкова. Цѣна 3 руб.

С. Лозинскій. Исторія Второй Фр. Республики. Изданіе В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Цѣна 2 руб. 50 коп.

С. Горбова. Свящ. Ист. Ветх. Завѣта. Изданіе Тихомирова. Цѣна 1 руб.

А. С. Пругавинъ. „Старобрядчество во второй половинѣ XIX в.“ Цѣна 1 руб.

В. Чернышевъ. „Письма о старой и новой орестрафії“. Цѣна 20 коп.

С. Русова. „Верещагинъ“. Цѣна 6 коп.

Н. Позняковъ. „Семовъинный свидъ“ и др. раз. Изд. книжн. маг. „Новостей“. Цѣна 1 руб.

Вазовъ. Рассказы. Цѣна 90 коп.

Н. Васильевъ. „Тоска по вѣчности“. Цѣна 1 руб.

Докучаевъ. Сборникъ статей посв. его памяти. Изд. журн. „Почвовѣдѣніе“. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Е. Бохаревъ. Стихотворенія. Цѣна 40 коп.

М. С. Ломшаковъ. „Сборникъ стихотвор. и отрывковъ прозы изъ всемірной литературы. Ч. III. Цѣна 50 коп.“

„Библиотека для осталь“ изд. Рутенберга и Жуковой. Изв. Н. А. Живинъ. Два старика. Цѣна 3 коп.

В. Измайловъ. „Уловительницы“. Цѣна 1 коп.

С. Елпатъевскій. О. Керимъ. Цѣна 5 коп.

С. Елпатъевскій. Служащій. Цѣна 10 коп.

С. Елпатъевскій. Аванс-снщикъ. Цѣна 3 коп.

К. Я. Шидловскій. Сводка ходатайствъ Пирогова. общ. врачей. Цѣна 30 коп.

В. В. Тихомировъ. Новая русская народная азбука. Цѣна 25 коп.

А. Никитинъ. — Нагрузка и разгрузка.

А. Никитинъ. Зимовки судовыхъ командъ въ Затонахъ рѣки Волги.

А. Никитинъ. Изъ отчета санитарнаго врача.

слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Каровинъ, А. М. Цѣли и задачи обществъ трезвости. Изданіе перваго Московскаго общества трезвости. № 5. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 8 коп. (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніемъ ученаго комитета).

— „Суриковъ, Иванъ Захаровичъ. Избранныя стихотворенія. 2-е изданіе И. Ѳ. Жиркова М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: ¹⁾

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Беллярминовъ, И. Руководство къ русской исторіи съ дополненіемъ изъ всеобщей. Изданіе 16-е. С.-Пб. 1902. Стр. 172+I. Цѣна 50 коп.“ (для женскихъ гимназій, а также для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „Ельницкій, К. 1) Курсъ дидактики. 13-е изданіе. Д. Д. Полуобяринова. С.-Пб. 1903. Стр. 143. Цѣна 75 коп.—2) Очерки по исторіи педагогики. 5-е изданіе, Д. Д. Полуобяринова С.-Пб. 1903. Стр. 157. Цѣна 75 коп.“ (для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ ученическія бібліотеки названныхъ учебныхъ заведеній и въ учительскія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ).

— „Знойко, Николай. Краткое руководство по средней исторіи. Одесса. 1903. Стр. VIII+170. Цѣна 75 коп.“ (для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій).

— „Знойко, Николай. Систематическій курсъ исторіи новыхъ вѣковъ. Часть I. Одесса. 1903. Стр. IV+177.—Часть II. Одесса. 1904. Стр. IV+166. Цѣна каждой части 75 коп.“ (для VI и VII классовъ).

— „Ивановъ, Г. И. Начальный курсъ географіи. Изданіе 3-е, испр. и доп. С.-Пб. 1904. Стр. II+155+3 карты. Цѣна 60 коп.“ (для младшихъ классовъ и для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ, а также въ ученическія бібліотеки начальныхъ училищъ).

— „Матченко, И. П. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I. Начальныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Изданіе 4-е. Кіевъ. 1903. Стр. 56. Цѣна 40 коп.“

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1904 г. Іюнь.

— „Словцовъ, И. Обзоръніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. 3-е изданіе, М. 1904. Стр. VI+90. Цѣна 60 коп.“ (для VI класса реальныхъ училищъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Блажеевскій, С. Латинскій синтаксисъ въ вопросахъ. Въ связи съ латинской грамматикой В. Никифорова (по Штегману). Смоленскъ. 1904. Стр. 69. Цѣна 35 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособия).

— „Богдановъ, Викторъ. Русская хрестоматія. Курсъ среднихъ классовъ. Изданіе А. Э. Винке. С.-Пб. 1903. Выпускъ I. Стр. X+304+25. Цѣна въ перепл. 1 руб. 15 коп.—Выпускъ II. Стр. X+322+16+2. Цѣна въ перепл. 1 руб. 15 коп.“ (для среднихъ учебныхъ заведеній съ преобладающимъ составомъ инородцевъ и для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „Кохъ, А. В. Нѣмецкая хрестоматія. Отдѣлъ для среднихъ классовъ. Съ алфавитнымъ словаремъ, составл. Р. К. Бертольдъ. С.-Пб. 1904. Стр. II+244. Цѣна въ перепл. 1 руб.“

— „Пузицкій, В. Отечественная исторія въ разсказахъ. Изданіе 3-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. V+264. Цѣна 75 коп.“ (для 1 и 2 класса среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ, а также въ ученическія бібліотеки начальныхъ училищъ).

— „Разказы новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей объяснилъ и снабдилъ словаремъ Н. К. Эрдель. Изданіе Эггерсъ и К^о. (Повѣсти и разказы современныхъ нѣмецкихъ писателей. № 2). С.-Пб. 1904. Стр. 113. Цѣна 55 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „Рыбкинъ, Н. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе Часть I. Планиметрия. Изданіе магаз. «Сотрудникъ школь». М. 1903. Стр. 126. Цѣна 60 коп.“

— „Storm, Theodor. Pole Poppenspäler. Russische Schulausgabe P. Neuy. (Deutsche Autoren. Band 18). Kiew. 1904. 93 S. Preis geb. 60 Kop.“ (для среднихъ классовъ).

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Алмазовъ, Б. Н. Розандъ. М. 1901. Стр. 162+XXXV. Цѣна 1 руб. 75 коп.“ (для среднего и старшаго возраста и для выдачи ученикамъ въ награду, а также въ безплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Алтаевъ, Ал. Костры покааянія. Изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе» (Бібліотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 195. Цѣна 60 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды Погодина. Книга 18-я. С.-Пб. 1904. Стр. IX+555. Цѣна 2 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни).

„Behrsin, L. Land und Volk der Deutschen. (Deutsche Autoren.

Band 6). Kiew. 1903. 206 S. Preis geb. 85 Kop.“ (для среднего и старшаго возрастовъ).

— „Биографія композиторовъ съ IV—XX вѣкъ съ портретами. Иностранный и русскій отдѣлы подъ ред. К. Ильинскаго. Польскій отдѣлъ подъ ред. Г. Пахульскаго. Изданіе К. А. Дурново. М. 1904. Стр. V+927+XII. Цѣна не обозначена.“

— „Бореціусъ, Ф. Бабочки Европы. Переводъ съ дополненіями В. А. Догеля, подъ ред. В. М. Шимкевича. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. 251. Цѣна 4 руб.“ (также въ ученическихъ библіотеки низшихъ училищъ и для выдачи ученикамъ въ видѣ награды).

— „Буланже, П. А. Мудрость народовъ Востока. Выпускъ 1. Жизнь и ученіе Конфуція. Со статьей Л. Н. Толстого «Изложеніе китайскаго ученія». Изданіе «Посредника». СШ. М. 1903. Стр. 162. Цѣна 75 коп.

— „Вейнбергъ, Петръ. Русскіе поэты (карманная хрестоматія). Изданіе А. С. Суворина (Дешевая библіотека №№ 859 и 360). С.-Пб. 1904. Томъ I. Стр. IV+272+IV.—Томъ II. Стр. 317+VIII. Цѣна каждаго тома 20 коп., въ папкѣ 23 коп., въ перепл. 35 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „von Wildenbruch, E. Das edle Blut. Russische Schulausgabe von L. Behring. (Deutsche Autoren. Band 4). 2. Auflage. Kiew. 1904. Стр. 50 (текста)+24 (словари). Цѣна 40 коп.“ (для средняго возраста).

— „Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Томъ II. Жители сѣвера. Изданіе 4-е, совершенно переработ. С.-Пб. 1899. Стр. X+522. Цѣна 3 руб. 75 коп.—Томъ III. Жители средней Европы. Изданіе 3-е перераб. и дополн. С.-Пб. 1903. Стр. XI+565. Цѣна 3 р. 75 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Галенковскій, Н. А. Воспитаніе юношества въ прошломъ. Историческій очеркъ педагогическихъ средствъ при воспитаніи въ военно учебныхъ заведеніяхъ (въ періодъ 1700—1865 гг.). С.-Пб. 1904. Стр. 122. Цѣна 1 руб.“ (для старшаго возраста).

— „Гиациусъ, Александра. Нептунъ. Разсказъ для дѣтей. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 168. Цѣна 1 р. 50 коп. въ перепл. 2 руб. 25 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Гриѣдичъ, Н. И. Собраніе сочиненій. 2-е изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Т. I—II. Стр. XXXI+71+2+163+2.—Т. III—IV. Стр. XV+104+1+97+1.—Т. V—VI. Стр. 116+100+1. Цѣна 1 руб. 50 коп. въ коленк. перепл. 2 руб. 25 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Гофманъ, Францъ. 1) Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена. Переводъ съ нѣм. А. Н. Неѣловой. 2) Занесенные снѣгомъ. Переводъ съ нѣм. Н. Н. Есипова. Изданіе В. И. Губинскаго, С.-Пб. 1903. Стр. 238. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для средняго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Гофманъ, Фр. Путешествіе Гулливера по неизвѣстнымъ странамъ. По Джонатану Свифту обработано для юношества. Переводъ съ нѣм. А. М. Неѣловой. Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 240.

Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для средняго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Гумайонъ-Намэ. Васни и притчи Востока въ переводѣ С. М. Изданіе ред. „Новаго журнала иностранной литературы“. С.-Пб. 1904. Стр. 184. Цѣна 50 коп.“ (для средняго и старшаго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Дорофеевъ, Г. К. Кавказскія сказки и преданія. Изданіе 2-е, А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. VШ+214. Цѣна 2 р. 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ и для выдачи въ награду ученикамъ означенныхъ возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— Жуковскій, В. А. Полное собраніе сочиненій въ 12-ти томахъ. Подъ ред., біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями А. С. Архангельскаго. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1903. Цѣна 2 р.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— d'Ивуа, Поль. Въ Китаѣ. Романъ, въ переводѣ А. А. Эпквистъ. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 368. Цѣна 2 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— Каразинъ, Н. Н. Съ сѣвера на югъ. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Томъ I. Стр. 346+II.—Томъ II. Стр. 308+II. Цѣна за оба тома 3 р.“

— Каррьеръ, М. Драматическая поэзія. Переводъ В. А. Яковлева. С.-Пб. 1898. Стр. 189+I. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— Коржинская, О. М. Индійскія сказки. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. IV+235. Цѣна въ перепл. 3 руб. 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— Крүберъ, А., С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ. Европейская Россія. Иллюстрированный географическій сборникъ. Изданіе т-ва И. Н. Кушперевъ и К°. М. 1904. Стр. VI+581. Цѣна 2 р.“ (также въ ученическія библіотеки городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— Либровичъ, Сигизмундъ. Неполомнцкій царевичъ. С.-Пб. 1903. Стр. IV+108. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста).

— Майковъ, П. М. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. С.-Пб. 1904. Стр. XI+474+278. Цѣна 4 р.“ (для старшаго возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Минцловъ, С. Р. Въ грову. Историческая повѣсть въ эпоху Петра Великаго. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 317. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Нансенъ, Фритъофъ. На крайнемъ сѣверѣ. Жизнь эскимосовъ. Сокращенный переводъ О. Н. Поповой. Изданіе О. Н. Поповой. (Разказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1903. Стр. 94. Цѣна 30 коп.“ (для средняго и младшаго возрастовъ, а также въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Номенъ, Я. К. Записки о пребываніи Петра Великаго въ Нидерландахъ въ 1697/98 и 1716/17 гг. Переводъ, введеніе и примѣчанія В. Кордта. Кіевъ. 1904. Стр. 93. Цѣна 1 руб.“ (для старшаго возраста).

— „Петровичъ, М. По Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и наброски. Очеркъ 1-й. М. 1903. Стр. II+77. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Потѣхинъ, А. А. Сочиненія. Томъ I. Повѣсти и рассказы. Изданіе т-ва „Просвѣщеніе“. С.-Пб. 1903. Стр. 406. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Разинъ, А. Е. Пангеранъ-Пугарь, яванскій охотникъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 58. Цѣна 25 коп.“ (для младшаго и средняго возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Ресслеръ, Г. Электродвигатели переменнаго и трехфазнаго тока. Переводъ съ нѣм. подъ ред. В. И. Угрюмова. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1902. Стр. 214. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Русскій музей Императора Александра III. Текстъ Н. П. Брешков-Брешковскаго. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. XI+92. Цѣна 5 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „де-Сегюръ, Каникулы. Переводъ съ французскаго. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 326. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Смирновъ, А. П. Наша доля—Божья воля. 2-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 373. Цѣна 1 р. 75 коп., въ перепл. 2 р. 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Смирновъ, Е. И. Простѣйшіе опыты для объясненія явленій природы. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. 243+IV. Цѣна 35 коп.“

— „Станюковичъ, К. Мунька. Похожденія одной собаки. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 55. Цѣна 40 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Станюковичъ, К. М. Севастопольскій мальчикъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 263. Цѣна 2 руб. 75 коп., въ перепл. 3 руб. 50 коп.“ (для средняго возраста и для выдачи въ награду ученикамъ означеннаго возраста, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Твенъ, Маркъ. Приключенія Тома Сойера. Переводъ М. Николасовой. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 404. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Умановъ-Каплуновскій, В. В. Славянская муза. Сбор-

никъ переводныхъ стихотвореній. 3-е испр. издание. С.-Пб. 1904. Стр. XI+I+169. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ).

— „Хёттонъ, Фредерикъ-Волластонъ. Чтенія объ эволюціи. Переводъ съ англ. М. Александровича. Изданіе О. Н. Поповой. „Образовательная бібліотека. Серія V, № 4). С.-Пб. 1903. Стр. 77. Цѣна 40 коп.“

— „Чистяковъ, С. А. Исторія Петра Великаго. 2-е изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 512+IV. Цѣна 5 р.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ).

— „Eckermann, Johann Peter. Gespräche mit Goethe. Ausgewählt und systematisch geordnet sowie mit Einleitung und Anmerkungen herausgegeben von Johannes Ohquist. Verlag von V. G. Teubner. Leipzig. 1903. Стр. 105. Цѣна не обозначена.“ (для старшаго возраста).

— „Яковлевъ, Н. Н. Геологическая исторія животнаго царства. (введеніе въ изученіе палеонтологій). Изданіе О. Н. Поповой. (Образовательная бібліотека. Серія V, № 7). С.-Пб. 1903. Стр. 92. Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста).

2. Допустить условно слѣдующія книги.

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Аллендорфъ, Иванъ. Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть 1-я, 15-е изданіе. М. 1904. Стр. VIII+164. Цѣна 70 коп.“ (для двухъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ нѣмецкій языкъ преподается по грамматическому методу, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ были устранены недостатки).

— „Вельмъ, Я. І. Нѣмецкая коммерческая корреспонденція. Изданіе И. С. Козлова. М. 1904. Стр. 112. Цѣна 80 коп. въ палкѣ.“ (для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была снабжена оглавленіемъ и алфавитнымъ словаремъ).

б) въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Юревичъ, Г. Я. Собраніе ариметическихъ задачъ. С.-Пб. 1904. Стр. 106. Цѣна 25 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книги были устранены недостатки ея).

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Томъ I. Жители юга. 5-е изданіе, испр. и дополн. С.-Пб. 1897. Стр. XI+652. Цѣна

3 р. 75 коп.“ (для старшаго возраста, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были устранены недостатки).

— „Ганъ, И. К. Спутникъ правописанія. Изданіе 6-е. Вильна. 1904. Стр. VI+106. Цѣна 30 коп.“

— „Бруберъ, А., С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Черановъ. Азія. Иллюстрированный географическій сборникъ. Изданіе 2-е, испр. и доп., т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1904. Стр. VШ+548. Цѣна 2 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Журналъ: „Русскій Филологическій Вѣстникъ“, издаваемый проф. Сминовымъ — признать достойнымъ рекомендаціи со стороны министерства народнаго просвѣщенія для выписки въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, какъ за прошлые годы изданія журнала, такъ и на будущее время, посредствомъ особаго циркуляра попечителямъ учебныхъ округовъ.

— Книгу: „Лукьяновъ, Н. С. Физическій кабинетъ среднихъ учебныхъ заведеній. Устройство и оборудованіе помѣщенія, описаніе физическихъ приборовъ и устройствъ съ ними. Выпускъ I. Полтава. 1903. Стр. II+97+2 табл. Цѣна 1 р. 50 коп. — Выпускъ II. Опыты по механикѣ. 1904. Стр. (97—213). Цѣна 1 р. 50 к.“ признать заслуживающею рекомендаціи со стороны министерства народнаго просвѣщенія для обязательнаго пріобрѣтенія всѣми средними учебными заведеніями, имѣющими физическіе кабинеты, посредствомъ особаго циркуляра попечителямъ учебныхъ округовъ.

— Изданіе: „Природа и жизнь. Журналъ художественно-литературный, общественно-историческій и популярно-научный, для семейнаго чтенія и юношества. Редакторъ-издатель Н. П. Дучинскій. Въ годъ 52 №№ и 12 книгъ. Подписная цѣна 3 руб. съ доставкой и пересылкой.“ — допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній

— Книгу: „Дингельштедъ, В. Сельскохозяйственная гидравлика. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1904. Стр. XVI+512. Цѣна 4 р.“ — допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книгу: „Инжуль, Екатерина. Американская школа. Очеркъ методовъ американской педагогики. 2-е измѣнен. и дополн. изданіе. С.-Пб. 1904. Стр. XVII+374. Цѣна 2 р.“ — признать заслуживающею рекомендаціи, посредствомъ особаго циркуляра попечителямъ учебныхъ округовъ, вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки сихъ заведеній, а также вполне пригодною для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

— Изданіе: „Шахматное обозрѣніе. Ежемесячный журналъ, посвященный играмъ въ шахматы и шашки. Редакторъ-издатель П. П. Бобровъ. Москва. Цѣна 7 р. за годъ.“ — допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Борисовъ, Ѳ. П. «Родное». Книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. VI+386. Цѣна 65 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Евсѣевъ, И. Е. Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ. Изд. 8-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. IV+16. Цѣна 8 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Житковъ, С. В. Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариметикѣ. Задачникъ для учениковъ. 13-е изд. С.-Пб. 1903. Стр. II+126+V. Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Ислентьевъ, В. Г. И с л а в ь. Учебникъ русскаго языка для иородцевъ. Казань. 1903. Ч. I. Изд. 3-е. Стр. 122. Цѣна 25 коп.— Ч. II. Изд. 2-е. Стр. 148+VI. Цѣна 40 коп.“

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Житковъ, С. В. Методика ариметики. Изд. 7-е, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+176. Цѣна 75 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій).

— „Житковъ, С. В. Сборникъ ариметическихъ упражненій съ учителямъ. Пособіе для учителя. Изд. 7-е, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1903. Стр. 2+160. Цѣна 40 коп.“

— „Тихомировъ, Д. И. Книга для церковнославянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Часть I. Изд. 6-е. М. 1902. Стр. VIII+267. Цѣна 1 руб.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:¹⁾

— „Алтаевъ, А. Въ волшебной странѣ ацтековъ. Изданіе редакціи. «Дѣтское чтеніе» (Библіотека для семьи и школы). М. 1904.

¹⁾ Сочиненія, допущенныя въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Стр. 215. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ по положенію 31-го мая 1872 г., учннцъ).

— „Догановичъ, Анна. Дѣдъ Игнатъ. Изд. В. С. Спиридонова М. 1904. Стр. 66. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп.“

— „Додэ, А. Два отца. Переводъ съ франц. Н. Раменской. № 451 М. 1903. Стр. 71. Цѣна 3 коп.“

— „Додэ, Альфонсъ. Маленькій человекъ. (Исторія одного ребенка). Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 292+II. Цѣна 1 руб.“

— „Дрожинъ, С. Пѣсни крестьянина. Стихотворенія. № 317. М. 1898. Стр. 92+III. Цѣна 10 коп.“

— „Елинъ, И. Огородничество и садоводство. III. Какъ ухаживать за цвѣтами. Новое, испр. и доп. изд. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 33-я). М. 1903. Стр. 38. Цѣна 10 коп.“

— „Елпатьевскій, К. Разказы и стихотворенія изъ русской исторіи. 2-е изд. доп. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+432. Цѣна 1 р.“

— „Женеврэ, А. Маленькій разносчикъ (продавецъ спичекъ). Полный переводъ съ франц. Е. Д. Давыдовой. Изд. В. И. Губинскаго С.-Пб. 1903. Стр. 250. Цѣна 1 р.“

— „Истоминъ, В. А. Всеобщая исторія. Выпускъ I. Чтенія изъ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. Изданіе комиссіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1904. Стр. 116+1 карта. Цѣна не обозначена.

— „Карамышевъ, Н. Д. За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пролазаетъ. Чита. 1903. Стр. II+87. Цѣна 40 коп.“

— „Л., М. Сказаніе о храбрѣмъ Розандѣ. М. 1901. Стр. 32. Цѣна коп.“

— „Лабугэ, Эдуардъ. Любимыя сказки. Переводъ П. Доброславина и Н. Мазуренко. Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 204. Цѣна 1 р.“

— „Лукашевичъ, Клавдія. 1) Богатыри Севастопольскіе. Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Краткая біографія. М. 1904. Стр. 108. Цѣна 10 коп. — 2) Штурмъ Матахова кургана 27 августа 1855 года. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп. — 3) Последніе дни Севастополя. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп. — 4) Преосвященный Инокентій въ осажденномъ Севастополѣ. 1) Врачъ духовный. 2) Врачи тѣлесные. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп. — 5) Памятники славной обороны Севастополя. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп. — 6) Последній взглядъ на Севастополь. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп. (Дешевыя изд. И. Д. Сытна).“

— „Мамичъ-Сибирякъ, Д. Н. Разказы и сказки. Томъ I-й. 6-е изданіе. (Библіотека «Дѣтскаго чтенія»). М. 1902. Стр. 211. Цѣна 1 руб.“

— „Немировичъ-Данченко, В. И. На краю свѣта. Другъ за друга. 3-е изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе» (Библіотека „Для семьи и школы“). М. 1903. Стр. 222. Цѣна 75 коп.“

— „Орловскій, Сергѣй. Горе Селма. № 438. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 1 $\frac{1}{2}$ коп.“

— „Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло и что для него полезно и вредно. Переводъ съ англійскаго. Съ предисл. И. Горбунова-Посадова. № 300. М. 1898. Стр. 72. Цѣна 20 коп.“

— „Перелыгинъ, Н. И. Сиротки. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 24. Цѣна 15 коп.“

— „Разумовъ, Н. И. Что море говоритъ. Очерки для дѣтей. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. Стр. 35. Цѣна 20 коп.“

— „1) Русско-японская война. Ляо-Дунъ или Квантунская область. Стр. 63+1 карта. Цѣна 8 коп.—2) Русско-японская война. (8 и 9 недѣльн. войны). Изъ Россіи въ Портъ-Артуръ. Стр. 68. Цѣна 8 коп. (Дешевая иллюстрированная бібліотека №№ 4 и 5. Изданіе Н. П. Дучинскаго. С.-Пб. 1904).“ (вмѣстѣ съ тѣмъ допустить все изданіе „Русско-японская война“ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Сенкевичъ, Генрикъ. Камо грядеши? Сокращено по изданію «Русской мысли» въ переводѣ В. М. Лаврова. (Бібліотека «Юнаго читателя»). Изданіе 2-е. С.-Пб. Стр. 362. Цѣна 1 р.“

— „Сысоевъ, В. М. Вѣчная труженица и вѣчная кормилица. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „Тарнавскій, А. л. 1) Русско-японская война. Стр. 22.—2) Красный крестъ. 1-е приложеніе къ № 2 Циркуляръ для народн. учил. Оренбургскаго уч. окр. за 1904 г. Стр. 14.—3) Русскій флотъ. Стр. 16.“

— „Тихомировъ, Д. И. Жизнь и труды. В. А. Жуконск го-3-е изданіе ред. журн. «Дѣтское Чтеніе» (Бібліотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 55. Цѣна 10 коп.“

— „Тихомировъ, Д. И. Николай Алексѣевичъ Небрасовъ. 4-е изданіе. (Бібліотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 56. Цѣна 10 коп.“

— „Тихомировъ, Е. и Д. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. (Бібліотека «Дѣтскаго чтенія»). Изданіе 12-е. М. 1899. Стр. 85. Цѣна 10 коп.“

— „Хатунскій, Сергѣй. Приключенія крестьянскаго мальчика. Изданіе кн. маг. С. Курниъ и К°. М. 1904. Стр. 106. Цѣна 50 коп.“

г) въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки 1).

— „Бодрилларъ. Приключенія бутылки съ виномъ, рассказанныя ею самою. Съ франц. перевела В. Величкина. № 445. М. 1903. Стр. 159. Цѣна 15 коп.“

— „Бретъ-Гартъ. I. Рождественская ночь. II. Счастье «Ревущаго става». № 126. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

1) Книги, допущенныя въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки, считаются допущенными также въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

- „Вульфсонъ, Э. С. Лихой врагъ. (Быль). № 476. М. 1904. Стр. 53. Цѣна 3 коп.
- „Горбуновъ-Посадовъ, И. Сердечный другъ. Пѣсевичъ. № 471. М. 1903. Стр. 31. Цѣна 1½ коп.“
- „Гребницкій, А. С. Уходъ за плодовымъ садомъ. 2-е, просм. и знач. дополн. изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+290. Цѣна 1 р. 25 коп.“
- „Дальний Востокъ. Корея.—Японія.—Мавъчжурія. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ (также для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).
- „Дебу, К. И. Руководство къ выбору и уходу за сельско-хозяйственными машинами и орудіями. Орудія для подготовки почвы къ посѣву. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. бібліотека). С.-Пб. 1903. Стр. II+328. Цѣна 1 р. 50 коп.“
- „Догановичъ, Анна. Печальникъ земли русской. Изд. 3-е, измѣн., В. С. Спиридонова. М. 1904. Стр. 73. Цѣна 40 коп.“
- „Живописная Россія. Томъ III. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1903. Стр. V+620. Цѣна 4 руб. 50 коп., въ колѣнк. перепл. 5 р. 25 коп.“
- „Журововъ, С. В. Злая невѣстка. № 57. (Для взрослыхъ). М. 1901. Стр. 31. Цѣна 1½ коп.“
- „Зубрилинъ, А. А. Ленъ и обработка его на волокна. 4-ая бесѣда. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь.) Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. (Книжка 34-ая). М. 1903. Стр. 40. Цѣна 4 коп.“
- „Ирвингъ, В. Жизнь Магомета. Переводъ Л. П. Никифорова. Изд. 2-е, М. В. Ключкина. (Общепольная бібліотека для самообразованія. №№ 23 и 24). М. 1902. Стр. VI+367. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (также въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведсній).
- „Любичъ-Кошуровъ, І. А. Картинки современной жизни. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1902. Стр. 67. Цѣна 37 коп., въ цѣпкѣ 50 коп.“
- „Мопассанъ, Гюн де. Какъ Симонъ нашелъ себя отпа. Съ франц.—Дитя стрѣлочника. Быль. Съ англ. № 491. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 1½ коп.“
- „Потѣхинъ, Л. А. Доходное пчеловодство. Изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1902. Стр. 54. Цѣна 25 коп.“
- „С., Н. Японія и начало военныхъ дѣйствій ея съ Россіей. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна не обозначена“ (также для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ).
- „Сабинина, М. По горамъ и пустынямъ Средней Азій. (Библіотека „Юнаго читателя“). С.-Пб. 1903. Стр. 94. Цѣна 25 коп.“
- „Тулуповъ, Н. В., и П. М. Шеетаковъ. Для народнаго учителя. Выпускъ 1-й. Законы, правительственныя распоряженія и другія свѣдѣнія, относящіяся къ быту народныхъ учителей, за 1903 г. Изд. неофициальное. М. 1904. Стр. 51+П. Цѣна 7 коп.“

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Каптеревъ, Александръ. Священная исторія Ветхаго Завета. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 192. Цѣна 40 коп.“ (для 2-классныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Газету: „Биржевыя Вѣдомости“ (въ обоихъ изданіяхъ)—допустить при настоящей ея редакціи, къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Изданіе: „Природа и жизнь. Журналъ художественно-литературный, общественно-историческій и популярно-научный для семейнаго чтенія и юношества. Редакторъ-издатель Н. П. Д у ч и н с к і й. Въ годъ 52 №№ и 12 книгъ. Подписная цѣна 3 руб. въ годъ“ — допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Изданіе: „Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны (по официальнымъ даннымъ, свѣдѣніямъ печати и показаніямъ очевидцевъ). Изд. ред. „Новаго журнала иностранной литературы“ (Ө. И. Булгаковъ). С.-Пб. 1904. Цѣна только по подпискѣ 50 к. за выпускъ, съ перес. 70 к.“ — допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Книгу. „Герасимовъ, П. Н. Въ подарокъ дѣтямъ. 5 рассказовъ. Изд. 3-е, доп., П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 87. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ¹⁾.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— Бокъ, Е. 1) Краткій курсъ ботаники. Изданіе 2-е испр.. магаз. «Сотрудникъ школь». М. 1903. Стр. 68. Цѣна 40 коп.—2) Учебникъ бота-

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1904. № 7.

ники Издавіо магаз. «Сотрудникъ школъ». М. 1904. Стр. 329. Цѣна 1 р. 45 коп.“ (для женскихъ учебныхъ заведеній).

— „Westermann, Ernst. Deutsche Grammatik. 3-te, verbesserte Auflage. Verlag von N. Kummel. Riga. 1904. VIII+92 S. Preis 50 Kop.“ (для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „Виноградовъ, П. Начальный курсъ латинскаго языка. Изданіе 9-е. М. 1904. Стр. II+176. Цѣна 75 коп.“ (съ тѣмъ обязательнымъ условіемъ, чтобы цѣна книги была повижена до 60 коп).

— „Ланге, Георгій. Краткая англійская грамматика. Изданіе М. Лукина. Юрьевъ. 1904. Стр. IV+34. Цѣна 30 коп.“

— „Рыбкинъ, Н. Учебникъ прямолинейной тригонометріи. Изданіе 3-е, соед. въ собраніемъ задачъ, магаз. „Сотрудникъ школъ“. М. 1903. Стр. 163. Цѣна 90 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Адольтъ, А., и С. Любомудровъ. Orbis Romanus pictus. Римскій міръ въ картинкахъ. Часть I-ая, 3-е изданіе К. Тихомирова. М. 1903. Стр. 175. Цѣна 70 коп. въ папкѣ“ (для младшихъ классовъ).

— „Ворещагинъ, Ю. Н. Сборникъ образцовъ для историко-литературнаго изученія русской словесности. Изданіе В. В. Думнова. Часть I. Народная словесность и прозаическія литературныя произведенія. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+544. Цѣна 1 р. 75 коп.—Часть II. Поэтическія литературныя произведенія до Пушкина. С. Пб. 1904. Стр. IV+778+II. Цѣна 3 р.“ (для старшихъ классовъ).

— „Городцовъ, Павелъ. Краткіе очерки православнаго христіанскаго нравоученія. 4-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. 112+III. Цѣна 50 коп.“ (для VII и VIII классовъ гимназій).

— „Ковальскій, Я. Карта видимыхъ перемѣщеній планетъ Юпитера и Сатурна въ текущемъ 1904 году. С.-Пб. Цѣна 10 коп.“ (въ качествѣ класснаго учебнаго пособія для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается космографія, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Koch, Arthur. Deutsches Lesebuch für mittlere Lehranstalten. Erster Teil. Abteilung I. Mit einem deutsch-russischen Wörterbuche. St. Ptb. 1904. III+97+34 S. Preis geb. 60 Kop.—2) То же Abteilung II. Mit einem deutsch-russischen Wörterbuche. St. Ptb. 1904. 138+34 S. Preis geb. 70 Kop.—3) То же. Оба отдѣла въ одной книгѣ. Цѣна въ перепл. 1 р. Словари отдѣльно 20 коп.“ (для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „Цезарь, Гай Юлій. Записки о галльской войнѣ. Книга II. Объяснилъ А. Трейманъ. Ковно. 1903. Стр. VШ+23. Цѣна 40 коп.“ (съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы цѣна книги была повижена до 25 коп.).

— „Caesaris, C. Iulii, commentarii de bello Gallico, съ объясненіями, сост. Андреемъ Адольфомъ. Изданіе 4-е, К. И. Тихоми-

рова. М. 1904. Часть I. Латинский текст. Стр. XIII+168.—Часть II. Введение, объяснения, геогр. указатель и карта Галлии. Стр. XXVIII+198+1 карта Цѣна за обѣ части 1 р. 60 коп. въ накѣ.“

— „Ciceroſis, M. T. Somnium Scipionis. Латинский текстъ съ введениемъ, примѣч. и словаремъ, составл. В. Д. Покровскимъ. Тифлисъ. 1903. Стр. 120. Цѣна 65 коп.“

— „Stein, Eugenie. First English Reader. Part I. St. Pbg. 1904 Стр. XVI+203. Цѣна безъ перепл. 85 коп.“

в) въ ученическихя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Андреевская, М. Люди умираютъ, но дѣла ихъ живутъ. Три разсказа для дѣтей. Казань. 1904. Стр. 131. Цѣна 1 р.“ (для среднего возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Апраксинъ, А. Д. Мой мальчикъ. Изданіе т-ва Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 90. Цѣна 1 руб., въ колѣнк. перепл. 1 руб. 75 коп.“

— „Булдыгинъ, П. Повѣсти и очерки. Томъ II. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1903. Стр. 263. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Быстровъ, М. Ф. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. Сборникъ чтеній. Изданіе А. К. Пурышева. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+216. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Welter, G. Les fautes que font les Russes en parlant français. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 30 коп.“

— „Вольногорскій, Н. По бѣлу свѣту. Иллюстрированная географическая библіотека. Вып. 1-й. Страна живыхъ ископаемыхъ. Черты изъ жизни животныхъ Австраліи. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. 102. Цѣна 5 коп.“ (для среднего и младшаго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Желиховская, В. П. Во имя долга. Кукла. Надъ пучиной. Три разсказа для юношества. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1899. Стр. 361. Цѣна не обозначена“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя библіотеки и читальни).

— „Ивановъ, Ив. Вопросы молодости. С.-Пб. 1904. Стр. IV+233. Цѣна 90 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Крейбихъ, I. К. Пять чувствъ челоѣка. Переводъ съ нѣм. подъ ред. I. А. Шапиро. Изданіе В. И. Губинскаго. С. Пб. 1903. Стр. 150. Цѣна 45 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Лоджъ, Оливеръ. Электроны. Переводъ съ англійск. В. М. Филиппова. Изданіе О. Н. Пошовой. (Образовательная библіотека. Серия V, № 8). С.-Пб. 1904. Стр. 121. Цѣна 25 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Ляцкій, Евг. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. С.-Пб. 1904. Стр. 263. Цѣна 2 р.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Медвѣдевъ, Л. Въ гимназіи. Изданіе М. В. Ключкина. М.

1904. Стр. 240. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ перепл. 1 руб. 50 коп.“ (для среднего и младшаго возрастовъ, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Нелюбовъ, Д. Природа растеній. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1903. Стр. IV+296. Цѣна 2 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Опоковъ, З. Русскій орографическій словарь. Кіевъ. 1903. Стр. 200. Цѣна 1 р.“ (для среднего и старшаго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки).

— „Полянъ, Людовикъ. Нищенствующій Парижъ. Переводъ А. Тулубьева. С.-Пб. 1898. Стр. IV+172. Цѣна 1 р.“ (также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Реклю, Элизе. Земля. Описаніе жизни земного шара. Изданіе О. Н. Поповой. Выпускъ I. Земля какъ планета. Горы и равнины. Переводъ И. Добкевича. Подъ ред. Н. Березина. С.-Пб. 1898. Стр. 185. Цѣна 90 коп.—Выпускъ II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Переводъ подъ ред. Н. Березина. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1903. Стр. П+335. Цѣна 1 р. 30 коп.—Выпускъ III. Подземныя силы. Переводъ подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 231. Цѣна 1 р. 10 коп.—Выпускъ IV. Океанъ. Переводъ Д. Д. Струнииа. Подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 262+П. Цѣна 1 р. 10 коп.—Выпускъ V. Атмосфера и воздушныя явленія. Переводъ подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 214. Цѣна 1 р.—Выпускъ VI. Жизнь. Переводъ Д. А. Коропчевскаго. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 278. Цѣна 1 руб.“ (для старшаго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни).

— „Сервиссъ, Гарретъ П. Астрономія съ биоплемъ. Переводъ съ англ. М. И. Кисловскаго. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. Стр. 162. Цѣна 1 р.“

— „Станюковичъ, К. М. Исторія одной жизни. Изданіе А. А. Карцова. М. 1896. Стр. 294. Цѣна 1 р.“ (для среднего и старшаго возрастовъ, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Стокманъ-Диксонъ, М. Какъ былъ открытъ новый свѣтъ. Переводъ съ англ. Д. А. Коропчевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. Стр. 198. Цѣна 60 коп.“ (для среднего и старшаго возрастовъ).

— „Смисоева, Е. А. Исторія маленькой дѣвочки. Изданіе 4-е, ред. журн. „Родникъ“. С.-Пб. 1904. Стр. 400. Цѣна не обозначена“ (для среднего возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Чарская, Л. А. Записки институтки. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 286. Цѣна 2 р. 25 коп., въ перепл. 3 р.“ (также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Чарская, Л. А. Княжна Джаваха. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 336. Цѣна 2 р. 25 коп., въ перепл. 3 руб.“ (для младшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Чистяковъ, М. Корни и плоды. Повѣсти для дѣтей. Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 278. Цѣна 1 р. 75 коп., въ

коленк. перепл. 2 р. 50 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Щепкина - Куперникъ, Т. Л. Разказы для дѣтей. Изданіе Д. П. Бѣимова. Москва. Стр. 231. Цѣна 1 р.“ (для средняго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Gahlnbäcker, E. Deutsche Grammatik mit Übungsaufgaben u 4 Beilagen. 3. Auflage. St. Ptb. 1904. 128 S. Preis 65 Kop.“ (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены погрѣшности).

— „Гаммъ, Давидъ. 1) Практическій курсъ нѣмецкаго языка по натуральному методу къ картинамъ Гельцеля: 1. Осень. 2. Зима. 3. Весна. 4. Лѣто. 1-й и 2-й годъ обученія. Уральскъ. 1904. Стр. 118. Цѣна 1 р.— 2) То же къ картинамъ Гельцеля: Крестьянскій дворъ. 3-й годъ обученія. Уральскъ. 1904. Стр. 71. Цѣна 65 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы цѣна книжекъ была понижена — 1-ой до 75 коп., 2-ой до 50 коп., а кромѣ того, чтобы въ 1-ой книжкѣ текстъ былъ приспособленъ къ пользованію картинками въ ихъ настоящемъ видѣ, или же чтобы самыя картины 4-хъ временъ года, приложенныя къ книгѣ, были исполнены въ краскахъ).

б) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Вережанинъ, Ю. Н. Темы и задачи по исторіи и теоріи словесности. Изданіе В. В. Думнова. С.-Пб. 1903. Стр. 243. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи былъ исключенъ отдѣлъ А.а. Разборъ данныхъ образцовъ).

— „Красильниковъ, Ф. С. Малороссія и малоруссы. М. 1904. Стр. П+56. Цѣна 25 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Thomson, G. Erzählungen aus dem Leben der Thiere. I. M. 1904. Стр. 43. Цѣна 12 коп.“ (для средняго возраста, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены недостатки).

— „Щегловъ, В. Г. Государственный Совѣтъ въ Россіи. (Общедоступная бібліотека правовѣднія, издаваемая обществомъ распространенія полезныхъ книгъ подъ ред. Г. С. Фельдштейна) М. 1904. Стр. 38. Цѣна 5 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены замѣченныя погрѣшности).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Дурасовъ, М. С. Краткій курсъ русскаго торговаго

20. **РОДНЫЯ КАРТИНЫ.** О воинственномъ профессорѣ Мигулинѣ и о его завоевательныхъ планахъ. О томъ, какъ г. Гринмутъ отдалъ подѣ суду южную прессу. Земскіе начальники въ качествѣ экзаменаторовъ въ сельскихъ школахъ. Страхование жизни съ христіанской точки зрѣнія Мелочи. **Александра Яблоновскаго.** 69— 84
21. **СО СТОРОНЫ.** О любви къ дальнему и любви къ ближнему. **Волжскаго.** 85—105
22. **НА ЗАПАДѢ.** (Изъ Германіи). Мирбаховская эпопея. **Г. Гроссмана.** 106—119
23. **КРИТИКА И ВИБЛЮГРАФІЯ.** 1. А. Шницлеръ. Одинокій путь. **В. Фриче.** 2. О. Кюльпе. Современная философія въ Германіи. **В. Базарова.** 3. Г. Геффдингъ. Философскія проблемы. **А. Луначарскаго.** 4. Ж. Фино. Философія долговѣчности. **А. Вирениуса.** 5. Э. Дюкло. Соціальная гигиена. **Л. Василевскаго.** 6. В. И. Линдъ. Учить ли мужика или у него учиться. **Л. Л—о.** 7. Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Евр. и Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ. 8. Е. Бутми. Развитие государственнаго и общественнаго строя Англіи **И. Степанова.** 9. А. В. Зеленинъ. Очерки изъ животнаго царства. **Н. Малышева.** 10. Ив. Теокистовъ Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. **А. И. Лебедевъ.** Дѣтская и народная литература 11. Путешествіе вокругъ свѣта. **Э. Р. Циммермана** **Н. Леонтьевой.** 12. Проф. Г. Турнеръ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ.—**Н. Чигаевъ.** Уходъ за больными.—Карманная книжка для сестеръ и братьевъ милосердія.—Проф. Э. Бергманъ. Первая хирургическая помощь. **Д-ра Д. Никольскаго.** 13. М. Э. Быстровъ. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. **А. Липовскаго.** Книги поступившія въ редакцію. 120—162
24. Книжный листокъ. 65— 80

Вышло новое изданіе редакціи журнала „Образованіе“:

ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ

Т. ГЕРЦЛЯ.

переводъ съ нѣмецкаго **А. Даланской.**

ЦѢНА 1 р. съ перес.

Продолжается подписка на 1904 г.
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„Образование“.

Цѣна за годъ 6 р. съ перес., полгода — 3 р.,
за границу 8 руб.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: СПБ. Моховая, 38.
Въ Москвѣ при книжн. магаз. П. Путиловой (Арбатъ, 17), „Трудъ“ и у Н. Петковской.
Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образование“ (Ришельевская).

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ.

2) По поводу непринятыхъ статей редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятые статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятые же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтового расхода деньгами или марками.

4) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

5) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтамта направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

6) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ ио разсрочкѣ подписной платы *необходимо прилагать печатный адресъ*, по которому высылается журналъ въ текущемъ году или сообщать его №.

7) Перемѣна адреса должна быть прислана не позже 10 числа *каждаго мѣсяца*, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 60 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Контора редакціи открыта ежедневно, *кромѣ праздниковъ*, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторамъ ежедневно отъ 3 до 4 ч. кромѣ пятницъ и праздничныхъ дней*.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

ВЫШЛО НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ОБРАЗОВАНИЕ“:

ГЕРМАНСКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Фр. Паульсена,

профессора Берлинскаго университета.

Переводъ съ нѣмецкаго Г. Гроссмана.

Цѣна 1 р. 50 к. in 8, 412 стр.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

своего здоровья и настроенія, о томъ, что онъ ѣлъ, какъ онъ спалъ. Ему какъ будто и въ голову не приходитъ, что читающая публика интересуются болѣе тѣми странами, гдѣ онъ побывалъ, чѣмъ имъ самимъ. Но опять-таки не слѣдуетъ, чтобъ личность путешественника совершенно исчезала въ разсказѣ: надо только заботиться о томъ, чтобъ субъективный элементъ не бралъ перевѣса надъ объективнымъ. Ловко лавируя между этими Сциллой и Харибдой, авторъ счастливо избѣгаетъ обѣихъ крайностей; его разсказъ всюду живъ и интересенъ, говорить ли онъ о Новой Каледоніи, о Санъ-Франциско или о своей прогулкѣ подъ Ниагарой.

Самое изданіе оставляетъ желать многого: во первыхъ, оно дорого, тѣмъ болѣе, что въ книгѣ всего 174 страницы, и рисунки отсутствуютъ, хотя почему-то есть ссылки на нихъ (см. стр. 124), во вторыхъ, корректура сдѣлана небрежно, есть много типографскихъ опечатокъ, но списка ихъ не приложено, многія собственныя имена исковерканы, напримѣръ Вухганвиль вмѣсто Bougainville, Окгандъ вмѣсто Окхэндъ, попадаютъ даже простонародныя выраженія, какъ напр. *ихній*.

Н. Леонтьева.

Проф. Г. И. Турнеръ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ (до прибытія врача). Курсъ лекцій, читанныхъ въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній въ С.-Пб. Изд. 5-е. 1904. Ц. 80 к.

Н. Ф. Чигаевъ. Прив.-доц. Уходъ за больными. Практическое руководство для сестеръ милосердія. С.-Пб. Изд. Риккера. 1904. Ц. 50 к.
Карманная книжка для сестеръ и братьевъ милосердія. Сост. д-ра Б. Владыкинъ и Г. Арронетъ. С.-Петербургъ. 1904. Ц. 1 р.

Проф. Э. Бергманъ. Первая хирургическая помщъ. Перев. д-ра Лурье подъ редак. проф. К. Сапѣшко. Киевъ. 1904. Ц. 50 к.

Какъ только началась война на Дальнемъ Востока, стали быстро выходить новыя или переиздаваться старыя брошюры, руководства, пособія и т. п., относящіяся къ вопросу о подавіи первой помощи и объ уходѣ за больными и ранеными. Въ настоящее время не мало уже вышло такого рода трудовъ, и думаемъ, что еще будутъ новыя выходить. Къ числу недавно вышедшихъ сочиненій по интересующему насъ вопросу относятся и вышеуказанныя, о которыхъ мы и считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ.

Книжка проф. Турнера, вышедшая уже пятымъ изданіемъ является однимъ

изъ лучшихъ пособій между существующими по подаію первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Цѣль курсовъ, на которыхъ читались вышеуказанныя лекціи, сводилась къ тремъ главнымъ пунктамъ: 1) предостеречь слушателей отъ нѣкоторыхъ неразумныхъ приѣмовъ первой помощи; 2) изложить, на сколько опасны для жизни человѣка нѣкоторые изъ несчастныхъ случаевъ и заболѣваній, при которыхъ особенно необходимо немедленное прибытіе врача, и 3) ознакомить съ тѣми простыми средствами и приемами, которые каждый разумный человѣкъ сумѣетъ и долженъ примѣнить въ несчастіи. Всѣхъ лекцій шесть, при чемъ каждая изъ нихъ подраздѣляется на двѣ части—теоретическую и практическую, что имѣетъ существенное значеніе для слушателей и читателей. Несмотря на краткость изложенія, авторъ хорошо сумѣлъ расположить матеріалъ и вполне понятно, просто его изложить. Кромѣ того, для поясненія и большей наглядности въ текстѣ приложены прекрасно исполненные рисунки (60 рас.), которые дополняютъ достоинства книги проф. Турнера и дѣлаютъ ее доступною для каждаго сколько-нибудь образованнаго человѣка. Съ внѣшней стороны изданіе хорошее и по цѣнѣ не дорогое—80 к.

Книжка д-ра *Чугаева* хотя и назначается, какъ руководство для сестеръ милосердія, но, къ сожалѣнію, далеко не для всѣхъ и, тѣмъ болѣе, не для тѣхъ, которыя попадаютъ на эпидеміи, на голодовки и даже на войну. Предлагаемые авторомъ совѣты сестрамъ милосердія могутъ быть выполняемы у постели состоятельныхъ больныхъ или въ богато-обставленныхъ больницахъ, а не у обычныхъ больныхъ при будничной обстановкѣ. Всѣ рекомендуемыя авторомъ мелочи, хотя дѣйствительно имѣютъ значеніе при уходѣ за больнымъ, но далеко не выполнимы. Напр., мѣрамъ, влияющимъ на питаніе больного, посвящено 20 стр., и большая часть изъ нихъ останутся прекрасными совѣтами, въ родѣ того—какъ должны быть расположены кушанья на тарелкахъ, салфетки на столѣ больного и т. п.; „должно быть таково, чтобы общее впечатлѣніе получилось изящное и „аппетитное“ (9 стр.); далѣе на столѣ стояли бы цвѣты, разнообразіе въ способѣ накрыванія стола и т. д. Говоря о соблюденіи опрятности—вещи весьма важной и необходимой въ уходѣ за больнымъ—авторъ категорически настаиваетъ, чтобы больной не носилъ въ постели панталонъ и чулокъ (33 стр.). Да развѣ мыслимо, чтобы больной изъ простаго званія снялъ панталоны? А при нашихъ холодахъ не только въ квартирахъ, но и нѣкоторыхъ больницахъ—безъ этихъ принадлежностей нельзя обойтись. Помимо такихъ совѣтовъ, которые невыполнимы на практикѣ, авторъ допускаетъ ошибки и съ научной стороны, напр., при дезинфекціи рекомендуетъ, между прочимъ, примѣнять пары сѣрнистой кислоты (47 стр.)—способъ, признанный непригоднымъ и уже оставленный. Далѣе—въ числѣ

мѣрь, вліяющихъ на сонъ, авторъ указываетъ на питье горячихъ напитковъ—вино или грогъ, горячее молоко и т. д. „для отвлеченія крови отъ мозга“ (65 стр.). Хотя тутъ немногими строками ниже говорится, что эти напитки дѣйствуютъ въ направленіи противоположномъ свотворному. Тогда не слѣдовало бы приводить этихъ двухъ совѣтовъ, совершенно противоположныхъ. А горячее вино или грогъ и тѣмъ болѣе, не могутъ содѣйствовать сну. Крайне мало говорится о мѣрахъ кровоостанавливающихъ. Всѣхъ главъ 13, и нужно замѣтить, авторъ очень подробно останавливается на всемъ, что относится къ уходу за больнымъ; написана книжка просто, читается легко и можетъ принести больницѣ услугу для сестеръ милосердія. Изданіе съ вѣшной стороны хорошее.

Другимъ свойствомъ отличается слѣдующая книжка, также предназначенная для сестеръ и братьевъ милосердія—составленная д-рами В. Владыкинымъ и Г. Арронетомъ. Названная книжка—сжатый курсъ лекцій (шестинедѣльных), которыя были читаны слушателямъ въ Свято-Троицкой Общинѣ сестеръ милосердія. „Карманная книжка“ является крайне полезной, какъ справочный указатель для сестеръ и братьевъ милосердія, давая имъ возможность вспоминать необходимыя указанія при уходѣ за больными. Состоитъ она изъ двухъ главныхъ частей: 1) общей и терапевтической, и 2) хирургической. Въ первомъ отдѣлѣ, помимо краткихъ свѣдѣній объ анатоміи и физиологіи, а также о причинахъ болѣзней, инфекции, объ обязанностяхъ сестры или брата милосердія, особенно много мѣста удѣлено инфекціоннымъ болѣзнямъ (71—112). Къ сожалѣнію, ничего не говорится о вѣтрянной оспѣ; далѣе—далеко не установлено о цынгѣ, какъ болѣзни заразной—она есть результатъ исключительно недостаточнаго питанія и плохихъ гигиеническихъ условій. Во второй части—хирургической—излагаются анатомическія свѣдѣнія о костяхъ, суставахъ, мышцахъ, кожѣ и сосудахъ, а потомъ различныхъ поврежденіяхъ. Наиболѣе подробно говорится объ асептикѣ и антисептикѣ, какъ основѣ подаванія первой помощи при всѣхъ поврежденіяхъ. Говоря о кровотеченіяхъ, слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о носовыхъ кровотеченіяхъ, которыя иногда угрожаютъ жизни. Въ главѣ объ ожогахъ авторы почему то совѣтъ не упоминаютъ о примѣненіи соды, какъ одного изъ лучшихъ средствъ, въ особенности въ свѣжихъ случаяхъ первой и второй степени. Въ общемъ книжка составлена хорошо—кратко, ясно, существенное сказано все, и написана вполне литературнымъ языкомъ. Можетъ оказать большую услугу не только прослушавшимъ курсъ сестрамъ и братьямъ милосердія, но и каждому интеллигентному человѣку.

Книга проф. *Бергмана* „Первая хирургическая помощь“—опредѣляетъ уже ея содержаніе, т. е. въ ней помѣщены такія свѣдѣнія, которыя исклю-

чительно относится до поданія хирургической помощи. Состоитъ она изъ трехъ лекцій, прекрасно исполненныхъ, всесторонне, въ тоже время сжато, исчерпывающихъ разбираемый имъ вопросъ не только съ теоретической, но и практической стороны. Авторъ, какъ извѣстный практикъ и ученый, сумѣлъ дать въ этихъ трехъ лекціяхъ существенно все необходимое для ознакомленія съ подавiемъ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Книжка проф. Бергмана необходима не только для низшаго медицинскаго персонала, или сестеръ милосердія,—но и для врача—не спеціалиста хирурга. Есть въ ней много и новаго. Особенно подробно авторъ остановился на ушибахъ и ранахъ различныхъ частей тѣла. Говоря о поврежденіяхъ уха, авторъ указываетъ на раны, происходящія отъ ударовъ палкой или линейкой, „уотребляемыми въ цѣляхъ педагогическаго воздѣйствія“, и такія поврежденія далеко не рѣдки. Къ сожалѣнію, у нѣмцевъ такія педагогическія воздѣйствія до сихъ поръ въ школахъ практикуются и, повидимому, особеннаго протеста не вызываютъ. Въ заключеніе авторъ говоритъ объ организаціи помощи въ городахъ и объ устройствѣ спасательной станціи.

Нѣкоторыя шерехватости въ переводѣ не исключаютъ достоинствъ книжки проф. Бергмана, которая съ интересомъ прочтется.

Д. Никольскій.

Быстровъ, М. Ѡ. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. (Изложеніе монографическое). Сборникъ чтеній для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1904. Цѣна 1 р. 50 к.

Необходимость оживленія курса средней школы сознается въ настоящее время уже не только широкими кругами русскаго общества, но и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Разныя комиссіи и подкомиссіи при Министерствѣ за послѣдніе годы создали цѣлый рядъ проектовъ „реформы“. Но дѣло все какъ-то не идетъ на ладъ. Причинъ тутъ, конечно, много, но главная, по нашему мнѣнію, заключается въ отсутствіи единства цѣли, того строгаго принципа, который бы съ неизбѣжной послѣдовательностью опредѣлялъ всѣ стороны реформы. Несостоятельность опубликованныхъ до сихъ поръ проектовъ очевидна хотя бы и изъ ихъ частой смѣны и противорѣчivosti. Это общее положеніе дѣла особенно сказывается на измѣненіи программы преподаванія исторіи русской литературы. Ученый Комитетъ Министерства желалъ и сохраненія прежней программы (теорія словесности въ VIII классѣ), и ознакомленія учениковъ съ произведеніями

главнѣйшихъ русскихъ писателей второй половины XIX вѣка. Но какъ совмѣстить эти два курса, что выбрать изъ произведеній русской литературы послѣ Гоголя, наконецъ, съ казкихъ точекъ зрѣнія нужно изучать послѣднія—оставалось или нерѣшеннымъ, или оспаривалось новыми комиссиями и новыми проектами. Такъ, напримѣръ, въ циркулярѣ отъ 4 ноября 1903 года, подписанномъ Министромъ Зенгеромъ, новѣйшая русская литература является, главнымъ образомъ, какъ матеріалъ для домашнихъ ученическихъ сочиненій; далѣе, въ этомъ проектѣ совершенно исключены Левъ Толстой и Достоевскій, ибо „дѣлать творенія неумолимо-строгихъ и мучительно-зоркихъ судей нашей совѣсти предметомъ класснаго разбора и бесѣды опасно рекомендовать“ (стр. 5); исключены, безъ объясненія причинъ, Некрасовъ, не рекомендованы и многіе романы Тургенева (напримѣръ, Отцы и Дѣти, Новъ, Дымъ), драмы Островскаго (есть только Гроза и Вѣдность не порокъ) и пр. и пр.; что касается способа изученія немногихъ разрѣшенныхъ произведеній новѣйшей русской литературы, то, не предлагая ничего отъ себя, названный циркуляръ повторяетъ наставленіе „учебныхъ плановъ“ 1895 года: „нѣтъ никакой надобности учителю стараться связывать отдѣльные историко-литературные факты, сообщаемые ученикамъ по поводу разбираемыхъ произведеній, потому что придуманная ad hoc связь между ними не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого научнаго значенія, а можетъ послужить лишь къ пустой тратѣ времени“ (стр. 3). Но вотъ для сравненія съ только что приведенными мнѣніями Ученаго Комитета 4 ноября 1903 года и въ подтвержденіе нашей мысли, выраженной въ началѣ замѣтки,—предложенія новаго проекта программы, разосланнаго въ гимназіи и реальныя училища Спб. учебнаго округа 3 іюня настоящаго года. Новая программа признаетъ за курсомъ новѣйшей литературы самостоятельное значеніе; предлагаетъ проходить его исторически; включаетъ въ него Бѣлинскаго, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевскаго; расширяетъ количество рекомендованныхъ раньше произведеній Тургенева, Островскаго и др. Наша цѣль—не оцѣнивать проекты Министерства, и въ послѣднемъ, напримѣръ, проектѣ не хватаетъ общей характеристики нашихъ западниковъ и славянофиловъ, беллетристовъ—народниковъ, Некрасова и мн. др., но мы не можемъ не отмѣтить, что, наконецъ то, можетъ быть, мы вступаемъ на правильный путь изученія нашей словесности, т. е. историко-литературный, ибо только этимъ путемъ можно дать почувствовать отличительную особенность нашей литературы—ея живую отзывчивость на явленія русской жизни всѣхъ слоевъ русскаго народа. Усваивая научно исторію русской литературы, т. е. въ связи съ условіями русской дѣйствительности и всякаго рода воздѣйствіями на писателя и самого писателя на общество, ученики, конечно, не будутъ ли-

шмы и благотворнаго вліянія тѣхъ широко гуманныхъ идеаловъ, проповѣдниками которыхъ всегда были лучшіе русскіе писатели.

Какъ несовершенны новыя проекты программъ, такъ неудачны и новыя руководства, составленныя примѣнительно къ этимъ программамъ.

Одно изъ такихъ „примѣнительныхъ“ руководствъ названо въ заголовкѣ. Оно изложено „монографически“, т. е. внѣ всякой исторической перспективы; въ немъ нѣтъ Льва Толстого, Достоевскаго и нѣтъ многихъ и многихъ произведеній Тургенева, Островскаго и др., вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, которыя приведены въ программѣ 4 ноября 1903 г., къ которой, по собственнымъ словамъ, примѣнялся составитель; согласно съ духомъ вышеназванной программы, исключавшей неумолимо строгихъ судей нашей совѣсти и жизни, составитель объясняетъ геній Пушкина тѣмъ, что Пушкинъ „сынъ русскаго народа, духовная субстанція котораго такъ богата, что совмѣщаетъ въ себѣ духовныя субстанціи другихъ народовъ“ (18 стр.), или, напримѣръ, особенно рекомендуетъ „Бородинскую годовщину“ Вѣлинскаго (71 стр.), отъ которой самъ Вѣлинскій впоследствии отрекся. Мы не говоримъ уже объ умолчаніяхъ составителя.

Такъ какъ основная точка зрѣнія программы 4 ноября 1903 г. на составъ курса и методъ прохожденія его совершенно устраняется новымъ проектомъ программы, не говоря уже о томъ, какъ обстоит дѣло въ самой наукѣ, то намъ не представляется надобности дольше останавливаться на „общемъ характерѣ“ учебнаго курса г. Быстрова. Перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ, не предусмотрѣннымъ въ циркулярѣ 1903 года.

Въ первой статьѣ („В. А. Жуковскій“) несогласно съ общепринятымъ нынѣ въ наукѣ положеніемъ Жуковскій названъ „первымъ поэтомъ, въ дѣятельности котораго романтизмъ нашелъ себѣ *полное, яркое* и дѣйствительно талантливое выраженіе“ (7 стр.).

Въ ст. „О воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина“, несмотря на патетическія фразы о способности перевоплощенія Пушкина, совершенно невыяснено, въ чемъ заключается англійскій характеръ пѣсни Мэри (Первое время чумы) ср. 9 стр.

Ст. о Вѣлинскомъ крайне неуклюже скомпонована: къ чему длинная и скучная IX глава (сравненіе взглядовъ Вѣлинскаго и К. Аксакова на русскій героическій эпосъ)? Изложеніе теорій Шеллинга и Гегеля (44—45 стр.) туманное. Замѣчаніе о юношеской драмѣ Вѣлинскаго (52 стр.), могло бы быть точнѣе, если бы составитель принялъ во вниманіе изданіе г. Венгерова.

Въ ст. о Гоголѣ совершенно невѣрно заключеніе объ отношеніи комедій Гоголя „Ревизоръ“ и комедіи Квитки „Пріѣзжіи изъ столицы“. А. І. Лященко въ статьѣ объ отношеніяхъ этихъ комедій (Сборникъ „памяти

Л. Н. Майкова“ Спб. 1902) довольно убедительно доказывает, что Гоголь „с комедій Квитки только слышалъ, но не читалъ ея“.

Въ ст. объ А. Майковѣ авторъ черезчуръ увлекся, отнеся этого поэта къ „замѣчательнѣйшимъ и вдохновеннѣйшимъ“.

Въ ст. о Тургеневѣ неприятно поражаетъ замѣчаніе о томъ, что Тургеневъ „облагодѣтельствовалъ“ семью Виардо (185 стр. Ср. письма, изд. Гальперинымъ-Каменскимъ). Характеристика Тургенева неполна и неправильна, при исключеніи изъ обзора его произведеній такихъ романовъ, какъ Наканунѣ, Новь и др. г. Быстровъ „чувствуетъ крайнее возмущеніе противъ Базарова“ (194 стр.), но отсюда не слѣдуетъ, что и Тургеневъ также относился къ своему герою (ib.): всѣмъ извѣстно, какъ, наоборотъ, уважалъ Тургеневъ людей базаровскаго типа, хотя бы и видѣлъ въ нихъ недостатки.

Столь же превратное мнѣніе составить ученики г. Быстрова и объ Островскомъ, если прочтутъ 10 страничекъ, посвященныхъ ему въ Учебномъ курсѣ, ибо его драмы не однѣ „хроника жизни и быта замоскворѣдкаго купечества“ (207 стр.) и кромѣ комедій „Свои люди—сочтемся“ и „Грозы“, упомянутыхъ г. Быстровымъ, послѣ Островскаго осталось много замѣчательныхъ произведеній.

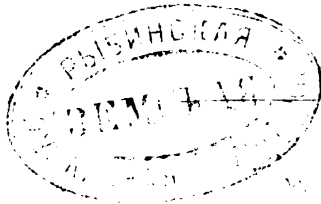
Мы не оставаивались на правильныхъ замѣчаніяхъ г. Быстрова—нихъ, конечно, больше, чѣмъ ложныхъ, но всѣ они общезвѣстны, да и самъ составитель „не претендуетъ на оригинальность“.

Жаль только, что отличныя выдержки изъ соч. Пыпина и др. портятся сосѣдствомъ шаблонныхъ и трескучихъ фразъ составителя, особенно въ статьяхъ о поэтахъ и Тургеневѣ.

Много бы можно сказать и о стилѣ столичнаго преподавателя русскаго языка. Но тутъ, какъ и во многихъ другихъ погрѣшностяхъ составителя, есть и извиненіе: съ 4 ноября 1903 г. по 12 февраля 1904 г. (дата предисловія) немного времени.

Мы надѣемся, что будутъ лучше новыя программы. Тогда явятся и „учебные курсы“ лучше тѣхъ, какіе мы видимъ теперь.

А. Липовскій.



Новыя книги, поступившія въ редакцію.

В. Богучарскій. „Изъ прошлаго русскаго общества“. Книгоизд. М. В. Пирожкова. Цѣна 2 руб.

Э. Пименова. „Политическіе вожди Современной Англiи и Ирландiи“. Книгоизд. М. В. Пирожкова. Цѣна 2 руб.

Эрнестъ Фонъ Гессе-Вартегъ. „Японія и Японцы“. 2-е изд. А. Ф. Девриена.

С. Л. Сегаль. „Объ основныхъ вопросахъ жизни“. Изд. Н. В. Богдырева. Цѣна 1 руб.

Изданіе Ред. Журн. „Дѣтское Чтеніе“. Н. А. Свворцовъ. „Въ царствѣ животныхъ“. Цѣна 25 коп. Н. П. Дружининъ. „Общедоступное руководство къ изученію законовъ“. Цѣна 60 коп. В. А. Гольцевъ. „Дѣти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленка“. Цѣна 6 коп. И. И. Ивановъ. Вильямъ Шекспиръ. Отелло. Цѣна 20 коп.

Александръ Альмедингенъ. „Желѣзо“. Изд. Ред. Журн. „Техническое Образование“. Цѣна 30 коп.

А. Клоссовскій. „Климатологія въ связи съ климатотерапіей и гигиеной“.

Д-ръ Р. Браунсъ. „Царство Минераловъ“. Изд. А. Ф. Девриена, выш. 2-я. Цѣна 2 руб. 75 коп.

А. В. Кругловъ. Кто виновникъ убийи женской души. Цѣна 20 коп.

Петръ Васильевъ. Этимологія русскаго языка. Цѣна 40 коп.

А. Е. Спиридововъ. Учебникъ всеобщей географіи. Европа. Цѣна 50 коп.

В. Пржевальскій. Разсказы. Цѣна 50 коп.

А. Д. Ш. Стихотворенія. Цѣна 60 коп.

А. А. Рымкевичъ. Воспитаніе дѣтей. Часть 1-я. Цѣна 60 коп.

А. Г. Шлихтеръ. Къ характеристикѣ современной общины. Ч. 1. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Л. Г. Чемисовъ. По предоказанію, воедилъ въ 2-хъ д.

А. Берло. Арсеній Берло, епископъ Переяславскій и Борзиспольскій. Біографическій очеркъ.

А. Г. Максимовъ. Историко-библіографическое изслѣдованіе. Цѣна 30 коп.

А. Фурнье. Нашииъ сновьямъ въ 18 лѣтъ, совѣты врача передъ вступленіемъ въ жизнь, пер. съ франц. д-ра Л. Я. Якобсона. Цѣна 10 коп. Изданіе В. И. Губинскаго.

Изд. „Жизнь и правда“. К. Суздальцевъ. Подъ Краснымъ Крестомъ. Другъ о другѣ а Богъ обо всѣхъ. Бретъ-Гартъ. Отчаянная. М. А. Ильинъ. Вознагражденіе рабочихъ за несчастные случаи. А. Б. Подвигъ Индианки, историческое сказаніе. К. А. Ковальскій. Судъ Божій. Бухаркинъ мужъ. 70 коп. сотня.

А. И. Мальта. Сушка плодовъ и овощей домашнимъ способомъ.

Ю. С. Гамбаровъ. Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Цѣна 20 коп.

А. А. Потѣхинъ. Сочиненія шесть томовъ. Цѣна 6 руб. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“.

М. Б. Кремеръ. Отличительныя черты Еврейской націи. Цѣна 15 коп.

Записки Ивано-Вознесенскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. 1904 г. вып. 11-й.

Л. М. Медвѣдевъ. „Старая трубка“ — рассказъ изъ военнаго бита. Изд. Ред. Журн. „Дѣтское Чтеніе“. Цѣна 25 коп.

Т. Казаковъ. „Отецъ и сынъ“ и др. рассказы. Цѣна 1 руб.

Статистическое Бюро Ярославскаго Губ. Земства. — „Кустарные Промыслы“. Статистич. Сборникъ. Журналы экстреннаго Саратовскаго Губернскаго Собранія. Физикъ-Любитель № 1.

Географическій Атласъ. Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“: вып. 1. Цѣна 40 коп.

Куро Франке. Исторія нѣмецк. литературы. Книгоизд. — М. В. Пирожкова. Цѣна 3 руб.

С. Лозинскій. Исторія Второй Фр. Республики. Изданіе В. И. Рашъ и В. И. Потапова. Цѣна 2 руб. 50 коп.

С. Горбова. Свящ. Ист. Ветх. Заветъ. Изданіе Тихомирова. Цѣна 1 руб.

А. С. Пругавинъ. „Старообрядчество во второй половинѣ XIX в.“ Цѣна 1 руб.

В. Чернышевъ. „Письма о старой и новой орфографіи“. Цѣна 20 коп.

С. Русова. „Верещагинъ“. Цѣна 6 коп.

Н. Позняковъ. „Соловьиный садъ“ и др. раз. Изд. книжн. маг. „Новостей“. Цѣна 1 руб.

Вазовъ. Рассказы. Цѣна 90 коп.

Н. Васильевъ. „Тоска по вѣчности“. Цѣна 1 руб.

Докучаевъ. Сборникъ статей посл. его памяти. Изд. журн. „Пчеловѣдствіи“. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Е. Бохаревъ. Стихотворенія. Цѣна 40 коп.

М. С. Ломшаевъ. „Сборникъ стихотвор. и отрывковъ прозаич. всемірной литературы“. Ч. III. Цѣна 50 коп.

„Библиотека для всѣхъ“ изд. Рутенберга и Жуковой. Изд. Нажи-винъ. Два старика. Цѣна 3 коп. В. Измайловъ. „Уловительницы“. Цѣна 1 коп. С. Елпатовскій. О. Киримъ. Цѣна 5 коп. С. Елпатовскій. Служащій. Цѣна 10 коп. С. Елпатовскій. Апельсинчикъ. Цѣна 3 коп.

К. Я. Шидловскій. Сводка ходатайствъ Пирогов. общ. врачей. Цѣна 30 коп.

В. В. Тихомировъ. Новая русская народная азбука. Цѣна 25 коп.

А. Никитинъ. — Нагрузка и разгрузка.

А. Никитинъ. Зямовки судовыхъ командъ въ Затонахъ рѣки Волги.

А. Никитинъ. Изъ отчета санитарнаго врача.

слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Карови н ѣ, А. М. Цѣли и задачи общества трезвости. Изданіе перваго Московскаго общества трезвости. № 5. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 8 коп. (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніемъ ученаго комитета).

— „Суриковъ, Иванъ Захаровичъ. Избранныя стихотворенія. 2-е изданіе И. О. Жиркова М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: ¹⁾

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Беллярминовъ, И. Руководство къ русской исторіи съ дополненіемъ изъ всеобщей. Изданіе 16-е. С.-Пб. 1902. Стр. 172+I. Цѣна 50 коп.“ (для женскихъ гимназій, а также для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „Ельницкій, К. 1) Курсъ дидактики. 13-е изданіе. Д. Д. Полу-
боярнова: С.-Пб. 1903. Стр. 143. Цѣна 75 коп.—2) Очерки по исторіи педагогикки. 5-е изданіе, Д. Д. Полубоярнова С.-Пб. 1903. Стр. 157. Цѣна 75 коп.“ (для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ ученическія бібліотеки названныхъ учебныхъ заведеній и въ учительскія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ).

— „Знойко, Николай. Краткое руководство по средней исторіи. Одесса. 1903. Стр. VIII+170. Цѣна 75 коп.“ (для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій).

— „Знойко, Николай. Систематическій курсъ исторіи новыхъ вѣковъ. Часть I. Одесса. 1903. Стр. IV+177.—Часть II. Одесса. 1904. Стр. IV+168. Цѣна каждой части 75 коп.“ (для VI и VII классовъ).

— „Ивановъ, Г. И. Начальный курсъ географіи. Изданіе 3-е, испр. и доп. С.-Пб. 1904. Стр. II+155+3 карты. Цѣна 60 коп.“ (для младшихъ классовъ и для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ, а также въ учебныя бібліотеки начальныхъ училищъ).

— „Матченко, И. П. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I. Начальныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Изданіе 4-е. Кіевъ. 1903. Стр. 56. Цѣна 40 коп.“

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1904 г. Іюнь.

— „Словцовъ, И. Обзоръніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. 3-е изданіе, М. 1904. Стр. VI+90. Цѣна 60 коп.“ (для VI класса реальныхъ училищъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Блажеевскій, С. Латинскій синтаксисъ въ вопросахъ. Въ связи съ латинской грамматикой В. Никифорова (по Штегману). Смоленскъ. 1904. Стр. 69. Цѣна 35 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособия).

— „Богдановъ, Викторъ. Русская хрестоматія. Курсъ среднихъ классовъ. Изданіе А. Э. Винке. С.-Пб. 1903. Выпускъ I. Стр. X+304+25. Цѣна въ перепл. 1 руб. 15 коп.—Выпускъ II. Стр. X+322+16+2. Цѣна въ перепл. 1 руб. 15 коп.“ (для среднихъ учебныхъ заведеній съ преобладающимъ составомъ инородцевъ и для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „Кохъ, А. В. Нѣмецкая хрестоматія. Отдѣлъ для среднихъ классовъ. Съ алфавитнымъ словаремъ, составл. Р. К. Бертольдъ. С.-Пб. 1904. Стр. II+244. Цѣна въ перепл. 1 руб.“

— „Пузицкій, В. Отечественная исторія въ разсказахъ. Изданіе 3-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. V+264. Цѣна 75 коп.“ (для 1 и 2 класса среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ, а также въ ученическія бібліотеки начальныхъ училищъ).

— „Разказы новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей объяснилъ и снабдилъ словаремъ Н. К. Эрдель. Изданіе Эггерсъ и К^о. (Повѣсти и разказы современныхъ нѣмецкихъ писателей. № 2). С.-Пб. 1904. Стр. 113. Цѣна 55 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „Рыбкинъ, Н. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе Часть I. Планиметрія. Изданіе магаз. «Сотрудникъ школъ». М. 1903. Стр. 126. Цѣна 60 коп.“

— „Storm, Theodor. Pole Poppenspäler. Russische Schulausgabe P. Neuy. (Deutsche Autoren. Band 18). Kiew. 1904. 93 S. Preis geb. 60 Kop.“ (для среднихъ классовъ).

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Алмазовъ, Б. Н. Роландъ. М. 1901. Стр. 162+XXXV. Цѣна 1 руб. 75 коп.“ (для средняго и старшаго возраста и для выдачи ученикамъ въ награду, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Алтаевъ, Ал. Костры покаянія. Изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе» (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 195. Цѣна 60 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды Погодина. Книга 18-я. С.-Пб. 1904. Стр. IX+555. Цѣна 2 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

„Behrsin, L. Land und Volk der Deutschen. (Deutsche Autoren.

Band 6). Kiew. 1903. 206 S. Preis geb. 85 Kop.“ (для среднего и старшего возрастовъ).

— „Биографія композиторовъ съ IV—XX вѣкъ съ портретами. Иностраннѣй и русскій отдѣлы подѣ ред. К. Ильинскаго. Польскій отдѣлъ подѣ ред. Г. Пахульскаго. Изданіе К. А. Дурново. М. 1904. Стр. V+927+XII. Цѣна не обозначена.“

— „Боредіусъ, Ф. Бабочки Европы. Переводъ съ дополненіями В. А. Догеля, подѣ ред. В. М. Шимкевича. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. 251. Цѣна 4 руб.“ (также въ ученическіи бібліотеки низшихъ училищъ и для выдачи ученикамъ въ видѣ награды).

— „Буланже, П. А. Мудрость народовъ Востока. Выпускъ I. Жизнь и ученіе Конфуція. Со статьей Л. Н. Толстого «Изложеніе китайскаго ученія». Изданіе «Средника». СШ. М. 1903. Стр. 162. Цѣна 75 коп.

— „Вейнбергъ, Петръ. Русскіе поэты (карманная хрестоматія). Изданіе А. С. Суворина (Дешевая бібліотека №№ 359 и 360). С.-Пб. 1904. Томъ I. Стр. IV+272+IV.—Томъ II. Стр. 317+VIII. Цѣна каждаго тома 20 коп., въ папѣ 23 коп., въ перепл. 35 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „von Wildenbruch, E. Das edle Blut. Russische Schulausgabe von L. Behrsin. (Deutsche Autoren. Band 4). 2. Auflage. Kiew. 1904. Стр. 50 (текста)+24 (словаря). Цѣна 40 коп.“ (для средняго возраста).

— „Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскіхъ народовъ. Томъ II. Жители сѣвера. Изданіе 4-е, совершенно переработ. С.-Пб. 1899. Стр. X+522. Цѣна 3 руб. 75 коп.—Томъ III. Жители средней Европы. Изданіе 3-е перераб. и дополн. С.-Пб. 1903. Стр. XI+565. Цѣна 3 р. 75 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Галенковскій, Н. А. Воспитаніе юношества въ прошломъ. Историческій очеркъ педагогическихъ средствъ при воспитаніи въ военно учебныхъ заведеніяхъ (въ періодъ 1700—1865 гг.). С.-Пб. 1904. Стр. 122. Цѣна 1 руб.“ (для старшаго возраста).

— „Гиппиусъ, Александра. Нептувъ. Разсказъ для дѣтей. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 168. Цѣна 1 р. 50 коп. въ перепл. 2 руб. 25 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ безплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Гнѣдичъ, Н. И. Собраніе сочиненій. 2-е изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Т. I—II. Стр. XXXI+71+2+163+2.—Т. III—IV. Стр. XV+104+1+97+1.—Т. V—VI. Стр. 116+100+1. Цѣна 1 руб. 50 коп. въ колѣнк. перепл. 2 руб. 25 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Гофманъ, Францъ. 1) Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена. Переводъ съ нѣм. А. Н. Неѣловой. 2) Занесенные снѣгомъ. Переводъ съ нѣм. Н. Н. Есипова. Изданіе В. И. Губинскаго, С.-Пб. 1903. Стр. 238. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для средняго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Гофманъ, Фр. Путешествіе Гулливера по неизвѣстнымъ странамъ. По Джонатану Свифту обработано для юношества. Переводъ съ нѣм. А. М. Неѣловой. Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 240.

Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для средняго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Гумайонъ-Намэ. Басни и притчи Востока въ переводѣ С. М. Изданіе ред. „Новаго журнала иностранной литературы“. С.-Пб. 1904. Стр. 184. Цѣна 50 коп.“ (для средняго и старшаго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Дорофеевъ, Г. К. Кавказскія сказки и преданія. Изданіе 2-е, А. Ф. Девриена. С.-Пб. Стр. VIII+214. Цѣна 2 р. 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ и для выдачи въ награду ученикамъ означенныхъ возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— Жуковскій, В. А. Полное собраніе сочиненій въ 12-ти томахъ. Подъ ред. биографическимъ очеркомъ и примѣчаніями А. С. Архангельскаго. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1903. Цѣна 2 р.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Ивуа, Поль. Въ Китаѣ. Романъ, въ переводѣ А. А. Эпквистъ. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 368. Цѣна 2 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— Карзинъ, Н. Н. Съ сѣвера на югъ. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Томъ I. Стр. 346+П.—Томъ II. Стр. 308+П. Цѣна за оба тома 3 р.“

— Каррьеръ, М. Драматическая поэзія. Переводъ В. А. Яковлева. С.-Пб. 1898. Стр. 189+1. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— Коржинская, О. М. Индійскія сказки. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. Стр. IV+235. Цѣна въ перепл. 3 руб. 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— Круберъ, А., С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ. Европейская Россія. Иллюстрированный географическій сборникъ. Изданіе т-ва И. Н. Кушперевъ и К°. М. 1904. Стр. VI+581. Цѣна 2 р.“ (также въ ученическія библіотеки городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— Либровичъ, Сигизмундъ. Неполомицкій царевичъ. С.-Пб. 1903. Стр. IV+108. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста).

— Майковъ, П. М. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. С.-Пб. 1904. Стр. XI+474+278. Цѣна 4 р.“ (для старшаго возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Минцловъ, С. Р. Въ грову. Историческая повѣсть изъ эпохи Петра Великаго. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 317. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Нансенъ, Фритъофъ. На крайнемъ сѣверѣ. Жизнь эскимосовъ. Сокращенный переводъ О. Н. Поповой. Изданіе О. Н. Поповой. (Разказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1903. Стр. 94. Цѣна 30 коп.“ (для средняго и младшаго возрастовъ, а также въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Номенъ, Я. К. Записки о пребываніи Петра Великаго въ Нидерландахъ въ 1697/98 и 1716/17 гг. Переводъ, введеніе и примѣчанія В. Кордта. Кіевъ. 1904. Стр. 93. Цѣна 1 руб.“ (для старшаго возраста).

— „Петровичъ, М. По Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и наброски. Очеркъ 1-й. М. 1903. Стр. II+77. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Потѣхинъ, А. А. Сочиненія. Томъ I. Повѣсти и рассказы. Изданіе т-ва „Просвѣщеніе“. С.-Пб. 1903. Стр. 406. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Разинъ, А. Е. Пангеранъ-Пугарь, яванскій охотникъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 58. Цѣна 25 коп.“ (для младшаго и средняго возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Ресслеръ, Г. Электродвигатели переменнаго и трехфазнаго тока. Переводъ съ нѣм. подъ ред. В. И. Угрюмова. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1902. Стр. 214. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Русскій музей Императора Александра III. Текстъ Н. П. Врешко-Брешковскаго. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. XI+92. Цѣна 5 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „де-Сегюръ, Каникулы. Переводъ съ французскаго. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 326. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Смирновъ, А. П. Наша доля—Божья воля. 2-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 373. Цѣна 1 р. 75 коп., въ перепл. 2 р. 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Смирновъ, Е. И. Простѣйшіе опыты для объясненія явленій природы. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. 243+IV. Цѣна 35 коп.“

— „Станюковичъ, К. Мунька. Похожденія одной собаки. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 55. Цѣна 40 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Станюковичъ, К. М. Севастопольскій мальчишъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 263. Цѣна 2 руб. 75 коп., въ перепл. 3 руб. 50 коп.“ (для средняго возраста и для выдачи въ награду учащимъ означеннаго возраста, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Твенъ, Маркъ. Приключенія Тома Сойера. Переводъ М. Нижолгаевой. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 404. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Умановъ-Каплуновскій, В. В. Славянская муза. Сбор-

никъ переводныхъ стихотвореній. 3-е испр. изданіе. С.-Пб. 1904. Стр. XI+I+169. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Хёттонъ, Фредерикъ-Волластонъ. Чтенія объ эволюціи. Переводъ съ англ. М. Александровича. Изданіе О. Н. Поповой. „Образовательная библіотека. Серія V, № 4). С.-Пб. 1903. Стр. 77. Цѣна 40 коп.“

— „Чистяковъ, С. А. Исторія Петра Великаго. 2-е изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 512+IV. Цѣна 5 р.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Eskermann, Johann Peter. Gespräche mit Goethe. Ausgewählt und systematisch geordnet sowie mit Einleitung und Anmerkungen herausgegeben von Johannes Ohquist. Verlag von W. G. Teubner. Leipzig. 1903. Стр. 105. Цѣна не обозначена.“ (для старшаго возраста).

— „Яковлевъ, Н. Н. Геологическая исторія животнаго царства. (введеніе въ изученіе палеонтологіи). Изданіе О. Н. Поповой. (Образовательная библіотека. Серія V, № 7). С.-Пб. 1903. Стр. 92. Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста).

2. Допустить условно слѣдующія книги.

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Аллеядорфъ, Иванъ. Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть 1-я, 15-е изданіе. М. 1904. Стр. VIII+164. Цѣна 70 коп.“ (для двухъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ нѣмецкій языкъ преподается по грамматическому методу, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ были устранены недостатки).

— „Вельмиъ, Я. I. Нѣмецкая коммерческая корреспонденція. Изданіе И. С. Козлова. М. 1904. Стр. 112. Цѣна 80 коп. въ папкѣ.“ (для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была снабжена оглавленіемъ и алфавитнымъ словаремъ).

б) въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Юревичъ, Г. Я. Собраніе арифметическихъ задачъ. С.-Пб. 1904. Стр. 106. Цѣна 25 коп.“ (для подготовительныхъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книги были устранены недостатки ея).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Томъ I. Жители юга. 5-е изданіе, испр. и дополи. С.-Пб. 1897. Стр. XI+652. Цѣна

3 р. 75 коп.“ (для старшаго возраста, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были устранены недостатки).

— „Ганъ, И. К. Спутникъ правописанія. Изданіе 6-е. Вильна. 1904. Стр. VI+106. Цѣна 30 коп.“

— „Бруберъ, А., С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ. Азія. Иллюстрированный географическій сборникъ. Изданіе 2-е, испр. и доп., т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1904. Стр. VШ+548. Цѣна 2 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Журналъ: „Русскій Филологическій Вѣстникъ“, издаваемый проф. Сминовымъ—признать достойнымъ рекомендаціи со стороны министерства народнаго просвѣщенія для выписки въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, какъ за прошлые годы изданія журнала, такъ и на будущее время, посредствомъ особаго циркуляра попечителямъ учебныхъ округовъ.

— Книгу: „Лукьяновъ, Н. С. Физическій кабинетъ среднихъ учебныхъ заведеній. Устройство и оборудованіе помѣщенія, описаніе физическихъ приборовъ и опытовъ съ ними. Выпускъ I. Полтава. 1903. Стр. II+97+2 табл. Цѣна 1 р. 50 коп. — Выпускъ II. Опыты по механикѣ. 1904. Стр. (97—213). Цѣна 1 р. 50 к.“ признать заслуживающею рекомендаціи со стороны министерства народнаго просвѣщенія для обязательнаго пріобрѣтенія всѣми средними учебными заведеніями, имѣющими физическіе кабинеты, посредствомъ особаго циркуляра попечителямъ учебныхъ округовъ.

— Изданіе: „Природа и жизнь. Журналъ художественно-литературный, общественно-историческій и популярно-научный, для семейнаго чтенія и юношества. Редакторъ-издатель Н. П. Дучинскій. Въ годъ 52 №№ и 12 книгъ. Подписная цѣна 3 руб. съ доставкой и пересылкой.“—Допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній

— Книгу: „Дингельштедъ, В. Сельскохозяйственная гидравлика. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1904. Стр. XVI+512. Цѣна 4 р.“—допустить къ бесплатнаго народнаго бібліотеки и читальни.

— Книгу: „Инжуль, Екатерина. Американская школа. Очерки методовъ американской педагогики. 2-е издѣніе и дополн. изданіе. С.-Пб. 1904. Стр. XVII+374. Цѣна 2 р.“—признать заслуживающею рекомендаціи, посредствомъ особаго циркуляра попечителямъ учебныхъ округовъ, вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки сихъ заведеній, а также вполне пригодною для бесплатныхъ народныхъ читальнъ и бібліотекъ.

— Изданіе: „Шахматное обозрѣніе. Ежемѣсячный журналъ, посвященный играмъ въ шахматы и шашки. Редакторъ-издатель П. П. Бобровъ. Москва. Цѣна 7 р. за годъ.“—допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустити слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Борисовъ, Ф. П. «Родное». Книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. VI+386. Цѣна 65 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Евсѣевъ, И. Е. Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ. Изд. 8-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. IV+16. Цѣна 8 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Житковъ, С. В. Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариметикѣ. Задачникъ для учениковъ. 13-е изд. С.-Пб. 1903. Стр. II+126+V Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Ислентьевъ, Владиславъ. Учебникъ русскаго языка для инородцевъ. Казань. 1903. Ч. I. Изд. 3-е. Стр. 122. Цѣна 25 коп.— Ч. II. Изд. 2-е. Стр. 148+VI. Цѣна 40 коп.“

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Житковъ, С. В. Методика ариметики. Изд. 7-е, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+176. Цѣна 75 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій).

— „Житковъ, С. В. Сборникъ ариметическихъ упражненій съ учителемъ. Пособіе для учителя. Изд. 7-е, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1903. Стр. 2+160. Цѣна 40 коп.“

— „Тихомировъ, Д. И. Книга для церковнославянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Часть I. Изд. 6-е. М. 1902. Стр. VIII+267. Цѣна 1 руб.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:¹⁾

— „Алтаевъ, А. Въ волшебной странѣ ацтековъ. Изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе» (Библіотека для семьи и школы). М. 1904.

¹⁾ Сочиненія, допущенныя въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Стр. 215. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ).

— „Догановичъ, Анна. Дѣдъ Игнатъ. Изд. В. С. Спиридонова М. 1904. Стр. 66. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп.“

— „Додэ, А. Два отца. Переводъ съ франц. Н. Раменской. № 451 М. 1903. Стр. 71. Цѣна 3 коп.“

— „Додэ, Альфонсѣ. Маленькій человекъ. (Исторія одного ребенка). Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 292+II. Цѣна 1 руб.“

— „Дрожжинъ, С. Пѣсни крестьянина. Стихотворенія. № 317. М. 1898. Стр. 92+III. Цѣна 10 коп.“

— „Елнинъ, И. Огородничество и садоводство. III. Какъ ухаживать за цвѣтами. Новое, испр. и доп. изд. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 33-я) М. 1903. Стр. 38. Цѣна 10 коп.“

— „Елпатьевскій, К. Разказы и стихотворенія изъ русской исторіи. 2-е изд. доп. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+432. Цѣна 1 р.“

— „Женеврѣ, А. Маленькій разносчикъ (продавецъ спичекъ). Полный переводъ съ франц. Е. Д. Давыдовой. Изд. В. И. Губинскаго С.-Пб. 1903. Стр. 250. Цѣна 1 р.“

— „Истоминъ, В. А. Всеобщая исторія. Выпускъ I. Чтенія изъ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. Изданіе комиссіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1904. Стр. 116+1 карта. Цѣна не обозначена.

— „Карамышевъ, Н. Д. За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ. Чита. 1903. Стр. II+87. Цѣна 40 коп.“

— „Л., М. Сказаніе о храбрѣмъ Роландѣ. М. 1901. Стр. 32. Цѣна коп.“

— „Лабулэ, Эдуардъ. Любимыя сказки. Переводъ П. Доброславина и Н. Мазуренко. Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903-Стр. 204. Цѣна 1 р.“

— „Лукашевичъ, Клавдія. 1) Богатыри Севастопольскіе. Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Краткая біографія. М. 1904. Стр. 108. Цѣна 10 коп. — 2) Штурмъ Малахова кургана 27 августа 1855 года. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп. — 3) Последніе дни Севастополя. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп. — 4) Пресвященный Инокентій въ осажденномъ Севастополѣ. 1) Врачъ духовный. 2) Врачи тѣлесные. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.— 5) Памятники славной обороны Севастополя. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.— 6) Последній взглядъ на Севастополь. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп. (Дешевыя изд. И. Д. Сытина).“

— „Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Разказы и сказки. Томъ I-й. 6-е изданіе. (Библіотека «Дѣтскаго чтенія»). М. 1902. Стр. 211. Цѣна 1 руб.“

— „Немировичъ-Данченко, В. И. На краю свѣта. Другъ за друга. 3-е изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе» (Библіотека „Для семьи и школы“). М. 1903. Стр. 222. Цѣна 75 коп.“

— „Орловскій, Сергѣй. Горе Салима. № 438. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 1½ коп.“

— „Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло и что для него полезно и вредно. Переводъ съ англійскаго. Съ предисл. И. Горбунова-Посадова. № 300. М. 1898. Стр. 72. Цѣна 20 коп.“

— „Перелыгинъ, Н. И. Сиротки. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 24. Цѣна 15 коп.“

— „Разумовъ, Н. И. Что море говоритъ. Очерки для дѣтей. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. Стр. 35. Цѣна 20 коп.“

— „1) Русско-японская война. Ляо-Дунъ или Квантунская область. Стр. 63+1 карта. Цѣна 8 коп.—2) Русско-японская война. (8 и 9 недѣльн. войны). Изъ Россіи въ Портъ-Артуръ. Стр. 68. Цѣна 8 коп. (Дешевая иллюстрированная библіотека №№ 4 и 5. Изданіе Н. П. Дучинскаго. С.-Пб. 1904).“ (вмѣстѣ съ тѣмъ допустить все изданіе „Русско-японская война“ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Сенкевичъ, Генрикъ. Камо грядеши? Сокращено по изданію «Русской мысли» въ переводѣ В. М. Лаврова. (Библіотека «Юнаго читателя»). Изданіе 2-е. С.-Пб. Стр. 362. Цѣна 1 р.“

— „Смисоевъ, В. М. Вѣчная труженица и вѣчная кормилица. Изданіе М. В. Клякина. М. 1904. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „Тарнавскій, А. Л. 1) Русско-японская война. Стр. 22.—2) Красный крестьян. 1-е приложеніе къ № 2 Циркуляръ для народныхъ учил. Оренбургскаго уч. окр. за 1904 г. Стр. 14.—3) Русскій флотъ. Стр. 16.“

— „Тихомировъ, Д. И. Жизнь и труды. В. А. Жуконск. 3-е изданіе ред. журн. «Дѣтское Чтеніе» (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 55. Цѣна 10 коп.“

— „Тихомировъ, Д. И. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. 4-е изданіе. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 56. Цѣна 10 коп.“

— „Тихомировъ, Е. и Д. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. (Библіотека «Дѣтскаго чтенія»). Изданіе 12-е. М. 1899. Стр. 85. Цѣна 10 коп.“

— „Хатунскій, Сергѣй. Приключенія крестьянскаго мальчика. Изданіе кн. маг. С. Курнинъ и К°. М. 1904. Стр. 106. Цѣна 50 коп.“

г) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки 1).

— „Бодриларъ. Приключенія бутылки съ виномъ, рассказанныя ею самою. Съ франц. перевела В. Величкина. № 445. М. 1903. Стр. 159. Цѣна 15 коп.“

— „Бретъ-Гартъ. I. Рождественская ночь. II. Счастье «Ревущаго стана». № 126. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

1) Книги, допущенныя въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

- „Вульфсонъ, Э. С. Лихой врагъ. (Быль). № 476. М. 1904. Стр. 53. Цѣна 3 коп.
- „Горбуновъ-Посадовъ, И. Сердечный другъ. Пѣсенникъ. № 471. М. 1903. Стр. 31. Цѣна 1½ коп.“
- „Гребницкій, А. С. Уходъ за плодовымъ садомъ. 2-е, просм. и знач. дополн. изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+290. Цѣна 1 р. 25 коп.“
- „Дальний Востокъ. Корей.—Японія.—Маньчжурія. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ (также для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ).
- „Дебу, К. И. Рукводство къ выбору и уходу за сельско-хозяйственными машинами и орудіями. Орудія для подготовки почвы къ посѣву. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. бібліотека). С.-Пб. 1903. Стр. II+328. Цѣна 1 р. 50 коп.“
- „Догановичъ, Анна. Печальникъ земли русской. Изд. 3-е, измѣн., В. С. Спиридонова. М. 1904. Стр. 73. Цѣна 40 коп.“
- „Живописная Россія. Томъ III. Изданіе г-на М. О. Вольфа. С.-Пб. 1903. Стр. V+620. Цѣна 4 руб. 50 коп., въ колѣнк. перепл. 5 р. 25 коп.“
- „Журововъ, С. В. Злая невѣстка. № 57. (Для взрослыхъ). М. 1901. Стр. 31. Цѣна 1½ коп.“
- „Зубрилинъ, А. А. Ленъ и обработка его на волокна. 4-ая бесѣда. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь.) Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. (Книжка 34-ая). М. 1903. Стр. 40. Цѣна 4 коп.“
- „Ирвингъ, В. Жизнь Магомета. Переводъ Л. П. Никифорова. Изд. 2-е, М. В. Ключина. (Общепольная бібліотека для самообразованія. №№ 23 и 24). М. 1902. Стр. VI+367. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (также въ ученическихъ, старшаго возраста, бібліотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).
- „Любичъ-Косуровъ, І. А. Картины современной жизни. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1902. Стр. 67. Цѣна 37 коп., въ накѣ 50 коп.“
- „Мопассанъ, Гюи де. Какъ Симонъ нашелъ себѣ отца. Съ франц.—Дитя стрѣлочника. Быль. Съ англ. № 491. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 1½ коп.“
- „Потѣхинъ, Л. А. Доходное пчеловодство. Изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1902. Стр. 54. Цѣна 25 коп.“
- „С., Н. Японія и начало военныхъ дѣйствій ея съ Россіей. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна не обозначена“ (также для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ).
- „Сабина, М. По горамъ и пустынямъ Средней Азій. (Библіотека „Юнаго читателя“). С.-Пб. 1903. Стр. 94. Цѣна 25 коп.“
- „Тулуповъ, Н. В., и П. М. Шестаковъ. Для народнаго учителя. Выпускъ 1-й. Законы, правительственныя распоряженія и другія свѣдѣнія, относящіяся къ быту народныхъ учителей, за 1903 г. Изд. неофициальное. М. 1904. Стр. 51+II. Цѣна 7 коп.“

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Каптеревъ, Александръ. Священная исторія Ветхаго Завета. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 192. Цѣна 40 коп.“ (для 2-хлассныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Газету: „Биржевыя Вѣдомости“ (въ обоихъ изданіяхъ)—допустить при настоящей ея редакціи, къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Изданіе: „Природа и жизнь. Журналъ художественно-литературный, общественно-историческій и популярно-научный для семейнаго чтенія и юношества. Редакторъ-издатель Н. П. Дучинскій. Въ годъ 52 №№ и 12 книгъ. Подписная цѣна 3 руб. въ годъ“ — допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Изданіе: „Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны (по официальнымъ даннымъ, свѣдѣніямъ печати и показаніямъ очевидцевъ). Изд. ред. „Новаго журнала иностранной литературы“ (Ө. И. Булгаковъ). С.-Пб. 1904. Цѣна только по подпискѣ 50 к. за выпускъ, съ перес. 70 к.“— допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Книгу. „Герасимовъ, П. Н. Въ подарокъ дѣтямъ. 5 разсказовъ. Изд. 3-е, доп., П. И. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 87. Цѣна 1 р. 25 коп.“— допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ¹⁾.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— Бокъ, Е. 1) Краткій курсъ ботаники. Изданіе 2-е испр. магаз. «Сотрудникъ школь». М. 1903. Стр. 68. Цѣна 40 коп.—2) Учебникъ бота-

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1904. № 7.

ники. Изданіе магаз. «Сотрудникъ школъ». М. 1904. Стр. 329. Цѣна 1 р. 45 коп.“ (для женскихъ учебныхъ заведеній).

— „Westermann, Ernst. Deutsche Grammatik. 3-te, verbesserte Auflage. Verlag von N. Kummel. Riga. 1904. VIII+92 S. Preis 50 Kop.“ (для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „Виноградовъ, П. Начальный курсъ латинскаго языка. Изданіе 9-е. М. 1904. Стр. II+176. Цѣна 75 коп.“ (съ тѣмъ обязательнымъ условіемъ, чтобы цѣна книги была понижена до 60 коп).

— „Ланге, Георгій. Краткая англійская грамматика. Изданіе М. Лукина. Юрьевъ. 1904. Стр. IV+34. Цѣна 30 коп.“

— „Рыбкинъ, Н. Учебникъ прямолинейной тригонометрии. Изданіе 3-е, соед. въ собраніемъ задачъ, магаз. „Сотрудникъ школъ“. М. 1903. Стр. 163. Цѣна 90 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Адолфъ, А., и С. Любомудровъ. Orbis Romanus pictus. Римскій міръ въ картинкахъ. Часть I-ая, 3-е изданіе К. Тихомирова. М. 1903. Стр. 175. Цѣна 70 коп. въ папкѣ“ (для младшихъ классовъ).

— „Верещагинъ, Ю. И. Сборникъ образцовъ для историко-литературнаго изученія русской словесности. Изданіе В. В. Думнова. Часть I. Народная словесность и прозаическія литературныя произведенія. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+544. Цѣна 1 р. 75 коп.—Часть II. Поэтическія литературныя произведенія до Пушкина. С. Пб. 1904. Стр. IV+778+II. Цѣна 3 р.“ (для старшихъ классовъ).

— „Городцовъ, Павелъ. Краткіе очерки православнаго христіанскаго нравоученія. 4-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. 112+III. Цѣна 50 коп.“ (для VII и VIII классовъ гимназій).

— „Ковальскій, Я. Карта видимыхъ перемѣненій планетъ Юпитера и Сатурна въ текущемъ 1904 году. С.-Пб. Цѣна 10 коп.“ (въ качествѣ класснаго учебнаго пособія для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается космографія, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Koch, Arthur. Deutsches Lesebuch für mittlere Lehranstalten. Erster Teil. Abteilung I. Mit einem deutsch-russischen Wörterbuche. St. Ptb. 1904. III+97+34 S. Preis geb. 60 Kop.—2) То же Abteilung II. Mit einem deutsch-russischen Wörterbuche. St. Ptb. 1904. 138+34 S. Preis geb. 70 Kop.—3) То же. Оба отдѣла въ одной книгѣ. Цѣна въ перепл. 1 р. Словари отдѣльно 20 коп.“ (для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „Цезарь, Гай Юлій. Записки о галльской войнѣ. Книга II. Объяснилъ А. Трейманъ. Ковно. 1903. Стр. VIII+23. Цѣна 40 коп.“ (съ тѣмъ непрелѣпнымъ условіемъ, чтобы цѣна книги была понижена до 25 коп.).

— „Caesaris, C. Iulii, commentarii de bello Gallico, съ объясненіями, сост. Андреемъ Адольфомъ. Изданіе 4-е, К. И. Тихоми-

рова. М. 1904. Часть I. Латинскій текст. Стр. XIII+168.—Часть II. Введеніе, объясненія, геогр. указатель и карта Галліи. Стр. XXVIII+198+1 карта Цѣна за обѣ части 1 р. 60 коп. въ папкѣ.“

— „Ciceronis, M. T. Somnium Scipionis. Латинскій текстъ съ введеніемъ, примѣч. и словаремъ, составл. В. Д. Покровскимъ. Тифлисъ. 1903. Стр. 120. Цѣна 65 коп.“

— „Stein, Eugenie. First English Reader. Part I. St. Pbg. 1904 Стр. XVI+203. Цѣна безъ перепл. 85 коп.“

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Андреевская, М. Люди умираютъ, но дѣла ихъ живутъ. Три разсказа для дѣтей. Казань. 1904. Стр. 131. Цѣна 1 р.“ (для средняго возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Апраксинъ, А. Д. Мой мальчикъ. Изданіе т-ва Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 90. Цѣна 1 руб., въ колѣнк. перепл. 1 руб. 75 коп.“

— „Булдыгинъ, П. Повѣсти и очерки. Томъ II. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1903. Стр. 263. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Быстровъ, М. Ф. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. Сборникъ чтеній. Изданіе А. К. Пурышева. С.-Пб. 1904. Стр. VІІІ+216. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Welter, G. Les fautes que font les Russes en parlant français. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 30 коп.“

— „Вольногорскій, Н. По бѣлу свѣту. Иллюстрированная географическая бібліотека. Вып. 1-й. Страна живыхъ ископаемыхъ. Черты изъ жизни животныхъ Австраліи. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. 102. Цѣна 5 коп.“ (для средняго и младшаго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

— „Желиховская, В. П. Во имя долга. Кукла. Надъ пучиной. Три разсказа для юношества. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1899. Стр. 361. Цѣна не обозначена“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя бібліотеки и читальни).

— „Ивановъ, Ив. Вопросы молодости. С.-Пб. 1904. Стр. IV+233. Цѣна 90 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Крейбихъ, І. К. Пять чувствъ человѣка. Переводъ съ нѣм. подъ ред. І. А. Шапиро. Изданіе В. И. Губинскаго. С. Пб. 1903. Стр. 150. Цѣна 45 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Лоджъ, Оливеръ. Электроны. Переводъ съ англійск. В. М. Филиппова. Изданіе О. Н. Поповой. (Образовательная бібліотека. Серія V, № 8). С.-Пб. 1904. Стр. 121. Цѣна 25 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Дядкѣй, Евг. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. С.-Пб. 1904. Стр. 263. Цѣна 2 р.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Медвѣдевъ, Л. Въ гимназіи. Изданіе М. В. Ключкина. М.

1904. Стр. 240. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ накѣ 1 руб. 50 коп.“ (для средняго и младшаго возрастовъ, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Нелюбовъ, Д. Природа растений. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1903. Стр. IV+296. Цѣна 2 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Опоковъ, З. Русскій орографическій словарь. Кіевъ. 1903. Стр. 200. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя библіотеки).

— Полянъ, Людовикъ. Нищенствующій Парижъ. Переводъ А. Тулубьева. С.-Пб. 1898. Стр. IV+172. Цѣна 1 р.“ (также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Ревлю, Элизе. Земля. Описаніе жизни земного шара. Изданіе О. Н. Поповой. Выпускъ I. Земля какъ планета. Горы и равнины. Переводъ И. Добкевича. Подъ ред. Н. Березина. С.-Пб. 1898. Стр. 185. Цѣна 90 коп.—Выпускъ II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Переводъ подъ ред. Н. Березина. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1903. Стр. II+335. Цѣна 1 р. 30 коп.—Выпускъ III. Подземныя силы. Переводъ подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 231. Цѣна 1 р. 10 коп.—Выпускъ IV. Океанъ. Переводъ Д. Д. Струнииа. Подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 262+II. Цѣна 1 р. 10 коп.—Выпускъ V. Атмосфера и воздушныя явленія. Переводъ подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 214. Цѣна 1 р.—Выпускъ VI. Жизнь. Переводъ Д. А. Коропчевскаго. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 278. Цѣна 1 руб.“ (для старшаго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни).

— „Сервиссъ, Гарретъ П. Астрономія съ биноклемъ. Переводъ съ англ. М. И. Кисловскаго. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. Стр. 162. Цѣна 1 р.“

— „Станюковичъ, К. М.: Исторія одной жизни. Изданіе А. А. Карцова. М. 1896. Стр. 294. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно въ бесплатныя народныя читальни).

— „Стокманъ-Диксонъ, М. Какъ былъ открытъ новый свѣтъ. Переводъ съ англ. Д. А. Коропчевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. Стр. 198. Цѣна 60 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „Сысоева, Е. А. Исторія маленькой дѣвочки. Изданіе 4-е, ред. журн. „Родникъ“. С.-Пб. 1904. Стр. 400. Цѣна не обозначена“ (для средняго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Чарская, Л. А. Записки институтки. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 286. Цѣна 2 р. 25 коп., въ перепл. 3 р.“ (также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Чарская, Л. А. Книга Джаваха. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 336. Цѣна 2 р. 25 коп., въ перепл. 3 руб.“ (для младшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Чистяковъ, М. Корни и плоды. Повѣсти для дѣтей. Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 273. Цѣна 1 р. 75 коп., въ

коленк. перепл. 2 р. 50 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Щепкина-Куперникъ, Т. Л. Рассказы для дѣтей. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. Стр. 231. Цѣна 1 р.“ (для средняго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Gahlnbäck, E. Deutsche Grammatik mit Übungsaufgaben u 4 Beilagen. 3. Auflage. St. Ptb. 1904. 128 S. Preis 65 Kop.“ (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены погрѣшности).

— „Гаммъ, Давидъ. 1) Практическій курсъ нѣмецкаго языка по натуральному методу къ картинамъ Гельцеля: 1. Осень. 2. Зима. 3. Весна. 4. Лѣто. 1-й и 2-й годъ обученія. Уральскъ. 1904. Стр. 118. Цѣна 1 р.— 2) То же къ картинамъ Гельцеля: Крестьянскій дворъ. 3-й годъ обученія. Уральскъ. 1904. Стр. 71. Цѣна 65 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы цѣна книжекъ была понижена — 1-ой до 75 коп., 2-ой до 50 коп., а кромѣ того, чтобы въ 1-ой книжкѣ текстъ былъ приспособленъ къ пользованію картинами въ ихъ настоящемъ видѣ, или же чтобы самыя картины 4-хъ временъ года, приложенныя къ книгѣ, были исполнены въ краскахъ).

б) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Верещагинъ, Ю. Н. Темы и задачи по исторіи и теоріи словесности. Изданіе В. В. Думнова. С.-Пб. 1903. Стр. 243. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи былъ исключенъ отдѣлъ А. А. Разборъ данныхъ образцовъ).

— „Красильниковъ, Ф. С. Малороссія и малоруссы. М. 1904. Стр. II+56. Цѣна 25 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученнаго комитета).

— „Thomson, G. Erzählungen aus dem Leben der Thiere. I. M. 1904. Стр. 43. Цѣна 12 коп.“ (для средняго возраста, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены недостатки).

— „Щеголовъ, В. Г. Государственный Совѣтъ въ Россіи. (Общедоступная бібліотека правовѣдѣнія, издаваемая обществомъ распространенія полезныхъ книгъ подъ ред. Г. С. Фельдштейна). М. 1904. Стр. 38. Цѣна 5 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены замѣченныя погрѣшности).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Дурасовъ, М. С. Краткій курсъ русскаго торговаго

20. **РОДНЫЯ КАРТИНЫ.** О воинственномъ профессорѣ Мигулинѣ и о его завоевательныхъ планахъ. О томъ, какъ г. Гринмутъ отдалъ подь судъ южную прессу. Земскіе начальники въ качествѣ экзаменаторовъ въ сельскихъ школахъ. Страхование жизни съ христіанской точки зрѣнія Мелочи. **Александра Яблоновскаго.** 69— 84
21. **СО СТОРОНЫ.** О любви къ дальнему и любви къ ближнему. **Волжскаго** 85—105
22. **НА ЗАПАДѢ.** (Изъ Германіи). Мирбаховская эпопея. **Г. Гроссмана.** 106—119
23. **КРИТИКА И ВИБЛЮГРАФІЯ.** 1. А. Шницлеръ. Одинокій путь. **В. Фриче.** 2. О. Кюльпе. Современная философія въ Германіи. **В. Базарова.** 3. Г. Геффдингъ. Философскія проблемы. **А. Луначарскаго.** 4. Ж. Фино. Философія долговѣчности. **А. Вирениуса.** 5. Э. Дюкло. Соціальная гигиена. **Л. Василевскаго.** 6. В. И. Линдъ. Учитъ ли мужика или у него учиться. **Л. Л—о.** 7. Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Евр. и Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ. 8. Е. Бутми. Развитие государственнаго и общественнаго строя Англіи **И. Степанова.** 9. А. В. Зеленинъ. Очерки изъ животнаго царства. **Н. Малышева.** 10. Ив. Теокистовъ Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. **А. И. Лебедевъ.** Дѣтская и народная литература 11. Путешествіе вокругъ свѣта. **Э. Р. Циммермана** **Н. Леонтьевой.** 12. Проф. Г. Турнеръ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ.—**Н. Чигаевъ.** Уходъ за больными.—Карманная книжка для сестеръ и братьевъ милосердія.—Проф. Э. Бергманъ. Первая хирургическая помощь. **Д-ра Д. Никольскаго.** 13. М. Э. Быстровъ. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. **А. Липовскаго.** Книги поступившія въ редакцію. 120—162
24. Книжный листокъ. 65— 80

Вышло новое паданіе редакціи журнала „Образованіе“:

ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ

Т. ГЕРЦЛЯ.

переводъ съ нѣмецкаго **А. Далаиской.**

ЦѢНА 1 р. съ перес.

Продолжается подписка на 1904 г.

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„Образование“.

Цѣна за годъ 6 р. съ перес., полгода — 3 р.,
за границу 8 руб.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: СПБ. Моховая, 33. Въ Москвѣ при книжн. магаз. П. Путиловой (Арбатъ, 17), „Трудъ“ и у Н. Печковской. Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образование“ (Ришельевская).

1) *Рукописи*, присылаемые въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ.

2) По поводу непринятыхъ статей редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятые статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятые же сохраняются въ теченіе *полугода* и возвращаются по почтѣ *только* по уплатѣ почтового расхода деньгами или марками.

4) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

5) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтамта направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

6) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году или сообщать его №.

7) Перемѣна адреса должна быть прислана не позже 10 числа *каждаго мѣсяца*, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 60 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Контора редакціи открыта ежедневно, *кромѣ* праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ *ежедневно* отъ 3 до 4 ч. *кромѣ* пятницъ и праздничныхъ дней.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

ВЫШЛО НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ОБРАЗОВАНИЕ“:

ГЕРМАНСКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Фр. Паульсена,

профессора Берлинскаго университета.

Переводъ съ нѣмецкаго Г. Гроссмана.

Цѣна 1 р. 50 к. in 8, 412 стр.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

























RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

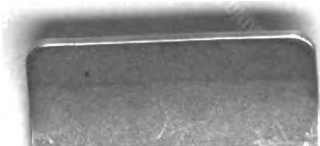
ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

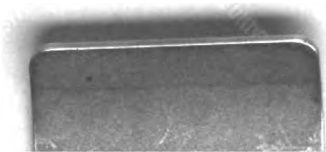
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

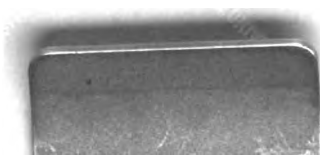
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

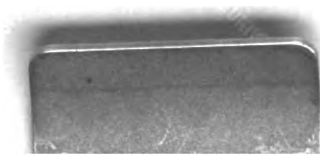
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

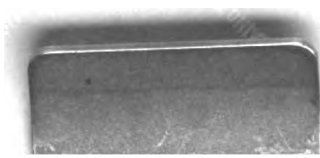
ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

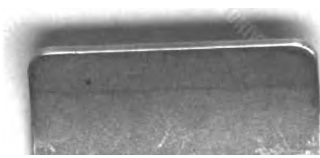
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

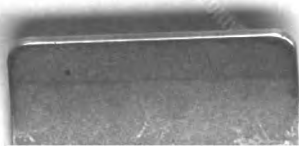
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

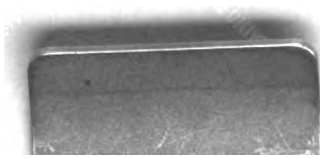
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

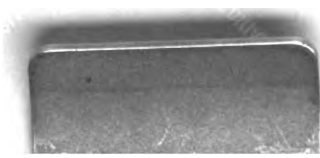
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

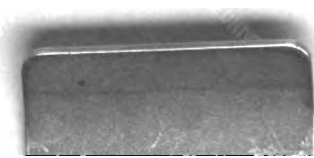
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

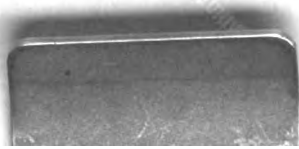
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

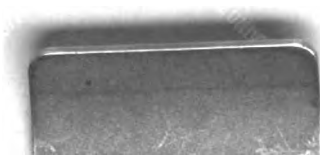
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

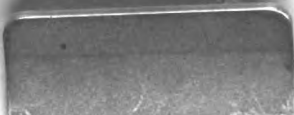
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

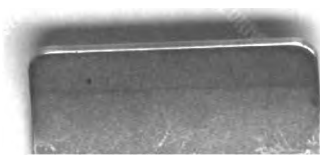
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

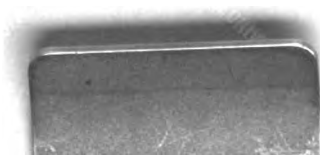
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

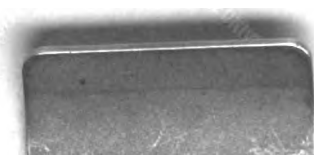
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

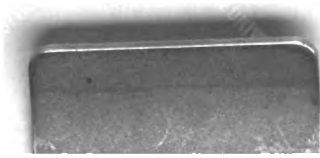
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

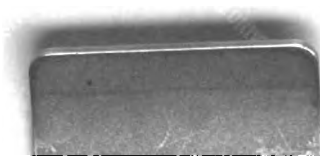
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

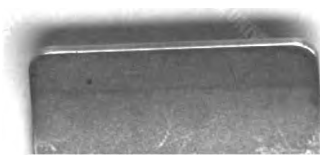
ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

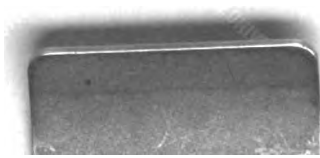
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

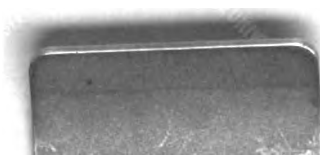
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

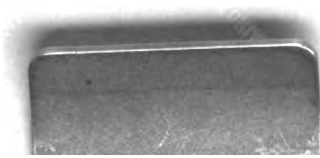
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

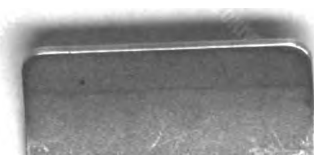
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

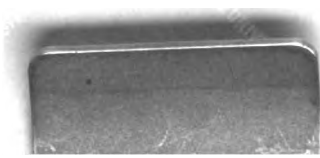
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

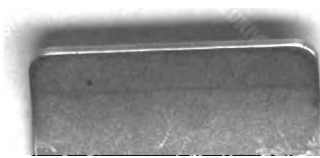
ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

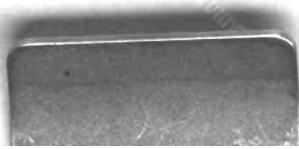
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

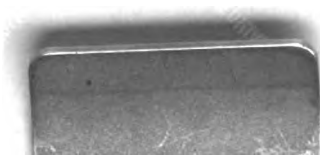
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

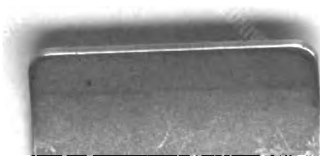
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

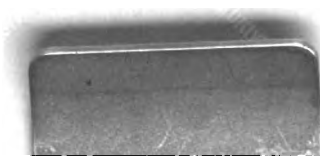
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

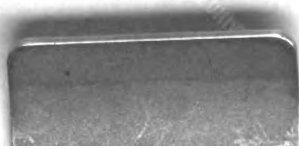
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

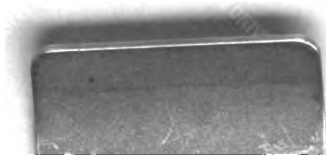
ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

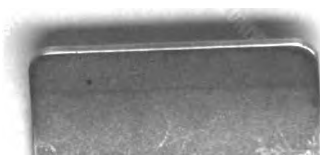
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

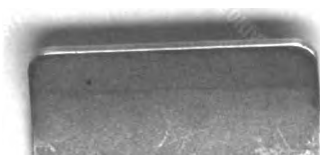
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

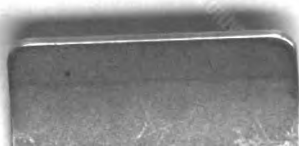
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

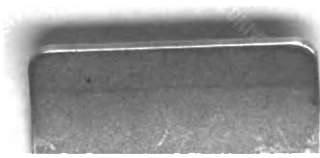
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

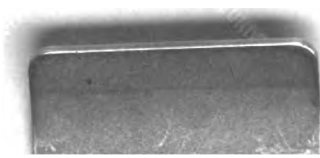
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

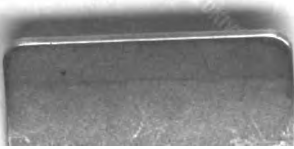
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

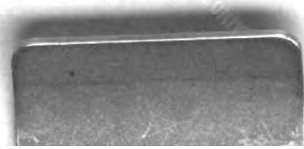
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

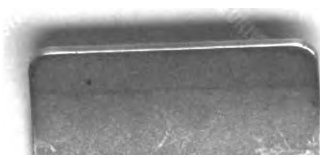
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

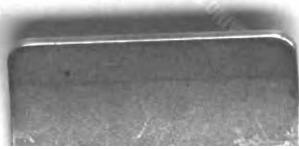
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

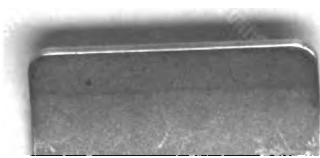
ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

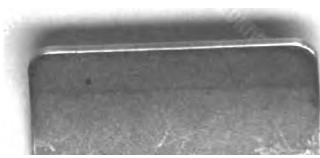
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

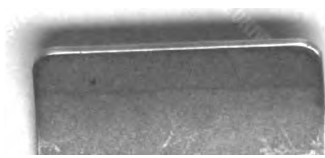
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

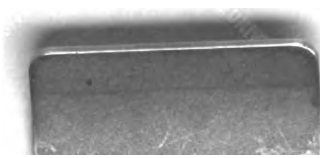
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

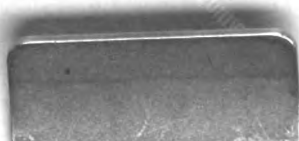
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

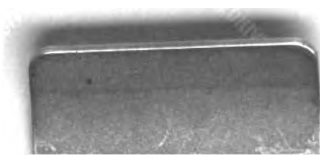
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

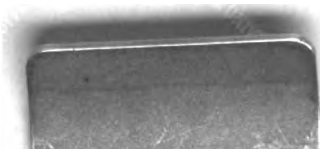
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

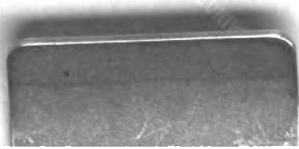
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

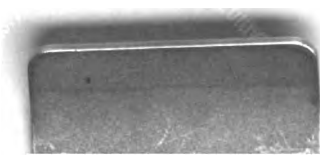
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

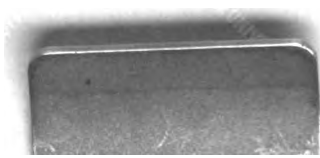
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

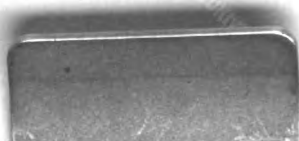
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

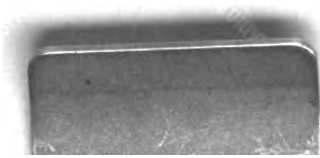
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

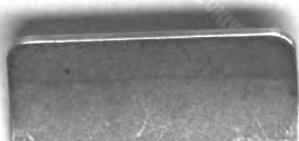
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

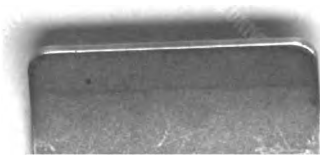
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

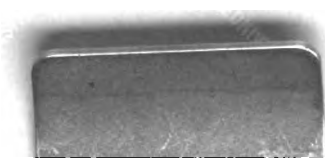
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

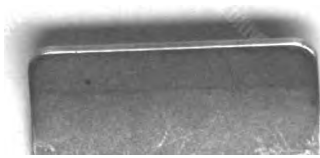
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

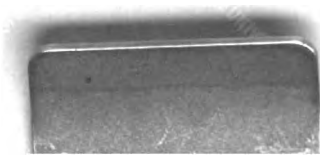
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

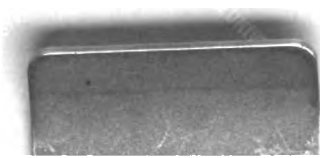
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

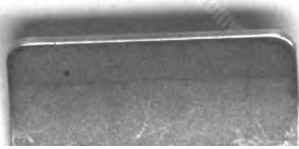
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

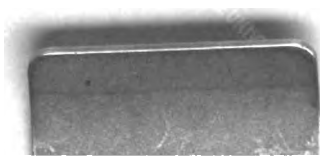
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

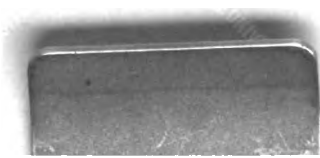
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

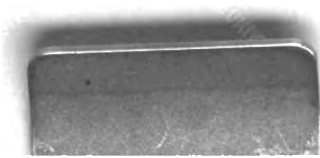
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

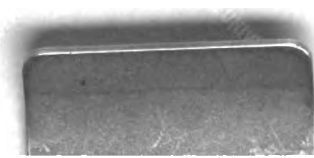
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

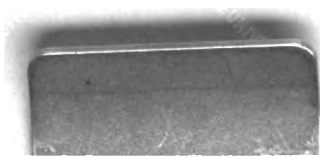
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '80

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

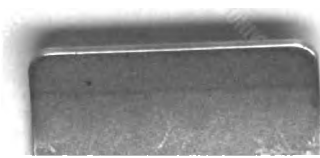
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

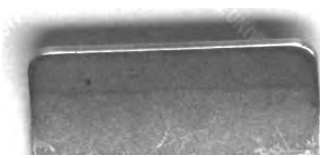
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

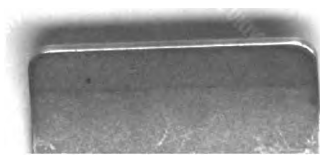
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

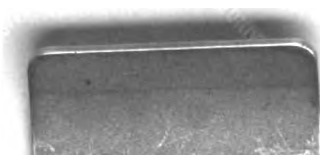
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

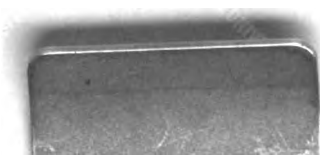
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

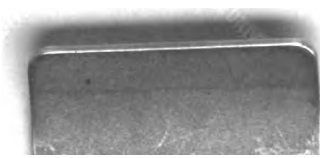
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

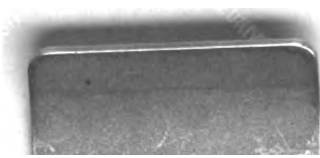
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '80

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

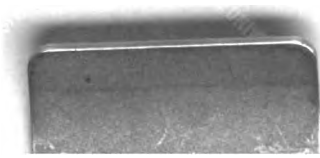
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

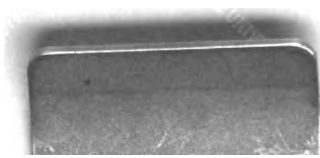
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

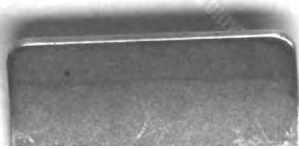
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

NRLF PHOTOCOPY OCT 22 '90

JUL 22 1998

